KB
34
519
I

mb 143757

КЛАССИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ

ДОМАРКСИСТСКОГО ПЕРИОДА

I

М. А. БАКУНИН

МОСКВА — 1934

КБ
34
Б19

М. А. БАКУНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

1828—1876

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
Ю. М. СТЕКЛОВА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
V 143751
М—

ТОМ ПЕРВЫЙ

ДОГЕГЕЛИАНСКИЙ ПЕРИОД

1828—1837

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Супер-обложка и переплет худ. Н. П. Дмитревского

Сдано в производство 23/I—33 г.
Подписано к печати 15/II — 34 г.
Ответств. ред. И. А. Теодорович.
Технический ред. Ф. М. Точилин.
Формат бум. 62×94 см., 30½ п. л.
Изд. № 90. Уполн. Главл. В—30852
В п. л. 38.400 зн. Зак. 1218. Тир. 5200.
Тип.газ. „Правда", ул. Горького, 48.

Цена 8 р. 50 к.
Переплет 1 р. 50 к.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мотивировать полезность и даже необходимость издания собрания сочинений и переписки Михаила Александровича Бакунина долго не приходится. В истории русского революционного движения Бакунин сыграл выдающуюся роль как один из его основоположников, первые выступления которого (пусть в своеобразной, но тому времени соответствующей форме) относятся к 30-м и 40-м годам XIX века и влияние которого было особенно сильно в 70-х годах, в эпоху революционного народничества, развивавшегося в значительной мере под бакунистским флагом. Но Бакунин был не только русским деятелем. Сфера его действия и влияния была гораздо шире и распространялась далеко за пределами его родины. Бакунин является одним из немногих русских людей, сыгравших немалую роль в развитии социальной борьбы в общеевропейском, чтобы не сказать мировом, масштабе (поскольку влияние его учений проникло и в такие районы, как южно-американские государства и т. п.). Нужды нет, что мы не разделяем его взглядов на задачи и формы борьбы рабочего класса за свое освобождение *. Мы однако знаем, что в свое время и в известных условиях они тоже сделали свое дело, пробуждая отсталые группы трудящихся к организации и борьбе (как в романских странах, в России), и что в частности у нас первые теоретики пролетарской революции (члены группы «Освобождение труда») вышли из кругов, получивших начальное политическое воспитание в рамках бакунизма и с его помощью и путем его преодоления доработавшихся затем до понимания марксизма как пролетарской теории par excellence. Нужно также помнить, что в борьбе с попытками Бакунина и его сторонников провести

* Всестороннее освещение бакунизма, являющегося одним из вариантов мелкобуржуазного социализма, будет дано в отдельной статье при третьем томе настоящего издания. Ред.

свою программу и тактику в Первом Интернационале удалось более точно сформулировать программу и тактику революционного коммунизма. По всем этим мотивам следует признать в высшей степени желательным и своеобразным настоящее издание, которое ставит себе целью дать по возможности полный автентичный материал для ознакомления с жизнью, деятельностью и мировоззрением М. А. Бакунина.

Нужно сказать, что это издание даже несколько запоздало. Оно должно было собственно выйти еще в 1926 г., к 50-летию со дня смерти Бакунина, годовщине, которую мы, коммунисты, сочли нужным ознаменовать рядом выступлений, лекций, докладов, статей, книг и пр. В свое время авторитетный орган коммунистической партии признал необходимым издание полного собрания сочинений и переписки Бакунина. Еще до того специальная комиссия по подготовке издания произведений русских «классиков революции», состоявшая под председательством Л. Б. Каменева, соглашаясь выпустить сочинения некоторых из них в сокращенной форме, в виде извлечений и т. п., признала невозможным сделать то же по отношению к сочинениям Бакунина, несмотря на их сравнительно большой объем, и постановила издать их полностью. Мне и было поручено этою комиссиею подготовить, проредактировать и прокомментировать это полное собрание сочинений и переписки М. А. Бакунина. Задача эта была мною в основных чертах выполнена к указанной выше годовщине. Но по ряду технических, финансовых и иных причин издание это долго не двигалось с места, пока за него не взялось Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, решившее приступить к изданию собрания сочинений и писем Бакунина. Теперь благополучное доведение до конца этого предприятия можно считать обеспеченным.

По предварительным подсчетам предлагаемое вниманию читателя собрание сочинений и писем М. А. Бакунина должно составить около 12 томов, примерно в 25 печатных листов каждый (возможно, что этот примерный подсчет окажется даже несколько преуменьшенным), т. е. около 300 печатных листов обычного формата. Таким образом оно будет самым полным из тех, которые до сих пор появлялись на разных языках под названием собрания сочинений Бакунина, не говоря уже о том, что в большинстве случаев (за исключением изданий, выходивших под редакцией Макса Неттлау) эти издания выпускались без писем Бакунина или с небольшим числом его писем. А между тем

М. А. Бакунин является эпистолярным писателем по преимуществу, у которого не только статьи и брошюры служат расширенным комментарием к его переписке, но и обратно, — письма нередко шире и лучше развивают мысли, лишь намеченные в статьях, а нередко и вовсе заменяют эти статьи и брошюры. Если бы даже по воле роковой случайности сочинения Бакунина исчезли с лица земли, но сохранилась его корреспонденция — не говорим вся, а даже ныне нам известная,— то мы по его письмам сумели бы воссоздать его мировоззрение и в особенности его политическую программу и в значительной мере его деятельность. Неудивительно, что в нашем издании переписка Бакунина займет вероятно не меньше, если не больше места, чем его статьи, книги и брошюры в собственном смысле. И мы можем смело сказать, что обилие печатаемой нами переписки Бакунина составляет одно из достоинств настоящего издания.

До сих пор вышли следующие собрания сочинений М. А. Бакунина.

А. У нас в России: 1) издание И. Балашова, под редакцией А. И. Бакунина. Вышло три тома в Спб. в 1906 г., при чем третий том представлял перепечатку изданного в Женеве в 1902 г. сборник писем Бакунина к Герцену и Огареву и нескольких брошюр Бакунина, преимущественно нечаевской поры; 2) в 1915 г. был выпущен в Лондоне под редакцией В. Черкезова один том «Избранных сочинений» М. А. Бакунина (продолжения, насколько нам известно, не было); 3) анархистским издательством «Голос Труда» выпущено в 1919 — 1922 гг. пять томов сочинений Бакунина, почти без писем в обычном смысле этого слова. Все эти издания крайне неполны и отрывочны, плохо редактированы, выпущены чрезвычайно небрежно, переводы в большинстве случаев сделаны скверно и неверно, и вообще эти издания не носят научного характера.

В. На иностранных языках: 1) «Oeuvres» на французском в 6 томах, из коих первый под редакцией М. Неттлау, а следующие под редакцией Д. Гильома, изд. V. Stock, Париж, 1895— 1913; издание, выполненное в общем с большой любовью и добросовестностью, к сожалению не доведено до конца (томы 7 и 8 были своевременно подготовлены к выпуску Гильомом, но война помешала их выходу в свет, что представляет немалую потерю для науки). Здесь тоже почти нет писем в собственном смысле, а из сочинений напечатаны только те, которые

в свое время появились по-французски или по-итальянски, так что и это издание является весьма неполным; 2) Michael Bakunin — «Gesammelte Werke», на немецком языке, 3 тома, Берлин, изд. «Синдикалист», 1921 — 1924, со второго тома под редакцией М. Неттлау, известного бакунинoведа, много сделавшего для воскрешения и увековечения памяти знаменитого анархиста; 3) Miguel Bakunin — «Obras completas», под редакцией того же М. Неттлау, на испанском языке, изд. «La Protesta», вышло три тома, 1924 — 1926, в Буэнос-Айресе; будет ли это издание доведено до конца и насколько оно будет полным, мы не знаем, но совершенно очевидно, что полным в научном смысле слова оно не будет, так как подобно другим аналогичным предприятиям преследует преимущественно агитационные цели.

Уже по тому одному, что настоящее издание будет содержать в 4 — 5 раз больше материала, чем перечисленные предыдущие издания, видно, что оно впервые будет заслуживать названия полного собрания сочинений и переписки М. А. Бакунина. И если оно не будет полным в подлинном смысле этого слова, то лишь по причинам, не зависящим от воли редактора или издателя. Все, что можно было достать, будет включено в наше издание. Не войдет в него лишь то, что по тем или иным причинам находится вне пределов досягаемости издательства или редакции настоящего собрания сочинений Бакунина.

Итак, что даем мы в настоящем издании?

1. Все, что было напечатано из сочинений и писем М. А. Бакунина на русском языке в России или за границей отдельными изданиями, в журналах, газетах, книгах и т. п.

2. Все, что вошло из сочинений или писем Бакунина в издания его произведений на французском, немецком, испанском языках (см. выше).

3. Все, что было опубликовано в иностранных газетах, журналах и пр. из сочинений или писем Бакунина.

4. Все, что нам удалось извлечь из трехтомной литографированной биографии Бакунина, составленной с похвальным трудолюбием, упомянутым Максом Неттлау, которого справедливо можно было бы назвать отцом бакунинoведения.

5. Все, что пока удалось извлечь из европейских архивов различным исследователям и что ими было опубликовано, а также нам лично.

6. Все, что удалось найти в русских архивах, как-то в Ар-

хиве Октябрьской революции, Прямухинском архиве, Историческом музее, Ленинской библиотеке, Ленинградской публичной библиотеке, Ленинградском историко-революционном архиве, Пушкинском Доме, Институте Маркса, Энгельса и Ленина и пр., а также у некоторых частных лиц.

Ясно, что мы даем немало. Но мы даем не все. Чего же мы не даем?

1. То, что из сочинений или писем Бакунина вообще пропало. Так, до нас не дошли его «Записки», если верно, что он начал было писать или диктовать их в Неаполе, Локарно и Лугано; не дошло множество писем, о которых мы наверное знаем, что они существовали, и на которые нам даже известны зачастую ответы (В. Белинского, Н. Станкевича и т. п.). Относительно писем к испанским, французским и итальянским революционерам это не удивительно: при образе жизни профессиональных революционеров, бывших корреспондентами Бакунина, им было не до забот о сохранении писем для будущих историков. Но крайне прискорбно, что пропали такие письма Бакунина, которые могли бы быть и должны были бы быть сохранены для потомства: таковы его письма к Н. Станкевичу, В. Белинскому, Т. Грановскому, В. П. Боткину, И. С. Тургеневу и т. п. Все наши поиски этих писем в течение многих лет остаются бесплодными, несмотря на их важность для истории нашей культуры. И в последнее время я начинаю приходить к мысли, что найти эти письма уже не удастся, что их вероятно уже нет на свете, и что в эпохи реакции держатели их решили страха ради полицейска уничтожить их. Именно такая участь постигла большую часть корреспонденции Бакунина с его бывшим закадычным другом Джемсом Гильомом, который во время своей болезни, от которой он не надеялся уже оправиться, сжег в 1898 г. все свои бумаги, в том числе почти все письма к нему Бакунина. О таких пропавших документах не приходится говорить: в этом отношении все исследователи находятся в одинаково печальном положении.

Очень возможно, что в частных руках находится еще немало документов, исходящих от М. А. Бакунина. Так, при подготовке к печати первого тома настоящего издания мы случайно узнали, что письма Бакунина к А. Ефремову, которые всеми, и нами в том числе, считались пропавшими, в действительности находятся у П. П. Щеголева, сына покойного историка П. Е. Ще-

голева. Каким образом названные письма попали в его руки, нам неизвестно. Мы знаем, что П. Е. Щеголев стоял в последние годы близко к А. Корнилову, в руках которого до 1925 г. находился Прямухинский архив. Находились ли упомянутые письма в этом архиве и были переданы П. Е. Щеголеву на тех или иных условиях А. Корниловым или попали к первому без согласия второго, мы не знаем. Знаем только, что молодой П. П. Щеголев сначала упорно уверял (в том числе и меня), что у него никаких бакунинских документов не имеется, а когда ему доказали, что это — неправда и что письма Бакунина к Неверову каким-то образом оказались у него, категорически отказывался дать их для первого полного собрания сочинений и переписки М. А. Бакунина, находя предложенные ему условия невыгодными (мы отдавали ему весь причитающийся за соответствующие страницы редакторский гонорар без каких-либо вычетов). Только после долгих переговоров он согласился продать бакунинские письма Всесоюзному обществу политкаторжан и ссыльно-поселенцев за довольно высокую цену, и только после того нам удалось включить эти письма и записки (числом 18) в настоящее издание, для чего впрочем пришлось переверстать весь первый том, уже сверстанный в ожидании согласия гр. Щеголева, упиравшегося в течение целого года *.

2. То из сочинений или писем Бакунина, что еще существует, но пока не приведено в известность. Сюда может относиться часть документов, упомянутых нами в предыдущем параграфе, как например письма Бакунина к его русским и иностранным друзьям и знакомым. Сюда относятся также некоторые писания Бакунина, о существовании которых нам положительно известно, но которых до сих пор не удалось разыскать: таковы например его статьи о панславизме в итальянской газете «Libertà e Giustizia» в 1867 г. и о морали (относится к тому же времени) и т. д. Конечно кое-что из этих не приведенных в известность сочинений или писем Бакунина со временем, быть может, откроется. В этом отношении нас, быть может, ждут еще приятные сюрпризы. Но возлагать на такие находки слишком радужные на-

---

* Имеются некоторые основания предполагать, что у гр. П. П. Щеголева находятся и другие документы, исходящие от М. А. Бакунина и некогда хранившиеся в Прямухинском архиве (про один такой документ, а именно одно письмо Бакунина из крепости, которое мы в свое время сами держали в руках и которого теперь в Прямухинском архиве, находящемся в б. Пушкинском Доме, уже нет, мы знаем это наверное).

дежды было бы, по нашему мнению, неосновательно. Бакунин — слишком громкая историческая фигура, и вряд ли может храниться под спудом особенно много документов, к нему относящихся и никому абсолютно неведомых.

3. То, что существует, о существовании чего известно, но что по тем или иным причинам пока является недоступным. И таких документов имеется немало. Упомянем бегло только некоторые из них, чтобы читателю стало ясно, как их в сущности много. Так, у Марселя Гервега, уже выпустившего два тома материалов к биографии своего отца, поэта Георга Гервега, в том числе книгу «1848 год. Письма Георга Гервега и письма к нему», в которой помещено несколько писем Бакунина, несомненно имеются еще письма Бакунина к его отцу, что видно из предисловия к этой книге, но получить их у него пока не удалось. Столь же достоверно известно, что в архиве Герцена, находящемся в Лозанне, имеется несколько писем Бакунина к Герцену, Огареву и Г. Лопатину, которые не попали ни в издание Драгоманова, ни даже в издание сочинений Герцена под редакцией М. Лемке: и здесь наша попытка раздобыть эти письма или копии с них для их опубликования натолкнулась на отказ доныне здравствующей дочери Герцена, Наталии Александровны, хранительницы архива, которая отказалась предоставить эти документы для опубликования под предлогом несогласия с нынешним политическим строем нашего отечества. В Онегинском музее, переданном б. Пушкинскому Дому, находилось 7 писем Бакунина к В. А. Жуковскому за 1847 — 1849 годы, но, как это ни странно, нам до сих пор не удалось их там отыскать *. Гораздо более странною представляется пропажа двух писем Бакунина к П. В. Анненкову от 1847 и 1848 гг., которые несколько лет тому назад еще нахо-

---

* Нетрудно представить себе, какой огромный интерес для историков представили бы письма Бакунина к поэту Жуковскому, написанные в разгар революционной деятельности первого и в одну из самых любопытных эпох человеческой истории. О переписке этих двух столь несходных людей мы узнали совершенно неожиданно, увы, узнали лишь для того, чтобы тут же убедиться в их недоступности для нас (а может быть, и для всех). Одно время мы готовы были допустить, что в каталог архива Онегина вкралась ошибка и что в действительности речь идет здесь о письмах Бакунина к Г. Гервегу, которые как-то попали в этот архив и там и находятся ныне (мы использовали их для настоящего издания). Но, судя по акту, составленному в апреле 1932 года особою комиссиею, обследовавшей по нашему заявлению это дело, наше предположение вряд ли может быть признано основательным. Письма Бакунина к Жуковскому значатся во французском инвентаре, составленном после смерти Онегина в 1925 году в Париже, и в

дились в б. Пушкинском Доме и которыми мы (да и другие) даже там пользовались; когда же они снова потребовались нам для некоторой сверки в нынешнем году, их там уже не оказалось, и новая администрация Дома не в состоянии ни объяснить их исчезновения (о котором кстати она узнала только благодаря нашему запросу), ни установить его время. Немало писем Бакунина должно иметься в архивах семьи Фохт, Рейхелей (кстати, последний должен вероятно находиться где-то в СССР) и т. д. Наконец нам известно, что несколько лет тому назад наследники Карло Гамбуцци, итальянского приятеля Бакунина, женившегося после смерти на его жене, предлагали продать архив Гамбуцци, в котором несомненно должно иметься много писем, а быть может, и других произведений Бакунина. В свое время я, узнав об этом, обратил на это внимание товарищей, имеющих отношение к архивному делу и ездивших тогда за границу, но к сожалению они этих документов не приобрели, хотя, насколько я знаю, их отдавали за сравнительно небольшую сумму (повидимому, копии если не всех, то части этих писем Бакунина к Гамбуцци находятся в распоряжении М. Неттлау, который обещал их опубликовать). Повторяю, таких документов существует немало, и приведенные мною примеры наглядно подтверждают мои слова.

4. Особым пунктом мы должны выделить те документы, которые находятся в распоряжении Макса Неттлау, но им не опубликованы и в большинстве случаев вероятно и не будут им никогда опубликованы по той простой причине, что в условиях капиталистического строя опубликование подобных документов, по большей части отрывков, интересных для сравнительно узкого

печатном каталоге его архива. Означенная комиссия, по рассмотрении всех обстоятельств дела, пришла к тому выводу, что письма Бакунина к Жуковскому находились в архиве Онегина в момент его смерти и были заинвентаризованы 13 ноября 1925 года; они отсутствовали в момент составления инвентарной описи Пушкинским Домом в сентябре 1928 года при приемке архива в Ленинграде; при чем документы отправления и приемки архива Онегина, находящиеся в делах б. Пушкинского Дома, не дают возможности точно установить момент пропажи названных писем Бакунина. Архив принимался б. Пушкинским Домом столь небрежно, что отсутствие документов при приемке точно не отмечалось, а делалось лишь суммарное указание на число папок или конвертов без конкретного перечисления их содержания. И в данном случае администрация дома узнала об отсутствии названных документов только тогда, когда мы их запребовали для предпринятой нами работы по составлению полного собрания сочинений и переписки Бакунина. Сколько еще аналогичных сюрпризов ожидает Академию наук СССР и другие учреждения, обладающие архивными хранилищами?

круга лиц, представляется нерентабельным, анархические же издания, на гостеприимство которых только и может в данном случае рассчитывать Неттлау, слишком бедны для того, чтобы позволить себе такую роскошь, тем более, что даже для них очень многие из имеющихся у Неттлау документов не представляют большого интереса. Но для нас и для предпринятого нами издания они представляли бы колоссальный интерес, если бы мы только могли рассчитывать на предоставление их нам Максом Неттлау. Надо же понять, что никто, кроме советского издательства, не в состоянии и не захочет печатать полностью литературное наследие М. А. Бакунина, что только оно может предпринять и осуществить подобное издание, невзирая на то, с какими материальными жертвами такое издание связано и какими убытками оно может грозить.

К величайшему несчастью для науки вообще и для бакунинoведения в частности, отношение Макса Неттлау к собранным им литературным сокровищам сильно напоминает отношение скупого рыцаря к накопленному им и припрятанному в подвале богатству. У Неттлау это отношение осложняется еще политическими мотивами, каких не знал герой Пушкина. Впрочем, мы позволяем себе думать, что политические разногласия и нелюбовь анархиста к коммунизму и к решительным мерам по обороне рабочего государства от классовых врагов являются у Макса Неттлау просто удобным предлогом к тому, чтобы сохранить в своих тайниках и не выпускать из рук драгоценные материалы, хотя бы у него не было даже никакой надежды опубликовать их в печати иным путем.

Заслуги М. Неттлау в деле бакунинoведения общеизвестны, и мы не собираемся ни в какой мере их умалять. Он после многих лет забвения Бакунина первый пробудил интерес к нему в широких кругах, потратил массу сил и энергии (надо полагать, и материальных средств) на выявление и собирание относящихся к биографии Бакунина документов. Он получил их от Беллерио, от Н. Жуковского, от Гамбуцци, от многих других, завел себе в разных странах корреспондентов, сообщающих ему обо всем новом, касающемся Бакунина, словом, проявил в этой области усердие невиданное. И ему удалось таким путем — в значительной мере именно потому, что он заинтересовался бакунинoведением раньше других — действительно собрать богатейший материал, которому он дал тройное применение: а) часть его он опублико-

вал, к сожалению не всегда полностью, а нередко с сокращениями; б) часть использовал для своей трехтомной литографированной биографии Бакунина, имеющейся в 50 экземплярах, в том числе 3 в СССР; в) часть и очень значительную куда-то запрятал (говорят, в четырех различных местах) и никому ее не сообщает. Из этого спрятанного им материала он часть опять-таки использовал для «Дополнения» к упомянутой трехтомной биографии Бакунина («Supplément»), состоящего тоже из трех томов, но это «Дополнение» он так же ревниво прячет от посторонних глаз и только однажды сообщил его покойному Гильому, когда тот писал свою четырехтомную историю Интернационала, составленную в анархистском духе.

Неоднократно делавшиеся нами и другими попытки раздобыть у Неттлау оригиналы или хотя бы копии либо фотографические снимки этих документов до сих пор кончались безрезультатно. Под разными предлогами он отказывался сообщить кому-либо попавшие в его руки документы, на какие он в сущности не имеет морального права, ибо они принадлежат истории, науке, а отнюдь не исключительно ему. Даже попытки, делавшиеся через анархистов, смотрящих на вещи более широко, чем Неттлау, и полагающих, что исходящие от Бакунина документы должны быть предоставлены для издания, которое впервые собирается дать полное собрание его писем и сочинений,— даже эти попытки постигла такая же судьба, как и все остальные. А между тем в руках Неттлау таких документов находится к сожалению слишком много, наверно десятки печатных листов. Достаточно указать на то, что одно только письмо к юрцам, которое имеется у Неттлау и которое должно было войти в 7-й или 8-й том французского издания сочинений Бакунина, содержит свыше 140 страниц большого почтового формата, т. е. около 7 печатных листов (я это знаю потому, что Гильом в 1912 году дал мне его в Париже для прочтения, после чего я аккуратно вернул его Гильому, не сняв копии, ибо в то время не думал, что оно попадет в руки Неттлау и будет им скрыто от ученого мира). Конечно, другие документы не столь обширны, но ведь их у Неттлау припрятаны десятки, если не сотни, считая все варианты и отрывки.

Может быть, теперь, увидав первые томы нашего издания, Неттлау убедится в том, что мы хотим дать действительно полное собрание сочинений и писем Бакунина и не намерены ни

скрывать что-либо из написанного им, ни подвергать его какой-либо цензуре или переделке, а, убедившись в этом, переменит гнев на милость и согласится принять участие в доведении этого издания до благополучного конца в смысле придания ему возможной при современном состоянии архивов и науки полноты и исчерпывающего характера. До последней минуты, до сдачи в печать последних томов этого издания, мы не откажемся от надежды на то, что научная совесть и подлинная любовь к памяти Бакунина все же возьмут в Неттлау верх над партийным недоброжелательством и литераторскими счетами. Но, откровенно говоря, особых шансов на такое просветление старого марксистоеда, ненавидящего коммунистов и не понимающего их, не существует.

Вот почему надо полагать, что сделать настоящее издание исчерпывающе полным нам при всех усилиях и при всем желании не удастся. Некоторых документов, о существовании которых мы досконально знаем, нам вовсе не удастся дать, другие же нам придется привести в том виде, в каком их соблаговолил опубликовать до сих пор Неттлау или в каком он цитирует их в своей литографированной биографии Бакунина. В частности в таком именно виде мы принуждены будем дать и упомянутое письмо к юрцам, поскольку нам удалось составить его из кусочков, разбросанных по различным томам и страницам рукописи Неттлау, если только он не одумается и не извлечет, наконец, из глубоких тайников скрываемые им документы и не предоставит их для опубликования в настоящем издании (при чем мы заявляем, что готовы итти на всякие разумные и приемлемые условия, какие ему заблагорассудится для этой цели поставить).

Но хотя наше издание и не будет полным в точном смысле этого слова, тем не менее то, что мы сумеем дать в нем, будет достаточно обширным и интересным. Чтобы дать читателям представление о настоящем издании, приведем два сопоставления. Изданный в 1902 г. М. Драгомановым сборник писем и воззваний Бакунина в свое время считался очень богатым и в течение значительного периода служил чуть ли не главным источником для биографии Бакунина. Но собранные Драгомановым материалы совершенно теряются в той громаде материала, в частности писем, какие войдут в наше издание. Много писем опубликовал с тех пор Неттлау, немало писем опубликовали мы в разных изданиях, как-то «Красный Архив», «Архив Маркса и

Энгельса», «Летописи Марксизма», немало было их опубликовано и другими исследователями (в своем месте это будет точно отмечено). Но очень много остается еще неопубликованным, как читатель увидит из настоящего издания. Так, из 208 писем, печатаемых нами в настоящем первом томе нашего издания, А. Корнилов, опять-таки считавшийся до сих пор богатым и незаменимым источником, опубликовал полностью лишь 13 и частично лишь 20 (при чем иногда давал из письма только несколько строк), т. е. всего менее одной шестой части, и таким образом около 175 писем появляется в одном этом томе впервые. Это указание отчасти дает понятие о характере и объеме настоящего издания.

Это издание не является так наз. академическим. Помимо указанных выше его недостатков (неполнота, опубликование некоторых документов в извлечениях), не зависящих от воли редактора, необходимо еще отметить, что значительная часть помещаемого материала публикуется здесь не в оригинале, а в переводе. Бакунин после своего переселения за границу стал писателем интернациональным. Да и в молодости он, получив дворянское воспитание и изъясняясь на французском и немецком языках лучше, чем на русском, писал (почти вплоть до 1838 г.) преимущественно на иностранных языках. Поэтому добрая половина его сочинений и писем написана на иностранных языках и оказывается недоступной для нашего рядового читателя. Естественно, что мы предпочли отказаться от академичности и дать нашему читателю сочинения Бакунина на русском языке, т. е. в переводе. Этим наше издание сделано общедоступным. Те же специалисты, которые пожелают обратиться к оригиналам, смогут сделать это по своему усмотрению.

Это конечно не значит, что наше издание не является научным. Все тексты по мере возможности нами тщательно проверены, уточнены и, где надо, исправлены. Где только это было возможно, мы старались обращаться к оригиналам. Ссылки автора нами проверены, ошибки и описки устранены, анахронизмы и иные невольные неточности исправлены и т. д. Кроме того мы снабдили наше издание комментариями, в которых старались в сжатом виде пояснить текст Бакунина, непонятный для неспециалиста и для современного читателя, сделать нужные сопоставления, привести цитаты из других авторов, поскольку они необходимы для правильного понимания и оценки текста, и т. п.

Печатаем мы публикуемый материал по общему правилу в хронологическом порядке, который при всех своих недостатках является все же наиболее правильным и удобным для подобных изданий. Но это не исключает применения в отдельных случаях иного принципа, т. е. печатания рядом вещей, хотя и разделенных хронологически, но связанных слишком тесно по смыслу или содержанию. Так, во втором томе мы напечатаем вместе обе статьи Бакунина о философии; очень возможно, что в одном из следующих томов мы напечатаем вместе все уставы тайных обществ, выработанные Бакуниным разновременно, но объединенные единством темы и содержания, и т. п.

Орфография и пунктуация бакунинских писаний не сохранены в настоящем издании, а даются в современном виде.

Подстрочные примечания к тексту носят только уточнительный характер (например дается имя лица, названного в тексте по фамилии, и наоборот). Все же разъяснения по существу перенесены в комментарий, который мы помещаем в конце книги, после текста, в отделе «Комментарий». Для того, чтобы не множить числа отделов и не рассеивать внимания читателя, мы сосредоточили в этом отделе как пояснения чисто библиографического характера, так и объяснения исторического и иного рода, необходимые для понимания текста. При этом надстрочной малой цифрой отмечены те слова или места, к которым в общем комментарии к данному произведению или письму дается специальное толкование или пояснение.

Слова или части слов, пропущенные автором и вставленные по смыслу в текст оригинала редактором издания, заключаются нами в прямые скобки.

В конце каждого тома дается именной указатель (общий указатель ко всему изданию будет дан в конце последнего тома). В нем жирной цифрой помечена та страница, где читатель может найти подробные биографические или библиографические сведения о данном лице или издании.

В первых четырех томах, охватывающих период от 30-х до конца 50-х годов, нам часто придется в библиографическом комментарии упоминать об А. Корнилове. Он, как известно, до нас пользовался Прямухинским архивом и на основе содержащихся в нем материалов составил две книги из семейной хроники Бакуниных: 1) «Молодые годы Михаила Бакунина», Москва,

1915, и 2) «Годы странствий Михаила Бакунина», Ленинград, 1925. В этих работах он частично или целиком напечатал ряд писем Бакунина. Мы пользовались тем же Прямухинским архивом, который некогда находился в распоряжении А. Корнилова, при чем тщательно сверяли приводимый им в оригинале или переводе текст с действительным, и при этом убедились, что последний иногда существенно отличается от приводимого в работах Корнилова. Указывая в комментарии на упомянутые работы А. Корнилова, мы отмечаем страницу и номер тома, при чем I означает первую книгу Корнилова, т. е. «Молодые годы», а II — вторую книгу, т. е. «Годы странствий».

Одно время распространился слух, будто Прямухинский архив сгорел во время революционных событий, последовавших за 1917 годом, и таким образом погиб для истории. Этот слух повторил и я в первом издании тома I моей книги о Бакунине (1920 г., стр. 28), будучи введен в заблуждение ложными сообщениями. На самом деле Прямухинский архив находился в это время у А. Корнилова, который готовил тогда второй том своей работы по семейной хронике Бакуниных. Только по напечатании этой книги в 1925 г. мне удалось настоять перед П. Щеголевым на передаче использованной части архива в Пушкинский Дом, благодаря любезному содействию которого я и мог им воспользоваться как для второго издания своей книги о Бакунине, так и для настоящего издания. А затем после смерти А. Корнилова вдова его Е. Корнилова передала в Пушкинский Дом и остальную часть Прямухинского архива, который там сейчас и находится, хотя к сожалению до сих пор не приведен в известность и не описан полностью. Не решаемся впрочем утверждать, что Прямухинский архив передан в Пушкинский Дом полностью; напротив, по некоторым признакам, о которых мы частию говорим как в данном предисловии, так и дальше, можно подозревать, что некоторые документы архива пока находятся вне стен общесоюзного хранилища (о некоторых документах это прямо известно).

Нужно сказать, что А. Корнилов или тот, кто располагал письма М. А. Бакунина в трех папках и двух пакетах, в каковых они находятся и какие предоставлены нам для пользования Пушкинским Домом, не сумел надлежащим образом выполнить взятую им на себя задачу. Письма расположены в хаотическом беспорядке, разложены не по времени их составления, так что

например нередко письмо 1836 года идет за письмом 1840 года; в папке писем к сестрам Беер имеются письма, вовсе не им адресованные, но зато в других папках немало писем, обращенных именно к ним; часть какого-нибудь письма находится в одном месте, а другая часть того же письма — в совершенно другом, отделенная нередко десятками страниц от своего начала или продолжения, и т. д. и т. п. На многих письмах рукою А. Корнилова проставлены карандашом совершенно неверные даты, непонятно на чем основанные, но сбивающие с толку и заставляющие тратить немало времени на установление действительных дат. А еще хуже то, что некоторые письма, несомненно находившиеся в руках А. Корнилова (ибо он цитирует их в своих работах), куда-то исчезли и, возможно, были переданы им или тем, кто фактически распоряжался документами Прямухинского архива, в частные руки. Так на стр. 658 первого тома своей работы о Бакунине он цитирует письмо Мишеля к сестре Варваре от середины июня 1840 г., но ни в одной из предоставленных нам Пушкинским Домом папок и пакетов мы этого письма не нашли. Письмо Мишеля к сестре Татьяне от 16 сентября 1853 г., напечатанное на стр. 484 второго тома труда А. Корнилова, в соответствующей папке также отсутствует, а вместо него имеется копия его, сделанная рукою А. Корнилова, без указания, куда девался оригинал. Со временем все это, быть может, разъяснится, а пока приходится с огорчением констатировать все эти факты и ограничиться имеющимися налицо документами, хотя и неполными.

В настоящий том вошли письма М. Бакунина с 1828 года по 13 мая 1837 года, т. е. до того приезда Бакунина в Прямухино, когда он вплотную засел за Гегеля, до того лета, с которого можно датировать его переход на гегелианские позиции. Правда, некоторое знакомство с сочинениями Гегеля замечается уже в его февральских письмах 1837 года, но все же настоящий гегелианский период в жизни Бакунина несомненно начинается позже. Поскольку вообще можно проводить резко определенные грани в жизни человека, представляющей непрерывную цепь развития, мы довольно точно ограничили догегелианский период Бакунина серединою мая 1837 года, с которого в его духовной эволюции начинается новая полоса.

Большинство писем, напечатанных в этом томе, взяты нами из Прямухинского архива, в настоящее время находящегося в

б. Пушкинском Доме в Ленинграде (администрации которого мы приносим здесь глубокую благодарность за оказанное нам содействие). Местонахождение и происхождение других документов, вошедших в настоящий том и взятых не из Прямухинского архива, указываются в каждом отдельном случае.

В заключение мы считаем своим долгом выразить глубокую благодарность всем тем людям и учреждениям, которые своим содействием облегчили нам дело собирания относящихся к Бакунину материалов и этим сделали возможным появление настоящего издания, в частности администрации Центрархива, старой и новой администрации б. Пушкинского Дома (ныне Институт Русской Литературы), Академии Наук СССР, администрации Института Маркса, Энгельса и Ленина, Музея Революции СССР, Исторического Музея в Москве, Всесоюзной Библиотеки имени Ленина (б. Румянцевского Музея), товарищам А. Ариан, Е. Лаганскому, С. И. Мицкевичу, Г. Александрову, А. Дюнуа, Х. Рапопорту, Э. Цобелю, И. Зильберштейну, Б. Окуневу и многим другим, которых всех перечислить мы здесь не можем.

Ю. Стеклов.

Москва, 25 марта 1931 г.

Просим всех, кто интересуется появлением полного собрания сочинений М. А. Бакунина и кто обладает неопубликованными или неизвестными рукописями его (статьями, заметками, письмами и т. д.), сообщить о них составителю сего издания, а если возможно, прислать ему их в оригинале (который будет по использовании возвращен) либо в заверенной копии или в фотографическом снимке. Равным образом просим всех, кто знает о местонахождении неизвестных рукописей М. А. Бакунина, сообщить нам о них и этим облегчить нам получение таких материалов в подлинниках или копиях. Сообщать просим по адресу: Москва, Центр, площадь Свердлова, 2/4, «Метрополь», 1 подъезд, кв. 12. Ю. М. Стеклову.

М. А. БАКУНИН

ДОГЕГЕЛИАНСКИЙ ПЕРИОД

Перевод с французского.

№ 1.—История моей жизни.

Часть первая: 1815—1840.

Итак начну историю моей жизни выдержкою из официального акта о моем рождении.

Я родился 30/18 мая 1815 г.[1] в имении моего отца в Новоторжском уезде, Тверской губернии, между Москвой и Петербургом. Отец мой принадлежал к древнему дворянскому роду. Так как его однофамилец-дядя был министром иностранных дел при императрице Екатерине II, то мой отец ребенком 8 или 9 лет был отправлен в качестве атташе русского посольства во Флоренцию, где один из его родственников, бывший там полномочным министром, взял на себя его воспитание. Он вернулся в Россию лишь в возрасте около 35 лет. Таким образом отец воспитывался и провел всю свою молодость за границею. Это был человек большого ума, очень образованный, даже ученый, очень либеральный и большой филантроп. Он был деистом, не был атеистом, но был свободомыслящим и находился в сношениях со всеми знаменитостями тогдашней европейской науки и философии. Таким образом он представлял полный контраст настроению, господствовавшему в тогдашней России, где лишь маленькая секта «вольных каменщиков» (франк-масонов), подвергавшаяся более или менее суровым преследованиям, хранила и чуть-чуть поддерживала втайне священный огонь любви к человечеству.

Придворная жизнь в Петербурге показалась отцу такою отвратительною, что он добровольно оборвал свою карьеру и на всю жизнь укрылся в деревню, откуда никогда уже не выезжал.

Между тем среди просвещенных людей, живших в то время в России, он пользовался такой известностью, что его деревенский дом был всегда полон гостей. С 1817 по 1825 г. он состоял членом тайного «Северного общества», того самого, которое в декабре 1825 г. сделало несчастную попытку поднять военное восстание в С.-Петербурге. Несколько раз ему предлагали быть председателем этого общества. Но он был большим скептиком, а с течением времени усвоил слишком большую осторожность, чтобы принять это предложение. Это-то избавило его от трагической, но славной участи многих его друзей и родственников, из которых иные были повешены в Петербурге в 1825 г. *, а другие были приговорены к каторжным работам или ссылке в Сибирь на поселение [2].

Мой отец был довольно богат. Он был, как выражались тогда, владельцем 1000 мужских душ, ибо женщины не шли в счет во времена крепостного права, как не идут они в счет и теперь, уже получив свободу. Таким образом он был обладателем приблизительно 2000 рабов мужского и женского пола; имел право их продавать и [неразборчивое слово] мог ссылать их в Сибирь, сдавать на военную службу в рекруты и особенно мог беспощадно эксплоатировать их, т. е., попросту говоря, мог их грабить и жить их принудительным трудом.

Я упоминал уже, что отец мой вернулся в Россию, преисполненный либеральных чувств. Его свободолюбие было прежде всего возмущено этим ужасным, гнусным положением рабовладельца. Он даже предпринял несколько плохо рассчитанных и потому неудавшихся попыток освободить своих крепостных. Потом мало-по-малу привычка в связи с выгодой превратила его в такого же, как и его соседи, мирного помещика, спокойного и примирившегося с рабством множества человеческих существ, трудом которых он кормился.

Одною из главных причин перемены, происшедшей с отцом, была его женитьба. Ему было 40 лет, когда он страстно влюбился в молодую девушку 18 лет, такую же дворянку, как и он, красивую, но бедную. Он женился на ней. Чтобы оправдать в собственных глазах такой эгоистический поступок, он затем всю свою жизнь старался опуститься до ее уровня, вместо того чтобы поднять ее до себя. Моя мать была урожденная Муравьева.

---

* Явная описка: должно быть «в 1826 г.».

двоюродная сестра Муравьева-Вешателя, так же как и Муравьева повешенного [3]. Это была женщина тщеславная, эгоистичная, и никто из детей не любил ее. Но отца мы обожали. В течение всего нашего детства он был неизменно снисходителен и добр к нам.

Нас было одиннадцать человек детей [4]. Еще и поныне у меня в живых пять братьев и две сестры. Мы воспитывались под наблюдением отца скорее в западно-европейском, чем в русском духе. Мы жили, так сказать, вне русской действительности, в мире, полном чувства и воображения, лишенном всякой реальности. Вначале наше воспитание было очень либерально. Но после рокового исхода декабрьского заговора (1825) мой отец, напуганный этим разгромом либерализма, изменил систему нашего воспитания. Он [неразборчивое слово, возможно «решил»] с этого времени сделать из нас верноподданных царя. С этою целью я в возрасте 14 лет был отправлен в Петербург для поступления в Артиллерийское училище [5].

Там я пробыл три года, и в 1832 г., в возрасте 17 лет и нескольких месяцев, был произведен в офицеры.

Скажу несколько слов о моем умственном и нравственном развитии в течение этого периода. Оставляя родительский дом, я довольно хорошо говорил по-французски, — единственный язык, который меня заставили изучить грамматически, — знал немного по-немецки и с грехом пополам понимал по-английски. О латыни и греческом и помина не было; о русской грамматике я не имел никакого представления. Отец учил нас древней истории по Боссюэту [6]. Меня он заставлял почитывать слегка Тита Ливия [7] и Плутарха [8], последнего в переводе Амио [9]. Кроме того я имел кое-какие, да и то очень смутные и слабые, понятия о географии, а благодаря одному из дядюшек, офицеру генерального штаба в отставке, довольно недурно изучил арифметику, алгебру до уравнений первой степени включительно и планиметрию. Вот и весь мой научный багаж, какой я увозил из отцовского дома в 14 лет. Что касается религиозного воспитания, то духовник нашей семьи, прекрасный человек, которого я очень любил за то, что он приносил мне пряники, преподал нам несколько уроков катехизиса, абсолютно не оказавших влияния ни в положительном, ни в отрицательном смысле ни на сердце мое, ни на ум. Я скорее был скептик, чем верующий, или, вернее, индифферентист.

Естественно, что мои понятия о нравственности, о праве, о долге были также смутны. У меня были чувства, но не было твердых принципов. Инстинктивно, то-есть по привычке, усвоенной в среде, где протекало мое детство, я любил добрых и добро и ненавидел злых, не умея объяснить себе сущности этого зла и добра. Я негодовал и возмущался всякою жестокостью, всякою несправедливостью. Думаю даже, что негодование и возмущение были первыми ощущениями, развившимися во мне сильнее других. Мое нравственное воспитание было уже извращено с самого начала тем, что все мое материальное, умственное и моральное благополучие покоилось на вопиющей несправедливости, на абсолютной безнравственности, на рабстве крестьян, за счет которых мы вели праздную жизнь. Мой отец прекрасно сознавал всю глубину этой безнравственности, но, как человек практичный, он никогда не говорил нам об этом, и мы очень долго, слишком долго, не подозревали этого.

Наконец у меня была склонность к приключениям. Отец очень много путешествовал и много рассказывал нам о своих путешествиях. Одним из самых любимых наших чтений было описание путешествий, и эти книги мы всегда читали вместе с ним. Мой отец был очень образованный натуралист. Он обожал природу и внушил нам эту любовь, эту пламенную любознательность относительно всех явлений природы, не дав нам однако ни малейшего научного понятия о них. Путешествовать, видеть новые страны стало заветной мечтой всех нас—детей. Эта мечта—постоянная, упорная — развила мою фантазию. В минуты досуга я измышлял всевозможные истории, в которых я всегда воображал себя убегающим из отцовского дома за тридевять земель, в поисках приключений. Вместе с тем я очень любил своих братьев и сестер, сестер в особенности, и благоговел перед отцом, как перед святыней.

Таким я был, когда поступил кадетом в Артиллерийское училище. Это было мое первое столкновение с русской действительностью...

Ах, милый мой, никогда человек, родившийся в одной из стран Западной Европы, ни даже француз, получивший свое политическое воспитание в царствование Наполеона III, ни пруссак, прошедший свою школу свободного гражданства под руководством Бисмарка, ни итальянец, подчиненный австрийскому игу, ни испанец, подданный Бурбонов, Изабеллы и Нарваеца, не мог-

ли бы себе представить, что такое была русская действительность в царствование императора Николая I!

Чтобы дать тебе хотя бы слабое понятие об этом, я должен напомнить тебе, что вступление на престол императора Николая [I] было отмечено подавлением военного мятежа, задолго подготовленного обширным дворянским заговором. Мы называли его «декабрьским заговором» не потому, что он начался в декабре, а потому, что в декабре [1825 г.] он закончился полной неудачей. Я называю его дворянским не по его программе, которая, наоборот, была программой вполне демократической, во многих отношениях даже социалистической, но потому, что почти все члены заговора были молодыми людьми, принадлежавшими к дворянству, и представляли, так сказать, цвет образованной молодежи того времени. Бывший генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин *, тот самый, что сжег эту древнюю столицу в 1812 г., чтобы заставить уйти оттуда Наполеона и его великую армию, человек очень умный и в то же время крайний реакционер, по поводу этого заговора сделал характерное и правильное замечание: «В истории известны дворянские революции, устраивавшиеся для свержения власти; известны восстания демократии против привилегий аристократии. Но только в России можно встретить привилегированных и дворян, устраивающих революции, не имеющие другой цели, как уничтожение их собственных привилегий».

И такова действительно была основная цель заговора декабристов.

Существовало два общества: Северное и Южное. Первое, обнимавшее Петербург и Москву и состоявшее в большей своей части из гвардейских офицеров, было гораздо более аристократическим и более политическим в смысле признания сильного государства, чем второе. В него входили Муравьевы, двоюродные братья моей матери, в том числе и Муравьев-Вешатель [10]. Члены Северного общества также желали освобождения крестьян, но в то же самое время были сторонниками великой империи, нераздельной и сильной, управляемой либеральною конституциею; само собою разумеется, дворянскою — фактически, а не юридически, вроде того, как нынешняя демократическая республика Швейцария является республикой буржуазной не юри-

* Федор Васильевич.

дически, а фактически. В заботе о величии империи Северное общество высказывалось против независимости Польши.

Южное общество, охватывавшее весь юг с Киевом в качестве центра, было более революционно и совершенно демократично. И это объяснялось не только особенностями характера южан, ибо Южное общество тоже состояло преимущественно из офицеров армии, в большей части своей уроженцев Великороссии, но и тем, что эти офицеры были армейцами, а не гвардейцами, и что во главе их стояли такие незаурядные люди, как полковник Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и такой гениальный человек, как полковник генерального штаба Пестель [11].

Пестель был федералистом и социалистом в том смысле, что он не ограничивался требованием освобождения крестьян и предоставлением им личной свободы, но требовал также и наделения их землею. Кроме того он хотел преобразования империи в федерацию провинций, в федеративную республику наподобие Соединенных Штатов Северной Америки. Члены Южного общества не только не отрицали права Польши на независимость, но искали сближения с польскими революционерами, чем навлекли на себя осуждение и даже гнев со стороны Северного общества. Неоднократно велись переговоры по этому поводу между Пестелем, Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым и польскими делегатами, имена которых я забыл, кроме одного — князя Яблоновского *.

Вот что говорит об этих встречах польских и русских делегатов один современный польский писатель **, высоко чтимый всеми партиями и демократической в особенности, в одно и то же время историк и участник мятежа 1830 г., а также предшествующих заговоров, в своей истории этой польской революции:

«Было признано, что во время этой встречи русские делегаты обнаружили основательное знакомство с делом и полную добросовестность, тогда как польские делегаты проявили только легкомыслие и пустозвонство»...

«Факт неслыханный, но достойный быть сохраненным в летописях славянских народов: в то время как польские революционеры были поглощены лишь мыслью о восстановлении бы-

* Это были: Северин Кржижановский, князь Антон Яблоновский и Гродецкий.

** Иоахим Лелевель.

лого польского королевства, русские революционеры, наоборот, стремились именно разрушить свою империю».

Пестель, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были людьми не только большого ума, но и великого характера. Повешенные все трое в 1826 г. в Петербурге, они умерли как герои, просто, без фраз. Вместе с ними были казнены поэт Рылеев, наиболее выдающийся член Северного общества, и поляк Каховский [12]. За несколько дней до казни Пестеля посетил в тюрьме его отец, сибирский генерал-губернатор, бессердечный негодяй, вор и убийца, словом, что называется, верный слуга царя. Он пришел, чтобы осыпать бранью своего сына, но тот не удостоил его даже ответом. Один только раз, когда этот «примерный» отец задал сыну вопрос: «Скажи, пожалуйста, что сделали бы вы, если бы вам удалось разрушить империю?», Пестель ответил ему: «Мы избавили бы Россию от таких чудовищ, как вы».

Так как казнь через повешение редко применялась в России, то палачи, казнившие наших дорогих мучеников за свободу, этих предтечей нашего дела, оказались крайне неумелыми. Плохо накинутая петля соскользнула с Пестеля, и он упал, страшно разбившись. И вот единственные произнесенные им слова, пока палач приготовлял для него новую веревку: «В России даже повесить не умеют!».

Ты, наверно, спросишь, как могли подобные люди родиться и вырасти в России, в среде дворянства, которое не знало других традиций, кроме самого отвратительного холопства перед царем и самого варварского деспотизма по отношению к крестьянам, своим рабам; которое всеми своими интересами, всем существованием своим противоречило свободе и гуманности. Если бы в этой среде случилось несколько исключений, в этом не было бы ничего удивительного; но что несколько сот человек, родившихся, живших в привилегированной обстановке и занимавших более или менее блестящие и доходные места в обществе, принесли себя в жертву, отдали себя на заклание, чтобы уничтожить привилегии и освободить своих рабов,—вот чего никогда не видано было ни в одной стране и что действительно имело место в России. Как объяснить это странное явление? Я его объясняю себе в а р в а р с к о й нетронутостью их натуры. Они еще не были развращены длительным влиянием буржуазной цивилизации Запада, не имели времени пресытиться ею, потому что у них н и к о г д а н е б ы л о [два слова неразборчивых].

Живя в варварской среде, окруженные варварами, они воспринимали эту цивилизацию с ее наиболее возвышенной и величественной стороны, заслонявшей от них другую, пошлую, повседневную ее сторону, столь хорошо знакомую западно-европейским народам. Она явилась для них новым откровением, религией человечества. Она их воспламенила и сделала из них мучеников и героев. Начало возникновения декабрьского заговора относится к 1816 г., к эпохе возвращения нашей армии в Россию после падения Наполеона. Во время перехода через Германию и Францию молодые русские офицеры вступили в оживленные сношения с немецкими студентами, членами «Jugendbund'a» *, и с представителями французского либерализма, даже со старыми республиканцами. Их идеи они вывезли оттуда в Россию, и, перенесенные на девственную почву, эти идеи расцвели пышнее, чем в месте их рождения. По аналогичным причинам в Испании Международная Ассоциация ** — я убежден в этом — приобретет более энергичный и величественный характер, чем где бы то ни было в Европе.

Десятилетие с 1815 по 1825 г. было временем действительного зарождения и оживления политической и общественной жизни и гуманитарных идей в русском дворянстве. До тех пор русские дворяне, эта каста наследственного чиновничества, эти добровольные холопы царя и свирепые владельцы рабов, трудившихся на их землях, с самого начала своей исторической жизни были лишь грубыми скотами, лишенными всяких идей, погруженными в бездну темных предрассудков и в двойной позор низкого сервилизма и жестокого деспотизма. Ни разу до тех пор русские дворяне не восставали против царей, и в этом особенно ярко сказалась глубокая разница между развитием политической жизни в России и Польше.

Основа польской и русской истории одна и та же: это — рабство крестьян. Поляки могут возражать сколько им угодно, но достоверно, что их крестьяне были такими же рабами, как и наши, и можно даже сказать, не погрешив против истины и справедливости, что их дворянство относилось к порабощенной массе крестьян, к этим несчастным «хлопам» (хамам) еще с большей надменностью, чем русское. Огромная и существенная раз-

* Описка вместо «Tugendbund» («Союз добродетели»).

** Международная Ассоциация (или Товарищество) Рабочих — Первый Интернационал.

ница между обеими странами заключается только в том, что в Польше рабство крестьян послужило основою для дворянской независимости, свободы, анархии, тогда как в России, в Московском государстве, рабство крестьян стало фундаментом рабства дворян и могущества царя, государства. В Польше короли, всегда взнузданные, и взнузданные, так сказать, коллективным могуществом дворянства, по примеру западных монархов несколько раз пытались соединяться с крестьянами против дворянства, но всегда безуспешно. В России, наоборот, со времени основания Московского государства вплоть до 1815 г. все политические учреждения покоились на самом тесном единении интересов поместного дворянства с интересами царя. Русские бояре были добровольные рабы, усердные, безусловно преданные и постоянные царские обиралы, под условием, чтобы царь уважал их неограниченную власть над их крепостными.

Отсюда два следствия, два естественные контраста.

Во-первых, польское дворянство уже давно более или менее приобщилось к цивилизации Западной Европы, с которою оно впрочем было связано римским католицизмом.

Свобода — как воздух: она все оживляет. Даже односторонняя и основанная на несправедливости, она приносит плоды. Польское дворянство было исполнено гордости, проникнуто духом рыцарства и ревниво охраняло свою свободу. Патриотизм и гражданские добродетели особенно процветали в среднем и низшем дворянстве, насчитывавшем 2 — 3 миллиона человек, которых польский историк Лелевель * называет дворянской демократией, противополагая ее таким образом дворянской олигархии богатейших и сильнейших помещиков. В Польше рано развилась своя оригинальная литература и выработались культурые нравы, смешанные с азиатским разгулом и дикостью; русские же дворяне, напротив, были такими, какими всегда бывают рабы, — глупыми, невежественными, грубыми, воровatыми и раболепными.

Второй контраст состоит в следующем: в Польше вся жизнь, все политические движения, борьба за независимость и свободу — все было сосредоточено в дворянском сословии. С 1042 г., эпохи последней революции польских крестьян против своих помещиков и против христианства, навязанного им как религия господ, польский народ, скованный игом аристократии и внутренно

* Иоахим [13].

деморализованный наследственным ядом католического воспитания и культа, никогда больше не бунтовал. В России же происходило совершенно обратное. Дворянство было добровольным и корыстным рабом, а крестьяне всегда бунтовали и продолжают бунтовать. Отсюда ясно, что все будущее русского народа лежит в крестьянстве, — истина неоспоримая, которую, как мне кажется, я достаточно развил в своей речи о России в Берне. Я тебе передал несколько экземпляров этой речи.

Западная цивилизация, действительно введенная в России деспотическими реформами Петра Великого, — деспотическими и грубыми, как и сама среда, которую они пытались преобразовать, — введенная царем-реформатором среди нас не в целях человеколюбия, но с единственною целью устройства и укрепления государства,—эта цивилизация долго оставалась чем-то совершенно внешним и, так сказать, мертвым. Тщетно царь заставлял бояр брить бороды, курить табак и вывозить в свет своих жен и дочерей. Он насильно отнимал у семей молодых людей и отсылал их учиться за границу. Но все это лишь внешним образом изменило общественную жизнь дворянства в России, оставив нетронутым варварский быт внутреннего семейного уклада. Дворяне, наиболее приближенные ко двору, их сыновья и дочери кончили тем, что научились иностранным языкам и говорили, в особенности по-французски, как говорили в Версале, т. е. как попугаи, подрожали в туалетах и манерах, в жаргоне и обычаях европейской аристократии, оставаясь попрежнему низкими лакеями, рабами, палачами, варварами, в тысячу раз еще более отвратительными в этом западном шутовском наряде.

Однако эта цивилизация, хотя и введенная исключительно в целях политического могущества, в конечном счете дала России кое-что кроме форм, — она дала ей великую литературу, гуманитарную философию XVIII века. Побуждаемая чувственностью и политическим кокетством, составлявшими характерные черты императрицы Екатерины II, друга и корреспондента Дидро и Вольтера, усиленно старавшаяся прослыть за человека свободного ума, усердного друга цивилизации и человечества, она велела перевести на русский язык все замечательные сочинения этого века. Сочинения Вольтера, энциклопедистов и много других французских и немецких книг были переведены на русский язык. Екатерина изучала эту новую литературу и ввела ее в моду. Многие из ее придворных занимались ею только потому, что

этого хотела императрица. Становились философами, как были палачами, из низкого угодничества. Но среди читателей этих сочинений была группа людей, сначала малочисленная, которые читали эти книги иначе, для которых просветительная идея этого века, идея человечества заменила божество, была откровением и стала основой, принципом жизни, новой религией. Эти люди, между которыми я назову Новикова *, человека выдающегося, восторженного инициатора этой группы, обратились в пропагандистов, в апостолов. Они были истинными творцами русской литературы. Они посылали на свой счет молодых людей за границу учиться не только для подготовки к государственной службе. Среди этих молодых людей находился между прочим русский историк Карамзин **, впоследствии повернувшийся спиной к своим великодушным покровителям; он стал на защиту государственных интересов и сделался, так сказать, создателем казенного патриотизма и творцом патриотической риторики; но в то же время он первый в России стал писать простым человеческим языком.

Эти люди распространили свое влияние на университеты Петербургский и особенно Московский, который с тех пор стал центром гуманитарной пропаганды. Следуя примеру современных пропагандистов тех же идей в Западной Европе, они организовались в масонскую ложу, куда тщеславие и любопытство привлекали очень много лиц, много влиятельных, богатых и титулованных людей, что естественно увеличивало средства их деятельности и силу их влияния. Но Екатерина II, которая, несмотря на свой внешний либерализм и половой и политический разврат, была отъявленным деспотом, в конце концов встревожилась. Ложу прикрыли. Новикова и других подвергли жестоким преследованиям. Но дело уже было сделано: брошенное на такую богатую, девственную почву, какую представляла из себя русская интеллигенция, семя не могло не принести своих плодов.

Время от начала настоящего века до 1812 года было периодом подготовления, вынашивания и незаметного, но могучего развития. Нашествие Наполеона в 1812 году разбудило и потрясло всю империю. Для России это было неизмеримое счастье. В интересах самозащиты государство увидело себя вынужденным обратиться с призывом ко всем: к дворянству, к духовенству,

* Николай Иванович [14].
** Николай Михайлович [15].

к городской буржуазии, к крепостным крестьянам. Всякий почувствовал себя возродившимся, увидев, что он необходим. Это было первое дуновение свободы, пронесшееся над этой империей рабов. С 1812 г. крестьяне вновь начинают требовать воли и земли. Что же касается дворянской молодежи, увлеченной войною в Европу, то она вернулась оттуда преображенной, либеральной и революционной. Широкая пропаганда началась с тех пор во всех городах, во всех гарнизонах, во всех дворянских семьях в России. В конце концов в ней приняли участие и женщины, проводя ее с безграничной страстностью. Это был первый акт их умственной, моральной и социальной эмансипации. Отвратительное, грубое и деспотически-варварское русское дворянство преобразилось как бы чудом в фанатического проповедника гуманности и свободы.

Выросший в этой великодушной и горевшей благородством среде, наш великий поэт Пушкин * дал нам гуманную поэзию. Он окончательно преобразовал наш язык и стал могущественнейшим проводником новой цивилизации в России. Впрочем, как натура пылкая, но слабая и неустойчивая подобно почти всем художникам, Пушкин после долгого фрондирования против власти кончил тем, что примирился с императором Николаем, назначившим его камер-юнкером своего двора. Но имя Пушкина не стало от этого менее популярным; оно осталось символом пробуждения русской жизни.

Таковы были эти новые, полные жизни и порывов люди, с которыми императору Николаю пришлось столкнуться в первый же день своего вступления на престол. Реакция, последовавшая за подавлением восстания декабристов, была ужасна. Все, что было человечного, доброго, интеллигентного и свободного, было уничтожено и раздавлено; все же низкое, грубое, пресмыкательское, жестокое и подлое воссело на престоле вместе с императором Николаем. Начался [неразборчивое слово] систематический, полный разгром человечности во имя торжества грубой животности, тупой ограниченности и всяческой низости. И среди этой-то новой действительности или, вернее, старой, но реставрированной, обновленной и укрепленной железною рукою императора, я, мальчик 14 лет, поступил кадетом в Артиллерийское училище.

---

* Александр Сергеевич

С корнем, до последних зародышей вырвать либеральный дух из русского общества, задавить малейшее поползновение к независимости чувств и мыслей в своих подданных — такова была главная забота, заветная мечта императора Николая в течение тридцати страшных лет его царствования. Для этого было два пути: во-первых, беспощадное преследование всего, что оставалось еще честного и мыслящего в России после разгрома декабристов, и, во-вторых, предоставление полного простора и покровительство всему, что было низкого, жестокого, грубого, раболепного и холопского в этой несчастной стране. Это означало убиение новой России и воскрешение старой. Императору Николаю приходилось выбирать между либералами и грабителями государства и народа, — и он естествено выбрал грабителей. В его царствование все уголки империи наполнила бюрократическая сволочь, грабительская, утесняющая, грубая и жестокая ко всему, что стояло внизу; всегда верующая и пресмыкающаяся, раболепная перед всем тем, что находилось наверху; словом, бюрократия, встречающаяся во всех деспотических странах, но только сдобренная варварскою простотою и византийским лицемерием.

В царствование императора Николая в России люди задыхались. Всякая человеческая мысль подвергалась гонению. Горе тому, кто осмеливался только возроптать против ежедневно творившихся гнусностей царских сатрапов, — его немедленно уничтожали. Горе тому, кто осмеливался думать иначе, чем это было предписано,—он немедленно исчезал. Это было царство террора, возведенного в повседневное правило администрации и управления.

Все, что русское общество приобрело от благ гуманной цивилизации при Александре I, было утеряно в царствование императора Николая. Все, что в обществе было лучшего, — цвет дворянской молодежи в числе нескольких сот человек, — было погребено в Сибири. То немногое, что осталось...

(На этом рукопись обрывается).

№ 2. — Письмо тетушкам.

(27 ноября 1828 года.)

Милые тетеньки!

Мы с папенькою выехали из Прямухина 25-го числа в 11 часов. Вы сами, я думаю, знаете, как оставлять дом, в котором

родился, в котором уж привык и в котором оставляешь мать, отца и сестер и братьев и всех родных. Завтра мы едем в Петербург, Софья Борисовна и Константин Маркович * очень добры до меня. Я постараюсь всеми силами оказаться достойным их благорасположения **.

Прощайте, милые тетеньки, поклонитесь от меня Клеопатре Алексеевне, Настасье Ивановне, Мавре Феклистовне и всем вашим девушкам и людям. Осада Силистрии возобновилась ***.

Прощайте, милые мои тетеньки. Пишите мне иногда, пожалуйста.

Преданный вам племянник

Михаил Бакунин.

27 ноября 1828 г.

[Тверь.]

Перевод с французского.

№ 3.—Письмо сестрам.

[Весна 1829 года.] С.-Петербург.

Мои дорогие сестры!

Поздравляю вас с прошедшими праздниками, говоря вам: «Христос воскресе». Вы сообщаете мне о разливе маленькой Асуги [1]. Если бы вы видели разлив Невы! Это, я думаю, маленькая разница. Но прямухинский сад гораздо красивее петербургских садов.

Целую вас, а также дядю Михаила ****.

Ваш брат

М. Бакунин *****.

Кланяюсь всем прямухинским и Ивану Алексеевичу ******.

---

* Полторацкие [1].

** Эта фраза по-французски в оригинале.

*** Тоже [2].

**** Старший брат отца Бакунина, Михаил Михайлович Бакунин, или Михаил Павлович Полторацкий?

***** Следующая приписка по-русски в оригинале.

****** Прямухинский священник.

Перевод с французского.

№ 4. — Письмо сестрам.

16 сентября 1829 года. С.-Петербург.

Дорогие сестры Любинька и Варинька,

Я хочу сообщить вам нечто очень приятное, что, как я по крайней мере думаю, доставит вам большое удовольствие. Мария Львова * написала вам письмо, при сем прилагаемое. Прежде она не решалась писать, боясь, что вы — жеманные барышни, но я устроил так, что она вам написала. Вы только непременно ей отвечайте. О себе я уже не говорю, так как мне кажется, что вам доставляет удовольствие не отвечать мне. Знайте же, что если вы не будете мне писать, то я пойду на репрессалии.

Прощайте, мои дорогие сестры.

Ваш брат

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 5. — Письмо сестрам.

[С.-Петербург. Осень 1829 года.]

Дорогие сестры Таничка и Сашенька!

Благодарю вас за письма, которые вы мне не написали. Да, надо признаться, барышни, с вашей стороны это очень красиво. Но скажите мне по крайней мере, в чем причина вашего молчания? Я ломаю себе над этим вопросом голову, но напрасно.

Теперь, когда я устроил переписку между Марией Львовой и моими любимыми сестрами, подождите немного, и я устрою переписку между вами и моей кузиной Надей Львовой **, которая является вашей ровесницей.

На сей раз прощайте.

Ваш брат

М. Б[акунин].

---

* Мария Федоровна [1].
** Тоже дочь Федора Петровича Львова.

№ 6. — Письмо родителям.

22 января 1830 года. С.-Петербург.

Воспользываюсь этим случаем, милый папенька и маменька, чтобы вам писать еще раз. В письме, которое я написал вам с Дмитрием Максимовичем *, я вам описал мои занятия [2]. Теперь мне остается вас познакомить с моими начальниками. Великий князь—первый начальник и основатель училища [3], после его граф Опперман [4], инженер-генерал, после генерал Перш, полковник Михаил Михайлович Кованько, подполковник Фрейман и капитан Николай Павлович Черницкий, начальник моего отделения. Я уже вам писал, что К. М. ** Полторацкий был у меня; будущую субботу он меня к себе возьмет.

Прощайте, милый папенька, целую Ваши ручки, прошу Вашего благословения и остаюсь

покорнейший Ваш сын

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 7. — Письмо сестрам.

Понедельник, 2 марта [1830 года]. С.-Петербург.

Дорогие сестры!

Как мне благодарить вас за вашу дружбу, которою я так дорожу? Будьте уверены, что я сумею стать достойным ее. Вчера я встретил мадемуазель Суворову ***, которая сказала мне, что видела вас в Казицине у моих милых теток. Она должна была мне рассказать все до мельчайших подробностей. Я был чрезвычайно рад свидеться с нею. Она столько говорила мне о вас и о вашем отношении ко мне, что я не оставлял ее ни на минуту. Она должна была сказать мне все это волей-неволей. Да, дорогие сестры, вы не ошибаетесь, я люблю вас всею душою. Вы слишком дороги мне для того, чтобы я мог вас позабыть. Не бойтесь, дорогие сестры, надоесть мне вашими советами, которые свидетельствуют только о вашей дружбе, и ни один совет не дей-

---

* Княжевич [1].

** Константин Маркович.

*** Елизавета Евграфовна, знакомая Бакуниных по Тверской губернии.

ствует так сильно на мое сердце, как ваши и советы моих родителей. Как мне благодарить вас, дорогие сестры, за то, что вы просили отца и мать написать мне? Их письма доставили мне столько радости! Я был вчера так рад, что вы не можете себе этого представить. Ах, дорогие сестры, как бы мне хотелось вас повидать! Вы так добры! Как бы мне хотелось сжать вас в своих объятиях. Все, кто вас видит, говорят так много хорошего о вас, что я люблю слушать разговоры на ваш счет.

Когда же мы снова увидимся? Я жду этого момента с таким нетерпением! Я вас так люблю. Еще два года — как неприятно звучат эти слова для слуха. Вы правы, доротая Любинька, письма лишь в слишком слабой форме выражают наши чувства, и я всегда опасаюсь, чтобы мои письма не заставили вас усумниться в моей дружбе, которая, уверяю вас, вполне искренна. Как это мило с вашей стороны, дорогие сестры, что вы занимаетесь моими братьями, которые должны быть вам весьма признательны. Я уверен, что они вполне чувствуют то, что вы делаете для них, и что они сумеют оказаться достойными вашей дружбы. Николай и Павел уже составляют для вас утешение. Другие не замедлят стать таковым же. Да, дорогие сестры, я уверен, что величайшая дружба будет царить между всеми нами. Мы будем вашею опорою, вы будете нашими подругами, и мы не сможем быть несчастными. Мне предстоит побороть еще много недостатков как например нерадивость, чревоугодие, даже леность, которая иногда меня посещает, и многое другое. Но с помощью терпения и доброй воли я надеюсь отделаться от них. Мысль о том, что это доставит удовольствие моим родителям и вам, поможет мне в этом.

Вы, я уверен, никогда не догадаетесь, что я читал у тетки на масленице, хотя эта книга вам не чужда, а напротив—очень вам близка. Но я не хочу больше вас мучить: это — наш добрый друг «Швейцарский Робинзон» [1]. С какою жадностью я его перечел, каждый отрывок напоминал мне моих милых сестер, а особенно начало: «Буря продолжалась уже шесть страшных дней, а на седьмой она не только не утихла, но, казалось, ярость ее возросла» — напомнило мне о вас, моя дорогая сестрица Варинька, знающей весь этот монолог наизусть. Вы пишете мне, дорогие сестры, что прочитали в Казицине «Юрия Милославского» *.

---

* Здесь и дальше заглавия романов приведены в письме по-русски.

Это — прелестный роман, превосходящий все остальные. Только сцена с гусем слишком приторна и слишком натянута. Характер Кирши очень хорошо выдержан [2].

Русская литература обогащается романами. Булгарин открыл путь своим «Иваном Выжигиным», очень хорошим романом; затем появился «Юрий Милославский» Загоскина, «Дмитрий Самозванец» Булгарина; далее «Поездка в Германию» Греча [3]. Последняя написана очень хорошим слогом. Скоро появятся еще два романа: «Русские в 1812 году» Загоскина, из которого я прочитал несколько отрывков, внушающих хорошие ожидания, и «Петр Иванович Выжигин» Булгарина, роман, которого я не знаю. Но я забыл один роман, переведенный с американского, а именно «Что такое хороший тон» Масальского. Он описывает нравы американцев. Одно сочинение Пушкина, соединяющее в себе черты трагедии и романа, взбудоражило весь город. Страстные поклонники Пушкина находят в нем одни красоты. Но в нем есть и недостатки. Это — «Борис Годунов». Ротчев [4] перевел на русский язык две трагедии Шиллера: «Вильгельм Телль» и «Макбет». Последнему он дал курьезное заглавие: «Макбет Шиллера. Трагедия из Шекспира». Однако обе эти трагедии не лишены красот. Я встречаю всех этих писателей у Дмитрия Максимовича Княжевича. Но довольно о литературе, поговорим о других вещах.

Скажите мне ради всего святого, что это за фантазия пришла вам в голову отправиться есть уголь. Когда Елизавета Евграфовна * мне рассказала об этом, то я думал, что вы делаете это для здоровья, но когда она сказала мне, что вы едите уголь вместо конфект, то я не знал, что об этом думать. И я прошу вас разъяснить мне эту тайну. Посылаю вам нечто такое, что, я уверен, доставит вам большое удовольствие.

Прощайте, мои добрые сестры.

Целую вас тысячу раз и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Вот доказательство моей нерадивости. Я перечитал письмо и нашел в нем свыше двадцати ошибок, вызванных ветреностью.

---

* Суворова.

Я уверен, что в нем имеются еще ошибки. Но предоставляю вам самим исправить их.

(На полях приписано:)

Целую ручки госпоже Имберг* и моей тетке Александре Ивановне. Но скажите мне, ради Создателя, почему я ничего не слышу о Фионе Николаевне Безобразовой, ее сестре и ее матери? Если вы с нею встречаетесь, скажите ей, что я никогда не в состоянии буду ее забыть и что память о ее доброте навсегда останется запечатленною в моем сердце.

Перевод с французского.

№ 8. — Письмо родителям.

16 марта 1830 года. С.-Петербург.

Дорогие родители,

Давно я уже вам не писал. Дело в том, что здесь у нас произошла крайне неприятная история, которая, благодарение богу, теперь закончилась. А мне не хотелось вам о ней рассказывать. Вы знаете, что здесь в школе запрещено держать деньги, и вот один прапорщик получил 10 рублей и хотел передать их офицеру своего отделения (в этот день дежурным был Цылов). Когда Цылов взял эти деньги, для того чтобы лично передать их офицеру, то некоторые подумали, что он хотел их присвоить. Ему начали кричать: «десять рублей! десять рублей!». Его это оскорбило, и он пожаловался полковнику **. Последний подал рапорт генералу ***, который явился к нам и задал вопрос: кто именно кричал? Вы прекрасно понимаете, что не нашлось ни одного, чтобы сказать ему это. Он доложил об этому великому князю ****, который приказал, чтобы все те, кто помещается в комнатах, где больше всего кричали, не отпускались домой до окончания праздников. Вы понимаете, что я не кричал, но так как я находился в той комнате, где кричали сильнее всего, то и я разделил это наказание. Мне сказали, что если я назову кричавших, то буду прощен, даже если я сам кричал. Но я предпочел быть невинно наказанным, чем совершить

---

* Соседка Бакуниных; впоследствии ее дочь Варенька была воспитанницей в семье Бакуниных.

** Кованько.

*** Першу.

**** Михаил Павлович.

низость. А позавчера Цылов нам заявил, что он будет просить великого князя о нашем прощении. Вот причина моего долгого молчания. Я думал, что вы будете беспокоиться относительно печальных результатов, которые могли бы произойти из этой истории, но так как она кончилась счастливо, то я и поспешил вам об этом сообщить. Наш преподаватель артиллерии задал нам задачу: начертить 12-фунтовые пушки, что меня очень забавляет [над этим написано: занимает]. Скоро у нас состоится экзамен, и нам придется много поработать.

Я забыл вам сказать, что Евгений Поликарпов пришел меня навестить. Он пригласил меня к себе. Я собирался к нему пойти, когда разразилась эта история, помешавшая мне выполнить мое намерение.

Прощайте, дорогие родители. Так как я скоро буду говеть, то прошу у вас прощения за все прегрешения и вашего благословения.

Ваш почтительный сын
Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 9. — Письмо сестрам.

17 марта [зачеркнуто: февраля] 1830 года. С.-Петербург.

Дорогие сестры!

Давно я уже вам не писал и не получал писем от вас. В письме к отцу и матери я объяснил причину моего молчания. Поэтому мне не приходится повторять ее в письме к вам. Итак вот я заперт здесь надолго, но, может быть, нас простят, и тогда я загуляю. Я пойду к г-же Полторацкой *, к тетеньке Державиной **, к Львовым ***, к г-ну Княжевичу ****, к моему кузену Бакунину, г-же Олениной ***** и Сухаревой, к дяде Игнатьеву и проч. В этих домах я бываю чаще всего. Есть еще несколько знакомых домов, но туда я хожу весьма редко. Если меня

---

* Софья Борисовна, жена К. М. Полторацкого.
** Дарья Алексеевна[1].
*** Семья музыканта Ф. П. Львова.
**** Дмитрий Максимович.
***** Елизавета Марковна[2]

выпустят во время праздников, то я пойду еще к моему двоюродному деду Мордвинову *, у которого я уже давно не был. Кстати о Львовых. Я передал кузине Марии ваши письма или, точнее, ваше письмо. Она, как мне кажется, очень ему обрадовалась. Но я еще не получил от нее письма для вас. Как только я его получу, я поспешу его вам переслать.

Весна приближается быстрыми шагами, и даже в городе чувствуется ее близость. Улицы покрыты грязью и издают ужасающее зловоние. Вот весенние удовольствия в городе, тогда как в деревне воздух полон благоухания, всюду цветы, деревья покрыты пахучей листвой, — вот это деревенская весна. Пишите мне, пожалуйста, как можно чаще. Расскажите, как вы проводите время. Ходите ли вы, как и прежде, по насту? **.

Вы писали мне, что кузен Сергей Муравьев произведен в офицеры. Если вы с ним встречаетесь, поздравьте его от моего имени. Сообщите пожалуйста, часто ли вы видитесь с кузеном Петром Полторацким и скоро ли он будет произведен в офицеры?

А как поживает наш священник Иван Алексеевич, попрежнему ли он в добром здравии? Пожалуйста скажите ему, что я всегда о нем помню. Но у меня нет больше времени вам писать. Мы отправляемся в классы.

Целую вас.

Прощайте.

Ваш любящий брат

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 10. — Письмо сестрам.

[Лето 1830 года.] С.-Петербург.

Дорогие сестры,

Так как наш офицер еще не вернулся из артиллерийской школы, то у меня остается немного времени, чтобы побеседовать с вами.

Скоро уже два месяца, как я не получал от вас писем, а между тем я написал вам подряд четыре письма, не получив на

* Николай Михайлович [3].

** Последняя фраза по-русски в оригинале.

них ответа. Наконец мне это надоело, и я в конце концов перестал вам писать. Но видя, что это не служит ни к чему, я снова пишу вам, будучи уверен, что не получу от вас ответа. В прошлое воскресенье я был у Львовых на их даче. Мне было очень весело. Больше нечего вам писать.

Ваш брат

Михаил Бакунин.

Забыл поговорить с вами об одной очень милой барышне, некоей Эвриной [?], 16-ти лет от роду, которую я встретил у Львовых и которая разыгрывает романтическую роль. Это настоящая плутовка. То она начинает декламировать стихи, то разыгрывает трагедию. Когда она слушает музыку, она делает перед всеми такие милые жесты, что нельзя удержаться от смеха. Она гуляла с Марией Львовой. Навстречу им шел Толстой. Тогда она говорит: «Мария, я—ангел. Вот еще один мой обожатель». В конце концов она проделала массу подобных шалостей, заставивших смеяться решительно всех *.

Поклонитесь от меня Варваре Андреевне и всем прямухинским.

Прощайте.

Перевод с французского

№ 11. — Письмо сестрам.

[Весна 1831 года.] С.-Петербург.

Дорогие сестры!

Видите, каким я становлюсь аккуратным. Несмотря на всевозможные экзамены, я вам пишу для того, чтобы почаще получать письма от вас, — настолько они для меня приятны. Вы не можете себе представить, какое чудное чувство я испытываю, читая их. Мне кажется тогда, что я нахожусь среди вас, что я слышу ваш голос, а после этого очаровательного сна наступает весьма неприятное чувство. Я начинаю думать о времени нашей

---

* Дальше до конца по-русски в оригинале.

разлуки. Мне кажется, что она еще долго продлится. Чего бы я только не сделал, чтобы сократить это время! Я бы отдал половину своей жизни за возможность побывать в Прямухине хотя бы на минуту, чтобы обнять вас и уверить вас во всей глубине моей дружбы. Как я завидую братьям, что они все время могут наслаждаться присутствием родителей и вашим, дорогие сестры. Каким ребенком я был, когда радовался при мысли о поездке в Петербург! Я бы охотно согласился навсегда отказаться от лицезрения всех столиц на свете, лишь бы иметь возможность проводить свою жизнь среди людей, дорогих моему сердцу, не имея другой заботы и других намерений [зачеркнуто: других желаний], кроме как угождать им и стараться угадывать их малейшее желание. Ах, когда я увижу вас снова, дорогие сестры? Только тогда вы узнаете, как горячо я вас люблю.

Ваш нежный брат

М. Бакунин.

Ничто не может сравниться с нетерпением, с каким я жду письма от отца.

Перевод с французского.

№ 12. — Письмо сестрам Любови и Варваре.

Вторник, 5 мая 1831 года. С.-Петербург.

Дорогие сестры!

Госпожа Оленина имела любезность взять на себя передачу моего письма. Я впервые встретил ее у Львовых на лотерее, которую я постараюсь вам вкратце описать. Эта лотерея была устроена в пользу бедных. Всякий желавший получить билет должен был внести какую-нибудь свою работу и сверх того 5 рублей, так что каждый что-нибудь да выигрывал. Лотерея состоялась во вторник на святой неделе. Именно здесь я в первый раз встретился с Марией Сергеевной *. Она была очаровательна и нисколько не изменилась с тех пор, как я в последний раз видел ее в Митине. Она не могла меня заметить, так как было очень много народа. Кузины Львовы были, как всегда,

* Львова Мария Сергеевна, вышедшая за молодого Оленина [1].

чрезвычайно любезны и много говорили мне о вас. Мария хочет пожаловаться на меня в первом письме, которое она вам напишет, за то, что я издеваюсь над пылкими проявлениями ее дружбы к вам. Я ей сказал, что они неискренни, так как она вас не знает. Она мне ответила, что девушки лучше молодых людей чувствуют сладость дружбы. И тут я умолк.

Но вернемся к г-же Олениной. Петр Алексеевич * наговорил мне кучу любезностей и пригласил меня заходить к нему. А так как тетенька позавчера дала мне поручение к г-же Олениной, то я отправился с визитом к молодому Оленину, проживающему в том же доме. Мария Сергеевна очень много говорила мне о вас. Она рассказала мне про несколько подвигов г-на Борхерта ** и проч. и проч. Тут пришел ее брат Львов, вмешавшийся в разговор. Она предложила мне дать ей письмо для вас, а так как я лично не мог его передать ей, то Дмитрий Сергеевич *** обещал притти за ним.

Когда же я снова увижу вас, дорогие сестры? Жду этого момента с нетерпением. Я так вас люблю.

Но вы ничего не пишете мне о Беерах [2]. Где они? Передайте им мой почтительный привет в первом же письме, которое вы им напишете, но не забудьте.

Целую вас тысячу раз, а также папу, маму, Таничку, Сашеньку, братьев и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 13. — Письмо родителям.

30 августа 1831 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Вот наконец я и у тетеньки ****. Вчера получен был приказ отпустить нас по домам, хотя воспитанники других корпусов продолжают оставаться в заключении. Мы не заслужили такого отличия своим плохим поведением и беспорядком, который мы учинили во время нашего заточения. Некоторые несправедливости

* Сын Алексея Николаевича Оленина.
** Гувернер Полторацких.
*** Львов.
**** Прасковьи Михайловны Ниловой.

Вид дома в Премухине

и грубость наших офицеров возбудили недовольство и ропот школы, которая позволила себе поднять шум и крики против них. Я был подвергнут аресту за то, что с улыбкой сказал: «Ого», в то время как подполковник угрожал заслать моих товарищей туда, куда Макар телят не гонял *. Но я оправдался, и подполковник сказал мне, что для примера арестует меня на сутки. Пока я сидел под арестом, генерал приказал составить список недовольных и довольных поведением офицеров. Три четверти школы записалось в число недовольных, а так как я сидел под арестом, то меня записали в довольные. На следующий день мне вернули свободу. Нас освободили от всякой службы и распустили по домам (я говорю о довольных). Из недовольных пятеро были наказаны, и на том дело кончилось.

Приближаются экзамены. Надеюсь выдержать их успешно. Я перейду в первый класс, затем буду офицером, а затем поеду в Прямухино. С каким нетерпением я жду этого времени, того времени, когда смогу уверить вас лично во всей привязанности, во всей любви, во всей признательности, которые я к вам питаю!

Прощайте, дорогие родители.

Прошу вашего благословения и остаюсь

вашим почтительным и нежным сыном

М. Бакунин.

Целую сестер и братьев.

Перевод с французского.

№ 14. — Письмо родителям.

18 сентября 1831 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Спешу поздравить вас с днем ангела папы и пожелать вам всякого счастья. А так как вы видите все свое счастье в нас, то мы употребим все свои силы, чтобы сделать вас счастливыми. У нас не будет другого желания, кроме желания видеть вас довольными. Ваше самое пламенное желание, сказали вы нам, заключается в том, чтобы мы жили в дружбе. Мы выполним ваше желание и будем связаны самыми нежными узами. И как нам не быть таковыми? Мои сестры так добры, они так любят

* Подчеркнутые нами слова по-русски в подлиннике.

нас всех,— не было ли бы неблагодарностью с нашей стороны не платить им взаимностью, не стараться доказать им нашу дружбу, нашу признательность? Были ли бы мы достойны быть вашими детьми и носить имя Бакуниных, если бы мы поступили таким образом? Повторяю вам, дорогие родители, мы навсегда будем связаны самою искреннею дружбою.

Как мне хочется вас повидать, дорогие родители, с каким нетерпением я жду этого счастливого момента! Только тогда вы вполне узнаете всю глубину моей любви и моей признательности.

Прощайте, дорогие родители.

Прошу вашего благословения и остаюсь

вашим почтительным сыном

М. Бакунин.

Целую сестер и братьев и шлю нижайший привет м-ль Ниндель * и г-ну Фейгерлю **.

Перевод с французского

№ 15.—Письмо родителям.

20 сентября 1831 года.
[С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Как описать вам мою радость при получении ваших писем, которые сделали меня совершенно счастливым? Прошло три недели, как я не имел от вас никаких известий. Я сильно тревожился. Представьте же себе мою радость, когда графиня подала мне ваш пакет. Я распечатал его и увидел, что вы, слава богу, совершенно здоровы. Как же не благодарить вас, дорогие родители, за вашу дружбу? Будьте уверены, что я умею ее ценить, я обещаю вам посвятить всякое мгновение моей жизни тому, чтобы доказать вам мою признательность и горячую любовь, которую я к вам питаю. Как я благодарен сестрам за дружбу, которую они выказывают мне в каждом своем письме! Нет слов для выражения всей глубины моей любви к ним. Они так добры. Да, дорогие родители, мы будем связаны самой нежной дружбой, и

* Юлия Ниндель (Жюли) — гувернантка Бакуниных.

** Фейгерль — учитель музыки в доме Бакуниных.

эта дружба будет вечной. Мы будем считать нашим счастьем, если нам удастся составить ваше. Как мне хочется побывать в Прямухине. Какое я счастье испытываю при одной только мысли об этом! Только теперь я вполне чувствую, какое это несчастье быть в разлуке со всем тем, что любишь.

Недавно я получил письмо от г-на Ривуара *, сообщающего мне, что вы ему ответили. Он просил меня дать ему ответ, чего я до сих пор не сделал благодаря экзаменам, которые продолжались с 1 по 20 сентября. Я выдержал их хорошо. Это, если так можно выразиться, была только репетиция большого экзамена, который состоится в декабре месяце и которого я ничуть не боюсь.

Пушкин сочинил прекрасные стихи **, вот они:

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ.

О чем шумите [вы], народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнение Литвы?
Оставьте, это — спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена,
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона;
Кто устоит в неравном бое—
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.
Оставьте нас, вы не читали
Сии кровавые скрижали,
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда,
Для вас безмолвны Кремль и Прага,
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага;
И ненавидите вы нас.
За что ж? Ответствуйте, за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли

---

* Ривуар — бывший гувернер в доме Бакуниных.

** Дальше следует по-русски стихотворение Пушкина. Мы приводим его в том виде, как оно дано у Бакунина.

Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?
Вы грозны на словах, попробуйте на деле.
Иль русский богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте же, витии,
Своих озлобленных сынов;
Есть место им еще в России
Среди нечуждых им гробов.

А. Пушкин.

Август 1831 года,
Царское Село.

Эти стихи очаровательны, не правда ли, дорогие родители, полны огня и истинного патриотизма. Вот как должен чувствовать русский. Сначала Пушкин дал им заглавие: «Стихи на речь, говоренную генералом Лафаэтом» *, но цензура его изменила и поставила: «Клеветникам России» **. Этот старый Лафаэт*** — большой болтун. После того как он был одним из главных деятелей революции в Соединенных Штатах и обеих французских революциях, он хотел бы возмутить русских. Но нет, русские — не французы, они любят свое отечество, они обожают своего государя, его воля—закон для них. Среди них не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже своею жизнью для его блага и для блага своего отечества.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и целую вас тысячу и тысячу раз.

Ваш почтительный и нежный сын

М. Бакунин.

---

* Это заглавие по-русски в оригинале.
** Эти два слова по-русски в оригинале.
*** Маркиз Мари Жозеф [1].

Перевод с французского.

№ 16. — Письмо родителям.

6 декабря 1831 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Спешу поздравить вас с днем ангела маменьки. Сестры пишут мне, что они очень весело провели эти дни. Что касается меня, то в продолжение двух недель я был поглощен экзаменами, которые вчера закончил, перейдя в первый класс. Срок нашего свидания все больше сокращается, но времени осталось еще так много, что мне кажется, что момент, когда я вас снова увижу, никогда не наступит. Как приятен будет этот момент и с каким нетерпением я его жду.

Вы, может быть, не слыхали о том, что Полторацкий получил орден св. Владимира 2-й степени. Представляю себе радость Софьи Борисовны и Борхерта, который является учителем [зачеркнуто: гувернером] сына не только ярославского губернатора *, но и кавалера ордена св. Владимира.

Кузен Бакунин был очень болен, но, благодаря бога, теперь ему лучше. Его брат, адъютант великого князя, позавчера приехал к великой радости всей семьи, ожидавшей его с нетерпением.

С каким нетерпением я жду брата **! По крайней мере, я не буду здесь больше одинок. Я постараюсь подавать ему самый хороший пример. Присылайте его как можно скорее, дорогие родители.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Целую сестер и братьев.

---

* Ярославским губернатором был ген. К. М. Полторацкий, муж Софьи Борисовны.

** Николая.

Перевод с французского.

№ 17. — Письмо родителям.

29 декабря 1831 года. [С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Вы не можете себе представить, какую радость доставили мне ваши письма. Я не получал от вас ничего в продолжение уже двух недель и очень беспокоился, как вдруг пришли ваши письма. Я их вскрыл и увидел, что, благодаря бога, вы пребываете в добром здоровьи и что только праздники послужили причиною вашего долгого молчания.

Поздравляю вас, дорогие родители, с новым годом и желаю вам всякого счастья. Дай бог, чтобы этот год был более богат счастливыми событиями, чем прошедший. Я очень приятно провел праздники у тетеньки Прасковьи Михайловны *. Стояли такие холода, что я не мог выходить из дому. В воскресенье, т. е. 27-го, я вернулся в школу. Представьте себе мой сюрприз и радость, когда мне сказали, что благодаря настоянию нашего инспектора, барона Медема, великий князь согласился отпустить нас по домам еще на одну неделю, и вот я вернулся к тетеньке, и притом на целую неделю.

Сестра пишет мне, что вы предполагали съездить в Казицино, а оттуда в Тверь к бабушке **. Как бы мне хотелось совершить эту поездку вместе с вами, как бы мне хотелось повидать теток Бакуниных и бабушку.

Прощайте, дорогие родители.

Прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Целую сестер и братьев. Я бы им написал, если бы у меня было время. Вчера я ленился, а сегодня я не могу этого сделать, так как тетя сейчас же отсылает письма на почту.

---

* Ниловой.

** Варвара Михайловна Полторацкая.

Перевод с французского.

№ 18. — Письмо сестрам.

6 января 1832* года. С.-Петербург.

Дорогие сестры!

Берусь за перо, чтобы вам наконец написать и просить у вас прощения за свое долгое молчание. Я думаю, что вы несколько сердитесь на меня, но вы так добры, что меня простите: я ничем не могу оправдать своего долгого молчания. Единственною причиною его является моя леность, но я обещаю вам в другой раз быть более аккуратным и писать чаще.

Я очень весело провел праздники. Они продолжались две недели. Все это время я провел у тети. Другие школы пользовались только праздничными днями. Мы же, как я уже писал, благодаря великому князю, получили двухнедельный отпуск. Этим он хотел нас отличить и наградить.

Недавно сюда прибыл кузен Александр Александрович Полторацкий и сообщил, что свадьба Варвары Александровны ** состоится, быть может, в Торжке. Таким образом вы, повидимому, будете иметь удовольствие скоро свидеться с тетенькой и кузенами Полторацкими. Если вы их увидите, передайте им, пожалуйста, от меня привет, а кузине Таничке скажите, что память о ней навсегда запечатлелась в моем сердце и проч., и проч.

Но вы ничего не сообщаете мне о Беерах. Где они? Рассчитываете ли вы скоро с ними увидеться? Получаете ли от них известия? Поступил ли уже Алексей *** в университет? Пожалуйста, сообщите мне об этом, так как Беры меня очень интересуют. Я их еще не забыл.

Как мне хочется вас повидать, дорогие сестры! Вы наверное сильно изменились, но остались попрежнему такими же добрыми и нежными, какими были всегда.

Целую вас от всего сердца и остаюсь

вашим нежным братом ****

М. Бакунин.

---

* Сначала было написано 1831 г., а затем другими чернилами цифра 1 переделана в 2. Здесь мы имеем, повидимому, дело с обычной опиской, когда письма, посланные в первые дни нового года, датируются по рассеянности прошедшим годом.

** Полторацкой, дочери А. П. Полторацкого.

*** А. А. Беер.

**** Слово «братом» написано дважды.

Перевод с французского.

№ 19. — Письмо родителям.

Суббота, 6 февраля 1832 года. [С.-Петербург.]

Дорогие родители, как я рад был получить ваше письмо! Теперь я совершенно успокоился насчет вашего здоровья, которое нам так дорого и которое мы постараемся вам сохранить, стараясь выполнять ваши малейшие желания и идя по пути добродетели.

Вы пишете мне, дорогая матушка, что остался всего год до счастья снова увидеть Вас, и Вы говорите, что это — небольшой срок. Как же так небольшой срок? Этот год кажется мне более долгим, чем все три года, которые я провел вдали от дорогого Прямухина. А между тем дни проходят так быстро, что не успеет неделя начаться, как она уже кончается, так что мы ее и не замечаем. Наши занятия столь разнообразны и многочисленны, что нам не остается времени для скучания.

Ваша поездка в Тверь наверно была очень приятна, особенно для сестер, которые повидимому там недурно повеселились. Но бедняжка Таничка и Сашенька, должно быть, были весьма грустны. Я представляю себе, с каким нетерпением они вас дожидались.

Вы пишете мне, дорогие родители, что тетя Александра Федоровна выехала 19 января в Петербург с Катенькой и Сашенькой. Я жду их с нетерпением. Думаю, что обе последние наверно сильно изменились с того времени, как я их видел в последний раз в Прямухине *.

Записку, которую Вы просите, любезный папенька, я уже давно составил и сегодня пойду в книжную лавку, чтобы узнать о цене книг, нужных для брата Николая. Тетенька Прасковья Михайловна ** хочет их купить и выслать Вам при первой оказии.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

---

* Следующий абзац по-русски в оригинале.

** Нилова.

Перевод с французского.

№ 20. — Письмо родителям.

[Начало апреля 1832 года. С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Только что получил письмо от сестер и спешу вам ответить. Тетенька уже писала вам по поводу постигшего меня несчастья и неудачного оправдания, которое я придумал, чтобы выпутаться из беды и не получить строгого наказания. Однако я был наказан двухнедельным арестом ввиду того, что полковник заподозрел меня во лжи, и я дал себе слово, что если впредь мне случится сделать что-либо дурное или нарушить требования службы, то какое бы строгое наказание меня ни ожидало, я буду говорить чистую правду.

Сергей* сообщил вам, дорогие родители, будто я хотел оставить службу и будто я ее не люблю. Он не понял того, что я ему сказал: я ему сказал, что мелкие особенности военной службы и дисциплины неприятны, например, то, что на военной службе никогда не бываешь прав перед старшими; ученье также довольно трудно; но вместе с тем я ему сказал, что не оставлю службы, так как для меня это—единственное средство честно прожить и стать полезным моему отечеству и моим родным. Я ему сказал даже, что когда буду офицером, то, может быть, переменю мнение о военной службе, что только теперь, когда я исполняю солдатскую службу, она представляется мне неприятной. Поэтому успокойтесь, дорогие родители, и будьте уверены, что у меня нет никакой охоты оставить военную службу, которая должна быть очень приятной во время войны.

Я теперь очень занят. Наш преподаватель французского языка задал мне сочинение о влиянии нравов на литературу и об обратном действии литературы на нравы. Я должен закончить это сочинение к пасхе, так как пишу его для нашего начальника, генерала Сухозанета **, который захотел узнать, насколько в школе знакомы с французским языком. Когда я кончу его, я вернусь к чтению «Лицея Лагарпа» [2], из которого я делаю небольшие извлечения. Математика тоже отнимает много времени. В общем работы у нас довольно.

---

* Сергей Николаевич Муравьев, двоюродный брат М. А. Бакунина.

** Иван Онуфриевич [1].

Сегодня я видел г-на Ривуар. Он много рассказывал мне о Прямухине и его жителях. Он, кажется, желает снова поступить в гувернеры к братьям. Вот что он мне сказал: «Я нуждаюсь в тихом убежище, где я мог бы спокойно провести свою жизнь. Я хотел бы вернуться в Прямухино и быть гувернером Ваших братьев. Я знаю средства Вашего отца и надеюсь, что мне удастся с ним сговориться». Он хотел сам вам написать.

Прощайте, дорогие родители.

Прошу вашего благословения
и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Перевод с французского

№ 21. — Письмо родителям.

16 апреля 1832 года. [С.-Петербург.]

Христос воскресе, любезные папенька и маменька! Поздравляю вас с прошедшим праздником христова воскресения. Как я вам благодарен, любезные родители, за подарок, вами мне сделанный! Я наделал столько глупостей, вы за меня заплатили столько денег, и вы еще так добры, что лишаете себя нужного для того, чтобы доставить мне удовольствие. Будьте уверены, что я всегда буду уметь ценить ваше ко мне благорасположение и что всегда буду стараться заслужить его.

Я воображаю, как вы весело провели праздники. Прямухино уже теперь во всем своем блеске, даже почти все цветы начинают расцветать, деревья уже покрыты зеленью. У нас на страстной неделе погода была прекрасная, но с тех пор, как Нева прошла, она сделалась прескверною *.

Я еще не говорил вам о кузене Василии Михайловиче и кузине Авдотье Михайловне ** Бакуниных, с которыми я познакомился две недели тому назад. Они недавно прибыли сюда. Мой кузен приехал искать места. Они не могли заехать к вам благодаря плохой дороге. Я встречаю их довольно часто у тетеньки ***. Проездом через Тверь они побывали у г-на и г-жи Глинка, которые им **** много говорили о вас.

* До сих пор по-русски, дальше по-французски в оригинале.

** Дочь Михаила Михайловича Бакунина, брата отца М. А. Бакунина.

*** Ниловой.

**** В оригинале по ошибке написано «ему».

На праздниках я познакомился еще с Александром Николаевичем Мордвиновым [1], двоюродным братом маменьки, и со всем его семейством. Он просил меня, дорогая маменька, напомнить Вам о нем. Он обошелся со мною весьма ласково, и я очень хорошо чувствовал себя в его обществе.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим почтительным сыном

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 22. — Письмо сестрам.

16 апреля 1832 года. [С.-Петербург.]

Дорогие сестры,

Поздравляю вас с прошедшим великим праздником, говоря вам «Христос воскресе!». Вы не можете себе представить, как я досадовал на то, что не мог провести его вместе с вами. Вы много рассказываете мне о кузенах Вульф [1]. Я очень хотел бы с ними познакомиться.

Я тоже завел много новых знакомств, о которых сообщил родителям: это Мордвиновы и Бакунины. Последние много рассказывали мне о вас. Теперь я занят чтением очень хорошего романа «Красный Корсар» Купера. Затем я прочту роман того же автора «Браво» [2].

Целую вас, а также братьев, и поздравляю всех жителей Прямухина.

Ваш брат

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 23. — Письмо родителям.

13 мая 1832 года. [С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Вот я и совершенно выздоровел. Недели через полторы я выйду из лазарета. Я уже не лежу в постели. Ко мне вернулись все мои силы, и я возобновил свои обычные занятия. Мне приходится только соблюдать небольшую диэту.

Я очень сильно скучал во время болезни, приходилось лежать, у меня не было ни книг, ни чего другого. Теперь же у меня будет много работы. Я должен догнать своих товарищей, и мне некогда будет скучать.

Представьте себе, дорогие родители, что сегодня 13-ое мая, а у нас выпал снег. Все это время стояла прекрасная погода, но я не мог ею воспользоваться вследствие своей болезни. Как, должно быть, хорошо теперь в Прямухине! Думаю, что там теплее, чем здесь, и вероятно всё теперь в полном цвету.

Полагаю, что тетенька * скоро выедет на дачу. Я рассчитываю хорошенько там повеселиться. Дача расположена на Петергофском шоссе, в 7 верстах от Петербурга.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным сыном

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 24. — Письмо сестрам.

[Май 1832 года. С.-Петербург.]

Дорогие сестры,

Как я вам благодарен за ваши любезные письма! Они вполне успокоили меня насчет вашего здоровья.

Когда я читал описание ваших занятий, то у меня слюнки текли. Почему я теперь не могу быть в Прямухине? Как бы мне было там весело! Но что делать, приходится вооружиться терпением. Я вам уже писал, что я не иду в лагери, а остаюсь все время у тетеньки **. И как я этим восхищен!

Благодарю вас, дорогие сестры, за советы, которые вы так любезно мне даете. Они показывают мне, как сильно вы меня любите. Будьте уверены, что я глубоко чувствую доброе отношение тетеньки ко мне и весьма им тронут.

Прощайте, дорогие сестры.

Целую вас 100... раз и остаюсь

вашим нежным братом

М. Бакунин.

Привет братьям.

---

* П. М. Нилова.

** Ниловой.

Перевод с французского.

№ 25. — Письмо сестрам.

[Май 1832 года. С.-Петербург.]

Дорогие сестры!

Я уверен, что мое долгое молчание вас не рассердило и что вы великодушно меня простили, тем более что в этом виноват не я, а моя проклятая болезнь, которая лишила меня возможности повеселиться на праздниках.

Когда я читал описание ваших работ в саду и на горе с вязами, у меня слюнки текли изо рта. Как бы мне хотелось иметь возможность поработать вместе с вами *.

Ты мне пишешь, любезная Любинька, о трагедии Пушкина «Борис Годунов» и говоришь, что немецкие писатели ставят ее на ряду с лучшими шиллеровскими трагедиями; здесь мнения разделены: иные говорят, что в ней нет ничего хорошего, другие же говорят, что эта трагедия есть лучшее произведение Пушкина. Вот мнение нашего учителя словесности: он говорит, что Пушкин никогда еще так высоко не стоял, но что он также часто упадал, описывая характер Годунова по Карамзину. Недавно вышли два романа: Стрельцы Массальского [1] и Дочь купца Жолобова Калашникова [2]: первый роман мне очень понравился; второго же я не читал.

Прощайте, дорогие сестры, целую вас тысячу раз и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Благодарю вас, дорогие братья Илья и Павел, за ваши письма. Они доказывают мне, что вы меня еще не забыли. Николай же не хочет оказать мне честь и написать мне.

Прощайте, дорогие братья.

Целую вас.

Ваш брат

М. Бакунин.

---

* Следующий абзац до конца по-русски в оригинале.

Перевод с французского.

№ 26. — Письмо родителям.

27 мая 1832 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Ваше молчание меня чрезвычайно беспокоит. Уже свыше двух недель я не получал от вас известий. Тетенька *, которая была так добра, что сегодня меня навестила, успокоила меня, высказав предположение, что вы теперь в отъезде.

Тетенька теперь в чрезвычайно тревожном состоянии. Графиня ** серьезно больна, но кажется, что ей теперь лучше. Я надеюсь, что она скоро совершенно выздоровеет.

Я нахожусь еще в лазарете, дорогие родители, но я почти совершенно выздоровел, хотя еще несколько слаб. Полковник заявил мне, что я не пойду в лагери вследствие моей слабости, и я проведу около двух месяцев у тетеньки на даче. Я предполагаю хорошенько там поразвлечься. Полковник сказал мне, что он хотел бы поговорить с тетенькой, и тетенька, хотя она чрезвычайно занята, была так добра, что пришла к нам в школу, но ей не удалось повидать полковника, так как его не было дома. Завтра тетенька напишет ему письмо, и возможно, что с завтрашнего же дня я смогу переехать к ней. Я жду завтрашнего дня с величайшим нетерпением. Но не думайте, дорогие родители, что я забросил ученье. Напротив, если бы я находился в лагерях, то у меня не было бы времени, и я не мог бы заниматься вследствие сильного зноя и усталости, которые там испытываешь, тогда как у тетеньки я смогу ежедневно заниматься ***.

У нас был вчера великий князь Михаил Павлович; он приехал к нам в лазарет и сказал [зачеркнуто: заметил], что я во время болезни ужасно вырос; я [зачеркнуто: мы] с ним мерился, и он, увидав, что я выше его, сказал: «Молодые люди растут все вверх, а мы, старики, растем уже вниз». Он очень был доволен училищем.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

Целую сестер и братьев. М. Бакунин.

* П. М. Нилова.

** Графиня Делагарди, дочь Ниловой.

*** Следующий абзац по-русски в оригинале.

Надеюсь, дорогие родители, что вы простите мне ошибки, сделанные мною по небрежности; перечитывая письмо, я некоторые из них исправил.

Перевод с французского.

№ 27. — Письмо родителям.

17 июня 1832 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Вчера, придя к тетеньке *, я получил известие о вас. Письмо сестер исполнило меня радостью. Не получая от вас свыше двух недель никаких известий, я начал уже бояться, не захворал ли кто-нибудь из вас. Но теперь я совершенно успокоился насчет вашего здоровья. Слава богу, что болезнь матушки прошла. Надеюсь, что она долго не вернется.

Прибыв сюда, я нашел бедную тетушку очень больной. Она схватила лихорадку и сильно страдает. Графиня все еще больна. Я нашел ее совершенно исхудавшею и бледною. Лечит их гомеопат (г. Герман). Он обещает, что они скоро выздоровеют. Дай бог, чтобы его обещания исполнились.

В воскресенье, то-есть 19-го числа, все учебные заведения выступят в лагери; я же останусь на все лагерное время здесь, у тетеньки. Как скоро тетеньке и графине будет лучше, мы переедем на дачу, на 7-й версте от Петербурга **.

Великий князь вчера сделал смотр нашей школе и остался чрезвычайно доволен; он поцеловал правого флангового и велел всем передать ***.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

---

* П. М. Ниловой.

** Этот абзац по-русски в оригинале.

*** Последняя фраза от слова «он» по-русски в оригинале.

Перевод с французского.

№ 28. — Письмо родителям и сестрам.

Воскресенье, 28 августа 1832 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Вы, я думаю, заметили из моего последнего письма, что кузина Полторацкая приехала сюда, чтобы провести здесь несколько недель. Вы видели также, как я был восхищен ее приездом. Я радовался при мысли, что проведу с нею еще несколько дней, как вдруг нас всех заперли по приказу императора вследствие дурной погоды. Вы не можете себе представить, как этот приказ нас огорчил. Итак мы снова взаперти на несколько месяцев, снова мы надолго лишены удовольствия видеть наших родных. Разве это не способно привести в отчаяние? Но что делать, наши жалобы не могут ничего изменить в этом приказе, повергшем нас в глубочайшую печаль. Теперь нам остается только работать, работать и работать. Только таким путем мы, быть может, протянем до конца этих бесконечных четырех месяцев, отделяющих нас от свободы. Через четыре месяца, дорогие родители, я буду офицером: через четыре месяца не будет больше четырех стен, могущих помешать мне лететь туда, куда зовет меня сердце! Дядя Алексей Павлович * был так добр, что навестил меня. Он много рассказывал мне о вас, дорогие родители, и о сестрах. Я готов был слушать его без конца. Он встретил моего кузена Бакунина, которому высказал мнение, что когда я буду офицером, мне дадут отпуск по крайней мере на неделю. Таким образом через четыре месяца я попаду в Прямухино. Боже, как я счастлив при этой мысли! Я с трудом верю этому, но еще четыре страшных месяца этой жизни! Чем больше я приближаюсь к их концу, тем более долгим мне кажется время.

Недавно меня посетил г-н Монтень. Он передал мне ваши распоряжения и советы, дорогие родители, которые я принял с восторгом, как новое свидетельство вашего доброго ко мне отношения, и с которыми я постараюсь сообразоваться в течение всей моей остальной жизни. Я обещал г-ну Монтеню зайти к нему в субботу по дороге к тетеньке, но не мог сдержать сво-

---

* Полторацкий.

Варвара Александровна Бакунина,
рожденная Муравьева

Александр Михайлович Бакунин
(в 1824 г.)

его слова вследствие дурной погоды, о которой я вам уже говорил, и потому послал к нему слугу с извинением. Так как слуга его не нашел, то возможно, что он прождал меня весь день. Поэтому, дорогие родители, я прошу вас извиниться за меня перед ним, когда вы его увидите, и сказать ему, что моя невежливость была невольною.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Дорогие сестры!

Видите, как я становлюсь аккуратен. Я снова начинаю часто вам писать. Теперь, когда я сижу под замком, у меня не будет более приятного времяпрепровождения, чем беседы с вами, моими лучшими друзьями. Дядя Полторацкий много рассказывал о всех вас и о Николае. Он сообщил мне, что вы ждете меня с величайшим нетерпением. Я сам страстно хочу повидать вас, дорогие сестры. Боже мой, как я буду тогда счастлив! Я с трудом могу себе представить это счастье. Дядя рассказал мне, что у Николая слабое зрение, а брат Александр — страстный танцор. Это не то, что я, так как я терпеть не могу танцев. Вы знаете, что кузина Полторацкая здесь. Она выказала ко мне самое доброе отношение, и я в отчаянии, что не могу теперь ее видеть.

Вы писали мне, что Беэры приедут на два месяца в Попово. Спросите их [зачеркнуто: пожалуйста], помнят ли они еще обо мне, и сообщите им, пожалуйста, о некоем графе Толстом (мой товарищ по классу), который каким-то образом приходится им родственником.

Прощайте, дорогие сестры, целую вас тысячу раз и остаюсь

вашим нежным братом и другом

Мих. Бакунин.

Целую братьев.

Дорогие родители, я забыл поздравить вас с днем ангела папеньки и брата Александра. Искренно желаю Вам, дорогой папенька, здоровья, которое нам всем так дорого.

Перевод с французского.

№ 29. — Письмо сестрам.

17 сентября 1832 года. С.-Петербург.

Вот вы уже и разгневались, дорогие сестры, глаза ваши мечут громы и молнии, вы кричите о нарушении слова, но умерьте ваш пыл и соблаговолите меня выслушать. Прошло почти три недели, как я не написал вам ни слова. Но виноват в этом не я. Во всем виноваты наши экзамены, которые состоятся в середине ноября и будут очень строгими. Нам не хотят дать времени для подготовки, говоря, что те, кто хорошо учился в течение года, должны знать все, не готовясь. Мы не спим по ночам, у нас нет ни минуты свободной — вот причина моего молчания. Поэтому, дорогие сестры, я надеюсь, что вы уже не сердитесь на меня после того, как я объяснил вам причины, помешавшие мне вам написать.

Поздравляю тебя, дорогая Любинька, с днем ангела. Боже, как бы я был счастлив, если бы мог провести этот день с вами. Как мне хочется вас повидать, всех вас расцеловать, вы — такие славные сестры, я вас так люблю, мне кажется, что за всю мою жизнь у меня не будет другой воли, кроме вашей, что все мои действия не будут иметь другой цели, как стать достойным вашей дружбы. Сегодня, думаю, у вас будут гости, Беевы, которые, как говорят, очаровательны и полны талантов. Я очень хотел бы их повидать, и я в отчаянии от того, что они приехали в Поповo на столь короткое время. Со стороны Натальи* очень мило, что она меня не совсем забыла и что вспомнила обо мне. Передайте ей, пожалуйста, что я был от этого в восторге. Что касается Алексея** (который, как я думаю, состоит студентом Московского университета, а потому слишком высоко стоит, чтобы помнить обо мне, бедном артиллеристе), то передайте ему, пожалуйста, от меня почтительный привет.

Вы пишете мне, дорогие сестры, что m-lle Дохтурова *** находится в Петербурге. Я давно уже об этом знал через кузена Бакунина ****, который несколько раз встречал ее в Эрмитаже. Я не знаю, как поступить, чтобы представиться ей лично

* Беер.

** Беер.

*** В подлиннике по ошибке написано «Докторова» (Doctdroff); в другом месте «Дохторова» (Dochtorof) [1].

**** Василий Михайлович.

под своим именем, так как она знала меня ребенком и, весьма возможно, не узнает меня в образе молодого человека. Как же мне узнать, что мой визит не будет ей неприятен? А вы советуете мне пойти к ней, не называя своего имени и не говоря, кто я, и немножко помучить ее! Подумаешь, какое мучение. Только в провинции можно придумывать такие замечательные планы. Я прямо не могу понять, как m-lle Беер, московская жительница, могла выразить свое согласие со столь странным проектом. Вы, значит, забываете, что я нахожусь не в Торжке, и не знаете, что в Петербурге не принято представляться кому бы то ни было, не называя своего имени. Но допустим даже, что мне удастся пробраться к ней и что я начну разыгрывать свою роль. Тогда ее брат (которого я не имею удовольствия знать и который, по вашим словам, является капитаном флота) может отнестись к этому делу серьезно. Он в состоянии вообразить, что я вздумал издеваться над его сестрой, и тогда я впутаюсь в крайне неприятную историю. Мы находимся с ним не в одинаковом положения, так как он—офицер, а я—жалкий прапорщик (который, впрочем, через три месяца сам наденет эполеты). Скажу вам еще, дорогие сестры, что я не понимаю цели вашего проекта. Вы, очевидно, предполагаете, что мое внезапное появление возбудит изумление и окажется сюрпризом (чуть было не сказал: удовольствием) для m-lle Дохтуровой. Вы сильно ошибаетесь. Снова повторяю вам: m-lle Дохтурова, знавшая меня ребенком, наверно давно уже забыла о моем существовании, и если я явлюсь к ней, и если даже она меня узнает, то от этого дело не двинется вперед. Назвавшись, я останусь для нее таким же чужим, как и до того, а развязка этой комедии будет совершенно иная, чем вы себе это представляете. Поэтому передайте пожалуйста m-lle Наталии *, что, несмотря на все желание исполнить ее волю (я уверен, что это именно ее воля), я не могу этого сделать, если она не соблаговолит дать мне несколько указаний, способных лучше разъяснить мне сущность дела. Однако все эти соображения не могли бы, пожалуй, остановить меня, если бы не одно весьма веское соображение, которое на известное время делает для меня невозможным удовлетворение вашего желания: это — холера, составляющая настоящую причину нашего заточения, о котором я вам уже говорил и которое я при-

* Беер.

писал тогда скверной погоде из опасения растревожить вас на мой счет (впрочем, этот предлог приводился также в приказе о лишении нас отпусков). Верно то, что в Петербурге — холера, но в очень слабой форме, при чем она поражает только тех, кто пренебрегает необходимыми предосторожностями, так что мы все ею не затронуты.

Благодарю тебя, дорогая Таничка, за то, что ты наконец сообщила мне о тетеньке Татьяне Михайловне * и о моих кузинах. Вы говорите, что кузина Таничка меня не забыла. Я от этого в восторге. Она наверно сильно изменилась, выросла, похорошела и осталась попрежнему доброй. Пожалуйста, если вы еще раз ее встретите, передайте ей, что я люблю ее всей душой и что память о ней не изгладилась и никогда не изгладится в моем сердце.

Прощайте, дорогие сестры, целую вас тысячу раз

и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Целую руки папеньки и маменьки и прошу их благословения.

Целую братьев.

Перевод с французского.

№ 30. — Письмо сестрам.

5 ноября 1832 года. С.-Петербург.

Вы немножко сердитесь на меня, дорогие сестры, за мое молчание, но я надеюсь, что вы простите меня, когда я вам скажу, что я встаю обычно в 3 часа утра, иногда в два или в час,— настолько мне нехватает времени. Экзамены состоятся около 20-го числа этого месяца, так что у меня осталось приблизительно две недели для подготовки к ним. Надеюсь, что с божьей помощью я выдержу экзамены хорошо и что через два месяца буду офицером. Быть может, тогда я смогу сделать нечто большее, чем писать вам письма, я смогу, быть может, приехать с вами повидаться и вас расцеловать!..

* Сестра отца Бакунина, бывшая замужем за Александром Марковичем Полторацким.

Ты была больна, моя бедная Таничка. Надеюсь, что твоя болезнь прошла, что ты уже не чувствуешь ее последствий и совершенно от нее оправилась. Как бы я хотел видеть Вариньку, играющую в трагедии «Дмитрий Донской» [1]. Я припоминаю, как хорошо она играла роль Эгиста в «Меропе» (Вольтера). Жаль, что тиран Полифонт (так, кажется) не знал своей роли и заикался.

M-lle Кожевникова сказала мне, что Леонид Николаевич * предполагает прибыть сюда с г. Фейгерлем **. Я в восторге от того, что смогу наконец познакомиться с последним. Я столько о нем слышал. Что делает его дорогим для меня, так это его привязанность ко всем вам. Жду его с нетерпением.

Я, кажется, уже писал вам, что холера давно уже не держит нас в школе, где я сейчас нахожусь (несмотря на то, что завтра воскресенье) и откуда я не выйду раньше конца экзаменов (надеюсь, с радостью в сердце).

Вы сообщаете, дорогие сестры, что m-lle Дохтурова *** была так добра, что собиралась послать за мною. Поэтому, когда я буду произведен в офицеры, я не замедлю отправиться к ней и лично ее за это поблагодарить.

Со стороны m-lle Ниндель очень мило, что она обо мне вспоминает. Прошу вас, дорогие сестры, поблагодарить ее от моего имени.

Сказка, которую ты мне прислала, дорогая Любинька, очень оригинальна. Я, кажется, угадываю, кто ее автор [2]. Думаю, что это — один из губернаторов, который, как говорят, чрезвычайно смешон со своей претензией на звание поэта. Разве не ему Вяземский **** посвятил весьма комичные стихи с чрезвычайно лестным для него письмом, которое тот принял за чистую монету?

Прощайте, дорогие сестры,

целую вас тысячу раз, а также братьев

М. Бакунин.

Целую ручки папеньки и маменьки.

---

* Львов (из семьи Львовых, соседей Бакуниных по Тверской губернии).
** Преподаватель музыки в семье Бакуниных.
*** Мария Афанасьевна.
**** Петр Андреевич [3].

Перевод с французского.

№ 31. — Письмо родителям и сестрам.

17 января 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Давненько я уже вам не писал, но это потому, что я не хотел писать вам до получения офицерского чина. Я думал, что мы будем произведены в первый день нового года, но надежды мои не оправдались, и нам, быть может, придется подождать до 28 января (день рождения великого князя Михаила). Но когда тетенька * объяснила мне, что вы можете приписать мое молчание болезни, то я взялся за перо, чтобы подать вам весточку о себе.

Экзамены продолжались со 2-го до 22-го декабря. Они были очень строги, произведены были крупные изменения. Экзамены прежних лет были гораздо легче, чем в этом году. У нас были две недели закрытых экзаменов, а затем начались публичные экзамены. На последних присутствовал генерал Сухозанет. Мы рассчитывали, что эти экзамены будут легки, но мы ошиблись, так как они оказались еще труднее, чем закрытые экзамены, которые, как я вам уже сказал, были очень строги. Однако я выдержал их все очень удачно, так как я не терял ни минуты, не спал по ночам в течение всех экзаменов, а за три-четыре недели до того отказался от удовольствия хождения к тетушке. Наконец экзамены закончились, и мы приступили к офицерским курсам. Есть еще два офицерских класса: младший и старший **. Теперь я нахожусь в первом и вот какими науками буду заниматься в текущем году: детальная артиллерия, фортификация, тактика или военное искусство, физика, механика, русская литература и немецкий язык. Все мы должны являться в школу к 8 часам утра. Занятия продолжаются до 2 часов, а в 2 часа мы можем уходить домой. Милая тетушка хочет, чтобы я сверх того взял преподавателя немецкого языка и учителя танцев. Я хочу теперь заняться главным образом немецким языком и надеюсь, что через год упорной работы я снова овладею им. Тетушка отвела мне очень красивую комнатку в занимаемой ею квартире, так что я всегда нахожусь подле нее и этим крайне доволен, так

---

* П. М. Нилова.

** Эти три слова написаны по-русски в оригинале.

как если бы мне пришлось жить одному, то я умер бы с тоски. И я бесконечно признателен ей за то, что она меня приютила.

Таким образом моя надежда повидать вас в Прямухине оказалась мечтою. Я думал, что это осуществимо, но впоследствии я сам убедился, что это могло бы повредить моим занятиям, и утешаюсь тою мыслью, что в будущем году вы переедете сюда на постоянное жительство [1]. Приезжайте же сюда поскорее, дорогие родители, я уже так долго разлучен с вами. Если бы вы знали, как мне хочется с вами свидеться!

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Дорогие сестры!

Надеюсь, что теперь, когда вы знаете причину моего молчания, вы мне его извините. Я надеялся, что в этом году я смогу обнять вас, но я жестоко ошибся. Через несколько дней я буду офицером и все-таки не смогу свидеться с вами раньше, чем через год. Это приводит меня в отчаяние. Я во всяком случае надеюсь, что в будущем году ничто не сможет помешать нам свидеться, и эта мысль меня утешает. На праздниках, которые я провел у милой тетеньки Прасковьи Михайловны [Ниловой], я возобновил знакомство с Верою Николаевною Воейковой и с ее дочерью, моей кузиной Марией Алексеевной *. Они переехали сюда на зиму. Моя кузина — очаровательная особа. Мы с нею большие друзья. Уже много времени прошло с тех пор, как вы видели ее в Зайкове у тетушки Анны Михайловны **. Это близкая подруга кузины Танички Полторацкой ***. Она не перестает о ней говорить. Мне удалось также побывать в обществе кузин Львовых, которые столь же очаровательны. В общем я очень весело провел эти праздники. Единственное, что меня сердило и огорчало, так это неисполнение моих надежд на свидание с вами. Воображаю, как сильно вы изменились за эти

* Родственники Бакуниных [2].

** Бакунина, сестра отца Бакунина.

*** Дочь Александра Марковича Полторацкого и Татьяны Михайловны (урожд. Бакуниной).

нескончаемые четыре года, которые я провел в разлуке с вами. Вы наверное выросли, похорошели. Я представляю себе, что вы очаровательны. Судите же сами, как тяжко для меня крушение моих надежд.

Вы уже знаете, что тетенька была так добра, что отвела мне комнатку в своем доме, и вы не можете себе представить, как я этим доволен. Дело в том, что с 2-х часов я смогу проводить весь день в ее обществе, и вы можете сами судить о том, как оно будет для меня полезно и приятно. Вот как я намерен распределить свое время. Я буду вставать ежедневно в 6 часов, в 7 отправляться в школу и оставаться в классах до 2-х часов. С 2-х часов — обед у тетушки, а с 3-х* до 8-ми я буду заниматься. В 8 часов буду читать вслух тетеньке, графине ** и дядюшке или же куда-нибудь отправляться. Вы видите таким образом, что я буду вести очень приятную жизнь. Я часто буду бывать у Львовых, так как мне очень нравится их общество и так как они все относятся ко мне по-родственному.

Прощайте, дорогие сестры, целую вас

и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Целую братьев. Пожалуйста, поклонитесь от меня m-lle Ниндель и передайте горячий привет от меня г. Фейгерлю.

(Дальше следует приписка Николая Бакунина к родителям.)

Перевод с французского.

№ 32. — Письмо родителям и сестрам.

2 февраля 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Николай *** находится уже у Петерсона. Сегодня он отправился туда с т. Полторацким. Я надеюсь, что ему будет житься хорошо у этого офицера, который, повидимому, является лучшим в нашей школе. Сверх того это — мой начальник. (Вы не знаете

---

* Цифру трудно разобрать. Повидимому, сначала было написано 4, а затем переделано на 3.

** Повидимому графиня Делагарди, дочь Ниловых.

*** Брат Бакунина, к этому времени также переехавший в Петербург для поступления в то же Артиллерийское училище.

еще о том, что по приказу генерала Сухозанета нас всех распределили по отделениям и дали нам начальников из офицеров нашей школы, для того чтобы мы не относились прямо к полковнику.) Я буду видеться с Николаем ежедневно, а каждую субботу он будет приходить к тетеньке. Кроме математики он у Петерсона два раза в неделю будет иметь учителя французского языка, раз—русского преподавателя, раз—немецкого учителя, раз—географию и раз историю. Надеюсь, что он сдаст экзамен во второй класс, так что через три года он сможет стать офицером.

Бедная Любинька была очень больна. Вы не может себе представить, как я был огорчен известием о ее болезни и как я обрадовался, когда дальше прочитал, что всякая опасность для нее миновала. Дай бог, чтобы она поскорее поправилась.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Дорогие сестры!

Как я благодарен богу за то, что он сохранил нам дорогую Любиньку. Надеюсь, что теперь она совершенно поправилась и что она будет в состоянии ответить мне на это письмо. Жду ее письма с величайшим нетерпением.

Николай начал свою карьеру. Мы будем видаться ежедневно и будем вам писать пунктуально раз в неделю. Теперь я живу очень весело. Очень часто встречаю кузину Воейкову, которая мне сильно нравится. Сегодня я был у Львовых, там читали повесть Бестужева *, который пишет под именем Марлинского. Мы болтали. Словом, я провел время очень весело.

Целую вас тысячу раз и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Целую братьев.

Если письмо так плохо написано, то виновато в этом мое перо, которое почти отказывается дольше служить.

---

* Александр Александрович [1].

Перевод с французского.

№ 33. — Письмо родителям и сестрам.

10 февраля 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Слава богу, Любинька уже вне опасности. Какое несчастье угрожало нам всем, а мы даже об этом и не догадывались! Николай сказал мне, что она слегка простудилась, едучи из Торжка, но я никогда не думал, чтобы эта простуда могла повлечь за собою столь печальные последствия. Тетенька и графиня говорят, что теперь она должна тщательно остерегаться второй простуды, так как она может оказаться весьма опасной. Но сейчас она вне опасности, и я благодарю бога за то, что он сохранил нам дорогую Любиньку, которую мы так сильно любим. Те строки, которые она нам написала, нас совершенно успокоили на ее счет, и я надеюсь, что через несколько дней силы ее окончательно восстановятся.

Вы знаете, дорогие родители, что Николай уже находится у г-на Петерсона. Я вам уже писал, что это — прекраснейший офицер. Николай, кажется, весьма им доволен, равно как и Петерсон — Николаем.

Вот книги, которые вам нужны, дорогие родители:

Курс чистой математики Белявеня (перевод Кушакевича и Киндеева).

История древняя и средняя Вознесенского.

Русская грамматика Греча.

Вы подаете мне надежду, дорогие родители, что, быть может, приедете сюда осенью. Ах, если бы это осуществилось! Вот уже четыре года, как я разлучен с вами и с сестрами. Судите же, как велико мое нетерпение. Одна мысль о том, что я не могу вас увидеть раньше, чем через год, приводит меня в отчаяние. Что же будет, если я даже через год не смогу с вами свидеться?

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Дорогие сестры!

Как добр господь, что сохранил нам нашу дорогую сестру! Воображаю, каким несчастьем была для вас ее болезнь и каким счастьем было ее выздоровление. Благодарю тебя, дорогая Любинька, за те строчки, которые ты нам написала, несмотря на свою слабость. Я надеюсь, что через несколько дней мы получим от тебя большое, длинное письмо, которое окончательно успокоит нас насчет твоего здоровья, столь драгоценного для всех нас.

Тетенька велела сшить Николаю новый фрак, и теперь он выглядит гораздо лучше. Что только не нравится тетушке, так это то, что фрак и жабо, которые он сегодня надел, делают его, по ее словам, слишком рассудительным для его возраста. Когда Николай в первый раз побывал у тетушки Дарьи Алексеевны Державиной, тетенька Прасковья Михайловна поручила его покровительству кузин Марии Львовой и Воейковой. Они засыпали его такой кучей вопросов, что он совершенно растерялся и все время только пятился. Так вот представьте себе, что теперь он заявляет, будто он ухаживал за ними, тогда как на самом деле это делали по отношению к нему именно они (как говорит кузина Воейкова).

Прощайте, дорогие сестры. Целую вас от всего сердца и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка брата Николая.)

Перевод с французского.

№ 34. — Письмо родителям и сестрам.

11 февраля 1833 года. [С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Г-н Полторацкий * уезжает сегодня и был так добр, что взялся передать вам письмо.

Как здоровье Любиньки? Надеюсь, что болезнь ее прошла и что силы к ней вернулись. Ради бога пусть она остерегается новой простуды и пусть бережет себя для всех нас. Я очень весело провел последние дни, т. е. масленицу. Вчера был у Львовых, где много танцовали.

* Алексей Павлович.

Приезжайте же сюда, дорогие родители. Вы не можете поверить, как тяжело для нас ваше отсутствие. Уже так давно я разлучен с вами. Я надеюсь, что мои надежды наконец осуществятся и что осенью я увижу вас. Тетенька Прасковья Михайловна сказала мне, что она сделает все возможное, чтобы заставить вас приехать сюда, и я счастлив этой надеждой.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Дорогие сестры!

Я полагаю, что вы теперь находитесь в Твери, и что у вас теперь — бесконечные праздники. Вы были на свадьбе тетушки Анны Павловны *. Наверное вы там хорошо повеселились. Я также весело провел две недели после моего производства в офицеры. Я ежедневно встречаю кузину Марию Воейкову, которая является очаровательной особой. Я ношу ей книги, читаю ей вслух, и мы — в большой дружбе. Она очень бы хотела с вами познакомиться, а так как она приедет сюда, чтобы провести здесь ближайшую зиму, то весьма вероятно, что вы с нею познакомитесь, и тогда вы увидите, прав ли я, когда хвалю ее и восторгаюсь ею. Говорят, что я за нею ухаживаю. Я ей об этом недавно передал, и она по этому поводу много смеялась. Вообще же я в очень хороших отношениях с кузинами [Марией] Львовой и Воейковой, которые, по их словам, любят меня за мою прямоту. Так как мы давно уже знакомы, то они позволяют мне говорить им правду. Я конечно не делаю этого в слишком резком виде и подношу им правду приодетою и отделанною. Но всегда говорю им правду и никогда не говорю комплиментов. Сегодня еще я увижу их всех у тетушки Державиной **. Я вам говорил уже, что вчера я был у них на вечере, и они поручили мне наблюдать за ними, а затем поделиться с ними своими наблюдениями. Но особенно очаровательна кузина Воейкова. Она чрезвычайно проста, любезна, остроумна и сверх того очень красива. Видите, как

* Полторацкой [1].

** Дарья Алексеевна.

я с вами откровенен. Надеюсь, что вы будете платить мне тою же монетою. Сказать вам по правде, я немножко спятил.

Прощайте.

Целую вас тысячу раз.

Ваш нежный брат и друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 35. — Письмо родителям.

7 апреля 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Тысячу раз прошу у вас извинения за то, что не написал вам в течение прошедшей недели. Должен сознаться вам, что если бы не тетенька *, то я, пожалуй, довел бы свою нерадивость до того, что не написал бы и в эту неделю. И снова прошу у вас тысячу раз извинения за то, что не подумал о том, что мое молчание может вас обеспокоить.

Вот и великий пост наступил. Сейчас уже кончается вторая неделя. Затем придет пасха. Пройдет весна, и летом вы приедете сюда. Боже, как я буду счастлив, когда вы приедете! Так давно я уже вас не видал. Так давно я уже горю желанием свидеться с вами, что поистине начинаю отчаиваться и страшиться, что этот проект не осуществится. Однако все меня успокаивают. Тетенька, г-жа Княжевич ** и Прасковья Александровна Маклакова ***, находящиеся здесь уже около недели, все говорят мне, что вы наверно приедете, и, полный этой надежды, я с величайшим нетерпением жду наступления осени.

Николай живет теперь у Петерсона. А так как я позабыл взять у него вчера письмо, то и не могу отослать его сегодня. Но мы на этих днях снова напишем вам для того, чтобы вы не тревожились на наш счет.

Вчера я был у г. Княжевича ****, он много говорил мне о вас, показывал ваши письма и сказал, что как только Вы при-

---

* П. М. Нилова.

** Антонина Францевна, жена Д. М. Княжевича.

*** Соседка Бакуниных по Тверской губернии.

**** Дмитрий Максимович.

едете сюда, дорогой папенька, он предоставит свой сад, который очень красив, в Ваше распоряжение.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Целую сестер (которым на днях напишем) и братьев.

Перевод с французского.

№ 36. — Письмо сестре Варваре.

5 марта 1833 года. С.-Петербург.

Дорогая Варинька!

Доверие за доверие и скромность за скромность. Вы описали мне все прямухинское общество, ваше времяпрепровождение, ваши забавы, характер каждого в отдельности. Я буду Вам говорить только об одном лице, об особе, которою полно все мое сердце и нежный образ которой не оставляет меня никогда: я имею в виду кузину Марию Воейкову, ту обожаемую Марию, о которой я Вам столько говорил и о которой я не могу не говорить, беседуя с Вами о себе самом,—настолько ее образ связан со всеми моими мгновениями, со всеми моими досугами, со всеми моими занятиями, со всеми моими поступками. Сегодня она уехала. Петербург, некогда столь шумный, опустел, а я должен был остаться! Чего бы я не дал за возможность последовать за нею! Она уехала, а я остался одиноким. Я уже не буду ежедневно встречаться с нею, говорить с нею, читать ей вслух, как я делал до сих пор. О, нет! Она далека от меня. И вот, дорогая Варинька, чтобы несколько утешиться, я буду говорить с Вами о ней. Я опишу Вам, как я проводил время с тех пор, как стал офицером, а особенно расскажу Вам о нескольких чудных вечерах, которых я не забуду никогда. Я передам Вам некоторые обворожительные слова, которые были произнесены ее прекрасными устами, с такою чудною улыбкою.

Я был еще прапорщиком, когда она прибыла в Петербург. Три года я ее не видел. Во время ее первого пребывания в Петербурге мы были большими друзьями. Я тогда поступил

в школу. Мои экзамены закончились, я выдержал их все успешно, поэтому мне нечего было делать. Я был совершенно свободен в продолжение двух недель, и эти две недели я провел с кузиною, так как мы жили под одною крышею в доме моей тетеньки Державиной *. Таким образом мы провели эти две недели вместе, вместе бывали у Львовых (что случалось почти ежедневно), вместе читали, наконец я увлекся моею кузиною, которой тогда было всего 13 лет, но которая была настолько очаровательна, что каждый приходил от нее в восторг.

Она уехала. Часто я вспоминал о ней. Я представлял ее себе похорошевшею и очаровательною. Она приехала, и я с большою радостью убедился, что не ошибся. Узнав от ее кузин Львовых, что я очень часто осведомлялся у них относительно нее, она была восхищена этим, в восторге от этого (ее собственные слова); она сказала своей матери: «Ах, мама, как я рада; я узнала, что Мишель меня не забыл». Через некоторое время мы возобновили знакомство и снова сделались большими друзьями. Теперь это была уже не прежняя очаровательная тринадцатилетняя девочка, это была уже юная особа, сложившаяся, остроумная, образованная, красивая, словом совершенно очаровательная. Вера Николаевна ** проживала у своей сестры Прасковьи Николаевны Бороздиной, которая квартирует совсем близко от нас. Всякую субботу и воскресенье я встречался с Марией. Канун нового года мы провели у Дарьи Алексеевны *** и провели его восхитительно. Я вам его опишу.

Я прибыл туда в 8 часов и нашел там кузину Воейкову и кузин Львовых. Здесь-то я снова сблизился с последними, так как я уже давно не был у них. Боже мой, что мы только выкидывали за штуки в этот день! Кузина Воейкова гадала мне на картах. Я гадал им по Лафатеру ****. Я рассказал и описал их характеры (ибо знайте, что я выдаю себя за великого физиономиста). Ровно в полночь я вышел на улицу спрашивать (для кузин) имена у прохожих. Мы много говорили о вас (так как это — мой любимый разговор), давали определение любви, экзальтации, чувства и чувствительности, которые мы очень хорошо отличали от приторности и от тысячи других вещей. За ужи-

---

* Дарья Алексеевна.
** Воейкова, мать Марии.
*** Державиной.
**** Иоанн Каспар [1].

ном мы пили за здоровье друг друга. В конце концов я не заметил, как прошел этот вечер, — настолько время быстро бежало.

Но я жил еще в училище и потому не мог довольно часто бывать с кузинами. Я думал только о ней. Я должен Вам сказать, что у меня очень живое и экзальтированное воображение, так что я воображал бог знает что, строил воздушные замки и жил в чаду иллюзий. Чем бы я ни занимался, Мария стояла передо мною. Когда я гулял, она не оставляла меня ни на минуту; когда я думал, я думал только о ней. Наконец я был произведен в офицеры, и здесь-то начинается наиболее интересная часть моей истории (если только она может Вас заинтересовать).

С того дня, как я стал свободен (22 января), я встречался с нею ежедневно. Все послеобеденное время я проводил с нею. Она вышивала на пяльцах, а я читал ей вслух или беседовал с нею. Мы спорили по целым часам, говоря о самых различных предметах. В конце концов я все более и более терял голову, с каждым днем я все сильнее в нее влюблялся, так как каждую минуту я открывал в ней все новые достоинства. Я был с нею откровенен. Я не говорил ей о своих чувствах, можете быть в этом уверены, но высказывал ей правду, как я ее видел, и эта прямота снискала мне ее дружбу и дружбу кузин Львовых. Вскоре я сделался поверенным их тайн. Они поручили мне наблюдать за ними и делиться с ними результатами моих наблюдений. Было условлено, что эти наблюдения должны начаться в субботу на масленице. Но прежде чем рассказать вам об этой субботе, я расскажу вам о другом вечере, которого я никогда не забуду.

Это было во едину от суббот (приемный день у Львовых. Все называют у них этот день родит[ельской] субботой) *. Мария Воейкова была больна. У нее был грипп. Мария Львова пробыла у нее до 8 часов вечера. В 8 часов она должна была итти домой, так как у них предстоял вечер. Я принес книги моим кузинам. Мария Львова приглашает меня, просит, приказывает итти к ним. Я отказываюсь от этого и остаюсь, для того чтобы читать вслух и занимать мою кузину, оставшуюся одну с матерью. Как наградили меня за это ее очи, ее взоры, ее слова! Она думала, что я приношу жертву, а между тем я считал величайшим счастьем остаться с нею. На следующий день, когда я пришел справиться о ее здоровьи, в доме не было ни души, кроме г-на

---

* Последняя фраза от «Все» до «субботой» по-русски в оригинале.

Бороздина *, который был занят раскладкою большого пасьянса. Кузина и я были одни в зале. Она разливала чай, а я занимал ее разговорами. Она рассказала мне, что Мария Львова сердится на меня за то, что я к ним не пошел. Я просил ее добиться для меня прощения и сказать Марии Львовой, что я не мог решиться оставить мою кузину одну. «Дорогой Мишель (она никогда иначе меня не называла),—говорит мне Мария,—Вы—ангел доброты (это ее собственное выражение), и я глубоко тронута дружбою, которую Вы мне выказываете». Если бы Вы, дорогая Варинька, видели меня в тот момент! Я был более счастлив, чем можно быть счастливым в раю. Я молчал, но мое молчание говорило красноречивее всяких слов. И она меня поняла, так как покраснела. Я провел еще этот вечер с нею, и у нас произошел тогда большой спор. Моя кузина рисует очень хорошо, и она выразилась, что рисование составляет дар более приятный, чем музыка, что можно, правда, сильнее блистать с помощью музыки, чем с помощью рисования, но что рисование приятнее. Я не разделял ее мнения, я спросил ее, случается ли ей порою впадать в меланхолию и испытывать сладкую грусть. Она мне ответила, что да. Я спросил ее, слышит ли она тогда чудесную музыку, меланхолическую, печальную, скорбную музыку (я люблю только музыку аккордов, терпеть не могу шумной, а также той, все достоинство которой заключается в быстроте игры), не приводит ли ее это в больший восторг, чем любой рисунок. И она принуждена была в конце концов согласиться, что музыка сильнее говорит ее душе, чем рисунок, что картина должна быть особенно прекрасной, превосходной для того, чтобы производить на душу действие красивой музыки.

В субботу на масленице я отправился к Львовым. Боже мой, какое широкое поле для наблюдений давало собравшееся там общество! Если бы Вы послушали этих молодых людей, говорящих одни и те же комплименты, отпускающих одни и те же пошлости каждой молодой особе! Тот — в отчаянии от того, что он не мог видеть m-lle на вечере, на котором она была лучшим украшением; другой счастлив только тогда, когда он находится вблизи m-lle, над которою он через некоторое время потешается с другою барышнею. Женщины все более или менее заражены кокетством, и к моему величайшему горю я видел, что Мария Воейкова тоже от него не свободна. Я досадовал на нее, сам не

* Муж Прасковьи Николаевны Воейковой, тетки Марии Воейковой.

зная почему, но у меня был зуб против нее. А так как на следующий день я должен был встретиться с нею, как и с другою кузиною, у тетушки Дарьи Алексеевны, то я дал себе слово немножко помучить ее. В воскресенье после обеда Николай * и я отправились к теткам. Как только Мария меня увидела, она обратилась ко мне с вопросом, было ли мне весело вчера. Все мои кузины окружили меня, требуя, чтобы я им рассказал, что̀ я заметил. Я сообщил им о своих наблюдениях без всякой злости, а когда наступила очередь Марии Воейковой, я обозлился: я высмеял все, что я говорил, и все, что она говорила. «Что с вами, Мишель? — спросила она меня. — Какой ногой вы встали сегодня с постели? Мне кажется, что вы ищете со мною ссоры? Что же я вам сделала такого, что вы так сердитесь на меня?» Мы помирились, мы сдружились сильнее, чем когда-либо. Я старался всячески угодить ей. Кузины Львовы бросали мне шаловливые взгляды, грозя мне пальцем. Я не обращал на это внимания, я видел и слышал только ее, думал только о ней, говорил только о ней и был на небе. В конце концов я должен был с нею расстаться, притом на несколько дней, так как она должна была говеть первую неделю, а я не мог так часто приходить к ней.

В понедельник я отправился к Львовым, и представьте себе мое счастье, когда мне дали поручение к тетушке Дарье Алексеевне. (Я забыл вам сказать, что так как Вера Николаевна говела вместе с тетенькою, то она проводила эту неделю в ее доме.) Я бегу туда, выполняю поручение, и тетенька приглашает меня остаться. Меня заставили читать Массильона **, сочинение, которое мне наскучило бы и, пожалуй, вызвало бы у меня зевоту в другом случае, но которое я читал на этот раз с величайшим удовольствием. Затем я уселся около пяльцев кузины для беседы и не заметил, как пролетели три часа.

Тетенька поручила мне достать ей книгу (Путешествие Муравьева ко святым местам) ***. Вот новый случай увидеть мою кузину. Я был в восторге от этого и в четверг принес просимую книгу [зачеркнуто несколько слов]. Я знал, что Мария Львова находится у кузины, и поспешил подняться наверх, где нашел их в полном расстройстве и крайнем испуге. Что с вами, кузины? — спрашиваю я. «Ах, Мишель, — говорит мне Мария Львова, —

* Бакунин.

** Жан Батист [2].

*** Заглавие по-русски в оригинале [3].

почему Вы не пришли на четверть часа раньше? Тогда бы мы не испугались. Представьте себе, мы прогуливались с Марией по этой комнате, как вдруг вошел сюда мужик страшной наружности, вооруженный огромным ножом. Заметив нас, он остановился и грозно посмотрел на нас. Мы не знали, что предпринять, как вдруг, испуганный шумом, он убежал со всех ног. И только когда он скрылся, к нам вернулась способность плакать. Мы бросились бежать с криком: страшное привидение! страшное привидение! Все думали, что мы с ума сошли, и только с большим трудом мы могли объяснить происшедшее. Бросились преследовать вора, но он был уже далеко». Я успокоил их, посмеялся над их трусостью, мы заговорили о других вещах, о вашем приезде в Петербург. «Как бы я хотела познакомиться с моими кузинами,—сказала мне Мария Воейкова.—Вы столько мне о них рассказывали, что я поистине горю желанием увидеть их. И если по дороге в Тамбов я не смогу себе доставить это удовольствие, я утешусь только при мысли, что в ближайшую зиму я увижу их уже наверняка». Мы говорили о Таничке Полторацкой, которая, как Вам известно, является интимною подругою Марии. Кузина сказала мне, что Таничка меня не забыла, что она меня немного любит. Я просил ее взять письмо к Таничке. Она ответила мне, что хотела просить меня дать ей письмо. Началась вечерня, и представьте себе, я прослушал всю церковную службу без скуки. Никогда я не молился с таким удовольствием, как в этот день. Я молился за Марию, за вас всех, за родителей. После вечерни мы пили чай, и я простился с нею. На следующий день она должна была исповедываться. Она просила меня простить ей, если она случайно меня оскорбила или огорчила, уверяя меня, что если это и бывало, то не по преднамеренности, а по оплошности. Я оставил ее. В субботу она причащалась. Как она была хороша в своем белом платье, невинность была написана на ее красивом личике, ее чудные черные глаза сияли небесною радостью и ангельскою мягкостью. Я обедал с нею у тетушки Державиной. После обеда она должна была отправиться с матерью в Царское Село для свидания с братьями, которые учатся в лицее. Она села в возок *, а я провожал их бегом, пока усталость не заставила меня отстать.

В понедельник я снова увидел ее. Во вторник я был вместе с нею у Львовых. В среду снова у них же. В четверг, в пятницу

* Слово «возок» по-русски в оригинале.

все время с нею. В субботу мы были у Львовых, а оттуда мы пошли на концерт, где должны были выступать лучшие артисты Петербурга. Музыка была божественна. Я сидел совсем близко от кузины. Ее соседство действовало на меня еще сильнее, чем музыка. Я сидел так, что мог наблюдать все ощущения, которые она переживала под влиянием чудной музыки, которую мы слушали. Оркестр составлен был из лучших артистов, как я уже сказал вам, а кроме того из придворной певческой капеллы (директором которой является Федор Петрович Львов *). Исполняли мессу и симфонию Бетховена (мой любимый композитор). Как хороша эта музыка! Как прекрасно она исполнялась! Мне казалось, что душа моя, стряхнув с себя телесную оболочку, служившую ей тюрьмою, парит в небесных сферах. Я был так счастлив. Какими жалкими казались мне тогда люди, которых алчность, честолюбие и другие страсти делают неспособными чувствовать эти чудные звуки, нисходившие как будто с неба. В особенный восторг привела меня «Буря» Бетховена. После кузина сказала мне, что, взглянув на меня, она была испугана выражением моего лица, когда я слушал эту музыку. Казалось, что я готов уничтожить весь мир. Мы вернулись к Львовым, а оттуда Вера Николаевна ** позволила мне отправиться домой вместе с нею (я уже, кажется, вам сказал, что мы живем совсем близко от г-жи Бороздиной, куда г-жа Воейкова вернулась после причастия). В карете она сказала мне, что на следующий день она хочет с раннего утра, часов с пяти, отправиться в Царское Село, чтобы повидать своих детей. Я спросил у нее разрешения притти назавтра к ней. Она мне сказала, что я наверное просплю. Мне спать! Когда дело идет о том, чтобы показать Марии, как я ее обожаю! Я лег в два часа, а в три с половиной был уже на ногах, и к тому времени, когда Вера Николаевна собиралась встать, я отправился к ней. Она еще спала. Я видел, как слуга ее ходил нанимать лошадей, и я пошел вместе с ним. Мы наняли лошадей, вернулись, и Вера Николаевна велела мне передать, что она и кузина сейчас выйдут. Я их дожидался. Наконец они вышли. Они благодарили меня за труд, который я себе дал. Я благодарил их за то, что они позволили мне взять на себя этот труд, который делает меня счастливым. Кузина была любезна более чем когда-либо. Она была мне признательна за

* Отец А. Ф. Львова и кузин Львовых (Прасковьи, Марии, Надежды).
** Воейкова, мать Марии.

то, что я так рано встал для того, чтобы ее повидать. Наконец они уехали, а я был счастлив целый день, так как доставил удовольствие кузине. Я знал, что вечером на обратном пути они заедут к тетеньке Дарье Алексеевне, и я пошел туда обедать. Там я встретил кузину Марию Львову. Я провел там время очень приятно, а вечером я снова увидел свою несравненную, снова с нею разговаривал и снова был счастлив. Но я больше ничего не вижу, а сверх того у меня уже не остается места, и я сейчас отправляюсь к Львовым, где будет очень хорошая музыка. Сегодня вечером я буду продолжать свое письмо.

Прощай, до вечера.

Целую тебя тысячу раз.

М. Бакунин.

7 марта.

Ну вот, я вернулся под чарующим обаянием музыки, которую слушал. Исполняли квартет Гайдна, несколько произведений Моцарта и одну композицию Львова. Как прекрасны произведения и исполнение этого последнего! Как от них веет самою нежною чувствительностью, божественным чувством! Я много говорил с Марией Львовой. Она провожала свою кузину до Царского * и позавчера вечером вернулась сюда. Моя кузина послала мне с нею яблоко и передала горячий привет; в виду того, что дорога отвратительная, вполне вероятно, что они остановятся в Москве и поедут в Тамбов только после пасхи, когда дороги станут лучше; так что я буду иметь известия о моей кузине через Таничку Полторацкую, которой Мария везет от меня письмо.

Но продолжаю прерванную нить моего рассказа. Теперь у нас понедельник, третья неделя поста, а в четверг Вера Николаевна должна была уезжать. Наконец четверг наступил, но поездку отложили до субботы. Каждый день я проводил с моей кузиной. Мы были еще раз вместе на концерте. Еще раз я наслаждался при виде действия музыки на Марию. О, какая восхитительная вещь — музыка! Это — дар небес, это — выражение души; как она возвышает человека! Как чувствуешь себя выше всего, когда слушаешь хорошую музыку. Вчера играли Моцарта, и я был в восхищении. Я едва дышал. И как эта музыка исполнялась! Алексей Федорович Львов играл первую скрипку; Бем.

* Слово «Царское» по-русски в оригинале.

соперник Алексея Федоровича (у него больше быстроты в игре и больше техники, но у Львова больше чувства и выразительности), — вторую. Василий Федорович играл на виолончели, Милиус играл третью скрипку, а Леонид Львович — четвертую. Но прощайте, мне хочется спать. Завтра утром я буду продолжать мое письмо и отправлю вам его послезавтра.

8 февраля *, 5 час. утра.

Я, кажется, говорил про музыку и про впечатление, которое она производит. Я возвращаюсь к Марии, главному предмету моего дневника.

В субботу она должна была уехать, и в 10 часов утра я пошел к ним. Я застал там Львовых, нескольких родственников, которые пришли проститься с Верой Николаевной. Мои кузины, Воейкова и Львова, были в сильном волнении. Им подали надежду, что Мария может остаться здесь до воскресенья, если бы m-me Бороздина взялась привезти ее в воскресенье в Царское. Я присоединил мою просьбу к их просьбе, и мы одержали победу. Они добились того, чего хотели, и мы торжественно повели Марию Воейкову к Львовым. Я там обедал, а оттуда мы снова пошли на концерт (Бема). Мы вернулись и до 2-х часов беседовали. Я поручил Марии поцеловать вас, если она вас увидит. Она мне обещала. Я просил ее оставить мне что-нибудь на память, говоря, что это не для того, чтобы не забыть ее, что ее образ слишком крепко запечатлен в моем сердце, чтобы он мог оттуда изгладиться, что всегда, во всякий момент она будет стоять перед моими глазами, но что я хотел бы получить от нее какую-нибудь вещь, чтобы хоть немного утешиться от горя, вызванного ее отсутствием; она сняла браслет из бус, который она всегда носила на руке, и дала мне его. Я поцеловал ей руку. Варинька! Дорогая Варинька! Я поцеловал ей руку! В первый раз в моей жизни я поцеловал ей руку. Вот тогда я был воистину счастлив. Слезы стояли у меня в глазах. Не смейся надо мною, потому что никогда я не плачу. Я не знаю, что такое слезы. Но на сей раз я не мог одержаться. Она уедет, а я останусь здесь, думал я, и эта мысль раздирала мне сердце.

* Явная описка. Письмо было начато 5 марта; следовательно нужно читать: «8 марта».

Jetzt muss ich von dir scheiden.
Thut mir mein Herz abschneiden!
Es bringt mich fast in's Grab:
Muss scheiden von dir ab *.

Она обещала дать о себе знать через Таничку Полторацкую. «Как только я приеду, — сказала она мне, — я заставлю ее написать Вам. Она Вам опишет наше путешествие и наш приезд в Москву. Я надеюсь, что Вы будете говорить с нею обо мне, Мишель, и что Вы меня не забудете за время моего отсутствия». Чтобы я забыл ее! Возможно ли это? Ах, если бы она знала, как я ее люблю! Она бы не сказала мне этого. Она бы видела, что мне невозможно ее забыть, что только смерть может вырвать ее образ из моего сердца. В воскресенье в 10 часов я пошел в церковь, где они должны были отслужить молебен перед отъездом. Они приехали, но я молился один в тот день, я думал только об ее отъезде. Служба кончилась, и мы пошли пешком к m-me Бороздиной. Я предложил руку моим кузинам — Марии Воейковой и Марии Львовой (эта последняя уезжала тоже, чтобы проводить мою кузину до Царского, и оттуда она должна была вернуться с Бороздиной). Им обеим сильно хотелось плакать, но они храбрились и хотели скрыть от меня свои слезы. Мы разговаривали об отъезде, о путешествии Марии. «Как только Вы уедете, — сказал я ей, — и как только расстанетесь с нами, Вы забудете всех своих петербургских друзей. У Вас будут новые в Москве, и не будет речи о Ваших старых друзьях». — «У Вас, значит, очень скверное обо мне мнение, Мишель. Вы считаете меня совершенно легкомысленной и вздорной, — ответила она мне. — Вы несправедливы, я никогда не была легкомысленною в моих чувствах и всегда верна дружбе. Я всегда буду думать о вас всех, и для меня всегда будет удовольствием вспоминать прекрасные минуты, которыми я наслаждалась вместе с вами».

Я говорил ей еще о вас, говорил ей, как бы я был счастлив, если бы вы познакомились, я уверен, что вы полюбили бы друг друга; что хотя вы не знаете друг друга в лицо, но вы знаете ее по моим письмам, а она вас по моим рассказам, и что вы безусловно понравились бы друг другу. Наконец они уехали, я еще раз поцеловал ей руку и усадил ее в возок. Я просил ее меня не

* Теперь я должен с тобою расстаться.
Вырежьте мое сердце!
Разлука доведет меня до могилы:
Я должен расстаться с тобою.

забывать, и она уехала. Я побежал за нею. Я даже опередил возок, но так как силы мои истощились, то я принужден был отстать.

«До свиданья, Мишель, — крикнула она мне, — не забывайте меня». И голос ее растаял в воздухе. Ее образ исчез из моих глаз, и Петербург опустел для меня.

Она уехала, а я до сих пор еще не привык к этой мысли. Вчера я был по делу у госпожи Бороздиной, и каким пустым показался мне ее дом! Только одним человеком стало меньше, но в этом человеке заключался для меня весь мир. Как мне было тяжело оставаться в этом доме, который раньше был храмом, где я приносил жертвы своей богине. Здесь мы просиживали целые вечера, здесь мы играли в фанты. Каждый угол, каждая вещь, каждая безделушка наконец напоминали мне о ней.

Через шесть месяцев она вернется. Я увижу ее снова. Но не изменится ли она? Может быть, она уже будет не тою? Но зачем огорчаться заранее? У человека всегда столько причин огорчаться, что, право, нет смысла создавать себе новые.

Вы видите, дорогая Варинька, что я доверился вам, что я ничего не скрыл от вас, потому что я всегда на вас смотрел как на своих лучших друзей, как на истинных друзей, данных мне богом. Я ничего не скрыл от вас, но я прошу вас не выдать меня. Я вас не ограничиваю ничем, но я бы очень хотел, чтобы мое письмо было показано самому небольшому, самому небольшому, самому что ни на есть небольшому числу людей.

Итак вы приедете сюда осенью. Боже, как мы будем тогда счастливы! Вы станете друзьями Марии. Не правда ли, мои прекрасные, вы постараетесь ими стать, вы доставите это удовольствие вашему брату, который вас обожает, который любит вас так сильно? Вы будете встречаться с нею часто, вам будет с нею хорошо, так как она проста, добра, естественна в своем поведении, не знает жеманства, изящна, образованна, скромна, остроумна, красива, прекрасна как ангел, обаятельна, восхитительна и несравненна! Она — всё это, дорогие сестры, поверьте мне. Не думайте, что она только представляется такою моим ослепленным взорам, завороженным тем чувством, которое я питаю к ней. Все разделяют мое мнение и все в восторге от нее! Теперь я буду вести серьезный образ жизни, возьму учителей немецкого и французского языка, буду заниматься историею, литературою и русским языком, который я хочу знать в совершенстве, и вы

увидите, что, приехавши сюда, вы найдете очень образованного брата.

Что сказать вам еще, Варинька? Пора кончать эту страницу. О чем я могу еще говорить, кроме нее? Но я думаю, что я вам все уже сказал о ней, что мне нечего больше прибавить, как только то, что я ее обожаю. С каким удовольствием я повторяю это слово! Да, я ее обожаю. Я обожаю ее и всегда буду ее обожать. Но я замечаю, барышни, что вы смеетесь надо мною. Берегитесь! Если я замечу это действительно, тогда конец доверию и вечная месть.

Я целую вас, мои дорогие,

и остаюсь вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Не думайте, дорогая Варинька, что все ошибки, которые Вы найдете, были сделаны мною по неграмотности. Я перечитал мое письмо и исправил их много. Но я очень рассеян и думаю, что их осталось еще немалое количество.

Перевод с французского.

№ 37. — Письмо родителям и сестрам.

8 марта 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Вы подаете мне надежду на то, что вы переедете в Петербург. Если бы этот проект мог осуществиться! Как бы мы были счастливы, как приятно стали бы мы жить! Недавно я был у Димитрия Максимовича Княжевича, который мне много говорил о вас. Он показывал мне ваши письма и сказал, что он уверен, что вы приедете сюда. «Как только батюшка Ваш приедет,— сказал он мне, — сейчас же отдам я ему сад мой в совершенное распоряжение. Я постараюсь найти ему квартиру поближе от моего дома, экипаж всегда будет к его услугам, одним словом, я сделаю все, что от меня зависит» *. И в самом деле мне кажется, что у него — лучшие намерения по отношению к вам, и кажется, что он очень вас любит. Я говорил с его женою ** о вашем приезде сюда. Она хорошо умеет вести хозяйство и сказала мне, что здесь можно прожить очень хорошо и очень дешево. Все

* Все слова Княжевича по-русски в оригинале.

** Антонина Францевна Княжевич.

это меня успокоило и подало мне надежду увидать вас через шесть-семь месяцев.

Прасковья Александровна Маклакова, которая уехала вчера, была в воскресенье у тетеньки. Она много говорила о вас, о моих сестрах и обо всех жителях и соседях Прямухина. Она мне тоже сказала, что вы наверное переедете сюда. Ваш отъезд очень ее огорчает, но мысль, что сестры мои будут по временам посещать ее дочь в институте, ее утешает. Она только в отчаянии, что ей придется потерять таких хороших соседей. Она, повидимому, к вам очень привязана. Я обещал ей навещать ее дочь. Говорят, что это — очаровательный ребенок.

Вчера я был у Федора Петровича Львова, где я слышал дивную музыку, исполнявшуюся лучшими музыкантами столицы. Алексей Федорович * играл первую скрипку. Бем вторую. Одна барышня, m-lle Ульянинова, играла с истинно удивительным талантом. Я провел вчера чудный вечер среди музыки и разговоров.

Прощайте, дорогие родители. Прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

Михаил Бакунин.

Дорогие сестры!

Ваши портреты, нарисованные мне Варинькою, еще усилили мое нетерпение увидать вас. Когда же наконец наступит этот чудный миг, когда я сожму вас в своих объятиях, когда я смогу уверить вас лично в моей дружбе? Когда придет это счастливое время? Еще четыре месяца. Не ужасно ли это? Вы не можете себе представить, как я жажду вас видеть и с каким нетерпением я хотел бы вас расцеловать. Она уехала, моя кузина Воейкова, она — уже далеко отсюда. Я сделал для Вариньки ее описание, которого она у меня просила, и я надеюсь, что вы не покажете его никому.

Я молю вас об этом.

Прощайте, дорогие сестры.

Ваш нежный брат и друг

Михаил Бакунин.

Целую братьев.

---

* Львов.

Николай живет у г. Петерсона. По субботам я отправляюсь за ним, чтобы пойти вместе к тетеньке. Я передам ему это письмо, для того чтобы он вам написал.

М. Бакунин.

(Далее следует письмо Николая к родителям и к сестрам, а затем снова приписка М. Бакунина.)

Я с нетерпением жду вашего ответа, дорогие сестры. Что вы скажете мне об отдельном письме, которое я написал вам? И кроме того, Любаша, Вы обещали мне портрет Вариньки. Я жду его с нетерпением. Кланяйтесь от меня m-lle Ниндель и напомните обо мне Хионе Николаевне *. Скажите ей, что нехорошо было с ее стороны меня забыть. Как только я с нею увижусь, я с нею сражусь и дам ей мат.

Ваш брат

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 38. — Письмо родителям и сестрам.

13 марта 1833 года. [С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Хотя я уже писал вам два дня тому назад, но в виду того, что я решил писать вам каждую пятницу и хочу сдержать свое слово, я снова берусь за перо, чтобы подать вам о себе весточку.

С понедельника я снова принялся за свои занятия и чувствую себя прекрасно. После двух недель праздников я думал, что мне будет трудно снова взяться за работу. Но случилось обратное, я начал заниматься с истинным удовольствием.

Наконец у меня есть учитель немецкого и французского языков. Его зовут г. Луар. Это — человек образованный и, по словам графини, прекрасно владеет немецким языком. Я надеюсь много успеть с ним.

---

* Безобразовы. Марья Николаевна и Хиона Николаевна — родственницы Бакуниных. Обеим он обыкновенно кланялся впоследствии в письмах из Петропавловской крепости.

Николай вам не пишет из-за шалостей Невы, благодаря которым я не мог взять у него письма.

Прощайте, дорогие родители. Прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

Михаил Бакунин.

Как вы добры, дорогие сестры, что так меня любите! Чем я это заслужил? О, как дорога мне ваша дружба, и как я умею ее ценить! Но разве я, дорогие сестры, не обожаю вас? Не лучшие ли вы мои друзья? [Я готов на] все для вас, для вас нет у меня ничего невозможного, и никакая жертва для меня не слишком велика, если я приношу ее для вас.

Таничка, дорогой друг, ты меня просишь, чтобы я любил тебя, как Вариньку, чтобы я имел к тебе то же доверие. А кто сказал, что я люблю тебя меньше? Разве я когда-либо что-нибудь скрывал от тебя? О, моя дорогая Таничка, если бы ты знала, как я тебя люблю, как я всех вас люблю, если бы вы только знали это, — как бы вы были довольны! И это с тех пор, как вы приняли такое большое участие в той, кого я люблю. Особенно с того времени я люблю вас всем сердцем.

Где она теперь? Что делает она? Она пишет, что смертельно скучает в деревне одна. Мать ее занята делами, она все время читает, но даже в деревне чтение не так увлекательно, когда нет человека, с которым можно поделиться впечатлениями. Итак она скучает. Она говорит, что она думает часто о Петербурге. И я надеюсь, что она не забыла меня. Мария Львова—моя поверенная, я ее вижу часто. Она делится со мною всем, что знает о моей кузине. Она говорит ей обо мне в своих письмах, когда пишет ей. Еще несколько месяцев, и мы встретимся снова. Она тоже приедет и тогда... тогда... Но подождем!

Недавно я получил письмо от Танички Полторацкой. Очень любезное письмо. Сегодня я ей ответил. Передайте пожалуйста папе, что мне обещали найти книжный магазин, где книги, которые ему нужны, продаются очень дешево, и что в следующий раз я ему пошлю каталог этой лавки и цены. Целую вас тысячу раз.

Ваш нежный брат

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 39. — Письмо сестре Варваре.

13 марта 1833 г. С.-Петербург.

Милая, добрая Варинька!

На коленях прошу у тебя прощения за огорчение, причиненное тебе моим последним письмом, ибо оно наверное должно было тебя огорчить. Каким недостойным твоей дружбы я себя чувствую, и как она делает меня счастливым! Не правда ли, ты простила меня, мой чудный друг? У тебя не осталось ко мне злого чувства? О нет! Ты слишком добра для того, ты все забыла и больше на меня не сердишься. А между тем, Варинька, даже то письмо, которое так тебя огорчило, доказывает, насколько я перед тобою преклоняюсь. Мысль, что ты считала меня злым, причиняла мне такие страдания! Теперь я даже не понимаю, как ты могла предположить, что я хотел тебя огорчить. Как могла притти тебе в голову столь ужасная мысль, будто я хотел причинить тебе зло? И почему? не за ту ли дружбу, которую ты мне выказываешь ежеминутно? или за то внимательное отношение ко всему, что касается меня? или наконец за советы, которые ты мне даешь и которые продиктованы самою нежною дружбою? Я должен был бы быть чудовищем, чудовищем, недостойным твоего благорасположения, чудовищем, неспособным его оценить. Ах, Варинька, как дурно вы судите обо мне! И о ком? Обо мне, который вас любит, который вас обожает, который полагает свое счастье в вашем счастье, который готов пожертвовать всем для вас, всем без исключения, счастьем, жизнью, даже своею привязанностью к обожаемой Марии. И меня ты считаешь способным причинить тебе зло, считаешь павшим до такой степени! Варинька, разве это — не ужасающая несправедливость? Ах, если бы ты знала, сколько огорчения ты причинила мне своим письмом, ты бы простила мне то, которое я тебе написал и в котором я чистосердечно описал то, что происходит в моей душе. Я признаюсь, дорогая Варинька, что с моей стороны было нетактично показать твое письмо, раз ты этого не желала. Но подумай также о той особе, с которою я был нетактичен, и о времени, в которое я совершил эту бестактность,—и ты меня простишь. Мог ли я думать о такте, когда я потерял голову? А затем я так был горд дружбою, которую все вы ко

мне питаете, что я не мог не поделиться ею с любимым человеком. Но обещаю вам, что отныне я никому не буду показывать ваших писем, и надеюсь, что на этом условии вы вернете мне все ваше доверие и ту дружбу, которая составляет мое счастье.

Где она? Что она делает? Думает ли она иногда обо мне? Эти мысли меня одолевают и не дают мне покоя. Я живу только прошлым и будущим. Настоящее для меня не существует. Я пользуюсь им лишь для того, чтобы сделать будущее более блестящим.

Дорогая Варинька, снова прошу у Вас прощения, прошу его на коленях и надеюсь, что Вы меня простите, Вы, которая довели свою доброту до того, что просили прощения у меня, когда виновен был я.

Прощайте, моя очаровательная.

Ваш нежный брат и друг

М. Бакунин.

Передайте пожалуйста тетушке Варваре Андреевне, что я охотно освобождаю ее от труда писать мне, и что когда она прибудет сюда, я не очень-то буду торопиться возобновить с нею знакомство.

Перевод с французского.

№ 40. — Письмо родителям.

28 марта 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие родители!

Вчера я получил письмо от сестер. Благодарение богу, вы все здоровы. У Сашеньки * болели зубы, но боль прошла, и она уже не страдает, как писали мне сестры.

На этой неделе Николай и я говеем. Вы вероятно знаете, что Николай на две недели переехал к тетеньке **. Тетенька была так добра, что лично поехала за ним, чтобы справиться у Петер-

* Александра Александровна Бакунина.
** П. М. Нилова.

сона, доволен ли он им или нет, и к великому удовольствию тетеньки Петерсон очень расхвалил Николая.

Позавчера Димитрий Максимович Княжевич был у тетеньки. Тетенька рассказывала ему о вашем приезде сюда. Они подсчитывали, во сколько вам обойдутся поездка и устройство в Петербурге, и пришли к тому заключению, что если вы будете получать съестные припасы из деревни, то расходы будут не так уже велики, и что в Петербурге можно жить, как хочешь. Итак вы приедете сюда, дорогие родители. Княжевич говорил еще о своем саде и сказал, что как только Вы сюда приедете, дорогой папенька, он Вам его передаст и позволит Вам распоряжаться им по своему усмотрению. Итак через 7 месяцев я вас снова увижу, дорогие родители, после 5-летней разлуки.

Я уже писал вам, что кузина Вульф находится здесь. Я был у нее, познакомился с Марией Павловной Лихардовой и ее мужем. Кузина приехала сюда, кажется, надолго. Она много рассказывала мне о вас.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

М. Бакунин.

Но как я рассеян: я забыл поздравить вас, дорогие родители, с предстоящим днем ангела. Тетенька, графиня и дядюшка также поздравляют вас. Тетенька не пишет вам за недосугом.

(Дальше идут письма Николая Бакунина к родителям и сестрам.)

Перевод с французского.

№ 41. — Письмо сестрам.

28 марта 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие сестры!

Вчера я получил ваши письма и перечитал их трижды. Я не мог от них оторваться. Итак я не ошибся, я действительно нашел в вас верных друзей, которые меня понимают и которые участвуют в моем счастье, в моих радостях и горестях. Да, дорогие сестры, вы можете быть уверены, что никогда я ничего не буду скрывать от вас, что мое сердце открыто для вас во всякую ми-

нуту, что в вашей дружбе я буду искать утешения в беде. Обещайте мне то же самое, и я буду самым счастливым человеком на свете.

Да, дорогие сестры, я постараюсь быть достойным ее, и разве будет для меня что-нибудь невозможное, если я это буду делать для нее? Я буду учиться, все это время я употреблю на учение. Я усовершенствуюсь в русском и французском языках, буду изучать немецкий, буду много заниматься историею, статистикою, литературою и всеми военными науками, необходимыми для артиллериста, как-то артиллериею и фортификациею, стратегиею, математикою и проч., и проч. И не думайте, что все это — пустые обещания и слова, ибо я уже приступил к своим занятиям, постепенно в них втягиваюсь и начинаю даже находить в них удовольствие. Теперь я читаю очень интересную книгу: сочинение Адама Смита «Исследование о причинах и природе богатства наций» [1].

Но довольно о занятиях. Давайте говорить о ней, о той, кто всегда живет в моих мыслях и является целью всех моих действий, словом, давайте говорить о божественной Марии *. Вы боитесь, добрая Варинька, что я полюбил ее только за ее наружность и не старался узнать ее чувств и достоинств. Успокойтесь, очень многие вовсе не находят ее красивою. Я держался почти того же мнения, прежде чем хорошенько узнал ее. Но когда я хорошо ее узнал, когда я увидел все ее чудные достоинства, ее благородное сердце, ее ангельскую кротость, ее всегда ровный характер, ее тонкий ум, когда в каждой ее черте я мог читать проявление ее прекрасных чувств, когда я понял выражение ее больших черных глаз, тогда-то я начал ее обожать, тогда-то я влюбился в нее до безумия. Дорогие сестры, вы только познакомьтесь с нею, и вы увидите, прав ли я. Вы увидите тогда, насколько мое описание слабо, и как она прелестна. Вы говорите мне, дорогая Варинька, что г-жа Маклакова огорчила Вас, сказав, что я очень скоро утешился после отъезда Марии. Что же, вы хотите, чтобы я выказывал свое горе перед всеми? И без того уже начали болтать о моей привязанности к ней. Неужели же вы хотите, чтобы надо мною стали смеяться? Нет, дорогая Варинька, чувство, которое выставляется напоказ, не бывает подлинным.

Да, дорогая, добрая, несравненная Варинька, Вы — мой самый близкий друг, Вас я люблю больше всего (только после

* Воейковой.

Марии). Ты спрашиваешь меня, буду ли я дарить тебя моим доверием и дружбой. То и другое принадлежит тебе уже давно. Ты так хорошо меня понимаешь. Все, что ты мне говоришь, я прочувствовал. Наконец наши мысли, наши чувства, наши вкусы настолько сходятся. Клянусь тебе еще раз, я не буду ничего скрывать от тебя. Давай мне советы, я буду им следовать и постараюсь сделаться достойным божественной особы, наполняющей мое сердце. Говори мне о ней как можно чаще, умоляю тебя, и тогда для меня не будет ничего невозможного.

Но я не сказал вам, дорогие, милые сестры, что я получил известие о Марии через Марью Львову. Последняя показала мне письмо, полученное ею от кузины, которая удостоила меня упоминанием. Вот что она ей писала: «Скажите милому, доброму Мишелю, что очень часто я думаю о приятных минутах, которые мы провели вместе, что я настолько привыкла видеть его всегда подле себя читающим вслух или занимающим меня очаровательной беседой и так мало привыкла к его отсутствию, что ежеминутно жду его появления». Итак она меня не забыла, она еще помнит обо мне! Разве я не вполне счастлив? Ах, дорогие сестры, приезжайте поскорее, и вы увидите, как я вас люблю и обожаю. Отвечайте мне скорее и говорите мне о ней, во имя всего святого говорите мне о ней.

Варинька, дорогая Варинька, какое это специальное соображение внушает тебе желание увидеть Марию? Что означают эти мрачные слова: «страдание никогда не оставляет человека в продолжение его кратковременного пребывания на земле» в применении к Марии? Есть ли это пророчество? Ради бога объясни мне. Но не обманывай меня. Ты мне объяснишь истинный смысл этих таинственных слов, дорогая Варинька, не правда ли? Я думаю, что вправе рассчитывать на твое доверие. Ты не скроешь от меня ничего, дорогая Варинька? Нет! Нет! Я в этом убежден, ты слишком добра для этого.

Тетенька Прасковья Михайловна* просит Вам передать, дорогая Таничка, что написанный Вами портрет Вариньки немного пристрастен, что Вы нарисовали ангела, когда писали ее.

У Вас болели зубы, бедная Сашенька. Жалею Вас от всего сердца. Надеюсь, что это прошло и что Вы больше не страдаете.

---

* Нилова.

Поздравляю вас всех со святым причастием и с предстоящим днем ангела и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Перевод с французского.

42. — Письмо сестре Варваре.

7 апреля 1833 года. С.-Петербург.

Моим первым решением по получении того письма, в котором Вы обвиняете меня в дерзости, несдержанности и злостности, было не отвечать Вам. Я не находил возражений на упреки, столь основательные и столь нежно выраженные. Но я не могу остаться при своем решении. Ваше письмо причинило мне слишком много огорчения, чтобы я в состоянии был молчать.

Я составил себе иллюзию, — иллюзию, дававшую мне счастье. Я думал, что нашел в Вас искреннего друга, друга, который меня понимает, который умеет читать в моем сердце, друга, от которого у меня не было никаких тайн и который следовательно никогда не должен был бы усумниться в моей привязанности, в моей любви к нему, друга, который мог бы утешить меня в моих горестях и который делил бы со мною мои упования и мои радости. Как же я был глуп! Как будто я не знал, что это счастье дано лишь самому ограниченному числу избранных. Да и какие права я имею на Вашу дружбу? У меня было только одно такое право, а именно то, что я обожал Вас больше, чем обычно любят сестру. Да вдобавок достоин ли я Вашей дружбы?

А между тем мне было очень больно расстаться с этою приятною иллюзиею, мне льстившею. Но Ваше письмо, дорогая Варинька, разочаровало меня. Оно доказало мне, что мои мысли, мои надежды являются пустою химерою, что эта нежная дружба, этот драгоценный дар неба не существует для меня, бедного несчастливца, раз я не мог найти ее в лице сестры, сестры, которую я обожал, которую я имел даже несправедливость предпочесть всем другим моим сестрам, не оскорбившим меня однако сомнением в моем глубоком чувстве к ним. И именно она разрушает мое очарование! Но что делать? Так устроен мир, и только теперь я начинаю понимать всю правду слов, сказанных тетенькою: «Сколько раз еще, дорогой Мишель, Вы

будете разочарованы, сколько раз Ваши надежды и иллюзии будут разбиты, сколько времени еще пройдет, пока Вы не начнете брать мир таким, какой он есть! Вы еще часто будете ошибаться, Вы натолкнетесь на безразличие там, где будете рассчитывать на сочувствие, на зложелательство там, где будете ждать дружбы». А между тем это — очень жестокий опыт, купленный дорогою ценою. Лучше не иметь его вовсе, чем такою ценою получать его.

Если бы Вы обвиняли меня только в злостности, если бы Вы упрекали меня только в намерении огорчить Вас, Варинька, я бы Вам не отвечал. Эти упреки слишком несправедливы, слишком оскорбительны для того, чтобы я мог найти на них ответ. Но Вы говорите мне об отсутствии скромности, о дерзости, и вот по этому поводу я хочу объясниться. В этом-то и заключается главная цель моего письма. Что Вы хотели сказать мне, говоря о скромности? В чем проявил я крайнюю дерзость? Неужто в поведении с кузиною? Варинька, я не думаю, чтобы такова была Ваша мысль, ибо такой мысли я никогда не смогу Вам простить. Все было бы лучше, чем это. Обвиняйте меня во всем, что угодно, во всем, что Вам заблагорассудится, но не говорите мне об этом, ради всего святого не говорите мне об этом!

Или, быть может, я был недостаточно скромен в написанных мною Вам письмах? Быть может, я проявил слишком большую доверчивость? Быть может, я слишком уверенно рассчитывал на Вашу терпимость? Так вот с этого момента я обещаю Вам, что Вам не придется больше жаловаться на меня, Вы будете отныне поражены моею сдержанностью и скромностью.

Но пора кончать. Я высказал все, что у меня было на душе, и как бы чувствую, что с груди моей свалился тяжелый камень. Но не думайте, дорогая Варинька, чтобы я сохранил по отношению к Вам злое чувство или чтобы я Вас стал любить меньше. Клянусь Вам, нет! Но так как Ваше письмо причинило мне глубокое и страшное страдание (ведь так больно обмануться в тех, кого любишь, и потерять иллюзию относительного того, в чем думал найти счастье своей жизни), то я поделился с Вами этим огорчением. Дорогая Варинька, я попрежнему люблю Вас, я Вас обожаю. Чувства мои ничуть не изменились. Они слишком глубоко укоренились в моем сердце, чтобы несправедливость (правда, ужасающая) могла их изгладить. Но я не могу скрыть от Вас, дорогая Варинька, что я уже не в состоянии буду питать

к Вам то слепое доверие, которое до сих пор я считал счастьем. Теперь, когда я вижу, что Вы меня еще не знаете, я буду бояться, что Вы меня не поймете и составите себе ложное представление о моих действительных чувствах.

Ваш брат

Михаил Бакунин.

Перевод с французского.

№ 43. — Письмо родителям и сестрам.

9 апреля 1833 года. С.-Петербург.

Вот и праздники прошли, дорогие родители, и нужно возвращаться к обычным занятиям. Но пусть же скорее проходит время, пусть скорее наступит осень, предвещающая ваше прибытие, и вы приедете на жительство сюда, в Петербург! Ах, пусть же наступит поскорее этот восхитительный момент, когда мы соберемся вместе, чтобы больше не расставаться! Какую тогда чудную жизнь мы поведем! Мы постараемся скрасить ваше пребывание в столице нашим хорошим поведением!

Я очень весело провел праздники. В первый день я сделал все визиты родным и знакомым. Почти все задавали мне вопрос, верно ли, что вы предполагаете переехать сюда на жительство, и, как мне кажется, все были этим очень довольны.

В понедельник я пошел поздравлять своих начальников, а в два часа мы все собрались у генерала Сухозанета.

Прощайте, дорогие родители, прошу вашего благословения и остаюсь

вашим нежным и почтительным сыном

Михаил Бакунин.

Дорогие сестры!

Поздравляю вас с прошедшими праздниками. Весело ли вы провели это время? Хорошая ли стояла у вас погода? Что касается нас, то первые три дня погода у нас стояла самая скверная, затем она была достаточно хороша, но я не могу сказать, чтобы я особенно весело провел праздники. Какая-то печаль сжимала мое сердце. Но в субботу я очень много танцовал.

Целую вас и братьев и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

(Дальше следуют письма Николая Бакунина.)

Перевод с французского.

№ 44. — Письмо сестре Варваре.

21 апреля 1833 года. С.-Петербург.

Дорогая Варинька!

Я — чудовище, чудовище, совершенно недостойное твоей дружбы. Я мог оскорбить тебя, тебя, которая так меня любит, которая способна пожертвовать всем для меня, и тебя я обвинил в несправедливости! Более того, не обвинил ли я тебя даже во лживости? Твое письмо истерзало мое сердце. Слова «все кончено» не дают мне больше покоя. И неужели же я стану причиною твоего несчастья, я, который только и дышу мыслью о твоем счастьи? Что сделать для исправления моей ошибки, Варинька? Скажи мне, для меня не будет ничего невозможного!

Я заставил тебя проливать слезы — мысль об этом меня преследует. После того как я совершил бестактный поступок, после того как презрел твою просьбу (ибо ты просила меня не показывать твое письмо никому), я пишу тебе вещи, которых другая никогда бы мне не простила, и ты еще просишь у меня прощения, и ты падаешь к моим ногам! Кто? Ты у моих ног? И почему? Потому ли, что я был несправедлив к тебе? Потому ли, что я не понял лучшую из своих сестер, моего самого доброго и нежного друга? Варинька, ты—ангел, ангел в полном смысле этого слова, и сколь недостойным этой дружбы, составляющей мое счастье, я чувствую себя!

Мой обожаемый друг, ты попрежнему пользуешься моим доверием. Никогда я его у тебя не отнимал, так как то письмо, проклятое письмо, причинившее тебе столько горя, было необдуманною выходкою, выходкою, которую я никогда себе не прощу. И с кем же я буду доверчив, если не с тобою? Кому же я буду поверять мои горести? Кто будет их делить со мною лучше, чем ты? Кто меня поймет, если не вы? Вы — мои лучшие друзья, для вас я готов пожертвовать всем, вы для меня — всё, счастье мое — в вас.

Еще раз, очаровательная Варинька, прошу у тебя прощения. Я лежу у твоих ног. Не правда ли, ты уже на меня не сердишься? Ты видишь, как я тебя обожаю.

Как я виноват! Чего бы я не сделал, чтобы заставить тебя забыть о моей несправедливости. Ты — добрая, ты простишь

меня, я в этом уверен. Но мысль о том, что я был несправедлив по отношению к тебе, что я заставил тебя плакать, — эта мысль для меня ужасна, она не дает мне покоя. Я снова умоляю тебя, прости меня, прости меня полностью. Забудь, что я огорчил тебя, разорви это проклятое письмо, доставившее тебе столько горя. Верни мне твою дружбу, верни мне ее целиком во имя неба, верни ее вместе с твоим доверием.

Ты ответишь мне, дорогая Варинька, ты простишь своего кающегося брата? Ты вернешь ему свое все доверие, и он заслужит его, можешь быть в этом уверена.

Целую вас тысячу раз и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

Я спешил написать это письмо, чтобы поскорее отправить его на почту. Завтра я напишу родителям и сестрам и в особицу Любиньке *.

Перевод с французского.

№ 45. — Письмо сестрам.

Суббота, 20 мая **. 1 ч. ночи [1833 год. С.-Петербург.]

Как мучительно обманываться в своих ожиданиях, дорогая Варинька! Как мучительно терять иллюзии, которыми всегда пытается окружить себя слишком доверчивое сердце! Эти сладкие иллюзии испаряются и открывают истину во всей ее наготе, во всей ее суровости и повергают это бедное сердце в ужасные страдания. Вот что я прочувствовал в час ночи, вот что я прочувствовал сегодня вечером, вот страдания, причиненные мне Львовыми, теми Львовыми, которых я любил и которых я и теперь еще люблю, которые всегда были так добры ко мне и в дружбе которых я был уверен. И вся эта дружба была мечтою. Я считал ее реальностью, но она была только сном. Этой дружбы, подобной мыльному пузырю, который становится все красивее по мере увеличения и сразу лопается, оставляя после себя только влажную пыль, — этой дружбы больше не существует.

---

* Обещанного здесь письма в собрании прямухинской переписки, которая была в нашем распоряжении, не имеется.

** Зачеркнуто «января».

Кто же ее разрушил? Одно слово брата *, который счел смешною нашу близость и который косо смотрел на меня, так как мы не подходили друг к другу, так как характеры наши различны, и наконец так как я не старался сблизиться с ним. Где же действительность? Неужели она обретается только в несчастьи, и неужели мы существуем на земле только для того, чтобы обманываться и вечно страдать? Жалкая же это цель!

Вы знаете, моя добрая Варинька, как я любил Львовых, да иначе и быть не могло. Они всегда выказывали мне столько расположения. Федор Петрович, Елизавета Николаевна ** и мои кузины были так добры со мною; особенно в последнее время, с тех пор, как я был произведен в офицеры, я почти ежедневно бывал у них, всегда проводил время с кузинами в самой интимной близости, взаимно поверяя друг другу наши горести, наши радости и наши надежды. Я говорил им об их кузине ***, а они сообщали мне сведения о ней. Я посвятил их в мою глубокую привязанность к ней. Они поддерживали мои надежды, говоря о ее расположении ко мне. Наконец они были теми людьми, которых я больше всего любил в Петербурге. Их родители замечали эту близость, но не мешали ей, так как они меня слишком хорошо знали для того, чтобы им в голову могла притти мысль, будто я способен злоупотребить доверием и добротою моих кузин. Совершенно напротив. Елизавета Николаевна брала меня в свою карету, чтобы отвозить к себе, каждый раз, когда она меня где-нибудь встречала, и дала мне целый ряд других свидетельств дружбы и доверия, которыми, могу смело сказать, я никогда не злоупотреблял, и, несмотря на всю нашу близость, я всегда соблюдал величайшую сдержанность в моих отношениях с кузинами. Я был от них в восхищении. Я любил их всем моим сердцем, готов был все сделать для них, и так как эта дружба продолжалась уже четыре года, то я думал, что она может продолжаться вечно. Каким же глупцом я был! Как будто на свете есть что-нибудь прочное! Как будто всё не является здесь хрупким! Как будто я не знал, что есть одна только реальность: смерть!

Еще вчера они привели меня в восторг. Они были так добры, так любезны, так доверчивы. Они выказали мне такое оча-

* Алексей Федорович Львов (был жандармским офицером).
** Жена Федора Петровича Львова.
*** Марии Воейковой.

ровательное внимание, вели со мною такую дружескую беседу. А сегодня я прихожу — и меня едва удостаивают разговора, едва удостаивают меня выслушать. С трудом удается мне вырвать у них «да» или «нет». Я уже — не Мишель, как это было до сих пор, а меня уже называют «господином Мишелем». Представьте себе мое изумление. Я стараюсь припомнить все свое поведение, чтобы сообразить, не совершил ли я какую-нибудь неосторожность или не сказал какого-нибудь неприличия. Но тщетны мои усилия, ибо я слишком их любил, чтобы когда-либо сказать или сделать нечто, способное хотя бы мало-мальски их оскорбить. После я узнал, что эти барышни третировали меня таким образом для того, чтобы доставить удовольствие своему брату. И возможно, что они имели основание для такого поведения. Наконец, увидя, что я — лишний и что прошло то время, когда меня встречали с радостью, я ушел, я покинул этот дом, где я провел столько чудных минут, для того чтобы никогда туда больше не возвращаться.

Итак очарование рассеялось. И только теперь я вполне чувствую счастье, которым наслаждался, только теперь, когда я его потерял, я чувствую все его значение. В данном случае я утешаюсь мыслью, что так как на свете нет ничего прочного, то и этот разрыв должен был наступить раньше или позже, и что по крайней мере не я был его причиною. Правда, мне будет очень трудно совершенно отказаться от дружбы моих кузин, но что делать? Вся наша жизнь представляет простой набросок, и чем больше она подвигается вперед, тем больше она теряет свою привлекательность и становится более суровою. Только недавно я сделался офицером, а с тех пор я уже потерял много иллюзий, и опыт этот стоил мне уже очень дорого.

Но какой же я эгоист! Я рассказываю вам о своих горестях в то время, когда вы целиком поглощены чем-то более важным. Я имею в виду Любашу. Вы не можете себе представить, сколько различных ощущений вызвало во мне ее последнее письмо. Я не смел отдаться радости, я мог только предаваться размышлениям. Ваши письма и ее письмо были так кратки, так нерешительны. Поэтому прошу вас, дорогие сестры, сообщить мне все подробности о событии, которое так близко меня касается [1]. Дай бог, чтобы добрая Любаша была счастлива. Она этого вполне заслуживает. Она так добра. Единственная мысль, причиняющая мне горе и страх, заключается в том, что я опасаюсь, как

бы это не задержало вас в Прямухине, и как бы я снова не лишен был счастья свидеться с вами. Но если вы приедете, то и она приедет, — пишет она мне. Я сгораю нетерпением познакомиться с Ренне, и я надеюсь, что мне удастся добиться его дружбы. Поэтому я снова прошу вас, дорогие сестры, как можно скорее сообщить мне мельчайшие подробности. Жду их с нетерпением.

Сегодняшнее мое письмо очень печально. Я испытал удар, которого не ждал. Я должен отказаться от самых сладостных иллюзий, от иллюзий, позволявших мне терпеливо сносить ваше отсутствие и отсутствие того дорогого существа, которое я обожаю. Я жил и работал только для будущего и уже вижу, что горизонт его покрыт довольно мрачными тучами. Ах, вся наша жизнь есть не что иное, как тягостный переход от ослепительных снов к ужасному пробуждению. Счастье это — иллюзия, а несчастье — реальность.

Прощай, дорогая Варинька. Прощайте, добрые Таничка и Сашенька. Пишите мне поскорее. Поспешите утешить вашего бедного брата, у которого, кроме вас, нет других друзей, который никогда не будет искать их помимо вас. Да, дорогие сестры, отныне я буду искать только вашей дружбы. В остальном же я буду следовать принципу: добрые отношения со всеми, близость — ни с кем. Как тяжело обманываться! Приезжайте же, приезжайте, дорогие сестры. Я раскрою перед вами свою душу, и вы увидите, как я вас люблю. Отвечайте же мне поскорее, мои милые, сообщите мне о Любаше, обо всем, что ее касается. Поймите, как все это должно меня интересовать. Я так люблю эту славную Любашу, она так добра и так мила.

Напишите мне о ней*, милые сестры. Вы видели Таничку Полторацкую (которая не удостоила меня ответом на мое последнее письмо и которой я поэтому не хочу больше сам писать). Она наверное сообщила вам сведения о ней. Расскажите же мне все, что она вам говорила, прошу вас.

Прощайте, мои добрые, мои очаровательные сестры. Целую вас тысячу раз, равно как и братьев, и остаюсь

вашим нежным братом и другом

М. Бакунин.

* Т. е. о Марии Воейковой

Передайте кузине Таничке *, что с ее стороны очень нехорошо мне не отвечать после того, как она раз дала мне вкусить сладость переписки с нею. Скажите ей также, что я очень ее люблю и что сгораю от желания с нею свидеться.

Перевод с французского.

№ 46. — Письмо сестрам.

10 июня 1833 года. [С.-Петербург.]

Дорогие сестры!

Вы, должно быть, сильно удивились, получив мое последнее письмо. Я думаю, что вы приняли меня за сумасшедшего. Но успокойтесь: это письмо написано в минуту, когда я, огорченный замеченною переменою, предался меланхолическим размышлениям. Вы еще более будете изумлены, когда я вам скажу, что теперь у меня со Львовыми лучшие отношения, чем когда бы то ни было, что мы снова стали величайшими друзьями и что я бываю там почти ежедневно. Вы скажете, что это — чудо, но соблаговолите выслушать меня, и вы увидите, что нет ничего более естественного, чем наше примирение.

Решив больше с ними не встречаться, я в продолжение четырех дней туда не ходил. На пятый день тетенька **, которая ничего об этом не знала, дала мне поручение к госпоже Львовой ***. Не будучи в состоянии отказать ей и в глубине души чрезвычайно довольный представившимся поводом пойти к ним, я отправился туда. Едва открыл я дверь, как барышни ****, заметив меня, окружили меня со словами: «Мишель, что с Вами? Где Вы пропадали все это время? Почему Вы так долго не приходили?». Я пробормотал несколько извинений, но они не дали мне закончить: «Нет, нет! Мы знаем всё. Вы вообразили бог знает что, Вы рассердились на нас, и вот почему Вы не приходили». (В субботу я потребовал объяснения причин, обусловивших перемену отношения ко мне со стороны барышень, и поделился своим удивлением с Прасковьей Федоровной, старшей сестрой.) «Пожалуйте к матушке. Она хорошенько намылит Вам голову, и папенька тоже». Елизавета Николаевна очень

* Полторацкой.
** П. М. Нилова.
*** Елизавета Николаевна.
**** Мария и Надежда Федоровны Львовы.

мило надрала мне уши и поворчала на меня, равно как и Федор Петрович, за то, что я мог вообразить, будто на меня косо смотрят. Они говорили о своей дружбе и уважении к моим родителям и о благорасположении ко мне. Наконец они заявили мне, что для доказательства того, что у меня не осталось никакого злого чувства, я должен приходить к ним если не ежедневно, то по крайней мере раз в два дня или в самом крайнем случае — раз в три дня. Представьте себе, как я был доволен, в каком я был восторге! Барышни были особенно очаровательны, полны внимания ко мне и любезны сверх всякого вероятия. И вот мы снова стали величайшими друзьями.

Теперь они живут на даче. Я уже был там три раза. Часть дачи снимает семья Ульяниновых. Я познакомился с двумя барышнями Ульяниновыми, подругами моих кузин, очень милыми особами, из которых одна — большая музыкантша, играющая на пианино с большой оригинальностью и особенно с большим чувством, что для меня самое важное.

В последний раз у меня произошел с кузинами большой разговор о Марии *. Мы осыпали ее похвалами. Я не знаю, что со мною делается, когда я говорю о ней. Я становлюсь поистине красноречив, нахожу выражения без всякого труда, похвалы (то-есть правда) так и льются из моих уст. Я прихожу в настоящую экзальтацию. Да и может ли быть иначе, когда думаешь о ней, об этом чудном, очаровательном существе? Ах, дорогие сестры, если бы вы ее знали, я убежден, вы бы полюбили ее: она мила, остроумна, добра, прекрасна как ангел, любезна, наконец божественна, божественна до чрезвычайности! У меня нехватает слов. Да и кто мог бы найти достаточно сильные слова, чтобы описать ее!

Этою зимою я снова ее увижу, а вас здесь не будет. Разве эта мысль не способна привести в отчаяние? Кому же я буду поверять мои радости и горести? Нет, приезжайте, приезжайте, мои добрые сестры, по крайней мере ты, моя добрая Любинька, приезжай в Петербург.

Целую вас тысячу раз.

Ваш нежный брат и друг

М. Бакунин.

P. S.—Передайте кузине Таничке **, что с ее стороны очень нехорошо забывать меня.

* Воейковой.
** Полторацкой.

Перевод с французского.

№ 47. — Письмо родителям и сестре Варваре.

11 июня 1833 года. [С.-Петербург.]

Дорогие родители!

Новость, о которой я узнал из писем сестры и из письма самого барона, доставила мне большую радость и вместе с тем много горя. Я весьма доволен тем, что Любаша будет счастлива. Это делает меня самого счастливым. Говорят, что барон — достойный человек. Если верить Монтеню, то это — лучший офицер полка: добрый, любезный, образованный, остроумный и проч. и проч. Вот как он мне его обрисовал. Таким образом Любинька будет без сомнения счастлива. Но этот брак задерживает ваш переезд в Петербург, и это причиняет мне большое огорчение *.

Что же делать, нет худа без добра, говорит пословица, а я скажу противное: нет добра без худа; это — наша участь; нет ничего совершенного на свете. Что же до меня касается, то мне прежде экзамена и подумать нельзя проситься в отпуск; после экзамена — может быть, и то вряд ли, а я вас так давно не видел, целые четыре года, это ужасно!

Через неделю мы собираемся в лагерь; будут большие маневры, все офицеры Артиллерийского училища будут прикомандированы к гвардейской артиллерии; вся гвардия будет в лагерях только месяц, мы же два месяца, потому что с августа месяца будем производить практические учения. В продолжение этого времени я узнаю службу и буду иметь средство приложить теорию к практике. Вчера прибыл сюда человек мой Иван, любезная маменька; мне кажется, что это—славный малый **.

Прощайте, любезные родные.

Любящий и почитающий вас сын

М. Бакунин.

Я забыл, моя добрая Варинька, сказать тебе, что кузина Надежда Львова просила меня переслать тебе от ее имени прилагаемые при сем ноты. Это — очаровательный вальс Ласковского ***, вполне музыкальный и несколько меланхолический.

* Весь этот абзац по-французски в оригинале.

** Слова от «мне» до «малый» по-французски в оригинале.

*** Иван Федорович [1].

Кузина играет его с большою экспрессиею. Разбери его и напиши мне, какое действие он на тебя произвел. Мне лично он чрезвычайно нравится.

Твой брат

М. Бакунин *

№ 48. — Письмо родителям.

1833 года, мая 12-го дня. Лагерь под Красным Селом.

Любезные родители!

Давно я к вам не писал, надежда увидеть вас в Прямухине останавливала меня; чувствуя себя виноватым перед вами, я хотел лично открыть вам мое сердце, лично просить [у] вас прощения; обманутый, как кажется, сею надеждою, я прибегаю к письму, как к единственному средству, оставшемуся мне с вами объясниться.

Много, много я виноват перед вами, любезные родители, много наделал я глупостей и с истинным раскаянием и с твердым намерением исправиться прошу вас простить меня. Тетушка Прасковья Михайловна приписывает все мои поступки нечувствительному, каменному сердцу; но она ошибается, у меня не каменное сердце, она не понимает меня. Ветреность и легковерие — вот враги мои, вот враги, которые весьма часто побеждают меня. Есть минуты, в которые я позабываю все мои добрые намерения, в которые из меня можно сделать все, где мне все кажется возможным и позволительным — и эта-то ветреность [является] причиною всех моих проступков, и над нею-то должен я стараться одержать верх. С этой минуты я непременно хочу себя переработать, хочу сделать из себя человека дельного, но чувствую, что мне это будет трудно и почти невозможно совершить без вашего благословения и без ваших советов. Помогите мне, любезные родители, и я надеюсь, что мои усилия не останутся тщетны. Я буду вам поверять не только все поступки мои, но даже малейшие чувства, малейшие мысли мои, всякий вечер буду я писать журнал свой, который стану присылать к вам еженедельно; ничего не скрою я, ибо не строгих судей буду видеть в вас, но людей, желающих моего счастья.

* Письмо к сестре все по-французски в оригинале.

Начну признанием всего прошедшего. Вступив в училище с искренним намерением образоваться, я был отвлечен от занятий одним из товарищей (бесчестный поступок его не позволяет мне назвать его фамилии), бросил все, пустился на шалости, конечно простительные, но все-таки убивающие время. Наконец он меня завлек в шалости более важные: управляя мною совершенно, он меня довел до того, что я позволил себе играть вашею доверенностью, доверенностью друга вашего, Димитрия Максимовича Княжевича; стал у него просить денег под выдуманными нами вместе предлогами. Наступил третий экзамен, я попал в ленивые, а сам писал вам, что экзамен выдержал хорошо. Этого мало: товарищ мой советовал мне [зачеркнуто: заставил меня] дать разносчику вексель в 2500 руб. с тем, чтобы он мне доставлял различные съестные припасы во время лагерей в продолжение того времени, покуда я буду в училище, и я, не думая о вашем состоянии, не думая о том, буду ли я в состоянии заплатить эти деньги, дал вексель и, разумеется, от разносчика ничего почти не получил; всем пользовался тогдашний друг мой (так называл он себя), и то не более как на 500—550 рублей. Годовой экзамен приближался, и я, боясь огорчить вас и не желая остаться на второй год в том же классе, стал заниматься день и ночь и в 3 месяца догнал моих товарищей, занимающихся прилежно в продолжение целого года, я перешел во 2-й класс. Тут приехала тетушка Прасковья Михайловна. Вексель мой вместе с другими долгами, простирающимися до 300 руб., вовлекли меня в беспрерывную цепь обманов; не имея довольно характера, чтобы признаться во всем, я обманывал вас, тетушку, всех.

Второй год учился я гораздо прилежнее; пред лагерями был принужден заплатить мои мелкие долги, простирающиеся, как я вас сказал, до 300 рублей, и, не имея, чем их заплатить, я дал вексель на 1000 руб. другому разносчику с тем, чтобы он мне дал 300 руб.: он обещал и обманул. Наконец перешел я в 1-й класс и после был произведен в офицеры. В это время приехала Вера Николаевна *; из писем моих к сестрам вам все известно, и потому я не стану повторять то, что вы уже знаете, скажу вам только то, что я, позабыв все свои добрые намерения, отвык опять от занятий, и мог ли я тогда что-нибудь делать, когда у меня не было минуты свободной, все были посвящены предмету обожания моего? Несколько раз после ее отъезда принимался

* Воейкова.

я за чтение, за изучение немецкого языка, но все напрасно, тем более, что срок моих векселей наступал, и я, не зная, как выпутаться из беды, ничем уже не мог заняться. Второй разносчик согласился ждать два года с тем, чтобы я ему прибавил 300 руб., и я переменил вексель, изорвав первый и дав ему другой в 1.300 руб. на 2 года, т. е. до 1835 года апреля месяца. 1-й же разносчик неотступно требовал уплаты 2500 руб.; я ему давал 600 руб., в то время как он дал не более как на 500—550 руб., но он не согласился, и я был принужден, заплатив ему 600 руб., прибегнуть к Александру Николаевичу Мордвинову, который тот же час дал сему делу надлежащий оборот [1]. Таким образом у меня осталось долгу 1300 руб. на вексель [2] да мелкого на 600 руб., всего 1900 рублей. Не думайте, любезные родители, что я вам говорю о долгах своих для того, чтобы вы их заплатили, нет, я слишком хорошо знаю состояние ваше, чтобы этакая мысль могла войти мне в голову, буду бережливым и постараюсь заплатить их из денег, даваемых мне вами, и из моего жалования (700 руб., 500 жалование и 200 квартирных), но я вам говорю о них для того, чтобы после я не мог упрекнуть себя в том, что я что-нибудь от вас скрыл.

Довольно был я наказан за свою вину; мысль, что я сделал долг, которого не в состоянии уплатить, отравила все мои удовольствия, вмешивала каплю горечи во все мои наслаждения, не давала мне часто покою ни днем, ни ночью. Шалость сия была последнею, я в этом вам даю честное слово; неосторожность эта, плод моей неопытности, будет мне уроком вперед и предостережет меня на будущее время; решившись перемениться совершенно, я употреблю на то все свои усилия. От многих худых привычек предстоит мне исправиться, и без вашей помощи мне невозможно будет в этом успеть; мне нужен человек, который знал бы все мои чувства, который вникал бы в самые сокровенные мои мысли, который поддерживал [бы] меня в добром моем намерении и против всех искушений. Во мне есть желание добра, но недостает довольно характера, чтобы вдруг взять верх над своими страстями; и к кому же прибегну я в сем случае, как не к вам, кто желает мне более добра, как не вы, любезные родители? Тетушке Прасковье Михайловне * я много обязан; участие, которое она во мне принимает, заставляет меня молчать о многих ее несправедливостях, но обхождение ее со мною поста-

* Ниловой.

вило меня на такую ногу, что я не могу быть с нею откровенным; чувствуя во многих случаях нужду в советах человека опытного, я несколько раз старался сблизиться с нею — и все напрасно: обращение ее со мною всегда отталкивало меня от нее [8].

Нравственность моя не испорчена, я совершенно отдалился от общества большей части наших молодых людей (моих товарищей), где вино, карты и другие занятия, которых стыдливость не позволяет мне назвать, составляют почти единственное препровождение времени и единственные предметы разговора. Но не надсмотр тетушки меня до сих пор от них отдалял; я — в таких летах, что женщина не в силах была бы за мною усмотреть; нет, не тетушка, но собственное отвращение и правила, внушенные мне вами с самого малолетства, удерживали меня, и потому умоляю вас, любезные родители, возвратить мне всю свою доверенность, вероятно потерянную мною худым моим поведением, увериться в том, что я, дав вам честное слово не скрывать от вас ничего, ни худого, ни хорошего, сдержу его. Умоляю вас, чтобы между вами и мною не было посредников и чтоб я никому другому, кроме вас, не должен был отдавать отчета в моем поведении.

(Конец письма повидимому не сохранился.)

Перевод с французского.

№ 49. — Письмо сестрам.

[Торжок. Сентябрь 1833 г.]

Итак мы снова расстались надолго, дорогие сестры. Бог знает, когда мы свидимся. Если бы я по крайней мере оставил вас счастливыми и довольными, я был бы спокоен. Но, лишенный этого утешения, я уезжаю в большой тревоге, с сердцем, преисполненным всего того, свидетелем чего я был. Варинька, пусть вчерашняя сцена послужит для нас уроком. Пусть ужасное состояние, в котором мы видели нашего доброго отца, и страдания маменьки научат нас не давать советов, способных повлиять на обстоятельства, близко касающиеся нашей семьи. Во имя неба, дорогие сестры, не решайтесь ни на что, не сообщив предварительно родителям о ваших намерениях. Пусть наши малейшие поступки, малейшие слова и малейшие мысли слива-

Варвара Александровна
Бакунина
(по мужу Дьякова) (1812—1856)

Любовь Александровна
Бакунина
(1811—1838)

Александра Александровна
Бакунина
(по мужу Вульф) (1816—1882)

Татьяна Александровна
Бакунина
(1815—1872)

ются, и пусть они не имеют другой цели, как счастье наших родителей, которые пожертвовали всем для нашего счастья.

Но довольно наставлений, поговорим о других вещах.

По прибытии в Петербург я немедленно дам вам знать о себе. Будьте уверены, дорогие сестры, что я не премину сделать это.

Но я должен спешить, так как я ничего еще не сделал и не имею еще подорожной *.

Целую вас тысячу раз.

Ваш брат
М. Бакунин.

Так как мне не удалось найти подорожной **, то я вчера не мог выехать и принужден был провести весь вечер и всю ночь в Торжке, так близко от вас.

Прощайте.

Во имя неба напишите мне поскорее.

Мне хочется так много вам сказать, но не могу вам писать, настолько сердце мое переполнено. Я был счастлив узнать вас и надеюсь, дорогие сестры ***, что в этот короткий промежуток времени я вам показал, как я вас люблю, и что с этого момента у нас не будет друг от друга никаких тайн.

Прощайте.

Перевод с французского.

№ 50. — Письмо сестрам.

Четверг, 28 сентября, 1833 года. С.-Петербург.

Дорогие, милые сестры!

Итак мы снова принуждены беседовать в письмах, и бог знает, когда только мы снова свидимся. Ах, как восхитительно было время, проведенное мною в Прямухине, несмотря на все сыпавшиеся на меня огорчения! Эти огорчения я делил с вами. Как быстро прошло это время, подобно очарованию. И вот я снова погружен в эту жалкую петербургскую жизнь, где каждый думает и живет только для себя. Глубокая грусть овладела

* Последнее слово по-русски в оригинале.

** Это слово по-русски в оригинале.

*** В подлиннике, видимо, описка. Сказано: «дорогая сестра».

мною. Вы считали меня спокойным. Вы сильно изменили бы свое мнение, если бы увидали меня теперь. Но разве я могу быть другим? Сильно беспокоясь относительно всего происходящего в Прямухине, всегда имея перед глазами страшную сцену, разыгравшуюся накануне моего отъезда, тревожась о Любаше, о Константине *, тревожась о вас всех, я здесь одинок, изолирован. Нет ни одного человека, которому я мог бы открыть свое сердце, с которым я мог бы поделиться своим горем, от которого я мог бы ждать какого-нибудь утешения. Вы говорили мне, добрые друзья, что для меня было менее тягостно оставлять вас, чем для вас видеть мой отъезд. О, как вы были неправы, мои очаровательные! Вы живете вместе, ваши горести не дают вам себя так сильно чувствовать, вы делитесь ими друг с другом, а я здесь одинок, совершенно одинок. Так как Николай — пока еще ребенок, я не хотел сообщать ему о несчастьи, обрушившемся на нас. Зачем огорчать его так рано? Это могло бы отвлечь его от его занятий и повредить его экзаменам.

Не забывайте вашего обещания, дорогая Варинька, держать меня в курсе всего, что происходит в Прямухине. Не упускайте ни одной малейшей детали. Помните, что вы пишете брату, который вас обожает и который сгорает желанием знать все малейшие безделицы, касающиеся вас. Когда я получу о вас известие? Что я узнаю из ваших писем? Я жду их с величайшим нетерпением и в то же время с некоторым страхом. Но ради бога не скрывайте от меня ничего. Все должно скоро решиться, ибо нынешнее положение вещей не может долго тянуться. А как это все разрешится? Ради бога думайте о родителях, охраняйте их дни, которые нам так дороги. Теперь нашею обязанностью является скрасить все их горести, которые посетят наш дом. Пусть же их счастье и спокойствие будут нашею главною целью. Пусть у нас не будет иной воли кроме их воли. Они так добры. Чего только они не сделали для нас? Какие жертвы казались им невозможными для нашего счастья? И не обязаны ли мы вознаградить их за это, стараясь сделать их старость спокойною и счастливою? Нет, Прямухино не может быть долго несчастным. Счастье — его удел. Эта же беда пришла лишь для того, чтобы дать нам живо почувствовать счастье, которым мы наслаждались и которым, как я уверен, мы еще будем наслаждаться. А между тем я охвачен тревогою, глубокою тревогою

* Ренне, нареченный жених Любови Бакуниной.

Какое-то внутреннее чувство, какой-то тайный голос подсказывают мне, что решительный момент наступил. Что из всего произойдет? Чего я бы только не дал для того, чтобы счастье Любаши и всех вас не подвергалось больше сомнению! На какую жертву я не пошел бы для этого! Милая Любаша, как я люблю тебя. Да, моя добрая подруга, я обожаю тебя всей душою. Ты так добра, так мила, проникнута таким смирением — и тебя решаются обвинять, тебя, которая является воплощением покорности и кротости! Моя добрая и милая подруга, открой мне твое сердце, не скрывай от меня ничего, прошу тебя. Ах, когда я вас еще увижу! Пишите мне, ради бога, пишите мне поскорее.

Я написал бы Ренне, но что ему писать, что сказать ему утешительного? Передайте ему пожалуйста от моего имени, что я искренно его люблю. Поклонитесь от меня m-lle Жюли * и постарайтесь расположить ее в мою пользу.

Письмо мое столь же хаотично, как и мои мысли.

Прощайте, мои добрые, очаровательные друзья.

Ваш нежный брат

М. Бакунин.

Целую братьев.

Привет всем жителям Прямухина, которые помнят обо мне.

Перевод с французского.

№ 51. — Письмо сестре Любови.

[Осень 1833 года.] С.-Петербург.

Я написал отцу все и отсылаю ему твои письма; пусть он сам видит, как велика твоя любовь к родителям, и пусть он спасает тебя от пропасти, к которой ты так близка **.

Дорогая Любаша!

Сейчас я перечитал все твои письма. Твое смирение, твоя любовь к родителям растрогали меня до глубины души. Я возобновил в памяти все то, чего я был свидетелем, все то, что я видел и слышал, и я ужаснулся при виде той пропасти, в ко-

---

* Ниндель, гувернантка.

** Этот абзац над обращением приписан, повидимому, после окончания письма.

торую ты, невинная жертва, катишься под влиянием ложной мысли, что этим ты доставишь удовольствие виновникам наших дней. Ты пишешь мне, дорогой друг, что можешь быть спокойною и счастливою, только доставляя счастье нашим превосходным родителям. Ты прибавляешь, что если твой брак не состоится, то отец не снесет этого бесчестья, а мать, которая упрекает себя в том, что вырвала у тебя согласие, также не сможет успокоиться. Но разве она сможет быть спокойною, видя тебя несчастной? Ибо не обманывайся на этот счет, дорогая Любинька, ты не сможешь быть счастливой с Ренне, ему известно состояние твоего сердца, он знает всю глубину твоего отвращения к нему, и он никогда тебе этого не простит. Знаешь ли ты, дорогая сестра, что, выйдя за него замуж, ты должна будешь отказаться от родителей и от всех нас? Он будет твоим неограниченным господином, — человек, которого ты терпеть не можешь. Он сделается распорядителем твоей судьбы в этом мире и на веки веков. Все твои самые священные обязанности будут принадлежать тому, кому ты дашь обет перед лицом Предвечного, ибо не сказано ли явно в писании: мужчина оставит своего отца и мать и прилепится к жене своей, и оба составят одно лицо? И не окажешься ли ты клятвопреступницей, когда у подножия алтаря поклянешься в беспредельной любви к тому, кого твое сердце отвергает? Любаша, загляни хорошенько в свою душу, проверь внимательно твое чувство к Ренне, испытай свои силы, — не затеваешь ли ты нечто такое, что превосходит твои силы? Ты говоришь, что ты чувствуешь себя спокойною и смиренною благодаря своей уверенности, что Всевышний тебя не оставит. Ты говоришь, что твое мужество укрепляется при мысли о том, что смерть легка тому, кто покидает юдоль печали для того, чтобы наслаждаться вечным блаженством, на которое он может рассчитывать, поставив свои обязанности превыше всего прочего. Ты прибавляешь еще то, что счастье заключается в том, чтобы делать счастливыми других, и просишь меня не говорить тебе больше об этом деле и не растравлять таким образом глубокие раны твоего сердца: «Я не хочу об этом думать, — говоришь ты мне, — я вижу только родителей, их счастье, остальное в руце божией».

Нет, Любаша, я не замолчу. Я слишком хорошо вижу печальные последствия, к которым нас может привести твой брак. Я не могу снести мысли о том, что ты будешь несчастна! Пони-

маешь ли ты муки обожающего тебя брата, знающего, как ты страдаешь, и усматривающего в твоем смирении лишь прелюдию к страшной, горестной жизни, которая не видит другого исхода, кроме смерти? Смерти! В этом ли заключается то спокойствие и то счастье, которые твой брак сулит моим родителям? Как! Эти столь нежные родители, столь превосходные родители, сделавшие все для своих детей, захотят принести свою дочь в жертву жалкому предрассудку? Захотят ли они ее смерти в виде утешения? Если даже ты не погибнешь, твоя жизнь будет сплошной цепью страданий. Ты знаешь ревнивый и подозрительный характер Ренне. Он будет мучить тебя беспрестанно, и ты думаешь, что сможешь все это снести? Даже теперь, когда он тебя любит, когда его любовь, разожженная сопротивлением и препятствиями, достигла своего апогея, он не перестает тебя мучить, он чуть не довел до могилы нашу добрую мать! Что же будет, когда он женится на тебе? Когда его любовь охладеет, а его ревность, раздуваемая твоим безразличием и твоим отвращением к нему, проявится полностью и без удержу?

Кроме того, я недавно узнал еще одну вещь, которая вряд ли может меня успокоить и заставить желать твоего брака с Ренне. Это — ненависть курляндцев к русским. Доказывается она тем обстоятельством, что всякий курляндец, обладающий известным состоянием, не хочет служить России и отправляется за границу. Эстонцы, связанные родственными узами с русскими, любят Россию, смотрят на нее, как на свое отечество. Лифонцы уже меньше. Что же касается курляндцев, то они ее ненавидят. Они не могут простить ей своего порабощения. Брак с русскою кажется им чем-то ужасным. Вот, дорогая Любинька, сущность тех сведений, которые я с разных сторон собрал относительно Ренне (разумеется, не лично). И я думаю, что это может отчасти объяснить странное поведение его родных. Они, очевидно, считают его обольщенным, увлеченным, и они тебе это припомнят. Какое же будущее ты себе готовишь? Ты будешь преследуема своими будущими родными вследствие твоего происхождения и твоей религии и терзаема своим супругом, который сверх всего прочего сможет легко вернуться к своей привычке к игре и прочим очаровательным уланским занятиям; вдобавок он разлучит тебя с нашими родителями. Не верь его обещаниям, что он никогда тебя от них не отдалит. Они будут слишком неудобными свидетелями его проделок. Теперь он вы-

слушивает их советы, он клянется всегда выполнять их. Но делает он это лишь для того, чтобы тем вернее их ослепить. Как только он станет твоим мужем, он в этом уже не будет больше нуждаться—и тогда берегись! Он не только не станет слушаться наших родителей, но пожалуй потребует от тебя того же. Он разлучит тебя с ними навсегда. Варинька должна будет отказаться от своих прекрасных проектов, а ты, несчастная бедняжка, привязанная к Ренне нерасторжимыми узами, будешь покинута всеми, станешь несчастною жертвою этого эгоиста, а от наших дорогих родителей, для которых ты хочешь пожертвовать собою, ты должна будешь отказаться навсегда!

Если бы ты по крайней мере имела утешение в том, что ты доставила счастье нашим родителям! Но разве это возможно? Разве болезнь маменьки уже не является началом всех наших бед? Разве ты думаешь, что сможешь скрыть от зорких материнских глаз все страдания, которые на тебя обрушатся? Она будет страдать вместе с тобою, она ежеминутно будет упрекать себя в том, что была причиною твоего несчастья, несчастья нашего отца и всего нашего семейства! Оба они падут под этим бременем, а наши бедные сестры и малые братья останутся бедными сиротками без покровителей. И ты будешь причиною этого, а умирая, ты будешь чувствовать, что совесть твоя не только не чиста, но, напротив, отягощена несчастьем всего семейства!

Вот что готовит тебе и всем нам твоя экзальтация!! Любинька, скажи мне: по какому праву хочешь ты принести нас всех в жертву тому чувству, которое ты называешь эгоизмом? Я задаю тебе этот вопрос в качестве твоего старшего брата, на котором зиждется в известном смысле покой всего семейства, который несет ответственность за его счастье. Если Алексею Павловичу * дозволено было вмешаться в это дело, то я надеюсь, что я-то имею полное право принять в нем участие, и я снова спрашиваю тебя: для чего ты хочешь сделать нас несчастными? Зачем ты хочешь взять на себя эту страшную ответственность?

Ты говоришь, что папа не снесет бесчестья отказа Ренне. Вот мысль, почерпнутая в крайней экзальтации! Какое бесчестье может пасть на отца, который думает только о счастьи своих детей, если он отказывает в руке своей дочери по той причине, что

* Полторацкий.

она не любит человека, которому он ее обещал? Это настолько просто, а папа известен всем с такой хорошей стороны, что наверно никто не бросит в него камнем осуждения за то, что он помешал тебе ринуться в пропасть, всей глубины которой ты не видишь, так как ты закрываешь глаза на глубину своего отвращения к Ренне. Нет, дорогой друг, наши родители стоят слишком высоко над толпою, чтобы подчиниться мнению нескольких лиц, пересуды которых являются лишь результатом их холодности и бездушия, с которыми наши чудные родители свободно могут не считаться. Что же касается Константина *, то в первый момент он впадет в отчаяние, а через несколько недель вернется к своему обычному образу жизни. По поводу же самоубийства, которым он хотел вас всех запугать, смею тебя уверить, что это — комедия, придуманная нашим почтенным славной памяти дядюшкою, так как его уже нет больше в Прямухине. Мужья, самые нежные, самые преданные, и те утешаются. И я мог бы привести тебе кучу примеров в подтверждение моих слов. Так устроен свет, дорогой друг! А так как Константин состоит из плоти и костей подобно другим, то он и поступит так, как другие. Что же касается твоей собственной репутации, моя милая Любаша, то я могу тебе привести пример m-lle Алопеус, которая отказала сыну знаменитого Мордвинова **, после того как была обручена с ним в продолжение 10 месяцев, ибо она убедилась, что Мордвинов не составит ее счастья. Ее поступок был одобрен двором, городом и пригородами.

Я думаю еще, что твоя нынешняя минутная решимость испарится после двухмесячной отсрочки до января. Дорогой друг, обдумай хорошенько все, что я тебе сказал, и ты увидишь, что это — не фразы, брошенные на ветер, а результат зрелого размышления. Ты увидишь, что я понимаю лучше, чем ты думаешь, твое настроение и положение вещей в Прямухине. Поэтому не старайся меня обмануть, сделай так, чтобы мои предсказания не оправдались и не повергли нас всех в бездну вечного несчастья. Будь мужественна, моя милая Любаша, поговори откровенно с родителями. Если они хотят твоего брака, то это потому, что они не знают всей глубины твоего отвращения к Ренне. Матушка пишет мне: «Мы не хотим жертвы Ифигении». И наверное они тебя не принесут в жертву! Преходящее страдание

* Ренне.
** Николая Семеновича.

нельзя сравнить с вечными муками! Спаси же нас от горького сожаления, можно сказать — от отчаяния при виде того, что ты приносишь себя в жертву с хорошими намерениями, но совершенно некстати, думая, что выполняешь свой долг. Такая экзальтация не может продолжаться всю жизнь, а последствия ее будут крайне тягостны для всех нас. Отвечай мне по всем пунктам, дорогой друг, и если тебе удастся опровергнуть то, что я сказал, то я не скажу больше ни одного слова.

Целую тебя тысячу раз и остаюсь

твоим нежнейшим братом и другом

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 52. — Письмо сестрам.

4 января 1834 года. С.-Петербург.

Итак я снова с вами, мои добрые, мои очаровательные, мои обожаемые сестренки! Давно уже я вам не писал, ибо не считаю последнего письма, являющегося плодом странного настроения, которое преследовало меня в течение некоторого времени. Теперь я снова стал прежним, любящим вас от всего сердца. Но долой нежности, поговорим о деле. Я должен многое вам сказать и не знаю, как начать. Это — гордиев узел, который я тщетно пытаюсь распутать. Но последуем примеру великого сына Македонии и разрубим его, начав с первого предмета, пришедшего мне на ум.

Я познакомился с Николаем Назаровичем * и, всецело поглощенный моими новыми родственниками или скорее родственницами **, я попытаюсь набросать вам их портрет.

Во-первых они очаровательны, во-вторых они прелестны, а в-третьих, о, в-третьих, нет ничего, ибо у меня нехватает выражений, настолько они меня очаровали. Но нет, без шуток, они очаровательны, красивы, в особенности вторая, образованны, скромны, мало бывают в обществе, ведут очень усидчивый образ жизни, в высшей степени любезны, преисполнены талантов, словом, совершенно похожи на вас. Итак, мои дорогие друзья, вы

* Имя и отчество Муравьева в оригинале по-русски [1].

** Дочери Н. Н. Муравьева: Александра, Екатерина и Вера.

не должны сердиться, если я сильно их люблю (не всех одинаково), ибо, любя их, я в них люблю вас, так как они похожи на вас до мелочей. Посмотрите же, до чего доходит братская любовь! Разве это не поучительно? Надеюсь, что вы почувствуете все значение этого, иначе — вечная война, как красноречиво выражается маленькая Сали-Фолия, которою, между нами будь сказано, бредит Николай Вульф, да и не он один, насколько я слышал.

Ага, мадемуазель Александрин *! Так вот как Вы себя ведете! Нехорошо с Вашей стороны кружить всем головы и плодить столько несчастных. Если верить мнению Вариньки, то скоро Вы сразу выйдете за десятерых мужей.

Но вернемся к нашим баранам **. Я квалифицирую так не моих кузин, боже меня сохрани, но это — поговорка, употребляемая, не знаю, по какой причине. Итак, видите ли, мои кузины Муравьевы *** очаровательны, и если бы у вас хватило смелости, то я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы ввернули словечно в их пользу в письме, которое папенька вероятно напишет моему дядюшке Николаю Назаровичу. Вчера я провел у них весь вечер и много веселился. Впрочем, «веселился» — неподходящее выражение. Но я провел время очень приятно, в полном смысле слова приятно. Как, вы смеете смеяться надо мною? Стыдитесь, барышни! Разве это — не позор? Перестаньте же, или я снова объявлю вам вечную войну. Слышу уже, как проказница Таничка **** произносит серебряным голоском: «Бедная Мари!». Так вот, она столь же мало думает обо мне, как я о своем старом сюртуке, который я еще ношу, ибо он был свидетелем восхитительных, хотя иногда и довольно печальных, минут, проведенных мною в вашей среде. Теперь я припоминаю спор с кузиною Марией Петровною Вульф *****, которая сказала, что можно любить человека так же, как и стол, за восхитительные воспоминания, связанные с обоими.

Но вернемся к Марии Воейковой. Она сильно изменилась, и я не узнаю ее. Больше не скажу вам о ней ни слова. Остальное отгадайте сами. Последнее письмо, которое я вам написал, я за-

* Беер.

** Французское выражение, означающее: вернемся к начальному предмету нашей беседы.

*** Это слово по-русски в оригинале.

**** Слово «Таничка» по-русски в оригинале.

***** Эти три слова по-русски в оригинале.

кончил следующими словами: Мария Воейкова здесь[2]. Воображаю, как вы ломали себе голову, чтобы разгадать их смысл. Вы вероятно воображали, что я снова лежу у ее ног. Возможно, что вы по этому поводу сочинили целый роман, особенно ты, моя милая Варинька, обладающая таким пылким воображением. А я намеренно написал эти слова, чтобы оставить свободное поле для ваших догадок.

Перечел письмо и вижу, что я много обещал, много написал, но ничего не сказал или многое сказал, если вам угодно дать себе труд меня понять. Прощайте, мои добрые друзья, желаю вам всего хорошего, целую вас столько раз, сколько вы думаете о своем безумном брате.

М. Бакунин.

Мадемуазель Ниндель ручки целую, Петра* обнимаю и братьев также **.

Ах, боже мой, какой я сумасшедший! Ни вас, ни родителей не поздравил с праздником и с новым годом. Поздравьте себя и их пожалуйста за меня ***.

Перевод с французского

№ 53. — Письмо сестрам.

25 января 1834 года. С.-Петербург.

Мои дорогие друзья!

Давно я уже вам не писал. Как вам объяснить причину этого? А между тем я знаю, что причина есть, но не могу ее точно вам объяснить. Истекший месяц был для меня месяцем интеллектуальной революции. Я взвесил мои склонности, мои чувства, мои вкусы и, кажется, принял окончательное решение относительно моего будущего, моего образа жизни.

Я никогда не чувствовал особенного расположения к жизни в большом свете; я чувствовал себя там глупо, неловко, не находил слов. Я думал однакоже, что это — лишь недостаток

---

* Полторацкий, кузен Бакунина.

** Вся эта приписка кроме слов «Мадемуазель Ниндель» по-русски в оригинале.

*** Вся эта приписка по-русски в оригинале и сделана на верху последней страницы.

привычки и ложная робость, происходящая от этого недостатка привычки. Я сделал последнее усилие, я решил переломить себя; я пустился в большой свет, я ринулся в него, и что же я в нем нашел? Ужасную пустоту. Развлечения, удовольствия, которые восхищали других, мне показались ничтожными. Танцы, балы, этот верх развлечения для нашей молодежи, этот идеал их воображения, наскучили мне до смерти; я сразу же почувствовал себя там так не на месте, таким ничтожным! Я должен был отказаться от него, и я сделал это с радостью, я с энтузиазмом дал себе слово никогда туда не возвращаться.

Приходилось искать чего-либо другого, нужно было заполнить пустоту, которая меня одолевала. Я замкнулся в самом себе, я старался изучить себя, и я в конце концов нашел в себе самом, чем заполнить эту пустоту. Человек обладает способностями двоякого рода: физическими и интеллектуальными. Сила, приводящая их в действие, есть потребность, так что и потребности могут быть разделены на физические и моральные. Пока физические потребности занимают человека, он не думает ни о чем другом; он не знает скуки. Но когда физические потребности удовлетворены, скука, этот ужасный продукт праздности, дает себя почувствовать и приводит в действие интеллектуальные способности. Эти интеллектуальные способности составляют драгоценный дар Провидения, который отличает нас от других животных; а мы их игнорируем и ищем своих удовольствий в физических способностях.

Вот, дорогие друзья, часть тех мыслей и чувств, которые меня волновали это время, и вот к чему я пришел. Я наконец принял решение, и как только я его принял, сладостная теплота разлилась по моему сердцу. Я набросился на учебу, я набросился на нее со страстью, и это мне не повредило. Я чувствую, что я возрождаюсь; я чувствую себя выросшим в собственных глазах. До сих пор я жил только внешней жизнью, теперь я хочу создать себе внутреннее существование. Прежде я хотел учиться лишь для того, чтобы получить образование, без всякой другой цели; теперь я учусь со страстью, потому что только в изучении природы я усматриваю счастье на земле. Толцыте и отверзется вам *, — сказано в Евангелии. И мы, жалкие человечки, думали выполнить смысл этих слов, колотясь головою о пол, мы думали

* Эти слова по-русски в оригинале.

угодить Предвечному бесконечными молитвами и молебствиями. Мы не хотели познать всей возвышенности этих слов. Нет, не так надо толкаться. Собака, когда она голодна, также молит. Если мы должны ограничить наши действия таким узким толкованием Евангелия, то для чего нам дарованы умственные способности? Неужели в насмешку? Неужели для того, чтобы усыплять их? Нет, отнюдь нет. Это для того, чтобы мы искали своего счастья в высокой красоте природы. Разве это не прекрасная цель? Разве не позорно для нас нежелание это понять? Разве, наконец, не в этом заключается тот рай, который обещан нам Евангелием?

Вот мои мысли, дорогие друзья. Они вам покажутся странными, вы, может быть, меня не поймете; но в этом я не виноват: я еще недостаточно во всем этом разобрался, но решение я принял.

Довольно философии. Если мы увидимся, в чем я до сих пор не уверен, так как ничего еще не решено, то я постараюсь объясниться с вами, так как я обещал вам ничего от вас не скрывать. А затем, мои добрые друзья, если бы я этого вам даже не обещал, то разве я мог бы поступить иначе? Это — такое наслаждение быть понятым теми, кого любишь, кого обожаешь больше всего! Вы так добры, так очаровательны. Разве это не счастье для меня, встречающего только лживых, эгоистических, холодных созданий, людей, честных только в силу светской условности, что у меня такие славные родные, такие чудные сестры? Я обожаю вас, мои добрые друзья. Вот еще одна высокая цель, заключающаяся в том, чтобы быть опорою для моих родителей в старости и вашею до смерти; в том, чтобы быть вашим первым и нежнейшим другом, в том, чтобы пользоваться вашим полным доверием. Нет, мои добрые друзья. Есть истинное счастье на земле. Это не внешнее счастье, которое является продуктом обстоятельств и которое целиком зависит от первого встречного. Нет, но это внутреннее счастье, основанное на чистом и невинном сердце, основанное на полной преданности счастью того, кого любишь, основанное, наконец, на применении умственных сил для углубления в тайны природы, для устремления к стоящей перед нами высокой цели.

С нетерпением жду вашего ответа. Поймете ли вы меня или сочтете сумасшедшим?

Так, мои милые друзья, вы меня не узнаете. Я совсем переменился и не думаю, чтоб к худшему. Много я потерял времени; теперь буду всеми силами стараться возвратить его. Я большое обратил внимание на изучение русского языка. По совету Сергея *, читавши, передаю на бумагу мысли, рожденные во мне чтением, и передаю их по-русски. Русская история, русская статистика будут составлять большую часть моих занятий. Писать, говорить по-русски, знать отечественную историю, знать, одним словом, святую Русь—нужно русскому **.

Но я ничего не говорю вам о кузинах и дяде Николае Назаровиче ***. Я думаю, что заслужил даже нахлобучку от вас за мое молчание по этому поводу. Что же сказать вам? Воскресенье, вторник и четверг (т. е. вчера) я провел у него на даче и думаю побывать там завтра. Вы думаете, что я влюблен? О, нисколько, то-есть совершенно ни чуточки! Но я люблю их всем сердцем во-первых потому, что, как я уже раз имел честь вам доложить, они очень похожи на вас своими вкусами, своими манерами, своим поведением. У них те же достоинства и те же недостатки. Они неоднократно напоминали мне панургово стадо и вместе с тем моих сестер. Нет, без шуток, они очаровательны все трое. Они так добры, остроумны, образованны, скромны, преисполнены стольких положительных качеств. Хотите ли, чтобы я нарисовал вам их портреты? Попробую. Старшая — Александра — довольно высокого роста, хорошо сложена. Ее нельзя назвать красавицей, но у нее такое выразительное лицо, в ней столько привлекательности, в ней есть нечто столь приятное. У нее голубые глаза, несколько смуглый цвет лица, черные волосы. Вторая — Екатерина (не покойная императрица) — такого же роста, даже несколько выше. Она красива, бела, у нее ангельское выражение лица, светлые волосы, большие голубые глаза, чудесное сложение, очень красивая ножка, нежный и музыкальный голосок, словом, она без всякого преувеличения очаровательна. Вера ниже ростом, чем остальные, очень красива, у нее очень тонкие черты лица, она весьма остроумна, у нее большие глаза (черные или голубые, я забыл или, вернее, я этого не знаю по той же причине, по какой я не знаю цвета солнца, так как слишком силь-

---

* Сергей Николаевич Муравьев [1].

** Этот абзац по-русски в оригинале.

*** Муравьевы

но рискуешь, когда пробуешь смотреть на него). У нее очень изящное сложение, черные волосы. Я не говорю вам о частностях. Я не создан для того, чтобы замечать их. Я вижу лишь ансамбль.

Относительно душевных их качеств я не хотел подробно перед вами распространяться, потому что могу судить о них лишь в самых общих чертах. Это — нежные дочери, обожающие своего отца, малейшая мысль которого является для них законом. Они очень добры, очень милы и вместе с тем очень остроумны. Они преисполнены талантов и очень образованны. Обожают природу, терпеть не могут света, но бывают в нем по необходимости и ведут себя там восхитительно. Больше я ничего не могу вам сказать. Поскольку я сделаю какое-нибудь новое открытие, я вам о нем сообщу. Мы уже в большой дружбе. Я очень чистосердечен с ними. Они выказывают мне величайшее расположение. Мы много говорили о вас. Они просили, чтобы я дал им ваши портреты. Я набросал их. Они горят желанием увидеть вас, познакомиться с вами. Они уже любят вас.

Вот как я провожу время, когда бываю у них: я прихожу к обеду. Время до и после обеда я провожу с дядею, который является очень образованным человеком и относится ко мне чрезвычайно хорошо. После чая дядя идет заниматься, а я остаюсь с кузинами. Мы беседуем о литературе, истории, о науках, о философии. Они музицируют. Мы говорим о вас, о вашем времяпрепровождении, я приношу им книги. Недавно я принес им историю последней революции в Греции.

Ну-с, вот страница и кончается. Что сказать вам еще, чтобы заполнить ее? Ах, да, вы, кажется, мне писали, что m-lle Александра Беер находится в Прямухине. Если это верно, то пожалуйста напомните ей обо мне как о старом поклоннике ее сестры и известном авторе прекрасного акростиха: «Мы все в слезах» и проч. и проч.

Что касается Марии Воейковой, то скажу вам только одно: она потеряла от сравнения. Она уже мне больше не нравится. Привет m-lle Жюли *.

Остаюсь и проч.

М. Бакунин.

---

* Ниндель.

№ 54.—Письмо Мавре Егоровне Быховцинoй.

[13 февраля 1834 г. С.-Петербург.]

Любезная сестра Мавра Егоровна, не можете ли мне сделать одолжение,—ссудить меня дня на два или на три магнитом, который Вы купили для врачевания нервических припадков, и с наставлением употребления оного? Много обяжете

душою Вам преданного

Михаила Бакунина.

№ 55.—Заметка из конспекта по истории.

Что замечать при чтении истории?

Законы, суды, налоги, правление, королевская власть, королевское влияние в духовных делах, народное собрание, нравы, разврат, суеверие, понятия века, дух христианства, религия вообще, сила ее и влияние на политические происшествия, духовенство, его власть и нравы, раздоры церкви, распространение христианства, народное право, договоры, степень жестокости войны, дворянство, степень его власти, среднее состояние, рабство, освобождение рабов, сила мнения, действие слов на понятия.

№ 56.—Письмо родным.

1834 года, 20 июня [с дороги].

Радостное свиданье, тягостная разлука — вот краткая история человеческой жизни, милые друзья мои! Опять удаленный от вас, я возвращаюсь в хладные объятья чуждого мне света; но я уж более не один, нет, сердце мое, стесненное горькими чувствами разлуки, громко говорит мне, что я не один, что я люблю вас более всего, что я живу, дышу, могу быть счастливым единственно только вами.

Прощайте.

М. Бакунин.

№ 57.—Письмо сестрам.

Г. Гжатск, 20 июня [1834 года].

Милые друзья!

Вот уже и двести верст разделяют меня с вами; малейшее движение повозки, каждая минута, каждая секунда напоминает мне, что я более и более отдаляюсь от Прямухина, но все это

время душа моя была с вами нераздельно! Силою воображения я переселился в благословенное Прямухино и живо перебегал в памяти своей все прелестные минуты, проведенные мною в кругу вас, бесценных друзей моих. Безумный! я искал мнимого счастья и искал его вне своего семейства, гнался за обманчивыми мечтами, ослеплял себя софизмами и, увлеченный фальшивым блеском философии, воображая видеть все хорошо и ясно, не видел того, что сам себя лишал счастья несравненного — счастья жить, дышать единственно только вами и единственно только для вас. Так чувство тяжкой горести, раздиравшее сердце мое при разлуке с вами, возвратило меня в самого себя; я узнал всю силу моей к вам привязанности, увидел, что любовь к родным никогда во мне не умолкала и что видимая холодность, бесчувственность были не что иное, как следствие сильных потрясений, долгое время волновавших душу мою. Находясь в продолжение нескольких лет под влиянием хладного дыхания эгоизма, она сама охладела, но дружба ваша, милые друзья мои, снова согрела ее и, вырвав навсегда из тяжкого оцепенения, возродила ее и возвратила ей всю силу прежних чувств; так я это чувствую, я люблю вас более, чем когда-нибудь, и вторично клянусь не искать другого счастья, кроме вашего. Некоторые понятия мои несогласны с вашими, но разве понятия эти мешают чувствовать, разве они могут мешать мне любить вас более всего на свете? Во все время моего путешествия, погруженный всеми силами душевными и умственными в Прямухино, я мало-по-малу оживал и, несмотря на разлуку мою с вами, был счастлив. Вообразите себе: я вдруг освободился от тяжкого положения, в котором меня видели, бесчувственность моя исчезла, и чувства мои, подобно бурной реке, опрокинувшей препятствия, ее удерживающие, вдруг восторжествовали и громогласно заговорили мне именем Прямухина, и я был счастлив, совершенно счастлив!

Теперь прощайте, пора опять в путь!

Вот я и в Вязьме, в знаменитой отчизне знаменитых пряников, которых вам посылаю десять фунтов вместе с этим письмом.

Константин * потерял ключ от чемодана, и я здесь остановился для того, чтобы сделать новый. Не привыкнув к езде на перекладных, Константин мой совершенно разбит, так что я в Гжатске на несколько часов должен был остановиться и дать ему собраться с силами. Сейчас еду дальше и спешу окончить письмо

* Слуга Бакунина из дворовых людей.

Александр Николаевич Муравьев,
основатель Союза Спасения.

для того, чтобы послать его на почту. Что-то вы делаете, милые друзья? Вертель, вероятно, также уехал, и Прямухино покажется вам сперва очень пусто. Чем-то решится участь бедного Вертеля, неужели судьба никогда не перестанет гнать его и неужели счастье никогда не улыбнется ему? В короткое время нашего знакомства я его всем сердцем полюбил; благородство, ум, доброе сердце, образованность и твердость характера, соединенные в нем, в высокой степени пленили меня, и я ему душевно предан. А что делает бедный Дьяков? * Лишенный друга, отдаленный от предмета своего обожания, склоненный под ярмом военной дисциплины, он, вероятно, сумасшествует. Приехав в Молодечно, напишу им всем длинные письма, жаль только, что не знаю адреса Дьякова, но он вам будет писать, и вы верно будете знать его, который я вас прошу мне также сообщить **.

По приезде в Молодечно я не премину написать барышням Наталии и Александре Беер. Их дружбою я в высшей степени горжусь и хочу как можно чаще использовать данное ими мне разрешение время от времени писать им. Милые сестры (разумеется, я не исключаю из этого числа прелестную Марию, так как она сама согласилась считать меня братом), попросите, пожалуйста, у Александры прощения за то, что я порвал письмо, которое она у меня просила.

Вертэй *** наверное рассказал вам, что в Бернове мы встретили тетушку, дядюшку ****, кузину Надежду и Пьера Полторацких и что с последним я проехал в Старицу через Красное и через Зеленово, где я повидал обеих кузин, Наталию и Марию, которые были очень рады свиданию со мной. Дядюшка со мною почти не разговаривал, я же почти ограничился словами «здравствуйте» и «прощайте». Что касается тетеньки, то я убедился, что она на меня не дуется, и был этим весьма доволен, так как я ее очень люблю.

Прощайте, дорогие друзья. Прошу у всех вас благословения и остаюсь вашим сыном и братом

М. Бакунин.

---

* Николай [1].

** Дальше до последней приписки по-французски в оригинале.

*** Сам Бакунин дает иную транскрипцию этого имени Verteuil: он пишет «Вертёль».

**** Алексей Павлович и Екатерина Ивановна Полторацкие.

Целую руку Жюли [Ниндель], моей шестой сестры, и дорогой * Вариньки, лишенной короны.

Константин кланяется матушке своей Фекле Ивановне, брату Николаю, сестре, фрейлине Аннушке, крестной матушке Агафье Ивановне, с которою в спешке не успел проститься, и всем девушкам**.

№ 58. — Письмо родным.

22 июня [1834 года]. Станция Ванино, 23 версты от Дорогобужа.

Любезные друзья!

За неимением лошадей я должен был здесь остановиться и переночевать; вчера целый день шла тяжелая почта, что было для меня причиною большой остановки; в предыдущей станции я также ждал около двух часов и, к счастью встретив оригинала-помещика Смоленской губ. Бурку, довольно весело провел с ним время. «Какие теперь пошли-с огромнейшие дни-с»,—вот приветствие, которым он меня встретил; слово за словом у нас затянулся разговор, и я насилу мог удерживаться от смеха! Обладатель 80 душ в Рославском уезде, он почтил собою мундир Ямбургского уланского полка, где, прослужив около шести лет, присоединил ко всем качествам Митрофанушки, глупости и невежеству в высокой степени, уланское молодечество; увидев у меня «Войнаровского ***, он спросил меня: «Что это за штучка-с?», и я ему стал читать поэму сию, разумеется, не назвав сочинителя; тут-то вы бы послушали его: разинув рот, выпуча глаза и покручивая поминутно усики, он меня слушал и прерывал беспрестанными и самыми комическими восклицаниями, например:

Но кто украдкою из дому,
В тумане раннею порой,
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной?..

Бурков: Прелестно-с! Какая мысль! Вы сами изволите признаться, что это прелестно-с!

В полукафтане, в шапке черной
И перетянут кушаком...

---

* Здесь неразборчивое слово. Его можно прочесть: nièce (племянница) и chère (дорогая).

** Последний абзац снова по-русски в оригинале.

*** «Войнаровский» — героическая поэма К. Рылеева.

Бурков: Какая сила-с! Какой сюжет-с! премило-с!

Как стран Днепра казак проворный
В своем наряде боевом...

Бурков: Какое борение мысли-с... это превосходно-с! хоть бы какому-с дворянину написать-с...

Потом разговорились мы о других предметах: о выборах, и на вопрос мой: «почему помещик, имеющий менее ста душ, не имеет балла?», он мне стал объяснять, что причину этого преферанса-с должно искать в сочинениях Выжигина* о злоупотреблениях в внутреннем управлении России, которые вероятно государь прочитав выдал вследствие того новый указ о выборах; тут он не преминул объявить мне, для того чтобы блеснуть ученостью своею, что Выжигиных два: Иван и Петр, и что по его мнению Иван Выжигин — лучший русский писатель, а следовательно и подавно лучший писатель всего света. Разговор коснулся поляков, посылаемых во внутренность России: «Откуда они берутся-с? — спросил он меня, — ведь, кажется-с, Франция загнала их всех в Азию-с?» Я ему стал толковать, что они из Азии выбрались в Америку, оттуда в Ост-Индию, оттуда в Алжир, в Каспийское море и наконец в Польшу!!! Чепуха эта привела его в восторг. «Вот что значит-с образованность! Мы с вами и знаем-с, где какая земля лежит! а другой неуч и не умеет различить-с Азии от Америки-с».

Прощайте, пора ехать.

Смоленск, 23-го июня [1834 года].

Кажется, мне суждено везде останавливаться! Приехав вчера вечером в Смоленск, я был поражен, как громом, словами: «нету лошадей» и [с] сжатым сердцем и поникнутою головою должен был искать на ночь пристанища. Настало утро, а лошадей нет как нет! Что ж делать, должно приучаться к терпению; говорят, что терпение есть добродетель ослов; но кому бы добродетель сия ни принадлежала, а все-таки она необходима человеку; без нее жизнь его была бы слишком тягостна! Впрочем всякий — хочет, не хочет — рано или поздно научится терпению. Всемогущий и непреклонный преподаватель науки сей с сожалением

* «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин» — романы Ф. В. Булгарина.

смотрит на усилия покушающихся свергнуть его иго, которые так же смешны, как и усилия ребенка, мнящего щелчком опрокинуть огромное здание! Что ж такое жизнь наша? Неужели мы созданы для вечного страдания, для того, чтобы вечно терпеть? Неужели нет радостей на земле, радостей чистых, высоких, не связанных с тяжкими последствиями? Неужели счастие есть только пустой звук, обманчивая мечта, которая, подобно блудящим огням, завлекает несчастного путника в вязкое болото, в бездну уныния и отчаяния? Нет! напрасно будут философы доказывать мне истину софизма сего, напрасно будет Николай Назарович * показывать мне цель жизни в чувственных наслаждениях. Я им не поверю. Сердце мое, изящность природы, меня окружающей, говорят мне противное; они говорят мне, что мы созданы для счастья высокого, духовного, для счастья, основанного на любви! Что любовь есть главная причина жизни, главный закон гармонической связи, царствующей в природе, что жизнь без любви есть пресмыкание! Уверяют, что так как любовь есть чувство, а так как все чувства зависят от тела, то следовательно и человек любящий, следуя влечению телесному, а не духовному, унижается до животного! Говорят, что человек, одаренный разумом (а кто признает себя лишенным оного [?]), должен победить все чувства как слабости, его недостойные, и руководствоваться единым рассудком! Но те, которые так думают, достигают ли сами этой степени совершенства, которую они проповедуют? Победив все чувства и любовь к ближнему, побеждают ли они любовь к самим себе? Нет, следовательно они — эгоисты; а эгоизм не есть ли то чувство самосохранения, которое преобладает в животных? Следовательно не они ли скорее могут быть уподоблены четвероногим, чем тот, который доступен чувству любви, заставляющей жертвовать собственными выгодами для выгод других, чем тот, которого счастие, самое понятие о счастии неразрывно связано с благоденствием любимого им предмета?

Бывают минуты, когда душа моя, вырвавшись из бренных преград, ее стесняющих, разливается по всему пространству, обнимает собою всю природу, целое мироздание! Тогда я вполне счастлив; тогда я живу жизнью полною, совершенною; возвышаюсь в собственных глазах своих; постигаю прекрасную цель бытия своего. Тогда мне так легко, так хорошо; душа моя так ясно принимает в себя все впечатления внешнего мира: окружаю-

* Муравьев.

щая меня природа приводит меня в восторг, я слышу небесную гармонию, в ней царствующую. Все предметы, каждое растение, каждый цветок говорят мне языком любви, в каждом из них я читаю особенную мысль, особенные чувства, гармонирующие с чувством беспредельной любви и с высокой мыслью всемогущей причины всех миров! Тогда я сам горю любовью, любовью пылкою, чистою, самоотверженною, любовью к вам, милые друзьи мои, любовью ко всему человечеству. Тогда все мысли, все чувства мои обращаются к вам, и жизнь мне кажется в то время прекраснейшим даром небес, а несчастия, на пути ее встречающиеся, столь же ничтожными в сравнении с блаженством, ею даруемым, как ничтожны пятна солнечные в сравнении с блеском сего небесного светила! Но лишь только какая-нибудь чувственная мысль успеет проникнуть в сердце мое, кровь во мне взволнуется, чувства потемнеют, и душа моя, снова ввергнутая в мрачную темницу, мучается, страдает, бьется и наконец, лишенная сил, умолкает! Тогда я впадаю в ужасную мучительность, бесчувственность. Тогда вся природа кажется мне безжизненною, мертвою; все предметы представляются мне как будто сквозь удущающий, едкий дым, мрачными, согбенными под тяжкою рукою безжалостной и свирепой судьбы, и тогда я нахожусь в том же самом положении, в котором Онегин Пушкина говорил: «как эта глупая луна на этом глупом небосклоне». Зная, что это состояние болезненное, я, лишь только вижу его приближение, стараюсь вырвать себя из оного, обращаю мысли свои на Прямухино, но и тут усилия мои бывают очень часто тщетными. Описывая вам сии два противоположные явления, я вместе с тем описал вам внутреннее расположение моего духа в продолжение всей дороги. Так я должен быть беспрестанно занят, вот это единственное средство к моему успокоению.

Пора ехать.

№ 59. — Письмо родным.

Молодечно, 28 июня [1834 года].

Вчера приехал я сюда, любезные друзья мои, и лишь только проснулся сегодня рано поутру, первой моей мыслью было побеседовать с вами. В продолжение всей дороги, протянувшейся, за неимением лошадей и за хлопотами о подорожной, из Минска

в Молодечно целую неделю, Прямухино не выходило из головы моей. Я беспрестанно был с вами, думал о вас: грустно, очень грустно было мне с вами расставаться, и чем более я отдалялся от вас, тем сильнее грусть отзывалась в сердце моем, тем сильнее воображал я то счастье, которым бы мог наслаждаться посреди вас, любезные друзья мои. Я здесь в краю мне чуждом, с людьми образа мыслей и чувств совершенно от моего различного, с людьми холодными, не имеющими даже и тени образованности, я только и счастлив, когда один, когда никого не вижу, не слышу и, погруженный всеми силами душевными в Прямухино, перелистываю в воображении своем малейшие обстоятельства, случившиеся со мною среди вас. Воображение, данное нам Провидением утешеньем в разлуке, есть одно из лучших даров его! Что бы было со мною, если бы, закинутый в отдаленную от вас глушь, с душою пылкой, требующей пищи духовной, а не чувственной, лишенный всех сердечных наслаждений, я был бы еще лишен средства мгновенно переноситься посреди милых сердцу, говорить с ними, видеть, слышать их? Душа моя изныла б, сердце превратилось бы в кусок льда, и я, окруженный прозябающими, превратился бы в эгоиста, сделался бы самым несчастным человеком на свете! Для истинной же привязанности нет расстояния! Чувства пылкие уничтожают пространство и соединяют сердца, друг друга любящие. Что бы было теперь со мною, если бы я в короткое время, проведенное мною в Прямухине, не узнал бы, как горячо вы меня любите, как сильно сердце мое ко всем вам привязано? Из чего стал бы я трудиться? С какой целью стал бы я работать? Общества мне надоели; я в них не нахожу то, чего ищет душа моя, то, чего я еще сам хорошо определить не могу. Мнением людей я не дорожу, знаю из опыта, что свет, судя всегда по наружности и основываясь большей частью на предрассудках, издавна в него вкоренившихся, почти всегда ошибается; почести, богатство, пустой звук славы, так часто прельщающие людей, так часто бывающие их побудительными причинами, нисколько не льстят моему самолюбию, они не в состоянии наполнить душу мою, не в состоянии удовлетворить мучительной жажды, ее терзающей, утишить беспрерывного волнения, ею владеющего! Какая же была бы цель моя? Я должен бы был руководствоваться одним только разумом! Но разве во мне нет сердца, сердца чувствительного, способного принимать все ощущения, сердца, данного мне для вкушения истинного счастья, и которое при сих обстоятельствах

было для меня причиной мучений нестерпимых, терзаний неисчислимых? И разве разум может здраво действовать в то время, как сердце молчит? и разве действия его могут быть полезны, когда они не сообразованы с чувствами сердца? Теперь же, узнав вас совершенно, я вместе с тем узнал и обязанности свои. После поездки моей в Прямухино я ожил, и с новыми силами, поддерживаемый любовью к вам, любезные друзья мои, любовью сильною, неограниченною, я буду работать над собою, чтобы сделаться достойным членом семейства несравненного!

Сейчас узнал я очень неприятную для меня весть: носятся слухи, что будто бы генерал, по случаю переформирования артиллерии, представил меня к переводу в другую бригаду, под его же командою находящуюся, и я боюсь, чтобы это не помешало переводу моему в Тверь. Впрочем слухи эти, хотя очень вероятные (Даниил Павлович Зотов, добрый ротный командир мой, слышал об этом от бригадного командира нашего Соколова и очень обо мне сожалеет, потому что мы с ним очень дружно живем, почти неразлучны и вместе тоскуем по стране родной), еще не утверждены. Да будет воля божия! Чему быть, того не миновать! Но я уже более не упаду духом и буду стоять твердо и пойду наперекор гонений неутомимой судьбы! Чем более трудностей, тем более заслуги, тем лучше можно испытать твердость своего характера! Человек рожден для вечного борения с препятствиями, постоянно встречающимися на пути его жизни; однакоже, несмотря на все сии истины, мне очень, очень будет трудно отказаться от мысли служить в Твери и быть поминутно с вами. Надежда сия поддерживает меня, она — одна из главнейших подпор моих, и я, потеряв ее, очень много потеряю! Вы еще меня не знаете, я не успел познакомить [вас] совершенно с сердцем своим, не успел вам показать странное смешение мыслей и чувств, причиняющих беспрерывные волнения души моей! Но что же делать; еще раз повторяю: чему быть, того не миновать!..

Все сие время жара была несносная, и колосья как озимого, так почти и ярового созрели, почти еще не налившись, что, кажется, не подает большой надежды на хороший урожай в здешних краях.

«Что-то теперь в Прямухине?» Вот мысль, которая со мною безотлучна, и, перелетев в благословенные края, орошаемые Асугою, я живо представляю себе вас и занятия ваши. Всегда вместе, всегда веселы, мешаючи дело с бездельем, как говорит

папенька в стихах своих. А я... Но зачем отравлять счастье ваше мрачными мыслями? Поговорим лучше о чем-нибудь другом. Какова погода? Прощайте.

Преданный вам сын и брат ваш

М. Бакунин.

Я пишу длинное письмо Наталии и Александре Беер по-французски, не зная, как обращаться к ним по-русски. Что касается Вас, моя дорогая Мария *, то, чтобы доказать Вам, что я не только не забываю мою новенькую и миленькую сестрицу, что память о ней часто владеет моим воображением, я списываю для [Вас] стихи автора Вой—го **, которые по окончании вышлю Вам ***.

При сем прилагается письмо к барышням Беер ****.

Молодечно, 11 июля.

Почти уже две недели прошли, как письмо мое было к вам написано, и все еще его к вам не посылал; был в Вилейке, являлся там бригадному командиру и все еще насчет своего перевода ничего не узнал. Третьего дня проезжал здесь Иван Михайлович Бакунин и был у меня; мы с ним снова увидимся в Вильне, куда едем 11 августа, ровно через месяц. В продолжение этих двух недель, протекших по моем приезде в Молодечно, я познакомился с семейством Бавар, прихаевшим сюда на короткое время: мать-гренадер, две хорошенькие дочки и сынок-дурачок составляют его и живут верстах в двух от Молодечно; поболтать с ними можно, а больше ничего; высокопарных слов много, а истинного чувства, истинной поэзии нет. Доброе, как кажется, сердце, некоторое остроумие, покрытое лаком польской общественности, маленькое кокетство, маленькие таланты, вот и все. Искать другого было бы напрасно *****.

Вчера я получил ваши письма, дорогие друзья, и вполне разделяю ваши чувства к Вертэю. Это — превосходный и вполне честный молодой человек. Величайший стоицизм, проявляемый им при таких несчастьях, всегда заставлял меня преклоняться перед

---

* Марья Федоровна Бояркина, соседка и родственница Станкевичей, вскоре вышедшая замуж за Петра Полторацкого.

** Ясно, что речь идет об авторе «Войнаровского», т. е. о К. Рылееве

*** Этот абзац по-французски в оригинале.

**** Эта приписка по-французски в оригинале.

***** Дальше до конца письма по-французски в оригинале.

ним. Я думаю, я надеюсь, я почти уверен, что счастье для него не является невозможностью. Я уже написал ему. Прощайте.

Ваш брат

М. Бакунин.

Будучи сейчас в довольно томном настроении, я спешу кончить. Прощайте, тем более что я должен еще писать барышням Беер.

Я чрезвычайно изумлен тем, что вы не получили письма, которое я написал вам из Вязьмы и которое я послал вам вместе с пряниками.

Перевод с французского.

№ 60. — Письмо сестрам Беер.

11 июля [1834 года]. Молодечно.

Итак, дорогие Наталия и Александрина (вы дали мне право называть вас так, что же касается слова «дорогие», то это — привилегия, которую я сам себе присвоил и которую, я надеюсь, вы не пожелаете у меня отнять), мы снова разлучены и отделены пространством свыше 800 верст! Но благодаря дару воображения, которым я обладаю в достаточно высокой степени, я преодолеваю это огромное расстояние и вижу себя в Попове беседующим с вами. Будучи знакомы с детских лет, мы встречаемся после долгой разлуки, измененные возрастом и опытом; мы возобновляем знакомство, мы снова расстаемся, и вот я сижу и пишу вам письмо! Бог знает, увидимся ли мы снова. Во всяком случае надеюсь, что в ожидании скорого свидания вы соблаговолите иногда доказать мне вашими письмами, что вы не совсем изгнали меня из вашей памяти. Какая удивительная вещь жизнь. Лабрюйер * говорит, что это — пестрая смесь счастья с горем, удовольствия со стыдом, скуки с весельем и т. д. в различных степенях, но что она всегда ведет к одному концу. Я же думаю, что жизнь это — вечная борьба между иллюзией и сомнением! Первая — свежа, как едва распустившаяся роза, прекрасна, как природа в момент своего пробуждения, следует по неверным и неправильным шагам надежды, которая подобно болотным огонькам часто обманывает заблудившегося путника; второе — мрачное, как ночь, заунывное,

* Лабрюйер, Жан де (1645 — 1696) — французский писатель, прославившийся сочинением о «Характерах» (есть русский перевод).

как крик совы во время бури, руководимое печальным опытом, идет вперед твердым шагом, попирая все на своем пути, и ошибается очень редко. Победа того или другого решает участь человека. Если побеждает иллюзия, то в результате получается счастье, но если победа склоняется на сторону сомнения, тогда жизнь становится чашей горечи. Да минет вас чаша сия! Что касается действительного счастья, то я полагаю, что найти его можно только в семье, например в такой, как моя, и всю цену этого счастья я только что познал. Не был ли я безумцем, когда искал счастья в ином месте, вне Прямухина? Какие ангелы мой отец, моя мать и мои сестры! Но вы их знаете, и мне не приходится говорить о них. Я буду говорить о себе самом. Разлученный со всем, что я любил, и заточенный в такой ужасной дыре, как Молодечно, среди людей, почти сплошь ходящих на четвереньках, я совершенно уединился ото всех. Я всегда одинок или скорее почти всегда пребываю в Прямухине, думая только о его обитателях и, разумеется, также о его соседях; или же занимаюсь, и таким образом мне иногда удается забыть, что я живу в пустыне и что мне не с кем поделиться своими мыслями, впечатлениями и чувствами. Я здесь не веселюсь. О, до этого далеко, и я стал вдесятеро мрачнее, чем каким вы видели меня в Прямухине. Но я однако не поддаюсь. Напротив, я испытываю удовольствие от ударов судьбы, над которыми я смеюсь. «Наплевать!» — вот мой принцип, и этот принцип, несколько задевая общественное мнение, причинил мне немало зла, но, несмотря на все это, я плюю на это и всегда буду плевать, хотя бы для того, чтобы выдержать характер!

Мне было чрезвычайно тяжело расставаться с блаженною прямухинскою страною, и я покинул ее с стесненным сердцем. Признаюсь вам, что хотя надежда вернуться туда вскоре и надолго служит для меня большим утешением в моем заточении, но я не очень-то на нее полагаюсь и думаю, что эта иллюзия подобно другим — минутная забава, ибо раз судьба начала кого-либо преследовать, она очень редко останавливается. Едва прибыв в Молодечно, я узнал, что меня хотят перевести в другую бригаду, и я имею серьезное основание опасаться, что это сильно разойдется с планами моих родных относительно моего перевода в Тверь.

Привычка — великое дело, и я становлюсь все более безразличным к ударам судьбы. Пусть бьет, я ее уже не боюсь! Она

уже причинила мне все зло, на какое способна, лишив меня всех иллюзий юности; отныне я недоступен ее посягательствам. Я стал в позицию зрителя и с холодным любопытством слежу за всеми приемами, употребляемыми ею, чтобы меня сокрушить. Я жалею ее, ибо она не добьется свой цели. Пусть попробует!

Скуку дороги я услаждал воспоминаниями о прелестных минутах, проведенных мною в кругу несравненного семейства моего; и чем более я приближался к Молодечно, тем природа, меня окружающая, становилась мрачнее, как будто желая соответствовать ходу моих мыслей и чувств: кудрявые березы становились реже, а угрюмые сосны все гуще и гуще; свежие, душистые орхисы * исчезали и уступали место свое безжизненному и сухому бессмертию (les immortelles). И что проку в таком бессмертии? Жизнь кратковременная, но прелестная орхиса не в тысячу ли раз завиднее, чем бесцветная [зачеркнуто: бесплодная], прозаическая, бесчувственная жизнь вечная? Наконец, вот я и в Молодечне, и весьма не в веселом расположении духа **.

В то время как я вам писал, чувство безразличия, о котором я вам столько говорил, снова овладело мною. Вы можете убедиться в этом по моему письму, которое должно быть чрезвычайно скучным и вялым. Я прошу у вас за это извинения, но ничего не могу здесь поделать, ибо я умею писать только то, что думаю.

Прощайте, барышни, спешу распроститься с вами из страха надоесть вам таким нелепым настроением, как мое.

Передайте, пожалуйста, мой почтительный привет вашей матушке и Алексею ***, если он уже перенес в Попово факел ученой науки и вспоминает иногда

о глубоко преданном вам

М. Бакунине.

№ 61. — Письмо родителям.

Местечко Картуз-Березка, в Гродненской губ.
1834 года, четверг, 4 октября.

Любезные родители!

Вот я и на зимних квартирах, в 400 верстах от Молодечны, а следовательно в 1200 верстах от Прямухина. Выступив в поход

* Orchis, ятрышник — вид орхидных; иммортели (бессмертники) — сухие цветочные корзинки растения златоцвет или цмин обыкновенный.

** Весь этот абзац по-русски в оригинале.

*** Беер.

в начале августа, мы прибыли в Вильну 15 числа того же месяца и соединились там с целым нашим корпусом, в ожидании смотра князя Варшавского *, расположились лагерями. Репетиция учения, предварительные смотры, караулы, дежурства и другие занятия службы, наполнив все наше время, не оставили нам почти свободной минуты; так что мы, кроме величественных и прелестных видов, нас со всех сторон окружавших, ничем не успели воспользоваться; и редкости красивой столицы Литвы, и древняя ее башня, гордо возвышающаяся над целым городом, огромные костелы и клостеры (монастыри), величественные остатки падшего могущества иезуитов, Медицинская академия с минералогическим кабинетом и библиотекой, ботанический сад, а более всего так прославившиеся прелестью своею виленские глазки — все осталось для нас потерянным; мы тут на-днях испытали, как тяжела была участь Тантала.

В первых числах сентября прибыл к нам Паскевич; смотр, маневры и увенчавший их фейерверк шли обыкновенным порядком, и потому не стану их описывать. Паскевич был очень доволен и объявил нам, что весною мы пойдем в Варшаву. Все кончилось двумя балами, данными сперва князем Долгоруким, военным генералом-губернатором Литовских губ., а потом виленским дворянством; 1-й был великолепен и совершенно подобен балам петербургским, второй же представлял странное смешение общего европейского с собственно польским, особливо в мужчинах; что ж касается до дам, то все они очень любезны, ловки, танцуют очень хорошо, одеты, как кажется, по последней моде, говорят хорошо по-французски; в два вечера я более ничего не мог заметить. Наконец, испытав в лагерях жар, стужу, усталость, голод, жажду и все другие неудобства, тесно связанные с военною службою, мы оставили Вильну 14 сентября и после 19-дневного похода через города Лиду и Слоним прибыли в Картуз-Березку, где нам назначили зимние квартиры.

Вот вам, любезные родители, краткое описание времени, протекшего со дня выезда нашего из Молодечны. Что же касается до меня собственно, то я вам скажу, что, поддерживаемый единой надеждой скоро возвратиться в пределы святой родины, увидеть себя снова посреди вас, для того, чтоб уж долго не разлучаться, я употребляю все средства, у меня под рукой находя-

* Паскевич [1].

щиеся и сообразные с моею целью, для того, чтобы как можно полезнее провести остальное время нашей разлуки. Огромный круг товарищества, представившийся мне под Вильною, очень мало способствовал к рассеянию грусти, которая со времени выезда моего из Прямухина, несмотря на все мои усилия, почти ни на минуту меня не оставляет! Не находя в моих сослуживцах и их занятиях (картах и водке) ничего привлекательного, я от них совершенно отдалился, так что я здесь один, совершенно один! Вечное молчание, вечная грусть, вечная тоска — вот товарищи моего уединения! И если восторг чистой радости блеснет и осветит мгновенно мрак, царствующий в душе моей, я должен подавить его в груди своей. Никто не услышит меня!.. Я один! И восклицание умирает в пространстве, и радость превращается в горе! Я на опыте узнал, что прелесть совершенного уединения, так красноречиво проповедуемая женевским философом *, есть самый нелепый софизм; человек рожден для общества, круг родных и друзей, понимающих его и делящих вместе с ним и радость, и горе, необходим для него; самовольное уединение почти всегда тождественно с эгоизмом, а эгоист может ли быть счастлив? Итак все мои надежды, желания, намерения, планы, мечты относятся к тому времени, когда, соединившись с вами, приютившись снова под ваше крылышко, переговорив с вами обо всем и сообразно воле вашей, для меня священной, я заживу жизнью новою, светлою и теплою!

Впрочем, не могу сказать, что уединение, которое мне теперь так тягостно, было бы для меня совершенно, совершенно бесполезно; имея много, даже слишком много свободного времени, я успел обдумать всю прошедшую жизнь свою и ясно увидеть все ошибки, которые навлекли на меня столь неприятные следствия.

Опытность необходима, и я, наученный тою, которую с такими жертвами успел приобресть, решился совершенно переработать и обуздать пылкий нрав свой и те страсти, которые могли бы отвлечь меня от истинной дороги, к моему, а следовательно и к вашему счастью ведущей. Намерения мои очень хороши, не знаю, успею ли во всем. «Дух бодрствует, а плоть немощна!» — говорит, кажется, апостол Павел; душа, как отражение божества, как чистый пламень, горящий только высоким и прекрасным, не может иметь худого влечения; она как часть стремится

* Жан-Жан Руссо.

к своему целому! Тело имеет свои наклонности, свои требования, свои влечения, зависящие от материального его существования и несколько несообразные с высоким нашим предназначением! Борение этих двух элементов, образующих человека, наполняет страницы истории жизни человечества: победа того или другого решает участь, счастие или несчастие, процветание или погибель народа; то же и с человеком. Надеюсь впрочем, что, следуя хорошим своим намерениям и руководимый вашею дружбою и опытностью, я достигну своей цели: цели быть по возможности полезным семейству, отечеству своему, а следовательно и самому себе, не быть пустым, бессмысленным звеном в цепи человечества.

Итак не беспокойтесь на мой счет, любезные друзья мои. Укрепленный, можно сказать, обновленный последним с вами свиданием, с сильною надеждою на скорую перемену обстоятельств, я очень твердо переношу теперешнее мое положение и стараюсь извлечь из него всю возможную пользу: повторяю географию вместе с французским Путешествием в пяти частях света, подаренным мне сестрою Сашею и наполненным, впрочем, самыми смешными несообразностями и промахами; возобновляю свои познания в физике вместе с Беданом [2]; имея твердое намерение усовершенствоваться в русском языке, с вниманием разбираю правила его в грамматике Востокова [3]; и рассуждаю о политике и истории с сочинением «De l'histoire de la restauration et des causes, qui ont amené la chute des Bourbons, par un homme d'Etat» (M-r de Capefigue) *. Ограниченный малым числом этих книг, я их перечитываю, пересматриваю по сто раз в день и таким образом буду скоро знать их наизусть, остальное же время думаю о вас, любезные друзья мои, мечтаю и записываю все, что только ни придет мне в голову.

По причине очень недавнего моего сюда прибытия я еще ни с кем не успел познакомиться. Еврей, хозяин мой, говорил мне про итальянца графа Мендоза, казенного управителя здешнего местечка, и про двух немцев, форштмейстера ** и доктора, как про очень ученых людей; если слова его справедливы, то я, узнав их, достану, может быть, от них немецких и итальянских книг для усовершенствования себя в немецком и для изучения итальянского языка. «А служба?» — скажете вы мне. Служба здесь

* «Об истории реставрации и о причинах, приведших к падению Бурбонов, соч. государственного деятеля» (г-на де Капфига) [4].

** Старший лесничий.

для нас не существует; она ограничивается лагерями; что же касается до остального времени, то хотя я и ношу почетное название взводного командира, но так как у нас вне лагерей фрунтом не занимаются, то взводы наши и расположены по деревням; а рядовые все находятся в работе по хозяйственной части, в которую мы не входим и которая вся лежит в руках и на ответственности ротного командира.

Теперь, любезные родители, обращаюсь к вам и к Прямухину. Вот уже более двух месяцев, как я не получаю от вас писем, и потому нахожусь в неизвестности во всем, до вас касающемся; здоровы ли, покойны ли вы? Не случилось ли с вами чего-нибудь нового? Вот вопросы, на которые прошу вас, любезные друзья, ответить как можно скорее. Приписывая продолжительное молчание ваше переходам своим, которые помешали мне, вероятно, получению ваших писем, я успокаиваюсь этою мыслью. Что делается с Вертелем? Скоро по приезде моем в Молодечно я ему писал по данному им мне адресу, на имя В. Н. Дьякова *, и не получил от него ответа. Где он? Что он? На что решился? Не уехал ли во Францию? Ничего не знаю. Если вы имели о нем известия, то прошу вас меня обо всем уведомить и дать мне его адрес, если он переменил место своего жительства. В бытность мою в Прямухине, я его полюбил от всей души, и он также, как кажется, отделил мне часть той сильной дружбы, которую к вам питает; впрочем, попытка — не пытка, спрос — не беда! Еще раз напишу ему по старому адресу; но не знаю, каков будет успех. Что делает Дьяков **? Что сестра Варинька? Я еще очень далек от того, чтобы быть уверенным в ее к нему привязанности, и очень боюсь, чтоб, прельщенная фальшивым признаком религиозно-геройско-романической самоотверженности, не думая о будущности и очертив голову, она не сделала бы какой-нибудь глупости! Впрочем вы находитесь при ней, и потому бояться нечего. Наконец остается Петр Полторацкий; он мне писал о неудаче своей со стороны родителей; письмо его, писанное пером отчаяния, уверило меня в самом деле, что он горячо любит Марью Федоровну ***! Долго ли продлится любовь сия, не знаю. Я ему отвечал так, как думал и

---

* Валериан Николаевич, старший брат Н. Н. Дьякова.

** Николай Николаевич, будущий муж Варвары Александровны Бакуниной.

*** Бояркину.

чувствовал: писал ему, что, не послушав советов маменьки, он поспешностью, ни на чем не основанною, сам много способствовал своему горю, что впрочем положение свое, очень далекое от того, чтоб быть отчаянным, он может легко поправить, доказав на опыте любовь и постоянство; находил, что намерение его навсегда оставлять вас безрассудно и что нигде он не найдет лучших друзей и подпоры, как в Прямухине; он мне не ответил; не знаю, сердит ли он на меня за слишком, может быть, большую откровенность или какие-нибудь другие причины, но я с тех пор ни строчки от него не получил; если вы о нем что-нибудь знаете, то напишите пожалуйста.

Теперь остается мне попросить вашего благословения, мысленно прижать вас к сердцу своему и сказать вам, что я остаюсь навсегда

преданный и любящий вас сын ваш

М. Бакунин.

P. S. — Говорят, что в дамском письме главной цели должно искать в Post-scriptum'е. Следуя этому примеру, и я приступаю хотя не к главному, но к важному предмету письма моего. Еще из Молодечны просил я вас, любезные родители, о присылке мне 250 рублей по причинам, мною в том же письме изложенным; не получив от вас этих денег и видя себя в необходимости приготовиться к лагерям и смотру князя Паскевича, я должен был занять их. В лагерях, не имея копейки, я совершенно ограничил себя, лишил себя табаку, чаю и жил одним только обедом, который давал нам до сих пор капитан, дополняя остальную часть желудка черным хлебом с водою; теперь же капитан по расстроенным своим обстоятельствам стола более не держит, и я должен жить на своем иждивении; у меня всего осталось из денег, полученных мною за некоторые проданные вещи, семь рублей меди, из которых, заплатив рубль за это письмо и шесть гривен за письмо к Вертелю, у меня останется пять рублей сорок копеек, которыми я должен питаться впредь до получения от вас денег, издерживая всякий день по пятнадцати копеек. Константин * получает казенный паек, которым и я немного пользуюсь. Знаю, что я нынешний год получил от вас более положенного, но, основываясь на этих обстоятельствах, я прошу вас, любезные

* Крепостной слуга М. Бакунина.

родители, прислать мне в счет денег, назначенных вами мне на 1835-й год, триста или четыреста рублей. Будьте уверены, что, зная расстроенное состояние ваше, одна только необходимая нужда могла меня заставить к вам прибегнуть, что лишение и ограничение себя во всем для меня в сто раз легче, чем ваше беспокойство.

Теперь остается сказать вам о Константине, что он — очень добрый и усердный малый и, как кажется, ко мне привязан; оба довольно беспорядочные, мы друг другу даем уроки порядка; во многом похожий на старшего своего брата, он иногда ворчит, за что мы, хотя и очень редко, ссоримся; впрочем ссоры наши очень скоро и очень миролюбиво кончаются; ведет же себя он отлично.

Вот мой адрес: Гродненской губ. в город Пружаны; третьей Артил. бригады, седьмой легкой батареи прапорщику Бакунину, в местечко Картуз-Березку.

Поклонитесь пожалуйста от меня тетушке Александре Ивановне.

Письмо это посылаю я вам 15 октября.

Прилагаю здесь письмо от Константина к [его] брату Николаю Федоровичу.

Перевод с французского.

№ 62. — Письмо сестрам.

Пятница, 5 октября 1834 года, Картуз-Березка.

Дорогие друзья!

Прибыв благополучно к месту назначения после тягостного путешествия почти через всю Литву, я первым делом испытываю потребность написать вам, обменяться с вами мыслями и чувствами и сказать вам, что я люблю вас столь же горячо, как и прежде. Ни время, ни расстояние, ни обстановка, ничто не сможет уменьшить ту дружбу, которая составляет мое счастье и которая всегда пребудет моей лучшей поддержкой против всех бедствий и превратностей жизни. Да, дорогие и добрые друзья, чем больше я вас узнаю, тем больше я вас обожаю и тем сильнее проникаюсь уверенностью, что именно в вас я должен искать всего: дружбы, доверия, блаженства. Связанные священными узами, мы совместно пройдем через все опасности и невзгоды

мира сего, дабы достигнуть н а ш е й возвышенной цели, против которой бессильны время, расстояние и вытекающие из них обстоятельства.

Отделенный от вас расстоянием в 1200 верст, окруженный чужими людьми, которые не в состоянии меня понять, мысли и чувства которых отличаются от моих и образ жизни которых для меня невыносим, я совершенно уединился. Одинокий, я всегда пребываю с вами. Я возобновляю в своей памяти чудные моменты жизни в Прямухине и, размышляя о прошедшем и будущем, я украшаю свое печальное уединение надеждою на блаженство, которым после целого года страданий я стану наконец наслаждаться в кругу обожаемых мною семейства и родины! Способствовать счастью моего семейства и благосостоянию моей отчизны, принимать в меру своих сил участие в блестящем шествии человечества — вот все мое честолюбие, вот постоянный идеал, который будет руководить всеми моими поступками.

После ужасной борьбы моих страстей, моих старых привычек, которые, так сказать, вкоренились в меня и окружавшую меня обстановку, со священным огнем, который внезапно меня охватил и, ослепив меня своим блеском, своею величавою новизною, толкнул меня на несколько ложных шагов и угрожал разрушить все мое существо, я в конце концов чувствую себя успокоившимся. Лишенный всего, не имея общества, способного меня развлечь, я надеюсь сосредоточиться в себе самом; я прохожу испытующим взглядом свою прежнюю жизнь, исследую ее, анализирую ее; я отдаю себе отчет в своих промахах, в своих недостатках, причинах, приведших меня к моему нынешнему положению; я стараюсь проникнуть в свое существо, в свой характер, в свое сердце, в стремления моего ума; я стараюсь познать себя, исправить то, что имеется во мне плохого и противоречащего моей цели. Перед тем как вернуться в мир и сделаться действительным гражданином своего отечества, я взвешиваю свои силы и рассчитываю свои шаги. Глубоко озабоченный своим будущим, я стал еще более серьезным, более мрачным, но снова повторяю вам, мои друзья, я спокоен; сердце мое снова открыто дружбе, бьется с еще большей силой, чем прежде, при мысли о Прямухине, при воспоминании об этом священном месте, которое нас объединяет.

Вот, дорогие друзья, мое нынешнее душевное состояние и настроение. Поэтому перестаньте тревожиться, перестаньте так несправедливо обвинять то, что вы называете моею философиею,

во временной перемене, которую вы во мне заметили. Это было переходное состояние, неизбежное следствие внезапного переворота, происшедшего в моем образе мыслей и чувствований. Эта философия, мои дорогие и добрые друзья, может только способствовать моему совершенствованию. Она может только сделать меня лучшим сыном, лучшим братом, лучшим другом и лучшим гражданином. Она делает для меня только более священными мои обязанности по отношению к моему семейству, моему отечеству и человечеству.

Но довольно говорить обо мне. Поговорим теперь о Прямухине, этом убежище блаженства и святого мира. Поговорим об этом восхитительном уголке, где мы научились друг друга понимать и любить, где мы так счастливо провели свое детство, где под влиянием наших чудных родителей сложились наши первые чувствования, наши первые мысли, наши первые знания. Поговорим о вас, дорогие и добрые сестры, о моих лучших и нежнейших друзьях.

Когда я оставлял вас, вы казались совершенно спокойными. Казалось, что счастье, рассеяв мрачные тучи, в продолжение прошлого года столь ужасно омрачавшие прямухинский горизонт, снова вернулось к вам. Спокойствие было в ваших чертах. Но было ли это спокойствие чистым? Не примешивалось ли к нему какого-то тайного предчувствия, чего-то неуловимого? Это было уже не то безоблачное счастье, которое некогда царило в Прямухине. Это — счастье настоящего, которым вы были проникнуты, которое сквозило во всех ваших словах и в малейшем из ваших поступков. То столь великое счастье, которое, распространяясь на прошедшее, побуждало вас ожидать всего от будущего, рассеялось в самое короткое время. Чуждые превратностей и невзгод мира сего, вы сразу стали их добычею, и чем менее вы того ожидали, тем более тягостным показалось вам ваше положение. Этот внезапный переход от довольства, до тех пор невозмутимого, к несчастью совершенно выбил вас из колеи. Отныне иллюзии рассеялись. Будущее сулило вам впереди одни печальные и вечные слезы. Все ваши надежды оторвались от земной почвы, вы целиком отказались от счастья этого презренного мира. Жертвы, страдания, героическое терпение — вот каковы были ваши идеи, которые, доведя вас до экзальтации, заставляли вас слишком рассчитывать на свои силы. Целиком захваченные несчастным положением Любаши, вы составляли самые причуд-

ливые планы для ее спасения. Я не могу до сих пор забыть экстравагантного проекта Вариньки, которая в момент экзальтации собиралась выйти за человека, бывшего не в состоянии составить ни ее счастье, ни счастье всей семьи.

Но причина несчастья исчезла, и вы вернулись к более естественным мыслям и чувствам, более справедливым и более отвечающим вашему характеру и действительному положению вещей. После долгой усталости, вызванной ужасными сценами, театром которых сделалось Прямухино, и после глубоких потрясений, обрушившихся на вас с такою силою, вы начали в конце концов поправляться. Возбуждение, которое вошло у вас почти в привычку, в конце концов улеглось и снова уступило место надеждам на счастье. Вы снова стали счастливыми. Но, наученные опытом, вы уже не так доверялись будущему. Всякая перемена вас пугала. Вот каково было ваше положение, когда вы познакомились с [Н.] Дьяковым * и когда вы узнали о его намерениях. Думаю, что этим можно объяснить известное беспокойство, которое я заметил в вас и которое, вопреки вашему нынешнему счастью, проскальзывало иногда в ваших жестах, взглядах и даже, если память мне не изменяет, в ваших словах. Были еще и другие причины, но я здесь их не назову.

В разгар этих событий я прибыл в Прямухино. Продолжая еще находиться под влиянием ужасной борьбы, совершавшейся в моей душе, иногда преследуемый мрачными, меланхолическими мыслями, а подчас поддаваясь даже тягостной апатии, следствию сильной бури, чуждый переменам, происшедшим в Прямухине, отдельным фактам, имевшим там место, и новым лицам, которых я там встретил, я сначала не мог ничего понять из того, что там происходило. Только после того, как я с вами простился, и когда ко мне вернулось спокойствие, я мог отдать себе отчет в моих мыслях и в своем отношении к событиям.

Дорогая Варинька, речь идет о тебе, о судьбе всей твоей жизни, о счастье всего нашего семейства. Поэтому я считаю своим долгом поделиться с тобою своими мыслями. [Н.] Дьяков добивается твоей руки, и ты, кажется, решилась ему ее отдать.

Я готов был пуститься в бесконечные рассуждения о браке, любви и счастьи, долженствующем составлять его цель, дабы применить все это к возможности твоего брака с Дьяковым и к рассмотрению вопроса о том, содержит ли этот брак в себе все

* Здесь и дальше «Дьяков» по-русски в оригинале.

необходимые условия для счастливого результата. Но, хорошенько поразмыслив, я увидел, что этот вопрос, тесно связанный с рядом других не менее неизбежных вопросов, требует долгого и зрелого размышления. А так как я должен отправить это письмо как можно скорее, то я откладываю свои соображения по этому поводу до особого письма, которое я пошлю тебе, дорогая и милая Варинька, как только обстоятельства мне это позволят. Я постараюсь рассмотреть этот предмет со всею доступною мне глубиною, чтобы изложить тебе мои мысли в возможно логической форме и чтобы высказать в конце концов свои соображения о том, что ты на мой взгляд должна сделать в своем нынешнем положении. Надеюсь, ты не сомневаешься, мой дорогой друг, что это письмо будет продиктовано не желанием стать в позу педанта и читать нравоучения. Ты просила у меня совета. И будут ли мои советы удачны или нет, но их единственною целью и основанием будет счастье сестры и друга, которого я обожаю, и благосостояние всего моего семейства. Поэтому ты можешь понять, какими чувствами они будут продиктованы. Вдобавок от тебя будет вполне зависеть — последовать им или нет, отнестись к ним критически, рассмотреть их со всех сторон, отвергнуть их и посмеяться над ними вволю. Моею целью является твое счастье. Каким бы путем ты его ни достигла, будь уверена в том, что я его разделю.

Итак сейчас я ограничусь тем, что поделюсь с тобою только моими настоящими мыслями и опасениями, иногда смущающими мою душу. Должен признаться тебе, дорогая Варинька, твоя религиозная экзальтация заставляет меня бояться за тебя. Я страшусь, чтобы она иллюзиею ложного долга не заставила тебя сделать необдуманный шаг, который решит судьбу всей твоей жизни и повлияет на счастье или несчастье всего семейства. Ты знаешь, что наши милые родители, увлеченные достоинствами Дьякова, которых никто не может отрицать, благосклонно взирают на его искательства, и ты вероятно думаешь, что для их счастья ты должна слепо броситься в его объятия, не уверившись предварительно в силе и постоянстве его любви, не разобравшись основательно в его характере, его сердце и уме, не изучив хорошо его склонностей, достоинств и недостатков, не разобравшись в своих собственных чувствах, в своих силах и особенно не отдав себе отчета в действительных обязанностях, налагаемых браком. Не подумай, что слова мои лишены всякого основания.

Нет, мой дорогой друг, я говорю это, основываясь на всех беседах, которые мы вели и из которых я не забыл ни одного слова, и глубоко обдумав те наблюдения, которые я сделал в Прямухине. В моих ушах раздаются еще твои слова, столь глубоко меня поразившие: «Сейчас же после обручения я потребую безотлагательного заключения брака, ибо если будут долго тянуть, я боюсь, что мне придется изменить свое намерение и взять обратно свое слово». Эти слова ты произнесла, возвращаясь с пильного завода с Александриною Беер и мною. Ты возразишь мне, что сказала это не подумавши. Но это только усиливает мои соображения, так как инстинктивные движения всегда исходят из сердца.

Но я снова увлекаюсь против своей воли, поэтому я заканчиваю указанием, что в семье, столь сплоченной, как наша, твой брак не только для тебя, но и для всех ее членов будет моментом кризиса. Отбрось же в сторону все фантасмагории самопожертвования, экзальтации и ложно понятого долга, твердо помни, что взаимное счастье зависит от твоего, и что только на этом условии могут быть счастливы твой муж и твои будущие дети. Хорошенько проникнись мыслью, что всякий брак по обязанности или из приличия, не освященный чувством и основанный если не на любви, то по крайней мере на дружбе и на взаимном уважении, есть преступление по отношению к семье, отечеству и природе. Я не хочу ничего сказать против Дьякова. Напротив, я полагаю, что это — прекрасный молодой человек, но мы не знаем его достаточно хорошо, чтобы иметь возможность судить о нем безошибочно. Время, враг всякой экзальтации, позволит тебе разобраться в его чувствах, равно как и в твоих собственных, и будет твоим лучшим советником. В следующем письме я постараюсь развить и разъяснить все, что я наскоро набросал в этом письме. Прибавлю сюда то, что я уже писал родителям: раз они находятся подле тебя, то нечего опасаться, так как их советы и дружба составят благодетельный противовес твоей экзальтации.

Но довольно о серьезных предметах. Я настолько погрузился в размышления, что чувствую, как мой лоб покрылся морщинами, которые, думаю, в силу привычки с него уже не сойдут. Нужно его каким-нибудь способом разгладить. Поговорим о Петре Полторацком. Что он поделывает? Где он? Что говорит его сердце? Постоянно ли оно, не пылает ли оно страстью к какой-нибудь другой жестокой? Это говорило бы в пользу его

душевных достоинств. Я заметил, что он уже израсходовал всю свою обычную любезность с нашей милой М[арией] * и что он тщетно ломал голову, чтобы придумать новые. Раз изжив эту перемену, ему приходилось лишь начинать с начала. Это протянулось бы довольно долго, так как у него имеется изрядный запас этих любезностей. У них один только маленький недостаток: все они идут параллельно остроумию. Он написал мне письмо, где сообщает мне о своей неудаче. Несчастье придает красноречие, и его вид меня растрогал. Я откровенно ответил ему, указав ему на причину его неудачи и на средство поправить ее. Он, кажется, на меня рассердился. Мне это неприятно, потому что, несмотря на все его недостатки, я его люблю, так как в сущности он — славный малый, очень привязан к нашему семейству, и я бы не хотел, чтобы он покинул наш дом. Я привык видеть его там, и пока он там остается, там всегда царит некоторый душок таинственности; сюда относятся уединенные прогулки, вечные дружеские сообщения на ушко, вечные шушуканья; он умеет придавать вид важности малейшему пустяку. Всегда он имеет сообщить какой-нибудь великий секрет, и это меня чрезвычайно забавляет.

Но пора умолкнуть. Погруженный по целым дням в полное молчание, я испытываю невыразимое наслаждение в болтовне с вами. Итак я кончаю, дорогие друзья, тем, что целую Марию *, если она соблаговолит мне это позволить, тем более что это только мысленно. Я ей не пишу отдельно, потому что это письмо относится к ней так же, как и к вам (кроме главы о Петре, которую ей не следует читать), и потому что она ограничивается тем, что пишет мне только несколько строк, повидимому опасаясь, чтобы большое и нежное письмо от нее, как это полагается между братом и сестрой, не убило меня от радости. Вопреки всем этим предосторожностям, она не может скрыть от меня своей слабости ко мне. А Вы, дорогая м-ль Жюли **, Вы, которая вследствие своей глубокой привязанности к нашему семейству сделались его необходимым членом, Вы, которую мы все любим, как сестру, поручаю Вашей заботе охрану доброй и крайне экзальтированной Вариньки. Доверие и дружба, которые она к Вам

---

* Марья Федоровна Бояркина. — Остальные буквы имени в письме Бакунина зачеркнуты или залиты чернилами.

** Ниндель.

питает, служат порукою в том, что Ваши советы будут выслушаны, быть может, с большим вниманием, чем мои, которые могут показаться ей экстравагантными. Почтительнейший привет барышням Беер. Находятся ли они еще в Попове? Получили ли они мои письма? Несмотря на письмо, которое я написал Наталии немедленно по прибытии моем в Молодечно, я не получил от них известий. Быть может, вы счастливее меня. Если вы что-нибудь знаете о них, то сообщите мне. Я с своей стороны снова напишу ей.

Прощайте, мои дорогие друзья. Поблагодарите хорошенько мою добрую тетушку Анну Михайловну * за все ее заботы. Я сам напишу ей, равно как Николаю.

Ваш брат и друг
М. Бакунин.

№ 63. — Письмо родителям.

М[естеч]ко Картуз-Березка.
Среда, 19 декабря 1834 года.

Любезные родители!

Долгое лишение денег и радость при получении оных уверили меня в том, что одно чувство идеального неспособно сделать человека спокойным, и что для совершенного спокойствия должны быть непременно пособия физические и следовательно что для человека небогатого бережливость и расчетливость суть необходимые качества. Получив от вас двести рублей, я сшил себе некоторые платья для дополнения своей обмундировки, которая уже начинала приходить в весьма дурное состояние, что мне и мешало знакомиться с окрестными помещиками, несмотря на их частые приглашения; остальными деньгами заплатил некоторые долги, по необходимости мною сделанные, и в ожидании других двухсот рублей, вами мне через три недели обещанных, завел себе расходную книжку для строгого наблюдения за своими издержками. Познакомившись с казенным управителем здешнего местечка, графом Мендозою, я достал от него несколько книг, чтением которых услаждаю по возможности скучное и однообразное время нашей стоянки в Березе. Про радости, уве-

* Бакунину.

селения, приятные препровождения времени вы меня и не спрашивайте: удаленный от вас, от всех тех, с которыми бы мог делить и радость, и горе, принужденный жить или в грустном одиночестве, или с людьми, с которыми не могу быть откровенным, я знаю о них только по воспоми[на]ниям, в книгах и в воображении. Твердое намерение быть полезным и чувство собственного влечения ко всему прекрасному и высокому — вот все, что составляет мое единственное наслаждение. Надежда скоро с вами увидеться уже меня почти оставила; время, протекшее с тех пор, как начали обо мне в Петербурге хлопотать, доказывает или малую степень старания со стороны петербургских родственников и друзей (которую я во время пребывания моего в столице успел заметить; эти господа, слишком занятые собственными делами и интересами, обещают очень много и еще легче позабывают обещания свои; я часто жалел о тех, которые так много полагаются на обещания их и почти все обманываются в своих расчетах), или невозможность успеха; оба предположения для меня очень неутешительны, тем более что все мои помышления, мечты относились к тому времени, когда я опять увижу себя в недрах семейства. Надежда — основание очень зыбкое, и здание моего воображения скоро разрушилось, оставив по себе горькое разочарование и свойственные мне не слишком светлые мысли. Но что же делать, плетью обуха не перешибешь, и человеку с судьбою бороться невозможно; все мы идем, действуем, движемся по законам провидения; желал бы я только знать, какая цель моего существования и какое место мне предопределено занимать в общей беспредельной машине.

Но я что-то некстати расфилософствовался; желание сие несбыточное и следовательно безрассудное; а потому, оставив будущее на произвол судьбы, займусь одним настоящим. Исполнение той обязанности, в которой человек находится, есть лучшее свидетельство его намерения быть полезным; и вам, верно, будет приятно узнать, что я строго соблюдаю свою должность, которая впрочем очень мало занимает у меня время: исключая дежурства, снова у нас установленного, и двух учений в неделю, у нас нет другой службы. Итак во времени для собственных занятий у меня, слава богу, недостатка нет. Я вам уже сказал, что знакомство с здешним управителем доставило мне случай пользоваться порядочною библиотекою, из французских, немецких и польских книг составленною; следовательно, скучать мне здесь

некогда. «Бывало грустно им, но скучно — никогда», — говорит Крылов. То же самое теперь и со мною. Я еще молод; страсти, воздержанностию усиленные, во мне бушуют; силы душевные кипят, требуют пищи, и все это должно оставаться в бездействии и ограничиваться одними мечтами, которые не в состоянии наполнить пустоты сердечной. Неограниченная к вам привязанность, чувство, что я еще могу и должен быть полезным отечеству, мысль, что исполнение обязанностей есть священный долг человека и гражданина, поддерживают меня, но не могут меня уверить в том, что я не мог бы быть счастливее. Все во мне требует деятельности, движения, а все действия мои ограничиваются одною только работою для будущего, основываясь на воспоминаниях прошедшего. Сильные движенья души, борясь напрасно с хладными и непреодолимыми препятствиями мира физического, приводят меня иногда в изнеможение, наводят на меня хандру, которой впрочем я не много даю воли; возьмусь сперва машинально за книгу, увлекусь чтением и таким образом исторгаю себя из тяжкого состояния бесчувственности и разочарования. Переводы с немецкого языка на русский, изучение польского посредством грамматики и переводов, физика и математика составляют мои практические занятия, остальное время читаю и делаю выписки из исторических, статистических и других книг и, признаться вам, читаю иногда философические сочинения на французском и немецком языках; и иногда хожу по комнате, думаю об вас, любезные друзья мои, мечтаю о святой родине, о том счастьи, которое, как кажется, мне не суждено, и взгрустнусь; вздохну и опять за книги. Таким образом, валя через пень колоду, перехожу от одного дня к другому.

Что еще заставляет более сомневаться в переводе моем в Тверь, это то, что здесь очень громко и почти везде говорят о войне; предположения эти основываются во-первых на том, что нашему корпусу велено с наступлением весны итти в город Калиш в Царстве Польском на самой границе Пруссии и недалеко от Австрии; во-вторых на указе всем литовским губерниям пополнить магазины по полторы четверти ржи с жатвы; в-третьих на приказании всем остальным солдатам явиться в земские суды для предложения снова вступить в службу; а в-четвертых на перемене министерств во Франции и Англии, о которой вероятно вам из газет известно; впрочем, хотя и говорят, что глас народа есть глас божий, но это одни только догадки, которые очень

могут быть неосновательными. Если же они справедливы, то я тогда должен буду расстаться с любимою моею мечтою: оставив военную службу, посвятить себя наукам и службе гражданской; ибо почитаю стыдом для русского оставлять ряды тогда, когда отечество имеет нужду в воинах. На всякий случай я решился заняться чтением некоторых артиллерийских, тактических и фортификационных книг. Во мне нет того героизма, той отважности, которые заставляют искать опасностей, но я знаю также то, что трусость мне несвойственна, и то, что я с радостью пожертвую жизнью для блага и чести отчизны; отважность же без цели и без пользы я почитаю безрассудностью.

Вы вероятно уже в Твери, любезные родители, и потому я туда и адресую это письмо. Счастливо ли вы туда приехали, как проводите там время? Напишите обо всем пожалуйста; письмо ваше перенесет меня к вам, и я буду наслаждаться мечтою. Verteuil * был у вас и снова вступил в военную службу; слава богу, что дела его приняли лучший оборот; он это заслужил. Что делает Дьяков? Поклонитесь им пожалуйства от меня. А Петр Полторацкий, насупившись бог знает за что, и смотреть на меня не хочет: что, страсть его не переменила ли предмета?

Не получали ли вы писем от Сергея Муравьева? здоров ли он, и какой его адрес? Напишите мне, пожалуйста.

Бабушке Варваре Михайловне ** поцелуйте, пожалуйста, ручки; и вспомните тетушке Анне Павловне ***, что у ней есть племянник, который имеет претензию на маленький уголок в ее сердце.

Александре Ивановне мое нижайшее почтение.

Пришлите мне, пожалуйста, любезные родители, какой-нибудь вид для Константина, я нахожусь [зачеркнуто: мы живем] в таком краю, где на этот предмет обращают большое внимание, и я могу попасть с ним в беду.

Теперь остается мне попросить вашего благословения, мысленно крепко прижать вас к сердцу, поцеловать ваши ручки и сказать вам, что я остаюсь навсегда

горячо вас любящий сын ваш

М. Бакунин.

---

* Вертэй — француз, знакомый Бакуниных

** Бакунина.

*** Полторацкая.

Перевод с французского.

№ 64. — Письмо сестрам.

Среда, 19 декабря [1834 года]. Картуз-Березка.

Мои добрые друзья!

Вы легко можете себе представить, какую радость доставили мне ваши письма. Во-первых потому, что я узнал о вашем добром здоровье и хорошем настроении, во-вторых потому, что вы уже не обвиняете меня в эгоизме, как в предыдущих письмах (я получил также то письмо, последствия которого были, повидимому столь ужасны для дорогой Вариньки и которое не только не привело меня в гнев, как она предполагала, но даже внушило мне чувство признательности), которые я имел честь получить в виде пачки, а в-третьих потому, что они доставили мне чудные минуты *... Дорогие друзья, перенесенный в вашу среду силою моего воображения, я, казалось, прижимал вас к своему сердцу, целовал вас, слышал ваши речи... Но, увы, все это было лишь сном! А пробуждение было так ужасно, я был одинок, и никого не было вокруг меня. Несколько клочков бумаги породили эту очаровательную иллюзию, и эти же клочки повергли меня в уныние. Да, мои дорогие друзья, я одинок, совершенно одинок, отделенный от вас колоссальным расстоянием, и кто знает, не увеличится ли вскоре это расстояние до бесконечности. Я начал свое письмо в радужном настроении, но теперь я печален. Это потому, что моя радость искусственна, это потому, что другой я не знаю...

Но оставим горькие мысли, изгоним их из нашей переписки; им и без того довольно времени, чтоб подавлять воображение мое мрачными и, к несчастью, правдивыми картинами. Я примечаю, что наша переписка становится час от часу мрачнее; в последнем письме кто-то из вас заговорил про смерть. Кстати, я вам выпишу отрывок о смерти из нового философического сочинения Оберманн. Как оно вам понравится?

МОЛДАВАНСКАЯ ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

(Перевод Эдебаву).

I.

Будучи глубоко взволнованы, мы сейчас же начинаем думать об оставлении земли. Что может быть лучше после часа радости?

* Здесь кусок письма вырван, так что несколько строк сохранилось в неполном виде.

Как представить себе следующее утро после великих наслаждений? Умрем! Это — последняя надежда вожделения, последнее слово, последний крик желания.

II.

Если вы хотите еще жить, подавите это желание; предотвратите таким образом ваше падение. Наслаждение это — начало гибели; лишения это — подготовка к жизни. Наслаждение является в конце вещей, в тот или иной срок; оно сообщает жизнь и оно несет смерть. Полное наслаждение это — преображение.

III.

Подобно ребенку, человек на земле забавляется пустяками. Но ведь его назначение заключается в выборе из того, что земля ему предлагает. Когда этот выбор сделан, он хочет узреть смерть. Эта игра, долго пугавшая его, одна только сможет отныне произвести на него впечатление.

IV.

Вы никогда не желали смерти? Это значит, что вы не закончили опыта жизни. Но если ваши дни протекают легко и в наслаждениях, если судьба преследует вас своими милостями, если вы находитесь на вершине — падайте! Смерть становится вашим единственным будущим.

V.

Люди любят приближаться к смерти, отходить от нее, снова взглядывать на нее до тех пор, пока схватить ее покажется большой радостью. Сколько красоты в грозе! Это потому, что она сулит смерть. Молнии озаряют бездну, а гром ее раскрывает.

VI.

Мыслим ли предмет, возбуждающий больше любопытства? Мыслима ли более настоятельная потребность? Испытание дел мира кончается для каждого из нас сообразно его силам. Но за смертью открывается беспредельная область яркого света или же вечной тьмы.

VII.

Меньше боятся смерти люди с сильным характером, люди гениальные, люди, находящиеся в полном расцвете сил. Потому ли это, что они не верят в разрушение, несмотря на свою независимость, а другие верят в него, несмотря на свою веру?

VIII.

Смерть не зло, так как она имеет всеобщий характер. Зло представляет исключение из высших законов. Примем же без горечи то, что составляет наш неизбежный удел. Когда смерть приходит случайно и неожиданно, она может опечаливать; когда же к ней подходишь естественно, она утешает.

IX.

Подождем, а затем умрем! Если настоящая жизнь является тягостью, пусть она кончается. Если она не ведет ни к чему, если она протекла бесполезно, освободимся от этого обмана. Умрем для того, чтобы или перейти к действительной жизни, или перестать жить воображаемой жизнью.

X.

Смерть остается непостигнутой. Когда мы вопрошаем ее, ее нет; когда она приходит, когда она поражает, мы стоим перед нею безгласные. Смерть дает разгадку вечной загадке, разгадку, которой земля не услышит никогда!..

Ну-с, что скажете, не правда ли, это прекрасно? Это отрывок так мне понравился, что я перевел его по-русски. Не думайте, впрочем, что я собираюсь размозжить себе череп, для того чтобы проверить мысли этого дунайского жителя. Вы настолько склонны пугаться малейших пустяков, меня касающихся, что я счел нужным сделать вам это предупреждение. Нет, дорогие друзья, я буду еще жить, чтобы иметь возможность снова когда-нибудь вас прижать к своему сердцу, чтобы иметь возможность сказать: я наконец счастлив! Вдобавок этот господин сомневается в существовании верховного существа, в чем я-то уж во всяком случае не грешен. Я не сомневаюсь также в том, что моя жизнь имеет какую-то цель, предустановленную вечною мудростью. Та цель, которая отныне меня поддерживает, заключается в том, чтобы видеть всех вас счастливыми, и я буду радоваться сам.

До завтра. Уже поздний час ночи, и моя свеча собирается погаснуть.

Ваш брат
М. Бакунин.

Вместо того, чтобы отослать вам это письмо 19 декабря, я отсылаю его в субботу 29-го незаконченным, так как я был занят в течение всех этих дней... *. Поэтому я спешу [его отослать], чтобы поздравить вас с праздниками. Веселитесь за себя и за меня и думайте иногда о вашем брате.

№ 65.—Письмо Сергею Николаевичу Муравьеву.

[Январь 1835 года. Тверь.]

(Начало письма не сохранилось.)

...требует многих условий; оно основано на гармонии души с обстоятельствами внешними, на спокойствии; но мог ли я быть покойным тогда, когда я чувствовал себя совершенно связанным, когда непреоборимые преграды стесняли движение духа моего вперед, к цели духовной? Кроме этого счастие питается почти безусловною верою и твердою надеждою; а сомнение во всем без исключения поселилось в сердце моем, смутило его; надежды также почти для меня разрушились; и горизонт моей будущности покрыт мрачными облаками, облаками равнодушия ко всему земному и сомнения в небесном. Прошедший год переворотил всю систему внутреннего моего существования; буря разрушила, истребила прежнюю веселость моего характера вместе с упованием на счастье, сорвав с жизни все цветы; она показала мне ее в виде истинном, дорогою, покрытою тернием и никуда не ведущею; уединение, вскормленное тоскою, унынием, наложило на меня печать меланхолии, сосредоточивания, скрытности и равнодушия; я избегаю разговоров о чувствах, мыслях своих. Товарищам моим показалось бы непонятным, странным, что я, получая 1200 руб. в год и следовательно имея все удобства жизни, жалуюсь на судьбу свою, нахожу себя несчастливым. Удовлетворение, пресыщение чувств физических составляют их счастье, и они мало чем отличаются от животных; они не понимают стремления к духовному, жизни внутренней. Образованные в корпусах

* Кусок письма оторван.

(в продолжение 8 и 10 лет, а иногда и больше) более в духе военном, чем в общественном, отчужденные с самой молодости от родных и людей, могущих развить в них чувство мыслящее, они вместе с познаниями весьма ограниченными, вбитыми в них, можно сказать, насильно, получили презрение к истинной образованности; таким образом отделенные от истинного пути, попав в общество людей, еще более закоренелых в невежестве и предрассудках, они делаются совершенно неспособными к усовершенствованию. Чувство любви к отечеству и к царю, слово «честь», понятые ими превратно и известные только по наслышке, никогда не бывают применены ими к общественному быту. Я не говорю уже о высших нравственных силах, ведущих человека к высшей цели усовершенствования; они служат или для жалованья, или из почестей, или наконец основываясь на мысли, что дворянин должен служить, не вникая однакоже в существо, цель службы, не принимая в рассуждение пользу того сословия, в котором они находятся, а следовательно и пользу отечества. Итак даже и в военном отношении образование их не соответственно с своею целью, с целью усовершенствования военного искусства.

26-го генваря.

Опять принимаюсь за письмо; беседа моя с тобою была прервана вчера 34-мя пиявками, которые я, по совету доктора Витте и по приказанию Полины Васильевны, приставлял для излечения той печати, которую ты видел у меня на лбу; течение крови в продолжение целого дня мешало мне заняться делами, и я должен был отложить письмо до сегодняшнего дня. Я тебе уже сказал, что пребывание в Прямухине возвратило мне все силы душевные, разогрело сердце; я снова стал чувствовать, мыслить. одним словом, я ожил, жизнь снова во мне заиграла. Батюшка хлопотал о переводе моем в Тверь; успех казался тогда верным, надежда стала снова льстить моему воображению; жить вместе с родными, быть опорою семейства, старости отца; пользоваться его советами, образовываться, развивать свои силы нравственные — вот что было моею целью, и я снова стал мечтать. Не стану тебе описывать грусти моей при разлуке; ты имеешь чувствительное сердце, знаешь семейство мое, а следовательно поймешь ее без описания. Я возвратился в подавляющую сферу моих товарищей, сделался свидетелем тех же самых глупостей, унизительных для человечества; но я надеялся и потому твердо

переносил неприятное мне положение; кроме этого, познакомившись с домом Тишинских, достал от них несколько исторических книг; занимался, писал; история и статистика Литвы более всего меня занимали; я сам мог поверять истину сказаний, сообразуясь с настоящим положением сего края; чтение, собственные записки касательно Могилевской, Витебской и Минской губерний, изучение польского языка преимущественно занимали мои досуги. Я беспрерывно работал, следовательно был покойнее, счастливее. Наконец мы получили приказание выступить и итти в Вильну для маневров и смотра князя Паскевича Варшавского, пробыли в лагерях близ сего города целый август и половину сентября и пошли в Гродненскую губернию на зимние квартиры в Пружанский уезд. Занятия по службе, учения, дежурства, караулы и т. д., наполнив собою все время пребывания нашего под Вильною, помешали мне делать наблюдения насчет достопримечательностей, жителей и нравов виленских; урывкой был я в Медико-Хирургической Академии, в химической Лаборатории, ботаническом саду, в библиотеке, в некоторых костелах, издревне принадлежащих греко-российскому исповеданию и ясно доказывающих, что Литва по древним событиям и по теперешнему состоянию черного народа имеет более тождества с Россией, чем с Польшею.

В конце этого письма сделаю тебе маленькое изложение моих собственных примечаний насчет Литвы; теперь приступлю снова к годовому отчету моих действий, мыслей и чувствований.

27-го генваря.

В лагерях познакомился я с двумя офицерами 2-й артиллерийской бригады, которые образованием своим, высоким направлением души, благородным сердцем привлекли мое внимание; фамилии их де-Саж и Гончаревский. 1-й — уроженец Витебской губернии, имея родных в Курляндии, воспитывался в Митавской гимназии и был уже готов к вступлению в Дерптский университет, как вдруг возгорелась война с Польшею, и он, оставя все планы своего образования, определился в артиллерию юнкером; за штурм Варшавы был произведен в офицеры и теперь служит в чине поручика; сам без всякой помощи он усовершенствовался в русском языке, который теперь вместе с историею составляет главный предмет его занятий; зная очень хорошо немецкий и весьма порядочно французский язык, он трудами сво-

ими может быть очень полезен, и я уговорил его заняться преимущественно русским предметом, а в особенности Литвою. Гончаревский же, с характером пылким, поэтическим, с сильными страстями, воспитывался вместе со мною в Артиллерийском училище; но тогда еще мы с ним не были близки, ограничиваясь знакомством классовым; теперь же, когда диогенов фонарь сделался мне более, чем когда-нибудь, необходимым, когда на сто двуногих животных, носящих несправедливо имя людей, едва ли могу найти одного человека, я искал его дружбы и не раскаялся. Русский в душе, он готов всем пожертвовать для пользы отечества; одаренный прекрасными способностями, живым соображением, он иногда увлекается пылкостью своих фантазий. Жертва несчастной и страстной любви и каких-то черных предчувствий, подавленный обществом своих товарищей и настоящим положением дел, он с отчаянья прибегнул к пьянству, как к средству минутного забвения; я употребил все усилия, чтобы вырвать его из объятий той пропасти, в которую он неминуемо бы ввергнулся, доказал ему, что непростительное забвение, к которому он прибегает для укрощения своих страданий, превратится наконец в привычку и, лишив его способности мыслить и чувствовать, доведет его до самого несчастного положения; что человеку идеальному, живущему жизнью духовною, стыдно искать утешений физических и что твердость характера есть лучшая подпора в самых тяжелых несчастьях. Слова мои остановили его, и я успел в своем предприятии; он мне дал честное слово заниматься, и я, обратив его внимание на Россию, уверен, что занятия, укротив силу его фантазии, дав более положительности его мыслям, покажут ему вещи в настоящем виде и дадут направление истинно полезное.

Наконец я должен здесь упомянуть еще о другом знакомстве, которое вместе с двумя первыми было единственным утешением [моим] во время скучного пребывания в лагерях под Вильною: это — доктор 2-й артиллерийской бригады Краснопольский, бывший студент Московского университета, последователь немецкой философии, он в переписке с Велланским [1]; физиология, естественные науки вообще и немецкая философия составляют главные отрасли его занятий; все досуги свои я проводил с ним в чтении Окена [2], Галича [3], Велланского и других писателей немецкой школы. Он уже много написал, но ничего еще не издал в печать. Вот тот круг, которым я ограничивался в

Вильне, другие по роду своих занятий не заслуживали никакого внимания; разумеется, что мы были предметом насмешек и плоских колкостей остальных господ офицеров, не понимавших причины нашей связи. И в самом деле мы были очень смешны: не пили водки, не играли в карты!

Со всеми тремя я нахожусь теперь в переписке; мы друг другу даем отчет в своих занятиях и наблюдениях; трудиться для пользы отечества и для пользы собственной—вот те девизы, которые соединяют нас; наконец мы расстались и разошлись по зимним квартирам.

Пройдя через города Лиду и Слоним Гродненской губернии, мы пришли в начале октября в м[естеч]ко Картуз-Берез[к]у, где батарея наша и расположилась на целую зиму. В походе я имел пренеприятную историю с одним из моих товарищей, бароном Неттельгорстом. Воспитанные все почти в 1-м кадетском корпусе, они сохранили и в офицерском чине все худые привычки; ругательства, неприличные шутки составляют главное основание их взаимных сношений. По случаю одной из подобных шуток я просил барона облагородить немного форму своего остроумия, он мне ответил грубостями, а я, не приученный к такому роду красноречия, потребовал у него удовлетворения и на отказ его, приправленный еще большими ругательствами, отвечал оплеухою, надеясь, что сия необыкновенная мера заставит его согласиться на мои требования. Воображая, что, обиженный моим слишком колким и выразительным жестом, он на меня бросится, я уже обнажаю шпагу, для того чтобы разбить ему голову при первом движении; но не тут-то было: он обтерся и запил горе водкою. Впоследствии вместе с братом своим, который был свидетелем драмы, мною тебе описанной, они вздумали отплатить мне интригами, рассказав всем прочим про обиду, мною ему сделанную. И в самом деле они в некотором отношении успели: г-да офицеры удивились, что я за такую малость (по их мнению), между ними весьма обыкновенную, мог до такой степени рассердиться, и, чувствуя себя в этом равными барону, в ожидании такой же участи все против меня восстали. Но зато во всех со мной сношениях сделались все учтивы как нельзя более, и я, достигнув своей цели и нисколько не дорожа их дружбою, был очень доволен.

Прибыв в Березу и не успев еще ни с кем познакомиться, я пробыл октябрь и ноябрь месяцы в совершенном уединении, раз-

делая время между занятиями, тоскою, надеждами и письмами в Прямухино.

Будущая судьба моя занимала меня преимущественно: связанный обстоятельствами, я искал в голове моей средств избавиться от военного ига. Успех хлопот батюшки о переводе моем в Тверь становится все более и более сомнительным: петербургские родные и друзья легко дают обещания и еще легче забывают их; занятые совершенно своими выгодами, им некогда заботиться о чужих. Между прочим положение мое в Литве становится мне час от часу тяжелее, и общество доброго и простого русского мужика, всегда почти одаренного здравым рассудком, гораздо было бы для меня приятнее, чем шумные и бестолковые беседы безмозглой шляхты. Ты станешь укорять меня в предубеждении, в предрассудках; но поверь мне, любезный друг, что ты сказал бы то же самое, если бы имел случай узнать литовское дворянство. Быв с тобою в Петербурге, мы очень часто упрекали русских писателей в несправедливых суждениях насчет польского характера, находили меры брата твоего Михаила Николаевича * слишком жестокими, но мы судили, основываясь на отвлеченных истинах; мы не имели понятия о частностях и местностях, и я, мыслями своими очень далекий от тирании, не только извиняю, но даже нахожу необходимыми меры, им принятые. Ты, может быть, удивишься такой перемене мнения, но я постараюсь тебе дать некоторое понятие о здешнем крае, для того чтобы доказать справедливость моих слов.

31 генваря, четверг.

Желая дать тебе лучшие понятия о Литве и о русских губерниях, от Польши возвращенных, я было хотел начать кратким начертанием истории сего края, происхождения народов, его обитавших, постепенного их образования сперва в духе русском (разумеется, что я здесь говорю не о самой Литве, которая вместе с Самогитским княжеством составляет теперешнюю Виленскую губернию, но о русских губерниях, сперва составлявших русские княжества, а после присоединенных к Польше и Литве во время междоусобных войн удельных князей, нашествия татар [зачеркнута строка] и бурной эпохи беспрерывных и утомительных войн, начиная от Иоанна Грозного, во время Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, междуцарствия до самого восше-

* Муравьева.

ствия на престол дома Романовых, и возвращенных наконец России Екатериною II), потом под влиянием Польши в духе католическом и в форме униатской до нашего времени; но, раздумав немного, увидел, что подробности сии заняли бы слишком много места и времени, и потому решился, сказав несколько слов касательно переворотов сего края, приступить к описанию настоящего положения, нравственного и физического быта всех классов его населения. Древние летописи, любопытные документы, вновь найденные Левашевым по приказанию Михаила Николаевича и в которых говорится о русских церквах в Гродне, в Бресте и в других городах, и наконец нравы, обычаи и язык обитателей сего края (т. е. черного народа), совершенно тождественные с русскими, ясно доказывают, что народ сей—русский, а не польский; но различные политические перевороты, происшедшие от междоусобных войн и других бедственных происшествий, волновавших Россию, оторвав сии области от оной, присоединили их к Литве и Польше; я здесь говорю о Галиции, приобретенной Польшею, и о Волыни, Подолии, Белоруссии (состоящей из губерний Могилевской и Витебской), о Минской и Киевской губерниях, забранных Литвою; впоследствии Литовское княжество соединилось с Польшею и составило с нею одно государство в половине 14-го столетия...

(Далее зачеркнута фраза: «С этих пор политика польская, недовольная физическим соединением русских областей с Республикою, клонилась к перемене»... Здесь рукопись обрывается.)

Перевод с французского.

№ 66.—Письмо сестрам Беер.

Понедельник, 22 апреля 1835 года. Тверь.

Дорогие друзья!

Два ваших письма, полученные за время вашего отсутствия, дают мне понятие о вашем настроении. Вы грустите, мои добрые, очаровательные друзья. Вы с ужасом смотрите на будущее. Вы как будто сомневаетесь в моей дружбе и в дружбе моих сестер. Справедливо ли это сомнение? Скажите, не подрываете ли вы сами основу этой дружбы, нарушая ее главное условие — доверие? Вы не верите в прочность моего чувства к вам. Вы опасаетесь перемены в моих мыслях и чувствах. Да, если бы я испы-

тывал страсть к одной из вас, страсть, связанную с чувством, а не с душой, пылкую, бурную страсть, которая сделала бы меня слепым, скрыла бы от меня все ваши недостатки и заставила бы меня видеть в вас одно совершенство, если бы я был в вас влюблен, тогда я мог бы измениться, ибо всякая сила истощается собственным действием, а разочарование представляет естественное следствие иллюзии. Но если я люблю вас ради вас самих, за вашу прекрасную душу, за прекрасные чувства, коими вы преисполнены, если, несмотря на горячую дружбу, которую я к вам питаю, я вижу ваши недостатки и слабости, то почему бы я стал менять свои отношения к вам, отношения простые, нежные, поддерживаемые взаимным доверием и терпимостью, отношения, бодрящие мою душу и придающие ей новые силы? «Есть люди, которые меня понимают, любят таким, каков я есть, а не за приписываемые мне призрачные достоинства». Если бы вы знали, как эта мысль утешает того, чье сердце так мало понято! Да, дорогие друзья, вы можете рассчитывать на мою дружбу, вы можете открыть мне свое сердце. Любить вас, утешать вас, проливать целительный бальзам в ваши истерзанные души, почерпать в вашей привязанности сладостное утешение дружбы, того единственного чувства, которое мне дозволено,— разве это не великое счастье?

Как мужчина, я первый начинаю платить за эту столь желанную дружбу, преподавая вам несколько советов относительно того поведения, которого вы должны держаться в вашей семье. Внутреннее спокойствие представляет главное условие вашего морального возрождения. Вы должны углубиться в созерцание своей души, вы должны попытаться познать ее природу, изучая все ее стороны. Деятельность, созерцание и изучение не могут существовать одновременно. Если деятельность сильна и бурна, то она поглощает все. Вы жили слишком напряженною душевною жизнью, но вступили на дурной путь, и он завел вас в тупик, сделал вас несчастными и слишком глубоко вас потряс. Чувство истинной красоты и истинной возвышенности в борьбе с ужасными воспоминаниями о ваших страданиях — вот ваше состояние. Вы сами его не понимаете. Но поверьте мне, я вас знаю и не ошибаюсь на этот счет. Вы слишком много жили внешней жизнью, вы слишком щедро тратили свои моральные способности, этот драгоценный дар, который должен был бы быть известен только тем, кто его заслуживает. Вы говорите о внутрен-

ней жизни, но вы никогда не познали ее сладости, так как все ваши мысли и чувства были связаны с внешними объектами. И вот в чем заключается причина вашего уныния и отчаяния, ибо тот, кто живет внутреннею жизнью, всегда находит друга в своем сердце, друга, который щедро вознаграждает его за все перенесенные страдания. Итак вернитесь к себе самим, устраните все посторонние элементы, так сказать, с р о д н и в ш и е с я с вашим существом, отдайте себе добросовестно отчет в своих [зачеркнуто: действительных] мыслях, своих действительных чувствах, отдайте себе наконец отчет в том, что вы собою представляете, и тогда вы увидите, что вам нужно делать, но сейчас не предпринимайте ничего. Еще одно неосторожное действие, и вы погибнете навсегда для жизни. Я уже говорил вам, что самоотречение хорошо только тогда, когда оно полезно. Если оно не достигает этой цели, оно может оказаться опасным даже для других. Вы несколько раз спрашивали меня, ч т о̀ в ы с о б о ю п р е д с т а в л я е т е, а теперь вы спрашиваете меня, что̀ нужно сделать для того, чтобы узнать, ч т о̀ в ы с о б о ю п р е д с т а в л я е т е. Ответить на это легко. Если например вам в голову приходит мысль, если вы испытываете какое-нибудь чувство, постарайтесь проследить их источники, отделите то, что принадлежит собственно вам и что относится к внешним влияниям, на вас действующим. Таким путем вы постепенно подойдете к выходу из этого лабиринта, страшного на первый взгляд, но будьте добросовестны, не обманывайте сами себя и в особенности не стройте себе иллюзий, а главное будьте уверены в том, что источник всякого чувства хорош, что опасны могут быть только его результаты, когда они направляются внешними влияниями.

Но как нужно поступать, чтобы достигнуть этого душевного спокойствия, необходимого для таких наблюдений? — спросите вы меня. Нужно восстановить покой в вашем доме, положить конец всем дрязгам. Требуются небольшие уступки с вашей стороны. Не нужно относиться чересчур свысока к предрассудкам. Это дозволительно женщине только в том случае, когда она уверена в том, что совершает нечто полезное и приятное для того, кого она любит. Нужно соблюдать политику по отношению к тем, кого провидение и природа повелевают нам любить, если чувство не играет здесь никакой роли. Нужно, наконец, соблюдать все внешние формы по отношению к тем, кто неспособен понять

внутреннего существа. Но никогда не приносите вашей внутренней жизни в жертву капризам этих людей. Такая уступка, окончательно убивая вас, не приведет ни к чему хорошему. Вот почему я, несмотря на все ваши прекрасные слова, пишу вам, так как разрешение на это мне однажды было дано. Нужно заставить себя уважать, нужно незаметно руководить людьми, которые неспособны сами надлежащим образом себя вести.

Но на сей раз довольно поучений. Так как это — не последнее мое письмо к вам, то вы можете ждать от меня еще дальнейших. Ваничка * торопит меня, и я спешу кончать письмо, заверяя вас, что, несмотря на все ваши мелкие уколы, я люблю вас от всего сердца.

Ваш истинный друг

М. Бакунин.

Алексей ** в субботу уехал отсюда в Торжок. Он твердо относится к своей будущности. Этот юноша меня очаровал, и мы расстались совершенными друзьями. Он поручил мне высылать ему «Наблюдатель» ***, поэтому вы будете направлять этот журнал мне. Мы выедем из Твери по всей вероятности в средине мая и вернемся в прелестное Прямухино. Вообразите себе радость моих сестер и мою собственную! Что поделывает Ржевский ****? Соблаговолит ли он мне ответить, думает ли он приехать сюда? А Станкевич и К° *****? Отвечайте мне, мои добрые друзья, а в особенности пишите мне о вашем настроении и о тех мыслях, которые в вас возбудит мое письмо. Б—н.

Шлю почтительный привет вашей матушке, а также мадемуазель Аннет ****** и Константину *******.

Перевод с французского.

№ 67. — Письмо сестрам Беер.

Тверь ********.
7-го мая 1835 года.

Наконец-то мы получили ваши письма и вместе с тем ваше отпущение. Должен признаться, что ваше несколько странное на-

* И. П. Клюшников [1].
** Беер.
*** Это слово по-русски в оригинале [2].
**** Владимир Константинович [3]. Слово «Ржевский» в оригинале по-русски.
***** Станкевич, Николай Владимирович [4].
****** Анна Константиновна Ржевская.
******* Беер.
******** Слово «Тверь» по-русски в оригинале.

строение и ваша готовность приходить в волнение от малейшего пустяка в известном смысле испугали меня за будущее. Могу ли я удовлетворить тому представлению, которое вы составили себе обо мне? Не создали ли вы себе идеал слишком прекрасный для того, чтобы я был способен к нему приблизиться? В состоянии ли будет моя дружба, как я ее понимаю, сделаться столь живым источником довольства, как вы воображаете? Повторяю снова: чувство, которое я питаю к вам, мои дорогие друзья, чисто, постоянно, неспособно изменяться в силу самой своей природы, нежной и пылкой. Это такое чувство, которое, если бы оно пользовалось взаимностью, могло бы быть для меня истинным утешением, настоящею опорою на пути, который предписан мне моими мыслями, моими чувствами и силою вещей. Сладко находить утешение в сердце друга, прекрасно иметь возможность делить с ним горе и надежды, прекрасно отождествляться с ним, обнаруживать по крайней мере перед ним признаки жизни, когда благоразумие требует не жить внешнею жизнью. Но мне не дозволено отдаваться этому всецело, предаваться полностью этому единственному наслаждению. Нет, мое призвание совсем иное. Я — человек обстоятельств, и рука божия начертала в моем сердце следующие священные буквы, обнимающие все мое существование: «он не будет жить для себя». Я хочу осуществить это прекрасное будущее. Я сделаюсь достойным его. Быть в состоянии пожертвовать всем для этой священной цели — вот мое единственное честолюбие.

Не думайте, что я ошибался, когда говорил вам, что всякое другое счастье для меня закрыто. Нет, это — истина, которую я чувствую, которую я понимаю, в которой меня убеждает знание моего существа. Жизнь человека подобно жизни человечества представляет последовательное и прогрессивное развитие всех чувств и всех идей. Это — вечное стремление части к целому. И повторения здесь невозможны. Для тех, кто не сознает самого себя, это — просто интересное путешествие, это — нагромождение чудесных вещей, которые, не будучи связаны друг с другом идеею совершенствования и высшей необходимости, образуют бессвязное собрание курьезнейших фактов, поражающих воображение и прельщающих чувства слепого путника. Но для тех, кто действительно чувствует жизнь, кто ощущает ее в биении своего пульса, это — не фантазия, это — не поражающие их факты и обстоятельства, а выражаемая ими идея. А в чем заключаются

основные идеи жизни? Это — любовь к людям, к человечеству и стремление к целому, к совершенствованию. А эти три идеи представляют лишь различные выражения одной творческой, вечной, нетленной идеи — бога. Все остальное — лишь эпизоды плачевной победы материи [зачеркнуто: материализма] над идеею [зачеркнуто: идеализмом]. Бог, отобразив себя в природе, создал затем животное и вдохнул в него божественную искру, частицу этой возвышенной идеи, так хорошо отразившейся в гармонии вселенной. И это животное превратилось в человека, для которого бог стал целью, а природа — средством [зачеркнуто полторы строчки]. Что же такое человечество? Бог, заключенный в материи. Его жизнь — стремление к свободе, к соединению с целым. Выражение его жизни — любовь, этот основной элемент вечного. Это—родственные частицы, отделенные друг от друга силою материи, оторванные от своего высокого источника. Вот откуда вытекает симпатия одного человека к другому, человека к человеческому роду, человека к совершенствованию человечества. Все они подают друг другу руку, чтобы стряхнуть иго материи. Они сильны единством, ибо чем больше число, тем могущественнее его идея и тем ближе человек к богу. Союз мужчины с женщиною образует полную гармонию: это — одно существо в двух существованиях. Поэтому жизнь человечества представляет вечную борьбу идеи с формою [зачеркнуто: материею]. Это — последовательный и прогрессивный процесс победы бога над материею. Но могут ли те же победы и приводящие к ним факты повторяться, да и к чему служили бы эти повторения? Точно так же обстоит дело и с человеком.

Вернусь к себе самому. Вы скажете мне, что я не знал любви. Нет, я ее знал. Я знал ее во всех ее восторгах. Я знал ее во взаимной любви объекта, которого я люблю, быть может, до сих пор. Я вкусил все ее счастье, все ее надежды. Я испытал полностью то божественное наслажденье, которое дается созерцанием прекрасной души, души, которая сумела меня понять, души, которою я был любим. Ах, не будем говорить об этом! Зачем я пробудил такие жгучие воспоминания, страдание, страшные следы которого до сих пор так живо чувствует мое истерзанное сердце! Не будем говорить об этом. Прекрасные дни мои кончились!..

Вы видите, мои дорогие друзья, что любовь для меня больше не существует, что отныне ее сладость останется мне неизвестною. Отныне меня должны поддерживать любовь к чело-

вечеству, надежда на его прогресс и дружба. Но разве эта доля не прекрасна? Разве она не более прекрасна, чем любовь к женщине? Ибо любовь есть лишь эгоизм вдвоем. Но жить для своих братьев, указывать им путь к истине, вырывать у природы ее тайны, чтобы открывать их человечеству, подавлять силою своей идеи материю и привычки — разве это не прекрасное будущее! Ах, снова говорю вам: мое честолюбие не знает другой цели! Скажите же сами, дружба, которой я от вас прошу, эта связь моего сердца с вашими — разве они не дадут мне истинного счастья? Никогда я не говорил с вами так откровенно, как сегодня, никогда я не делал вам признания, вырвавшегося у меня теперь, и никогда я вместе с тем так сильно не чувствовал, насколько вы мне дороги!

Но довольно говорить обо мне. Поговорим о вас. Мы получили также Ваш дневник, дорогая Наталия, который прочли только Таничка и я [2]. Сказать ли Вам правду? Он не понравился мне и произвел на меня тяжелое впечатление. Он слишком ясно показал мне, что Вы еще очень далеки от того состояния, в котором я хотел бы видеть Вашу душу. Не думайте, чтобы я мог изменить свое мнение о Вас. Нет, несмотря на все дурные чувства, которые в нем как бы пробиваются, я сумел выделить искры той прекрасной души, которую я так в Вас любил, следы этого сердца, полного любви. Но уклоны Вашего воображения внушают мне страх за Вас. Скажите, Наталия, разве презрение, которое Вы повидимому питаете к моей сестре Любиньке, на чем-нибудь основано? Как Вы дошли до того, что закрываете глаза на все и видите только себя? А в чем заключаются главные причины Вашего воображаемого превосходства над Любинькою? Есть ли это развитие Вашей страсти? Но скажите, дорогой друг, что величественнее: принести все в жертву сердечному порыву, жгучему разгулу воображения или же пожертвовать своим счастьем, своей внутренней жизнью, всем своим существованием идеям брата? А ведь именно это Любинька хотела сделать для своего брата. Скажите, Наталия, что величественнее? И вместе с тем Вы игнорируете человека, который целиком отдался Вам, и унижаетесь до того, что хотите выдать ее за человека, которого Вы презираете! Ах, Наталия, Наталия, до чего Вы дошли! И этому брату и этой сестре Вы сообщаете о своих намерениях!..

А откуда вытекает это презрение к Станкевичу? И справедливо ли оно? Он заслуживает презрения, за что же? За то ли,

что он счел Вас достаточно чистою для того, чтобы предложить Вам братскую дружбу, за то ли, что он счел Вашу душу способною удовлетвориться его дружбою? Наталия, он не влюблен в Вас, он Вас не обожает. Но это не потому, что он Вас плохо знает, нет, а потому, что любовь не является по заказу, так как это — симпатия двух душ, начертанная на небе, а ничто не в состоянии изменить судьбу. Истинная любовь едина... Тот, кто любил дважды, не любил ни разу. Такого человека я презираю, ибо это — не мужчина, ибо в нем любит не душа, а чувство. Можно сдержать свою любовь, ее порывы могут стать менее страстными; но она может быть только единою, как бог! В чем же вина Станкевича, дорогой друг? Заключается ли она в его визитах к Вам? Но разве и это не является свидетельством его действительной привязанности к Вам? Будьте справедливы, Наталия, углубитесь в самоё себя и скажите себе совершенно серьезно, что возвыситься можно, не унижая других, а возвышая самоё себя. Будьте снова женщиною, мой дорогой друг, излейте Ваше горе в мое сердце, почерпните в нем силы и советы, в которых Вы нуждаетесь, ибо я также страдал, ибо я также испытал страдания любви.

Сейчас меня внезапно осенила мысль, что это письмо могло бы огорчить Вас, Наталия, но я тут же отверг ее. Эта мысль недостойна Вас и меня. Она унизила бы нас обоих. Пишите же мне, дорогой друг, пишите мне откровенно и будьте твердо уверены в том, что чувства, которые я к Вам питаю, не являются преходящими.

А Вы, моя милая, моя очаровательная Александрина, Вы не удостоиваете меня даже маленького словечка? Вы как будто позабыли, что эта дружба относится не к одной только Наталии, что я люблю Вас так же сильно, как и ее. Не захотите ли Вы поэтому, мой милый друг, уделить мне часть Вашего сердца, столь широкого, столь страстного? Будьте уверены, что я достоин его и что я сумею возместить вдвойне то, что Вы соблаговолите мне подарить. Вы спрашиваете меня, должны ли Вы сдаться на просьбы Красова *. Так вот я определенно скажу Вам: нет! Что хорошего это принесло бы самому Красову **? Откуда эта уверенность, мой дорогой друг? Зачем компрометировать себя

---

* Это слово здесь и дальше в оригинале по-русски.

** Василий Иванович[3].

без пользы? Создан ли Красов для того, чтобы быть другом, достоин ли он доверия сердца, столь прекрасного, как ваше? Нет, Александрина, не разговаривайте с ним.

Прощайте, мои дорогие друзья.

Ваш преданный друг
Михаил Бакунин.

NB.— Прогоните Мегеру. Я требую этого от вас, я прошу этого во имя дружбы, и вы не вправе мне в этом отказать. Я пришлю вам письмо к Станкевичу, адрес которого я позабыл.

Еще одно слово, мои дорогие друзья. Вы знаете, какое предубеждение было у меня против Самборского *. Так вот, дорогие друзья, я должен сознаться, что оно было несправедливо. Более близкое знакомство мне это показало. Это — человек большого ума, знаний и благородного образа мыслей и чувствований. Вы знаете, какое влияние мои оценки оказывают на моих сестер, и вот я был в восторге от того, что мог исправить зло, причиненное мною тем, что я давал о нем дурные отзывы в тройном количестве против прекрасных отзывов о нем моих сестер.

Перевод с французского.

№ 68.— Письмо сестрам Беер.

[Конец мая 1835 года. Прямухино.]

Милые друзья!

Я думал, что Федор ** уедет завтра, а он огорошил меня заявлением, что уезжает сейчас. Посылаю вам мое последнее письмо. Оно содержит точный рассказ о первых днях моего приезда в Прямухино. Теперь мои отношения с сестрами сделались более истинными, не став однако еще такими, какими я хотел бы их видеть. Но повидимому дело пойдет на лад. Я надеюсь, что завтра пошлют на почту. В таком случае я вам напишу, равно как вашей матушке. Спешу. Прощайте, прощайте, милые друзья. Скоро мы свидимся. Пусть милость божия, любовь и вера постоянно пребывают с вами. Напишите мне о вашем при-

* По-русски в оригинале [4].
** Ржевский.

езде в Шашкино, о ваших чувствах, обо всем, что вас касается, до мельчайших подробностей. Я хочу это знать.

Ваш друг

М. Бакунин.

Я остаюсь здесь до 10 июля. Поторопитесь выслать мне деньги, они мне нужны.

№ 69. — Письмо А. П. Ефремову.

Понедельник 29 июля [1835 года]. Торжок.

Любезный друг!

Вчера получил письмо твое. Оно последним очерком, мастерскою кистью утвердило понятие о твоем характере, уже прежде образовавшееся в моем воображении. Так я в тебе не ошибся: то горячее чувство, та жажда деятельности, лучшей, более поэтической жизни, жажда блага отчизны, всего человечества, которые уже так давно и почти всегда тщетно составляют предмет моих изысканий в людях, — я нашел их в тебе и надеюсь, что знакомство наше скоро превратится в дружбу, в дружбу тесную, неизменную. Радостно найти друга на пути жизни, где все святое, все великое подавляется удушливою атмосферою предрассудков, злоупотреблений и всеми низостями жизни практической; счастлив тот, кто, прижав к сердцу друга, может сказать: «я еще не один, надежды мои — не дым, а святые, вдохновенные мечты — не пустые звуки, а существенность, существенность высокая, достающаяся в удел весьма малым на земле, существенность, долженствующая быть нашим неизменным, постоянным путеводителем на поприще действия!» Какая причина тому болезненному состоянию, в котором мы теперь все находимся? Мы желаем, но еще не хотим. Воля, вот что составляет главную сущность человека, когда она освещена святыми лучами чувств и мыслей; а воля еще в нас не образована, еще не вышла из удушительных пеленок нашего XVIII века, века разврата и ханжества, подлости и глупых претензий на благородство, скептицизма во всем высоком и презренной боязни ада! Но что я говорю о скептицизме! Будто мы сами не составлены из странного смешения скептицизма и вдохновения? Первый, как наследство, переданное нам XVIII-м столе[тием], уже доживает век свой, но, как больной в агонии, собирает последние силы свои, мучает нас,

пожирает всю нашу деятельность; второе же, как святая благовесть, предвещает на[м] мир лучший, жизнь более полную, более гармоническую! Нет, мы еще не принадлежим к XIX-ому веку, мы теперь только что находимся в переходном состоянии от XVIII-го к XIX-ому, — состояние мучительное, междуцарствие двух идей, между собою несообразных, взаимно уничтожающихся. Долго ли оно продолжится, и как из него вырваться? Вот вопрос, разрешение которого принадлежит нам, первенцам новой матери. Я опять повторяю, что образование силы воли есть единственное средство, и когда мы будем в состоянии сказать: «ce que je veux, Dieu le veut», тогда мы будем счастливы, тогда перестанут наши страдания, — до сих пор мы их заслуживаем!

Но об этом предмете довольно; обратимся теперь собственно к нам. Благодарю тебя еще за твое дружеское письмо, за книги и за деньги; Вертель * должен их получить сегодня. Ведь ты знаешь, что мы согласились изгнать лесть из наших разговоров и переписки, и потому верь всем словам моим, как Евангелию. Отъезд твой причинил какую-то пустоту в нашем доме, а особливо в наших сердцах. Родные мои, сестры, а особливо я тебя очень полюбили, и знакомство твое с нашим домом не принадлежит к тем холодным свиданиям эгоизма с эгоизмом, которые составляют главное основание связей нынешнего света (жизнь которого батюшка прекрасно выразил двумя латинскими словами e g o и e r g o) ** нет, оно пустило глубокие корни. Оно так и должно было быть: одинаковые мысли и чувства связывают нас, а узел такого рода крепче гордиева узла.

Теперь прощай, любезный друг, пора посылать письмо на почту.

Преданный тебе от души
М. Бакунин.

Станкевич *** вероятно воротился из своей деревни и, может быть, переменил свою квартиру в Москве: вот почему я также адресую к тебе мое к нему письмо. Кланяйся моим знакомым.

На твое [имя] есть письмо из Москвы, которое к тебе возвращаю.

Близ Сретенских ворот, на бульваре, в собственном доме.

---

* Вертэй — знакомый Бакуниных.
** Ego = я, ergo = значит.
*** Николай Владимирович.

Перевод с французского.

№ 70.—Письмо сестрам Беер.

[Август 1835 года. Прямухино.]

(Приписка М. Бакунина на письме сестры Татьяны к Беерам)

Вот, любезные друзья, как судьбы божии неисповедимы! Сегодня приезжает исправник и привозит бумагу, от кого и о чем бы вы думали?.. От [зачеркнуто: Перша] дивизионного моего генерала Перша о том, что если я к первому ноябрю не явлюсь, то меня... выключат из службы с тем, чтобы никуда не определять!.. Как бы вы думали, на что я решился, ехать или не ехать?.. Разумеется, что на последнее; если меня выключат, то я поселюсь в Москве вольным слушателем в университете, в надежде, что в продолжение 3-х или 2-х лет, которые я там проведу, обстоятельства переменятся. Впрочем я сейчас же взял все возможные меры для предупреждения удара. Прощайте, кланяйтесь пожалуйста Ржевскому, я ему [дальше неразборчивое слово] *.

Таничка только прочла мне отрывок из сочинения, которое Вы читали, дорогая Александрина, из которого Вы хотели прислать мне одну главу, чего Вы не сделали из ложной и несправедливой предосторожности. Придет ли наконец когда-нибудь время, когда люди, которые на словах так меня любят, сумеют меня понять, разгадать под холодностью изученной и необходимой формы горячее сердце, бьющееся за все прекрасное и возвышенное; душу, которая в виду повсечасно окружающих ее обстоятельств и препон должна сосредоточиваться в себе и сковывать порывы своей деятельности, душу, вынужденную молчать для того, чтобы иметь возможность говорить всем [?] с большею пользою, казаться холодною, чтобы иметь возможность сохранить и использовать свой пыл? Верните мне вашу дружбу, мои добрые друзья, и не считайте меня способным обращаться с этою просьбою в силу какого-либо другого чувства, кроме самой глубокой приязни.

Прощайте.

М. Бакунин.

---

* До сих пор приписка по-русски; дальше по-французски.

№ 71. — Письмо А. П. Ефремову.

В Москве.
Его благородию
Александру Павловичу Ефремову.
У Сретенских ворот по бульвару в собственном доме.
(20 сентября 1835 года.)

Любезный Alexandre!

Ты верно удивляешься долгому моему молчанию. Приезд одного родственника и болезнь его племянника были тому причиною. Вперед обещаюсь быть исправнее.

Начну благодарностью за английскую книгу и выговором [за] то, что ты сам лишил себя оной; сестры находят ее прекрасною. Перейдем теперь к более интересному предмету. 18 октября — рождение батюшки. Мы хотим праздновать его в Прямухине и затеваем пьесу, французскую ли или русскую, еще не знаем. Не можешь ли ты к нам приехать к этому времени? Хоть на одну недельку. Ты не можешь себе вообразить, как бы ты нас всех обрадовал своим приездом! А мне очень хочется с тобою повидаться и переговорить. Прежде зимы обстоятельства не позволят мне быть в Москве, а ведь ты знаешь, что очень часто пером написать нельзя того, что на словах рассказать можно. Одним словом, приезд твой к нам сделает для меня праздник настоящим праздником. Что ж долго думать, решайся! Ты же — человек свободный; Москва тебе надоела. С нетерпением жду ответа на мое приглашение.

Кстати вот уже настала осень, время, в которое мы надеялись видеть у себя Станкевича. Послал ли ты мое письмо к нему? Где он и когда будет в Москве? Напиши пожалуйста. Ты верно слышал, что Марья Федоровна * выходит замуж за Петра Полдурацкого ** (пол тут некстати).

Mon cher ***, я что-то сегодня не в духе и потому продолжать не могу.

В ожидании ответа остаюсь
преданный тебе
Михаил Бакунин.

1835-го года, 20 сентября, Торжок.

---

* Бояркина.
** Полторацкий.
*** Милый мой.

72.—Письмо Я. М. Неверову[1].

Торжок, 26 октября 1835 года.

Милостивый государь,

Януарий Михайлович!

Знать и подружиться с человеком не значит ли узнать совершенно и подружиться с его другом? Опираясь на этом основании и на словах Николая Станкевича, который, пробыв неделю у нас в деревне, едет с нами в Тверь, я решился писать Вам наперекор всем общественным законам, не позволяющим быть знакомым прежде общеупотребительного пожатия руки. Как примете Вы письмо мое? Очень вероятно, что оно покажется Вам странным; но друг Станкевича не может быть строгим к чистым намерениям, уклонившимся от узаконенных правил. И эта мысль еще более утвердила меня в намерении, несмотря на всевозможные препятствия общежития, приобресть знакомство Ваше, милостивый государь Януарий Михайлович! Родные мои, имевшие удовольствие познакомиться с Вами, Беэры и более всего Станкевич так много говорили мне о Вас, что, не имев никогда удовольствия Вас видеть, я пишу Вам как совершенно знакомому человеку, человеку, которого душа мне совершенно известна. Но довольно комплиментов, у меня и так уже от них разболелась голова, и Вы верно не обидитесь, если я переменю язык светский на истинный язык души; меня заставляет писать не какая-нибудь материальная причина, но простая потребность души, стремящейся к сближению с человеком, вполне ею уважаемым.

Станкевич и Ефремов пробыли у нас неделю. С последним я познакомился ближе уже летом, а с первым только на этой неделе. В наше время и при условиях нашей общей жизни подобные знакомства необходимы для того, чтоб не потерять совершенно веры в высокое назначение человечества. Ничто так не способно произвесть скорого разочарования, как все нас окружающее. Вот почему невольно ищешь общества людей, с которыми бы можно было пожить жизнию истинною, неподдельною! Вот почему я решился познакомиться с Вами во что бы ни стало, но я уверен, милостивый государь Януарий Михайлович, что Вы не отвергнете моего [слово зачеркнуто] предложения быть друг другу не чужими, знакомыми незнакомцами.

В ожидании какого-нибудь от Вас ответа имею честь быть, милостивый государь Януар * Михайлович, покорным Вашим слугою М. Бакунин.

NB. Маменька и сестры Вам кланяются.

(На полях приписка рукою Н. Станкевича:)

Если б ты видел, как Миша затруднялся формами приличия, как хотелось ему и высказать свои чувства, и сохранить вежливый вид человека, только что начинающего знакомство! Выведи его из затруднительного положения и пиши без церемоний.

Н. С.

№ 73.—Письмо А. П. Ефремову.

1835 [года]. 14 ноября. Тверь.

(Чуть-чуть не написал наверху: С.-Петербург).

Любезный друг,

Сегодня я поутру и ночью совсем переселился душою в него. Во сне Петербург — наяву Петербург: насилу выгнал его из воображения. А там много, очень много м о е г о осталось; много похоронил я там, и вряд ли воскресение возможно. Но к чорту, я чуть было не расчувствовался — и при ком же? При тебе, в то время как мне должно быть твоею подпорою против высоких чувств и внешней жизни в пользу внутренней.

Так, любезный друг, не будем искать там, где ничего нет, а если и есть что-нибудь, то так редко, так редко, что сделать себя искателями значит погубить себя навсегда. А если случай? А, тогда ни слова; всякий должен взглянуть внутри себя и решиться; помнить только, что выбирая одну дорогу, отдаляется от другой. Редко, очень редко, чтобы обе дороги довели до одной цели. Итак, любезный друг, снимем с себя внешнюю жизнь до времени, а тогда подумаем.

Ты говоришь, что путь, нами предпринимаемый, безотраден; я с тобой на это не согласен, да другого и быть не может: все внешнее зависит от судьбы, а внутренний мир один только вполне от нас зависит. Одно несчастие существует истинно для человека: потерять охоту, стремление и силы для деятельности и не иметь цели. Тогда человек не только может, но даже должен застрелиться. Мы же с тобой еще только готовимся к деятель-

* Так в подлиннике.

ности; недостатка в воле и в силах нет, а потому мы еще можем быть счастливыми. Одно только: должно стараться как можно совершеннее избавиться от влияния внешнего мира [1]. Начало жизни духовной, жизни самопожертвования, где еще нет стремления чистого к цели, но где встречаются часто эпизоды страстные, одним словом время борения — очень трудное. Тут должно соблюсти всю возможную силу воли, должно как можно более в [зачеркнуто: самом] себе сосредоточиться. А то каждая мелочь может расстроить, может привести в уныние. Да и на самые минуты уныния должно смотреть как на минуты боления, которые пройдут. Если сила характера не поможет вырваться из подобного состояния духа, то тогда не должно ему предаваться, но забыться в чем-нибудь внешнем, заснуть пожалуй, если можно. В эти минуты никак не должно размышлять, — я это по опыту знаю. Логическая последовательность может быть тогда строга и верна, но зато первая посылка бывает всегда неправильна, а потому и все построение также выходит неправильное. Итак во всяком человеке в практической жизни должно быть два *я* (я = я): одно из них слабое частно-человеческое, страстное, способное к изменениям, другое же — тождественное с целью, обще-человеческое, безошибочное, неизменное, высокое и строго обслуживающее первое. Второе должно быть всегда доктором (не юриспруденции, а медицины) и правителем второго.

15-го ноября. Пятница.

Я было хотел дописать письмо и послать его вчера, но хлопоты об отставке меня задержали. Вот уже три дня сряду я ничего не могу делать за этими хлопотами: разъезды, сочинение бумаг и пр. заняли все это время и еще сегодня займут целое утро. Сегодня отправлю все на почту и после обеда опять за работу. Примусь крепко! Через месяца два я надеюсь получить свою отставку, и тогда я совсем ваш; сердца моего не будет уже разделять с вами служба, и Берлин будет тогда единственною моею ближайшею целью [2].

Говорил ли тебе Станкевич о появившейся в Германии ясновидящей, die Seherin von Prevorst *, по откровениям которой один

* Ясновидящая из Пребфорста [3]. — У Бакунина, введенного в заблуждение Станкевичем, написано Jawordt. Так ошибочно писал Станкевич со слов М. Погодина, передававшего ему рассказ, слышанный от архимандрита Иннокентия и все перепутавшего (см. «Переписку» Н. Станкевича, изд. 1914, стр. 581).

немецкий философ переменил всю свою систему; говорил ли тебе он мнение архимандрита Иннокентия[4]? Как ты об этом думаешь? «Dahin, bahin» *, пишет Станкевич; я невольно повторил его слова.

Долго думал я над твоим определением истории и, признаться ли, несовсем с ним согласен. Так, история есть проявление духа человеческого в объективном мире; дух этот состоит из ума, чувства и воли; но каждое из этих трех подразделений может ли проявиться особенно, без смешения с другими? Может быть преобладание одного из них, но чистое, бессмешанное проявление одного невозможно. А потому в истории это разделение духа не годится, оно только годно в психической антропологии, как систематическое разделение науки. Что ж касается до того, чтобы выкинуть из истории кучу фактов, я с тобой на это совершенно согласен. Должно, как ты говоришь, оставить только то, что имело влияние на судьбу человечества или народа, и то, что олицетворяет дух времени. Одним словом в наше время история должна быть более философическая и общая, чем фактическая и частная. Но впрочем и факты необходимы: ведь мысль без формы и без основания для человека не существует, и даже Гердер, который не писал Историю, но Идею о философии истории человечества, также должен был прибегнуть к фактам. Форма для мысли необходима: на этом основано самопознание абсолютного я.

Твой Michel **.

№ 74.— Ответ сестрам.

[Ноябрь 1835 года. Тверь.]

Небо — в нас, и в себе мы должны жить. Две души могут встретиться — это счастье; они могут не встретиться — это еще не несчастье. Небо, которое мы имеем в себе, вечно.

№ 75.— Письмо А. П. Ефремову.

Тверь.
27 ноября 1835 года.

Сейчас еду, любезный Александр, с графом Сологубом *** в его деревню за 60 верст от Твери, пробуду там до 3-го

---

* «Туда, туда!»
** Мишель.
*** Владимиром Александровичем [1].

и 3-го возвращусь опять в Тверь. Мне нужны перемена воздуха, маленькое отклонение от обыкновенного порядка. Вчера во мне происходило что-то странное: я как будто бы возвратился в первобытный хаос мироздания: все было смешано: мысли, чувства и чувственность, и все это превратилось в какое-то страдательное положение; во мне вдруг очутился какой-то нежданный, непонятный объект, а субъект уже начинал сбиваться. Впрочем я вечером выпил несколько рюмок вина, и объекта и субъекта не стало; все заснуло, и сегодня утром я встал хотя не в веселом, зато в благоразумном и твердом расположении духа!

Вот тебе, любезный друг, описание моего фантастического, теперь обращусь к существенной основе моего существования.

Как все странно устроено на свете! Прежде нашего знакомства жизнь моя была безотрадная, сухая. Дружба моя с сестрами была основана на чувствах, но все-таки я жил, я видел цель жизни и дорогу к цели, хотя сухую и трудную, но все-таки верную. Подружился я с тобой, друг мой, и внутренний мир мой сделался светлее, отраднее. Дружба наша укрепилась под благотворным влиянием одинаковых чувств и идей. В последнее наше свидание дружба наша усилилась. Я подружился также с Станкевичем, и здание моей будущности имеет уже прочное основание. Но отнимите вы эту опору, отнимите дружбу вашу, — я думаю, что оно упадет и никогда более не подымется. Дружба ваша нужна мне, как хлеб насущный, она сделалась необходимым условием моей духовной жизни. Так, друг! Мы друг друга хорошо поняли, и мы не можем никогда разойтись. Что до меня касается, то это был бы мой смертный приговор. Итак будем жить вместе, сольем души наши в одну; стряхнем с себя оковы внешние: всякая победа над внешним миром будет шагом к нашему взаимному сближению! Ты поймешь меня, друг мой, ты то же самое чувствуешь. Итак пойдем бодро и смело, судьба не имеет прав на нас, мы ей не кланяемся и ничего у нее не просим, она следовательно не может иметь на нас влияния. Марш без оглядки, ура! — и батарея наша.

Теперь прощай, друг мой, спешу ехать. Пиши в Тверь, письма твои будут мне пересылаться.

Твой М. Бакунин.

Бееровы приехали. Скажи им, что я выхлопотал прикомандирование Алексея* в город Тверь и что мы здесь его на днях ожидаем. Зимой увидимся, друг мой, а покамест будем переписываться чаще.

Еще раз прощай.

Твой друг

Michel.

Скажи Бееровым, что я их очень люблю. Мое молчание ничего не доказывает: я люблю петь на просторе, а в клетке терпеть не могу.

Adieu.

Михаил Тверской.

(Далее следует замысловатый росчерк.)

№ 76. — Письмо А. П. Ефремову.

Декабря 10-го. Вторник. 1835 [год].
Тверь.

Вот ровно две недели, как я тебе не писал. Эти две недели провел я в разъездах. Мне нужно было отдохнуть, и я сел в кибитку, взял с собой Гофмана** и глаз на глаз с Сологубом провел целую неделю в старом его доме, в 100 верстах от Твери. Мы читали вместе Гофмана, пили по три бутылки вина в день, фантазировали, а когда надоедало, так опять пускались в дорогу в другую деревню графа за сто верст от первой и также в 100 верстах от Твери, так что я проехал около трехсот верст. Эпизода эта была для меня необходима, струны слишком натянулись, могли лопнуть — итак вот причина моего молчания. Из всего путешествия моего я извлек только одно замечание, что если нравственно-духовный быт Бежецкого и Корчевского уезда Тверской губернии сходен с бытом целой России, то путешествие по оной с духовной целью невозможно. Крестьяне должны быть везде одинаковы, а дворяне наши погружены большею частью в такое жалкое состояние невежества, что смотреть на них больно. Есть в нем семейства, болтающие по-французски, иные брянчат на фортопианах, но все это так странно: видно, что нет гармонии собственной жизни, а набор и присвоение чужого, жалкий эклектизм, этот корень зла в России.

Но теперь обратимся к тебе, друг Alexandre***. Твои два

---

* Беер[2].
** Эрнст Теодор Амедей (романист).
*** Александр.

письма тронули меня до глубины сердца. Друг мой, ты — золотой человек, в тебе так много прекрасного, что узнав тебя, нельзя тебя не любить, не привязаться к тебе всеми силами души. Так, друг мой, я еще раз повторяю, твоя дружба для меня необходима, она — один из главных столбов, поддерживающих здание моей духовной жизни! Мне на тебя досадно за твое уныние, за христианское уничижение: к чему оно служит и основательно ли оно? Мы все слабы, все—Гамлеты. Кому из нас не приходило в голову, что мы — люди пустые, неспособные к подвигу ни даже к слабейшему усилию? Но эти минуты нравственной болезни должно истреблять еще большим напряжением умственным, умножением внимания — и они проходят. Нет, друг мой, в нас есть будущность, есть силы: употребим их с пользою, не дадим им заржаветь, не будем останавливаться — и тогда подвиг наш будет не бесплодный, совесть чиста. Главное состоит в том, чтобы духовную жизнь свою не покорять внешним обстоятельствам. Надежды, основанные на внешнем мире, — вот что бывает большею частью причиною нашей духовно-нравственной погибели. Мы позабываем, что это основание зыбкое, не от нас зависящее, что одна только судьба, провидение могут произвесть гармонию внешнего с внутренним миром, и что провидение редко кому дарит эту гармонию. Мы позабываем, что духовный подвиг должен быть безкорыстен, что основание его — в нем самом. Итак встань, друг мой, не унывай, дай руку, и мы пойдем вместе уединенной тропой к нашей цели. Нам нечего бояться, мы ничего не просим, все зависит от нас.

Твоя болезнь меня беспокоит, а образ лечения кажется очень странным. Впрочем он должен быть тебе полезен: в тебе много лимфы, вот что причиняет твои горестные минуты; окачивание холодной водой должно быть для тебя очень полезно, а частые прогулки еще более, движение для тебя необходимо.

Дела мои поправляются и так хорошо идут, что я надеюсь получить на-днях отставку. Теперь я плюю на всех и свободен, иду по своей дороге. Хороша ли она или дурна, я ее не оставлю и не могу оставить: она написана в моей душе, написана провидением. Ты говоришь, что man kann nicht immer was man will *. Вздор. Man kann alles, was man nur genug Kraft hat zu wollen **. Сила воли, друг мой,—все. Ум, чувство нравственное составляют

* Не всегда можно сделать то, что хочешь.
** Можно сделать все, хотеть чего хватает сил.

общее достояние человечества, принадлежности б о г а (подразумевая под словом «бог» дух всего человечества); воля же составляет сущность человека индивидуального; и сила воли-то определяет ценность и степень совершенства человека индивидуального, так что если б он имел в о л ю достигнуть до духа человечества, то он достиг бы до него. Ты верно поймешь, что я хочу этим сказать, итак, друг, еще раз: не будем унывать, а пойдем твердым шагом. Будь уверен, что мы не упадем, а сделаем вместе более, чем бы могли сделать врозь.

Занятия мои в это время были прерываемы часто оргиями, мы пили философически. Вчера еще, провожая графа Сологуба в деревню, выпили двенадцать бутылок R e i n w e i n m o u s s e u x * и были в поэтическом расположении духа.

Ты хочешь иметь понятие о Сологубе, вот он: молодой человек, воспитанный по правилам beau-monde ** в доме отца своего до 18 лет, потом отправленный в Дерпт, где провел четыре года, пил, кутил, рубился и приобрел некоторые объективные сведения, слышал о Геерене [1], о Гердере [2], о немецкой философии и выучился петь; от природы одаренный умом и благородным сердцем, он, разумеется, сделался прекрасным молодым человеком большого света. Так он перелистал Кузена [3], Villemain ***, Guizot ****, а главное Сисмонди *****, которым он бредит и который заставляет его бредить—вот и все. Поет же он лучше, чем говорит, а чувствует лучше, чем поет, мыслит же хуже, чем все это, а пьет лучше, чем все это.

После праздников приеду к т е б е в Москву на м е с я ц.

Маменька просит тебя прислать благородный театр Загоскина [7].

Твой Michel.

№ 77.—Письмо А. П. Ефремову.

1835-го года 19 декабря. Тверь.

Любезный Alexandre!

Вчера поутру получил письмо, но не мог отвечать. Писал письмо к [Н. В.] Станкевичу, для того чтоб оно поспело в Мо-

* Шипучего рейнвейна.
** Высший свет.
*** Вильмен, Абель Франсуа [4].
**** Гизо [5].
***** Жан Шарль Леонард Сисмонд де Сисмонди [6].

скву к пятнице, иначе я должен бы был отложить письмо мое до будущей среды.

Письмо твое, друг мой, возбудило во мне много, очень много мыслей, и мыслей не слишком утешительных! Так, друг, у нас все на одну мерку, везде форма без жизни, и форма старая, обветшалая; мало исключений, и не всем суждено встречаться с ними. А женщины — не говори об них. Женщина так создана, что недостаток жизни в ней гораздо более заметен, чем в мужчинах. В последних предметы практической жизни возбуждают деятельность, хотя и одностороннюю, фальшивую, но которая похожа по крайней мере на что-то такое приближающееся к жизни, а женщины, если они не понимают любви, если они пресмыкаются, — для них нет спасения. Что же делать человеку несколько мыслящему и чувствующему в этом безжизненном хаосе? Вот вопрос, который я часто задавал себе и от разрешения которого зависит судьба нас всех, немного возвысившихся над материею, немного просвещенных святою истиною. Но я всегда отвечал себе, что сосредоточивание внутри себя, отрешение от всякого искательства в внешнем мире — вот что нам осталось. Счастлив тот, кто встретит женщину на пути жизни, женщину, которая бы, не быв целью, была бы подпорою его подвига, женщину, которая бы свято сохранила сокровищницу чувств, надежд и мыслей, ей поверенную,— счастлив тот, друг мой. Но несчастлив тот, который воображает себе, что должно отыскивать ее в толпе: разочарование, сомнение и отчаяние изгложут, сомнут его сердце прежде, чем он найдет ее; он расточит силы свои, и подвиг останется несовершенным. Друг мой, тут рука судьбы, не покоряйся ей, дай мне руку, и мы не упадем: судьба боится согласных! Итак не будем совершенно отрешаться от внешнего мира, но не станем и искать в нем. Вот условие независимости, а следовательно и успеха в подвиге.

28-го октября *. Пятница. Рано утро[м].

Вчера я встал поздно и за письмо принялся еще позже, так что не успел докончить его; а маленького письма не смел да и не хотел писать: хотелось мне с тобой поговорить. Я не имею права жаловаться на судьбу: она покорилась моим желаниям, через неделю или две я получу отставку. Итак я не связан и покойно

* Явная описка: надо читать «декабря», ибо это — продолжение письма от 19 декабря и написано на том же почтовом листе.

могу итти к своей цели. Я живу в семействе, которое обожаю и которое меня любит, которое поняло наконец, что я не могу искать счастья по общей дороге богатства, света и чинов, и оставило мне полную свободу. Я имею наконец друзей, тебя, любезный Alexandre, и дружба наша с тобой неразрывна: она необходима нам обоим, она составила часть нашего существования. Вот уже несколько дней как я в самом счастливом расположении духа. Я много работаю. Мелочные обстоятельства и препятствия, которые тяжелее, чем важные, обыкновенно связывают человека, исчезли от сильного духовного напряжения, и я уже вперед вкусил духовное наслаждение, мысли и чувства победителей над холодными расчетами света. Но сознаться ли тебе в одной слабости? Я еду, я непременно хочу ехать зимой в Петербург — я хочу о п ы т о м разорвать последние струны, связывающие меня с внешним миром. Я хочу видеть е е, хочу удостовериться в том, что она — не что иное как простая женщина, добрая, умненькая, образованная, но что образ, в котором она возвысилась над всеми этими качествами, образ, который поставил ее в мир идеальный, принадлежит мне, моему воображению. Друг мой, опыт этот для меня необходим. Я еще мало испытал ударов судьбы, я сильный вышел из тяжелой борьбы; мне нужен еще один, последний удар, который бы мне дал право разорвать все свои связи с внешним миром и предать его поруганию. Итак, друг мой, ты видишь, как я благоразумен: другие бегают ударов судьбы, а я ищу их для того, чтобы навсегда обеспечить свою независимость [1].

Друг мой, я с тобой откровенен, потому что я тебя знаю, потому что люблю тебя более, чем ты себе воображаешь. Будем откровенны друг с другом, не дадим никаким в н е ш н и м и п у с т ы м о т н о ш е н и я м связывать и условливать нашей дружбы; поставим себя в такое взаимное положение, чтоб я был бы *ты*, и *ты* был бы *я*: легче будет исполнять подвиг свой, легче будет пройти по юдоли очарования, печали и пожертвований. Тогда умы наши, освещенные дружбой, не примут обманчивого болотного огонька за цель путешествия по мерзлым и безотрадным степям. Тогда холодный блеск северного сияния не отвлечет нас от солнца, от святой истины. Дай руку, друг, на союз вечный, мы рождены друг для друга, дружба наша написана в книге судеб. Мы не пройдем даром по здешнему миру, проход не останется бесплодным: мы оживим мертвое, подымем

упадшее. Так, друг мой, мы—не бесцельные твари. Наш подвиг будет бескорыстен, а потому и не может быть бесполезным!

Теперь прощай.

Твой Michel.

NB. Ржевский * был у нас. Общеполезное стремление вскружило всем голову, и он также за всеми. Дай бог ему помощи. Слова дельные и благородные — дай бог, чтобы было слово и дело. Нет ли у тебя какого-нибудь латинского словаря? Он мне теперь нужен. Да узнай, что стоит французско-русский и русско-французский словарь (я хочу подарить такой лексикон семинаристу, моему учителю латинского языка) да немецкий, только полный и новый (если нет с русским, так по крайней мере с французским, для меня самого; да чтоб были философические слова). Наши все тебе кланяются, Любинька пришлет стихи; папенька просит достать, если можно, новую пьесу Недовольные.

Твой Michel.

NB. Бееровым кланяйся. Через месяц [поеду] в Петербург недели на две, потом к тебе на месяц, а потом осенью в Берлин [2]. Ура!

№ 78.—Письмо сестре Татьяне.

[Декабрь 1835 года. Москва.]

Милая девочка! Позволь мне сегодня посидеть дома. Право мне хочется немного поработать, а я здесь веду такую бездельническую жизнь. Знаешь ли, мне необходимо нужно быть в беспрестанном соприкосновении с своим внутренним, духовным миром для того, чтобы быть порядочным человеком. Я уже порываюсь к своему тихому прямухинскому уголку, где, удаленный от всякой суеты, от всяких житейских треволнений, я весь погружен в религиозную мысль. У меня теперь только одно желание: это— сблизиться, слиться с вами, друзьями моими, положить крепкое, незыблемое основание нашему маленькому кружку, связанному святою любовью, святым единством чувства и мысли. Наталия и Александрина ** должны непременно провести весну и лето в Попове, а этот маленький кружок, составленный из вас, моих милых сестриц, из них, из братьев, должен быть для нас всех общим Hinterhalt'ом, общим верным убежищем от всех тяжелых

* Вероятно, Владимир Константинович.
** Сестры Беер.

и неприятных видимостей. Варинька скоро возвратится к нам, я это чувствую и знаю; как только я приеду в Прямухино, я напрягу всю свою деятельность, все свои усилия для того, чтобы ускорить ее приезд. Брат Николай будет мне живым помощником. И мы загородим этот святой кружок от всякого другого человека; нам не нужно других людей, потому что он и без того полон.

Итак, девочка, до свидания.

Твой М. Бакунин.

(Дальше идет приписка сестры Татьяны к Наталье Беер.)

№ 79. — Письмо отцу.

[Январь 1836 года. Москва.]

Любезный батюшка!

Вы удивитесь, получив от меня это письмо. Вы так привыкли к моему отсутствию и вероятно уж так давно перестали думать обо мне, что мое обращенье к Вам покажется Вам странным, а может быть, даже и неуместным. Но я прерываю свое долгое молчание не для того, чтобы беспокоить Вас; я хочу сказать Вам только несколько слов прощанья. Ведь мы разлучены навсегда, нам не суждено более увидеться, мы умерли друг для друга, и я не могу расстаться с Вами, не выразив Вам в последний раз [зачеркнуто несколько слов, мою любовь, мою благодарность и глубокую грусть о том, что мы разделены не только внешним образом, пространством, но внутренно, различием наших образов мыслей, нашими чувствами и, что еще горьче, Вашим равнодушием ко мне. Я буду говорить с Вами откровенно, как человек, который умирает и который перед смертью не имеет более нужды скрывать истину. После этого я никогда более не буду тревожить Вас. Это будет мое последнее письмо.

В душе моей не остается более никаких других чувств к Вам кроме любви и благодарности,— благодарности за то, что Вы для нас сделали в нашем детстве. Вы были нашим воспитателем; Вы пробудили в нас чувство добра, чувство прекрасного, любовь к природе и ту любовь, которая до сих пор еще нас всех, сестер и братьев, тесно и неразрывно связывает. Без Вас мы были бы вероятно пошлы и пусты, но Вы зажгли в наших сердцах святую искру любви к истине, развили в нас чувство гордого достоинства и свободы. Вы сделали это потому, что любили нас, и мы были преданы Вам всею душою.

После этого, когда мы перестали быть детьми, Вы отдалились от нас и как-будто сами испугались своего собственного дела. Не стану напоминать того грустного времени, когда мы в первый раз почувствовали, что Вы нам стали чужды и что нас отделяет от Вас невидимая преграда, ни тех недоразумений и несчастий, ни той тяжкой борьбы, которые были следствием Вашего отчуждения. Скажу Вам только одно: любовь к Вам пустила в нашем детстве такие глубокие корни в сердцах наших, что ничто, никакие несправедливости и оскорбления не могли разрушить ее.

Вот, любезный батюшка, что я уже давно имел потребность сказать Вам и теперь говорю свободно, потому что отношения наши стали такого рода, что Вы не можете более искать корыстной цели в словах моих.

Наши убеждения так различны, и путь, избранный мною, так чужд и неприятен Вам, что я не стану беспокоить Вас бесполезными рассказами о своей жизни и планах. Положение мое бывает часто трудно, часто бывает мне грустно и тяжело на душе; но я солгал бы, если б сказал Вам, что хоть сколько-нибудь раскаиваюсь в своем решении. Я поступил по своим убеждениям, без которых не понимаю ни жизни, ни достоинства человека, и теперь имею право надеяться, что останусь верен себе, потому что испытал уже много трудностей и препятствий, которые не изменили ни моих чувств, ни моих мыслей. Но я был бы счастлив, если бы Вы наконец смогли убедиться теперь, когда мы разлучаемся навсегда и в последний раз говорим друг с другом, что я преследую не эгоистическую цель и не наслаждений ищу на трудном и одиноком пути своем.

Итак прощайте, любезный батюшка; дай бог, чтоб спокойствие, доставляемое Вам моим отсутствием, вознаградило Вас за все огорчения, которых я был невольною причиною в бытность мою с Вами. Прощайте! и простите мне все мои вольные и невольные вины против Вас,—ведь нам не суждено более увидеться, и мы разлучаемся навсегда.

Любящий Вас сын Ваш.

Перевод с французского.

№ 80.—Письмо сестре Татьяне.

27 января [1836 года]. Москва.

Только что получил твое письмо, дорогая Таничка. С чего ты взяла, что негодование и гнев будут моим ответом? Нет, моя

дорогая, я уважаю всякое мнение, откровенно высказанное, и могу только поблагодарить тебя за твою прямоту. Ты жалуешься на то, что слишком хорошо меня поняла, а я в отчаянии от того, что недостаточно тебя понял, недостаточно рассчитывал на дружбу, к какой ты способна. Как возблагодарить тебя за твою защиту и за хорошее мнение, которое ты сохранила обо мне, несмотря на то, что все внешние признаки говорили против меня? Такие вещи, дорогой друг, чувствуются, но не выражаются. Вот почему я не стану говорить тебе о тех ощущениях, которые возбудило во мне чтение твоего письма.

Отец считает меня эгоистом. Увы, для меня это — не новость. Я давно уже чувствовал, что он так думает обо мне, и хотел бы доказать ему обратное. Но слова не суть факты, поэтому придется выждать подходящего случая. Что делать, добрый друг? Судьба преследует меня, и я не только никого не обвиняю, но виню самого себя. Мне нужно было лучше замаскироваться. Самолюбие заставило меня забыть, что когда слишком близко показываешь себя, то часто теряешь. А вы так часто замечали мне, что мое самолюбие чрезмерно! Я делал все, чтобы лишиться вашего расположения и расположения родителей. А между тем, дорогая Таничка, твое сердце не изменилось, оно осталось тем же. Я признаю это за тобою, мой прекрасный друг, и чем больше ты меня узнаешь, тем сильнее я ценю твою дружбу, ибо не трудно любить то, что внушает любовь... Видя себя раскрытым, сердце мое обнаженным, не усматривая возможности надевать на себя вторично маску, я потерял равновесие, все мои поступки стали ложными шагами, зло усугублялось, я мог отнять у вас последние иллюзии, которые еще оставались у вас на мой счет, если бы я еще дольше оставался. Я уехал, но я не хочу больше пускать вам пыль в глаза. Я разоблачаюсь целиком. Вот каков я есть! Первый шаг к откровенности есть первый шаг к нравственному усовершенствованию, и если мне не удастся достигнуть того совершенства, которое указано мне как идеал, я, быть может, сумею приблизиться к нему. А это само по себе кое-что да значит. По моему, это — единственное условие, чтобы заслужить ваше уважение, которого я лишился, имя честного человека и отличие в обществе!!!

Единственная вещь, которая мне кажется странною в твоем письме, это — негодование родителей против Алексея *. Правда,

* Алексея Беера.

этого юношу я люблю и уважаю, но как вы, так хорошо знающие меня, могли поверить, что кто-либо способен отвратить меня от твердо принятого плана? Он пытался убедить меня остаться, но, видя бесплодность своих увещаний, он замкнулся в благоразумном молчании.

Прощай, мой дорогой друг Таничка, целую тебя, равно как и остальных сестер, и остаюсь твоим братом

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 81.—Письмо сестрам Беер.

[Февраль 1836 года. Москва.]

Дорогие друзья!

Вот уж два дня, как я с вами не видался. Верьте мне, это доставило мне больше страданий, чем вам самим. Лучше, чем когда-либо, я понял, как мало я создан для рассеянной жизни, погруженной только во внешние интересы. Вчера я сделал больше шести визитов, так что вернулся домой только около 10 часов вечера, а сегодня, выйдя из дому в 10 часов утра, вернулся в 6 часов. Сейчас же я сижу важно и печально в ожидании друзей со всех концов мира, обещавших посетить меня сегодня вечером *.

Мне так хочется поговорить с вами в вашей музыкальной комнатке, где я в последние дни провел такие чудесные часы, мне так хочется перелить все мои чувства в ваши пылкие души, что я не мог удержаться от этих слов **.

Поверите ли вы, как много вы способствовали той гармонии, которою я наслаждался все это время? Вчера и сегодня я не нахожусь в таком гармоническом состоянии, но завтра мы увидимся и отдохнем от своей бесплодной усталости. Довольно внешнего! Пусть вся наша сфера будет внутреннею; пусть туда не сумеет проникнуть ничто несочувственное нам.

Итак до завтра.

Пришлите Константина ***. Пусть он придет ко мне, если можно.

Ваш друг
М. Бакунин.

---

* Дальше в оригинале по-немецки.
** Дальше в оригинале снова по-французски.
*** Беера.

№ 82. — Письмо А. П. Ефремову

[Февраль 1836 года. Москва.]

Alexandre! Сделай одолжение, пришли с Егором билет да пришли пожалуйста 5 руб[лей], а то не на что будет приехать в театр. Достал ли ложу Бееровым?

Про[щай].

Твой

М. Ба[кунин].

В котором часу начнется?

Перевод с французского.

№ 83. — Письмо сестрам Беер.

[Февраль 1836 года. Москва.]

Дорогие друзья!

Надеюсь, что у вас будут билеты. По крайней мере я сделаю для этого все от меня зависящее. Таким образом сегодня вечером мы увидимся и вместе будем наслаждаться музыкою. Мое наслаждение будет более полным. Мои дорогие друзья, ваше счастье составляет условие моего счастья, мне дана будет возможность отдохнуть среди вас после дневных трудов и разочарований. Вы, мои дорогие друзья, еще недостаточно меня понимаете. Я более силен и более велик, чем вы это думаете, ибо я в силах быть блаженным, и я заставлю вас разделить со мною это блаженство. Я уверен, что мы в конце концов поймем друг друга.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 84. — Письмо сестре Татьяне.

Москва, 10 февраля 1836 года.

Дорогая Танюша!

Не знаю, оставило ли тебе опьянение тверскими развлечениями, слух о которых дошел и до меня, время на размышление о моем молчании. Но если оно причинило тебе огорчение, то я прошу, очень прошу тебя меня простить, дорогой друг, ибо у меня отнюдь не было намерения тебя огорчить. Для этого молчания

была своя причина, причина, которую я не сумел бы точно определить, какое-то дурное настроение, произведенное твоими двумя письмами, настроение, которого мне не удалось выразить на бумаге, но которое живо дало почувствовать себя моему сердцу. Однако я не стану тебе об этом говорить. Это — сущие пустяки, маленькая и неосновательная надежда, закончившаяся разочарованием, и наконец это — проклятое чудовищное самолюбие! О, поистине я имел бы вид рыцаря печального образа, если бы сказал тебе об этом хоть одно словечко.

Поговорим же о других вещах. Оставим в стороне этот плод бессмысленного и расстроенного воображения. Я намерен развеселить тебя блестящим описанием великолепных московских развлечений — московских развлечений!.. Да что я говорю, разве я имею о них какое-либо понятие, я, не побывавший ни на одном балу, ни на одном собрании? Каково мне сознаться в этом! Несчастный я человек. Теперь я потеряю последние остатки вашего уважения. Быть в Москве и не принимать участия в ее опьяняющих развлечениях! Зачем же было уезжать в Москву да еще таким трагическим манером?

Прости, моя добрая, милая сестра. Я хотел произвести впечатление и не выдержал своей роли. Всю масленицу я провел с льстецами, которые, пытаясь угодить моему ужасающему самолюбию, чуть было не вызвали его взрыва, с шутами, разглагольствующими о внутренней жизни, о философии, о религии, которые, между нами будь сказано, как вы это очень хорошо знаете, представляют просто тривиальные выражения и служат для мистификации окружающих. Я сказал «мистификации». Это выражение напоминает мне одного из моих друзей, одного из тех пролаз, одного из тех шутов, которые составляют душу всякого правоверного и бонтонного общества. И вот этот дорогой друг однажды вздумал высказать мне истину, но истину, что называется, что ни на есть достоверную, правда, несколько суровую. Он заявил мне, что я — п о д л е ц *. Но вместо признательности за столь христианский поступок я выгнал его вон и не выношу его до сих пор настолько, что у меня иногда является желание вышвырнуть его в окно, когда я вспоминаю о некоторых вещах и особенно о бесчеловечной манере, с которой он меня разоблачил. Но не бойся ничего, моя очаровательная подруга. Я рассказал

* Слово «подлец» в оригинале по-русски.

тебе эту историю лишь для того, чтобы тебя напугать, лишь для того, чтобы показать тебе, насколько я страшен в гневе, насколько... Но если ты мне не поверишь, если ты снова достаточно меня [дальше идет неразборчивое слово], что скажешь еще «увы!», тогда мне останется только сделаться порядочным человеком, но только самым что ни на есть порядочным, т. е. едящим, пьющим и спящим, ибо куда же денется тогда возможность нравственной жизни?

Итак ты видишь, дорогая сестра, что для меня не существует нравственной жизни вне твоего мнения. Постарайся же изменить его или, если это невозможно, несколько замаскировать его, чтобы не убить от отчаяния

твоего брата и друга

М. Бакунина *.

№ 85. — Письмо Я. М. Неверову.

15 февраля 1836 [года]. Москва.

Любезный Януарий Михайлович!

Благодарю Вас за память обо мне; она мне доказала, что Вы не обиделись моим молчанием. Только титул «милостивый государь», заменивший снова бесцеремонность, уже раз вкравшуюся в нашу переписку, напомнил мне, что я не отвечал на Ваше последнее письмо. Будьте уверены, любезный Януарий Михайлович, что только внешние причины могли меня заставить отказаться от права и удовольствия, приобретенных наперекор всем законам общественным, писать к Вам и получать от Вас письма.

Не знаю, говорил ли я Вам об обстоятельствах моих при выходе из Артиллерийского училища. Я имел неприятности и был отправлен в армейскую бригаду в Литву с тем, чтоб меня несколько лет обходили чином, а до подпоручичьего чина ни в отставку, ни в отпуск не отпускали. Вы можете себе вообразить, каково было мое положение: в глуши, в кругу скотов, а не людей, без одной книги и без надежды когда-нибудь вырваться из этого ада. Наконец я выпросил [зачеркнуто: ся] откомандировку за ремонтом в Тверскую губернию; там заболел и по ми-

* Дальше следовала приписка на пяти строках, но она вымарана в оригинале.

лости его высочества великого князя Михаила Павловича отпущен в отставку — не стану говорить Вам о бумагах, полученных мною от моего начальства, одна после другой и одна страшнее другой. По получении отставки все меня оставили в покое; но тут предстояла мне новая борьба, и эта борьба, не оставив мне минуты свободной, помешала мне отвечать Вам.

Вот в чем дело; я уже писал Вам о своих намерениях, о надежде ехать будущею осенью за границу в Берлин; если бы я был один, то я был бы совершенно независим; но, как член огромного семейства, я должен соображать волю свою с пользою семейства, тем более, что я — старший сын. Отец не был доволен моим намерением и объявил мне свое желание, чтоб я служил по особенным поручениям у графа Толстого *, губернатора Тверской губернии. Я на это не мог согласиться по невозможности сообразить свои занятия с хлопотливой должностью чиновника по особенным поручениям, а так как занятия мои составляют главную основу моей жизни, моей религии, то отказаться от них я не мог, это было бы противно моему человеческому достоинству. Из этого родились маленькие неудовольствия, увеличившиеся другими обстоятельствами, в которых, как член семейства и член живой, а не мертвый, я не мог не принять участия. Главный характер всех семейственных неудовольствий есть то, что они увеличиваются без всякой видимой причины, без всякого разительного факта, и я, видя, что дела идут все хуже и хуже, решился уехать на время в Москву, для того чтоб вдруг разорвать сеть, которою меня обмотали, и для того чтоб письменно определить свои отношения к семейству. И вот уже месяц, как я живу у Станкевича и отдохнул от всех этих передряг, важных однако для семейственного и моего спокойствия. Тем более, что семейство мое принадлежит к редкому числу семейств в России, не подвергшихся общей чуме гнилой безнравственности в чувствах и мыслях, что оно доселе не было заражено убийственным эгоизмом, необходимым следствием безнравственности. Тем более я обожаю, свое семейство, что оно—единственная для меня точка соединения с внешним миром.

Теперь поговорим о внутреннем. Цель наша всех общая—дороги только различные. Дай Вам бог успеха в Ваших намерениях. Поезжайте за границу и привезите нам оттуда жару, для

---

* Александр Петрович (см. комментарий к № 91 [6]).

того чтоб согреть замороженные от [зачеркнуто: убий...] эгоистической бездейственности сердца наши. Впрочем, я не сомневаюсь в Вашем успехе: Вы так сильно хотите, а я верю силе воли. Что до меня касается, то я еще ни в чем не уверен, я связан и связан чувствами, а этих препон разорвать нельзя. Прощайте, любезный Януарий Михайлович, не позабывайте преданного Вам от души

М. Бакунина.

С Грановским * мы познакомились, кажется, прекрасный молодой человек. Ржевский ** находится теперь в чаду пользы общественной, а особливо своей собственной.

Перевод с французского.

86. — Письмо сестре Татьяне.

(17 февраля 1836 года).
[Москва.]

Друг мой, прости меня, оскорбленное чувство привязанности к тебе увлекло меня слишком далеко: я оскорбил тебя. Но не холодность, не эгоистическое равнодушие выразились в письме моем — нет, друг мой, это было чувство горячее, пылкое и чувство обиженное. Я все видел в тебе; я думал, что ты заменишь для меня все на свете, что ты будешь для меня единственною точкою соединения с внешним миром, и мне казалось, что я ошибся, я видел в тебе привязанность ко мне, видел, что ты меня любишь, но того ли я искал? Я искал друга, более, чем друга, и нашел... но нет, может быть, я несправедлив — я не могу писать, друг мой, душа моя переполнена чувствами, и все они принадлежат тебе, друг мой, я тебя люблю, ах, если бы ты знала, как я тебя люблю, все готов я принесть тебе в жертву! Нет, ты меня не знаешь, ты не поймешь, как мне дорого стоило оставить вас, отказаться от вашей привязанности. Ты думаешь, что меня не убивала ваша холодность; ад был в груди моей, но я не хотел объяснений; я не заслужил дружбы вашей фактами, я не старался заслужить ее таким образом — средство казалось мне низким; не факты должны быть основанием дружбы, доверия — нет, кто это говорит, не понимает значения дружбы: основание дружбы—

* Тимофей Николаевич [1].
** Владимир Константинович.

в душе, доверие есть также чувство. Друг мой, и я увидел, что не было в вас этого доверия, даже не было в вас необходимости этой дружбы, а без доверия и необходимости нет чувства, нет истинной дружбы. А что мне до дружбы внешней? Нет, я не могу более писать к тебе, в другое время, а теперь, право, не могу. Прощай.

Твой друг

Михаил Бакунин *.

Это письмо было написано под впечатлением минуты, непосредственно после получения писем от Любиньки и Алексея **. Но в момент запечатания его я получил твое письмо, дорогая Таничка, и, признаюсь тебе, мне пришла в голову мысль порвать его. Я стыжусь слишком страстной окраски, которая невольно вылилась из-под моего пера. Это письмо слишком безумно страстно, чтобы быть понятым людьми с таким спокойным и рассудочным настроением, как ваше. Только одно меня удержало, а именно то, что я не в состоянии написать больше ни слова, а между тем необходимо д о к а з а т ь вам ф а к т о м, что я сохранил некоторую дружбу к вам.

Я напишу отцу. Моя свобода не продается, равно как и мое человеческое достоинство. Алексей пишет мне, что он не может больше приходить к нам вследствие холодности наших родителей. Он прав. Я не знаю, сумеет ли моя дружба утешить его в том, что он потерял.

Прощайте.

Ваш брат

М. Бакунин.

17 февраля, понедельник, 1836 [года] ***.

Перевод с французского.

№ 87. — П и с ь м о с е с т р е В а р в а р е.

17 февраля 1836 года. Москва.

Дорогая Варинька, мое письмо тебя удивит. Мы расстались уже так давно, между нами не было духовного общения так долго, что малейший шаг к откровенности с моей стороны должен по-

---

* Дальше по-французски в оригинале.

** Беера.

*** Эта строка по-русски в оригинале.

казаться тебе странным. Было время, когда нас связывала нежная и вместе с тем сильная дружба, было время, когда перемена этих отношений показалась бы мне невероятною. Но провидение, сила обстоятельств решили иначе. Один бог только знает, как трудно было мне с этим примириться, один бог только знает, сколько страданий причинила мне эта перемена, как она истерзала мое сердце. Нелегко расставаться с самыми нежными утехами жизни, а потерять дружбу и нежность такой прекрасной души, как твоя, Варинька, это больше чем горе, это — несчастье. Очутиться в кочце концов в ужасной пустыне внешнего мира после того, как подготовил для себя будущее, полное любви и веры, и наталкиваться со всех сторон на жалкие условности общественной жизни, не имея возможности излить свое горе перед любящим и родным сердцем, не имея возможности согреться вблизи пламенной и понимающей вас души, — ах, Варинька, это ужасно, это мучительно. Потерять то, что я потерял, значит потерять рай, значит потерять право надеяться на лучшее будущее...

Но я отвлекся слишком далеко в сторону. Я приступил к этому письму не для того, чтобы жаловаться на свою судьбу. Я знаю: двери твоей души закрыты для меня навсегда, между тобою и мною лежат обязанности, и я слишком уважаю их для того, чтобы у меня могла родиться хотя мысль об их нарушении. Нет, взявшись писать тебе, я имел в виду другую цель, более серьезный интерес, заставляющий меня забыть и холодность наших нынешних отношений, и все мои прежние и нынешние страдания. Я решительно отвергаю ту мелкую и жалкую политику, которая не должна была позволить мне писать тебе откровенно из опасения быть обвиненным в легкомыслии. Нет, Варинька, полное забвение самого себя диктует мне это письмо. Об одном прошу, Варинька, забудь все обстоятельства, предшествовавшие и последовавшие за моим отъездом в Москву. Я не буду говорить тебе о том, что меня туда привело. Одним словом я не буду говорить только о себе. Я это сделаю в другой раз, если ты искренно меня об этом попросишь. Но здесь все это было бы неуместно. Ты должна отложить в сторону все предубеждения, которые могли быть внушены тебе нынешними и прежними обстоятельствами. Серьезный интерес и общие чувства должны объединить нас в данный момент.

Перехожу к делу. Давно уже я замечал в Ржевском * пре-

* Владимир Константинович.

тензию на чувство к нашей сестре Любаше *. Сначала я не обращал на это серьезного внимания, ибо полагал, что это — одна из тех бесцельных и беспочвенных фантазий, которые составляют необходимое украшение всякого идеального и сентиментального молодого человека, одно из тех прекрасных чувств, которое ниспосылает провидение для опоэтизирования самых прозаических по натуре существ, одна из тех несчастных страстей, которые заменяют нравственную жизнь у людей, ее лишенных. Но вот он приезжает сюда, опьяненный успехом, которого он добился у вас, очарованный вашею безграничною откровенностью, как он это говорит, особенно твоею откровенностью, доведшей тебя до разговора с ним о вещах, о которых ты не должна была бы говорить и о которых ты до сих пор и не говорила никому. Затем приходит твое письмо к Беерам, из которого я усматриваю, что ты страшно увлечена и очарована им, и в котором ты, не знаю на каком основании, приписываешь ему самое горячее стремление к добру. Затем я начинаю замечать в нем неограниченную дружбу ко мне, дружбу, которая доходит до того, что он поднимает меня до небес, бегает наверх, чтобы набить и закурить для меня трубку, дружбу, заставляющую его питать ко мне неограниченное доверие, веру в мои прекрасные чувства, в мои огромные способности, в мой выдающийся ум, вера, доходящая до перемены мнения насчет графа Сологуба, и все это ради меня, ибо по прибытии в Москву он был о нем самого высокого мнения, а теперь только потому, что я ему сказал, что по моему Сологуб — фат, нет тех сарказмов и злых насмешек, которых бы он не обрушивал на эту жалкую личность, по правде сказать, не стоящую даже того, чтобы о ней думали.

Откуда все сие? Мое самолюбие, как бы велико оно ни было, неспособно ослепить меня до того, чтобы я поверил, что здесь воздается должное моим высоким качествам. Христианское уничижение никогда не было во мне сильно, но я никогда и вполовину не был о себе того высокого мнения, какое он хочет мне засвидетельствовать. А затем я знаю Ржевского. Это — не такой человек, который легко впадает в экзальтацию. Он не любит признавать превосходство других. Это — человек холодный, эгоист, который способен воодушевляться стремлением к добру лишь постольку, поскольку оно совпадает с его собственною пользою и с его личными интересами. Это — человек, кото-

* Слова «Ржевский» и «Любаша» по-русски в оригинале.

рый жалуется на то, что поставлен в такое положение, при котором он не может иметь нравственной жизни, так как принужден ее убивать под гнетом практического существования, но который неспособен иметь нравственную жизнь, который может только по-обезьяньи перенимать чувство, а не переживать его.

То, что я говорю, Варинька, резко, но необходимо. Мое письмо должно быть на уровне обстоятельств. Поверь мне, Варинька, это — не преувеличение: мы, мужчины, понимаем друг друга гораздо лучше, чем вы способны нас понять. Нет ничего легче, чем обмануть женщину, так как она всегда склонна видеть вещи в розовом свете. А затем, дорогая моя, вы должны приучиться к тому, чтобы не смотреть на меня больше как на ребенка и не думать, что я смотрю на все сквозь призму своих страстей. Поверь мне, дорогая Варинька, и ты обязана не относиться легкомысленно к моему мнению, ибо мы обсуждаем дело, одинаково глубоко интересующее нас обоих, а я становлюсь очень проницательным, когда дело идет о предмете, дорогом моему сердцу.

И вот я узнаю, что он написал тебе письмо и сделал это, не сказав мне ни слова, несмотря на откровенный разговор, который он вчера вел со мною. Цель его ясна. Он претендует на руку Любаши. Моя же цель заключается в том, чтобы помешать осуществлению всех его проектов и всех маневров, которые он пускает в ход для достижения своей цели. У меня есть для этого очень простое средство, а именно заявить ему, что я этого не хочу. Я ручаюсь за то, что он не поступит вопреки моей воле, но это — средство слишком резкое, которое я вправе буду употребить только за отсутствием всякого другого средства. Чтобы он женился на Любаше! Но это значит ее убить, ее, столь нежную, столь слабую, для которой чувство, тонкость чувства столь же необходимы, как воздух. Я знаю, что наши родители будут очень этим довольны. Ржевский — человек умный, умеющий устраивать свои дела: для наших родителей это — идеал мужа. Но неужели Любинька, бедная Любинька снова станет жертвою ложной идеи наших родителей? Нет, этого не может быть и этого не будет, я ручаюсь в этом. И это — не пустая бравада, Варинька, это — голос сердца, голос сердца, умеющего любить, это — голос воли, непоколебимой, когда она освящена глубоким убеждением.

Варинька, я возвращаюсь к тебе, я требую, чтобы ты обра-

тилась на самое себя. Я не должен был бы этого делать, но это в первый и последний раз. Варинька, ты знаешь, что такое брак, тебе знакомы его последствия, ты знаешь все жертвы, которые жена приносит своему мужу. Любинька не может знать условий брака, она не предчувствует тех ужасных страданий и тех ужасающих унижений, которые испытывает жена ради мужа, страданий, выносимых лишь ради любимого человека, которому жена приносит в жертву все — и скромность, и стыдливость, ибо любящая жена живет уже не для себя. Жизнь любимого человека становится ее жизнью, его счастье — ее счастьем, даже его удовольствия — ее удовольствиями. Но выйти за человека, которого не любишь, вступить в брак по расчету, даже если не испытываешь к нему отвращения, даже когда он заслужил твое уважение, — о, это ужасно! Невинную и чистую молодую девушку, богатую своими чувствами, внутренняя жизнь которой представляет гармоническое сочетание прекраснейших мыслей, мягких и чистых образов, блестящих упований на будущее, величайшее счастье которой сводится к передаче всего ощущаемого ею блаженства любимому человеку, — эту девушку вдруг бросают в объятия мужчины, к которому она не питает никакой симпатии, в объятия мужчины, который, не будучи способен оценить сердце женщины, начинает с того, что приносит его в жертву грубости своей скотской страсти, который, будучи неспособен к сладостному чувству, необходимому для счастья любящей женщины, постепенно отнимает у нее одну за другою все ее надежды, все ее приятные иллюзии, составлявшие ее внутреннюю жизнь, ее религию, ее нравственную жизнь, который наконец ввергает ее в ужасающую действительность, — и там, скованная долгом, мертвая для всякого упования, окруженная во всякий момент личностью своего мужа, который должен стать для нее нестерпимым, — не будет ли она самым несчастным на земле существом? Варинька, ты все это знаешь, ты по каплям выпила эту чашу страданий и ужасающих унижений. Но ты теперь вознаграждена за все. У тебя есть сын, у тебя есть другое я. Ты будешь счастлива дать ему другую жизнь, более прекрасную и более полную, ты увидишь, как его сердце бьется любовью к тебе, к богу, ты передашь ему твою религию, все сокровища твоей пылкой души, ты сформируешь его для человечества, он станет достойным его, он будет человеком! О, Варинька, это — источник счастья, бесконечных наслаждений. Я понимаю, ты не нуждаешь-

ся в другой нравственной жизни, ибо эта заполнит все твое существование. Но что ты пережила до сих пор, от каких унижений, горестей и разочарований уберег тебя твой муж, добрый, но слабый и испорченный ложным воспитанием? Жестоко, Варинька, напоминать тебе обо всех этих страданиях, но я бы не сделал этого, если бы речь шла не о счастьи Любиньки. У тебя твердый характер, ты сумела затаить все в себе, твое здоровье и твоя физическая сила это дозволили. Но Любаша, столь слабая, что всякий пустяк ее расстраивает, выдержит ли она такую жизнь, и должны ли мы позволить ей пережить это испытание? Нет, Варинька, это не может и не должно случиться и, повторяю, этого никогда не будет. Ни одна из моих сестер не выйдет замуж по рассудку: вот долг, святое призвание, которое я признаю, вот как я понимаю обязанность покровителя своих сестер, которых я умею любить, которых я обожаю. Варинька, верь мне, это — не фразы, но выражение сердца, ах, сердца, которое живет только любовью. Ах, если бы ты знала, как оно бьется в этот момент, ты бы поверила в мою искренность, в мою любовь, в мою бесконечную преданность. Брак по рассудку есть проституция, и я спокойно буду взирать со скрещенными руками, как их будут отдавать согласно практической и (как ее называют) христианской философии в руки первого встречного, в руки ничтожных людей, неспособных их понять! Но неужели же брак является столь необходимою вещью и разве кроме этого жалкого средства проституции у них не найдется других средств к существованию? Мне придется немного получить в наследство от моего отца, но я не хочу и этого. Берите все, дорогие друзья, будьте только счастливы, вот о чем я вас прошу, вот что вы обязаны сделать для меня. Я не прошу вашей дружбы, я не сумел ее заслужить, я, быть может, ее и не заслуживаю... Ах, Варинька, я — не холодный эгоист, горячая кровь течет в моих жилах, вы меня не поймете, будьте только счастливы. Варинька, будь поддержкою моих сестер, замени для них провидение. Тебе они станут верить, они тебя любят. Я не пользуюсь их доверием, в меня они не верят, я, видишь ли, слишком безумен, чтобы рассуждать р а с с у д и т е л ь н о, и я со страхом вижу, что они заключили себя в эту рассудительную сферу, они этого не знают, они даже не замечают ее влияния. Но я снова отвлекся от своего предмета. Если Ржевский * еще не сделал предложения в письме, то он это сделает, это

* Слово «Ржевский» по-русски в оригинале.

несомненно. Меня легко не... *. Смотри же, Варинька, не поддавайся, будь так же откровенна со мною, как я был с тобою, ибо я раскрыл тебе все мое сердце. Ты хорошо понимаешь, что это письмо должно остаться между нами двумя. Ты его не показывай, я тебе это запрещаю.

Твой брат
М. Бакунин.

Вот мой адрес: у Стретенских ворот, на бульваре, в доме Ефремова **.

Перевод с французского.

№ 88. — Письмо сестрам Беер.

[Февраль 1836 года. Москва.]

Дорогие друзья!

Давно уже вы не доставляли мне радости столь чистой и столь истинной, как та, какую доставили мне сегодня ваши письма. Не знаю, будет ли это долго продолжаться, но чувствую, что в настоящий момент наши отношения таковы, какими я хотел бы видеть их всегда. Во всяком случае они истинны и чистосердечны с обеих сторон.

Александрина, одно только слово. Я не обманулся на Ваш счет. Я понял Вас лучше, чем Вы это думаете. Не обращайте внимания на такие бессмысленные слова и на такие эпитеты, как «мадемуазель» и т. п., которые я произношу без всякой задней мысли. Поверьте хоть раз целиком моим словам. Я Вас люблю, я Вас понимаю, Александрина, моя дружба к Вам и к Наталии совершенно одинакова. И это — дружба не слабая, не узкая, она широка, и только от нас зависит сделать ее еще более широкою.

Дорогие друзья, вы требуете от меня доверия. Я уже вам его дал, и если я еще не говорю с вами, то, значит, время для этого еще не наступило. Доверие существует для того, чтобы выражаться. Ему нужен лишь момент излияния, который несомненно наступит. Я ухватываюсь с большою радостью за сделанное мне вами предложение читать вместе с вами Фихте. Да ведь

---

* Здесь пропущено какое-то слово, по всей вероятности «проведешь»
** Адрес по-русски в оригинале.

это — счастье, и я предлагаю вам делать это два раза в неделю вместо одного раза, как вы этого хотели. Я буду приходить к вам по четвергам и по воскресеньям в 7 часов вечера, так как мы будем устраивать эти чтения у вас и, разумеется, когда никого не будет.

Спасибо, большое спасибо за сегодняшние письма, мои очаровательные друзья.

М. Бакунин.

Никто не видел ваших писем.

Перевод с французского.

№ 89.— Письмо сестре Варваре.

24 февраля 1836 года. Москва.

Дорогая Варинька!

Промежуток времени между получением твоего письма и отправлением этого письма был чрезвычайно богат событиями, событиями, которые будут для вас неприятны и от описания которых я должен был бы тебя избавить. Одно только заставляет меня сделать это, а именно — необходимость доказать вам, как трудно женщинам понять мужчин и как они должны быть осторожны в отношениях к ним и особенно в степени откровенности с ними. Само собою разумеется, что это письмо и все обстоятельства, которые будут в нем изложены, останутся неизвестными родителям. Я думаю даже, что было бы бесполезно упоминать о них сестрам. Впрочем, делай, как ты сочтешь нужным, а так как все уже кончено, то ты можешь даже показать им мое первое письмо.

Перехожу к фактам. Ты знаешь из моего первого письма, что, Ржевский *, несмотря на всю свою осторожность, не мог обмануть меня насчет искреннего смысла своих притязаний и своей дружбы ко мне. Я излагаю тебе откровенно мои мысли и мои чувства, и ты увидишь по дальнейшему изложению, что я не ошибаюсь и что то, что я тебе предсказывал, совершилось. В моем рассказе я буду соблюдать самую строгую хронологическую точность, чтобы облегчить тебе понимание связи между причинами и следствиями и чтобы показать тебе вещи в их истинном свете.

---

* Владимир Константинович.

Мое первое письмо помечено вторником. В ожидании твоего ответа я не терял из виду г. Ржевского. Беры, видя, что их сдержанность может только оттянуть дело, но вместе с тем неизбежно должна будет усугубить зло, дали мне слово сообщать мне все, что они узнают по этому предмету. Они передали мне содержание своих бесед с Ржевским, и в разное время я узнал, что г. Ржевский уверен в своем успехе. Вот небольшая выдержка из его собственных слов: «Если любовь к Станкевичу помешает исполнению моего желания, то я постараюсь достичь до оного всеми физическими и нравственными силами» *.

На первый раз довольно. Одна эта фраза в достаточной мере способна сорвать с него маску. Я посмеялся над его хвастовством и ждал только твоего письма, чтобы решить, как мне держаться и действовать. Ты наверное знаешь, что я бо́льшую часть времени провожу у Станкевича. В пятницу после обеда я спокойно лежал у него и читал сочинение Фихте, когда неожиданно был прерван появлением г. Ржевского (нужно тебе сказать, что, несмотря на свою ненависть к Станкевичу, он до сих пор очень часто приходит к нему). Он заявил мне, что Беры получили письма и что он сам получил одно. На мой вопрос «от кого?» он ответил, что это — письмо от его орловского управляющего. Я догадался, что это — письмо из Твери и что он нарочно пришел для того, чтобы со мною о нем поговорить, но что присутствие Станкевича помешало ему выполнить свое намерение. Но у меня нехватает терпения рассказывать вам обо всех этих курьезных приключениях. Сообщу вам о них в немногих словах.

В пятницу Ржевский дал мне прочесть письмо Любащи. Он стал бранить Станкевича, я заставил его замолчать. Он велел подать кофе, начал разыгрывать отчаявшегося человека, и мы расстались довольно холодно.

С у б б о т а. Утром я получил письмо от тебя, в котором ты говоришь об энтузиазме Ржевского к Станкевичу. После обеда я узнал, что Ржевский получил второе письмо от тебя, что он пришел в ярость и заявил Беерам, что пойдет к Станкевичу для того, чтобы назвать его негодяем и показать ему оба письма. «Я затопчу его» **—вот как он выразился. Мне удалось убедить Станкевича не принимать его и притом без объяснения причин.

---

* Слово Ржевского по-русски в оригинале.

** Эти слова по-русски в оригинале.

А вечером я пошел к Ржевскому и вызвал его на дуэль. Он отказался*. Я ему сказал, что он — подлец, приказал ему прервать все отношения с семейством моим, он стал бранить своих сестер **, я с него взял честное слово оставить их дом, запретил ему со мной встречаться, приказал ему прервать знакомство с Станкевичем и кончил разговор словом подлеца.

Воскресенье. Поутру я получил от него письмо, здесь приложенное. Он не сдержал слова и говорил с Бееровыми. Я ему написал, что он — подлец, что я его презираю и что если он письменно не [зачеркнуто: даст мне слова] повторит своих обещаний, то я его решительными мерами заставлю дать мне удовлетворение. [Зачеркнуто: Он согласился].

Ефремов свез ему мое письмо распечатанным, и когда ему Ефремов сказал, что он письмо это читал, то он согласился на дуэль. Я через Ефремова же назначил место и время, оружием — пистолеты, а расстояние—пять шагов. Он употребил все средства, чтобы отстранить дуэль, дал знать Бееровым. Тут пошли трагедии и комедии. Наталья приехала к нам, к Келлеровым; мы ее уговорили, уверили, что ничего не будет. Тут Ржевский, видя, что придется драться и драться на смерть, без секундантов, которые могли бы отстранить дуэль, согласился на мои условия и обещал письменно с Бееровыми ни о чем не говорить, с моим семейством прекратить все возможные сношения, со мной не быть знакомым, прося только, чтобы я подтвердил, что Бееровы не от него о дуэли узнали и что он на мой вызов согласился.

Я написал, что он на вторичный вызов согласен, и что откуда Бееровы узнали, мне неизвестно. Итак дуэль не состоялась.

Вот тебе, милая Варинька, и наш водевиль. Не все же Сологубу*** отличаться.

Прощай, милая Варинька.

Брат твой

Михаил Бакунин.

Я ничего не скажу тебе о своих делах. Ты читала мое письмо к отцу— я не изменяю и не изменю своего решения. Отец может находить в моем письме эгоизм. Пусть думает, как ему угодно. Я больше защищаться не стану. Я чувствую только, что

---

* Дальше письмо писано по-русски.

** Повидимому сестер Беер, т. е. двоюродных сестер Ржевского.

*** Владимир Александрович[1]

оно продиктовано не эгоизмом. Станкевич не знает, что он сыграл известную роль во всей этой истории. Ржевский отправляется со Строгановым * на два месяца в поездку по нескольким губерниям. Я надеюсь, что он проездом через Тверь не явится уже к нам — примите все меры, какие вам угодно, к тому, чтобы его к нам не приглашали. Я не отвечаю ни за что.

Отсылаю вам оба ваши письма, отобранные мною у Ржевского **.

№ 90.— Письмо сестрам Татьяне и Варваре.

28 февраля 1836 [года]. Москва, 12 часов ночи.

Друзья мои, Танюша и Варинька! Ефремов и Красов ложатся спать; мы только что приехали от Бееровых, и я один в комнате; сижу и пишу. Пишу не по обязанности, нет, а по необходимости, по невозможности не писать вам. Долго я силился, долго таил чувства свои — я полагал, что человеческое достоинство требовало от меня этого молчания; может быть, я не ошибался, но теперь я не могу более молчать, чувство поневоле вырывается из груди моей — я перешел за полосу жизни, для меня настало поприще деятельности; душа моя, доселе бывшая в каком-то усыплении, проснулась, заволновалась, все струны издали звуки, я много перечувствовал, много передумал и много, много пережил в это время. Так для меня настала новая жизнь; будущее мрачно, таинственно — мало утешительных надежд! Но на душе светло, ясно; я сознал себя, я никогда еще не сознавал себя так верно, так определительно, как теперь.

Человек, который не страдал, не жил; одно только страдание может привести к сознанию жизни, и если счастье есть полное сознание жизни, то страдание есть также необходимое условие счастья. Не страдание безответное, бессознательное, апатическое, нет, но страдание с сознанием своей человеческости, страдание, происходящее от беспредельности целей и желаний и конечности способов к удовлетворению и достижению их. Все это время во мне происходило сильное борение. Я начинал удостоверяться, что жизнь внешняя не должна быть целью даже практической деятельности человека; но не так легко от нее отречься; душа

---

* Сергей Григорьевич, граф [2].

** Приписка после подписи снова по-французски в оригинале.

иногда так слаба, что не умеет довольствоваться внутренним сознанием своего достоинства, так слаба, что иногда требует наград от внешнего мира. Трудно, тяжело разбивать друг за другом все эти фантастические образы, которые составляют поэтическую сторону жизни, в которые так прекрасно, так гармонично слились оба элемента всеобщей жизни — духовная и внешняя. Но наконец я дошел до этого, я сознал всю пустоту этих желаний, я сознал, что вне духовного мира нет истинной жизни, что душа должна быть собственною своею целью, что она не должна иметь другой цели. Путь, может быть, безотрадный, но зато достойный человека!

О, я много выстрадал в это время, много потерял очарований — тем лучше; чем менее их, тем путь вернее, чем менее человек зависит от внешнего мира, тем более ему доступнее внутренний. Все, что я сказал, может выразиться очень простою формулою: не ждать чудес от внешнего мира. О, это необходимо, необходимо для усовершенствования духовной жизни. Должно оторвать себя от законов света, и я начинаю тем, что решился не делать шагу для успеха в своей политической жизни и жить покамест преподаванием математики. Итак я для света — ничтожное творение, нуль, учитель математики, а для себя собственно, для друзей, меня понимающих, я стал гораздо выше прежнего, я убил мелкий эгоизм самосохранения, я стряхнул с себя иго предрассудков, я — человек! [1].

Суббота, 29-го февраля. Утро. Вчера вечером я расфантазировался — схватил Фихте [2] «Die Anweisung zum seligen Leben» * и читал часов до трех. Вот его основная мысль:

Das Leben ist Liebe, und die ganze Form und Kraft des Lebens besteht in der Liebe und entsteht aus der Liebe. Offenbare mir, was du warhaftig liebst, was du mit deinem ganzen Sehnen suchst und anstrebest, wenn du den wahren Genutz deiner selbst zu finden hoffest — und du hast mir dadurch dein Leben gedeutet. Was du liebest, das lebest du**.

Он говорит, что есть много людей, которые затрудняются от-

---

* «Наставление к блаженной жизни». В оригинале написано «seeligen» вместо «seligen».

** «Жизнь это — любовь, а вся форма и сила жизни заключается в любви и вытекает из любви. Открой мне, что ты действительно любишь, чего ты ищешь и к чему стремишься со всей страстью, когда надеешься найти истинное самоуслаждение, — и этим ты открыл мне свою жизнь. Что ты любишь, тем ты и живешь».

ветить на этот вопрос, которые сами не знают, что они любят. Это оттого, прибавляет он, что они ничего не любят, что они не живут. Итак любить, действовать под влиянием какой-нибудь мысли, согретой чувством, — вот задача жизни. Но что любить и как любить, что значит любить? Как часто употребляется это слово и как часто оно профанируется тем мелким значением, которое ему дают! Что такое любовь в свете? Чувство взаимной пользы, облеченное в тридцать две китайские учтивости. Что значит для нас любовь к отечеству? Холодная, затверженная из Карамзина фраза без всякого настоящего значения. Что значит любовь к человечеству? Затверженные слова евангелия: «любите друг друга как самих себя». Любовь к науке? Желание прослыть ученым. Любовь семейственная? Привычка и обязанности. Любовь к богу? Боязнь ада и желание рая.

Вот вам любовь нашего общества, вот вам и жизнь его; и ему-то, по мнению батюшки, я должен жертвовать собой! Вот слова его: «Я напоминал тебе, когда ты запирался по целым дням с трубкой и книгами, о приличиях, которые всеми б л а г о в о с п и т а н н ы м и людьми наблюдаются и без которых никакое общество существовать не может». А что мне до его существования? О, пусть оно падает, я ни шагу не сделаю для того, чтобы поддержать его! Вы читали письмо отца [3]; оно меня навсегда оторвало от семейства — и тут, поверьте, не самолюбие действует, нет, а оскорбленное чувство. И моя ли вина, что я не мог обрезать свою душу условиями привычки, приличий и обязанности? Моя ли вина, что я в семействе искал истинного чувства, а нашел только чувство, задавленное догматизмом, чувство, подведенное под правила риторики? Я того и жду что, у нас в семействе издадут огромное сочинение о законах любви, примененных к обязанностям, об уравновешивании действий чувства посредством приличий. И скоро, скоро, поверьте мне, оно умрет под вашим догматизмом, и вместо горячего чувства останутся холодные формулы и правила, как действовать во всех случаях! Я не сержусь, я не горячусь более, нет, но я глубоко оскорблен. Одно только семейство соединяло меня с внешним миром, и эта последняя точка соединения разрушилась. Так я навсегда оторвался от света, от общества; я — простой математический учитель; пора домой, пора сосредоточиться!

Итак цель жизни, предмет истинной любви — бог. Не тот

бог, которому молятся в церквах, не тот, которому думают нравиться унижением перед ним; не тот, который отдельно от мира судит живых и мертвых, нет, но тот, который живет в человечестве; тот, который возвышается с возвышением человека; тот, который языком Иисуса Христа произнес священные слова евангелия; тот, который говорит в поэте. Поверьте мне, друзья мои, я — не скептик, вера моя не слабее вашей, но мой бог выше вашего, и он-то составляет теперь единственную цель мою. Поймете ли вы меня, не знаю, но не стану более распространяться об этом.

Что же такое после этого дружба, чувство любви к женщине? Это — соединение душ, это — слияние чувств выстраданных. Кто не страдал, тот не может любить, тот не может быть счастлив. Еще раз: поймете ли вы меня, не знаю. Но довольно об этом. Я много сказал, если вы меня поймете, и очень мало — в противном случае *.

Перед тем как расстаться, я хотел исповедаться перед вами, так как мы долго не увидимся. Я не могу больше жить в семье, это невозможно. Мне нужна личная свобода. И перед тем как расстаться, я хотел вам дать о себе более верное понятие, чем то, которое вы до сих пор могли обо мне иметь.

Прощайте же, мои добрые друзья. Будьте счастливы и не забывайте брата, который, верьте мне, умеет любить и любит вас очень нежно.

М. Бакунин.

Ржевский ** стал совершенно жалок после нашего разрыва с ним. Он не смеет с нами встречаться. Александра *** замышляет его обращение. Дай бог, чтобы ей это удалось, но я сильно в этом сомневаюсь. Дом Бееровых это — единственный, где я бываю. Я буду видеться с ними часто: их общество сделалось для меня необходимостью. Пишите им. Ваше молчание сильно их огорчает.

NB. — Пожалуйста, пришлите мне оба тома Гофмана ****. Скажите Алексею *****, что я скоро ему напишу. Я попрошу его

---

* Дальше по-французски в оригинале.
** Владимир.
*** Беер.
**** Эрнст Теодор Амедей [4].
***** Беер.

переслать мне все книги, находящиеся в моем шкапу, кроме книг батюшки, Теплякова и Лажечникова. Гофмана просит Станкевич *.

№ 91.—Письмо отцу.

1836. Суббота, 29-го февраля, Москва.

Любезный батюшка!

Почти неделя прошла с тех пор, как я получил Ваши письма [1]; я долго не отвечал; они меня расстроили, и я долго не решался браться за перо, боясь сказать слишком много. Теперь я немного успокоился и хладнокровнее могу писать вам. Сердце мое слишком глубоко ранено для того, чтобы оно могло успокоиться совершенно; но ко всему можно привыкнуть, и я также немного привык к неприятному своему отношению к семейству. Вы правы, любезный батюшка, слова ничего не доказывают, одно только истинное чувство, не закованное еще в догматические формы, может дать им цену. Рассудок требует дел; в таком случае доверие не есть уже чувство, понимающее другое чувство прямо, без фактических доказательств, нет, доверие рассудка— другого рода: оно требует фактов. Я думал, что говорил чувству, а говорил рассудку — вот в чем состояла моя ошибка. Одно только время может оправдать меня, и я должен оставить все попытки до первого удобного случая.

Все письмо Ваше показалось мне несправедливым, но две вещи особенно остались для меня непонятными: 1) Нападки Ваши на моих друзей; 2) упрек в хитрости и гнев Ваш на Беера **.

Я не знаю, что Вы называете философической дружбой, и почему Вам кажется так подозрительна дружба молодых людей, соединенных общим чувством [2]. Правда, дружба эта не основана на привычке; но мне кажется, что связь привычки не может быть так прочна, так благородна, как связь чувства. Вы, может быть, отвергаете в нас и чувство; тогда мне остается только молчать — доказательства были бы излишними. Особенных философических систем у нас нет, а следовательно и ссориться и ненавидеть друг друга нам не из чего.

---

* Последние два слова по-русски в оригинале.
** Алексея.

Что же касается до моей хитрости, то я до сих пор не понимаю, в чем она состояла. Не понимаю, какое влияние мог иметь отъезд Беера на мой отъезд. Может быть, Вы думали, что я об нем хлопотал для того, чтобы после занять у него денег? Ваше мнение обо мне так худо, что и это предположение могло показаться Вам справедливым. Сомнение это я разрушу одним словом: деньги я брал не у него, а у другого [3]. Его я назвал для того, чтобы не называть другого. Если же Вы сердитесь на Беера за то, что он меня не удержал в Твери, то и это несправедливо: Беер слишком хорошо знает, что трудно меня отговорить от того, на что я раз уже решился; несмотря на это, он сделал попытку и, разумеется, бесполезную.

Теперь мне остается поблагодарить Вас, любезный батюшка, за позволение, Вами мне данное, давать здесь уроки. Через день или два я начну свое новое поприще [4] и, как кажется, под предзнаменованиями довольно счастливыми. Графу Толстому * я написал и благодарил за предложение.

Целую Ваши и маменьки ручки и остаюсь

сын Ваш

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 92. — Письмо сестрам Беер.

[Февраль. 1836 года. Москва.]

Мои дорогие друзья!

Мое сердце, моя дружба принадлежат вам. То, что я отдал раз, я не могу отнять обратно, ибо я даю лишь тогда, когда для меня невозможно не давать. Все, что есть во мне, идет вперед вместе со мною. Поэтому моя дружба к вам, это святое и священное чувство, составляющее часть моей жизни, являющееся до сих пор пожалуй главным ее выражением, не могло ослабеть. Оно выросло, оно стало гораздо более сильным. Поднять вас до себя стало для меня необходимостью, ибо это — единственное условие для того, чтобы моя дружба к вам стала эгоистиче-

---

* Александру Петровичу [5].

скою. Именно ваше возвышение доставляло мне до сих пор наслаждение. Да, мои дорогие друзья, вы сильно изменились с тех пор, как я с вами познакомился, вы стали более святыми. Я знаю теперь, что ваша дружба ко мне действительна, и я начинаю вкушать ее действительные плоды.

Моя вчерашняя грусть, мое вчерашнее поведение, которое вы нашли странным, имели внутреннюю причину. Я был печален, и причины этого лежали во мне самом. Это был один из тех моментов уныния, которые время от времени нарушают силы и гармонию, царящие в душе. Моя грусть вытекает из одного из самых скрытых источников моей души. Мне приходится много трудиться и много страдать, мои дорогие друзья. Помогите мне, согрейте меня тою истинною, сильною и святою дружбою, которой я так настойчиво от вас домогался. Вы часто не обращали внимания на мои призывы. Вы их не понимали, и я умолкал до нового, более благоприятного случая. Поверьте мне, дорогие друзья, сила больше нуждается в дружбе, чем слабость, ибо сила страдает и действует молча и лишь в редких случаях говорит о себе. Она изливает свои горести и радости лишь в крепкие сосуды, лишь в такие сосуды, которые сохранят их столь же священными и чистыми, какими они туда влились.

Будем же страдать, мои дорогие друзья, но обретем в наших страданиях свое счастье. Счастье заключается лишь в возвышенном, а возвышенное лишь в силе, которая страдает, не жалуясь, и которая действует, не останавливаясь. Искать утешения в вашей дружбе — это не значит быть слабым, а стать более сильным. Вот основа объединяющей нас священной дружбы — страдание, сила, спокойствие и деятельность, освященные глубочайшим молчанием, скрытые невидимою завесою от всех тех, кто способен профанировать их назойливыми взглядами. Верьте же мне, мои дорогие друзья, наша дружба — не от мира сего, и вот почему она никогда не кончится. Пусть же внешние симптомы и видимости утратят отныне всякое влияние на вас. Ничто не разлучит нас.

Ваш друг

М. Бакунин.

Федор * собирается уезжать. Это — благородный юноша. В нем больше твердости, чем я мог когда-либо предполагать.

* Ржевский. «Федор» в оригинале по-русски.

Мы дали друг другу слово обмениваться письмами. Его отъезд принесет ему большую пользу, ибо всякая благородная и энергичная деятельность возвышает душу и дает ей силы для предстоящих боев.

Перевод с французского.

№ 93. — Письмо сестрам Беер.

[Февраль 1836 года. Москва.]

Спасибо за последние письма, мои добрые, мои превосходные друзья! Мои сестры счастливы, и их счастье вечно, ибо его источник в них самих. Вот, Наталия, то, чего, как мне кажется, я до сих пор еще не нашел в Вас. Это — то счастье, та внутренняя вера, которую я назвал религиозною. Так вот я ошибся. Простите же, дорогие друзья. У меня не было намерения вас огорчить. Бог свидетель, что не дурные чувства побуждали меня сказать вам все то, что я вам сказал. Мне показалось, что я заметил наличие эгоизма в том душевном состоянии, в котором вы пребывали в эти дни, и я не мог удержаться от того, чтобы вам это откровенно не высказать. Я ошибся, я вас огорчил. В этом я раскаиваюсь, в другой раз я постараюсь быть более наблюдательным. Неужели вы еще долго будете на меня сердиться?

Вы требуете от меня, чтобы я перестал Вам говорить о Вас. Я должен Вам повиноваться. Я подчиняюсь. Я заставлю умолкнуть чувство, которое захочет излиться из моих уст. Вы будете довольны мною, но что станется с нашею дружбою? С тою дружбою, которую я надеялся увидеть столь прекрасною, столь возвышенною? Или же Вы уже в нее не верите и в ней уже не чувствуете нужды? Тогда скажите мне это, Наталия. Возможно даже, что и мое присутствие, столь часто повторяющееся, Вам неприятно [1], — скажите мне это откровенно, Наталия. Этим Вы совершите хороший поступок. Вы отнимете у меня, быть может, последнюю радость моей жизни, Вы разрушите мою последнюю иллюзию — сделайте это, Наталия, если этою ценою может быть куплено Ваше спокойствие. Теперь я силен, я могу все вынести, я всегда буду Вас благословлять.

А Вы, моя милая Александрина, Вы не сомневаетесь во мне, я Вас не стесняю, не правда ли? Если это так, скажите.

Мне нужно слышать Ваш голос, так как целый мир сомнений начинает меня обволакивать и давить.

М. Бакунин.

Посылаю вам третий том Карамзина [ ].

Перевод с французского.

№ 94.—Письмо Наталье Беер.

[Конец февраля или начало марта 1836 года. Москва.]

Милая Наталия!

Я понимаю все, я сочувствую всему больше, чем Вы думаете, больше, чем Вы можете думать. Верьте мне, у меня нет самонадеянности хлыща, но я убежден в моих чувствах к Вам, убежден во всем, что я могу сделать. Моя любовь к человечеству составляет мою религию, моя любовь к Вам — мою индивидуальность, мой личный эгоизм. Отныне Вы ничего не можете предпринять по отношению к самой себе, не предпринимая этого и для меня. Значит Вы не вправе это делать и не станете этого делать, не правда ли, милый друг? Обещайте мне это. Сегодня я Вам напишу.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 95.—Письмо Наталье Беер.

[Конец февраля или начало марта 1836 года. Москва.]

Дорогой, милый друг, Вы сделаете все для меня, говорите Вы, и ничего для себя. Поезжайте же в Попово. Ваши сомнения причинили мне много страданий в течение всего этого времени. Вознаградите меня за все эти страдания своим отъездом в Попово, хотя бы он стоил Вам дорого. Сделайте это для меня, очаровательный друг. У меня не будет ни минуты спокойной, если Вы поедете в Шашкино. Вы должны мне верить, потому что мое сердце говорит Вашему. Сделайте это, Наталия, и немедленно отвечайте мне раз навсегда решительным «да».

Ваш друг

М. Б[акунин].

Перевод с французского.

№ 96. — Письмо сестре Татьяне.

8 марта 1836 года. Москва.

Спасибо, моя добрая, моя чудная Танюша, за твое письмо. Оно доставило мне настоящее наслаждение. Оно заставило меня пережить моменты истинного счастья, и от всего сердца благодарю тебя за это, мой очаровательный друг. Давно уже я не испытывал такого чудесного наслаждения, и именно ты вернула мне на некоторое время ту священную гармонию души, когда она открыта всем впечатлениям, когда она находит в жизни всей вселенной [неразборчивое слово; возможно: эхо] своего собственного существования. Спасибо же снова, спасибо, моя обожаемая Танюша. О, я больше в тебе не сомневаюсь. Ничто не сможет отныне поколебать моего доверия к тебе, и если случайно оно поколеблется, мне нужно будет только перечитать твое письмо, чтобы успокоиться и прогнать всякую мысль о недоверии [зачеркнуто несколько слов].

Все обстоятельства, предшествовавшие и последовавшие за моим отъездом в Москву, причинили мне много страданий. Я сомневался во всем, я не мог верить в привязанность, в дружбу, которая не была основана на глубоком взаимном понимании. Я не мог верить в чувство, перевешиваемое рассудком, в чувство, не носившее характер необходимости, — в то, что, по моему, я нашел в вас. Я не говорил, что вы неспособны любить, но я говорил себе, что я не сумел заслужить вашу любовь. Я говорил себе, что недостаточно быть братом и сестрами для того, чтобы любить друг друга, что привязанность должна быть освящена чувством более благородным, чем привычка, симпатиею сердец, и что этой симпатии не было в вас. Я не говорил себе, что я не заслужил этой симпатии, ибо такие вещи не приобретаются и не заслуживаются. Это — самопроизвольное движение сердца, причину которого мы напрасно пытались бы определить. В результате всех этих обескураживающих мыслей я говорил себе, что ваша дружба ко мне отнюдь не была ответом на пылкую потребность моего сердца любить и быть любимым; что это скорее был внушенный катехизисом долг, прикрашенный чувством, и это меня возмущало, а так как я не нашел пищи, которой искал, я хотел стряхнуть с себя иго тех ненавистных обязанностей, которые, не будучи освящены чувством, были лишь

позорными цепями, недостойными человека в истинном смысле этого слова. Я сбросил их с себя и уехал из Твери. Я не мог там больше оставаться, я стал добычею апатии и горячки.

Ты не поймешь меня, мой милый друг, ты не поймешь всех этих нравственных страданий. Это был момент кризиса. Мне нужно было на что-нибудь решиться: или стать человеком согласно моим мыслям, или же пожертвовать всем для своей семьи, для того чтобы жить ее счастьем, ее любовью. ее будущим. Но меня не поняли. Из меня пытались сделать героя общества, порядочного человека, какого-то Салогуба *, и я уехал, ибо я ни к чему не был способен, я ничего не мог сделать для семьи, которая меня не уважала. Я писал, я старался заставить себя понять, но меня отвергли и усомнились в моей искренности. Я еще готов был вернуться служить в Тверь, но этого не захотели, и я решил остаться в Москве.

Боюсь, моя дорогая, что, читая мое письмо, ты подумаешь, что я и теперь еще отчасти нахожусь в состоянии той нравственной горячки, о которой я тебе говорю. Нет, мой дорогой друг, я теперь совершенно спокоен. Вчера вечером я набросал первые строки и, заметив, что мое настроение готово продиктовать мне возбужденное письмо, я сдержал себя и снова засел за писание в 5 часов утра.

Я начал вести трудовую жизнь. Я много работаю, делаю большие успехи, я в своей сфере, я живу. Большую часть своего времени я провожу у Станкевича. Мы вместе занимаемся историею и философиею. По вечерам я теперь перевожу с 10 часов до 1 часа или 2 часов несколько лекций Фихте о назначении ученых, лекций, полных увлечения, пыла и святого энтузиазма. Эти лекции будут напечатаны в «Телескопе» [2]. Вот как будет распределяться мое время: я встаю в пять и работаю до полудня, с полудня до 4 часов я даю уроки, а затем я снова свободен. Я напишу отцу, когда начну давать уроки, что случится через несколько дней. Несколько человек стараются найти ** их для меня, и успех обеспечен.

Итак, мой дорогой друг, вот я и водворился в Москве. За неделю-другую до моего отъезда из Твери знал ли я о том, что

---

* Владимир Александрович (фамилия его писалась различно: Салогуб и Сол(л)огуб) [1].

** В подлиннике явная описка: написано prouver (доказать) вместо trouver (найти).

меня ожидает? В первые две недели пребывания в Москве я не знал даже, что со мною будет. Я допускал еще возможность возвращения в Тверь. Но все к лучшему. Все сомнения, обуревавшие в прежнее время мое сердце, лишь укрепили мое расположение к тебе. Оно непоколебимо, равно как и твое, не правда ли, моя очаровательная сестренка? Итак ты будешь меня любить. Мы будем часто писать друг другу. Знаешь ли, мой дорогой друг, почему наша дружба не могла быть сильною? Она не была основана на полном доверии. Дружба становится возможною лишь при одном условии, а именно при слиянии двух нравственных существований в одно; необходимым органом этого слияния является доверие. Во время моего пребывания в Прямухине я не мог показать тебе нравственной жизни. У меня была лишь нравственная болезнь, созданная ложным положением. Здесь началась моя жизнь, здесь развернулись все способности моей души, здесь я начал дышать свободно. Я нахожусь в своей сфере и, стараясь вернуть себе доверие отца, могу вместе с тем следовать той миссии, которую я считаю указанною мне провидением, и могу наслаждаться дружбою твоею, мой дорогой друг, и дружбою остальных сестер. Очень не хотелось бы [повидимому, пропущено: кончать] еще это письмо. Мне так много нужно еще тебе сказать. Будем писать друг другу чаще, мой дорогой друг. Я напишу тебе еще завтра, когда буду писать остальным сестрам.

Поблагодари отца за его доброту. Константин [3] нужен будет мне после пасхи, когда дела мои устроятся. У г. Мейделя имеется несколько моих книг, кажется, Гердер. Пусть Алексей * их возьмет и пришлет мне. У меня имеется его Conversations-Lexicon, который нужно ему вернуть, равно как и немецкое сочинение по статистике Штейна **, которое ему также нужно вернуть. Нужно взять у Петра Полтор[ацкого] *** Miss-Harlow, чтобы вернуть г. Вихляеву.

Я приеду в Прямухино на месяц в первой половине августа [4].

Прощай, мой прелестный друг.

М. Бакунин.

---

* Беер.

** Сосед Бакуниных.

*** Петр Алексеевич

Перевод с французского.

№ 97. — Письмо сестре Варваре.

Москва, 9 марта 1836 года.

Дорогая Варинька!

Сейчас получил твое письмо. Оно произвело на меня смешанное впечатление и навело меня на размышления. Оно укрепило меня в моих мыслях относительно характера той дружбы, которую вы можете питать ко мне. Что вы любите меня, мои добрые друзья, я в этом больше не сомневаюсь. Ко мне вернулось доверие, которое я питал к вам, прежняя уверенность, которая, должен вам в этом признаться, не вполне меня удовлетворяла. И что покажется вам еще более странным, так это то, что сомнение, владевшее мною в последнее время, было более утешительным, чем моя нынешняя уверенность.

Мое сердце так мало создано для скептицизма, что даже в тот момент, когда все внешние признаки должны были бы убедить меня в вашей холодности, какой-то таинственный голос всегда шептал мне, что сомнения, терзавшие меня в ту минуту, превратятся в полную уверенность. Этот голос говорил мне, что обстоятельства, как будто поколебавшие связывавшую нас дружбу, были необходимы для очищения наших чувств от грязного налета, именуемого привычкою, образовавшегося на них незаметно для нас. Я полагал, что печальные обстоятельства, потрясшие все нравственное существование моего семейства, очистят его от той ржавчины, которою покрыло его слишком продолжительное благополучие, что они вернут ему ту нравственную силу, к которой каждый член семьи, взятый в отдельности, способен и которая постепенно разрушалась под влиянием догматизма, весьма мало христианского, под влиянием здравого смысла, весьма мало осмысленного. И что же из всего этого произошло? Ни одно из моих ожиданий не оправдалось. Когда мои размышления поставили под сомнение дружбу моей семьи ко мне, не ту дружбу по обязанности и по привычке, дружбу по приказу, которую каждый порядочный человек должен питать согласно десяти заповедям, нет, а дружбу, как я ее понимал, симпатию, единение сердец, слияние бесконечных страданий и надежд в единую нравственную жизнь,—так вот, когда мои мысли логически доказали мне отсутствие такого чувства в моем семействе, сердце мое против этого решительно протестовало. Были минуты,

когда я даже обвинял себя в том, что создаю призраки, чтобы ими заполнить бедную и неудавшуюся жизнь. Я говорил себе, что только сердце не лжет, что логика бессильна решать вопросы чувства, а между тем оказалась права логика, которая, будучи применена к нравственным законам, не ошибается.

Понимаете ли вы теперь мою нынешнюю уверенность? Не думай, дорогая Варинька, что во мне говорит желание жаловаться, интересничать. Не думайте, что я притворяюсь с целью заставить вас заговорить более нежно. Нет, моя дорогая, я очень признателен вам за вашу дружбу, ибо эта дружба должна приобретаться делами, а я еще ничем ее пока не заслужил. Хотите ли вы знать, как вы меня любите? Ход моих рассуждений будет последователен, и вы не сумеете ничего на них возразить. В вас живут две жизни: одна человеческая и вместе с тем божественная; это — жизнь любви, священного огня; в ней содержатся все ваши прекраснейшие надежды, все ваши поэтические видения и все мечтания вашей души; эта жизнь, — говорите вы, — не от мира сего. Но у вас есть и другая жизнь, род искусственной жизни: это — все догмы, все формулы житейской мудрости, это — антихристианские трактаты об обязанностях, о высоком и прекрасном, приспособленном к практической жизни. Эта жизнь — к услугам всех; каждый может извлечь оттуда правила на всевозможные случаи. Это — склад практической морали по удешевленной цене, это — нравственность на грош. Эта жизнь, по вашим словам, принадлежит земле. Она должна служить основою всех земных чувств, любви, дружбы, но долга прежде всего. Нужно признаться, что это — весьма действительное средство для согласования чувств и долга. Признайтесь однако, что все эти мизерные добродетельные формулочки в духе мадам Жанлис * представляют весьма жалкое вдохновение, что дружба, связанная лишь с привычкою и догматизмом, есть нечто весьма печальное.

Нет, мой дорогой друг, эти чувства не земные. Они имеют небесное происхождение. Основою их является бесконечность, главною чертою — вечная божественная любовь. Назначение человека — не страдать, скрестя руки, на земле, чтобы заслужить легендарный рай. Его назначение скорее заключается в том, чтобы перенести небо, бога, которого он носит в себе, на нашу

---

* Стефания [1].

землю, возвысить практическую жизнь, поднять землю до неба — вот высокая его миссия. Пусть он станет достойным ее, пусть он одушевляет все свои действия, все свои самые незначительные отношения этою священною чертою. Пусть он изгонит из своей жизни все, что не отвечает его священному происхождению. Понимаете ли вы, что всякая привязанность, основанная на подобном фундаменте, никогда не сможет быть пассивною, что она будет во всякое время одухотворенною, что тогда не будет ничего столь старого, во что она не могла бы вдохнуть новой жизни?

Понимаешь ли ты меня, Варинька?

Прощай.

Дорогой друг, скажи, пожалуйста, Алексею *, чтобы он взял у г. Баньковского **, адъютанта Дохтурова ***, первый том философии Буле ****.

Прощай, мой дорогой друг. Целую тебя крепко и обнимаю дорогого племянника-музыканта *****.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 98. — Письмо сестре Варваре.

[Первая половина марта 1836 года. Москва.]

Милая Варинька! ******

Прочел твое письмо к нашим подругам *******. Одна вещь показалась мне там странною, а именно то, что ты опасаешься лишиться моей дружбы вследствие того, что позволила себе иметь мнение, противное моему. Свобода мнений всегда была моим правилом. Поэтому же, мой дорогой друг, и ты не рассердишься, если я позволю себе высказать мнение, совершенно противное твоему. Ты поддаешься своему чувству, ты надеешься найти в нем все то, что тебе нужно. Можешь поверить мне, дорогой друг, что я весьма горячо желаю исполнения всех твоих надежд. Мне не приходится тебе говорить, что я не только в это не верю, но что я уверен прямо в обратном. Не стану говорить

---

* Беeру.
** Это слово по-русски в оригинале.
*** Это слово также по-русски в оригинале.
**** Иоганн Готлиб [2].
***** Четырехмесячный сын Варвары, Саша.
****** Слово «Варинька» по-русски в оригинале.
******* Сестры Беер.

тебе о твоем муже. Возможно, что ты уже упрекала себя за откровенность со мною на его счет, и, разумеется, не я захочу воспользоваться моментом излияний и воздержусь от всяких рассуждений о нем. Но позволь мне во всяком случае в последний раз напомнить тебе о судьбе твоего сына Александра. Ты хотела сделать из него человека, а что ты хочешь из него сделать сейчас? Разве ты не жертвуешь, быть может, всею его будущностью временному спокойствию своей совести? Ибо, говорю тебе определенно, тебе не удастся изменить своего мужа, он всегда останется таким, какой он есть. Прости меня за эти суждения, друг мой, прости меня за то, что я в этих немногих словах выразил, быть может, крайне неблагоприятное мнение о твоем муже. Но уверяю тебя, милая, что это в последний раз. Впредь я не намерен становиться между тобою и твоею совестью. Слушайся ее голоса, быть может, он принесет тебе счастье, которого не может тебе дать абсолютная и безоговорочная правда, какою она мне представляется. Возможно, что существуют различные организации, и то, что кажется истиною и религиею для одного, отнюдь не является таковым для другого.

Итак, дорогой друг, без дурного чувства и без раздражения я отказываюсь от всех прав на твое неограниченное доверие, которые я себе приписывал. Я освобождаю тебя от данного слова, ибо раз изменилось чувство, то остается теперь одно голое слово.

Что касается советов, которые вы даете нашим подругам, то я громогласно заявляю вам всем, что они не будут приняты во внимание, что я не допущу унижения их достоинства ради капризов лицемерной матери и скота-брата. Только моральное [неразборчивое слово; может быть: «родство»] является вместе с тем человечным. Поверьте мне, дорогие друзья, что не эгоизм заставляет меня действовать таким образом, не он заставляет меня удерживать их. Нет, это нечто совершенное другое. Здесь говорит дружба, которую я к ним питаю, любовь к их достоинству. Нет прав и нет обязанностей, есть только любовь, абсолютная любовь, а там, где есть любовь, нет обязанностей. Долг исключает любовь, а все, что исключает любовь, есть преступление и низость. Для меня не существует родителей, я отрицаю своих, я не нуждаюсь больше в их любви, я не стану выклянчивать ее ценою своего достоинства. Я всегда буду называть низким то, что низко, подлым то, что подло. Я не признаю за

ними никаких прав на себя и ничуть не чувствую себя обязанным пресмыкаться перед ними, испрашивая у них разрешения быть человеком. Я — человек, потому что хочу им быть, призван им быть. У меня нет другой цели, кроме того, чтобы быть человеком, и я ломаю все, что мешает мне итти к ней. Да будут прокляты все эти условия, выкованные унижением человека, да будут прокляты все эти относительные идеи, не имеющие смысла и тем не менее ограничивающие его волю! Нужно разбить все ложное без жалости и без изъятия для торжества истины, и она восторжествует, царство ее придет, и все те, кто был слаб, все те, кто испугался жалких призраков, сковывавших их, все те, кто остановился на полдороге, все те, кто вступал в сделки с истиною, не будут туда допущены. Они раскаются в своих ошибках, они будут оплакивать свою слабость.

Нет, мои дорогие друзья, больше я не делаю уступок. Они чуть меня не убили, они нагоняют на меня апатию, а моя внутренняя жизнь составляет все мое счастье. Это — центр, от которого я никогда не отойду. Истина, как она есть, а не приспособленная к определенным обстоятельствам, — вот мой девиз. Вы поступайте, как вам угодно, я же буду поступать, как я хочу. Вы, надеюсь, не откажете мне в вашем уважении, даже если мы разойдемся во мнениях. С своей стороны я буду готов во всякое время, когда вы почувствуете во мне необходимость. Что касается нашей дружбы, мои дорогие друзья, я не придаю ей особенного значения. Это — слово, лишенное смысла, которое с каждым днем будет становиться все более бессмысленным. Вы возвращаетесь к вашим старым взглядам, я же не только не отказываюсь от своих, но приемлю их во всех их значениях, во всей их силе. Наши пути на некоторое время соприкоснулись, но они не слились, они лишь скрестились и чем дальше, тем больше будут расходиться.

Прощайте же, сохраним память о былом, ибо в прошлом имелось несколько священных моментов, пошлое же забудем.

Дорогие друзья, не создавайте себе иллюзий насчет ваших чувств ко мне. Это был продукт обстоятельств. Я искал то, чего не мог найти, и давно уже отказался от всех этих нелепых претензий.

Прощайте же, и не будем поминать прошлого лихом.

Ваш брат

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 99. — Письмо сестре Варваре.

[Первая половина марта 1836 года. Москва.]

Милая Варинька!

Всего час тому назад я написал тебе первое письмо, а теперь хочу написать второе. Нет, мой дорогой друг, я не проклинаю ничего, я не порву с тобою, я чувствую, что, что бы ты ни говорила, ты еще нуждаешься во мне. Слова, которые твое письмо вырвало у меня, не были словами гнева. Во мне говорило чувство глубокого оскорбления. Теперь оно успокоилось и уступило место другому чувству.

Варинька, ты убиваешь свое будущее, ты хочешь убить будущее твоего сына, и я ничего не могу сделать для тебя потому, что ты больше мне не веришь. Я добивался твоего доверия не из самолюбия, нет, Варинька, я делал это в твоих интересах, из любви к тебе. Знаешь ли ты, Варинька, ты никогда не могла понять всей пылкости моей дружбы к тебе? Я говорю это не для того, чтобы хвастать этим, нет, Варинька, я научился, я привык забывать о себе. Я ничего не прошу для себя, для меня достаточно моей внутренней жизни, той миссии, которую я считаю своею. Знаешь ли ты, Варинька, что если бы я знал, что разрыв с тобою мог дать тебе то счастье, которого ты достойна и которым ты могла бы возвышенно наслаждаться, я бы не поколебался порвать с тобою? Но такой разрыв не только не дал бы тебе счастья, а принес бы тебе несчастье; он был бы сигналом твоего возвращения к прежним взглядам, а с прежними взглядами вернулись бы и прежние заботы, и прежние страдания. Ибо только истина может дать тебе счастье, которое способно удовлетворить все запросы твоей пылкой души. А существует одна только истина: это — та, которую я понимаю, та, которую я так живо чувствую, а эта истина ревнива, она хочет царить одна, безраздельно. Варинька, эта истина возвышенна, и если я не сумел показать тебе ее такою, как она есть, такою, как она целиком владеет мною, я это сделаю, Варинька.

Дай же мне твою руку, верни мне всю свою дружбу, всю свою любовь, всю свою веру, все свое доверие. Долой все условности, все ложные призраки, пусть одна только чистая истина будет нашею религией. Разве она нуждается в прикрасах, разве она не священна, не возвышенна сама по себе? Благословим же

весь мир, и верховное существо благословит нас, и мы не расстанемся никогда. Разве наш союз это—мираж, разве он—пустой призрак? Он является простым миражем, если ты можешь пойти вспять.

Варинька, не обвиняй меня в том, что я удерживаю наших подруг [1]. Я делаю это в силу убеждения. В данную минуту я чист и свят, я вижу так далеко и ясно, моя душа снова охвачена таким пылом и такою любовью! Возлюбим друг друга, дорогие мои друзья, станем выше всех недоразумений, восстановим между нами ту гармонию, которую мы иногда ощущаем с такою полнотою и целостностью в нашей душе. Не закрывай глаз на интуиции наших подруг; они так чисты. Я оказываю им поддержку: они больше не падут, не поддадутся слабости, они принадлежат нам навеки.

Твое письмо оскорбительно для Наталии, моя дорогая Варинька.

Напишите мне поскорее.

Ваш друг и брат

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 100. — Письмо Александре Беер.

[Первая половина марта 1836 года. Москва.]

Дорогая Александрина!

Я ответил Наталии. Вы говорите, что Вы хотите скрыть свою внутреннюю жизнь в глубине Вашей души. А если я ее знаю, Александрина, и если я могу Вам рассказать до мельчайших черточек все, что в ней происходит, позволили ли бы Вы мне сказать Вам это и выразить Вам мое мнение на сей счет? Скажите, Александрина.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 101.—Письмо Александре Беер.

[Первая половина марта 1836 года. Москва.]

Александрина!

Я прочел Ваше письмо. Я много над ним думал. Я даже написал Вам, но разорвал свой ответ. Я не должен говорить Вам ни слова прежде, чем Вы сами не расскажете мне всего без изъятия. Александрина, я чувствую, что Ваше положение ужасно, я предчувствую Ваше нынешнее состояние. Я чувствую также, что только я один могу Вас из него вывести. В этом — моя миссия, я это чувствую.

Александрина, истина так сильна, что нет того зла, какого она не могла бы излечить, нет той беды, которую она не могла бы превратить в абсолютное блаженство. Эта истина, есть бог, абсолютная любовь, никогда не отвергающая своих детей, всегда раскрывающая свои объятия тем, кто хочет в них броситься. Этот бог, эта абсолютная любовь и есть блаженство. Александрина, я призван быть его жрецом, его орудием перед Вами. Забудьте, Александрина, что Вы разговариваете с знакомым Вам молодым человеком, забудьте мою личность и смотрите на меня как на существо, призванное спасти Вас, раскрыть перед Вами двери истины. Излейте все Ваше сердце в мое, пусть не удерживает Вас от этого ложный стыд. Я говорю с Вами во имя бога, который хочет иметь Вас среди своих детей. Он будет говорить Вам моими устами. Моя душа в эту минуту достаточно широка для того, чтобы обнять всю Вашу душу. Скажите мне все, дорогой друг, я сумею Вас понять, я почувствую все Ваши чувства, и я верну их Вам более чистыми, и я верну Вам ту чистоту, которую Вы, по Вашему мнению, утратили и которая на самом деле лишь приютилась в глубине Вашей души: она выйдет оттуда более блистающею, чем когда-либо.

Итак говорите, милый друг, скажите все.

Ваш истинный друг

М. Бакунин.

№ 102. — Письмо Александре Беер.

[Первая половина марта 1836 года. Москва.]

Милый друг, Вы много, много страдаете. Я давно это понял, я давно вложил персты в Ваши язвы, и язвы эти глубоки: целая жизнь разочарований и сомнений, целая жизнь самоотречения, не того самоотречения, которое вытекает из жизни, исполненной веры и абсолютной любви, нет, а того самоотречения, которое исходит из сердца, созданного для любви, но еще не знавшего истинной любви. Знаете ли Вы, Александрина, почему я так мало с Вами разговариваю? Это потому, что в том состоянии, в каком Вы сейчас находитесь, недостаточно пары слов, вышедших из души, — нужен долгий, полный, даже страшный разговор, разговор, который перевернул бы все Ваше сердце, потряс бы всю Вашу душу, разрушил бы наконец железную крепость и железные стены, которыми Вы себя окружили. Вам нужно полное обновление идей и чувств, Вам нужно дать совершенно новую жизнь.

Только тогда Вы меня поняли бы, только тогда Вы увидели бы, что я люблю Вас действительно пламенно, что любовь моя к Вам очень сильна и очень горяча. Но теперь, когда Вы сомневаетесь даже в самом боге, да, Александрина, в самом боге, ибо человек, для которого жизнь представляет одно лишь суровое испытание, не верит в бога и не любит его, — так вот Вы, не верующая в бога, станете ли верить человеку, столь же слабому, как и Вы, человеку, который с прекраснейшими намерениями в мире сделал так мало? Нет, Александрина, у меня нет безумной претензии уверенно рассчитывать на Вашу веру в меня. Наталия это — дело другое, она любит меня иначе, она нуждается в вере в меня, и один бог знает, насколько эта вера делает меня действительно счастливым. Да, милый друг, я нуждаюсь в том, чтобы вы обе верили мне, я нуждаюсь во всей вашей любви. Мне нечего требовать от Наталии, так как она дала мне все, но Вы, дорогой друг, Вы не дали мне ничего, абсолютно ничего, если не считать тех моментов, в которые Вы позволили себе осторожно намекать мне, что и Вы, возможно, станете когда-либо верить моим словам, истинности моих чувств к Вам.

Дорогой друг, я не буду стараться определить характер того чувства, которое я к Вам питаю, я не стану давать ему названия.

Во мне, Александрина, не существует различных степеней чувства, есть одно только чувство, а именно — абсолютная любовь, составляющая мою жизнь. Все, что не связано с нею, не существует для меня. Я не могу любить людей иначе как в боге, вне бога для меня не существует людей. И это-то Вы, игнорируя истинный принцип моего существования, называете моим желанием Вас совершенствовать. Правда, выражение «моральное совершенство» холодно, нелепо, но не я стану преследовать идею, которую оно выражает. Для меня существует одно только совершенство, это — бесконечная, безграничная, вечная любовь. Все, что не относится к этой любви, как бы совершенно оно ни было, мне решительно чуждо, я вижу в нем только смерть и ничтожество. А так как Вас, Александрина, я люблю и нуждаюсь в Вашей любви, то это значит, что Вы находитесь в этой любви, но еще не осознали этого. И вот в чем источник всех Ваших сомнений, всего ледяного скептицизма, который Вас гложет. Вас убивают не Ваши чувства, так как они пылки и чисты, а Ваши ложные идеи, подавляющие Ваши чувства. Да, был момент,— это было во время нашего разговора в маленькой беседке,—был момент, когда я верил в возможность дать Вам почувствовать все, что есть святого в моей любви к Вам, все, что в ней заключается сильного и чреватого будущим, но Вы снова впали в свою апатию или, если Вам это угодно, в свой покой. Вы снова впали в свой скептицизм. Но я еще верю, я надеюсь, я жду всего от силы истины. Я рассчитываю не на себя, но на истину того, что я Вам буду говорить.

Это письмо есть лишь небольшое начало того, что я имею Вам сказать и что я Вам еще скажу. Верьте в мою любовь, Александрина, она истинна, она сильна.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 103. — Письмо Александре Беер.

[Первая половина марта 1836 года. Москва.]

Александрина!

Мой поступок Вас удивит. Я Вам пишу. Я думал, что мне удастся поговорить с Вами вчера вечером, но у меня не было времени и не представилось случая. Оставим же это. Я уверен, что

это письмо не нуждается в извинениях, оно могло быть продиктовано только хорошим чувством, глубоким чувством к Вам. Перейдем к фактам. Со времени моего приезда в Москву мы мало разговаривали друг с другом, но я много наблюдал за Вами, я научился Вас понимать. До сих пор я не чувствовал себя вправе переступать черту, которую Вы провели вокруг себя своим молчанием. Я уважал это молчание, но теперь обстоятельства изменились, и я обязан говорить.

Александрина, когда я говорю, что знаю Вас, это — не пустая похвальба. Я знаю Вас настолько, насколько человеку дано знать другого человека. Ваше молчание не могло помешать мне изучить Ваш характер. Мне известна Ваша прежняя жизнь, мне известны почти все обстоятельства, ее характеризовавшие. И теперь я могу не знать некоторых новых обстоятельств, которые не могли бы даже быть мне полезными. Я знаю Вашу внутреннюю жизнь, я знаю условия, ныне Вас окружающие, я знаю Вас, — этого довольно: значит, я знаю настроение духа и состояние сердца, в каких Вы должны теперь находиться. Я не стану пробуждать страданий, быть может, заглохших в Вашем сердце, я не буду растравлять его ран, едва заживших, — достаточно, чтобы Вы знали, что ничто серьезное из случившегося с Вами не осталось для меня неизвестным. Поговорим же о Вашем нынешнем положении.

Я понимаю всю его тяжелую и огорчительную сторону. У Вас — душа, состоящая из огня и любви, душа, которая ничего не требовала от мира кроме любви, и которая не нашла в других отклика на это обуревающее Вас сильное чувство, душа, не требующая ничего для себя, желающая только сделать всё для любимых людей, а обстоятельства сделали ненужными все эти прекрасные порывы к самоотречению, могучую душу, ищущую лишь цели, к которой она могла бы устремиться изо всех сил, убежища, куда бы она могла уединиться и укрыться от людского эгоизма. И это убежище Вы думаете найти в монастыре. Какое пагубное заблуждение! Чего Вы станете искать в монастыре? Это — настолько серьезный шаг, что нужно взвесить все его шансы. Я понимаю то движение, которое заставляет Вас бросаться туда с закрытыми глазами, но последствия этого будут столь плачевны, что я специально задумал написать Вам это письмо, чтобы вместе с Вами рассмотреть все ожидающие Вас там возможности.

Итак я снова спрашиваю: чего Вы станете искать в монастыре? Ясно, что туда толкает Вас не религия, — Вы слишком образованы для того, чтобы верить, будто можно угодить богу добровольною тюрьмою, бесполезною жертвою, бездейственною молитвою. Сущность бога — свобода, и он хочет, чтобы люди были свободны, ибо только в свободе он открывается им: значит, монастырь противоречит истинной христианской религии. Молитва, ограниченная литиями, не есть божья молитва, ибо божье заключается в человечестве, в Иисусе Христе, который является его представителем, в поэте, в любви к людям, в поступках, вызванных этою любовью, в природе, одним словом в истинном боге. Следовательно, в монастыре Вы не найдете такой молитвы. В монастыре деятельность ничтожна, она полна и плодотворна вне его стен. Эта деятельность должна быть продуктом любви, а любовь не может существовать в монастыре, ибо тюрьма и любовь никогда не встречаются вместе, монастырь же есть вечная и неизменная тюрьма для вступивших в него. Следовательно никакой деятельности в монастыре не существует. Итак Вы в монастыре не найдете бога. Значит, Вас толкнет туда не жертва, не сознание своих сил, которые Вы захотели бы применить для чего-либо полезного, — скажем прямо, это будет чистейший и простейший эгоизм.

Не сердитесь, Александрина. Если бы этот эгоистический поступок дал Вам по крайней мере несколько мгновений покоя, не говорю уже счастья, то я замолчал бы и даже посоветовал бы Вам на это решиться. Вы уже всё сделали и всё принесли в жертву для других, а потому Вы вправе сделать что-нибудь и для себя самой. Но это не принесет никакой пользы и только увековечит Ваши нравственные страдания. Вы будете чувствовать, что Ваши силы пропадают без дела и без пользы, что Вы совершили эгоистический и бесплодный поступок. И чем же Вы утешитесь? У Вас даже не будет внешнего покоя. Вы полагаете, что в какой-либо обители Вы сможете уединиться. Нет, это невозможно. Вы будете постоянною жертвою их фальшивого ханжества, их лицемерия, их пересуд, их глупости, даже их злобы. Думаете ли Вы, что Вы сможете проводить свою монастырскую жизнь в созерцании? Возможно ли это? Созерцание требует душевного покоя, абсолютного спокойствия, а Вы, терзаемая жгучими воспоминаниями, ужасными разочарованиями, будете окружены грязными и жалкими существами, которые во всякий мо-

мент будут душить Вас, мучить Вас своими невыносимыми сплетнями, притязаниями и особенно своею злостью. И Вы навеки будете заключены и теперь уже будете держаться в заключении не по собственной воле, — ибо только один момент этой воли решит Ваше рабство, — нет, а в силу жалких законов ложного благочестия, жалких законов религии, извращенной нищими духом! А все эти мучительные воспоминания, и Ваши друзья, и Наталия — скажите, таким ли путем Вы попадете на небо, таким ли путем Вы заслужите вечность, жалкою ли ошибкою кончают жизнь, полную преданности и любви?

Нет, Александрина, Вы не уйдете в монастырь. Есть много путей, существует истинная религия, религия души. Очистите ее, эту душу, вот деятельность, достойная Вас, и не покидайте Ваших друзей, они нуждаются в Вас, ибо искренно любят Вас.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 104. — Письмо сестре Варваре.

Среда, 11 марта 1836 * года. Москва

Дорогая Варинька!

Я начинаю писать тебе довольно часто, но сейчас я собрался говорить с тобою не о себе. В данный момент имеется интерес более серьезный. Я хочу поговорить с тобою об Александрине Беер. Она хочет уйти в монастырь и надеется обрести там тишину и покой, которых не находит в семье. Зная, что такое представляют наши монастыри, предвидя все, что ее там ожидает, я сделал все возможное, чтобы отвратить ее от ее намерения. Я нашел средство, оно целиком зависит от тебя. Но прежде всего я должен рассказать тебе все, что случилось с того момента, как я узнал о намерении Александрины, для того чтобы ты могла составить себе точное суждение о предмете.

Со времени моего прибытия в Москву я почти все вечера проводил у Бееров. Я заметил в Александрине нечто странное, — глубокую грусть, всегда мрачный и покорный вид. Она

---

* В оригинале явная описка: 1835 [1].

очень мало говорила и еще реже выходила из своей комнаты. Зная некоторые обстоятельства ее жизни, зная силу и пыл ее души, я сначала подумал, что это—неизбежное последствие всего случившегося. Я знал также преследования и бессмысленные претензии ее матери к ней. Наконец я видел, что она глубоко страдает. Несколько раз я собирался нарушить молчание, заговорить с нею, несколько раз я решался подойти к ней, чтобы предложить ей свою дружбу, чтобы утешить ее каким бы то ни было путем. Но я этого не сделал. Чувство стыда и совестливости меня удерживали. Я слишком уважал Александрину, чтобы думать о возможности утешить ее общими местами о дружбе, доверии и пр. Я слишком уважал ее, чтобы насильственно нарушить молчание, которое, быть может, составляло все ее счастье. Я и до сих пор уважаю ее как святую мученицу. У нее — прекрасная душа, полная любви и самоотречения.

Позавчера вечером я узнал о ее плане. Она сказала о нем несколько слов. Я хотел ей ответить, но нехватило на это времени. Нужно было уходить, а г-жа Беер пошла спать. Я остался у Константина, написал письмо Александрине, которое передал ей на следующий день. Я не могу передать тебе всего его содержания. Но я писал ей, что монастырь меньше всего подходит для нее, что она не только не найдет там искомого покоя, но даже станет жертвою издевательств и пересуд своих товарок, что она не обретет спокойствия, необходимого для созерцания и молитвы, что то, что составляет лучшую часть ее души, ее действительную религию, будет угашено лживым ханжеством других, что в будущем ее ждет разочарование и разочарование вечное, ибо, вступая в монастырь, она не исполнит этим своего долга. У нее нет той формальной религии и обрядности, которые необходимы для монастырской жизни. Ей нужна религия более возвышенная. А эта религия не найдет отклика за тою оградою, за которою она хочет укрыться. В рабстве нет бога—бог в свободе, а монастырь, хотя сначала является добровольным рабством, становится впоследствии принудительным и нерасторжимым. Я знаю Александрину. Душа у нее слишком прекрасна, слишком страстна, чтобы обрести успокоение в гнездилище лживого ханжества, сплетничества, возможных мерзостей, о которых ты, пожалуй, не имеешь представления, но которые мне знакомы, так как у меня были офицеры-товарищи, а офи-

церы — в большой дружбе с женскими монастырями. Ты меня понимаешь, не правда ли?

Не думай, Варинька, что во мне говорит чувство безверия. Ты знаешь, Варинька, что я — не неверующий. Я понимаю, что уединение в боге составляет верное убежище для всех несчастных, и если бы возможно было найти в России монастырь, где религиозное чувство не было бы подавлено жалкими формами, где искомый покой не нарушался бы дрязгами, где добродетель и мораль, которые должны были бы там царить, не были бы заменены самым презренным растлением, если бы нашелся такой монастырь, если бы это было вольным убежищем, а не рабством, тогда я мог бы понять, что человек, потерявший надежду действовать и осчастливливать других в качестве ли друга или в качестве супруги либо матери, уходит из мира в среду ласковых и простых существ, чтобы отдаться истинной религии, истинной молитве, истинному созерцанию. Но наши монастыри представляют гнездилища всевозможных пороков, и Александрина запрется в такой монастырь!

Посылаю тебе ее ответ и письмо Наталии. Они скажут тебе больше, чем мог бы сказать я.

Я ответил ей в нескольких словах, что монастырь это — нелепость, и что она должна уехать к тебе. Это — последний выход, который ей остается. Я еще не получил от нее ответа.

Варинька, я тебя знаю. Ты умеешь любить. Ты уважаешь Александрину. Спаси ее. Монастырь будет для нее адом. И если у тебя остается еще некоторая слабость к монастырям, подумай о том, что твои монастыри это — идеальные обители, каких у нас не имеется. А Александрина хочет вступить в реальный монастырь. Ты имеешь на нее огромное влияние. Дружба вдохновит тебя. Приблизь ее к себе. Покажи ей, что она может быть тебе полезною, что ее дружба для тебя необходима, что она может помочь тебе воспитать твоего сына и облегчить твои собственные страдания. Еще раз прошу тебя: спаси ее.

М. Бакунин.

Напиши ей поскорее. Все мое влияние на нее ограничивается возможностью отсрочить ее решение, так как я не могу дать ей будущего, а ей оно нужно, каким бы оно ни было. Все зависит от тебя. Только поспеши. Не бойся трудностей. Они будут только кажущимися. Когда любишь — хочешь, а когда хочешь, то нет

ничего невозможного. Я не знаю, что ты сделаешь для того, чтобы овладеть Александриною. Сын, которого ты кормишь, помешает тебе приехать самой [1]. Но твое сердце подскажет тебе нужные шаги.

Перед тем как запечатать письмо, хочу сказать тебе несколько слов о себе самом. Никогда я еще не наслаждался таким чудным, таким полным покоем, как сейчас. Это — не спокойствие безразличия, которое ничем не интересуется и которое равносильно смерти. Нет. Мое спокойствие полно жизни, полно сил. Душа моя снова раскрылась для всех человеческих и божественных ощущений. Этот покой есть самосознание, сознание своих обязанностей, сознание своей цели и путей, которые должны к ней привести. Это — не бурные порывы, мечтавшие лишь о разрушении. Я не осуждаю этих порывов, источник их был священен. Это были порывы души, рабской души, не освободившейся от личных привычек, души, униженной своим бездействием. Теперь я — на своем пути, в своей сфере. Теперь я люблю все, доволен всем и не требую ничего от внешнего мира, даже любви женщины, ибо во мне живет любовь к богу, ибо я чувствую его в себе и обладаю им, я стал религиозным более, чем когда-либо. Я верю во все, в счастье, в красоту. Душа моя, повторяю, открыта всем впечатлениям, самой природе, которая казалась мне всегда бездушною, но стала мне дорогою. Я наблюдаю приближение весны. Я чувствую в своем внутреннем существе нечто такое, что никогда не обманет меня, что не зависит ни от чего внешнего. Я чувствую в себе бога. И как я люблю вас всех в этот момент! Душа моя — вся любовь. Я чувствую себя человеком. Я ощущаю рай во мне. Вот моя душа.

Ты захочешь узнать, как я провожу время. Я живу у Станкевича. Мы вместе занимаемся историею и философиею. Читаем вместе немецких писателей: Гёте, Шиллера, Жан-Поля Рихтера, Гофмана и пр. Я почти не выхожу за исключением вечеров, когда я отправляюсь к Беерам. Я много занимаюсь. Станкевич обладает прекрасною душою. Мы сходимся все ближе и ближе. Мы все более становимся друзьями.

Как добр мой отец! Как благодарен я ему за его снисходительность ко мне. Он дал мне свободу. Это значит дать мне жизнь. Я бывал неправ по отношению к нему. Я исправлю это. Он увидит, что я на что-нибудь да гожусь, что я не буду бесполезным членом семейства и человечества. Я хотел ему напи-

сать, просить у него прощения, поблагодарить его. Но так как я дал себе слово не писать ему прежде, чем начну давать уроки, то я этого не сделал. Поцелуй его и поблагодари его горячо от моего имени. Будь моим адвокатом перед ним. Твоя дружба ко мне найдет надлежащие выражения, не правда ли? Матушка не хочет мне писать — не смею доискиваться причины этого. Она оскорбила меня во время нашего последнего разговора, глубоко меня оскорбила. Но я не жалуюсь на это, я ей простил. А ты, мой добрый друг, не сердишься на меня за мое последнее письмо? Я писал его в момент экзальтации. Я теперь перевожу четыре лекции Фихте «О назначении ученых». Этот перевод будет напечатан в «Телескопе». Я пошлю тебе его. Он тебе понравится.

Теперь прощай.

Напишу еще сестрам. Я им не ответил, особенно Таничке.

Сделай так, чтобы мне поскорее прислали мои книги, особенно Гофмана, которые нужны Станкевичу.

Перевод с французского.

№ 105. — Письмо сестре Варваре.

16 марта 1836 года. Москва.

Милая Варинька!

Вот уж третье письмо, которое я пишу тебе подряд. Но не при нынешних обстоятельствах можно предаваться подсчету писем, оставшихся без ответа. Обстоятельства запутываются, и только проект, о котором я тебе сообщил, способен спасти Александрину. Ты видишь, что я говорю тебе о Беерах, но прежде чем поделиться с тобою моими мыслями о том, что должны делать эти барышни, я хочу рассказать тебе сцену, которой я был свидетелем и которая мне их подсказала.

Я послал тебе письма Наталии и Александрины. Ты видела, что Александрина, не будучи в состоянии больше выносить все, что она терпела до сих пор, видя, что ее покорность не только не подействовала сдерживающим образом на мать, но лишь повысила ее нелепые притязания и требования, видя, что мать ее нисколько не любит, оскорбленная, униженная в своих самых святых чувствах, в чувствах, составлявших все ее существование, решилась уйти в монастырь, навсегда запереться в нем, несмотря на мои доводы. Но я не мог говорить с нею так откровенно отно-

сительно нравственного состояния наших монастырей, как говорил об этом с тобою.

Я получил от нее еще одно письмо, в котором она отклоняет мое предложение переезда к тебе (я сделал его, не спросив предварительно твоего согласия, но я был твердо уверен в твоем сердце, я был уверен, что ты будешь мне признательна за то, что я рассчитываю на тебя, и надеюсь, что не ошибся). Она не хотела оставить Наталии. Она хотела стать мученицей своей судьбы. Я видел, что имеется еще один мотив, которого она не хотела высказать: это — неуверенность в том, как ты ее встретишь, и особенно в том, как на это посмотрит твой муж. Она не хотела — и в конце концов она мне это заявила — быть причиною несогласия между тобою и твоим мужем. Что я мог ей ответить? Нужно было бы, чтобы эти опасения были рассеяны твоим письмом. Должен ли я признаться тебе в том, что я не боялся ничего со стороны твоего сердца и всего со стороны твоего правоверия? Вот кстати пример того, как догматизм и здравый смысл расходятся с чувством и разумом. «Чти отца твоего и матерь твою *, нужно жертвовать собою для своей матери, нужно взвалить на себя этот крест, нести его и заслужить рай», — вот что скажет тот догматизм, которому вы придаете имя религии. «Дети не могут быть правы против своих родителей, они о б я з а н ы у в а ж а т ь их, л ю б и т ь и повиноваться им, и что скажут люди при виде несогласной семьи?» — вот что говорит голос здравого смысла. Посмотрите же, к каким милым последствиям могут привести нас эти прекрасные правила!

Ты сама хорошо видишь, в какой мере этот жалкий догматизм и этот злополучный здравый смысл сковывают лучшую часть и сущность человеческой души. А чувство? Вы, думающие, что так хорошо его знаете, скажите мне, что такое чувство? Есть ли это — преступление? Ибо если догматизм и здравый смысл правы, то оно неправо. Если догматизм и здравый смысл представляют истину, то чувство — ложь, ибо когда говорят: «нужно любить», то не любят, «нужно уважать», то не уважают, «нужно быть добродетельным», то таковыми не бывают. Все эти чувства должны исходить изнутри, они должны быть необходимостью, а не внешнею обязанностью, установленною законами света. Итак чувство будет принесено в жертву истинному источнику прекрас-

---

* Эти шесть слов написаны по-русски в оригинале.

ного; очаг истинной любви и истинной религии будет уничтожен—уничтожен и принесен в жертву ради чего? Для того чтобы доставить победу жалкому здравому смыслу, продукту извращенного, безнравственного, безразличного общества, чтобы дать жизнь мертворожденному догматизму, продукту холодных эгоистических душ, которые, не будучи в состоянии понять пыла и красоты евангелия, извратили его, дабы принизить его до своего уровня. А куда же девались чувство и абсолютный разум? О, они изгнаны из этого нравственного общества, с ними все было бы слишком видно, а видеть слишком хорошо неприятно, когда не сознаешь своего достоинства. Возьмите евангелие и покажите мне хоть одно место, где догматизм не был бы ниспровергнут истинным чувством, душевным пылом и энергией богочеловека!

А, мои дорогие друзья, вы еще — не христиане, ибо вы не хотите еще понять евангелия. «Оставь все, отца и мать, и следуй за мною, ибо я есмь истина». Но истину признают только, когда ее любят, а любить можно только, когда чувствуешь, достигнуть же этого можно только, когда действуешь. Посмотри же, дорогой друг: истина, любовь, чувство и деятельность — вот действительная последовательность, единственно верная формула жизни идеального человека. А здравый смысл и догматизм пусть сгинут как можно скорее, ибо они являются источником смерти и безнравственности.

Но я слишком далеко отклонился в сторону. Я думаю даже, что все эти рассуждения будут бесполезны — мы друг друга не поймем. «Как, скажете вы, такой нерелигиозный человек, как Мишель, хочет убедить нас в том, что у нас нет религии, он, который не говеет, смеет заявлять это нам, ходящим к причастию?» Что я могу ответить на столь основательную фразу? Я должен буду замолчать и просить господа бога даровать мне веру, которая, убивая чувство и чистый разум, даст мне истинную религию и умение жить в обществе по законам здравого смысла! В ожидании этого счастливого переворота (а ждать придется, пожалуй, долго, судя по тому, что я чувствую себя крайне развращенным), поговорим об Александрине и соединим наши усилия для ее спасения.

Прежде всего я должен рассказать тебе сцену, которой я был свидетелем. Ты ведь знаешь, в каком состоянии находились дела до пятницы. В пятницу после обеда я пришел к Беерам. Я застал хозяйку сидящею весьма спокойно. Я сказал ей не-

сколько слов и прошел в зал. Через несколько минут ко мне прибегает Александрина и говорит: «Мишель! Уведите меня, куда хотите. Я больше не могу здесь оставаться». Раньше, чем продолжать свой рассказ, я должен напомнить тебе об обстоятельствах, которые тебе наверное известны и которые были связаны с предшествующими событиями. Итак ты знаешь всю историю с Григоровским. Тебе известно желание г-жи Беер * женить его на Александрине. Ты знаешь о низких и подлых приемах, о шпионстве горничных, которое тянулось до сего дня (в последнее время она заявила Владимиру Константиновичу **, что эти горничные—ангелы, что они одни охраняют нравственность барышень. Разве это — не жалкое, презренное создание?). Ты имеешь также некоторое понятие о сценах, которые она устраивает своим дочерям, обо всех тех притворных истериках, мнимых страданиях, обо всем лицемерии презренной женщины, которые всегда кончались тем, что дочери становились на колени и просили прощения, не зная, в чем собственно они провинились. Тут истерика сразу прекращалась, мадам становилась веселою и на следующий день водила своих дочерей в театр. Эти сцены становились все более частыми, так как они составляли единственно возможное выражение власти мадам над ее дочерьми. А затем она диктовала им свою волю и мучила их своими презренными капризами. Обо всем этом ты можешь узнать из письма Александрины, которое я тебе переслал. А затем идут еще отвратительные подозрения, которые она позволяет себе по отношению к своим дочерям и которых одних было бы достаточно для того, чтобы окончательно убить дочернюю любовь.

Но есть еще одно обстоятельство, о котором я упомянул тебе в качестве причины или, лучше сказать, п р и д и р к и *** для устройства сцен. Это обстоятельство уяснит тебе лучше, чем все, что я могу тебе сказать, отношения, существующие между матерью и дочерьми. Александрина очень любит Федора Ржевского ****. Это — славный парень, который очень к ней привязан. Он иногда заходит в ее комнату, чтобы поговорить с нею. Это не нравится мамаше. Представь себе, что она смеет бояться за добродетель своей дочери и что, поделившись своими опасе-

---

* Анастасии Владимировны.

** Ржевскому. Эти два слова в оригинале по-русски.

*** Это слово по-русски в оригинале.

**** Эти два слова по-русски в оригинале.

ниями со всеми горничными, она рекомендовала им раскрыть преступные замыслы Федора. Ты меня понимаешь, не правда ли? А теперь я могу вернуться к описанию сцены. Ты ее поймешь, ибо знаешь источник.

Но я должен тебе напомнить о том, что все эти причины представляют простые предлоги и что настоящий источник заключается в самой мадам. Каков же ее характер? Она глупа, безнравственна, не способна ни к какому чувству, ничего не любит. Она лишена не только веры, но даже религиозных предрассудков, которые могли бы хоть до некоторой степени заменить ей нравственную жизнь. Ничего не делая, не молясь богу, как она сама это поведала, не желая причащаться, она ведет ничтожное существование в полном смысле этого слова. Что же ей остается делать? Устраивать сцены для развлечения и для мучения нелюбимых дочерей. А теперь перейдем к фактам.

Итак Александрина прибежала в зал, умоляя меня найти ей какое бы то ни было убежище. Через несколько минут явилась Наталия с заявлением, что мать снова устроила истерику, а причиною было то, что Федор на минуту зашел в комнату Александрины. Барышни, зная, какую развязку сулит это начало, были страшно напуганы, не зная, что делать, дрожали. Я сказал им, что раз они убедились в том, что вся их полная покорность не ведет ни к чему, что она только усугубляет тягостные сцены, они должны проявить твердость характера, что это — единственное средство сохранить спокойствие в доме. Во время нашего разговора мы слышали страшные пронзительные крики из салона. Барышни, узнав голос матери, подняли крик и побежали в гостиную. Признаюсь, что первый момент у меня отнялись ноги, настолько это было ужасно. Мы застали хозяйку катающеюся по полу, все тело ее трепетало, она издавала ужасающие вопли. Представь себе состояние несчастных девушек. Александрина хотела бежать, сама не зная куда. Я удерживал ее. Я увел их обеих наверх для того, чтобы мать не учинила над ними насилия. Она уже почти поколотила Наталию, и я твердо решился этому воспротивиться. Мадам, видя, что все ее штуки ни к чему не ведут, что дочери (вследствие настояний моих и Владимира Константиновича *, с которым мы снова подружились) не кинулись к ее ногам, встала, как ни в чем не бывало, некоторое время притворялась как бы потерявшею сознание, попросила дочерей сойти

* Эти два слова по-русски в оригинале.

вниз, стала ругать себя самыми грубыми словами: «я подлая, я гадкая, я мерзкая, я глупая» * и в разгар этой вспышки вдруг спросила, здесь ли я и видел ли я ее истерику. А затем некоторые обстоятельства, убедившие меня в прекрасном состоянии ее нервов, внушили мне такое к ней отвращение, что я не могу приблизиться к ней без неприятного чувства. Видя, что дочери не просят у нее прощения, она через несколько минут сочла нужным выразить свое раскаяние в столь сильных выражениях, как, например, что Александрину нужно высечь. Разве это не омерзительно? Она легла в постель и оставалась там целый день, не спускаясь вниз и не принимая пищи. Дочери, в общем чрезвычайно почтительные, не просили прощения, и вечером она встала, смеялась, ела и пила, как будто ничего не случилось. Она собиралась ехать в Шашкино сейчас же после пасхи. Причина совершенно ясна. Она прекрасно понимает, что если планы ее не удались, то произошло это по вине Владимира Константиновича ** и моей. Она хочет избавиться от нас. Но это ей не удастся, так как мы крепко держим ее в руках. Она не сделает ни одного движения без нашего разрешения. Вчера вечером она завела со мною разговор об отношениях детей к родителям, и в общей беседе я ей наговорил столько и так ясно, что эта беседа надолго останется у нее в памяти.

Итак, ты видишь, мой дорогой друг, что здесь дело идет не о здравом смысле и не о догматизме, что нужно чувство, а я знаю, что у тебя его есть много, несмотря на твой догматизм. Александрина должна приехать к тебе. Как это устроить? Если ты ничего не придумаешь, то Ржевский *** доставит ее к тебе. И если твоя совесть не позволит тебе дать убежище дочери против воли матери, то это убежище даст ей монастырь. Не забывай только, что монастырь будет самоубийством для Александрины и что ответственность за это падет на тебя.

Твой брат

М. Бакунин.

Ты можешь показать это письмо Танюше, но только ей. Другие ничего о нем не должны знать ****.

---

* Все слова в кавычках по-русски в оригинале.

** Эти два слова по-русски в оригинале.

*** Это слово по-русски в оригинале.

**** Эта приписка сделана сбоку на последней странице.

Ты можешь показать это письмо Алексею *. Может быть, он сам приедет за Александриною. Это было бы очень хорошо, ибо дело это нужно вести с величайшею осторожностью, а побег есть только средство самое решительное. Я хотел ему написать, но у меня не было времени **.

Перевод с французского.

№ 106. — Письмо сестре Варваре.

17 марта 183[illegible] года. Москва.

Да, ты осталась все тою же, Варинька. Ты не обманула моих ожиданий и сочувствуешь страданиям бедной Александрины. И твое сочувствие не будет пустым, бесплодным чувством, нет, твое сочувствие будет активным, ты будешь действовать. Торопись, мой добрый друг, времени терять нельзя, ибо ты уезжаешь в Прямухино после пасхи, а только подле тебя, исключительно подле тебя, Александрина хотела бы находиться. Она мне этого не сказала, но когда интересуешься человеком, то читаешь в его сердце. Я очень хорошо заметил, что твой отъезд ее пугает, что она боится остаться без твоей поддержки в семье, которая может ее любить, но которая не в состоянии ее понять, у которой интерес будет уравновешиваться любопытством.

Я чувствую это по себе самому, дорогая Варинька. Нужно любить друг друга, чтобы быть в состоянии друг друга понимать. А полуинтерес, рассудочная привязанность хуже, чем безразличие! Не знаю, делился ли я когда-нибудь с вами моими взглядами на этот предмет. Для меня существуют только две крайности в чувстве: или полное чувство, или полное безразличие. Я понимаю (если и не испытал этого на собственном опыте), что истинное чувство, истинная привязанность составляют в жизни большое счастье. Когда любишь и любим, то чувствуешь себя сильнее. Любовь дает жизни пищу. Ах, разве человек не бывает счастливым уже тогда, когда может делить со своим другом и радости, и надежды, и горести, когда он может делать это без опасения быть непонятым, без опасения показаться желающим произвести нежелательное впечатление? Варинька, я понимаю всю прелесть этого слияния, воспоминаний, настоящих надежд, сурового будущего, полного, неограниченного слияния! Или же можно чувствовать себя одним, одиноким, не

* Бееру, который служил в Твери кавалерийским офицером.

** Эта приписка сделана на верху первой страницы.

иметь никого, кто бы тебя знал, никого, кто бы делил твои горести, быть сильным своим одиночеством, своим достоинством, своею гордостью, говорить себе: «я один, душа моя принадлежит мне, тайны ее не запрязнены взорами безразличных». Да, я понимаю, что можно найти счастье в своей гордости, в презрении к обществу, в своей индивидуальности, счастье весьма горькое, счастье Сатаны! Но золотая середина чувства, та, которая служит к украшению жизни порядочных людей, о, она невыносима, она ужасна. Этот полуинтерес, этот комфорт светской приязни, заключающейся в словах и лишенной смысла, для меня не существует. Я его не хочу, ибо он истощает душу, отнимает у нее все силы, всю энергию. А я хочу быть сильным, ибо мне предстоит еще многое совершить и много пострадать!

Но о себе я поговорю с тобою позже. Вернемся к Александрине. Итак нужно было бы пригласить ее до твоего отъезда в Прямухино. Как это сделать? Давай разберем. Лучше всего было бы, если бы Алексей * приехал за нею в Москву. Но Алексей может выехать только с разрешения Дохтурова **. Отец наш мог бы очень легко это устроить. Нетрудно было бы получить двухнедельный отпуск на страстную и пасхальную недели. Возможно, что он, сердясь на Алексея, не захочет этого сделать. Но он так добр; и когда он узнает о причинах твоей просьбы (ибо ты ведь попросишь его, мой добрый друг), то захочет ли он отказать из чувства неосновательного раздражения? Достаточно сказать генералу только несколько слов для того, чтобы он дал свое согласие. Не правда ли, ты это сделаешь? Отец так тебя любит и он так добр, но только ничего не говори об этом Алексею, прежде чем получишь согласие отца. Возможно, что, оскорбленный холодным приемом со стороны отца, он не пожелает прибегнуть к его покровительству. Это было бы эгоистическим чувством, ибо он ведь будет делать это не для себя. Но на что только не способно оскорбленное сердце! Итак, если Алексей приедет, это устранит много затруднений, так как он пользуется сильным влиянием на ее мать. Вот первое и наилучшее средство.

Второе средство заключалось бы в том, чтобы ее отвез к вам Ржевский. Это средство будет гораздо более трудным и не обой-

* Беер.

** Это слово по-русски в оригинале.

дется без бурь, которые смогут отсрочить выполнение нашего плана. Наихудшим исходом было бы бегство, ибо отъезд вообще — дело решенное, и спор может итти только о средствах выполнения.

Дорогой мой друг, большое письмо, которое я вчера тебе написал и которое, к счастью, вследствие вчерашнего запоздания отсылаю тебе сегодня вместе с этим, было написано достаточно жестко. Ты меня простишь за это. Я опасался вашего правоверия, и речь шла не о твоих советах, а об убежище подле тебя. Дня два тому назад Александрина дала мне прочесть письмо, которое она тебе написала, а я его порвал, так как она просила в нем у тебя советов. Вечно эти проклятые жертвы, которые не приводят ни к чему и портят всё! В самом деле, если бы она осталась здесь, к чему бы это повело? Мать взяла бы верх, дочери захотели бы исполнить ее волю, но как бы они этого достигли? Как удовлетворить женщину, которая принимает сторону горничной против своих дочерей? И если бы еще эта покорность ее успокаивала. Но ведь она не перестает травить их ежеминутно, а так как наши подруги — люди, а не ангелы и иногда проявляют нетерпение, то и получается вечный источник сцен, нравственных и физических страданий, истощения, болезней. С этим нужно покончить раз навсегда. И так как примирительные средства вполне доказали свою негодность, то приходится прибегнуть к решительным мерам. Поэтому Александрина должна уехать. Что же касается Наталии, то не бойся за нее. Я и Ржевский * не оставим ее одну. Мы не позволим матери увезти ее в Шашкино **. Они поедут в Попово, и тогда придется разрешить спор полюбовно. Моему брату придется воздействовать на мадам, которая, натолкнувшись у своих дочерей на волю, противоположную ее собственной, станет покладистою и сносною. Ею нужно управлять, — вот в чем суть дела. Со времени последней беседы, которую я с нею вел, она меня просто боится, и я не упущу свою власть. Я очень вежлив, очень почтителен, даже очень предупредителен с нею, но она хорошо видит, что я ее понимаю насквозь, что я не дам ей действовать свободно, и с некоторого времени она всячески заискивает во мне, несмотря на то, что повидимому терпеть меня не может.

Прощай, мой добрый друг, отвечай мне поскорее и спеши действовать. Вижу, что у меня не остается места для разговоров

---

* Федор. Слово «Ржевский» по-русски в оригинале.

** Это слово по-русски в оригинале.

о себе. Но я сделаю это в моем письме к Танюше, которое ты прочтешь, если пожелаешь.

Целую тебя.

Твой брат М. Бакунин.

Перевод с французского

№ 107. — Письмо сестре Татьяне.

17 марта 1836 года. Москва. Вторник.

Спасибо за твое письмо, дорогая Танюша, оно доставило мне истинное удовольствие. Ты права. Не будем анализировать наших чувств друг к другу, ибо скальпель анализа, желая очистить их от всяких отрицательных сторон, способен по неловкости поранить то, что есть в них живого. А затем, когда нет уверенности, приходится поневоле довольствоваться иллюзией, несмотря на то, что это решительно противоречит моей системе. Но я делаю тебе эту уступку. Итак с этого момента ни слова больше о чувстве в наших письмах.

Сегодня я довольно грустно настроен. События, происшедшие за последнее время в семье Бееров, глубоко меня поразили. Я так люблю этих милых людей. Александрина так нежна и в то же время так тверда, это — настоящая прекрасная душа, у нее такое горячее сердце, столь способное к любви. Наталия менее тверда, чем она, но также обладает прекрасною душою. Она больше, чем Александрина, способна менять свои чувства, настроения и мысли, но от этого ее душа не становится менее прекрасною. Открытая всем впечатлениям, она умеет любить, отдаваться целиком без малейшего эгоизма. Но Александрина, это — ангел. Никогда я не встречал подобной женщины. Поэтому я их очень люблю и очень хотел бы сделать что-нибудь для них. Моя цель—сблизить их навсегда с вами. Вы сумеете их оценить, их полюбить. Вы сумеете их заставить забыть все, что они перенесли! Не правда ли, моя дорогая Танюша, ты будешь любить их вплоть до забвения своего доктринерского тона в своих отношениях с ними? Но не сердись, это я просто так себе болтаю. Так как мы обещали друг другу больше не говорить о чувстве, не будем больше говорить о догматизме, который, как я неоднократно вам повторял, является его величайшим врагом. Но довольно об этом. Все это — настолько старая тема, что нового по ее поводу ничего не скажешь.

Вы уже сделали подсчеты с Жюли *, а я еще не начал, так

* Юлия Ниндель.

как у меня нет еще уроков. Ты просишь меня не делать долгов. Я никогда не сделаю ничего, что способно меня унизить. Вот что я могу тебе ответить, и, признаюсь тебе, я не думал, чтобы мне пришлось когда-либо давать тебе такие уверения. Но расстояние в 160 верст извиняет все, а сверх того и нравственное расстояние, отделяющее нас, представляет еще более сильное извинение. Что делать, мои добрые друзья? Я не сомневаюсь в вашей дружбе, но не понимаю ее смысла и основания, ибо вы любите меня не таким, каков я есть, а таким, каким бы вы хотели, чтобы я был, и таким, каким я никогда не буду. Вы не любите меня в моей жизни, а любите меня в моей смерти. Вы не любите меня в моих чувствах, а любите меня в моих обязанностях. Вы любите меня не в моей религии, а в вашей. Поэтому, если вы меня любите, то вы обманываете сами себя. Вы станете жертвою разочарования, и ничто вас не вознаградит за это, ибо я деятелен только в моей жизни и ничтожен в моей смерти; не знаю, поймете ли вы меня, но я чувствую то, что говорю вам, ибо я люблю вас в ваших душах, а не в тверских салонах подле пианино рядом с каким-нибудь Салогубом! Не знаю, как этот жалкий субъект умудрился пролезть в нашу переписку, не является ли это предчувствием!.. Но нет, я надеюсь, что провидение сохранит меня от этого удара. Я не знаю, до чего бы это могло меня довести...

Мои дорогие друзья, еще одно условие: изгоним этого презренного человека со страниц нашей переписки. Это имя причинило мне слишком много боли, и возможно, что я придаю ему слишком много значения[1]... Прости, моя дорогая Таничка, я сегодня очень грустен, но я перешел через Рубикон, и я все яснее вижу, что это был для меня единственный возможный путь. В Твери я нервничал, здесь я чувствую себя сильным. Я стою на своем пути. Он может быть печален, одинок, но он будет достоин меня. Ты права, моя дорогая, возврат невозможен. С одной стороны, моя нравственная жизнь, моя будущность, а с другой — моя гордость делают его невозможным. Чем хуже идут мои дела, тем крепче я буду. Теперь я очень силен, я могу много вынести, ибо я свободен, ибо я вступил на путь, предназначенный мне провидением. Я это чувствую, ибо при всей своей печали я спокоен. Не знаю, позволят ли мне мои дела приехать к вам летом. Надеюсь, что смогу это сделать. Однако я переживаю невыразимо-прекрасные мгновения, я чувствую себя здесь человеком. В Твери же я был ничем. Что касается моих обя-

занностей, то разве величайшею обязанностью человека не является понять свою миссию и итти по пути, какой она ему указует?

Прощай, мой дорогой друг, не сердись на мое письмо. Ты имела бы гораздо больше права сердиться, если бы я не высказал тебе того, что чувствую. Люби меня, как можешь, мой дорогой друг, и подари меня своим доверием. Знай, что оно может составить счастье брата, который любит тебя нежно.

М. Бакунин.

Матушка сердится на меня за то, что я не питаю к ней доверия. Но как она понимает доверие?

Ефремов тебе и всем кланяется. Гёте должен быть у Мейделя. Первый том Buhle * у Баньковского. Lerminier ** у меня в шкапу, отдать Лажечникову ***. Немецкое статистическое сочинение отдать Штейну ****.

№ 108. — Письмо Александре Беер.

[Вторая половина марта 1836 года. Москва].

Александрина, мои слова это — не фразы. Мое письмо не было продиктовано исключительною дружбою к Наталье: в нем говорила моя дружба к Вам. А моя дружба это не фраза, это сердечное чувство, это часть меня самого. Моя дружба это — я. Меня не обманули, Вы не сказали мне ничего нового, вчера я знал Вас так же хорошо, как знаю сегодня. Весь нынешний день принадлежал Вам. Я думал о Вас, я чувствовал за Вас. Вы не должны итти в монастырь (я теперь говорю Вам не о других, а говорю Вам о Вас самой), нет молитвы, нет покоя, нет бога в рабстве, а монастырь это — рабство, которое в будущем ввергнет Вас в отчаяние. Варинька приедет за Вами. Помогите ей в ее страданиях, она умеет любить, Вы будете служить для нее опорою, Вы отдадите Вашу душу ее детям, — вот будущность, вот деятельность и главное вот свобода. Вы должны мне верить, я требую от Вас выполнения моей воли, а эта воля есть желание Вашего счастья. Отвечайте мне, верьте в меня: я не ошибаюсь, чувство подсказывает. Дайте мне слово в этом, поклянитесь мне, я этого снова требую от Вас, Александрина. Я буду Вашим провидением, а дружба Вариньки заменит Вам рай. Вне этого пути

---

* Буле (см. комм. к № 97 [2]).

** Жан Луи Эжень [2].

*** Иван Иванович [3].

**** Вторая приписка сделана на последней странице сверху и на полях по-русски.

для Вас существует только эгоизм, ибо духовная смерть это — эгоизм, а в рабстве нет жизни.

Отвечайте мне. М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 109. — Письмо сестрам Беер.

[Весна 1836 года. Москва.]

Дорогие друзья!

Спасибо за деньги. Сегодня я с вами не увижусь. Вы, которые не перестаете сомневаться, не знаете, чего мне стоит не видеться с вами хотя бы один только день. Нет, я верю в нашу дружбу и в ее осуществление. Ее начало было святым, обстановка была бурною, но эта гроза была необходима, чтобы придать больше силы соединяющему нас чувству. Мои друзья, скоро вы перестанете сомневаться во мне. Пошлите мне «Anweisung zum seligen Leben» * Фихте. Завтра вечером я приду и буду вам ее читать. А сегодня она скрасит мое одиночество.

Ваш друг М. Бакунин.

№ 110. — Письмо А. П. Ефремову.

[Начало апреля 1836 года. Москва].

Любезный друг Alexandre!

Алексей ** — скотина [1]. Не давай ему ни копейки денег, если даже он тебя будет просить. Приготовь деньги и, если можно, отдай их Алексею Константиновичу [2]. Постарайся, друг. Если же нет, то не иначе как мне. Я не выеду от Влад[имира] Конст[антиновича] ***. Дай знать, когда деньги будут готовы: тогда подумаем о средствах передать их мне. Принеси сам, если можно.

Алексею ни копейки. Отвечай.

Твой М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 111. — Письмо Александре Беер.

Москва. 2 апреля 1836 года.

Комната Влад[имира] Конст[антиновича].

Приятно сообщить хорошую новость, дорогая Александрина. Та, которую я Вам передам, наверное доставит Вам большую ра-

---

* «Наставление в блаженной жизни» (трактат Фихте).

** Беер.

*** Ржевский.

дость и успокоит Вас насчет Наталии. Вы хорошо знаете, что перед тем, как расстаться с Вами, мы спорили с Вами относительно настроения Вашей матушки после Вашего отъезда. Я говорил, что она будет очень рада, Вы утверждали противное, а угадал-то именно я. Матушка была весьма весела, весьма предупредительна, Станкевич чрезвычайно любезен, а я шутлив по обыкновению. Мы достойно закончили вечер партией в пикет, во время которого я ловчайшим образом плутовал и выиграл у Вашей матушки несколько миллионов рублей. Вчерашним утром я покинул Ваш дом. Первую ночь Наталия почти не спала. Но она держала себя мужественно и чрезвычайно рассудительно. Она передала мне через Константина, что убедила матушку сделать ряд визитов.

Я хотел отобедать у Левашовых [1], чтобы повидать г-на Ча[а]даева *. Я не знал, что на этот день приходятся именины хозяина дома. Собралась масса народу. После длительной беседы с г. Чаадаевым [2] о прогрессе человеческого рода, коего он вообразил себя руководителем и знаменосцем, я принял участие в общей беседе. Разговор шел в частности о родственных чувствах и дружбе. Здесь было множество жалких старцев с бескровными лицами, потухшими взорами; мерзость прозябания и самого низменного материализма отпечатлелась во всех их чертах. Были старухи, порождения XVIII века, с претензией на глубокие чувства, вроде мадам Шереметевой **, несчастных копий с маркиз и...*** Людовика XIV и Людовика XV постыдной памяти. Были молодые люди обоего пола, гнусные продукты целого века испорченности, бездушные куклы, странная помесь полнейшей пустоты и огромных притязаний. И все это общество болтало о чувствах, о любви и дружбе. Не зная почти никого, я долго не принимал участия в беседе, но когда г-жа Левашова, женщина большого ума, спросила моего мнения, когда начали говорить вообще об обязанности любить своих родителей, когда заговорили о том, что привычка является законным основанием всякого чувства, тогда я излил всю свою жолчь на это стадо бездушных существ, лишенных веры, любви и мысли. Нас было трое против всех остальных: мадам Левашова, г. Ча[а]даев и я.

---

* Это слово по-русски в оригинале (с одним а).

** Это слово по-русски в оригинале.

*** Письмо попорчено, с оторванными углами, а потому отсутствует много слов.

Меня пригласили к обеду, но я поспешил уйти. Сегодня я пойду к ним для того, чтобы представить свои извинения. Я обедал у вас. Матушка и Наталия вернулись с визитов в очень хорошем настроении. После обеда мы долго беседовали с Наталией. Я нашел ее чрезвычайно рассудительною. Она же обещала мне постепенно привыкнуть к доверчивому отношению ко мне. Я с нетерпением жду этого момента, так как мы принесем друг другу большую пользу. Вечером собралось довольно большое общество: Аксаков [3] с своими дочерьми [пропуск вследствие поврежденного состояния письма], отец и сын Келлеры [4] и Ефремов *. Болтали, смеялись, затем у меня снова была беседа с Наталией, а после того, как и следует, — пикет.

Вот, дорогая Александрина, внешняя сторона двух дней, проведенных в Вашем отсутствии. Эта часть может быть прочтена всеми. Что касается остальной части моего письма, то она принадлежит только Вам. Прежде всего поговорим о Вас и о Вашей семье, а затем, если останется место, я поговорю и о себе самом.

Последние события больше чем когда-либо открыли мне глаза на состояние ваших семейных взаимоотношений. Кажется, я понял их целиком и отдал себе, наконец, отчет во всех впечатлениях, во всех рассеянных мыслях, рождавшихся в отдельные моменты. Все это теперь сложилось в одно целое, о котором я создал себе ясное и точное понятие. Я хочу поделиться с Вами своими выводами, а средства, способные привести в гармонию все эти противоположные элементы, естественно вытекут как необходимое и неизбежное последствие всего того, что я Вам скажу. Я принужден буду напомнить Вам некоторые, быть может, жестокие истины, но без этого не обойтись. Как бы истина ни была жестока, она никогда не может быть злом, она всегда является благом. Действительность не может быть целиком дурна, и если иногда тщетно ищешь во внешнем мире гармонии, которую хочется чувствовать в своей душе, если разбитая иллюзия иногда заставляет нас глубоко страдать, то нельзя сказать, чтобы невозможно было найти в действительности ничего гармоничного, ничего теплого и ничего прекрасного, чтобы нельзя было найти в ней ни одного слова, являющегося отголоском своих собственных чувств и собственных страданий. А в таком случае человек полностью бывает вознагражден за все, что он

* Это слово по-русски в оригинале.

пережил во время поисков, за все свои разочарования и потерянные иллюзии. И разве мы не обрели друг друга, мы трое, столь хорошо понимающие друг друга, не нуждающиеся во фразах, во внешних рекомендациях и в догматизме, для того чтобы искренне любить друг друга? А такая дружба может хорошо утешить во многих отношениях. Мои поиски кончены, так как я нашел то, чего искал. Вы меня любите, потому что меня понимаете, и любите меня, несмотря на то, что меня понимаете. И прекрасно, больше мне ничего не нужно. Я понят, я любим, и потому малейшее из моих чувств, малейшая из моих мыслей найдут отклик в Вашем сердце. Человек силен, когда он одинок, но он гораздо более силен, когда он не одинок.

Ну, довольно об этом. Я хотел поговорить с Вами о Вас, а заговорил о себе самом. Я кончил эгоизмом. Это—естественный уклон моего сердца, скажут Вам мои родители и мои сестры. Не верьте им, дорогая Александрина, так как Вы знаете, способен ли я любить, а тот, кто способен любить, не может быть эгоистом.

М. Бакунин.

В другом письме я поговорю с Вами о Вашем семействе. Думаю, что уже полдень, и боюсь опоздать. Я начал это письмо в довольно спокойном настроении, а закончил его в совершенно [другом] настроении. Не следует растравлять глубокие и с трудом заживающие раны. Это портит кровь. Наталия пишет Вам большое письмо.

№ 112.—Письмо Александре Беер.

4 апреля 1836 года. [Москва.]

Пусть письма Наталии Вас не пугают, дорогая Александрина. Я беру ответственость на себя. Я потребовал от нее полной откровенности и сделал это не без умысла. Я разгадал все ее чувства, я угадал главным образом их причину, и вот почему я без всякого опасения беру на себя ответственность за все, что может случиться. Наши чувства одинаковы, формы же их различны, и только Вы и особенно я можем придать им необходимое направление. Я ощущаю в себе такое напряжение чувств, которого хватит на вас двоих, которое способно исцелить зло, от которого вы страдаете. Откровенность Наталии, быть может,

спасла ее. Без нее мне трудно было бы коснуться столь деликатного предмета. Я надеюсь, дорогая Александрина, что никогда мысль о польщенном самолюбии не приходила Вам в голову на мой счет. Вы знаете меня слишком хорошо, а это значило бы приписывать мне чувства, меня недостойные. Нет, во мне говорит глубокое чувство дружбы к вам, мои дорогие друзья. Наталия нуждается в спокойствии. Ей нужно внушить не узкое чувство покоя, которое иссушает душу, отнимая у нее ее необходимую пищу — любовь, нет, но ей нужно доставить спокойствие истинной любви, образ той любви к богу, которую мне удалось так хорошо понять, о которой я вам так часто говорил и которая отныне сделалась целью всего моего существования. О, не нужно бояться любви, потому что это было бы страхом перед жизнью. Любить значит жить, убивать свою любовь значит убивать свою жизнь, и это самоубийство гораздо более преступно, чем самоубийство обычное, ибо убивать свою любовь значит убивать свою моральную жизнь, свое человеческое достоинство, своего бога. Человек, который не любит, не есть человек, он не носит в себе бога, и для него не существует бог. Но эта любовь должна быть достойна бога и человека. Страсть представляет шаг к истинной любви, но это — не истинная любовь, ибо, давая необычайную жизнь одной стороне души, она убивает все остальные, она несет гибель всем остальным, а в душе должна царить абсолютная гармония. Абсолютная гармония души, основанная на абсолютной любви—вот счастье, вот бог, а всякая страсть, не порождающая этой гармонии, не дающая этого счастья, еще не является любовью, еще не есть бог. Нужно очистить свою душу, чтобы сделаться богом, ибо вот цель человека: он стремится сделаться богом, и он будет им. Много еще нужно пройти пути, много трудностей преодолеть, чтобы достигнуть этой цели. Эти трудности создаются эгоизмом, и вот страсть и является борьбою эгоизма с любовью, животного — с богом. Таким образом человек сам по себе представляет вечную борьбу животного с божеством. Животное будет убито, и человек станет богом. И все человечество и все личности сольются в одной личности, в любви, в боге.

Будем надеяться, будем верить, мои добрые друзья. Вера и надежда — это предтечи любви. Давайте вместе работать, давайте очищаться, чтобы достигнуть этого божественного и этого прекрасного предназначения. Подадим друг другу руки для веч-

ной жизни. Я не говорю — для смерти, ибо нет смерти для любящего человека, ибо любящий человек есть бог, а бог вечен. Не будем бояться раскрывать друг перед другом свои души полностью. Пусть ложная скромность или ложное самолюбие не мешают нам достигнуть нашей возвышенной цели. О, мои дорогие друзья, как сильно я чувствую, что я вас люблю, как ваша дружба и ваша любовь подняли меня в моих собственных глазах.

Ну, довольно об этом. Вы меня понимаете, милая Наталия! Вы ничего больше не боитесь, моя очаровательная Александрина! Вчера мы получили Ваше письмо. Я никогда не клялся в вечной любви Алексею *, ибо очень хорошо припоминаю эту сцену на диване. Ах, я растерял много иллюзий, но я продолжал надеяться и верить, а теперь я убежден. Но моя убежденность неутешительна. Однако я не вправе жаловаться на провидение: ваша дружба дала мне вас.

М. Бакунин.

Вы хорошо понимаете, моя милая Александрина, что это письмо должно быть прочтено только вами одною.

Перевод с французского.

№ 113. — Письмо Александре Беер.

6 апреля 1836 года. Москва.

Снова говорю Вам, милая Александрина, не бойтесь ничего. Страстный характер Вашей сестры требует только направления. В ее душе столько прекрасных элементов, она создана для той божественной любви, о которой я Вам говорил. Вместе мы будем работать над тем, чтобы стать достойными ее. Мы овладеем этою любовью, мы пропитаем ею все наше существование, мы сделаем ее хозяином, основою всех наших действий. О, какое возвышенное счастье я предвижу в будущем. Любить и быть любимым! Не будем же страшиться трудностей, способных замедлить наши шаги. Любить и хотеть — вот наш девиз. В Наталии имеется много прекрасного, но все это еще не приведено в гармонию. Внешние обстоятельства, ее моральные и физические страдания еще не дали ей возможности сосредоточиться. И только в ее сердце, только в глубине ее души можно найти ту божественную гармонию, то мощное спокойствие, ту истинную любовь, наконец того бога, о котором я вам говорил. Напрасно было бы

* Беер.

искать их в холодных формулах религий, которая является религией лишь постольку, поскольку она говорит нашему сердцу. Напрасно было бы искать их во внешнем мире, который не может дать ничего, который сам требует у души законов этой небесной гармонии, который бывает гармоничным лишь постольку, поскольку находится под влиянием души. Их нужно искать в себе самом. Не нужно стремиться к изменению своих внешних поступков, а необходимо очистить свою душу, убить эгоизм, и это нужно сделать не с помощью нелепых законов долга и светских приличий, а нужно следовать чувству и мысли, ибо мысль и чувство представляют единственные проявления бога в человеке, и кто отвергает мысль и чувство, тот отвергает бога. Освободить мысль и чувство от всего, что может их стеснить, вот в чем должен заключаться труд человека. А что же может их затруднить, как не мелкие слабости, мелочные привычки, все эти продукты жалкого самолюбия, которые стремятся снискать нам признание общественного мнения и которые сами проистекают из эгоизма, этого общего источника всех зол? Я говорю это потому, что знаю это по собственному опыту, ибо когда я сосредоточился для того, чтобы лучше себя познать, когда я хотел очистить свою душу от всего, что могло задержать ее шествие к небесной родине, я нашел, что мне не приходится бороться с глубокими пороками, пороками, признаваемыми за таковые обществом, нет, но я убедился, что душа моя скована кучею привычек, мелких слабостей, жалким самолюбием, освященными обществом, но отвергаемыми богом. И эти привычки, эти слабости и это самолюбие не являются мелочами, нет, они очень важны, так как причиною они имеют эгоизм, так как они вытекают из материального, животного *я*, так как они угашают моральное *я*, божественное *я*, и необходимо от него отделаться и необходимо освободить любовь от эгоизма, а все, что отделяет человека от человека, есть эгоизм (я говорю здесь в смысле абсолютного, а не относительного), и все, что объединяет человека с человеком, есть любовь. Чем больше человек является внешним, тем больше он ненавидит, а чем больше человек является внутренним, тем больше он любит. И это вполне естественно, так как во внешней жизни он находит материальные интересы, которые, благоприятствуя одному, не могут не отнимать у другого, а в своей внутренней жизни он обретает бога, любовь, это божественное пламя, которое чем больше дробится, тем

больше усиливается. Чем человек является более внешним, тем больше он удаляется от бога, от любви, которые составляют нашу общую отчизну. Чем больше он является внутренним, тем больше он к ним приближается, и тем в более значительной степени его достояние становится общим достоянием, ибо бог и любовь суть общее достояние.

Я не стремлюсь здесь к уничижению внешнего существования, но я говорю только, что в основе его должна лежать внутренняя жизнь и что оно должно быть ее естественным последствием. Все поступки человека должны проистекать от бога, из любви, из этого единственного абсолютного принципа, единственно истинного и единственно вечного. Но как знать, иду ли я по верному пути, не избрал ли я ложного пути? — спросите Вы меня. Сосредоточьтесь в себе самой и спросите себя, довольны ли Вы собою, и тогда, если голос бога в Вас не окончательно заглушен, если холодное безразличие не угасило в Вас любви, и если Вы идете не по истинному пути, то хотя бы вы выполняли все предписания той религии, которой дали имя христианской и которая является только пародиею на нее, хотя бы Вы выполняли все обязанности, предписанные обществом, этот внутренний голос скажет Вам, что Вы отходите от истинного бога, от истинной любви. Если Вы, подавив действие мысли и чувства, броситесь в объятия долга и, выполняя все эти внешние предписания, испытаете своего рода успокоение, перенесите Ваше внимание на самих себя, не бойтесь проанализировать все элементы Вашей внутренней жизни — и вскоре Вы увидите, что этот искусственный покой исчезнет, чтобы уступить место тягостному чувству, естественному следствию насильственного подавления Ваших умственных и нравственных способностей. Так что же? Человек становится достойным божества, только убивая в себе все то, что может сравнять его с божеством; чтобы понравиться богу, он должен стать животным? Нужно убить и мысль и чувство, нужно проституировать свое человеческое достоинство, нужно стать рабом жалкого долга, жалкой формулы, придуманной эгоизмом? И кто же этот ревнивый властелин, которому приятно лишь унижение человечества? Этот бог должен быть эгоистом, должен быть сам животным, и если не существует другого, то я презираю этого и говорю, что именно он является креатурою. Но нет, есть бог. Я обрел его в себе. Этот бог требует от меня достоинства, он хочет, чтобы я был свободен, ибо он сам сво-

боден. Он хочет, чтобы я развивал в вечности мои моральные и интеллектуальные способности, ибо всякое существо, которое не мыслит и не чувствует, есть животное, а он является врагом животности. Вот каков истинный бог. Простремся же перед ним, и, делая это, мы не унизимся.

Быть довольным самим собою по принципам вечной любви, с помощью мысли и чувства — вот истинная формула истинной христианской религии, как я ее понимаю. Малейший наш проступок должен быть сообразован с этим абсолютным принципом. И вот истинный долг, единственный долг — чувство. Вне этой сферы все омерзительно!

Но человек не один. Он встречает других людей; до него существовали другие люди, после него будут существовать еще люди, люди, подобные ему, люди, носившие бога в себе и в большей или меньшей степени сознававшие это. Таким образом они должны были необходимо стремиться к той же цели. Одни сознавали и сознают это, другие будут делать и делают это инстинктивно. Все эти люди, прежде существовавшие, ныне существующие и будущие, составляют человечество, которое вечно. Это человечество имеет ту же цель, что и индивидуальный человек, но силы его гораздо более значительны, но шествие его безошибочно. Его руководителем является провидение, а цель, к которой оно стремится,—идеальный человек. И это провидение есть не что иное, как сам человек, освобожденный от материальных препон, не что иное, как сам бог, и этот идеальный человек — не что иное, как эта абсолютная любовь, этот бог. Таким образом человечество имеет бога руководителем и бога целью, и оно является непогрешимым. Отдельный человек, как бы велик он ни был, находится под влиянием внешних обстоятельств, его окружающих, эпохи, в которой он родился, духа века, который ему предшествовал. Он может поэтому развить только одну сторону абсолютной гармонии, единой истины, вечного бога. В нем истинна только эта сторона, все же остальные ложны, ибо они проистекают из обстоятельств времени и пространства. Общество, формирующее индивида, народ, нацию, уничтожает в известной мере эти материальные препоны и в особенности пространство. Оно развивает одну сторону, одну отрасль, более обширную и более близкую к абсолютной гармонии, но она остается специальной, ибо она всегда находится под влиянием пространства и времени.

Обстоятельства, способствовавшие развитию его характера, ограничивают его действия. Поэтому только человечеству в целом свойственно движение общее, а не специальное. Пространство исчезает для него, оно скована только временем, а когда исчезнет и время, человечество станет богом.

Существуют таким образом три ступени эгоизма: эгоизм индивидуальный, эгоизм семейный и эгоизм национальный. Своею материальною личностью нужно жертвовать для своей семьи, индивидуальностью своей семьи — для своего отечества, а индивидуальностью своего отечества — для всего человечества. Я говорю здесь только о материальной индивидуальности, так как жертвовать своею умственною и моральною индивидуальностью грешно. Эта моральная индивидуальность есть бог, а разве пожертвование богом может привести к богу? Материальная индивидуальность есть эгоизм. Вы видите таким образом, что все народы ведутся рукою божиею, что характер и развитие какого-нибудь народа представляют глас* божий, ограниченный пространством и временем, что шествие человечества есть глас божий, ограниченный временем. Этот глас божий действует инстинктивно в стремлении народов, он действует инстинктивно в движении человечества. Если эта национальная тенденция, этот глас божий, ограниченный пространством и временем, входит в сознание личности, то эта личность становится национальным гением, гением второго разряда. Если же в сознание личности входит указанное движение человечества, этот глас божий, ограниченный только временем, то данная личность становится гением, принадлежащим всему человечеству, гением первого разряда. Иисус Христос, богочеловек, есть всемирный гений, так как его религия принадлежит всему человечеству.

Я говорю Вам все это не без умысла. Вы увидите, что это сказано для того, чтобы приложить сказанное к нам самим. Вы видите, что цель человечества есть Ваша цель, Вы видите также, что это человечество трудится для того, чтобы достигнуть своей цели, и оно добилось кое-чего, оно выразило свои мысли и свои чувства. Вы чувствуете, что Ваша божественная личность слаба, что она сильна только в целом человечестве. Поэтому Вы не можете относиться индиферентно к тому, что выражено человече-

* В оригинале неразборчиво: voix (глас) или voie (путь). Так что здесь и дальше можно читать и как «глас божий» и как «путь божий».

ством. Каждый человеческий индивидуум мыслил, чувствовал, желал, стремился, страдал. Его страдания, его чувства, его надежды не могут быть для Вас чуждыми, так как они принадлежат и Вам, так как Вы также страдали, страдаете, надеетесь. Поэтому Вы хотите знать результаты их существования, Вы хотите сочувствовать их страданиям, хотите разделить их надежды, ибо когда Вы — в боге, Вы также — во всем человечестве, так как бог—в человечестве. Вот каковым должен быть мотив всех Ваших занятий. Всякое занятие должно быть результатом какого-нибудь запроса, необходимости знать что-либо, относящееся к внутренней жизни. Читайте же евангелие, поэтов, историю, все, что имеет отношение главным образом к чувству, так как чувство почти исключительно господствует в женщине. Но не берите в руки книгу только для того, чтобы прочитать ее, как мои сестры делали с Бульвером [1]. Что они извлекли оттуда? Получили ли от него утешение, доставила ли им эта книга минуту счастья? Может ли эта книга быть им полезною в их практической жизни, или они прочли ее только для того, чтобы иметь возможность вести в салоне беседу об английских учреждениях? Нет, они прочли ее просто потому, что молодые девицы, хорошо воспитанные, должны заниматься чтением. Чтение является для них занятием, а не потребностью, ибо если бы они чувствовали в нем потребность, то они выбрали бы не Бульвера. «Это интересно»,—скажут они. Ну, да бог с ними! В жизни имеется нечто более интересное, чем то, что их занимает. Когда они читали Франсуа де-Саля [2], тогда они читали вследствие потребности... Но с тех пор они сильно изменились!

Я хочу заставить Наталию изучить немецкий язык. Я постараюсь облегчить ей это изучение. Пусть она снова займется рисованием, музыкою. Чтение и искусство возвышают душу, дают ей необходимую силу для выполнения своей миссии. Мы будем работать вместе с нею, и Вы увидите, что в Попове я поведу вас по пути совершенствования.

Теперь пару слов относительно личной симпатии людей, относительно дружбы и любви. Я понимаю эти чувства лишь постольку, поскольку они вытекают из божественной любви. Для того чтобы два человека могли друг друга любить, для того чтобы они могли быть связаны узами личного чувства, они должны понимать друг друга, между ними должна господствовать гармония чувства и мысли. Этого-то я и не нашел в моих

сестрах, но я нашел это в вас, мои милые, очаровательные друзья. Да, дорогие друзья, дадим друг другу руки, отвергнем ложную разумность тех жалких социальных законов, того презренного эгоизма, который ставит себе в заслугу разделение людей нелепыми условностями косной и безжизненной толпы. Будем жить человеческою жизнью!

Ах, мои дорогие друзья, я обрел наконец в вас существ, которые меня вполне понимают. Я счастлив, я чувствую себя сильным, мне не нужно ничего во внешнем мире. Откройте мне ваши души, мои дорогие друзья, моя открыта для вас. Нет, не будем расставаться. Никто из нас не останется одиноким. Наши сердца чисты, наша цель одинакова. Дадим же друг другу руки для вечной жизни.

Не говорите больше с ним *, моя милая Александрина, он не стоит Вас. Он не должен больше заставлять Вас страдать. Он потерял свои права благодаря своему недостойному поведению.

Прощайте, мои дорогие друзья.

Ваш друг
М. Бакунин.

Алексей ** до сих пор мне не написал. Я отошлю Вам его письмо и не буду сердиться, когда буду ему отвечать, каково бы ни было его письмо.

Я видел своего ученика. Завтра первый урок.

Перевод с французского.

№ 114. — Письмо Александре Беер.

[Первые числа апреля 1836 года. Москва.]

...Я отослал мое письмо Наталии. Она еще спит. Ей необходим отдых, а я буду продолжать. Во мне родилось желание или, лучше сказать, необходимость изложить Вам все мое верование, всю мою практическую философию.

Любовь это — бог, страсть это — человек. Страсть, перешедшая в любовь, — вот цель человека. Таким образом в человеке имеется два элемента: бог и животное, любовь и эгоизм.

---

* Федор Ржевский.
** Беер.

Борьба этих двух элементов создает страсть, создает человека. Человек, свободный от приступов страсти, есть или бог или животное. Иисус Христос возвысился над страстью: он — бог. Не было людей, похожих на него,—значит, кроме него не было людей, возвысившихся до бога, следовательно не было людей, изменивших в себе страсть, эту относительную любовь, в любовь абсолютную, т. е. не было людей, целиком убивших в себе животное, эгоизм. Таким образом всякий человек. недоступный страсти, который не стал богом, сменил свое человеческое достоинство на звание животного, ибо, сохранив в себе эгоизм, животное, он сделал себя недоступным любви, богу, которые с ним борются и путем этой борьбы порождают страсть. Отсюда следует, что не нужно убивать страсть, ибо, убивая страсть, убивают вместе с тем и любовь, бога, которые ее порождают, убивают человека и создают животное. Поэтому не следует убивать страсть, а нужно ею управлять, очищать ее, отделяя от присущей ей любви сковывающий ее эгоизм.

Какие для этого существуют средства? Мысль и чувство, философия и религия — истинная философия религиозна, истинная религия философична,—так как мысль не может существовать без чувства, а чувство ничего не стоит без мысли, ибо оба они сливаются в любви, в боге. Мысль и чувство составляют проявление бога в человеке. Цель их одна и та же, а именно — любовь, бог. Таким образом содержание философии и религии одно и то же, только формы их различны, ибо органом одной является мысль, а органом другой — чувство. Иисус Христос был проявлением абсолютной любви, бога в человеке посредством чувства. Его религия (оставляя в стороне ложное толкование евангельских изречений) истинна. Проявление бога посредством мысли придает философии завершенный характер. До сих пор это не произошло, но, повидимому, скоро произойдет, и возможно, что немецкая философия от Канта (Фихте, Шеллинг) до Гегеля предвещала это.

Истинная [зачеркнуто: всякая] философия и истинная [зачеркнуто: всякая] религия должны вытекать из души. Всякая философия и всякая религия, идущие извне и не находящие отклика в уме и сердце человека, являются ложными. Таким образом философия и религия созданы не для подавления страстных движений человека, а для управления ими. А управлять ими они могут, только обращаясь к его уму и к его сердцу. Все, что нахо-

дится вне сферы чувства и мысли, является низменным, эгоистичным, животным.

Куда же денется долг, который, как говорят, должен направлять человека на верный путь? Если он обращается к нашему уму и к нашему сердцу, то он не нужен, ибо когда говорят «долг», то имеют в виду нечто такое, что приходится делать вопреки своим мыслям, вопреки своим чувствам, а нет ничего более естественного, чем следовать велениям своего ума и сердца, и этого вовсе не нужно рекомендовать человеку. Но когда долг парализует действие мысли и чувства, он отнимает у человека единственное средство овладеть богом. Поэтому существует один только истинный долг, а именно помогать любви, богу всеми силами своей воли против эгоизма, против животности. А самый этот долг есть чувство, мысль, ибо он может вытекать только из религии и философии. А так как религия и философия сами создаются только чувством и мыслью, то и самый долг есть лишь создание мысли и чувства. Таким образом и самый долг есть мысль и чувство. Одним словом, он представляет внутреннее чувство, а если долг есть внутреннее чувство, то он представляет ненужное слово. Но если он есть внешнее условие, общественное условие, созданное для угнетения, для парализования движений ума и сердца, то он омерзителен, ибо он содействует эгоизму, убивая любовь. Таким образом нет долга, есть только мысль и чувство, составляющие достоинство и божественный характер человека.

Надеюсь, что Вы поймете все, что я здесь высказал,— ведь это так просто и так ясно.

Повторяю снова, не бойтесь за Наталию. Я отослал ей первый листок моего письма и посылаю Вам ее ответ. Вы увидите, что все пойдет хорошо, поверьте мне. Я чувствую в себе достаточно сил для вас всех. Если бы мои сестры прочитали это письмо, они подняли бы крик о моем чудовищном самолюбии, о моей чудовищной самонадеянности. Но вы, хорошо знающие меня, поймете, что во мне говорит не самолюбие и не самонадеянность, а глубокое убеждение. О, вы для меня гораздо больше сестры, чем они, ибо вы—сестры моей души, сестры того бесконечного, которое стремится к абсолютной бесконечности. Каким великим я чувствую себя в эту минуту! Я чувствую себя человеком! Назначением моим является бог. Великие бури и громы, потрясенная земля, я не боюсь вас, я вас презираю, ибо я человек! Моя

гордая и непоколебимая воля спокойно пройдет сквозь все ваши потрясения, чтобы достигнуть своего высокого предназначения! Я — человек, и я буду богом!

Прощайте, моя дорога Александрина. Больше о себе я не стану Вам говорить. Я уже сделал это, когда рассказал Вам о моем внутреннем мире. Что же касается внешнего мира, то думаю, что завтра смогу начать свои уроки [1].

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 115. — Письмо сестре Варваре.

12 апреля 1836 г[ода]. Москва.

Дорогая Варинька!

Я не хотел разыгрывать гордеца, я не ношу маски и никогда не считал допустимым или полезным вырывать путем кривлянья то, что должно исходить из сердца и что одно только сердце и может дать. Поэтому, если я молчал, то причина этого была очень простая. Я заметил, что характер, который приняла наша переписка, не способен укрепить нашу дружбу, что если она еще не совсем разрушена, то по меньшей мере сильно поколеблена. Кто в этом виноват? — скажешь ты мне. Я никого не обвиняю, ибо всегда чувствовал, что люблю вас, ибо ваша любовь была необходима для меня, ибо я еще и теперь люблю вас всею душою. Вас я также не обвиняю, ибо знаю, что вы действовали согласно своим убеждениям, согласно вашей религии, и я был бы гораздо более огорчен, если бы видел, что ваши убеждения и ваша религия остаются пассивными, если бы я видел вас безразличными к тому, что составляет нравственную жизнь человека и должно быть принципом всех его действий. Горе тому, кто не делает того, что считает необходимым делать! Таким образом вы выполнили свой долг, и я вас в этом не виню. Ты скажешь, что я действовал против этих убеждений, против этой религии. Но я также исполнял свой долг, потому что у меня также есть свои убеждения, есть своя религия, составляющие ныне все мое существование, являющиеся центром всей моей жизни. Я также люблю добро, и я искал и ищу его там, где

думал и думаю его найти. Каждый из нас идет по тому пути, который он считает наилучшим. Если эти пути не сливаются в один, если наши цели не одинаковы, кто же в этом виноват? Во всяком случае мы в этом не виноваты, ибо каждый из нас выполняет свой долг, каждый из нас считает свои убеждения лучшими и единственно правильными. И горе тому, кто думает иначе, ибо в таком случае это — человек без убеждений, а человек без убеждений жалок.

Но разве нельзя любить друг друга, несмотря на различие убеждений? — спросишь ты меня. Я сильно в этом сомневаюсь, ибо, говоря о дружбе, мы, надеюсь, говорим не о жалкой пародии на истинное чувство, не о продукте привычки, которому иногда также дают имя дружбы, как бы желая этим заполнить пустоту внешней жизни. Нет, мы говорим о том настоящем чувстве, о той непреодолимой симпатии душ, которая заставляет людей любить друг друга неизвестно почему, которая делает расхождение невозможным. Привычка может быть разрушена разлукою, но симпатия не подлежит ее действию, ибо это — б о ж е с т в е н н о е предчувствие нашей небесной отчизны, той божественной любви, которая должна быть целью всех людей. И где же найдет место эта дружба, если не в душе, а что составляет душу, если не убеждение? Итак дружба есть согласие убеждений, она может существовать лишь при этом единственном условии.

Не думай однако, что я намерен этим доказать невозможность дружбы между нами. Я не мог бы этого сделать, если бы даже хотел. Факты доказали бы обратное. Если эта дружба еще не развилась, если необходимая основа всякого чувства—взаимная вера и взаимное понимание — еще не заложена, тем не менее элементы их существуют, ибо я чувствую, что я люблю вас горячо, ибо я уверен в наших взаимных чувствах. Эти чувства не являются продуктом привычки, ибо у меня не было времени привыкнуть к вам, ибо привычка имеет мало влияния на меня. Это также не продукт мыслей о родстве между братьями и сестрами, лишенных смысла до тех пор, пока они не освящены привязанностью душ. Таким образом эти чувства должны быть истинными, они свидетельствуют о скрытом и невидимом согласии в убеждениях, в наших верованиях. Не религия моя вам не нравится, а вы сомневаетесь в моей добросовестности, вы приписываете мне шарлатанство, претензии, которых у меня никогда не бывало. Вот в чем заключается величайшее препят-

ствие к нашей дружбе, ибо, когда ставят под сомнение добросовестность человека, этим самым убивается основной элемент дружбы — доверие. А раз парализовано доверие, то чем будет питаться дружба? Можно сказать человеку, что его суждения ложны, поступки плохи, можно доказать это ему, не оскорбляя его, не отталкивая его от себя. Он может найти сделанные ему замечания верными или неверными, но ни в том, ни в другом случае чувство дружбы не будет разрушено. Но когда ему говорят: ты неискренен, ты говоришь то, чего не думаешь, ты взял на себя несвойственную тебе роль, ты щеголяешь верованиями и мыслями, которых ты не разделяешь, то для дружбы места нет, ибо она может существовать лишь в атмосфере доверия.

Это-то и произошло со мною. Не думайте, что я собираюсь здесь интересничать и разыгрывать несчастненького. Это действительно было бы маскою, ибо я должен прямо признать, что чувствую себя здесь в Москве более счастливым, чем был в Твери. Здесь я ощущаю свое человеческое достоинство, вижу путь, которым должен итти, и имею утешительное убеждение, что я с него не уклонился. В Твери же я находился в ложном положении, которое исключало для меня возможность какой-либо деятельности, и был действительно несчастен, ибо был недоволен самим собою. Поэтому, когда я говорю, что со мною именно это и случилось, то я говорю это просто, без всякого дурного чувства к вам. Вы не познали меня таким, каков я есть, вы усомнились во мне, вы приписывали мне то эгоизм, то ребячество, то слишком страстный характер. В этом не было вашей вины, ибо вы судили по внешним поступкам, скрытые причины которых вам представлялись во мне невозможными. Не знаю, поверишь ли ты мне и теперь. Может быть, ты скажешь, что сердце мое было оскорблено не вашими сомнениями, а просто разоблачением моих недостатков, задевшим мое самолюбие. А отсюда следует тот вывод, что я могу любить только тех, кто мне льстит, а потому могу любить только тех, кто этого не стоит, что я неспособен к действительному чувству.

Я весьма самолюбив, дорогая Варинька, но мое самолюбие другого сорта и стоит гораздо выше, чем вы думаете. Мое самолюбие чисто внутреннее. Оно заключается в охране моего достоинства, моего человеческого характера и может создавать мне врагов только из числа тех, кто покушается на мое достоинство. Но у меня очень мало внешнего самолюбия, и если я говорю,

что не забочусь о мнении людей, которых не люблю, то уверяю тебя, что это — не аффектация, а чистая истина. Если я не позволял какому-то фату, если я не хотел, чтобы индиферентные люди вмешивались в мои дела и присваивали себе право давать мне советы, то делал это лишь для того, чтобы избавиться от них, чтобы сохранить приличия, ибо приличия созданы только для индиферентных людей. Это — единственный случай, когда общественные условности имеют положительную сторону, и этот единственный случай следует использовать. Таким образом мне можно указывать на все мои недостатки (а у меня имеются очень серьезные недостатки, от которых я стараюсь освободиться) без опасения меня задеть. Если эти замечания продиктованы дружбою, то я могу быть за это только признателен, и уверяю тебя, моя дорогая, что мое самолюбие нисколько этим не задевается, ибо у меня нет нелепой претензии считать себя безгрешным, и я могу только поблагодарить того, кто помогает мне избавиться от моих недостатков. Но для этого нужно, чтобы такой человек знал мою внутреннюю природу, а не судил обо мне по внешним признакам, ибо, как я знаю по опыту, мои внешние свойства очень часто противоречат моему внутреннему существу, а это есть основа всех недостатков, ибо внутреннее существо всегда чисто, и человек не может совершенствоваться иначе, как согласуя свое внешнее существо [с внутренним], как действуя согласно своему пониманию добра. Вот единый и единственный долг, который я признаю, ибо я не признаю иных долгов, кроме тех, которые вытекают из моей религии, и не признаю иной религии, кроме той, которая соответствует моей душе. Я — христианин, потому что христианская религия есть религия моей души, в христианской же религии я признаю одно только евангелие, а в нем я признаю только то, что говорит моей душе. Ибо вера есть не что иное, как способность души, не могущая подняться выше души. Душа активна лишь в своем кругу, в сфере любви и сердца. Я могу верить только в то, что люблю, и могу любить только то, что понимаю. Вот моя религия. Она очень проста, она отнюдь не притязает на трудность ее понимания. Но если ты хочешь более близко познакомиться с моими убеждениями, попроси у Александрины мои два письма. Она покажет тебе из них то, что сочтет возможным показать тебе.

Итак я говорю, что для того, чтобы иметь возможность исправлять недостатки человека, нужно его любить не тем чув-

ством благожелательности ко всем, которое вменяется в обязанность христианину и которое составляет весьма естественное чувство у нравственного человека, но нужно любить его истинною любовью, на началах равного с равным. В таком случае вполне естественно, что две души помогают друг другу в деле самоочищения, но это должно быть следствием, а ни в коем случае не основою дружбы. В противном случае это было бы дружбою навыворот, и именно такою была ваша дружба ко мне. Не питая ко мне настоящего чувства дружбы, а любя идею брата, привыкши слышать, что нужно любить своих ближних и родных, вы пожелали создать такую дружбу, начали с конца и сделали ложный шаг. Иначе и не могло быть, так как чувство не создается. Оно возникает самопроизвольно, независимо от человеческой воли.

Не сердись, моя дорогая Варинька, за то, что я тебе это говорю. Не принимай моих слов за желание разыграть из себя роль непонятого всем миром страдальца, за желание оскорбить тебя. Нет, я получил откровенное письмо и считаю своею обязанностью ответить откровенным же письмом. Я слишком хорошо знаю вас всех для того, чтобы когда-либо обвинить вас в фанатизме, в ханжестве, в холодных расчетах. Нет, мои дорогие друзья, я знаю, что у вас горячие сердца, прекрасные души, я это знаю, ибо я вас люблю и, поверьте мне, люблю вас больше, чем вы это думаете, люблю вас сильнее, чем вы можете любить меня. И вот почему все высказанные мною здесь суждения неоднократно разрывали мое сердце. Если бы вы могли видеть, что совершалось в моей душе в последние дни моего пребывания в Твери, если бы я мог описать все, что я выстрадал, если бы вы знали, чего мне стоило это приведение в ясность наших настоящих отношений, вы не сказали бы, что я — эгоист, ребенок и человек, неспособный к любви. Вы увидели бы, что душа моя соткана из огня и любви, вы увидели бы, что ваша дружба была единственным предметом, которого я желал. Вы поняли бы, что если бы я обладал этою дружбою, я ни за что в мире вас не оставил бы, я бросил бы все, и мои планы, и мои надежды, для того чтобы жить только с вами, чтобы жить только в вас. Разве ты, Танюша, дружбы которой я искал больше, чем чьей-либо другой, не замечала, что у меня была потребность любить и быть любимым? Помнишь ли ты о моем нелепом поведении в Прямухине после твоего возвращения из Старицы с Варин-

кой и Николаем? Неужели ты усмотрела в этом только ребячество? Нет, не говорите, что я вас не любил. Я всегда любил вас сильнее, чем вы меня. Я любил вас по необходимости, вы же любили меня по обязанности. Это — большая разница. Если бы вы в Твери сказали мне хоть одно слово, которое прямо дошло бы до моего сердца, я остался бы, я отказался бы от всего, чтобы жить только в атмосфере вашей дружбы. Ты сказала мне одно слово, Варинька, но это не было слово, способное меня удержать. Сомнение в моей искренности уже владело вами, и я уехал и должен был уехать. Нет, мои дорогие друзья, не говорите, что я вас не любил, не люблю! Мой отъезд спас меня. Возможно, что вы этого не понимаете, но если бы вы знали, в каком состоянии я находился в последние дни своего пребывания в Твери, вы бы это поняли. Разве в моих письмах из Москвы не выразились все мои чувства? Разве вы не заметили в них того волнения, возбудить которое индиферентность не в состоянии? Неужели же вы увидели в них одни только фразы? Нет, не говорите, что я вас не любил.

Еще одно слово. Ты говоришь, Варинька, что я в вашем лице создаю себе врагов. Никогда это не приходило мне в голову. И если мысль о вашем безразличном отношении ко мне могла казаться мне основательною, ничто не могло мне доказать вашего нерасположения. Я нисколько не сержусь за приписываемую мне тобою аффектацию. Но я должен тебе ответить и по этому пункту. Нет, моя дорогая Варинька, у меня нет времени думать о поэтических и чрезвычайных эффектах, у меня нет времени забавляться глупостями. Моя жизнь протекает здесь слишком одиноко, чтобы я мог производить большой эффект. Я вращаюсь в очень узком кругу друзей, которых я слишком люблю и которыми я слишком любим для того, чтобы я мог желать их обмануть ложною внешностью. Человек ищет необычного и поэзии во внешнем лишь тогда, когда внутренний мир его беден. Но я уверяю тебя, Варинька, что душа моя снова богата мыслями и чувствами и открыта всем впечатлениям. Поэтому я не нуждаюсь в искусственной жизни, я живу истинною жизнью, я чувствую, что избранный мною род жизни есть единственный, который мне подходит при данных обстоятельствах. У меня иногда случаются минуты грусти, но даже эта грусть доставляет мне наслаждение, счастье, которого я не променяю ни на какие внешние радости. Я силен, спокоен, работаю, люблю

добро и стараюсь его делать, поскольку могу. Ты видишь, моя дорогая Варинька, что во мне и в моей судьбе нет ничего необычного и особенно поэтического. Через два года я надеюсь скопить достаточно денег, чтобы поехать в Берлин, и тогда я уеду.

Это письмо покажется тебе холодным, Варинька. Но я не мог поступить иначе, ибо нужно было или не писать вовсе, или не писать откровенно, или высказать тебе все, что я чувствую и думаю. Я сделал последнее. Не знаю, как на тебя подействует это письмо, но прошу тебя верить, что все высказанное мною представляет подлинное выражение моей души.

Прощай.

Твой брат

М. Бакунин.

Скажи Александрине, что я сегодня не могу ей написать и что я напишу ей завтра.

Перевод с французского.

№ 116.—Письмо Александре Беер.

[Апрель 1836 года. Москва.]

Дорогая Александрина!

Я прочитал Ваше письмо к Наталии. Признаюсь Вам, что я совершенно не понимаю моих сестер и особенно Танюши. Огорчение, которое они Вам причинили, должно было подействовать на меня сильнее, чем на Вас самих. Оно восстановило меня против моих сестер, но я скоро успокоился. Да, Александрина, нужно брать вещи такими, как они есть. Сама по себе действительность не так ужасна, как воображают. Наша дружба вполне действительна, и это — очень приятная действительность. Постарайтесь остаться в Твери; Наталия прибудет к Вам через несколько дней, и Вы вместе поедете в Попово. Вот Ваш истинный друг, понимающий Вас целиком. Нет, дружба не зависит ни от воли, ни от достоинств человека; это — непроизвольное отношение одного существа к другому. Я это чувствую по собственному опыту.

Прощайте, дорогая Александрина, до свидания. У меня нет ни минуты свободной, я завален работой.

Прощайте, мой милый друг.

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Натальи Беер).

Перевод с французского.

№ 117.—Письмо сестрам Татьяне и Варваре.

[Середина апреля 1836 года. Москва.]

Дорогие Танюша и Варинька,

Как поживает батюшка? Вам следовало бы пораньше написать мне об этом и сообщить о его состоянии. Ему уже было лучше, когда вы мне писали. Надо думать, что теперь он совершенно поправился.

Посылаю вам письмо Наталии. Я показал ей твое письмо, Варинька. Она ничего в нем не поняла, как и я сам. Все правы в зависимости от той точки зрения, на которой каждый стоит. Очень досадно, что подобные вещи могут случаться между такими настоящими и преданными друзьями, как вы. Но иначе и быть не может и никогда иначе не будет до тех пор, пока вы вполне не поймете друг друга. Каждая из вас может упрекнуть другую в том же самом — во взаимной холодности, в недоверии, в сомнениях. Не знаю, не способствовал ли я этому своим письмом, в котором я говорил, что требуется очень горячая дружба и совершенно безграничная преданность, чтобы быть в состоянии оказать помощь Александрине в нынешних обстоятельствах. Не было ли это письмо одною из причин преувеличенной осторожности со стороны наших сестер, а может быть, даже с твоей стороны? И не примешалось ли у вас к этой осторожности некоторое чувство разочарования и оскорбленного самолюбия?

Но не сердитесь, мои дорогие друзья. Я говорю об одних только возможностях, а не высказываю предположений. Признаюсь, мои дорогие друзья, что я окончательно перестаю разбираться во всей этой передряге. Я хорошо вижу причины всего этого, но те, которые я вижу, столь жалки, столь ничтожны, что противно на них даже смотреть. Это — сплошь сплетни, пересуды, и ни одного искреннего шага, ни одного слова, идущего прямо из сердца. Я не оправдываю также и Александрину. Но нужно же считаться с ее душевным состоянием, со всеми перенесенными ею страданиями, с моральным раздражением, в котором она должна находиться. И разве она хоть один раз позволила себе насмешку или сарказм? А вы выказали перед нею отрицательное отношение к Наталии, к сестре, которую она любит

больше всего на свете. Скажите, что она должна была чувствовать, слыша все это в чужом доме, одна, совершенно одна, страдая и морально и физически? Она была больна, она пришла искать приюта в ваших сердцах. Она, значит, верила в вас, ибо иначе она не пришла бы к вам. И если даже в первый момент она оскорбила вас внешнею холодностью, то как вы, которые ее знаете, знаете ее пылкую, любящую, полную самоотречения душу, могли подумать, что здесь имеется какая-либо холодность? А если вы могли это подумать, то это доказывает, что вы еще недостаточно ее знаете. Нет, мои дорогие друзья, признаюсь, что я ждал с вашей стороны чего-то очень [дальше неразборчивое слово]. А ты говоришь, дорогая Танюша, что ты их любишь. Я в этом не сомневаюсь, но ты должна признать, что твоя дружба совершенно слепа и довольно странна. Александрина умолкла. Я бы на ее месте сделал то же самое.

[Зачеркнуто: Прощайте, мои дорогие друзья.] И ты прощаешь им по-христиански. Признаюсь, я тебя не понимаю, говоришь ли ты о долге прощения или же о чувстве? Чувство всегда одинаково, оно не меняется. Следовательно нечего и прощать. Но если ты прощаешь им по-христиански, то это доказывает, что ты не любишь или же не понимаешь того, что ты хотела этими словами сказать.

Целую вас, мои дорогие друзья.

Ваш брат

М. Бакунин.

Ты пишешь мне, Варинька, что Александрина тебя терпеть не может. Ты не можешь представить себе, каким смехом сострадания смеялся я, читая эти слова. Ты, Варинька, обвиняла меня в претенциозности и в аффектации за то, что я говорил, что дружба ваша ко мне не существует, что это—продукт вашего творчества, а не необходимость вашего сердца. И я имел право так думать. А что же говоришь ты теперь? Александрина тебя терпеть не может! Но если она тебя терпеть не может, зачем же она поехала к тебе? Варинька, с таким предположением, как это, ты в своей дружбе далеко не уйдешь. Тебе легко будет ее разрушить. Поверь мне, Варинька, она любит тебя гораздо больше, чем ты ее. Ты не можешь любить ее так, как она любит тебя. Твое сердце слишком занято, а для нее ты до сих пор была

единственным прибежищем, единственным идеалом. Видеть тебя было счастьем для нее. Если же ты его у нее отнимешь, что ты дашь ей взамен? Жалкие пересуды другой *, не правда ли?

Перевод с французского.

№ 118.—Письмо сестре Татьяне.

15 апреля 1836 года. Москва.

Нет, мой очаровательный друг, никто не видал этого письма, но я его и не сжег. О, я сохраню его навсегда и не расстанусь с ним ни на одну минуту. Прочь все сомнения! Ты вернула мне мою обожаемую сестру. Отныне ничто не разлучит нас. Но если бы ты знала, если бы ты могла почувствовать хоть половину того блаженства, которое мне доставило твое письмо. И чтобы я мог его порвать, показать его кому-нибудь? О, ничей взор не профанировал его, оно чисто от всякого холодного толкования, оно было воспринято пылким сердцем, которое оно преисполнило счастьем. Ты писала Аннете **, чтобы она наблюдала за тем впечатлением, которое письмо произведет на меня. Тщетно она пыталась это сделать, ибо я ни одним жестом, ни одним словом, ни одним взглядом не выдал своих чувств. Душа моя была так счастлива, блаженство мое так чисто, что если бы я вздумал проявить слишком живой и горячий интерес, то этим самым я уже профанировал бы его. И я не хотел и не смел разделить это счастье с кем-либо другим. Я ревниво хранил все мои малейшие ощущения про себя.

Тебе я обязан этим счастьем, моя очаровательная, моя обожаемая Таничка. Ах, как мне хочется снова увидеть тебя, крепко, крепко прижать тебя к моему сердцу, сказать тебе то, чего нельзя выразить в письме, выразить взором то, чего нельзя выразить словами! Теперь я чувствую, что я люблю тебя больше всего на свете, что ты составляешь единственный мой кумир на земле. И ты хотела, чтобы я тебе не писал! Но, дурочка, ты требовала невозможного! Как бы я мог это выполнить? Как,

---

* Это слово трудно разобрать.

** Ржевской.

узнать, что ты меня любишь, почувствовать, как вся душа моя обновляется при этом известии, и молчать? Это было бы свыше моих сил. Нет, моя прелесть, я нарушил этот приказ. я не мог его соблюсти.

Итак ты меня любишь, итак я вполне счастлив. Знаешь ли, я это чувствую и не верю своему сердцу? Я не скажу тебе, чего мне стоило привыкнуть к мысли о твоем безразличном ко мне отношении, какими жестокими муками были продиктованы все мои письма. Однако так или иначе я в конце концов приучил себя к этой мысли. Но мои страдания перешли в грусть, которая иногда даже была для меня благодетельна. Я начал уже привыкать к своему новому положению, я примирился с мыслью о том, чтобы жить, не выпрашивая чувств, которые я по вашему должен был еще заслужить хорошим поведением. Я смирился и решил не видаться с вами очень долго — и вдруг я получаю письмо, которое производит во мне полный переворот. Я снова вижу себя любимым тою, кого я люблю больше всех, я вижу, что она меня больше не игнорирует, что она меня наконец понимает. Я вижу, что теперь только от меня самого зависит заставить тебя понять меня вполне. И если мне это удастся, мой очаровательный, мой обожаемый друг, ах, как я стану сливать свою душу с твоею, мою любовь с твоею! Ты увидишь наконец, как сильно я тебя любил. Но сейчас я больше об этом не хочу говорить. Воспоминания меня одолевают, а сегодня они не должны омрачать мое счастье.

Но о чем же мне говорить с тобою? Что я могу сказать тебе сейчас, если не снова повторить, что я люблю тебя, что я тебя обожаю? Нет, мы должны свидеться, ибо только тогда мы вполне поймем друг друга. Но что я говорю! Я и сейчас вполне понимаю тебя. Танюша, один вопрос. Он не может быть неуместным, ибо он продиктован не любопытством и не холодным чувством, нет, этот вопрос задает тебе самый преданный друг. Любишь ли ты кого-нибудь? Быть может, Салогуба, князя Козловского [1]? Не сердись, скажи мне это откровенно. Не бойся, что ты станешь сознаваться в этом безразличному человеку. Ни в каком случае я не отношусь безразлично даже к ничтожнейшим мелочам, тебя касающимся! Раскрой мне свое сердце, я пойму его, я так горячо ему сочувствую. Отвечай мне поскорее, скажи мне правду, заклинаю тебя, умоляю тебя об этом! Ты сделаешь это, моя милая Танюша. Ты уверена во мне, в моей преданности,

не правда ли? Ты сознаешь, до какой степени я способен забыть о себе для тебя, иметь в виду только твое счастье. Открой твое сердце моему — я снова загрустил!

Прощай, мой очаровательный дружок. Напиши мне поскорее.

Твой преданный друг
М. Бакунин.

Не питай злого чувства к Александрине и Наталии. Ты несправедлива к ним. Они тебя любят, а ты их игнорируешь. Напиши Наталии, напиши ей откровенно, без иронии. Она нуждается в утешении и в дружбе.

Умоляю тебя, пусть никто не видит моего письма. Оно написано единственно для тебя.

Иду дать свой четвертый урок. Пиши мне поскорее.

Перевод с французского.

№ 119.—Письмо Александре Беер.

[Середина апреля 1836 года. Москва.]

Дорогая Александрина!

Как Вы милы и как я Вас люблю, как благодетельна для меня Ваша дружба и насколько она возвышает меня в моих собственных глазах! Вы, Вы во мне не сомневаетесь, Вы не приписываете мне великодушничанья, которое меня недостойно. Но я прощаю это Наталии. Только в состоянии спокойствия она поймет меня целиком, только когда она действительно меня станет любить, она узнает, как сильно я вас люблю обеих, насколько ваше счастье необходимо для моего. Нет, Александрина, не бойтесь за мое будущее, оно чисто и ясно, ибо оно зависит от меня, от моей души, которая чиста и сильна более, чем когда-либо. Я счастлив, милая Александрина, и не нуждаюсь в другом счастьи. Я нахожусь в своей сфере, вы меня понимаете, вы меня любите таким, каким я являюсь в этой сфере,— чего же мне еще нужно? Наталия строит разные планы, она считает нужным осво-

бодить нас от своего присутствия, для того чтобы, как она выражается, не портить диссонансом гармонии, царящей в наших сердцах. Говорит ли она это искренно, думает ли она именно так, или же она поистине достаточно слепа, чтобы верить, будто эта гармония, этот покой, это блаженство наконец смогут существовать при сознании ее страданий, ее жертвы, в ее отсутствии, настолько ли она ослеплена, чтобы не знать, что она для нас необходима? Нет, она не уедет в Шашкино, она прочтет это письмо, она на него ответит, и я заранее знаю ее ответ. Она поедет в Попово, Вы вскоре там увидитесь с нею, а скоро мы там встретимся все вместе. Мы не можем разлучаться. Ах, как я благодарен Вам, дорогой, милый друг, за весточку. Мой отец доволен, значит, я совершенно спокоен. Я так люблю его, этого доброго, почтенного старца. Как нарочно на меня свалилась целая куча радостных известий. Я получил письмо от Танюши, письмо, которое преисполнило меня блаженством. Передайте Вариньке, что я ее люблю, и что если она не заметила этого из моего письма, то в этом виноват не я. Вы знаете, как я ее люблю. Итак, Александрина, я счастлив, счастлив небесным блаженством. Ах, я перенесу это блаженство на вас, дорогие друзья, я вам дам это блаженство, единственное истинное, божественное блаженство, блаженство души, чувствующей свое родство с богом.

Прощайте, милый друг, сегодня у меня урок, и я должен к нему приготовиться.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 120.—Письмо сестре Татьяне.

Понедельник, 20 апреля 1836 года. Москва.

Дорогая Танюша!

Позавчера я получил твое письмо. Оно преисполнило меня радостью. Да, теперь я счастлив и доволен, я ни в чем не чувствую недостатка. У меня есть подруги, которые меня понимают, которые не сомневаются во мне. Я стою на своем пути. Следовательно мне больше ничего не нужно. Я работаю за десятерых и в этом нахожу свою жизнь. Я не создан для внешней жизни,

для внешнего счастья, да я его и не хочу. Я доволен своею участью. Я живу чисто внутреннею жизнью. Я не нахожусь вне моего *я*, я полностью погружен в свое *я*, и только это *я* связывает меня с богом, и только бог связывает меня со всеми другими людьми. Вся моя религия, все мои обязанности заключаются в моем *я*. У меня нет внешней религии и внешних обязанностей. Я их решительно отвергаю.

Станкевич уехал на Кавказские воды. Он пробудет там 3—4 месяца [1]. Для меня это огромная потеря. Этот человек сделал мне много добра, он много помог мне на моем одиноком пути. Но мы расстались с ним ненадолго. Зиму мы проведем вместе и будем еще работать вместе. И я надеюсь, что мне удастся поехать с ним в Берлин на два года. Он уезжает будущею весною. Моя поездка зависит только от моих денежных ресурсов. Но я не сомневаюсь в успехе, ибо для твердой воли существует много средств. А теперь я питаю почти безграничную веру в силу моей воли, ибо до сих пор я боролся только с внешними затруднениями, а теперь достиг того, что расправляюсь с рядом внутренних врагов, а это гораздо труднее.

Настроение у меня мрачное и в то же время спокойное. Я от многого отказался, я отделался от многих иллюзий, я следовательно сузил горизонт моих былых упований. Я стою на реальной почве, которая является единственно истинною и единственно справедливою. Я люблю только реальность, и реальность заключается во мне и в моих отношениях, которые также ограничены и нисколько не зависят от обстоятельств, но от меня самого. Ты называешь меня эгоистом. Да, мой дорогой друг, я именно таков, ибо я убежден, что эгоизм представляет единственное спасение, единственно возможную религию. Его не следует смешивать с обычным эгоизмом, с эгоизмом материальным, который разделяет людей. В наше время и у нас эгоизм, о котором я тебе говорю, представляет единственно возможное условие истинной любви к человечеству, истинной религии. Итак, мой дорогой друг, я—эгоист потому, что признаю только то, что понимает и чувствует мое *я*, только то, что относится к моему *я*. Мое *я* есть *я* всех людей, поскольку они не являются животными, поскольку они не убили его материальным *я*.

Я достал 600 рублей для госпожи Беер и передал их ей. Сегодня надеюсь передать ей остальные 400 рублей. Думаю, что она выедет в пятницу. Если можете, подождите ее в Твери.

Александрина могла бы выехать с ними в Попово. Я думаю, что она будет гораздо лучше чувствовать себя подле сестер, чем в Казицине * и в Никольском **, где при нынешнем положении ее ждут только страдания и скука. Впрочем, делайте так, как вы сочтете наилучшим.

Не опасайся, моя дорогая Танюша, что я когда-либо покину Наталию. Я слишком ее люблю, чтобы сделать это. Разлука не оказывает влияния на людей, которые любят друг друга. Можно понимать друг друга на расстоянии так же, как и вблизи, если действительно люди понимают друг друга. Она приедет в Попово. Надеюсь, мой дорогой друг, что твое расположение к ней утешит ее в ее страданиях.

Прощай, мой очаровательный друг.

Твой брат и друг

М. Бакунин.

Во имя неба, дорогая Танюша, пусть никто, кроме тебя и Вариньки, не знает содержания моего предыдущего письма,—ни Александрина, ни сестры, ни Жюли ***. Отошли мне обратно письма Александрины.

Перевод с французского.

№ 121.—Письмо Александре Беер.

[Вторая половина апреля 1836 года. Москва].

Дорогая, милая Александрина!

Ваше письмо к Наталии и письма моих сестер ко мне сильно меня огорчили. Все вы, какие вы есть, созданы для того, чтобы любить друг друга. Я все понимаю, все вижу, но Наталия слишком поддается влиянию минуты, чтобы быть в состоянии меня понять. Она поедет не в Шашкино, а в Попово. Это решено, и если бы она даже мне этого не обещала, она ничего не могла бы сделать против моей воли. Читайте всё и старайтесь получше всё

---

* Это слово по-русски в оригинале.

** Это слово по-русски в оригинале.

*** Ниндель, гувернантка.

понять. Если мои сестры огорчили вас, простите, объясните это чувством ревности, увлечением: они полны доброты. Будьте искренни с Варинькою. Сегодня я буду иметь тысячу рублей; через три дня они уедут. Не напишите снова Наталии чего-нибудь такого, постарайтесь убедить ее в обратном, потому что обратное есть настоящая истина. Я в этом убежден. Дождитесь ее и скажите ей, что она должна поехать в Попово. Вы это сделаете, Александрина, потому что Вы во мне не сомневаетесь и знаете, как я Вас люблю.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 122.—Письмо Александре Беер.

23 апреля 1836 года. Москва.

Немудрено, что мои сестры меня не понимают, дорогая Александрина, раз Вы, которая должна была бы меня знать, раз Вы, перед кем я раскрыл всю свою душу, также меня не понимаете и приписываете мне мысли и чувства, которые отнюдь не являются моими и ничуть не соответствуют моей натуре. Да, повторяю это, я более чем доволен своим влиянием на Наталию! Я доволен этим именно потому, что я ее горячо люблю, потому, что ее счастье будет моим счастьем, а способствовать ему я могу только этим влиянием. Я чувствую, что питаю к Вам чувство горячей и преданной дружбы. Я чувствую, что никакие обстоятельства, даже Ваши желания и Ваши сомнения, не способны поколебать это чувство, чувство, составляющее живую и необходимую часть моего я. И Вы могли подумать, что из мелкого самолюбия я радовался той власти, которою я так дорожу! Нет, Александрина, Вы уже этого не думаете, Вы не разобьете моей веры, Вы ответите на нее такою же горячею верою, столь же пылкою и неограниченною, как и моя. Я верю в Вас, станете ли Вы сомневаться во мне? Нужны ли Вам факты для того, чтобы убедиться? Разве чувство, которое я к Вам питаю, не находит отклика в Вашем сердце? Нет, это невозможно. Это сомнение было только результатом физической и моральной болезни. Александрина,

не теряйте веры. Без веры нет ничего, ибо вера есть истинная и единая основа всего морального мира. Раз Вы потеряли веру, Вы неспособны к любви. Нельзя любить призрак, иллюзию, искренно любить можно только реальность, а реальность не существует без веры. Она реальна лишь постольку, поскольку основана на вере. Итак Вы не сомневаетесь уже во мне, моя очаровательная подруга. Вы много выстрадали в эти дни, и Ваши сомнения были порождением Ваших страданий. Между мною и моими сестрами нет тайн. У меня нет тайн от Вас. Я Вас люблю и Вам верю. Если вы мне не верите,... но я не хочу сделать вытекающего отсюда вывода, потому что он невозможен. Нет, Вы меня любите и Вы мне верите, Вы больше во мне не сомневаетесь, не правда ли, дорогая Александрина?

Почему Вы думаете, что мы не свидимся? Я сказал, что приеду в Прямухино, и приеду. Я прочел письмо Наталии, оно меня растрогало и вместе с тем рассмешило — предложение относительно могущества мадемуазель Терезы в высшей степени комично. Надеюсь, что мне не нужно очень настойчиво уверять Вас в этом, и что Вы поверите мне по крайней мере в данном случае.

Ваши выезжают в субботу или в воскресенье. Вчера я принес еще 500 рублей, значит, остановка не за деньгами. Наталия помирится с моими сестрами, я в этом уверен. Вся эта история есть не что иное, как цепь недоразумений, которые сами по себе рассеются.

Прощайте, мой дорогой друг, я тороплюсь. Я должен написать моим сестрам, а затем пойти на урок.

Ваш друг

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Натальи Беер.)

Перевод с французского.

№ 123.— Письмо сестрам Татьяне и Варваре.

[23 апреля 1836 года. Москва.]

Дорогая Таничка!

Это письмо не является ответом на твое, которое я получил вместе с письмом Вариньки, потому что ты написала его до

получения моего письма. Я не знаю даже, не рассердишься ли ты на меня за невыполнение твоего приказа не отвечать тебе. Но ты не могла и не сможешь на меня рассердиться, так как ты, мой очаровательный друг, поставила мне невыполнимое требование— не говорить тебе, как я тебя люблю и как я тебя всегда любил, как я страдал при одной мысли о твоем безразличном ко мне отношении и как невозможно было заменить тебя в моем сердце кем-нибудь другим. Но ты уже получила мое письмо*, ты увидела всю мою душу, ты поняла все: и причину моего молчания, и источник моих иронических писем и тягостных сомнений, истерзавших мое сердце, и опасений, представлявшихся моему воображению! Ты все видела и ни на что не рассердилась, даже на последнюю страницу моего письма, где я позволил себе задать тебе, быть может, слишком смелые вопросы. Но ты убедилась, что я задал тебе эти вопросы лишь потому, что для меня невозможно было молчать, лишь потому, что неуверенность относительно всего, что касается тебя, раздирала мое сердце,— словом, потому, что я тебя обожаю, обожаю тебя превыше всего, а твое счастье является моим. Все это ты понимаешь, моя обожаемая Таничка, и поэтому не рассердишься на меня за мое письмо! Я бы не написал тебе сегодняшнего письма, я бы подождал твоего ответа на мое предыдущее письмо, если бы мне не нужно было поговорить с тобою о серьезном предмете, а именно о том зле, которое вы причиняете Беерам, сами того не сознавая.

Ты усвоила мысль Вариньки, ты также решила, что дружба Бееров сделала для меня ненужною вашу дружбу и заменила ее. Как вы ошиблись, мои дорогие друзья! Никто не может заменить вас в моем сердце. Варинька, ты посылаешь мне последнее прости, ты думаешь, что всякая связь между нами порвана, ты просишь меня больше тебе не писать. Я исполню твое желание, однако я тебе скажу, что я тебя люблю, несмотря на всю твою несправедливость, несмотря на твои нелепые мысли на мой счет, мысли, оскорбляющие мое человеческое достоинство. Так вот, Варинька, все эти мысли огорчили и оскорбили меня лишь потому, что они исходят от человека, которого я сильно люблю. Я писал тебе, что нельзя оспаривать наши чувства друг к другу, так как мы слишком твердо их сознаем, но что ваше неверие в меня, ваше непонимание меня препятствует развитию этих чувств.

---

* Повидимому, от 15 апреля 1836 года.

Скажи мне по совести, Варинька, возможно ли доверие со стороны человека, которого считают столь ничтожным, чтобы разыгрывать интересную роль страдальца и отверженного? Можно ли питать доверие, когда не знаешь, как примут твои мысли и чувства и с какою верою к ним отнесутся? Вот в каком положении я находился. И если я ошибался, то виноват в этом был не я. Ибо, не предполагая, что ты обо мне очень высокого мнения, я мог и должен был судить только по твоим письмам, не будучи в состоянии разгадать твоих мыслей и не зная, насколько они выражаются в твоих письмах. Варинька, поставь себя на мое место и вообрази, что тебе наговорили таких же вещей, что на письма, быть может, несправедливые, но продиктованные сердцем, на письма, полные страсти, но подсказанные непреодолимой потребностью в любви, тебе ответили бы упреками в претенциозности, даже в лицемерии. Варинька, мы созданы для взаимной любви и для взаимного понимания. Но снова повторяю, что полная дружба между нами сможет установиться лишь тогда, когда ты меня лучше поймешь, когда ты будешь придавать больше веры, если не моим мыслям, то, по крайней мере, искренности моих мыслей и чувств. Если эта дружба не дает нам радостей и счастья, которые она должна нам доставить, то я в этом не виноват, ибо я действительно люблю тебя, ибо, если часто мысли твои кажутся мне ложными, никогда я не подвергал сомнению их искренность. А это — главное, это — необходимый элемент дружбы.

Что касается Александрины, то твоя несправедливость к ней меня пугает. Я знаю тебя, Варинька, я знаю, что ты в минуты увлечения способна даже на несправедливость, но ради неба не показывай этого ей. Это значит лишать ее последнего убежища, последнего средства к спасению. И она уже отчасти это заметила, она уже начинает сомневаться. Но сердце твое подскажет тебе, что нужно делать, ибо у тебя золотое сердце, ибо ты способна любить горячо и любишь Александрину. Не думай, что я пишу это из желания давать наставления. Читай дальше, и ты узнаешь все. Но прежде поклянись мне, что кроме тебя и Танюши никто, — ни Александрина, ни мои сестры, ни Жюли *, — не узнают содержания письма. Варинька, дело идет о моей чести, и, разумеется, не ты захочешь нанести ей удар. Дело идет

---

* Ниндель, гувернантка.

о спокойствии Наталии и Александрины, и конечно не ты захочешь его разрушить.

Прежде всего войдите, мои дорогие друзья, в положение Бееров, вспомните все обстоятельства их жизни, способствовавшие образованию их характера, их страстной души. Вспомните все разочарования, доставившие им столько страданий, представьте себе ту потребность любить, которая их волнует и которая не находила отклика вовне, их жизнь пустую и в то же время богатую, ибо она никем не разделялась, наконец эту потребность в любви и невозможность найти ее. Они некрасивы, они даже дурнушки. Не будем спорить о человеческой суете, побуждающей предпочитать красивое лицо красивой душе. Но они не нашли мужчины, который бы их полюбил и понял, который мог бы отплатить им такою же безграничною любовью и таким же полным самоотречением, на какие они способны, какие они могли бы дать тому, кого они полюбили бы. Это — факт. Прибавьте к этому, что вся их жизнь до сих пор была лишь внешнею, что все их ожидания и чаяния основаны были только на внешнем. Они не знали еще внутренней жизни. Их религия также была только внешнею, она выражалась лишь в обрядностях. Но в них нет еще той истинной религии, той религии души, которая ощущает своего бога в себе самой и которая познает его лишь в своей душе, лишь в устремлении этой души ко всему истинно прекрасному и великому. Они не знают еще той религии, которая ставит [пропуск] превыше всех внешних обстоятельств, которая побуждает искать счастья в себе самом, в своем совершенствовании, в своем родстве с богом, словом, той религии, которая дарует покой, исполненный силы и энергии. Так как их религия является внешнею, то она внушает им одни только нелепые мысли о бесплодных жертвах. Страсть это—их сфера, и когда страсть встречает отклик, она превращается в любовь и дает счастье, но когда эта страсть не находит ответа, когда никто в ней не нуждается, тогда она становится источником самых жестоких страданий — и именно таково положение Бееров. Прибавьте к этому физические страдания, прибавьте наконец сюда же характер матери, скотство Алексея*, которое в нем еще вполне развилось во время его последнего пребывания в Москве. Итак мать глупая и безнравственная, которая думает, что дети даны ей лишь для того, чтобы мучить их самыми оскорбительными

* Беер.

подозрениями, которую ничем нельзя удовлетворить, так как она сама не знает, чего хочет, так как она находит удовольствие в причиняемом ею зле, в наносимых дочерям оскорблениях; лицемерная мать, которая перестала устраивать сцены только потому, что она меня просто боится и видит, что ей больше не верят; мать-эгоистка, которая любит свою семью лишь из нужды в деньгах, которые она от нее получает; глупый брат, который отвечает фразами на все, что ему говорят, в своем скотстве доходящий до того, что забывает всякое уважение, на какое имеют право не только родные сестры, но просто всякая девушка, до того, что позволил себе сказать при мне и Влад[имире] Конст[антиновиче] *, что Наталию нужно высечь; прибавьте к этому кузена, холодного эгоиста, но хитреца, который думает только о себе одном, который хочет заставить всех работать на себя, который со своими мелкими и презренными ухватками, с невыносимо лицемерным тоном, с напускною заботливостью вмешивается во все **; наконец другого брата, подающего самые лучшие надежды, но еще слишком юного ***. Вот их характер, вот их семья. Здесь некого любить, некому их понять при их жгучей потребности быть любимыми и понятыми. Таким образом, они не имели никого, кроме вас, но вы повидимому не вполне их еще поняли, иначе вы бы многое им простили, вы бы отнеслись к ним гораздо мягче. Если они усомнились в вас, то это потому, что ваша дружба была для них более чем необходимой, и вы должны простить им это, ибо они очень несчастны. Вы бы это сделали, если бы вы все знали. Вот почему я прихожу к тому выводу, что вы этого не знали [несколько слов неразобранных]... девушки в отчаянии, горничные за ними подсматривают, кузен, разыгрывающий хитреца, — вот в каком состоянии я нашел эту семью, когда сблизился с ними. Я подружился с ними, и вы ошибаетесь, если думаете, что эта дружба могла нарушить мою дружбу к вам. Никогда они не пытались убедить меня в вашем безразличном ко мне отношении. Они поступали как раз наоборот. Вот как они [несколько слов не разобрано]... рассматривать ваши отношения к ним ****.

---

* Ржевский.

** В. К. Ржевский.

*** Константин Беер.

**** Вся середина этого письма с трудом может быть прочитана ввиду того, что на этом письме имеются следы какого-то другого письма, причем строки находят друг на друга.

Верьте мне, мои дорогие друзья, ибо я говорю правду. Я не стану рассказывать вам обо всех обстоятельствах, случившихся со времени моего сближения с ними до отъезда Александрины. Единственною ее надеждою было жить подле тебя и подле твоего сына. Вот каков был ее идеал счастья. Со времени ее отъезда я не мог ни на минуту выйти из дома. Мне приходилось ухаживать за Наталиею, сдерживать мать, отправлять их в Попово. Я решил сделать все это, как вдруг узнал, что Наталия влюблена в меня, что она любит меня со всею страстью своего характера. Ах, мои дорогие друзья, вы не знаете, как я страдал все это время. Видеть себя плохо понятым Танюшею и тобою, Варинька, двумя людьми, которых я всегда любил и люблю больше всего, видеть себя непонятым моими родителями, видеть себя невольною причиною страданий человека, которого я люблю всем сердцем, не быть в состоянии помочь ее горю, видеть, что вы сердитесь на Беевых, что Наталия страдает, сомневаясь во всех, Александрина волнуется, мать устраивает новые штуки, Ржевский пускается на новые хитрости, и быть принужденным молчать, скрывать все в себе самом, не иметь человека, кому я мог бы поверить переживаемые мною ужасные страдания, и при этом думать об уроках, которые я должен был давать. Ах, мои дорогие друзья, в душе моей был ад, я почти схватил горячку, я не знал, что делать, я не мог оставить их дома — это было бы низостью, недостойною меня. Я не спал по ночам, у меня не было спокойной минуты в течение дня, и я не мог еще доверить вам все это, ибо я не знал еще, как вы отнесетесь к тому, что я вам скажу. Варинька, дай мне руку, обними меня, ибо теперь ты меня понимаешь, ибо ты не можешь меня не понять. Люби меня, Варинька, верни мне свою любовь. Варинька, верни мне то, что я потерял. Ах, мои обожаемые друзья, помогите мне позабыть все, что я выстрадал, и отдайте мне целиком ваше сердце — я в этом нуждаюсь.

Я дошел до того, что решил жениться на Наталии. Я написал об этом Александрине. Я посылаю вам все эти письма, я не хочу больше говорить обо всех этих мелочах, которые доставили мне столько горя. Впоследствии я убедился, что мысль о браке была ложною, что этот брак не мог составить счастье Наталии, ибо ей нужна любовь, а я не могу ей этого дать, ибо я не питаю к ней такого чувства.

Теперь перехожу к описанию вчерашнего дня. Позавчера я

получил письмо Танички, но не показал его Наталии. Она решила, что у меня есть основание не делать этого и что причина эта заключается в советах благоразумия со стороны Танюши. Сейчас же у нее разболелась голова, начались страдания, сомнения, планы об отъезде в Шашкино, записки с той и с другой стороны. Наконец вчера она получила письмо от Александрины, в котором последняя просит ее перестать вам писать, сообщает о вашем недоброжелательном отношении к Наталии, описывает разговор... Но вы прочтете все это в письме, которое я вам посылаю. Наталия снова впадает в отчаяние. На время меня это даже рассердило. Затем она решается уехать в Шашкино. Это было мучение. Я снова убедил ее ехать в Попово. Я достал для них тысячу рублей, которые сегодня им передам. Через три-четыре дня они уедут, а Константин * останется с нами.

Сделайте же все, мои дорогие друзья, для того, чтобы сблизиться с ними, чтобы доказать им вашу дружбу, которая несомненно существует. Они крайне нуждаются в утешении, и вы не откажете им в этом. Не говорите ничего Наталии и Александрине о моем письме и о его содержании, сойдитесь с ними, будьте с ними более откровенны, не будьте к ним так строги, войдите в их положение и поступайте соответственно этому.

Прощайте, мои дорогие друзья. Да благословит вас бог!

Напишите мне поскорее.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 124.—Письмо сестрам Беер.

[Конец апреля 1836 года. Москва.]

Нет, милые друзья, снова повторяю вам, ничто не сможет нас разлучить. Ах, Наталия, милая Наталия, какое удовольствие доставило мне ваше письмо! Если бы вы знали, как огорчили меня ваши страдания и особенно ваши сомнения, как я страдал все это время, но это прошло. Пусть же сегодняшний день будет предтечею прекрасных дней, долженствующих послу-

* Беер.

жить для нас наградою. Мы заслуживаем этой награды, ибо мы все втроем много страдали, ибо мы безгранично верим в бога. Мы создадим это будущее, ибо оно зависит только от родства наших душ, а ничто не может разрушить этого родства, оно вечно, как и наши души.

Наталия, поезжайте в Попово, утешьте Александрину. Через некоторое время я приеду к вам.

Да, мои добрые друзья, вы — мои сестры по избранию, вы дали мне имя брата. Прощайте, Александрина, будьте здоровы и пишите мне. Я спешу на урок, у меня их девять в неделю, и кроме того у меня множество другой работы. Но эта работа меня не пугает, она составляет всю мою внутреннюю жизнь. Моя душа снова спокойна и сильна.

Ваш друг

М. Бакунин.

Отошлите письмо в Тверь, оно еще застанет там Александрину.

Перевод с французского.

№ 125.—Письмо Александре Беер.

Воскресенье, 26 апреля [1836 года]. Москва.

Дорогая Александрина!

Наталия уезжает сегодня, и я остаюсь в Москве один. Может быть, я так и останусь один, может быть, небо, которое на момент раскрылось для меня, чтобы показать мне всю радость симпатии и дружбы, полностью закроется для меня. Мрачные тучи, бури — вот что, может быть, ждет меня в будущем. Но я этого не боюсь. Сегодня я очень грустен и очень спокоен. Моя грусть сильна; я сознаю свое призвание, я — не от мира сего, у меня нет ничего общего с ним. Мой рай будет во мне, моя цель— во мне. Других у меня не будет, ибо я не хочу иметь других.

Наталия в результате нового плана не хочет мне писать. Может быть, и Вы примкнете к этому плану? Я ничего не сказал по этому поводу и не скажу ничего. Пусть она поступает по своему убеждению. Пусть в наших отношениях не будет элементов

принуждения. Пусть всё будет свободно, ибо свобода есть стихия моральной жизни. Итак, мои добрые подруги, поступайте так, как вы сочтете нужным поступать. Я думаю, что моя миссия закончилась мною самим, так как Вы потеряли веру в меня, а без веры действовать невозможно. Итак я окончательно отдалился от внешнего мира. Вся моя жизнь сосредоточилась во мне, она не находит больше отклика вне меня. Знаете ли Вы, моя добрая подруга, что есть какое-то наслаждение в сознании одиночества и в том, что не чувствуешь себя жалким и убитым этим одиночеством, а чувствуешь себя сильным, чувствуешь в себе необходимое мужество и твердость для того, чтобы не согнуть выи перед обстоятельствами, ничего ни у кого не просить, уметь подавлять в себе все порывы сердца и мысли, ищущие понимания и сочувствия со стороны, и чтобы не склонить головы ни перед чем, кроме верховного абсолюта, которому я поклоняюсь.

Вот мой путь. Вы видите, что он довольно мрачен, что он окружен пропастями, что над ним нагромоздились тучи, что над ним бушуют бури, но я тверд и мужествен, я не убоюсь ничего, я вступлю на этот путь с мыслью о боге в душе и с любовью в сердце. Я ничего не страшусь, мне нечего терять, но зато я могу все обрести. Моя жизнь не будет чредою пустых дней, она будет полна живых мыслей и чувств, и эти мысли и чувства будут непобедимы, ибо они не связаны с этим миром, они вытекают из моей души, они идут от бога. Пройти этот путь с сознанием этой цели, этой мысли, с сознанием своего малейшего поступка — вот мое будущее. Форма его не зависит от меня, а от влияния обстоятельств. О, я не ищу теперь ничего вне меня. Довольно разочарований, довольно иллюзий. Я не хочу быть больше жалким игралищем судьбы. Я — человек, и судьба должна признать мое иго. Пусть все исходит от меня самого.

Наталия уезжает. Она печальна, она потеряла веру. Она неспокойна, она не верит. Я также печален, но я спокоен, потому что я верю. Вы меня поймете, моя добрая Александрина, Вы не станете обо мне жалеть, потому что я счастлив. Для меня нет другого счастья, кроме того, которое я сам себе дам. Я проведу эти два месяца в полном уединении, я не буду видеть никого. Будете ли Вы мне писать или нет? Если Вы мне писать не будете, значит, Вам нечего больше мне сказать. Если это так, то и не пишите мне, потому что обмануть меня невозможно...

Несколько слов о Вашем житье в Попове. Соблюдайте внешние приличия в обращении с Вашею матерью, даже с Алексеем, если это возможно. Я думаю, что это будет легко, так как Алексей в Попове не посмеет быть московским Алексеем. Никакой доверчивости с ним и никаких жертв для матери. Выдерживайте характер, не теряйте подобающего Вам превосходства, которого Вы, однако, не имели до тех пор, пока обстоятельства его Вам не доставили. Не ведите разговоров на мой счет с моими сестрами. Я знаю, как держать себя во всех моих внешних отношениях, я очень хорошо понимаю вещи, и ничто не сможет на меня подействовать и меня обмануть.

Я приеду около середины июля. До свидания, мой добрый друг.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 126.—Письмо сестре Татьяне.

(28 апреля 1836 года.)

Прости, мой дорогой друг, я огорчил тебя, я снова причинил тебе сердечное страдание. Прости это, моя очаровательная Таничка, одинокому существу, совершенно здесь одинокому. Я здесь один. Я испытывал потребность любить и быть любимым, понимать и быть понятым. Я так нуждался в прочной, неограниченной симпатии, не зависящей ни от каких внешних условий и основанной исключительно на душевных переживаниях. Малейшая тень безразличия или несправедливости со стороны людей, которых я люблю, причиняет мне страдание и пугает меня. Я сделался совершенным отшельником. Я навсегда разорвал все мои связи, основанные на условных приличиях, но я ищу в вас той гармонии, той полноты любви и мыслей, которые я так хорошо понимаю и которые я нахожу в себе. Я хотел бы сделать и вам доступным тот рай, который доставляет мне минуты высочайшего счастья и дает мне силы на все. Это — счастье чисто нравственное, чисто божественное, которое иногда наполняет все мое существо, которое дает мне неискоренимую религию

и столь сильную веру в бога, в мощь и силу человека. Это счастье внушает мне столько презрения ко всему материальному, ко всем этим нелепым светским условностям, ко всем принципам здравого смысла, пригодным только для низших ступеней жизни и невыносимым для ума и для любви.

Мой добрый, мой очаровательный друг, все это я найду в тебе. Твоя дружба когда-нибудь сделает меня еще более счастливым. Не будем же убивать этого прекрасного будущего недоразумениями. Если иногда нам и случится рассердиться друг на друга, не будем скрывать своего настроения, не будем затушевывать его натянутыми фразами. Ты должна несколько привыкнуть к моему характеру, прощать мне мои порывы, иногда несправедливые. Я не вменяю тебе это в обязанность, я не имею на это права, но я прошу тебя об этом, мой добрый друг. Я настолько дорожу твоею дружбою и так боюсь ее потерять, подчас для меня так невозможно не высказать того, что я испытываю в данную минуту, что ты снизойдешь к моей просьбе, я в этом уверен. Ты поймешь ее. Твое сердце воспримет ее такою, какою она вышла из моего. Я так люблю тебя, мой очаровательный друг, мне так хочется тебя повидать и прижать тебя к моему сердцу. Ах, как много я имею высказать тебе, как счастлив я буду слить мою душу с твоею, поделиться с тобою моим счастьем и моими страданиями. И ты поймешь меня, не правда ли, моя очаровательная, ты меня поймешь?

Я наверное приеду к вам на лето. К этому времени мне удастся подготовить г. Пономарева к экзаменам, которые начинаются в первых числах июля. Таким образом через два месяца мы увидимся в Прямухине. Там не будет докучливых людей, чтобы нам надоедать. Я никуда не буду ездить, я не сделаю ни шагу из Прямухина и проведу целый месяц, а может быть, и больше, с вами.

Да, ты права, мой очаровательный друг, мое положение мне нравится. Я сам его избрал. У меня нет ни минуты, проведенной несознательно. Даже моя грусть сильна и достойна человека. Я больше не боюсь внешнего мира, ибо в себе самом я обрел верное и утешительное убежище. Знайте, мои дорогие друзья, что я не добиваюсь другого счастья кроме того, которым наслаждаюсь. Мне нехватало одной только вещи — это вашей дружбы, но я добьюсь ее, во что бы то ни стало. Я уже вкушаю ее предпосылки. Любовь, скажете вы? Но я не хочу этой любви,

ибо во мне живет любовь к богу, к человечеству. А затем до сих пор я еще не встречал любви. Я наблюдал только в л ю б л е н н ы х. А влюбленный это — слишком жалкое существо!

Нет, мои добрые друзья, человек, способный к любви, никогда не унизится до состояния влюбленности, а влюбленный никогда не возвысится до любви.

Знаешь ли ты, мой дорогой друг, что начало твоего письма, где ты говоришь о болезни отца, меня испугало? Я хотел немедленно же выехать в Тверь. Но конец твоего письма меня успокоил, и я остался.

Прощай, мой дорогой друг. Беры вчера утром уехали; через несколько дней они приедут к вам. Адресуйте ваши письма Ефремову *.

Прощай, целую тебя.

Твой друг

М. Бакунин.

Кварт[ира] Станкев[ича].
1836. 28 апреля. Москва.

Поцелуй за меня Вариньку.

Перевод с французского.

№ 127.— Письмо Наталье Беер.

[Апрель 1836 года. Москва.]

Наталия!

Я прочел начало Вашего письма. «Между нами не может быть дружбы»,—вот как оно начинается. Признаюсь Вам, у меня нехватило мужества дочитать его до конца. В сотый раз Вы повторяете мне одно и то же. До сих пор я старался не обращать на это слишком много внимания. Я все верил, я все надеялся или, скорее, я заставлял себя верить и надеяться. Я не мог привыкнуть к мысли, что должен буду так с Вами расстаться. Та высокая и святая дружба, которую я создал в своей душе, ко-

* Это слово по-русски в оригинале.

торая единственно для меня возможна, настолько слилась со всем моим существом, что я считал ее вечною. Мы пережили много бурь, много борьбы. Вы от этого страдали, Наталия. Одному богу известно, были ли мои страдания меньше, чем Ваши. Я утратил значительную долю своей силы и энергии. Я ставил себе в упрек все шаги, которые сделал для укрепления связывавших нас уз; я считал их непоследовательными, непростительными. Но я утратил тогда свою веру, я чуть было не задохнулся под тяжестью человеческих бедствий. Но в конце концов я восстал, и вот я более силен, чем когда-либо. И вся вера, и вся пылкость моей души в результате также усилились, и я снова верю в эту дружбу, я снова чувствую всю ее действительность, всю ее святость. Вы же, Наталия, Вы в ней сомневаетесь или, скорее, Вы ее целиком отрицаете. В конце концов я принужден прислушаться к этому голосу, желающему разрушить одну из главных моих связей с внешнею жизнью. Скажите же откровенно, Наталия, считаете ли Вы действительно невозможною всякую дружбу между нами? Отрицаете ли Вы ее вполне, и если Вы ее отрицаете, скажите, какой же между нами может остаться род взаимоотношений, какая может быть их форма? Подумайте над этим хорошенько и скажите это мне чистосердечно. Ваш ответ покажет мне, что мне остается делать. И быть может, это и окажется тем случаем, где мне понадобится все мое самоотречение.

Итак, Наталия, говорите откровенно.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 128.—Письмо Наталье Беер.

[Апрель 1836 года. Москва.]

Я сейчас прочел Ваше письмо, Наталия, потому что я Вас знаю и люблю Вас такою, как Вы есть, со всеми Вашими чувствами, со всеми Вашими мыслями. Ваши сомнения не могут меня оскорбить, так как я знаю их источник, вижу их временную неизбежность, так как я уверен в Вашем будущем, так как я знаю,

что Вы сами не верите в ту жалость, которая, повторяю Вам, недостойна меня и Вас. Нет, Наталия, моя дружба к Вам не есть то общее чувство симпатии к человечеству, о котором я Вам говорил. Это чувство может существовать лишь у совершенного человека, между совершенными людьми, а я далек от такого совершенства, и люди его не достигли и в полной мере никогда не достигнут. Я — слабое существо подобно всем людям, я слаб по сравнению с абсолютным, с идеальным человеком и силен по сравнению со многими существующими людьми. Моя слабость и моя сила—вот основа моей дружбы в Вам. Я слаб и нуждаюсь в сердце, способном меня понять, которому я мог бы открыть всё: и счастье и несчастье, и радость и горе. А Вы так хорошо меня понимаете — и я силен и испытываю потребность служить опорою любимой личности. Я нуждаюсь в человеке, который чувствовал бы себя уверенно под моим руководством. А я так люблю Вас, и для меня стало необходимостью работать для Вашей будущности. Моя слабость и моя сила делают для меня необходимою дружбу Вашу и Александрины. Одна без другой была бы неполною. Неужели же Вы откажете мне в этом счастье? Ибо для меня любить Вас и быть любимым Вами составляет счастье. Откажете ли Вы мне в счастье иметь возможность сливать свою душу с вашими и помочь вам обрести силы и спокойствие в моей душе? Сделаете ли Вы это, Наталия, и вправе ли Вы это сделать?

А Александрина? — скажете Вы мне. Я повторяю Вам, Наталия, одной ее дружбы для меня недостаточно. Мне нужна Ваша дружба. Вы неотделимы и нерасторжимы обе в моем сердце. Правда, я в Вас не влюблен, но всмотритесь глубоко в мою дружбу и скажите, является ли она чувством холодным и безразличным. Я не требую от Вас, чтобы Вы со мной разговаривали. Не говорите ничего, если Вам это приятно. Я понимаю Вас без слов, я читаю в Вашей душе, а Ваши глаза отражают ее гораздо лучше, чем слова.

Вот почему я вчера с Вами почти не разговаривал.

Отвечайте мне, Наталия, и скажите мне д а или н е т. Я уверен в д а, так как н е т невозможно.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 129.—Письмо Наталье Беер.

[Апрель 1836 года. Москва.]

Дорогая Наталия!

Снова повторять Вам, что Ваша дружба для меня необходима, было бы пожалуй бесполезно. Одного уверения достаточно, второе может только ослабить первое. Вы, дорогой друг, требуете у меня отчета в моих чувствах к Вам, в той пользе, какую Ваша дружба может мне принести. Мое чувство к Вам и к Александрине остается тем же. Источником моей дружбы к Вам являются мои мысли о вечном предназначении человека, о том небесном предназначении, которое поднимает его из сферы в сферу и приближает к божественному центру всех сфер, должно все более объединять людей священнейшими узами. Мы — люди, мы понимаем следовательно это божественное предназначение. Нас окружают те же обстоятельства: это — самый холодный эгоизм, самая страшная апатия. Наша жизнь не от мира сего, наши интересы также не от него. Мы презираем его счастье, он не в состоянии понять наше. Поэтому мы должны от этого страдать, так как гармония внешнего мира с миром внутренним составляет необходимое условие счастья. Мы понимаем высокое предназначение человека, мы стараемся сделаться достойными его, мы развиваемся путем взаимного влияния; поэтому у нас должны быть минуты высокие, божественные, предчувствие вечного блаженства, которое должно быть нашим уделом. Иногда мы бываем слабы, мы даем себя увлечь призраками, но эти призраки не могут долго длиться, ибо их основа ложна, ибо она противна и совершенно чужда истинной жизни человека, как я ее понимаю. А все, что ложно, препятствует развитию души и доставляет минуты страдания. Вот какова жизнь действительного человека. И если несколько людей, хорошо ее понявших, глубоко ею проникнувшихся, объединяются, сливают все свои жизни в одну, связывают их нерасторжимыми узами полнейшего доверия и взаимно переносят друг на друга все чувства, всю любовь, какую они хотели бы перенести на все человечество, — не получается ли из этого чувство горячее, широкое, мощное в своей сфере? Это чувство я называю дружбою. И разве эта дружба не является предчувствием той абсолютной любви, той абсолютной гармонии, которая составляет абсолютное блаженство?

Вот какова должна быть наша дружба. Мы должны еще много работать над самими собою, чтобы стать способными к ней, чтобы не предпочесть ей земную дружбу, стоящую гораздо ниже той, о которой я вам говорю. Вот что мы должны дать друг другу. Состояние горести и уныния, в котором вы видели меня в течение всех этих дней, было проявлением временной слабости. Мне пришлось преодолевать иллюзию, призрак, образовавшийся во мне незаметно для меня самого. Я должен был его уничтожить, но не сумел уничтожить его так быстро, как нужно было, однако теперь я его совершенно одолел. Теперь я от него освободился, я снова вернулся в свою спокойную и активную сферу, которая отныне должна исключительно составить мою жизнь. Я не должен и не хочу иметь другой. Если вы хотите войти в нее, я вам отдаю ее, я отдаю вам всю свою жизнь, как вы должны отдать мне вашу, столь же спокойную и столь же чистую от всего, что должно быть ей чуждо. Будем работать вместе, будем развиваться вместе, и будьте уверены, мы будем более счастливы, чем те, которым благоприятствует внешнее счастье. И эта дружба не потребует внешнего объединения. Раз сложившись, она навеки будет недоступна посягательствам времени и места и всего того, что называют внешними переменами, которые для вас не будут существовать, так как ваш внешний мир будет выражением нашей внутренней жизни, а наша внутренняя жизнь не будет подвергаться переменам.

Прощайте.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 130. — Письмо Александре Беер.

30 апреля 1836 года. Москва.

И Вы, дорогая Александрина, и Вы сомневаетесь во мне. Но ведь это был только момент, момент физической и нравственной болезни. Ведь невозможно же, чтобы Вы мне не верили, Вы, знающая, как я Вас люблю и как Ваша дружба для меня необходима. Кажется, Вы поменялись ролями с Наталией. Знаете ли Вы, что я совершенно очарован Наталией? Не думайте, что,

несмотря на ее внешнее спокойствие, я не замечаю все, что происходит в ее душе. Как бы не так. Я читаю в ее душе и вижу в ней столько прекрасного, столько высокого. Вы страдаете, мой милый, превосходный друг. Мои сестры огорчили Вас. Простите им, очаровательный друг: они не знали, что причиняют Вам страдания, они были увлечены ревностью, как говорит Таничка.

Наталия переезжает в Попово. Я думаю, что они выедут в пятницу. Если бы Вы могли их дождаться, чтобы поехать вместе, Вы сделали бы очень хорошо. Что Вы будете делать в Казицине и в Никольском *, особенно в последнем, в этом жалком гнезде разложения и правоверия? Но если Вы этого сделать не можете, то потерпите. Вскоре Вы увидите свою сестру. Она Вас понимает и любит больше, чем кто-либо.

Мы свидимся в июле.

Я должен готовиться к урокам. Сегодня у меня их два.

Прощайте, мой добрый друг.

Ваш друг
М. Бакунин.

(Дальше идет приписка Наталии Беер.)

Перевод с французского.

№ 131.—Письмо сестрам Беер.

[Апрель 1836 года. Москва.]

Мои добрые друзья!

Вот уж год прошел с тех пор, как наши взаимоотношения, наша дружба получили свое действительное начало. Много переворотов и много перемен совершилось в наших душах, но изменились ли они действительно, не стремятся ли они более, чем когда-либо, к тому священному слиянию, которое должно их объединить? Не стали ли они более способными, более достойными этого слияния? Не являются ли они сами более чистыми, более святыми, не прошли ли они действительно через столько

---

* Слова «Казицино» и «Никольское» по-русски в оригинале.

страданий и столько бурь? Не должно ли спокойное и чистое небо, божественная и прочная гармония притти на смену этим дням бурь, сомнений и разочарований?

Наступил наконец этот вожделенный момент. Мои дорогие друзья, я снова вижу это небо, более прекрасное и более ясное, чем когда-либо. Гармония, оставившая было мою душу, снова вернулась в нее — столь же прекрасною и даже более высокою, чем раньше. Прежняя гармония, которою мы наслаждались, не была еще истинною гармониею. Она была лишь слабым предчувствием той, которою мы должны наслаждаться теперь. Она была еще незаслужена, она не была еще завоевана.

Наталия и Александрина, вы не должны, вы не можете больше сомневаться во мне. Вы не можете дольше не верить в узы, которые нас объединяют и которые должны нас еще сильнее объединить. Эти узы, мои очаровательные друзья, мои добрые, мои настоящие сестры, должны дать нам счастье. И неужели же вы думаете, что для меня не является настоятельною необходимостью наслаждаться вашею дружбою, быть в состоянии влить в ваши души все мое прошлое, все мое настоящее и все мое будущее? Думаете ли вы, что для меня не является необходимостью пользоваться вашею неограниченною любовью, рассказывать вам обо всем, что мною перенесено, рассказывать вам обо всех страшных страданиях, которые я вынес на собственных плечах, которые я накопил в себе? Думаете ли вы, что для меня не является необходимостью делиться с вами всем счастьем, всею возвышенною гармониею, которою я ныне наслаждаюсь, поведать вам все мои предвидения на будущее?

Вы не сомневаетесь больше, вы не можете больше сомневаться в том жгучем огне, который наполняет всю мою душу, который очистит ваши души от всего, что в них осталось от эгоизма. Вы не сомневаетесь больше в этом, прочитав эти строки. Вы увидите в этом письме всю мою душу, раскрытую перед вами. Ах, как я счастлив, что могу наконец поговорить с вами о себе самом, что могу вам высказать, что моя дружба к вам вовсе не была столь благородною и столь бескорыстною, как вы это думали, что могу вам доказать, что нуждаюсь в вашей дружбе.

Между нами должна царить полная и неограниченная откровенность, и я сделаю в этом отношении первый шаг. Я не знаю, как назвать чувство, которое я питал к Таничке. Но я только знаю, что оно внушало мне ревность, и эта ревность истерзала

всю мою душу. Она довела меня почти до полного падения. О, если бы вы знали, если бы вы могли понять все те ужасные унижения, жертвою которых я был! Если бы вы знали, как я чувствовал свое падение, как я чувствовал свое бессилие! Я, который сознавал, что мне предстоит такая высокая, такая возвышенная миссия, я опустился до столь низких и столь недостойных меня чувств, и эти чувства овладели всем моим существом, и я стал их жалким рабом; и у меня не было достаточно сил, чтобы отделаться от них, и я стал предметом сострадания для своих сестер и даже для вас! Ах, это был ад, ад со всеми его ужасами. Я утратил ту абсолютную любовь, которая была всею моею жизнью. Я стал эгоистическим, жалким существом. О, как я жаждал смерти.

Но в конце концов я избавился от этого, я снова стал самим собой. Я наконец силен. Это испытание было необходимо. Я должен был или пасть под его бременем, или же должен был достичь того, что было мне предназначено судьбою. Я не пал, я одержал победу. И вот я снова сильнее и святее, чем когда-либо, и вот я снова подаю вам руку и говорю вам, друзья мои: я снова живу, я могу открыть вам небо; обопритесь на меня, погрузите ваши души в мою: она более чиста и более широка, чем когда-либо. Она освятилась страданиями, она более, чем когда-либо, достойна вашей дружбы. Ах, мои добрые друзья, отвратите свои взоры от земли и устремите их на небо! Взгляните, как прекрасна жизнь, как она возвышенна. Горе тому, кто не страдал, кто не проливал горьких слез! Это — не человек, небо для него недоступно. Блаженны плачущие.

Итак наше побратимство восстановлено. Оно прошло через испытания, через страдания и вышло из них более блестящим, чем когда-либо. Теперь оно стало абсолютною истиною.

Подадим же друг другу руки для вечности и будем радоваться, что судьба даровала нам счастье страдать и любить.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Прошу вас, чтобы, кроме вас двоих, никто не читал этого письма.

Перевод с французского.

№ 132.—Письмо сестрам.

[Конец апреля или начало мая 1836 года.] Москва.

Мои дорогие друзья!

Дадим друг другу руки и помиримся. Мы любим друг друга, — в этом нет сомнения. Не знаю, понимаем ли мы хорошо друг друга, — в этом я сомневаюсь. Но это придет, ибо те, кто любят друг друга, в конце концов не могут не понять друга друга. Но вы любите меня, мои дорогие друзья, я это чувствую, ибо я вас также люблю, ибо я люблю вас от всего сердца, ибо ваша дружба для меня необходима, дружба полная, безграничная, словом, такая, как я ее понимаю.

Дела мои идут здесь очень хорошо. Я даю девять уроков в неделю и много работаю. Я занимаюсь для самого себя, я подвигаюсь вперед, и я счастлив и доволен. Мне нехватало только любви моих сестер, любви сознательной, основанной на моей собственной нравственной и умственной жизни, а не на ложном призраке, не на нелепой смеси обязанностей, сантиментов и якобы христианских принципов. Вы дадите мне эту дружбу, мои дорогие друзья, вы дадите ее мне такою, как я хочу, такою, какая мне нужна. И от этого наша дружба станет только крепче, она будет впредь непоколебимою. Поймите меня, мои дорогие друзья, таким, каков я есть. Я не желаю, чтобы вы считали меня безгрешным. Это было бы нелепым притязанием, так как безгрешных людей не существует. Поэтому любите меня не за отсутствие во мне недостатков и за множество моих достоинств, ибо не так приходит дружба. Это будет дружбою здравого смысла, а здравый смысл имеет слишком мало смысла, когда речь идет о симпатии. Этот здравый смысл, столь вами восхваляемый, враждебен богу, когда он стремится подчинить себе любовь и разум. Любят потому, что любят, а не по каким-либо иным мотивам. Но когда любишь, то неизбежно и понимаешь. Кто не понимает, тот не любит, а кто не любит, тот не в состоянии понять.

Прощайте, мои дорогие друзья.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 133.—Письмо сестрам Беер.

[Начало мая 1836 года. Москва.]

Милые друзья!

Вот вы снова собрались вместе. Значит, вы стали сильнее, так как вы друг друга любите, ибо вы нуждаетесь в том, чтобы любить и быть любимыми, и так как вы друг друга понимаете, ибо вы нуждаетесь в том, чтобы понимать и быть понятыми. И я также нахожусь посреди вас, моя дружба и моя воля не оставляют вас ни на минуту. Верьте мне, милые друзья, ибо мои слова говорят вашим сердцам, вашим душам, а душа и сердце составляют единственные законные источники всякого истинного долга и всякого действия. Всякое действие и всякий долг, не вытекающие из души, бесчестны. Верьте же моим словам, если они находят отклик в ваших душах. Пусть они послужат для вас путеводною звездою, чтобы освободить вас наконец от сухой пустыни, до сих пор вас душившей, чтобы привести вас наконец к колыбели богочеловека, к средоточию истинной любви. Милые друзья, не ждите чудес. Внешний мир вам их не даст, он не может больше вам их дать. Живите отныне в ваших душах, верьте только тем, кто говорит вашим душам, ибо они — ваши искренние друзья, ибо, чтобы иметь возможность говорить вашим душам, они должны вас понимать, а для того, чтобы вас понимать, они должны вас любить. А я, мои очаровательные друзья, вас понимаю и вас люблю.

Нет, Александрина, Вы не сомневаетесь во мне, Вы не можете этого делать. Отбросьте, милый друг, в сторону все Ваши планы самоотречения и самопожертвования. Предоставьте мне самому уладить без помех мои отношения с своими сестрами.

Думаете ли Вы, что, разлучаясь со мною, Вы поступили бы хорошо? Ах, милый друг, как плохо Вы меня знаете, как плохо знаете Вы чувство дружбы, которое я к Вам питаю. И вы полагаете, что я мог бы использовать вашу жертву для примирения с моими сестрами, и вы полагаете, что я согласился бы расстаться с вами, мои милые друзья, с вами, кого я считаю моими истинными сестрами, сестрами души моей, моих надежд на будущее! И вы думаете, что, расставаясь со мною, вы помирили бы

меня с моими сестрами? О, как вы заблуждаетесь. Напротив, это могло бы отдалить меня от них навсегда. Нет, милые друзья, останемся попрежнему в старых отношениях, нет, моя миссия вблизи вас не кончена, равно как и ваша. Мы должны друг друга взаимно поддерживать, помогать друг другу восходить к высокой цели, о которой я вам говорил и в других письмах. Мы увидимся в июле, я проведу целый месяц с вами, моими сестрами, моими милыми друзьями, с сестрами, которых я заставлю меня понимать и любить так, как я хочу. Сохраняйте декорум с вашею матушкою и Алексеем: они неспособны понять ваши души.

Прощайте, мои милые друзья.

Ваш друг

М. Бакунин.

Мы уже устроились в доме Станкевича. Константин * находится подле меня. Наши занятия идут правильно.

Пишите мне большие письма. Опишите мне все малейшие обстоятельства, которые с вами случатся.

Перевод с французского.

№ 134.—Письмо сестрам Беер.

7 мая 1836 года. Москва.

Дорогие друзья!

Вот уже несколько дней, как я собираюсь вам написать, но не имел ни минуты свободной: столько было у меня дел. Теперь, освободившись на несколько часов, я хочу снова с вами побеседовать, хочу снова удовлетворить усвоенную мною приятную привычку изливать мою душу в ваши, делиться с вами всеми проявлениями моей внутренней и моей внешней жизни, которую мне удалось наконец урегулировать согласно потребностям моего внутреннего я и которую мне удалось наконец освободить от всякого внешнего влияния.

Ваш отъезд, моя милая Наталия, очень меня огорчил и поверг меня в совершенное одиночество. Я с грустью покидал дом,

* Беер.

где я столько перечувствовал, перестрадал, испытал столько радостей, где меня так хорошо понимали, где я нашел столько радостного утешения в доверии ваших прекрасных душ.

Да, мои дорогие друзья. Мы совершенно поняли друг друга. То, что не говорилось, чувствовалось, и отныне взаимное непонимание между нами вряд ли возможно. Раз люди друг друга поняли, они всегда будут друг друга понимать. Наша дружба основывается не на привычке или долге. Ее стихия это — свобода, это — истинная симпатия душ. Поэтому наша дружба—не человеческая, она божественна, значит вечна, ибо то, что божественно, — вечно. Возрадуемся же, мои милые друзья, тому, что мы друг друга обрели и поняли. Возрадуемся тому, что нам удалось вырвать кое-что из тех руин, которые рушились и будут рушиться под действием неудержимого хода времени. Мы же выбрались из этих руин, из досягаемости времени, ибо мы спасли от всеобщего крушения лучшую часть нас самих: свою дружбу, симпатию.

О, мои дорогие друзья, как приятна для меня ваша дружба, как счастлив я, что могу говорить и быть уверенным, что меня поймут, что могу чувствовать и быть уверенным, что я найду отклик своим чувствам! Любить истину, жертвовать всем для нее, страдать за нее, даже умереть для вящшей славы ее, если нужно, и иметь возможность выражать свои чувства, свои горести—вот истинное счастье, единственное счастье, достойное человека. Да, мои дорогие друзья, приучайтесь к этой мысли: истинное счастье заключается в страдании, соединенном с сознанием человеческого достоинства и силы. Я столько искал, столько страдал, чтобы найти истинный путь, что не мог его не найти. Изменчивость моего настроения исчезла, я спокоен, я счастлив, ибо я страдаю за истину, ибо истина составляет все мое достояние, всю мою религию, все мое существование. Я спокоен, ибо я наконец убедился в том, что нашел истинную дорогу, так как я вижу мою цель, хотя еще довольно далекую от меня. Моя цель это — бог, и я чувствую себя человеком. Истинное достоинство человека это — спокойствие в страдании. Это не то апатичное, животное спокойствие, которое столь унизительно для человеческого достоинства и которое так восхваляют. Я страдаю потому, что я — человек и хочу быть богом. Я спокоен, потому что я сознаю свои силы, потому что вижу себя стоящим на пути, который вечно будет приближать меня к богу.

Мы живем здесь в полном уединении. Пономарев [1] предложил мне приходить ко мне брать уроки, так что с понедельника до субботы я совершенно не выхожу из дома, если не считать короткого ежедневного визита к [И. П.] Клюшникову *, живущему в двух шагах от нас. Его общество доставляет мне большое удовлетворение. Несмотря на его скептическую и ироническую внешность, в нем столько души, столько внутренней теплоты, столько потребности верить и любить. Мы вместе читаем Фихте. Белинский также часто приходит ко мне по вечерам, затем Келлер, Ефремов и Аксаков ** — вот и все наше общество. Наши надежды, наши планы на будущее — вот что составляет обычный предмет наших бесед, всегда воодушевленных, так как каждый высказывает то, что чувствует и думает, а не то, что он должен был бы чувствовать и думать по обязанности. Мой перевод из Фихте о назначении человека, общества и ученого печатается. Я вам пришлю его, когда он выйдет из печати. Уроки, которые я даю Пономареву, идут очень хорошо. Я наконец сумел добиться влияния на его ум, которое мне нужно было для того, чтобы вырвать его из той апатичной и мертвой сферы, в которую погрузила его жизнь и практические идеи его отца, чума общества. Я уверен, что он выдержит экзамен, так как я внушил ему необходимую энергию к работе. По субботам я обедаю у г-жи Аксаковой ***, где встречаю всю московскую литературную аристократию, в общем ничего особенного не представляющую. По воскресеньям я обедаю у г-жи Левашовой, а всю остальную часть этих двух дней посвящаю моим собственным занятиям.

Вот как я живу здесь в Москве. Скажите мне, мои милые друзья, как живете вы, каково ваше душевное состояние, каковы внешние отношения в вашей семье и в моей? Что вы поделываете? Пишите мне, мои милые друзья.

Прощайте!

Ваш друг

М. Бакунин.

---

* Слово «Клюшников» по-русски в оригинале.
** Повидимому Константин Сергеевич.
*** Жены Сергея Тимофеевича Аксакова.

Константин * много работает. Это — очаровательный юноша. Мы способствовали его эмансипации, и первым проявлением его совершеннолетия и свободы был галстух **.

Напишите мне поскорее и пишите мне почаще.

Перевод с французского.

№ 135.— Письмо сестрам Беер.

Москва. 9 мая 1836 года.

Мои милые друзья!

Вы страдаете, мои милые друзья. Пусть мысль о том, что я всецело сочувствую вашим страданиям, вас утешит. О, мои милые друзья, как я вас понимаю, как я пред вами преклоняюсь, как я вас люблю. Страдайте, мои милые друзья, страдайте с сознанием вашего достоинства, вашего превосходства. Это очищает душу, это делает ее более достойною высшего счастья на земле. Я понимаю все эти выходки со стороны вашей матери и вашего братца, но со стороны моих сестер я их совершенно не понимаю.

Нет, Наталия, я не унижу Вас перед ними, прося их быть более любезными и более деликатными с Вами. Зачем Вам форма, когда идеи уже нет? Форма имеет значение только для внешних отношений, но для ваших душ она не может иметь никакого значения. Нет, Наталия, Вам не нужно было рекомендовать мне молчание. Ваше достоинство есть мое достоинство, и, унижая его, я унизил бы сам себя, так как наши я отождествились, мои дорогие друзья, наши души слились. Пусть мои сестры радуются и чванятся нашим естественным, невольным, физическим, бессознательным родством. Наше родство с вами, мои милые друзья, это — родство душ, гармония убеждений, неограниченное взаимное доверие. Мое родство с ними это — обязанность, это — земля; мое родство с вами это — все мои чувства, это — вся моя моральная жизнь, это — весь мой умственный мир, это — бог, это — небо. Вы поняли меня, я также понимаю вас, наши

---

* Беер.

** Слово «галстух» по-русски в оригинале.

сердца бьются в унисон, — вот наши права, вот наше родство. Верьте мне, мои дорогие, мои милые друзья, ваша доля лучше. Это — доля человека, становящегося богом, а не человека-животного. Оставим это моим сестрам. Я хотел написать: оставим это другим, и не знаю, как имя моих сестер сорвалось с моего пера. Но я не вычеркиваю его, потому что я о нем думал, а я не хочу скрывать от вас того, что я чувствую и думаю. Вы пользуетесь моим полным доверием, моя душа всецело принадлежит вам.

Пусть это придаст вам сил, пусть это укрепит вас против всех внешних невзгод, которые настолько ниже вас и ваших прекрасных душ. Я — с вами, мои милые друзья, я не оставлю вас ни на минуту, и никогда мысль о вашем расхождении со мною не сможет притти вам в голову. Это будет мысль преступная, жалкая, ибо нам разойтись — это значит разойтись не во внешнем мире, нет, это значит отнять у ваших душ необходимую пищу для их жизни, пищу, к которой они привыкли. Нам разойтись — это значит ранить наши души, убить нас, а никто из нас троих не пожелает быть убийцею другого.

Да, мои милые друзья, через полтора месяца я приеду к вам. Никаких деликатничаний, никаких ненужных и преступных жертв. Предоставьте мне все заботы о формах и приличиях, я сумею подчинить их идее, я сумею их устроить по моему желанию. Я никогда не был рабом обстоятельств, и никогда внешнему миру не удастся меня разбить. Мое я божественно и сознает свой божественный источник. Оно повелевает обстоятельствам, оно господствует над ними. Верьте же мне, мои милые, превосходные друзья. Я отвечаю за все. Излейте в мою душу все—и горести и радости: моя душа достаточно широка для того, чтобы воспринять все, чтобы понять все; она не настолько мелочна, чтобы подчиниться жалким светским обязанностям. Мое я и все, кто умеют понять его и полюбить, — вот мое общество, вот весь мой внешний мир. Другого у меня нет, я даже не замечаю другого: настолько он мал, беден и ничтожен!

Напишите мне поскорее, мои милые друзья. Не скрывайте от меня ничего, никакого самого незначительного обстоятельства, самой мелкой подробности. Нельзя обманывать того, кто любит, и никогда вам не удастся меня обмануть. Я вижу все, я понимаю все.

Обопритесь на меня, и вы будете сильны. Моя поддержка вас никогда не обманет. Она принадлежит вам на веки вечные.

Время и пространство — ничто перед вечностью, а наша дружба вечна, ибо она — не от мира сего.

Прощайте, мои милые друзья. Господь да пребудет с вами! Будьте сильны и сосредоточенны. Не мечите бисеру *.

М. Бакунин.

Я написал Вертэю. Я ручаюсь вам, что он будет в хороших отношениях с Федором **. Никаких уступок никому — ни матери, ни брату.

Михаил Бакунин.

Милая Александрина, нарисуйте для меня св. деву. Это — тип христианской женщины, а к сожалению у нас слишком мало истинных христианок, ибо быть христианкою значит любить.

Перевод с французского.

№ 136.—Письмо сестрам Беер.

Прямухино, 24 мая 1836 года.

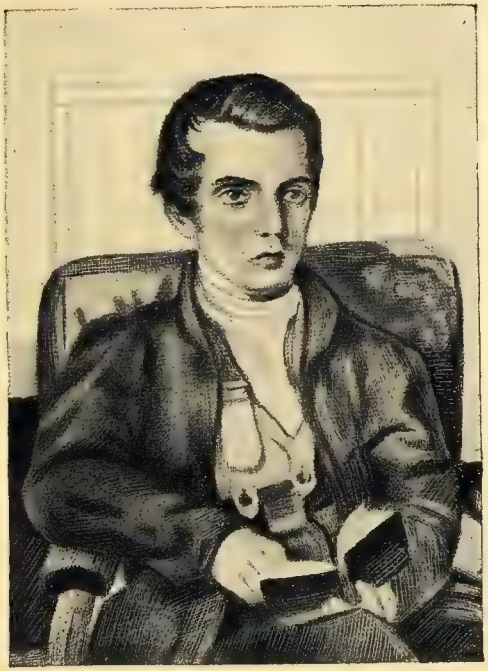
Мои дорогие друзья!

Опять сомнения? Что же, они никогда не кончатся? Поверите ли, мои дорогие друзья, что если бы я вас не знал так, как я вас знаю, если бы я не был убежден в том, что в глубине души вы не можете во мне сомневаться, не можете не верить в безграничную дружбу и истину чувства, которое я к вам питаю, если бы я во всем этом не был убежден, я потерял бы всякую надежду, я начал бы тоже сомневаться. Но нет, дело обстоит не так. Я уверен в вас, я прекрасно вижу нынешнее состояние ваших душ, вот почему я уверен также в неминуемом успехе того, что я затеваю. Вы полагаете, что вам удалось меня обмануть и скрыть от меня все, что произошло в вашей душе. Какое безумие, мои

---

* Слова «не мечите бисеру» по-русски в оригинале.

** Слово «Федор» по-русски в оригинале.



В. Г. Белинский

Николай Владимирович Станкевич
С портрета Л. Беккера

милые друзья! Меня обмануть, меня, который научился так читать в ваших душах, замечать в них малейшее движение, предугадывать все ваши чувства, даже все ваши сомнения! И почему бы это вам вздумалось меня отвергнуть после того, как вы подарили меня вашей дружбой и таким безграничным доверием? Вправе ли вы сделать это? Достойны ли эти эти сомнения и этот скептицизм вас и меня? Не оскорбляете ли вы ими тех священных уз, которые нас связывают, не унижаете ли вы сами себя?

Скажите теперь, что час наступил. Я требую этого во имя той дружбы, которая, по вашим словам, вас так поддерживала, я требую этого во имя того неограниченного доверия, которым вы некогда меня почтили, я требую этого как друг, как судья, ибо вы признали меня таковым. Итак я спрашиваю вас, по какому праву вы мне не верите, на чем вы основываете ваши сомнения, какова цель вашего нынешнего отношения ко мне. Думаете ли вы, что дружба может даваться по капризу и отниматься по другому капризу? Думаете ли вы, что, отдавая кому-нибудь свою дружбу, не дают вечных прав на себя? Вы подарили меня этою дружбою, и я никогда не откажусь от тех прав, которые я считаю своими, и никогда я не думал отнимать у вас тех прав, которые я дал вам по отношению ко мне. Эти права священны, ибо в основе их лежат не общественные условности и не обязанности, нет, у них более священное основание, а именно внутреннее убеждение, гармония душ, друг друга понявших и полюбивших. И вы хотели бы разрушить эту гармонию, вы хотели бы совершить преступление? Да, преступление, повторяю это, ибо покушаться на нее значит совершить преступление. А вы не совершите его, — я стою здесь, могучий и сильный, чтобы вам в этом помешать.

Я люблю вас, мои милые друзья, и дружба моя крепка и непоколебима: она зиждется не на привычке, не на общественных отношениях, она сильна, она независима от всех окружающих обстоятельств, она опирается на саму себя. И вы думаете, что вы в состоянии будете ее разрушить, и полагаете, что, делая это, вы совершаете хорошее дело? Да нет, вы сами этого не думаете. Мысль о жертвах приходит вам в голову только для того, чтобы помочь вам обмануть самих себя насчет истинных причин, а эти причины — жалкие, недостойные вас. Они вас унижают, они служат также причинами той внутренней тревоги, которую вы чувствуете в душе. Разбейте все, мои милые друзья, не позволяйте

этим незаметным и недостойным вас чувствам мало-по-малу пожрать вас. Разбейте все, восстаньте. Настало время для вас разбить также все те фантастические мечты о совершенстве, которые никогда вас к совершенству не приведут. Настало время для вас начать то истинное совершенствование, внутреннее совершенствование, которое не зависит от внешних обстоятельств, для того, чтобы начать действовать.

Итак разбейте все, мои милые друзья, и дайте мне руку. Я укажу вам истинный путь, и вместе со мною вы не падете, ибо я силен, ибо я смотрю в грядущее и люблю вас, и остаюсь вашим другом навек.

М. Бакунин.

Не говорите об этом письме моим сестрам, так как я им его не показал.

Перевод с французского.

№ 137.—Письмо Наталье Беер.

Прямухино, 26 мая 1836 года.

Вчера я получил Ваше письмо, дорогая Наталия. Да, Вы страдаете, Ваше страдание велико, причины Вашего страдания не внешние: они заключаются в Вас самих, они неразрушимы, вечны, как и Ваши страдания. Эти причины заключаются в Вашей любящей натуре. Да, Вы правы, это страдание не недостойно Вас, оно священно и составляет Ваше единственное сокровище. Это—страдание сердца, которое сгорает от любви, которое хочет быть любимым и которое не является любимым, как оно этого хочет. Убить Ваше страдание было бы невозможно, убить Ваше страдание было бы преступно: Ваше страдание составляет Ваше единственное сокровище, Ваше страдание составляет Вашу единственную религию, Вашу единственную моральную жизнь. Значит, его нельзя и не должно убивать, ибо убить его значило бы убить Вашу моральную жизнь. Ваше страдание свято! Вы принадлежите к тому небольшому числу существ, покровительствуемых провидением, вся жизнь которых есть не что иное, как нескончаемое страдание, не физическое, животное, бессодержательное страдание, нет, а святое страдание души, свидетельствующее о ее

священной родине, о ее высокой миссии. Любить в страдании и страдать в любви — вот истинное счастье, единственное счастье, достойное человека. Станете ли Вы завидовать существу, которое находит во внешнем мире все то, в чем нуждается его душа? Чем душа более велика, чем она более свята, более развита, тем сильнее она страдает. Страдание в любви — вот предназначение божества на земле. Поэтому страдание есть истинное блаженство. Но нужно понимать и развивать это страдание, нужно отдавать себе в нем полный отчет. Пусть оно не будет тем апатичным, мертвым, инстинктивным, если можно так выразиться, страданием, которое может только иссушить человека, нет, пусть оно будет страданием человеческим, божественным. Такое страдание не иссушает душу, а питает ее. Блаженство, рай для великой и высокой души может заключаться только в страдании. Страдать с постоянным сознанием своего страдания, с чувством своего человеческого достоинства, с чувством своего вечного призвания — вот какова должна быть цель. А какими средствами достигнуть ее? Нужно развивать это страдание, нужно воспринимать его как счастье! Это не есть внешнее счастье, объединяющее людей, нет, нужно выстрадать, чтобы быть в состоянии любить. А мы страдали, Наталия, и мы можем любить друг друга, для нас невозможно не любить друг друга. Вы верите еще в осуществление Ваших мечтаний о счастье во внешнем мире, и Ваша любовь проникнута страстью. Я уже в это не верю. Моя жизнь— чисто внутренняя, моральная, а любовь моя тоже чисто внутренняя, чисто духовная, и я называю ее дружбой, ибо дружба есть божественная часть человеческого существа. Дружба, которую я питаю к Вам, и та, которую Вы питаете ко мне, обе зиждутся на страдании. Мы страдали и мы любим друг друга, не будем же жаловаться на свою судьбу, Наталия. Мы избрали благую часть. Разойтись для нас невозможно, не будем же пытаться делать невозможное. Это отвратило бы нас от нашей истинной миссии, которая сводится к нашему совершенствованию в страдании, путем развития нашего человеческого достоинства вместе с нашим страданием. Никакие внешние проекты не могут нас удовлетворить и наставить нас на божественный путь. Не эта практическая и догматическая религия может что-либо сделать для нас. Нет, мы должны искать всего этого в нас самих. Наше счастье, наше будущее, наша религия должна заключаться в развитии нашего страдания, нашей любви. Когда я говорил

Вам о занятиях, то я имел в виду не вязание чулок, не изучение географии, не заучивание наизусть. Все это ни к чему. Вам нужно искать в книгах того же утешения, какое Вы находите в музыке. Вам нужно найти в них Ваше собственное страдание, Вашу собственную любовь.

Но мы поговорим об этом в другой раз. Пока я прошу Вас лишь об одном: отбросьте всякие умолчания, верните мне все Ваше доверие. Если Вы не поделитесь со мною каким-нибудь внутренним переживанием, унизительным для Вас, пусть это произойдет потому, что Вы вырвали его из Вашего сердца, а не потому, что Вы хотели его от меня скрыть. Я искренен, Наталия, моя дружба к Вам чиста, сильна, жива. В одном отношении, со стороны страсти, она пожалуй менее сильна, чем Ваша, но гораздо выше и гораздо сильнее Вашей.

Прощайте, мой милый друг. До свиданья.

Ваш друг

М. Бакунин.

Я просил Вариньку написать адрес для того, чтобы не напугать Вашу матушку.

Перевод с французского.

№ 138.—Письмо Александре Беер.

Прямухино, 15 июля 1836 года *.

Дорогая Александрина!

Не знаю, как это выходит, но никогда мне не удается сказать Вам ни одного слова, а между тем за последнее время мне это нужно было. Мне это нужно было для того, чтобы не сомневаться в дружбе, которую Вы мне обещали, — не в добром отношении, не в том интересе, который питают к людям, обладающим теми или иными достоинствами, нет, а в полной, безграничной дружбе. Я нуждался в дружеском сердце, с которым я имел бы возможность делиться всем тем, что составляет мою жизнь. И именно это Вы мне обещали, и именно этого Вы мне до

---

* Во всем этом письме слово «Федор» по-русски в оригинале.

сих пор не дали. Мне казалось, что Вы избегаете меня, моя дорогая Александрина, и я хотел потребовать у Вас объяснения этому.

После двух несправедливых писем, которые я Вам написал, мы могли сделать одно из двух: или расстаться навсегда, или же связаться более крепкими узами священнейшей дружбы. Я Вам заявил это в последний раз во время нашей прогулки, и Вы выбрали последнее. Я сказал Вам, что не ищу ничего во внешнем мире для себя самого, что я живу внутреннею жизнью, что время внешней деятельности для меня еще не пришло и что если бы оно пришло, я не знал бы, к чему это привело бы. Я сказал Вам то, чего до сих пор не говорил никому. Я готов был доверить Вашему сердцу тайну моего, и я заявил Вам, что для этого я нуждаюсь в сердце, свободном от всякой внешней зависимости, и Вы сами признались мне, что Ваша зависимость от Федора * для Вас крайне неприятна. Вы должны были признать, что она еще более тяжела для Федора. По Вашим словам, Вы твердо решились положить конец всем сценам в Вашем семействе, освободиться от неестественного ига Федора, оказать ему сущее благодеяние спокойною и вместе с тем прочною дружбою, единственно способною принести ему пользу. Я тогда был счастлив, Александрина, так как был уверен, что нашел в Вас друга, друга на жизнь и на смерть. Я полагал, что недостаток доверия между нами в малейших вещах, нас касающихся, будет невозможен. Вы страдали все это время, дорогая Александрина, я видел это, но не говорил ни слова, так как после всего того, что Вы мне сказали, я должен был быть уверенным в Вашем доверии и привык уважать Ваше молчание. Вчера во время Вашей беседы с Наталией Вы дали ей понять, что перемена Ваших отношений к Федору была вынуждена, что Вы поступаете так потому, что Вас к этому принуждают, и Вы назначили ему свидание без моего ведома. Я не могу обвинять Вас, дорогая Александрина, я слишком хорошо понял Вашу душу, столь полную высокого самоотречения, но в одном я должен Вас упрекнуть: зачем Вы обещали мне дружбу, которой Вы не могли мне дать, так как Вы ее уже отдали другому? Зачем Вы обещали мне откровенность, в которой Вы уже поклялись другому, когда Вы обещали ему хранить полнейшее молчание? Вы говорите, что Вас принуждают. Несомненно,

---

* Ржевского.

речь идет обо мне, так как по моему совету и для собственного блага Федора Вы попытались придать другой вид Вашим отношениям с ним. Значит, это я Вас заставляю? Неужели Вы не понимаете, что это выражение меня глубоко оскорбляет, меня, который живет только в свободе и любит только свободу? Я принуждаю Вас, — как мало Вы меня поняли, Александрина! Я хочу, чтобы все были свободны, я стал бы презирать самого себя, если бы вздумал принуждать, тиранить кого-нибудь. И без всякого дурного чувства, но с глубочайшей раной в сердце я прошу Вас вернуть себе ту свободу, которую Вы некогда сочли долгом принести мне в жертву. Будьте свободны, мой милый друг, и будьте счастливы, но делайте все для Вашего счастья, будьте тверды, достойны себя в своих действиях. И если Вы считаете себя обязанною продолжать Ваши отношения с Федором, которые, по Вашему мнению, высказанному во время последней нашей беседы, заставляют его страдать, продолжайте их, мой милый друг, скажите это мне определенно, и я не только не обижусь, но буду радоваться Вашему счастью. Итак, дорогая Александрина, я отхожу в сторону и не только ничего не имею против Вас, но, напротив, желаю Вам счастья.

Вчера я обо всем говорил с Федором. Он был поражен, что я настолько посвящен в Ваши отношения с ним. Он сказал мне, что Вы ему обещали, что никто об этом ничего не будет знать и что Вы не сдержали своего слова. Этот славный, благородный молодой человек страдает, и я еще больше убедился в том, что продолжение прежних отношений в прежней форме, внушая ему надежды, которые, несмотря на все Ваше желание и на все Ваши решительные поступки, Вы никогда не сможете осуществить, будет лишь с каждым днем усугублять его страдания.

Вот что я хотел Вам сказать, моя милая Александрина. Если я правильно угадал, скажите мне это открыто. Мое уважение к Вам от этого только возрастет. А если я ошибаюсь, дайте мне беседу, которая неограниченною откровенностью будет достойна нас обоих. Решайте, Александрина, слушаясь голоса своего сердца, и верьте, что, что бы Вы ни решили, Вы найдете во мне человека, который будет всегда Вас уважать и любить, ибо не уважать Вас и не любить я не могу.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 139.—Письмо сестрам Беер.

[Лето 1836 года. Прямухино.]

Милые друзья,

Вас покорно просят пожаловать к нам в 4 часа, чтобы вместе отправиться на пильной завод *. Я присоединяю свою скромную просьбу к этому церемонному приглашению и прошу вас не отказать в ней. Это будет прогулка в компании, общая беседа, а вы знаете, как плохо я себя чувствую в подобного сорта развлечениях. Поэтому ваше присутствие должно вознаградить меня за долг, который мне придется исполнить.

Преданный вам

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 140.—Письмо сестрам Беер.

[Июль 1836 года. Прямухино.]

Дорогие друзья!

Вы ждете обещанного письма. Я хотел послать его сам, но вчерашние обстоятельства мне помешали. Да, вы угадали: ваша мать говорила с моими родителями и оклеветала вас перед ними. Вчера вечером после вашего отъезда мы имели разговор с маменькою. Варинька, Танюша и я убедили ее настолько, насколько это допускалось ее предубеждением. Она не только не отнеслась отрицательно к моей дружбе к вам, но рассчитывает на нее как на единственное средство к вашей перемене. Итак все идет хорошо, но я должен с вами поговорить. Я постараюсь сделать это сегодня вечером. Мне много нужно вам сказать.

Одно только, милые друзья, прочь сомнения! Верните мне ту безграничную веру в мою дружбу, которая облегчала для меня

---

* Последние два слова по-русски в оригинале.

величайшие трудности, и я снова стану всемогущ, и для меня не будет ничего невозможного. Да, милые друзья, в моей душе заключено целое будущее, и вы должны почерпать в ней ту небесную гармонию, которая в ней царит и которая составляет мою сферу. Обопритесь на меня, живите в моей дружбе—ваша опора будет прочна, ваша жизнь вечна. Нет, мои милые друзья, прочь ложные колебания, пусть полная и неограниченная искренность царит между нами! Только она одна достойна вас. Я вас люблю, люблю так, как умею любить, и моя душа состоит из огня, но огонь этот — чистый. Пусть же и ваши души будут такими же: вот что вы должны сделать для меня. Я хочу, чтобы вы обрели истинную религию, ту, которая дает мне силы и делает меня недоступным влиянию внешних вещей. Мы — уже друзья, но мы должны сблизиться еще больше. Несмотря на все то, что вы говорите, ваша дружба доставила мне уже много радостей. Я мог действовать для вас, и я не был бы в состоянии действовать, если бы я вас не любил и если бы вы меня не любили. А деятельность составляет мое счастье. Действовать для тех, кого я люблю, действовать для их возвышения — вот мое блаженство. И разве я не нашел в вас отклика на мои страдания и мои радости? Да, мои милые друзья, вы уже дали мне много и можете дать еще больше.

До вечера.

Ваш друг
М. Бакунин.

Сейчас только мы получили ваше письмо. Спешу на него ответить. По моему Александрина должна уехать с вами, чего бы это ей ни стоило. Нечего говорить о матери и материнской любви, но нужно молчать в силу приличий. Сегодня вечером я приеду к вам, чтобы поговорить подробнее. Обопритесь на меня и не бойтесь ничего, ибо я весьма силен, и я вас люблю, и дружба моя могущественна. Прошу вас, милая Александрина, решайтесь на поездку в Пильганово *.

Еще раз ваш друг
М. Бакунин.

---

* Слово «Пильганово» или «Кильганово» в оригинале по-русски; написано неразборчиво. Может быть, нужно читать «Луганово» (название имения Дьяковых—Луганово-Ивановское).

Перевод с французского.

№ 141.—Письмо сестрам Беер.

[Лето 1836 года. Прямухино.]

Милые друзья!

Я восхищен тем, что вы наконец приняли какое-то решение. Вы правы: ваша мать и ваш брат * никогда не сумеют вас понять. Значит, необходимо, чтобы они приучились вас уважать, считаться с вашею волею, которая, будучи всегда чистою, справедливою и твердою, должна освободить вас от всех этих мелких слабостей, от этой присущей вам полудоброты, полужалости, должна наконец привести вас к той цели, которую вы так хорошо понимаете, но которую еще не начали сознательно завоевывать, находясь еще под слишком большим влиянием минуты. Нужно, чтобы они приучились уважать вашу волю, непоколебимую и даже грозную, когда речь идет о вашем женском достоинстве, о чистоте священного характера, который бог дал вам в удел. Вы должны быть тверды, когда дело идет о моральном культе, о той религии, которая должна составить вашу жизнь и которая не должна ограничиваться одними случайными чувствами вашей души, но должна выражаться во всей вашей внешней жизни, во всех ваших поступках, в ваших малейших движениях. И эта религия должна охватить мир живой, а не мертвый, ибо нет любви в смерти, а там, где нет любви, нет религии. Вот почему она должна охватить все, что есть чистого в ваших душах—любовь, дружбу, искусство, музыку, интеллект. Она должна все привести в гармонию, она должна осветить ваши сердца, потрясенные бурею, страстями. И эти сердца станут обителями, в которых вы заключите всю вашу жизнь, успокоите все ваши чувства, все ваши прекраснейшие мысли, столь недостойно непризнанные этим миром, не стоющим вас. И эти сердца будут закрыты для всякого постороннего взора, они будут ледяными для него, но они будут открыты для ваших друзей, они будут гореть огнем для их душ, родственных вашим.

О, верьте, верьте, мои милые друзья! Вера даст вам рай. Не вступайте на ложный путь, не обманывайтесь на собственный

---

* Алексей.

счет, и вы обретете блаженство в вас самих и в тех, кто любит вас ради вас самих. Я уже не питаю злого чувства к Федору, как не питаю его к червяку, грязнящему цветок, к которому он присасывается. Я заявил вам вчера: Федор * покорный, Федор, повинующийся малейшему вашему желанию, Федор, признающий ваше превосходство, есть человек, которого я могу уважать. Но Федор грубый, Федор, присваивающий себе непринадлежащие ему права, есть существо недостойное, заслуживающее уничтожения, так как он в этом случае вас профанирует, а за такую профанацию он должен заплатить. Пошлите ваше письмо Алексею **. Оно [дальше неразборчиво].

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 142.—Письмо Наталье Беер.

[Лето 1836 года. Прямухино.]

Я вполне понимаю Вас, дорогая Наталия. Вчерашняя прогулка меня самого нисколько не удовлетворила. Все это многолюдное общество, лишенное гармонии и столь пестрое по составу, этот огромный сад, неблагоустроенный и плохо разбитый, вывели меня из себя. Нет, для того, чтобы наслаждаться, нужно составлять одно целое, нужно, чтобы каждая отдельная часть была в гармонии с целым. Таково единственное условие, при котором человек может чувствовать сам себя. А для всякой истинной радости нужно чувствовать самого себя, ибо только тогда человек может сказать, что жизнь прекрасна. О, жизнь действительно прекрасна, дорогие друзья, несмотря на все свои бури, несмотря на все свои пустоты. Истинный аккорд это — тот, который вытекает из диссонанса и который умеряет диссонанс. О, несмотря на все встречающиеся препоны и жалкие мелочи, можно быть счастливым. Нужно только не теряться в этих мелочах, нужно сохранять ощущение бога и ощущение себя самого

---

* Ржевский.

** Беер.

в боге. Дорогие друзья, ваша дружба снова доставляет мне истинное блаженство. Да, теперь я чувствую любовь, которую вы ко мне питаете. Раньше я верил в нее, но ее не чувствовал. Нет, недоразумения больше не вернутся, они сделали свое дело, они очистили наши чувства, они способствовали усилению нашей веры и сделали нашу дружбу более действительною. Я увижусь с вами сегодня после обеда.

Итак, до свидания.

Ваш друг и брат

М. Бакунин.

Как очаровательны мои сестры, какая чистота, какая энергия, какой жар горит в их душах! Верите ли вы наконец в их дружбу к вам? Если они вас еще не понимают, как вы этого хотели бы, потерпите, они поймут вас, ибо любовь открывает глаза.

М. Б.

Перевод с французского.

№ 143. — Письмо сестрам Беер.

[Июль 1836 года. Прямухино.]

Мои добрые друзья!

Вот уже три дня, как мы не видались. Не думайте, что это — колкость, что это — жалкий способ дать вам почувствовать, что я вами обижен. Не думайте также, что я пишу это из желания порвать отношения с вами, приучить вас мало-по-малу обходиться без меня. Нет, мои дорогие друзья, что бы вы об этом ни думали и ни говорили, я слишком дорожу этою дружбою, эти отношения слишком священны для меня, чтобы я так легко отказался от прав, которые мне были предоставлены по отношению к вам. И уж, конечно, не я первый разорву связующие нас узы.

Следовательно имелось другое основание, более благородное и более достойное вас и меня. Я хочу говорить с вами откровенно. Я давно уже испытываю в этом потребность. Но не знаю, была ли то осторожность или нечто другое,—думаю, что

здесь дело было скорее в слабости; так вот моя слабость удерживала меня от этого. Пора с нею покончить, ее дальнейшее действие причинило бы слишком много зла. Вот почему я собираюсь вам сказать все, что я чувствую и думаю. Не профанируйте же недостойным вас сомнением те откровенные слова, которые я вам скажу. Я могу ошибаться, но обманывать вас я не в состоянии, ибо более чем когда-либо я чувствую потребность поговорить с вами начистоту.

Давно уже наши отношения потеряли все то, что в них было священного. Они становятся все более и более жалкими. Нет уже того святого доверия, которое некогда царило между нами. Все мы испытываем какую-то натянутость, которую мы не хотели или, точнее, боялись заметить. А между тем эта натянутость существует и становится все более тягостною. Нужно же наконец ее назвать настоящим именем. И вот почему я в течение трех дней с вами не видался. Я чувствовал потребность сосредоточиться в себе самом. Мне нужно было уединиться, чтобы серьезно обдумать сложившиеся обстоятельства, чтобы проанализировать самого себя. Я хотел убедиться, не лежит ли действительно причина этого охлаждения во мне самом. Я добросовестно произвел этот анализ. И вот, дорогие друзья, я пришел к тому убеждению, что она лежит не во мне. Я увидел, что моя любовь к вам истинна. Я увидел, что гармония ваших душ, что ваше достоинство, что продолжение вашей дружбы ко мне и вашей веры в меня представляют необходимые условия моего собственного счастья. Дорогие друзья, если бы моя привязанность к вам объяснялась только благородством, как вы наверно думаете и как вы часто мне говорили, то я желал бы только вашего внешнего спокойствия, иллюзорного спокойствия ваших душ, ибо это — все, чего можно желать для людей, к которым не питаешь личной любви. А между тем я предпочитаю, чтобы вы перенесли всевозможные страдания, но чтобы вы не покупали своего спокойствия ценою истины, ценою святыни и душевной высоты,—а чтобы хотеть этого, нужно любить не прохладным чувством, которое часто называют дружбою, нет, а горячим, энергичным чувством, составляющим истинную дружбу. Именно такую дружбу к вам я и питаю. Я чувствую это глубоко. Поэтому причина нашего охлаждения лежит не во мне.

Она лежит в вас. Эта причина заключается в недостатке истинной любви, истинной религии;

эта причина заключается в ложных взглядах, которые вы себе составили и которые я по слабости терпел; эта причина заключается в недействительности всей вашей жизни. Я не должен был обращать так много внимания на ваши внешние проекты. Они были ложны, но они проистекали из ложного положения ваших душ. И именно на ваши души я должен был направить все свое внимание. А я поступил наоборот. В течение всего этого времени я проявлял слабость. Мне самому нехватало этой животворящей любви, а с любовью я сразу потерял и веру, и силу, и энергию. Утратив мою прежнюю власть над вашими душами, я ограничился вашими внешними поступками. Я удерживал вас старыми воспоминаниями. Я был слаб и до сих пор не понимаю, как я мог хотя бы отчасти влиять на вас. Хотя вы и находились в ложном положении, но у вас не замечалось недостатка сил. По моему мнению, ваша всегда истинная натура, находясь в постоянном противоречии с ложными идеями, которые вы себе внушали, помешала вам поддаться им.

Теперь, когда я целиком вернулся в самого себя, я хочу положить конец этому тягостному состоянию. Оно слишком нас угнетало. Оно причинило слишком много горя для того, чтобы мы могли примириться с его продолжением. И возможны лишь два выхода: или полное восстановление наших прежних взаимоотношений во всей их пылкости, во всей их первоначальной чистоте, или же полный разрыв всяких отношений между нами. Тот и другой выход будут достойны нас. И лишь нынешнее положение вещей нас унижает и гнетет.

Вот почему я должен был на некоторое время уединиться. Я испытывал потребность сказать вам все это, но я не мог этого сделать, не заперевшись всерьез на замок. Дорогие друзья, как я вам уже раз заявил, я нашел в себе столько же любви и горячего чувства к вам, как и раньше. Но нам чего-то нехватает. А это что-то заключается в отсутствии у вас полной веры. Откуда же происходит это отсутствие веры? Правда, я в течение некоторого времени проявил много слабости и падения. Но разве я сам уже давно не стал снова самим собою, не вернулся к вам с еще более горячим чувством? Но и с меньшею силою,— скажете вы? Но скажите, откуда же явилась эта слабость? Что могло парализовать мое действие на вас? Снова повторяю вам: это — недостаток вашей веры. И этот недостаток веры имеет

своим источником не что иное, как недостаток любви, недостаток религии и внутренней жизни. Вот вам причина того разлада, который вы теперь ощущаете. Я знаю, вы скажете мне, что я ошибаюсь, что в вас много внутренней жизни, что ваша вера в меня безгранична. Если вы действительно так думаете, то я отвечу вам, что вы ошибаетесь. Если эта вера кажется вам достаточною, то я скажу, что я далеко не удовлетворен ею и не знаю, что с нею делать. Эта дружба для меня недостаточна. Ваша мнимая вера не в состоянии меня удовлетворить. Мне нужно нечто более живое, более истинное, дорогие друзья.

До сих пор мы жили прошлым. Мы говорили обо всем путем воспоминаний. От этого настоящее становилось лишь более томительным. Стряхнем же это иго, не боясь ничего. И если между нами нет более ничего истинного,— признаем это с твердостью. Самая горькая правда более выносима и более богата жизнью, чем самая блестящая иллюзия. Но если между нами существует еще дружба, возобновим ее, убьем прошлое, положим конец разъедающей нас апатии; исторгнем из наших душ все ложное, которое туда проникло; будем жить истинною жизнью. Довольно молчать! Скажем себе все, что у нас накопилось на сердце. Дорогие друзья, это — единственное средство восстановить более достойное нас положение. И я первый подаю вам пример этого. Углубитесь в самих себя, проанализируйте внимательно сами себя, и скажите мне, чего вы хотите, чего вам недостает. Клянусь вам перед лицом бога всем наиболее святым для меня, что мой ответ будет продиктован чистою истиною. Долой ухищрения, долой извороты (это относится к Наталии), долой стоическое молчание, долой ложный героизм (это для Александрины)! Дайте свободу своей душе, истинным потребностям вашего сердца. Скажите все без боязни и без умолчания, если вы не хотите глубоко меня оскорбить. Я обращаюсь к вашему сердцу, ибо оно всегда священно, всегда пламенно, а не к той ложной части вашего существования, которую вы себе создали, превратив ее в своего палача. С нею я не хочу иметь никаких дел.

Дорогие друзья, я требую от вас правдивого ответа. Я требую его во имя всего, что для вас наиболее священно. Вы обязаны мне его дать, и вы мне дадите его.

Кончая письмо, я повторяю, что моя дружба к вам более сильна и более горяча, чем когда бы то ни было, что причина

нашего охлаждения лежит в вас, в вашей апатии, в полном отсутствии у вас истинной любви, истинной религии. Я обращаюсь к вашей душе, и я жду, что вы скажете мне, существует ли действительно наша дружба, или же она стала пустым призраком.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 144.—Письмо сестрам Беер.

3 августа 1836 года. Торжок *.

Дорогие друзья!

Я все это время не мог разговаривать с вами, да и не хотел этого. Я видел все, что в вас происходило, особенно я видел все недостойные сомнения Александрины. Я делал уверения в дружбе, для того чтобы легче прогнать Федора, а затем, полностью добившись своей цели, я отстранился, — не правда ли, Александрина? Я принял сторону матери против вас, а теперь я действую по чувству долга; и если я вас не оставляю, то из ложного стыда, — не правда ли, Наталия?

Так вот, друзья мои, посмотрим, до чего довела нас наша дружба. Принесла ли она какой-нибудь истинный плод? Нет, никакого. Я хотел приобщить вас к тому священному, чисто внутреннему блаженству и к той полной силы и любви гармонии, которые составляют теперь сферу моей жизни. Удалось ли мне это? Нет. Я указал вам средства к достижению этой цели. Поверили ли вы мне? Нет. Вы приписали мне скрытую цель, когда я советовал вам заниматься. Я видел, что отношения между Александриною и Федором перестали быть естественными, какими они должны были быть, я видел, что они связывают Александрину, делают ее слабою. Я начал говорить против него, и он удалился. Но какие мысли волновали все это время Александрину? Я говорил с [вашею] матушкою, я убедился, что она истин-

---

* Во всем письме слово «Федор» по-русски в оригинале.

но любит вас и что она проявляет сердечный пыл в своей сфере. Я вам об этом заявил. Поверили ли вы мне? Нет. А без доверия и искренности возможна ли дружба? Нет.

Милые друзья, теперь уже я начинаю сомневаться, а сомнение мне дается труднее, чем вам. Сомнение потрясает все мое существо, ибо я создан для веры и ненавижу сомнение. Мое сомнение ужасно, потому что оно является не следствием жалкой фантазии, каприза, временного настроения, как у вас, нет, это — продукт сердца, истерзанного страданиями и горестями, нет, это — ужасное пробуждение после прекрасного сна. Мое сомнение сурово, никогда не примиряется и не вступает в сделки, когда речь идет о познании истины, ничто не ускользает от его скальпеля, оно хочет знать все, хотя бы это должно было разбить сердце. И вот ныне я сомневаюсь. Испытайте ваши сердца и скажите мне чистосердечно, справедливо ли мое сомнение или нет. Нет, друзья мои, до тех пор, пока вы не откажетесь от склонности ко всем этим мелким встряскам, ко всем мелким внешним эмоциям, вы никогда не достигнете истинной любви, той сильной и спокойной гармонии, которую я хотел вам дать. А буря хороша только тогда, когда она сулит чистое и гармоничное небо. Она не стоит ничего, если бросает нас в инертную сферу дождливого и сырого осеннего неба. Вот к чему вы приближаетесь быстрыми шагами, вот пропасть, от которой я хотел вас уберечь. Я рассчитывал при этом на вашу дружбу, но ныне мое сомнение говорит мне, что моя надежда была тщетною. Вы не верите в меня, если могли усомниться во мне, и вы не питаете ко мне дружбы, если не верите в меня. А раз вы меня не любите, я ничего не могу для вас сделать. Вы говорите, что любите меня и любите истину, бога для меня. Я хотел бы, чтобы вы так любили бога, а меня чтобы вы любили потому, что любите бога, под богом же я понимаю все то, что есть высокого и прекрасного в наших душах и в наших надеждах на будущее; чтобы вы любили меня, ибо я—слуга божий, ибо этот моральный мир есть мой мир. И тогда вы бы действительно меня любили, и ваша дружба была бы для меня счастьем, источником истинной радости. Но чтобы подняться на эту высоту, чтобы доставить мне это счастье, вы должны были пожертвовать всеми мелкими эмоциями, всеми мелкими фантазиями, которыми вы тешитесь в вашем семействе, тогда как, делая счастливою вашу мать, вы сами наслаждались тем внешним покоем, который необходим для внутренней жизни,

наслаждались истинным счастьем, которое я мог бы вам в то время дать. Но вы решили иначе,—пусть свершится ваша воля. Вы хотели, чтобы я заговорил,—вот я и заговорил.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 145.—Письмо сестре.

[Начало августа 1836 года. Тверь.]

Милая подруженька!

Вот и я в Любашиной комнате, подле малюсенькой Танюши, которая уже успела показать мне, что на ней надета беленькая, тоненькая канифасная кофточка *. Сегодня вместе с твоим письмом мы получили письмо от Бееров. От тебя мы узнали все новые обстоятельства, касающиеся Вариньки. Беры жалуются на наше молчание. Представь себе, что до 14 июля они еще не получили наших писем, которые мы написали им еще в июне. Это может быть объяснено только плутнями или со стороны почтмейстера, или со стороны г-жи Беер. Но этого больше не случится, так как я приму меры к тому, чтобы положить конец этой невыносимой инквизиции.

Словом, все мое царство находится в состоянии дезорганизации, и я не скрою от тебя, что сегодня меня это несколько взволновало. Но хорошенько поразмыслив и сосредоточившись в себе самом, я обрел в себе ту веру, которая должна все подчинить моей воле. Во мне существует бодрящее и утешительное убеждение, что все, что в моей воле, воле божией, осуществится, а то, что погибнет, то будет лишь волею моей собственной слабой индивидуальности. Пусть же оно гибнет, лишь бы вечная воля божия не переставала осуществляться, ибо в осуществлении этой воли заключается все человеческое счастье, и нечего за нее бояться, так как ей не приходится ни с чем бороться или даже побеждать—она единственна, едина. Она одна имеет истинное существование, и если иногда она на наш взгляд терпит поражение, то это свидетельствует лишь о нашей собственной ограниченности. Возвысимся до истины — и все противоречия, и все страхи, и вся проистекающая из них дисгармония исчезнут. Для

* Слова «беленькая... кофточка» по-русски в оригинале.

нас же останется одна лишь святая и единая истина, которая не знает ни зла, ни отчаяния, ибо она — вечная стихия добра и блага.

Не будем же бояться ничего. Будем мужественно и твердо бороться с призраком, дабы он скорее исчез. Призрак не существует сам по себе, в истине, он существует лишь для нас, поскольку мы находимся в состоянии [одно слово неразборчиво] раздвоенности. В минуты же молитвенного настроения эти призраки исчезают. Они должны исчезнуть навсегда перед лицом вечно в нас живущего духа *.

Постарайся окружить себя гармонией, поскольку это зависит от тебя. Читай Гёте и старайся его понять. Понять кого-либо значит подняться до него, а подняться до такого человека, как Гёте, это само по себе значит сделать большой шаг вперед.

Прощай, мой друг.

Целую тебя.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 146.— Письмо Александре Беер.

[Август 1836 года. Тверь.]

Дорогая Александрина!

Я высказал Вам довольно жестокие истины. Я должен был это сделать. Слишком долго я молчал, а между тем за это время произошло много событий, да и Вы сильно изменились. Из той любящей, полной внутренней энергии и религиозной Александрины, полной самоотречения, из той Александрины, о которой я составил себе такое прекрасное, такое полное жизни и теплоты представление, Вы мало-по-малу сделались эгоисткою, Вы опустились... Да, Александрина, я должен снова повторить, чего бы мне это ни стоило, Вы опустились, и я почти отказался от Вашей дружбы. Сфера, в которой Вы хотели замкнуться, не была моею, а я могу любить и могу чувствовать и бываю силен только в моей собственной сфере. Я ничтожен во всяком другом

* Весь этот абзац в оригинале по-немецки. Следующий абзац и до конца в оригинале снова по-французски.

месте, я парализован всякою другою вещью. Я уважаю и люблю только человеческое, и сердце мое немо ко всему, что ниже человеческого достоинства, ниже его божественного происхождения и предназначения, словом, ко всему тому, что является животным. Увлеченная вначале весьма естественным чувством сострадания, Вы дали место чему-то другому. Чувственность заменила чувство, и Вы хотели найти свою жизнь в этой чувственности. Вы должны были стать эгоисткою: это — естественный и неизбежный закон, и ни для кого не существует исключений из него. Вы подпали действию этого закона, Вы стали эгоисткою, не замечая этого. Вот почему я в течение некоторого времени полагал, что все наши отношения кончились и что между нами не может быть ничего общего. Но Ваша душа слишком прекрасна и слишком сильна для того, чтобы положение, столь недостойное ее, могло доставлять ей блаженство. Несколько раз Вы старались подняться над пропастью, которую для Вас вырыло Ваше неблагоразумие. У Вас нехватило сил, и это тоже вполне естественно. Сила принадлежит только чистому и возвышенному чувству; слабость и дряблость составляют неизбежную принадлежность чувственности. Чувственность сильна, но она сильна только животною силою, она бессильна для высокого и прекрасного. Если бы она возымела над Вами еще немного больше власти, она навеки исторгла бы Вас из божественной и нравственной жизни и целиком погрузила бы Вас в грязь животной жизни. У Вас не было бы больше ничего, но Вы бы прозябали, у Вас были бы не чувства, а ощущения, не мысли, а инстинкты, Вы принадлежали бы уже не к человечеству, а к животному бессознательному кругу. Мир нравственный, мир прекрасного, высокого, религии, чувств и идей, словом всего, что заставляет биться сердце божественного человека, — весь этот мир был бы закрыт для Вас, закрыт навеки. Самые низменные, самые грубые инстинкты сделались бы отныне Вашим уделом, ибо, усвоив чувственность, Вы отреклись бы от человечества, от его высокого наследия, от единственного источника истинного блаженства, на которое Вы вправе притязать и которое Вы обязаны завоевать. Вам предстоит сделать многое, преодолеть много трудностей, и Ваши враги и Ваши средства победы над ними находятся не вне Вас, а в Вас самих. Внешнее бессильно, когда внутреннему недостает истинной любви и энергии. Если внутреннее мертво, то внешнее не даст ему жизни. Все дело во внут-

ренним, а внешнее может быть прекрасным лишь как результат внутренней красоты, ибо внешнее служит лишь выражением внутреннего, и оно ничтожно, если внутреннее ничтожно. Человеку свойственно нравственное, а не физическое, божественное, а не животное предназначение. Любить можно только в нравственном мире, в мире же животном существует лишь чувственный инстинкт. Вы ошибались, когда думали, что можно любить, оставаясь под игом чувственности. Пламя чувственности не есть нравственное пламя, любовь; это — пламя целиком материальное, животное, враждебное всякому чувству. Оно пожирает того, кем владеет, оно ненавидит все человеческое и способно любить лишь животное. Вы любили Федора или воображали, что любите его, так как Вы еще помнили о жажде истинной любви, о тех чистых и прекрасных чувствах, которые делали Вас счастливою, несмотря на Ваши внешние несчастья, Вы не хотели, Вы еще боялись увидеть Ваше положение таким, каким оно было, и Вы окутывали его видимостью таких чувств, которые могли быть для Вас лишь рубищем, Вы фальшивили сами с собою. Вы избегали всех. Вы уклонялись от всяких разговоров, и это молчание не было молчанием души смирившейся, нет, это была боязнь света. Мрак и материальное боятся света и нравственного.

Александрина, все это очень жестоко, и чем оно вернее, тем тяжелее это выслушивать. Но я говорю с Вами таким тоном потому, что снова верю в Вас. Да, Александрина, Вы воспрянете, Вы освободитесь от этой материи, Вы очистите свою душу, Вы снова восстанете.

Итак Вы говорите, что моя дружба столь мало эгоистична, что мне нечего ждать от Вас. Нет, Александрина, Вы ошибаетесь, я нуждаюсь в дружбе, я нуждаюсь в дружеском и родном сердце, которое могло бы разделять мои чувства, а иногда мои страдания, которое было бы способно понимать и мои радости, и мои горести. Дайте мне его. Дадим друг другу руки, милые друзья, пойдем вместе вперед, расширим вместе наш нравственный мир, сферу наших чувств, наших мыслей и наших дел. Основанная на нравственном совершенствовании, наша дружба будет вечна, ибо совершенствование вечно. Основанная на вечности, наша дружба будет все более и более крепнуть, ибо она также будет становиться все более широкою. Дайте мне это, мои милые друзья, и вы сделаете для меня все. Вы не сможете сделать для меня ничего во внешнем мире, ибо я ничего не ищу во-вне, вся моя

жизнь заключается внутри меня, все мои упования, все мое честолюбие сводятся к внутреннему, ибо я чувствую свое божественное призвание, я чувствую божественные свойства, запечатленные в моем сердце. Стряхнем же с себя вместе иго всех этих мелких, внешних безделиц, будем честны с самими собою, не будет стараться обманывать друг друга. Жизнь есть не игра, а миссия. Я ощущаю эту миссию и нуждаюсь в людях, которые также ее ощущают.

Обещайте же мне, милые друзья, полное доверие, обещайте мне, что ваши сомнения, столь унизительные для моей дружбы, никогда не вернутся. Возвратите мне полностью и без ограничений ту веру, которую вы имели в меня, и проникнитесь истиною моих слов. Вне этого единственно человеческого пути для вас нет спасения, нет человеческого достоинства.

Ваш друг

М. Бакунин.

Федор* должен оставаться у нас до тех пор, пока не поступит в полк.

Перевод с французского.

№ 147.—Письмо сестрам Татьяне и Варваре.

10 августа 1836 года. Тверь.

Танюша, мой превосходный, мой восхитительный друг, ты не знаешь, какое впечатление твое письмо произвело на меня. Ты наверное не чувствуешь всего того сладостного и гармонического счастья, которое я испытал, читая его. И ты еще спрашиваешь меня, нужна ли мне твоя дружба, ваша дружба, может ли она способствовать моему счастью! Значит, ты сама не чувствуешь, не видишь, что отделиться от вас равносильно для меня разрыву с единым и единственным выражением моей внутренней жизни? Наконец-то я нашел эту божественную гармонию в моем семействе, я нашел это чистое и святое спокойствие, это спокойствие, столь полное энергии, столь полное любви, это спо-

* Слово «Федор» в оригинале по-русски.

койствие, столь полное будущего, которого я в нем искал. Итак вы принадлежите мне, итак вы — мои сестры не только по инстинктивным законам природы, нет, но и по жизни наших родственных душ, по тождеству наших вечных целей! *

О, я не боюсь теперь внешнего мира! Я в нем нашел то, что было для меня необходимо; я в нем нашел более, чем он обыкновенно дает: отголосок сердец ваших, любовь бескорыстную, святую, я нашел в нем души золотые, которые также не от мира сего, которые принадлежат вечности. О, пусть испытают теперь все внешние злополучия, все внешние препятствия, собранные в одно, пусть испытают они силу свою надо мною — они не разрушат моего блаженства. Блаженство мое вне их влияния, оно не от мира сего! Внутренняя жизнь моя тверда, потому что она основана не на пошлых ожиданиях, не на внешних надеждах на внешнее благополучие, нет, основа ее — вечное назначение человека, божественная его природа. Внешняя моя жизнь также не боится их, она заключается в вашей любви, а любовь наша так же вечна, как и наше назначение. О, я не боюсь теперь внешего мира, я найду средства для исполнения предположений, планов своих. Теперь я не один, душа моя увеличилась вашими, жизнь моя расширилась вашею, любовь моя освятилась вашею святою, бескорыстною любовью. И ты меня спрашиваешь еще, необходима ли для меня ваша любовь! Она меня освятила, возвысила, она сделала меня достойным моего назначения, она могущественно подвинула меня к моей бесконечной цели. Любовь — это тот могущественный жезл, который извлекает живую воду из скалы. Да, я счастлив более, чем я это заслужил; теперь я более обязан, чем когда-нибудь; я наслаждаюсь незаслуженным, и я должен заслужить блаженство, уже данное мне провидением. Да, я понимаю святую обязанность, на меня наложенную, я исполню ее; я сильнее, чем когда-нибудь, я подкреплен вашею любовью!

Друзья мои, земля не есть уже более наше отечество, счастье наше — небесное, жизнь наша — небесная, движения душ наших не ищут земли, не ищут ее наслаждений: нет, они уже сдружились с истинными наслаждениями и потому равнодушны ко всему земному. Друзья мои, религия наша бесконечна, она включает в

* До сих пор по-французски в оригинале; отсюда по-русски.

себя все прекрасное, все благородное, она не симпатизирует только с животным, с мертвым. Религия наша дает жизнь всему, ведь горячие чувства, ведь высокие помышления освящаются ею; искусства, наука, все, что есть благородного в человеке, все, что способно волновать душу его [зачеркнуто: человека], все это происходит из нее, все это, освященное святым крещением любви неземной, божественной, должно проявлять бесконечное приближение божественного человечества к божественной цели, к бесконечному и безначальному, концу и началу всего существующего. Друзья, моя религия сделала бесконечными сердца наши, она нам дала любовь, любовь ко всему человечеству, нашу частную любовь, нашу частную жизнь, стремящиеся влиться в абсолютную любовь, в бесконечную жизнь.

В эту минуту я никого не ненавижу, я всех благословляю. Будем жалеть о тех, которые не достигли еще нашего блаженства; будем ненавидеть только зло, а не несчастных жертв зла; они — люди, хотя еще и не развившиеся, они также имеют право на божественное наследство, они сами себя лишают его, они несчастливы — будем жалеть их, будем напрягать силы свои для того, чтобы вырвать их из этой сферы смерти и апатии. Неудачи не должны приводить нас в отчаяние: воля, когда она нравственна, всемогуща. Нравственная воля человека есть воля божия, и ничто не может остановить исполнения ее планов.

Итак, друзья мои, овладев нравственным миром, мы вместе овладели и всемогуществом. Мы хотим Доброе, и Доброе должно исполниться, несмотря на все препятствия Злого. Расширять более и более сферу нашей деятельности, а с нею вместе и сферу нашей любви, нашего блаженства, очищать души свои от всего земного и, беспрерывно облагораживая их, сделать их достойными жертвенниками Любви бесконечной, переносить бесконечное небо душ своих во внешность и возвышать таким образом землю до неба, вечно осуществлять в[о] внешнем мире идеи прекрасного, высокого и благородного, вечно приближаться к святой гармонии мира внутреннего с внешним и связаться общею целью, общими надеждами, общею святою любовью, вечно усиливать, вечно очищать частную любовь нашу, частное наше блаженство — вот наше назначение. Друзья мои! Что может остановить нас, что может привести нас в отчаянье? Внешние, временные страдания не могут подавить души сознательной, напротив, они очищают, облагораживают ее. Никогда человек не делается

так способен к принятию истины, как в грустном, страдательном расположении духа. Тут в грусти отзывается вечность, закованная в конечное, в грусти — самое высокое проявление божественности человека. Но грусть должна быть сознательная, и тогда она превратится в блаженство. Она только для того страшна, кто не жил духовно, кто не знаком еще с небом. Кто не страдал, тот не может истинно любить, потому что страдание есть акт освобождения человека от всех внешних ожиданий, от привязанности своей к инстинктивным, бессознательным наслаждениям. Итак, кто не страдал, тот не свободен, а без свободы нет любви, а без любви нет счастья, нет блаженства! *

Таким образом, добрая моя Варинька, пусть твое внешнее несчастье не приводит тебя в отчаяние. Напротив, оно должно быть основою твоего счастья, твоего истинного, божественного счастья, счастья, недоступного никакой профанации. Твое несчастье тебя освящает, мой добрый друг; оно возвеличит и освятит тебя, если ты проведешь его через свое сознание. Пусть религия сделается основою и сущностью твоей жизни и твоих действий, но пусть это будет чистая и единственно истинная религия божественного разума и божественной любви, а не та религия, которую ты исповедывала прежде, не та религия, которая стремилась отделиться от всего того, что составляет содержание и жизнь истинно нравственного существования; не та ограниченная идея какого-то капризного бога, не то узкое и ледяное чувство, которое отрицало все, что есть прекрасного в нравственном и умственном мире, и которое грозило погрузиться в жалкую сферу действий без идей и чувств без любви; наконец, не та религия, которая могла лишь убить душу, столь пламенную и столь жаждущую любви и высокого, как твоя душа, и которую не могла оживить никакая нравственная сила и которая была совершенно непримирима с истинною любовью. Нет, мой добрый друг, проникнись истинною религиею, религиею Христа, еще чистой от оскверняющего прикосновения тех, кто, чтобы понять ее, неизбежно должен был принизить ее до себя. Посмотри на Христа, мой добрый друг, он так страдал, он даже не знал радости быть вполне понятым окружавшими его, а между тем он был счастлив, ибо он был сыном божиим, ибо жизнь его была насквозь божественною, полною самоотречения, ибо он делал все

* Отсюда снова по-французски в оригинале.

для человечества и находил свое самоудовлетворение, свое наслаждение в разрешении своего материального я и в спасении всего человечества. Он — сын божий, ибо принадлежит всему человечеству, он — сын человеческий *, он — тип такого человека. И если бы мы могли возвыситься до него или, скорее, если бы мы имели достаточно веры, достаточно силы, достаточно нравственной и умственной широты для того, чтобы этого захотеть, — ибо мы это можем, потому что должны, а так как мы должны Все, то нет Ничего невозможного, — если бы наконец мы могли составить себе хотя бы только отдаленное представление о блаженстве и божественной любви, которые он вкусил, мы поступали бы так, как он, ибо его страдания это — блаженство.

Вот что делает религия. Внешние страдания исходят от внешнего мира независимо от нашей воли. Если мы обладаем самосознанием, если мы не обладаем внутреннею жизнью, мы делаемся их жертвою, мы страдаем, и никакое внешнее чудо не может нас спасти. Появляются в нас религия, жизнь внутренняя, и мы чувствуем себя сильными, ибо мы чувствуем в себе бога, бога, творящего новый мир, мир абсолютной свободы и абсолютной любви, и, окрестясь в этом мире и приобщившись этой божественной любви, мы чувствуем себя существами божественными и свободными, предназначенными для освобождения еще порабощенного человечества и вселенной, остающейся еще жертвою инстинктивных законов бессознательного существования. Все, что живет, что существует, что прозябает, что просто даже находится на земле, должно быть свободно, должно достигать самосознания, возвышаться до божественного центра, который одушевляет все сущее. Абсолютная свобода и абсолютная любовь — вот наша цель; освобождение человечества и всего мира — вот наше назначение.

Языческий стоицизм был стоическим и сильным только по инстинкту человеческой природы; мы же будем сильны сознанием божественности нашей природы и нашего назначения. Наша сила оживлена любовью и вечным блаженством!

Вникни же хорошенько в эту религию, убедись, что все, что есть прекрасного в человеке — искусства, науки, чувства, мысли, ей принадлежит, что все эти различные выражения жизни чело-

* Собственно: человек человечества (l'homme de l'humanité).

вечества представляют лишь различные ее формы. Пойми хорошенько, что все моменты жизни человечества суть откровения святого духа, единого, абсолютного духа, который говорит в человеке и образует его сознание, что, наконец, евангелие есть откровение по преимуществу, а Иисус Христос — сын божий по преимуществу. Пойми все это хорошенько, и твоя жизнь из бедной и ограниченной, какою она была, станет богатою и бесконечною; жизнь всего человечества, прошедшая и будущая, будет твоею; ты найдешь родственные тебе души, которые уже не смогут остаться для тебя чуждыми, ибо у них общее с твоею происхождение. Их цель, их страдания, их надежды, пережитые ими минуты высокой радости — твои; они принадлежат тебе так же, как и им. Это — единое и неделимое гармоническое целое, стремящееся к абсолютной гармонии и абсолютной любви.

Вот чувства, вот мысли, которые ты должна развить в себе. Пусть все твои действия, твои малейшие занятия пребывают под вечным влиянием этой абсолютной идеи или, точнее, пусть они вечно ее воспроизводят. И тогда ты будешь счастлива, будешь могущественна; ничтожная воля твоего мужа, его ограниченные идеи должны будут склониться перед этим величием, даже если он не поймет тебя, и ты воспроизведешь себя в своем сыне, и сын твой будет обязан тебе своим вторым рождением, новою жизнью, и, давая ему эту божественную жизнь, ты сделаешь его своим навеки, ибо божественная жизнь не умирает, а так как божественная жизнь есть не что иное как вечное сознание, и так как всякое сознание начинается с сознания своего происхождения, то он будет вечно признавать тебя своею матерью, а связывающие вас узы, приобретая все более божественный характер, будут источником неувядаемого блаженства.

И мы также, добрые мои друзья, мы никогда не разойдемся, ибо все, что относится к сознанию,—вечно, а так как добро, которое мы друг другу сделали, составляет органическую и жизненную часть нашей божественной жизни, то мы не сможем никогда разлучиться, ибо все, что входит в божественную жизнь,— вечно, как она сама. Но что говорю я «разойтись»! Так как в человеке все развивается прогрессивно, то и наша взаимная любовь будет становиться сильнее; ибо все те, кто является братьями и сестрами в господе, пребудут ими вечно, а узы, связующие их, будут становиться все более и более святыми. Наша жизнь, таким образом, не есть и никогда не будет единственно внутрен-

нею, мы имеем и всегда будем иметь наше собственное выражение. Разве мы не вполне счастливы, счастливы настолько, насколько это возможно на столь несовершенной земле, как та, на которой мы живем, и с тем несовершенным развитием, какого мы достигли? Но цель наша — совершенство, а так как мы предназначены для совершенствования, то наша взаимная любовь и с нею наше общее счастье будут также совершенствоваться.

Но при всем том как меня тянет вернуться в Прямухино, как меня тянет упиться этою гармониею, вкусить плодов, которые вы уже в такой степени мне дали, несмотря на ваше отсутствие; как меня тянет вас обнять, задушить вас всех в моих объятиях. Задушить—сказано, пожалуй, слишком сильно, ибо это значило бы поглотить в одночасье все свое добро. Ты видишь, что я начинаю болтать, а потому я хочу отложить до нашего свидания полное проявление моей нежности к вам.

Теперь я намерен еще поговорить с вами о братьях *. Вы прочтете их письма, которые несомненно вас порадуют. Что касается моего письма, то вы легко догадаетесь, что я сначала хотел написать каждой из вас отдельное письмо, но что, увлеченный болтовней, я написал всем вместе.

В течение всего этого времени я был от братьев в восторге. В них столько души и уже столько высоко развитого ума, что потребовалось очень мало усилий для того, чтобы заставить их трезвыми глазами взглянуть на вещи, чтобы несколько поднять их над обычным уровнем света, преклоняющегося пред здравым смыслом. Даже Илья (после чрезвычайно неприятной сцены, которой я был причиною, не предусмотрев целиком ее последствий, после прихотливого молодечества и плохо понятого стоицизма) после продолжительной беседы в конце концов настолько проникся справедливостью моих слов, что решил радикально изменить свой образ жизни и занятий. Я предложил ему вести дневник и сообщать вам все с возможно большею откровенностью. Он еще пишет, так что я не видал его письма. Я начинаю серьезно надеяться на его обращение **. В таком случае я возьму его

---

* Здесь А. Корнилов обрывает это письмо, но существует продолжение, которое мы и приводим.

** В подлиннике, видимо, описка: написано «conversation» (беседа, разговор), тогда как по смыслу должно быть «conversion» (обращение), как мы и переводим

в Москву вместе с Павлом, так как никто не сумеет с ним обращаться.

Прощайте, мои добрые друзья.

Целую вас сильно.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Я пишу Наталии *. Я был чрезвычайно рад, когда узнал, что вы снова подружились. Теперь я за нее нисколько не боюсь, так как я гожусь только для переворотов, а не для тончайших оттенков настроения, которые всегда от меня ускользают.

№ 148.—Проект письма В. Г. Белинскому.

2 августа. Тверь. 1836 [года].

Любезный друг Виссарион!

Ни слова на мое грозное послание! Видно, мне придется, отложив в сторону оскорбленное самолюбие, снова приняться за перо, снова завлечь тебя в переписку, новыми путями достигнуть своего желания, убедить тебя исполнить твое обещание приехать ко мне в деревню. Кстати, к моим просьбам, к моим угрозам присоединяются просьбы и угрозы Ивана Ивановича Лажечникова, у которого я все это время жил в ожидании бесчетных гостей. Он также бранит тебя без милосердия — пронеслась весть об ожиданьи высокоименитого критика, беспощадного губителя всех проявляющихся талантов — затрепетала наша тверская литература; господин Тепляков, человек не всероссийский, а европейский, шкапы которого наполнены всеми писателями новой французской школы, которые доставляют ему, за весьма дешевую цену, всевозможные громкие фразы для озадачения нашей братии неучей, сам господин Тепляков, который не читает ничего русского, потому что нечего читать, а сам печатает свои произведения для того, чтобы было, что прочесть на русском языке; наконец, сам г-н Тепляков этот, брат которого, творец печатающихся Фракийских Элегий **, был, по словам его, Бай-

---

* Беер.

** Виктор Григорьевич [1].

роном, а теперь перешагнул через него, потому что, говорит он, он верил сперва мечтам, как и Байрон, но Байрон остановился на мечтах, а брат его перешел через них и в замену наваленных и причесанных фраз, холодного чувства и бессмысленных мыслей требует себе аристократического герба, двадцати человек в ливрее, золотой кареты и пр., и пр., и пр.,— итак, это[т] самый г-н Тепляков, услышав о твоем приезде, поручил мне пригласить тебя обедать, «потому что,—говорит он,—я что-то слышал об этом г-не Белинском, он, кажется, кой-что обещает». А дело вот в чем: он печатает свои сочинения под...

(Письмо осталось незаконченным.)

Перевод с французского.

№ 149.—Письмо сестрам Беер.

[Август 1836 года. Прямухино.]

Милые друзья!

Необходимо покончить со всеми этими сомнениями, со всеми этими перекорами. Я заявил вам раз навсегда, что ваша дружба мне необходима, что я не могу и не хочу без нее обходиться, что никогда ваша дружба меня не стесняла. Но верно то, что вы доставляли мне минуты апатии, возобновляя все эти сомнения, столько раз повторявшиеся, столько раз опровергаемые, столько раз признанные неосновательными и лишними. Я ищу истины и прямоты в моей дружбе к вам, а вы совершенно подавляете меня этими полусловами, полусомнениями, полумыслями, которые недостойны и вас и меня. Человек не может и не должен успокоиваться на золотой середине. Если он верит, то он верит и не сомневается. Если он сомневается, то сомневается и не верит. Вы высказали мне все ваши сомнения, я старался их опровергнуть и доказать вам их несправедливость. Одно из двух: или я лгал, или говорил правду. Если я лгал, то вы не можете и не должны мне больше верить. Если я говорил правду, зачем вы задаете мне вопросы вторично? Вот я теперь говорю с вами откровенно, я хочу быть совершенно чистосердечным. Я питаю к вам истинную, горячую, но спокойную дружбу. Иногда для меня необходимо пойти к вам поговорить, поделить-

ся с вами моими надеждами и мыслями на будущее. И мне необходимо освободить вас от внешних обстоятельств, сковывающих вашу внутреннюю жизнь, необходимо оживить вашу внутреннюю жизнь, сблизить ее с моею, дабы укрепить на истинном основании ту дружбу, которую я хочу сделать вечною. Но вы своим столь нечистосердечным, столь слабым, столь недостойным вас поведением делаете невозможными то спокойствие наших отношений и ту гармонию, которых я хочу. Только эти сомнения и являются причиной царящей между нами дисгармонии. Все эти дни я был сосредоточен, но это происходило по причине чисто внутреннего свойства, и на моем поведении внешние влияния нисколько не отразились. Затем я замечаю, что вы грустны, я получаю письмо, в котором нахожу все эти полунамеки, всю эту цепь сомнений, которую мне так часто приходилось опровергать. Мои сестры заявляют мне, что вы упрекаете себя в том, что меня стесняете, утомляете. Понимаете ли вы, как приятно, как необходимо было бы для меня поговорить с вами в момент, когда после столь долгого молчания хочется предаться излияниям, и как тягостно было мне встретиться с вами, заранее зная все, что мне придется выслушать, и все, что мне придется опровергать, и притом без всякого результата, с риском, что это возобновится при первом же удобном случае? Итак признаюсь вам, что все эти дни я отдыхал в себе самом от всех этих дружб и всех этих ужасных рассуждений о любви и дружбе. Моя жизнь носит чисто внутренний характер, и я ищу вовне чего-то такого, что [дало бы]* мне гармонию, в которой я нуждаюсь. Все, что отнимает у меня эту гармонию, вызывает во мне только упадок духа. И вы навеваете на меня это угнетенное настроение, когда говорите мне о ваших сомнениях или когда осуществляете их на практике, налагая на уста ваши печать молчания, когда вы не даете мне действовать для вас и не хотите верить в возможность самой горячей и самой святой дружбы между нами.

Верьте мне полностью или не верьте совершенно, но ради всего святого не нужно середины.

Ваш друг

Бакунин.

Посылаю вам Фихте.

---

* Здесь неразборчивое слово.

Перевод с французского.

№ 150.— Письмо сестрам Беер.

[Август 1836 года. Прямухино.]

Мои дорогие друзья!

Долго я колебался. Я не знал, должен ли я вам писать или нет. Писать вам значило дать вам повод повторить мне во второй раз все то, что меня так печалило в последние дни. Это значило снова услышать от вас, что я вас обманываю, что я не могу и не должен вас любить. Я не стану говорить вам о разнообразных чувствах, потрясавших мою душу вчера и позавчера. Вам могла бы притти в голову фантазия назвать их тартюфством и лицемерием, а я настолько уважаю все свои чувства, что не хочу допустить их профанации отрицательным отношением скептика.

Итак я решился проглотить все оскорбления, нанесенные мне вашим сомнением или, если вам угодно, вашею глубокою уверенностью. Я хотел, чтобы моя внешность была для вас льдом, скрывающим то, что творится у меня внутри. Не правда ли, мне это удалось?

Но ведь и вы тоже страдаете. Ваше страдание должно быть гораздо большим, так как вы его и создали. Я хорошо вас видел, я читал в вашей душе терзавшее вас горе, и это-то и заставляет меня нарушить свое молчание. Если бы не это, я бы молчал, я бы не старался снова обрести то, что потерял, я бы не старался найти утешение в бесполезной болтовне. Я думаю, что уже и без того слишком проституировал мои уверения в дружбе. Эти уверения разбили мою дружбу к вам, разрушив вашу веру. Я должен был действовать и молчать, действовать для вас потому, что этого требует мое чувство к вам, молчать потому, что было недостойно меня говорить, когда мне не верят. Я был слаб и говорил. Я сознал свой промах и решил держаться полного молчания. Это молчание должно было быть единственной силой, единственным шарлатанством, которое я впредь мог себе позволить по отношению к вам. И у меня хватило бы решимости для того, чтобы выдержать эту новую роль.

Но вы страдаете, мои добрые друзья, и я отказываюсь от этого нового плана, чтобы снова заговорить с вами открыто

и достойно. Если вы чувствуете в себе достаточно сил, чтобы мне верить, читайте нижеследующие строки, если нет, отнеситесь с достаточным уважением к нашим старым отношениям, уважайте меня настолько, чтобы порвать это письмо и не оскорбить непростительным любопытством того, что я говорю вам от полноты моего сердца.

Итак я заявляю вам, что люблю вас, что ваша дружба для меня необходима, что никогда я не обманывал вас и себя, когда уверял вас в дружбе. После этого, если вам приятнее доверять глубине вашей проницательности, чем искренности моего характера, мне не остается ничего больше вам сказать, и вы должны мне заявить это просто и без фраз, ибо фразы, сопровождающие сомнение, остаются фразами.

«Я вам не верю» — вот простая и единственно верная формула сомнения.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 151.—Письмо сестрам Беер.

[Конец августа 1836 года. Прямухино.]

Мои дорогие друзья!

Был ли вчерашний день концом всех наших отношений? Существовавшая между нами столь святая и столь возвышенная дружба была ли только мечтою, осуществление которой невозможно? Суждено ли нам послужить опровержением божественной природы человека? Окажемся ли мы не в состоянии почувствовать то, что мы так хорошо поняли? Страдания Наталии сильно потрясли меня вчера. На время я лишился и веры, и сил. Я видел себя жестоко низвергнутым с этой высокой и возвышенной сферы божественной любви, с высоты магического мира, который, будучи преисполнен мощи и гармонии, бросал яркий и живительный свет на жалкие мелочи нашей внешней жизни. Я видел себя снова прикованным к юдоли страстей, еще прекрасных, но уже загрязненных смертельным прикосновением нашей животной природы. Я видел себя перенесенным в эту

юдоль страданий и вечных мук. Но теперь я снова успокоился, снова пришел в себя и снова чувствую себя сильным. Я снова верю.

Нет, мои дорогие друзья, мы не разойдемся, мы не должны разойтись. Союз наш станет только более прочным, потому что он станет святым — страдание его освятило, страдание очистило его от последних пятен, его еще грязнивших. Да, мы восстановим ту гармонию, которая царила между моими сестрами и вами. Мы поставим ее на незыблемую основу полной откровенности и вполне добросовестного поведения. Эта гармония должна существовать потому, что она нам нужна, и мы обладаем всеми средствами для ее осуществления. Мы все вместе составим одно я, которое будет вечно стремиться к сближению с абсолютным я. Будем верить, будем действовать, мои дорогие друзья, и мы будем постоянно счастливы, а счастье наше будет не преходящим, а вечным. И это спокойное и прекрасное блаженство распространится на все наши шаги. А наш священный союз, освященный божественной любовью, перенесет нас из одного мира в другой, чтобы сделать нас все более счастливыми, все более божественными.

Мои сестры так истинно вас любят, вы также их любите. Все мы не можем удовлетвориться окружающими нас благами. Мы не стремимся к блаженству мира, мы нуждаемся в чем-то другом. Нам нужна истинная любовь, нам нужна божественное величие. И неужели же мы останемся со скрещенными на груди руками, неспособные жить в этом мире и вместе с тем неспособные к жизни в другом мире? Неужели же мы не объединимся в одну силу? Неужели мы не стряхнем с себя иго бездействия? Неужели мы не создадим сами наш мир, наше счастье? Да, дорогие друзья, мы это сделаем. Мы все больше будем узнавать друг друга. Мы не допустим больше сомнений. Таким образом мы никогда не расстанемся. Не так ли, мои дорогие друзья?

Ваш друг

М. Бакунин.

Пришлите же нам [три слова неразборчивы], друзья — мы все придем к вам.

Перевод с французского.

№ 152.—Письмо сестрам Беер.

[Конец августа 1836 года. Прямухино.]

Быть может, это с моей стороны акт непростительной слабости, но я не могу ему воспротивиться. Да, я должен снова задать вам вопрос: действительно ли кончились наши отношения? Значит, прекращение их необходимо для вашего спокойствия? Как, все это родство душ, эта возвышенная симпатия, поднимавшая нас над уровнем вульгарности и доставлявшая нам столь прекрасные, столь святые наслаждения, было не чем иным, как ложью и иллюзией? Я проявил жестокость, дорогие друзья, но вы должны мне ее простить. Ваши сомнения или, если угодно, ваша вера в то, что я считал одною из прекраснейших частей моего существования, глубоко меня задели. Сегодня сердце мое обливалось кровью, я не мог хладнокровно взирать на разрушение храма, который некогда был так прекрасен, так чист, который обещал быть вечным. Вы заставили меня сомневаться в его существовании. Да, вы профанировали его своими словами. Дорогие друзья, есть лишь два способа отношения к вещам: или все свято, все должно быть священно, или все — жалкая комедия, глупость и тлен. Между этими двумя полюсами средины нет. И поистине разве может не довести до колик от смеха зрелище нескольких юнцов, бог весть почему хлопочущих из-за набора таких лишенных смысла слов, как дружба, любовь, чувство! Люди пишут друг другу длиннейшие письма, принимают трагические позы, и все это из-за ничего! Вот обычная манера смотреть на вещи. Но существует и другая, дорогие друзья. Последняя является единственно святою. Она ищет и поклоняется любви повсюду. Какие бы формы любовь ни принимала, она является для нее культом. Она усматривает вечное и абсолютное в самых мимолетных формах этой любви. Горе тому, кто смотрит на вещи иначе. Он необходимо впадет во вторую сферу и будет вести жалкую жизнь. Дорогие друзья, я думал, что вы погружаетесь в эту пропасть ничтожества, я трепетал за вас, и неужели вы никогда не поймете того чувства, которое я к вам питаю? Это — чувство самого пылкого брата, это — чувство отца, желающего лишь внутреннего счастья сво-

их детей и видящего его лишь в их нравственном достоинстве, лишь в их душевной святости. А вы настолько меня не понимаете и походя так глубоко меня оскорбляете! Дорогие друзья, почему вы настроены против меня, почему вы, заявляющие о том, что желаете моего счастья, постоянно разрушаете гармонию моей души, покой, который всегда должен в ней царить? Сколько бы вы могли дать мне гармонии, если бы вы рассеяли наконец все эти сомнения, все эти несчастные недоразумения, если бы вернули мне ваши сердца такими, какими я некогда ими обладал, если бы вы вернули мне всю веру, если бы вы позволили мне наконец установить в ваших душах полную гармонию, на какую они способны! Боже мой, боже мой, жизнь так прекрасна, она так богата счастьем и любовью, а я не могу вам ее дать и не могу приобщить вас ко всем ее радостям. И я не могу этого добиться не потому, что вы не обладаете всеми элементами любви, не потому, что у вас нет бесконечной души, этого источника всякой истины, нет, но вследствие некоторых жалких сомнений, некоторых недоразумений. Дорогие друзья, значит, мой голос не имеет уже доступа в ваши души, он не является уже для вас, как это было в прежнее время, истолкователем небесной истины? Вы более в него не верите, вы видите в нем лишь обман и ложь. Как! Я, которому вы поверяли свои самые тайные мысли, я, которому дано было читать в самых глубоких уголках вашего сердца, я утратил свое призвание, я превратился в жалкого обманщика? И вы это говорите, и я это слышу! После этого верите ли вы во что-нибудь святое? Нет, дорогие друзья, это не есть слабость, я не могу стерпеть этого, я должен снова обладать вашими душами так, как обладал ими прежде, вашими душами целиком, с их любовью, с их верою, с их надеждами, ибо я это могу *, ибо миссия моя подле вас не кончилась.

Ваш друг

М. Бакунин.

---

*) Это слово в оригинале можно читать и как «peux» (могу) и как «veux» (хочу). Скорее первое.

Перевод с французского.

№ 153.—Письмо сестрам Беер.

[Конец августа 1836 года. Прямухино.]

Дорогие друзья,

Вчера вечером я прочел письмо, переданное мне Александриною. Вы говорите там, Наталия, что дружба моя к Вам не может Вас удовлетворить, что Вам нужно нечто другое. Вы предлагаете мне расстаться по-дружески. У меня не было времени прочесть это письмо, когда я находился у Алексея *, и не желая, чтобы он заметил его в моих руках, я прочитал его только вчера вечером, в Прямухине. Оно навело меня на разные размышления. Вправе ли я предлагать Вам дружбу, которая Вас не удовлетворяет? Не ошибаюсь ли я сам насчет своей силы? Не слишком ли она ничтожна и ограниченна, чтобы быть в состоянии доставить Вам покой и счастье, лишая Вас всего, что, с одной стороны, составляет счастье женщины, лишая Вас счастья видеть подле себя во всякое мгновение своей жизни человека, которого Вы бы любили, который Вас бы обожал, для которого Вы составляли бы единственную цель, а также счастья иметь детей, которые воскресили бы всю Вашу юность и дали бы Вам широкую и возвышенную сферу деятельности? Вот вопросы, которые я сам себе поставил. Может ли удовлетворить Вас моя дружба, когда Вы нуждаетесь в любви? Может ли способствовать в чем-либо Вашему счастью созерцание, когда Вы нуждаетесь в живых и внешних действиях? Что может дать Вам дружба нелюбящего мужчины, погруженного в метафизические спекуляции, которые являются живыми только для него, но которые будут сухими и скучными для Вас, желающей чувствовать, а не мыслить, и боящейся, чтобы мысль не иссушила чувства? Что может сделать для Вас человек, который чувствует себя почти неспособным к личным отношениям, имеющим эгоистическую цель, который чувствует себя ослабленным такими отношениями и который бывает силен, лишь когда он одинок, когда он живет только собою и своею деятельностью? Что может дать Вам человек, который не видит ничего и не любит ничего превыше

---

* Беера (в Поповe).

своих идей и который ни на минуту не поколеблется пожертвовать всеми своими самыми дорогими привязанностями культу своих идей? Что может дать Вам человек, которого не могут и не должны связывать никакие внешние узы, который бросит все, как только этого потребуют его идеи? Подумайте над этим хорошенько, Наталия и Александрина, не обманывайте самих себя. Моя дружба не должна никогда связывать, ее характер есть абсолютная свобода, она не требует обещаний, она есть чувство без условий и без ограничений, она должна быть основана на свободе каждого. Всякое обещание мне противно, всякое обещание есть цепь, недостойная человека. Подумайте над этим хорошенько. Если вы хотите таких отношений, я принимаю их с радостью. И проникнитесь хорошенько тою мыслью, что если вы действительно пожелаете такой дружбы, единственной, на какую я способен, то это будет не для того, чтобы вас связать,— от нее вы станете только более свободными, ибо я буду защищать вашу свободу, и я благословлю небо, если оно дарует вам блаженство, которого я не могу и никогда не сумею вам дать.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 154.—Письмо Наталье Беер.

[Конец августа 1836 года. Прямухино.]

Дорогой друг!

Сейчас читал и перечитывал Ваше письмо. Оно не только не нагнало на меня скуку, как Вы мне намекнули, а напротив глубоко меня растрогало, оно вернуло меня к тому времени, когда наши отношения были такими святыми, когда я был вправе считать их вечными. Неужели это время действительно прошло, и наши отношения перестали быть святыми? Значит, они были просто самообманом, ибо все преходящее никогда не бывает истинным, а то, что не является истинным, никогда не существовало. Значит, все эти возвышенные минуты, когда я

считал себя объединенным с Вами в боге, когда я думал, что горячая любовь, которую я к Вам питал и которую питаю до сих пор, освящена абсолютною любовью, — все эти минуты были только иллюзиями? Кто же так решил? Я ли? Нет, в минуты величайшей слабости, в самом апатичном состоянии духа я всегда почтительно относился к связывающим нас чувствам, я обижался, когда мои сестры или Вы говорили мне, что они не естественны. Эта дружба была точкою, на которой отдыхали мои взоры, когда подавленный внутренними и внешними бедствиями, я нуждался в успокоении, нуждался в мысли, что я еще не утратил своего человеческого достоинства. Таким образом не я, а Вы решили так. Но разве это не профанация, разве это не кощунство?

Я не хочу говорить Вам о себе, я не хочу раскрывать перед Вами состояние моей души, ее потребность к обновлению тем возвышенным родством, о котором я мечтал. Я об этом не стану Вам говорить: Вы могли бы принять мои слова за неловкий маневр, за ловушку, в которую я хочу Вас поймать, чтобы заставить Вас подчиниться моим целям. Нет, я не стану употреблять свою душу как средство, я не унижусь до откровенности, которую могли бы принять за новую хитрость, нет, но я буду говорить с Вами во имя нравственной истины, которую Вы должны уважать, которую Вы не вправе профанировать. «Провидение объединило нас, дабы привести нас к своим целям. Ныне, когда цель его достигнута, оно делает наш союз ненужным, а следовательно невозможным». Вот что Вы решили вместе с Александриною, и Вы думаете, что изрекли великую истину. И Вы не видите, что Вы кощунствуете и против провидения, и против дружбы, и против всякого истинного и святого чувства? Провидение есть истина, а истина побеждает собственною силою. Если бы она хоть единожды прибегла ко лжи, она перестала бы быть истиною. То, что истинно, вечно, а что не вечно, то ложь. То, что истинно, не имеет другой цели, кроме самого себя, и не может быть средством: то, что есть средство, не истинно. То, что истинно, необходимо и неизбежно; то, что случайно, есть ложь. По вашему, нет вечности для того, что мы называли нашею дружбою, следовательно она ложь. Вы говорите, что наша дружба не только не была необходимою и неизбежною, но была чисто случайною, потому что возникла из недоразумения между мною и моими сестрами и из случайной потребности найти сочувствен-

ную душу, какую я одно время испытывал. Итак снова выходит, что наша дружба — ложь. Значит, ложь сделала вас лучше? Значит, ложь дала нам столько минут высокого блаженства? И это — не профанация, и это — не кощунство! И это вы называете своею религиею? Слепые бедняжки, вы достойны жалости, вы должны сильно страдать. Вы думаете, что живете в истине, а вы живете во лжи. Вас мучит ложь, а вы считаете себя мученицами истины. И вот почему вы называете истину сухою и холодною.

Бедные друзья мои, я глубоко вас жалею. Нет, не такова истина. Она есть источник вечной жизни, источник бесконечной любви, источник высшего блаженства. Она делает человека, знающего ее, свободным, она дарует покой тому, кто носит ее в своем сердце. А вы еще не знаете этой истины, ибо если бы вы ее знали, вы говорили бы иначе. Если вы не хотите больше моей дружбы, зачем же не сохранять благоговейно прошлого? Настоящее и будущее зависят от вас, но прошлое уже вам не принадлежит. А между тем вы нападаете на это прошлое. Вы пытались набросать историю нашей дружбы, а вместо истории вы сочинили жалкую пародию на то, что некогда вы называли прекраснейшею и святейшею эпохою вашей жизни. Если вы не хотите больше этой дружбы, бывшей и для вас настоятельною необходимостью, зачем же пачкать ее всею этою жалкою грязью сомнений и объяснений, недостойных ни вас, ни меня? Почему не сказать просто: «Мишель, Ваша дружба меня не удовлетворяет, мне нужна любовь; расстанемся, ибо вместо добра Вы причиняете мне лишь зло. Я буду более уравновешенной и спокойной без Вас»? В таком случае я бы отошел в сторону, я, быть может, повздыхал бы над потерянною надеждою и несбывшеюся мечтою. Но вы действуете иначе. Вы черните прошлое, вы превращаете его в ком грязи, — и все это во имя божие, во имя истины! И в таких-то чувствах вы думаете обрести блаженство?

Бедные друзья, я искренно жалею вас. Да, я отойду в сторону, если вам это угодно. Но позвольте мне по крайней мере сказать вам в последний раз, что истина еще не снизошла в ваши сердца и что вы долго еще будете страдать не по причине внешних обстоятельств, а вследствие внутренней бедности, вследствие той пустоты, которую я до сих пор надеялся еще заполнить. Теперь я вижу, что я ошибся. Я основывался на прош-

лом, а вы отняли у меня это основание, убив прошлое. Теперь я освобождаю вас от ваших обещаний. Делайте то, что вы сочтете нужным делать.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 155.—Письмо братьям.

Прямухино. 1836 [года], 1 сентября.

Любезные братья!

Напрасно упрекаете вы меня в лени: я вам писал, — может быть, письмо пропало. Вот едет Константин *, он вам отдаст это письмо. Посылаю вам для чтения Гердера **. Читайте и пишите чаще. Только по почте осторожнее. Папенька велел позвать слесаря, отворить шкап и вынуть оттуда: Тацита, Тита Ливия, Геродота, Диодора Сицилийского и Buhle («Histoire de philosophie»); сделайте это, милые друзья, и пришлите скорее книги. Александру Алексеевичу мое почтение. А вы прощайте, зовут чай пить.

Ваш друг и брат
М. Бакунин.

Илья в самом деле переменился.

Перевод с французского.

№ 156.—Письмо Наталье Беер.

[Начало сентября 1836 года. Прямухино.]

Наталия!

Мне нужно ответить на Ваши последние два письма. Должен ли я это сделать или нет? Вот вопрос, который я задавал себе в течение всего сегодняшнего дня. С чем я должен сообразоваться, с Вашею волею, выраженною в Вашем вчерашнем письме,

---

* Дворовый человек, приставленный к М. Бакунину для услуг.

** «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menscheit» (см. комментарий [1] к № 188).

где Вы мне заявляете, что полный разрыв должен и может быть единственым доказательством моего к Вам уважения, или же с желанием Вашей души, которое я знаю так хорошо, хотя бы Вы мне об этом и не говорили? Не знаю, хорошо ли делаю я, но я выбираю последнее. Вы отдадите справедливость моему намерению, тем более, что это — мое последнее письмо.

Да, Наталия, Вы поднялись довольно высоко. Я никогда не видел Вас столь великою и столь возвышенною, и, каковы бы ни были обстоятельства, показавшие мне Вашу душу в ее истинном свете, я был этим совершенно осчастливлен. И это счастье было в полном смысле слова святым, совершенно свободным от эгоизма, ибо, теряя Вас навсегда, лишаясь Вашей дружбы, на которую я так рассчитывал, которая должна была служить для меня убежищем во всех обстоятельствах, я научился Вас понимать и уважать, как Вы этого заслуживаете. Но не будем об этом больше говорить. Я сгораю желанием доказать Вам свое истинное и искреннее уважение. Вы указали мне для этого поистине жестокое средство, но пусть будет так! Я спешу использовать его, чтобы достигнуть своей цели. Позвольте мне только сказать Вам три вещи, а именно: что я не питаю страсти к Таничке; что моя дружба к Вам была столь же эгоистична, сколь и бескорыстна, и никакое другое новое чувство не в состоянии будет это нарушить, и что так как наша разлука может быть только внешнею, я унесу в своем сердце вечное воспоминание о двух особах, которыми я был любим и которых я очень горячо и очень искренно любил.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 157. — Письмо сестрам Беер.

[Начало сентября 1836 года. Прямухино.]

Итак где же мы теперь? Мы, значит, не ускользнули от действия общего закона? Неужели союз, который должен был служить доказательством и свидетельством божественной природы человека, увеличит собою число аргументов этого холодного

и развращенного мира, не желающего верить в возможность нравственного и божественного? Наступит, быть может, время, когда и мы, привыкшие обходиться без всего того, что ныне представляется нам необходимым для нашего блаженства и для нашего достоинства, привыкши, быть может, совершенно обходиться без высокого мира идей и чувств, быть может, наступит время, когда, втянувшись в эту почти животную жизнь, лишенную всякого божественного элемента, в эту жизнь мелких привычек, мелких потребностей и мелких удовлетворений, — мы также скажем во всей радости и во всем блаженстве спокойной животной жизни: «и мы были молоды, и мы имели опыт, и мы были эквальтированы, и мы строили воздушные замки, и мы верили в любовь, в дружбу, во все эти глупости, продукт путаных голов, но теперь мы стали благоразумны, мы боимся бога, но не любим его, не любим нашего ближнего, но не делаем ему зла для того, чтоб и он нам не делал того же, мы не ищем ничего идеального, но имеем действительное, у нас есть возможность пить, спать и есть». Быть может, наступит такое время, когда и мы станем изрекать анафему на все чувствующее и мыслящее, на все, что не будет столь животным, как мы сами. И почему бы путем совершенствования мы не могли дойти до столь блестящего результата? Что же, разве все, что до сих пор нас объединяло, не разрушено? Где эта священная вера в возможность чисто нравственного союза между мужчиною и женщиною? Что осталось от наших отношений? Мы разбили их вдребезги при первом же опыте, мы в них больше не верим, мы видим в них лишь ложь, ошибки, безумство. Молодые и полные пыла, мы не страшимся бросать вызов божественной истине, мы добровольно склоняем голову.

Так вот, мои милые друзья, вы не должны падать, вы снова должны дать мне руку: я чувствую, что в силах вас поддержать. Я знаю, что само небо меня поддержит. Нет, я не склонюсь перед обстоятельствами, и когда я сказал вам, что хочу быть вашим другом, это было не пустым звуком, это — истина. Верьте же в меня, я чувствую, я снова силен, силен для вас всех. Я беру на себя ответственность за все, и мы не расстанемся никогда, не правда ли?

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 158.—Письмо сестрам Беер.

(3 сентября 1836 года).

Итак мы должны расстаться! Вы этого хотите, вы находите наш разрыв необходимым для вашего спокойствия, и я этому подчиняюсь. Да, мы разойдемся и расстанемся, но перед тем, как это сделать, я хочу написать вам это последнее письмо, я хочу еще раз поговорить с вами.

Очень часто я замечал, что в наших взаимных отношениях вы приписываете мне слишком благородную роль. Неоднократно я пытался показать себя таким, каков я есть, но никогда мне это полностью не удавалось. Я не обращал на это особенного внимания, полагая, что время раскроет перед вами мой характер в его истинном свете. Я рассчитывал на будущность нашей дружбы. Вы решили, что этой будущности не должно быть: да будет воля ваша! Я не хочу и не должен просить вас о сохранении вещи, которая не только ничего вам не дала, но даже была для вас фатальна. Поэтому я не стану просить вас сохранить мою дружбу. Но так как я отныне уже не смогу доказать ее вам в будущем, я хочу сейчас показать вам ее такою, как она есть, не благородною и слабою, как вы себе ее представляете, а сильною и небескорыстною. Если нам нужно расстаться, расстанемся достойно и не унизим священного и незапятнанного воспоминания об узах, которые должны были дать нам рай и которые его наверно дали бы, если бы мы сумели религиозно соблюдать их священные законы.

Я знаю, какую мысль вы себе об этом составили. Я встретил вас в момент, когда я сомневался в моем семействе, в моих сестрах, когда я нуждался в утешении и в дружбе. Вы тогда дали мне эту дружбу и это утешение. Я видел, что вы страдаете. Жалость, естественно присущая человеку чувствительному, признательность за интерес, который вы мне выказали, привязали меня к вам, и я искал в вашей дружбе того, чего не мог найти в собственном семействе. В то время ваша дружба была для меня действительно необходима. В конце концов я снова обрел своих сестер. Наше расхождение было лишь результатом недо-

разумения. Мы поняли друг друга, мы связались узами самой действительной и священной дружбы. Какую же пользу мне может принести ваша дружба? Может ли она давать мне утешение, в котором я больше не нуждаюсь? Зачем же я от нее не отказался? По благородству. Но вы, вы не хотите этого благородничанья и отвергаете мою дружбу. Такова ваша мысль, не правда ли? Рассмотрим эту мысль и увидим, какой характер она мне приписывает.

Ваша главная мысль состоит в том, что я не нуждался в вашей специальной дружбе и что наше сближение не было результатом гармонии наших душ, но продуктом обстоятельств и воспоминаний детства. Не стану спорить — обстоятельства нас сблизили, при других обстоятельствах мы могли бы вовсе не встретиться, и тогда мы бы друг друга не знали. Но обстоятельства привели только к нашей встрече. Кто же сделал остальное? Опять-таки эти обстоятельства? Я не стану ссылаться на гармонию душ, так как эта гармония душ, если она действительно существует, не может быть преходящею, она вечна, а вы непременно стремитесь к тому, чтобы наше сближение было временным. Итак давайте искать других объяснений. Я не хочу и не могу снова допустить влияние обстоятельств, ибо допустить его значило бы основывать нашу дружбу на привычке, а наша дружба была слишком сильна, слишком горяча для того, чтобы быть связанною с привычкою. А в том душевном состоянии, в котором я тогда находился, я слишком презирал привычку для того, чтобы пользоваться ее благодеяниями. Тогда я даже говорил вам, что «отвергаю связь по привычке, которую мне предлагали мои сестры, что я нуждаюсь в другой, и что я нашел ее в вас такою, какою я хотел ее видеть, что я нашел наконец такую гармонию душ, как я ее понимаю». Когда я приехал в Москву, в душе моей бушевала буря. Я настолько сомневался в людях, я настолько мало склонен был доверяться им, я настолько задумал жить одиноко, сосредоточившись в себе самом, что я недоверчиво отнесся к Станкевичу, решился принять его дружбу и перебраться к нему лишь после повторных настояний с его стороны. И в то же самое время я поддался привычке наших встреч и доверился вам без того, чтобы вы могли меня понять, ибо без гармонии душ люди друг друга не понимают. И я мог кое-что сделать для вас и нашел силы для того, чтобы изменить ваши внешние обстоятельства, для того, чтобы дать вам другую жизнь, для того, что-

бы создать себе высокие минуты в нашей кажущейся дружбе. Что это значит? Здесь не могли играть роли обстоятельства, не могла играть роли привычка, не могло играть роли родство наших душ, ибо оно вечно, а вы утверждаете, что это родство уже больше не существует. Что же это было? Здесь приходится сделать только два предположения: или что действительно существовала гармония между нашими душами, или же что я — человек без убеждений, без духовных запросов, без веры, человек, который не нуждается в чувствах и играет ими по своему произволу. Но здесь дело не в гармонии, так как души вечны, а следовательно, раз между ними существует гармония, то она также вечна; их гармония должна развиваться вместе с ними, вы же говорите, что она между нами больше не существует. Итак правдоподобно последнее предположение: я, значит, — человек без веры и без убеждений, человек не способный к любви; все огненные слова, которые я произносил, были таким образом просто словесным фейерверком. Вот каково должно быть ваше мнение обо мне. Должен ли я признать его верным? Не стану ли я отрицать его из пустого самолюбия? Не необходимо ли оно для вашего покоя, для вашего счастья? Но верно ли оно? Нет, я чувствую в глубине души, что здесь во мне говорит не самолюбие, а сознание собственной личности, мое оскорбленное достоинство. А разве ложь и ошибочное мнение могут даровать покой и счастье? Поэтому моим долгом является показать себя таким, каков я есть. Нужно, чтобы в момент расставания мы хорошо познали друг друга, если мы не умели этого сделать во время нашего сближения. Мы должны сохранить незапятнанное воспоминание об узах, которые мы обязаны были осуществить и осуществлению которых помешали недостаток веры и отсутствие воли. Мы должны, расставаясь, уважать друг друга и без насмешек выслушать последние слова, которые говорят друг другу наши души.

Нет, я не чувствую себя негодным, я не чувствую себя низким. У меня есть убеждения, у меня — огненная душа, чувства для меня — не игрушка. Я любил и люблю вас обеих не по привычке, не вследствие обстоятельств и не из благородничанья. Я люблю вас потому, что люблю вас. Я видел, что наши души родственны, я задумал связать их, я почти осуществил это намерение, но в Ваше сердце, Наталия, прокралось чувство благородное, но враждебное сближению, которое я Вам предлагал.

Я полагал, что то, что я хотел Вам дать, может Вас удовлетворить. Я считал возможным поддержать между нами упомянутую гармонию. Я мог бы еще долго поддерживать ее, но один из членов был болен, и гармония превратилась в дисгармонию. Пришлось выбирать между Вашим покоем и гармониею, которую я хотел установить. Письмо, которое я Вам написал, было последнею попыткою. Все, что последовало за моим письмом, убедительно доказало мне, что этой гармонии давно уже не существует. Однако наши души тем не менее родственны. В них содержатся еще все необходимые элементы для объединения, несмотря на страсть. Мы могли бы еще — вы, мои сестры и я — создать хор душ, которые слились бы воедино, мы могли бы еще объединить наши жизни в одну, наше будущее могло бы быть еще прекрасным и сильным. Но вы этого не хотите, я подчиняюсь вашей воле, мои дорогие друзья. В последний раз я обращаюсь к вам с этим названием, и оно вас не заденет. Прощайте же, мои друзья, отныне мы будем видеться редко и мало будем разговаривать друг с другом. Укажите мне, как я должен вести себя у вас, и я поступлю так, как вы пожелаете. Мое внешнее поведение для меня совершенно безразлично, когда оно не является выражением моей внутренней жизни.

Прощайте!

М. Бакунин.

1836 г[ода], четверг, 3 сентября. Прямухино.

Перевод с французского.

№ 159.—Письмо Наталье Беер.

(4 сентября 1836 года. Прямухино.)

Наталия!

Подчиняясь Вашей воле, я должен был прекратить с Вами все сношения. Письмо, которое я вчера написал Вам, имело целью сделать это в достойной форме. Я не хотел бы, чтобы причиною нашего расставания было какое-нибудь недоразумение. Если внешние обстоятельства, которые не должны были бы влиять на наши отношения, каковые должны были оставаться от них независимыми, если эти обстоятельства, говорю я, проти-

водействовали тому, что должно было бы быть незыблемым, если, наконец, наш разрыв должен был явиться концом союза, который я считал вечным, я хотел бы по крайней мере, чтобы расхождение было результатом сознательного решения с той и с другой стороны, чтобы оно было достойно нас, чтобы, расставаясь, мы сохранили взаимное уважение, заставив умолкнуть наши чувства.

Я слишком уважаю Вас, Наталия, для того, чтобы считать необходимым заявлять Вам об этом. Поэтому целью моего письма было мое собственное оправдание. Теряя Вашу дружбу, я хотел по крайней мере сохранить Ваше уважение. Я сделал все, что мог, и не знаю, добился ли я своей цели. Мои сестры сказали мне, что Вы считаете, будто бы Вы унизились в общем мнении и также в моем. Нет, Наталия, Вы не унизились. Я слишком хорошо понимаю Вас для того, чтобы судить по внешности. Верьте мне, я не загрязню ложью последние слова, которые я Вам говорю. Верьте в мое самое искреннее уважение к Вам. Я понимаю Вас, Наталия, и с тем большею печалью я оплакиваю несчастные обстоятельства, вынудившие нас расстаться. С моей стороны это расставание может быть только внешним, ибо то, что творится в моей душе, стоит выше всяких обстоятельств. Я, может быть, не должен был написать Вам этого письма, но не сделать этого было свыше моих сил, ибо, расставаясь навсегда, мы по крайней мере должны хорошо понять друг друга.

М. Бакунин.

4 сентября 1836 г. Прямухино.

№ 160.—Письмо братьям.

1836 г., 11-го сентября. Прямухино.

Любезные друзья!

Сейчас получил ваши письма. Благодарю вас, друзья мои, за дружбу; основание ее ручается мне за ее продолжительность. Да, вы теперь живете новою жизнью, для вас открылся новый мир, необъятный мир деятельности и наслаждения. Но не ограничивайтесь одним только сознанием назначения человека; со-

знание это должно быть одушевлено деятельностью, помните, что вера без дел мертва есть. Все прекрасное, все благородное принадлежит существу абсолютному — богу. Степень развития и действие, проистекающее из этого развития, вот что составляет индивидуальную, частную жизнь человека. Действие есть не только необходимое следствие нашего сознания, скажу более: оно есть необходимое условие сознания: без действия, без выражения наружу внутреннего мира нет сознания, нет жизни. Итак действуйте, друзья, не дайте умереть тому, что я пробудил в вас; старайтесь, чтоб каждая минута вашего существования была жизнью, сознанием, отзывалась всеобщею мировою жизнью. Помните, что наше назначенье — не от мира сего, помните, что весь внешний мир не может быть целью, что он должен быть средством для человека как существа разумного. Итак не увлекайтесь внешним, а изучайте его как необходимое средство, как единственно возможную форму для проявления вашего я, вашего внутреннего бытия. Помните, что вы не принадлежите к этому конечному миру, к этой ограниченной, тесной сфере деятельности. Сфера ваша — бесконечность и беспредельность. Назначение ваше — проявить вечное божество, вечную любовь вне себя. Итак будьте же достойны своего назначения; помните, что каждая бессознательная, бездейственная минута есть шаг назад, есть преступное отрицание истины, любви и своего человеческого достоинства. Будьте же тверды, станьте выше минутных, частных неудобств и неприятностей, образуйте себя в тиши, развейте в себе искру божию, приготовьте себя быть алтарями божественного слова. Помните, что нет умственного усовершенствования без нравственного, что ум не разделен от чувства. Истина тождественна с благом и прекрасным. Итак недоступна тому истина, кому недоступно нравственное и прекрасное. Итак блюдите души ваши, не давайте заглохнуть хорошим семенам, в них посеянным, под игом мелочных гадостей. Любите друг друга, взаимная любовь наша должна служить нам залогом вечной, бесконечной любви. И мы радостно потечем к высокой цели нашей. Что ж касается до ваших теперешних обстоятельств, положитесь на меня; я сделаю все, что будет от меня зависеть.

Брат и друг ваш

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 161.—Письмо Александре Беер.

[Сентябрь 1836 года. Прямухино.]

Милый друг, приходите поскорее. Забудем прошлое. Эгоизм и животность кончились. Мы живем в боге и бог в нас.

Во имя того бога, который говорит Вам моими устами, приходите поскорее.

Ваш друг

М. Бакунин.

Я спешил написать Вам.

№ 162.—Письмо сестрам.

[Сентябрь 1836 года. Прямухино.]

Федор Иванович (Юпитер), узнав, что Наталия * наконец уступила своей пламенной страсти к Токареву [1] на смех всем злым языкам и всем законам общежития и решилась соединить прекрасную жизнь свою с могущественною жизнью Токарева, Федор Иванович, также страстно влюбленный в Наталию, пришел в отчаяние и решился навек оставить Прямухино. Он-то вам и доставит книги.

М. Б[акунин].

Перевод с французского.

№ 163.—Письмо сестрам Беер.

[Сентябрь 1836 года. Прямухино.]

Дорогие друзья!

Почему я сейчас так счастлив? Что перенесло меня из того апатичного настроения, в которое меня ввергли наши отношения, в столь прекрасный, в столь возвышенный мир любви и блаженства? О, дорогие друзья, разве это не есть результат восстановления всего того, что было святого и высокого между нами? Дорогие друзья, шествуйте быстрее по пути, который я вам укажу, по пути, который сам бог указует вам моими устами,

* Беер.

и вы будете счастливы, ваше блаженство будет безмерным, бесконечным. Тогда вы поймете все, что есть святого, что есть пламенного в моей любви к вам, тогда никаким сомнениям не будет больше места. О, верьте и любите, дорогие друзья: вера и любовь дают жизнь. Не старайтесь убивать свои чувства: это — преступление, это — святотатство против бога, против природы, столь прекрасной, столь возвышенной, столь бесконечной, которую он нам даровал. Не бойтесь того, что выражение какого-либо из ваших чувств может меня испугать. О, боже мой! Не благословлял ли я тебя всегда за то, что ты дал мне читать в сердцах этих подруг, столь дорогих моему сердцу, не благословлял ли я тебя за то, что ты предназначил мне столь прекрасную миссию привести к тебе столь прекрасные души, столь сотворенные для тебя, которые временно заблуждались, думая, что служат тебе? Дорогие друзья, вы дали мне ваши руки, ваши сердца навеки, это богатство принадлежит мне, и я не уступлю его никому. Да, дорогие друзья, вы будете счастливы, положитесь на меня, потому что я хочу доставить вам блаженство не собственною силою, не моею слабою личностью, а мощью самого бога, который, как я чувствую, снизошел в меня, дабы сотворить его в вас. Дорогие друзья, прочь сомнения, прочь недоразумения!

Любовь и вера — вот наш девиз.

Ваш друг навеки

М. Бакунин.

№ 164.— Письмо братьям.

[Начало ноября 1836 года. Прямухино.]

Любезные друзья!

Получил ваше письмо вместе с бабушкиным. Предприятие ваше хотя порадовало меня несколько, но гораздо более огорчило. Порадовало оттого, что оно мне доказало, что жизнь ваша не гниет, что вы жаждете жизни, что вы хотите действовать. Но, друзья мои, всякое действие должно иметь свою прямую, определенную цель, совершенно сообразную и с законами разума, и с обстоятельствами, вас окружающими, — и в этом-то отношении предприятие ваше меня очень огорчило. Какая была цель ваша? Освобождение от гимназии и жизнь в Москве, так ли? Обсуди-

те ж хорошенько средство, которое вы хотели употребить для достижения этой цели; согласитесь, что для этого необходимо согласие родителей; неужели вы думали, что вы таким образом приобретете его? Вы знаете, что родители почти тех же мыслей. Чем можно было доказать им противное? Одним только тем, что мысли эти, перешед в ваши души, дали вам более сил для перенесения всевозможных мелочных неприятностей, более сил для борьбы с худыми наклонностями, с худыми привычками, только тем, что так называемый здравый смысл в вас усилился, что вы избегаете всех неприятностей, что вы, освободившись от детскости, не имеете претензии быть пустыми молодыми людьми. Отчего же эти худые наклонности, эти привычки, эта лень, это уныние дошли в вас до высшей степени именно тогда, когда они должны бы были совершенно уничтожиться от новой жизни, мною вам данной? Не естественна будет недоверчивость родителей к этим мыслям, против которых они уже и так предубеждены? И почему бы не приписали они ваш поступок не моим идеям, а вашему безрассудству? Нет, друзья мои, истинная религия состоит в том, что она дает силы во всяком состояньи, что она предохраняет от подлости при самых худых обстоятельствах. Не ищите возрождения во внешних обстоятельствах, ищите его в самих себе, оставьте внешние ваши обстоятельства мне. Сами вы все испортите, не ругайте более гимназию, это недостойно вас и меня оскорбило. Помиритесь с бабушкою *, просите у нее прощенья, это необходимо.

(Конца нет.)

№ 165.—Письмо братьям.

[Начало ноября 1836 года. Прямухино.]

Любезные друзья, грустно мне видеть неоправданным то хорошее мнение, которое я об вас составил. Я говорил вам о свободе нравственной, о той свободе, которая состоит в искоренении всех дурных привычек, всех худых наклонностей силою духа, а вы задумали о другой свободе, которая по вашим летам, по вашим занятиям, по бедности ваших средств еще для вас существовать не может. Кроме этого я думал, что, получив мое письмо **, вы сейчас же образумитесь, поправите все зло,

* В. М. Полторацкою.

** Это первое письмо приведено выше, под № 164.

вами сделанное, — и услышал, что вы даже и теперь еще не ходите в гимназию. Папенька и маменька полагают, что вы действуете по моим советам, по моим идеям [здесь кусок письма оторван]... Что поступок ваш произошел от ветрености, также знаю; но простительна ли эта ветреность, эта легкомысленность? Где та внутренняя жизнь, которая в вас так усилилась, которая вас возродила, которая должна была облегчить вам все мелкие неприятности, случающиеся со всяким? Стыдно, господа, горько, очень горько.

Напишите же папеньке и маменьке письма, не браните больше гимназию и просите у них прощения, утройте ваше прилежание, приготовляйтесь ко всякому гимназическому уроку. Не говорите всякому встречному и поперечному о правах человека [кусок письма оторван]... в противном случае вы раскаетесь, но уже поздно, в вашем ослеплении и совершенно потеряете мое уважение и мою дружбу.

Не сердитесь, друзья, за резкий тон моего письма, я не мог выразиться иначе.

Ваш брат

М. Бакунин.

У бабушки* целую руку, у тетушки Надежды Павловны** также.

№ 166.—Письмо Я. М. Неверову.

Прямухино, 4 ноября. 1836 [года].

Любезный Януарий Михайлович!

Не стану говорить Вам о нетерпении, с которым ждал Вашего письма, и о восхищении, с которым прочел его. Я узнал из него, что у меня есть брат ***, который не спит, в котором жизнь кипит и который следовательно будет непременно чело-

---

* Варвара Михайловна Полторацкая, мать матери Бакунина, под надзором которой жили в Твери гимназисты Бакунины.

** Н. П. Полторацкая, дочь П. М. Полторацкого, второго мужа В. М. Полторацкой, бабушки Бакунина.

*** Николай.

веком. Недостаток познаний, развития могут вознаградиться, но гниение жизни — никогда, а это гниение легко могло случиться в обществе, в котором он осужден еще пробыть несколько времени. Я с Вами согласен, что чрезмерная пылкость его характера должна заставить нас быть осторожными, но она меня не пугает: ее должно только направить, и она не истощится тогда в безрассудных фанфаронадах. Ради бога отстраните его от всех этих денежных предприятий против того, что при нынешнем состоянии вещей неизбежно, и докажите ему, что из всех смелых поступков только те достойны уважения, которые прямо ведут к определенной цели, докажите ему, что он должен хранить себя для истинной пользы и что самопожертвование только тогда приносит наслаждение, когда оно сделано с целью [зачеркнуто: может принести плод], когда оно [на полях неразборчивая пара букв] полезно, etc. etc.

Благодарить Вас, любезный Януарий Михайлович, за все, Вами сделанное, не стану [1]; вы легко поймете, что письмо Ваше еще более привязало меня к Вам, еще более заставляет меня желать скорее и ближе с Вами познакомиться. Но скоро увидимся и тогда без всякого сомнения сблизимся как нельзя более: общая цель, общая внутренняя жизнь и общее презрение к окружающей нас внешней [среде] необходимо должны нас соединять и впоследствии еще теснее соединить.

Да, я позабыл еще поспорить с Вами о средствах для возобновления жизни в неразвитых еще молодых людях. Когда воспитание было с детства естественно, когда оно начато особенно с эстетического образования, то, без всякого сомнения, сильные приемы не только что не нужны, но даже вредны [зачеркнуто: бесполезны]. Но когда молодой человек до 18 лет не был полно развит, когда он по обстоятельствам попал с одной стороны в гнилое общество, а с другой — под пресс военной дисциплины, то тогда сильные средства необходимы, потому что для спасения его от решительного падения необходимо сильное внутреннее противодействие духа. И как после возбудить эту внутреннюю деятельность, как не самыми сильными, потрясающими средствами? В таком случае средства эти или совершенно спасут, или уж совершенно добьют, а по моему мнению [зачеркнуто: лучше] крайности лучше, чем золотая середина.

Белинскому я передал Ваше письмо [2], он Вам будет отвечать.

Жаль «Телескоп» [3]. Его из всех наших журналов только и можно было читать, да и то с грехом пополам.

Отчего Вы не выйдете совсем в отставку, любезный Январий Михайлович? Вы были бы свободны и, я думаю, лучше бы могли приготовиться к путешествию за границею. Впрочем, скоро увидимся в Москве и обо всем переговорим.

Через недели полторы мы все туда отправляемся; тогда я непременно Вас уведомлю.

Остаюсь преданный вам

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 167.—Письмо Александре Беер.

11 ноября 1836 года. Москва.

Несколько дней тому назад я получил Ваше письмо и до сих пор еще не ответил. Вы, без сомнения, уже истолковали мое молчание на тысячу ладов. Вы уже объяснили его тем безразличным к Вам отношением, которое Вы мне приписываете, не правда ли? Если это так, то Вы глубоко ошиблись, мой друг. Причина моего молчания была совершенно другая. С момента моего прибытия в Москву мною овладела страшная безотрадность. Я бросил взгляд на то, что составляло мое существование, и не знаю, как и почему все представилось мне в таких темных красках, таким мрачным, даже таким смешным! Я подверг анализу всё и начал с убиения всего моего внешнего мира. Я увидел в нем одни только мечты и фразы. Я рассмотрел свою внутреннюю жизнь и нашел ее такой бедною и неглубокою. Не знаю, что породило это настроение, столь мало отвечающее моему характеру. И вот в этом настроении я и получил Ваше письмо. Я мог бы ответить Вам, я даже начал ответ, но все, что я Вам говорил, выходило из моей головы, сердце же мое в нем совершенно не участвовало. Я понимал, но не чувствовал. Вот почему, перечитывая свое письмо, я нашел его таким холодным, таким неискренним, что я его разорвал и решил выждать настроения, более подходящего к раскрытию перед Вами всех моих

мыслей, всех чувств, овладевших мною при чтении Вашего письма.

Нет, Александрина, жизнь не есть зло, она есть высшее благо. Нужно только отделить ее от всех внешних обстоятельств, которыми Ваше детство и Ваши первые мечты ее отягчили. Нужно сосредоточить ее в себе самой, нужно согласиться, что внешнее может быть только ее следствием, выражением, но не основанием. И тогда, сделавшись свободною, сильною, опирающеюся на себя самоё, она сама покажет Вам, что счастье только в ней, а не вне ее. Вы увидите тогда, что внешний мир плох только тогда, когда в нем ищут того, что может быть найдено только в себе самом. Александрина, страдание не может быть вечным, страдание есть предчувствие счастья более божественного, более широкого, чем то, которым мы прежде наслаждались. Диссонанс хорош только потому, что содержит в себе элемент гармонии более прекрасной, чем та, которую он разрушил. Страдание может быть несчастьем и может доводить до отчаяния лишь до тех пор, пока Вы его не поняли. Раз понятое, оно Вас возвышает, оно Вас очищает, и верьте мне, Александрина, основа счастья заключается в сознании, в человеческом достоинстве. Самоубийство, Александрина, является естественною мыслью для человека, который, не будучи в состоянии удовлетвориться окружающею его средою, не углубился сам в себя. Но самоубийство есть преступление и проявление трусости. Нужно жить, мой дорогой друг, нужно принять этот крест и в нем найти свое счастье. Я не буду стараться Вас утешить. Я не буду говорить Вам, что Вы должны быть счастливы и довольны. Я знаю всю Вашу прошлую жизнь, я понимаю все эти порывы, так плохо понимаемые другими, я понимаю все эти ужасные разочарования, леденящие Вашу душу, я понимаю наконец все то, что Вы перенесли, я понимаю, как Вы должны страдать еще и теперь. Но Вы уже поднялись выше этого внешнего мира. Вы уже начали искать в себе самой. Вы ничего не нашли, скажете Вы мне, Александрина, но это потому, что Вы искали не тщательно. У Вас была задняя мысль о внешней жизни, а внешняя жизнь женщины это — любовь. Ищите же в себе самой, для Вас не существует больше любви в этом мире, но есть дружба, которая Вас поймет, которая разделит Ваши страдания. Такова всегда была моя дружба, такою она пребудет всегда. Скажите, сможет ли она Вас удовлетворить, сможет ли она доставить Вам какое-

либо утешение. Я думаю, что да. Объединимся же в твердом убеждении, что если прошедшее не отвечало нашей внутренней жизни, будущее должно будет покориться мощной длани того бесконечного духа, который проникает нашу жизнь.

Прощайте.

Ваш друг

М. Бакунин.

Ради неба, оставайтесь в Прямухине. Я этого требую от Вас, и завтра я всё Вам напишу.

Перевод с французского.

№ 168.—Письмо сестрам.

8 декабря 1836 года. Москва.

Итак, мои милые друзья, вот мы и в Москве! Сижу в комнате Станкевича и пишу вам. Что-то скажет вам мое письмо? Вот чего я, по правде сказать, сам не знаю. Сегодня я переезжаю на свою новую квартиру. Я уже распределил свои занятия: до 8 часов вечера я буду оставаться дома, а с 8 до 10 или 11— у Станкевича. Скоро я начну давать уроки. Что касается моей внутренней жизни, то она очень проста. Отныне мои занятия будут моею жизнью. Я не создан для личной жизни. Отныне у меня не должно быть ничего личного кроме того, что тесно связано с общею жизнью.

Но поговорим о чем-нибудь более интересном. Я уже столько говорил вам обо всем этом, этот вопрос настолько толковался и перетолковывался нами на разные лады, что ничего нового о нем сказать нельзя. А старое нам надоедает. Это — истина общеизвестная.

Я буду говорить вам о Станкевиче [1]. Он действительно любит. Его любовь проста, и чем она проще, тем она прочнее и искреннее. Они будут счастливы, я в этом не сомневаюсь. Он говорил со мною только о тебе, моя милая Любаша. Любовь, которую он чувствует к тебе, вернула ему жизнь. Даже его доктор

Дядьковский * не мог бы произвести более чудесного излечения. Твое здоровье, мой милый друг, тоже улучшается с каждым днем, и я не сомневаюсь, что вы будете счастливы. Его отец еще не приехал, он ждет его с нетерпением.

Белинский здоров. Его грамматика [2] почти закончена. Быть может, она смягчит дурное отношение графа Строганова к нему, и он вероятно совершит свою поездку за границу. Мы встречаемся с ним почти ежедневно, а также с Ефремовым. Посещение Прямухина было благодетельным для них обоих, оно придало им силы и веры в жизнь. В этом невозможно сомневаться, раз отброшены все эти фантазии о внешней жизни и счастьи, раз сложилось убеждение, что она — в нас, и что все, постороннее нам, составляет лишь видимость и обман. Оба они работают и пойдут вперед. Не опасайтесь же нисколько, мои добрые друзья, за их будущее. Они никогда не станут отступниками.

Я не мог еще повидать Ржевского **. Он не показывается. Он повидимому ни о чем не догадывается, он хочет еще понаведаться втихомолку в Тверь.

В Твери я виделся с братьями. Все они какие-то тощие. Особенно Павел: он кашляет и серьезно болен. Они не получили ни одного из ваших писем. Они вам не пишут, потому что узнали от Александры Михайловны ***, что отдан приказ прочитывать все ваши письма и их. Бабушка **** сообщила об этом Алекс[андре] Михайл[овне]. Итак вы видите, что все эти благородные меры действительно были приняты. Я со своей стороны принял меры, и братья будут получать мои письма. Они в них нуждаются, так как они сильно пали духом. Вот... греческого философа... военный *****. Станкевич велел замарать оба после. При мне было говорено о Муре ******.

Дайте это понять родителям. Завтра я им напишу. Напишу

---

* Иустин Евдокимович, профессор, доктор.

** Федора.

*** Квартирная хозяйка, у которой жили гимназисты Бакунины в Твери.

**** Варвара Михайловна Полторацкая.

***** Кусок письма оторван.

****** Подчеркнутые слова по-русски в оригинале. Последнее слово можно читать и «музее».

Вариньке, а также Наталье и Александре. А теперь я спешу.

Прощайте, мои добрые друзья.

Ваш друг и брат

М. Бакунин *.

Пишите на имя Ефремова, у Стретенских ворот, на бульваре, в собств[енном] доме, для передачи М. А. Бакунину.

Посылается посылкою на имя Вариньки — игрушка Сашеньке, а кукла Вариньке.

Ефремов подлый вот человек **.

Маленькое животное, которого породу мы тщетно старались определить, для бегания заводится следующим образом: левою рукою должно взять за мордочку, а правою вложить ключ в левый бок животного и поворачивать оный от левой руки к правой, пока он остановится, при чем нужно пр[идерживать] *** рукою колеса ([а] как природа одарила [нас двумя] только руками, то в этом случае можно прибегнуть к помощи ближнего или самому вместо мордочки держать левою рукою за колеса) и остерегаться, чтобы не повернуть ключа лишний раз, отчего все очарование может исчезнуть. По совершении этого обряда следует выбрать ровное место, довольно обширное, где бы не встречалось никаких предметов, могущих повредить бегание животного, и пустить оное. Это с большим удобством можно сделать на полу, предупредив Урику ****, что это — обман чувств и что она напрасно будет стараться раскусить животное и наделает только всем неприятностей, не доставив себе никакого удовольствия. Тогда животное начнет описывать круги к крайнему удивлению и умилению публики.

Если кукла не так хороша, как ожидала Варвара Константиновна, то пусть винит себя, зачем поручила выбор человеку, который не знает толку в женских нарядах и не всегда угадывает вкус женщин *****.

М. Бакунин.

---

* Отсюда до конца по-русски в оригинале.

** Ефремов, видимо, стоял тут же и мешал писать.

*** Здесь кусок письма вырван.

**** Повидимому собака или кошка.

***** Повидимому кукла предназначалась Вариньке Имберг, а игрушка Саше Дьякову.

№ 169.—Письмо сестрам.

[Декабрь 1836 года. Москва.]

Милые друзья, жалко мне вас; вы окружены людьми, не понимающими вас. Вы дорогою ценою купили свободу свою, осуществление чувства своего достоинства. Друзья мои, будьте тверды; вспомните, что я вам сказал о разнице надлежащих обхождений с комарами, жужжащими далеко от вас, и с теми, которые позволяют себе кусать вас: будьте добры со всеми, но держите в бесконечном расстоянии от вас всех тех, которые, не имея с вами ничего общего, пытаются вползти в небесный круг вашей жизни. Друзья мои, милые сестры, вы чисты и святы; я иногда редко пишу к вам; но не позабывайте никогда, что довольно одного воспоминания об вас и о той безграничной любви и безграничной доверенности, которые вы мне подарили, для того, чтобы освятить меня. Образы ваши беспрестанно носятся передо мною. О, есть такие минуты, где я чувствую, как бесконечно глубока моя любовь к вам, когда я живо сознаю, что̀ вы такое для меня, и что бы я был без вас. И тогда я вас благословляю как спасительниц своих. Итак не увлекайтесь никогда видимостями, верьте, что я вас люблю, и что я вас люблю так, как я до сих пор никого не любил и не люблю. Вот вам и декларация. Бедные сестры, вместо того, чтобы наслаждаться тою небесною гармониею, которая есть истинная сфера женщины, вы должны бороться беспрестанно. О, я понимаю всю тяжесть вашего положения—я в таком расположении, что я сам не знаю утвердительно, что̀ именно я хочу вам писать, и между прочим никогда бы не перестал писать. Будьте уверены, не позволяйте вырывать себя из того мира, который есть ваша истинная сфера и в котором так святы наши отношения с вами.

М. Бакунин.

(Сверху написано:)

Посылаю вам вид Страсбургской колокольни.

Перевод с французского.

№ 170.—Письмо сестрам Беер.

[Декабрь 1836 года. Москва.]

Да, дорогие друзья, жизнь прекрасна, несмотря на встречающиеся минуты страдания, разочарования, скуки, апатии. Так сегодня, едва я проснулся, меня обступили все мои заботы, а у меня их очень много — и Станкевич, и Любаша [1], и Варинька, и Николай *, деньги, которые я должен для него достать и которые я не знаю где найти, неизвестность относительно его будущего, а затем иногда овладевающая мною слабость—повергли меня почти в состояние полного уныния. Дело в том, что у меня бывают минуты, когда я забываю солнце и вижу только тень [2]. Правда, я не пал духом, а ваше письмо застало меня в состоянии страшной борьбы и решило победу. Да, дорогие друзья, именно вы вернули меня сегодня к гармонии; да, вы начинаете давать мне чувствовать конец вашей любви ко мне. Мне надобно было, чтобы вы себя поняли. Мне было тягостно говорить с каждою из вас в отдельности. Теперь я могу обращаться к вам обеим сразу. Конец стеснениям, конец препятствиям, отныне между нами воцарится свобода. А люди любят, дорогие друзья, и могут любить только в свободе.

Да, дорогие друзья, жизнь прекрасна, когда живешь в любви, когда чувствуешь, что любишь и что тебя любят, когда понимаешь и чувствуешь, что тебя понимают, когда сердца, бьющиеся вместе, чувствуют себя объединенными в абсолютной любви, столь бесконечной и бесконечно высокой. О, тогда можно все снести, ибо чувствуешь в себе нечто более реальное, чем все жалкие реальности, нас окружающие, нечто слишком сильное и слишком могучее, не допускающее подчинения чему-либо внешнему. Чувствуешь себя внутренним, чувствуешь, что каждая проходящая минута уносит с собой какой-нибудь пустяк, мешавший жизни в истине, которую ничто не может унести.

Я хочу, чтобы вы разделили со мною эту гармонию, которую вы мне дали. Я приду обедать к вам, мы вместе будем читать,

---

* Николай, брат Бакунина.

мы еще лучше поймем друг друга, и тогда вы сами почувствуете, что вы можете много мне дать, и что вы неотделимы от меня.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 171.—Письмо сестре Варваре.

15 декабря 1836 года. Москва.

Вчера получил твое письмо, милая Варинька. Ты совершенно права. Условия внешней жизни много значат для полного счастья человека, но они не являются основными его условиями. Источник жизни заключается в человеке, и именно этот источник надлежит очистить. Только тот, кто стал выше своего личного счастья, кто умеет находить свое счастье в жизни абсолютного разума, достоин личного счастья. Мой дорогой друг, нужно жить в абсолюте, нужно освободиться от всех относительных условий, сковывающих нас мелочами. Не следует брать идеалом человека, каким он является в обществе. Его следует брать таким, каким он должен быть, и такой человек есть бог. Итак жить в абсолютной жизни значит жить в боге, понимать и любить бога, выражать его во всех своих поступках, поднимать внешний мир до этого божественного идеала, коренящегося в человеческой душе,—вот в чем заключается счастье.

Это счастье принадлежит тебе в вечности. Раз ты глубоко прониклась этими идеями, этою вечною жизнью, составляющею твой удел, то скажи мне, можешь ли ты страдать? Если ты страдаешь и если тебе скажут, что завтра твое страданье обратится в счастье, будешь ли ты продолжать страдать? Нет. Действие этого завтра начнется немедленно, ибо ты забудешь твое страдание, а разве вечность не более велика, чем какой-нибудь завтрашний день? Скажи мне, разве в эти моменты, когда чувствуешь все так хорошо и глубоко, когда участвуешь как будто в жизни всей природы, когда любишь так сильно, когда ненависть исчезает, разве в эти моменты ты не счастлива? Разве ты

замечаешь те мелочи и ничтожные горести, которые до того так тебя мучили? Разве в эти моменты ты не чувствуешь присутствия вечности, уже не наслаждаешься ею? И это не есть предвосхищение, ибо вечность заключается не только в будущем, но и в настоящем и прошедшем. Разве в такие моменты препятствия что-нибудь значат? Разве ты не ощущаешь в себе той божественной силы, которая позволяет их презреть, которая обнаруживает их слабость и ничтожество, и разве все это не является иллюзиею, просто оптическою иллюзиею? Нет, моя милая, это — не ложь, это — величайшая истина. Но тогда узкая индивидуальность исчезает, ты живешь в абсолюте. Жить повсечасно в абсолюте, выражать его в малейшем своем поступке, слове, даже жесте — вот каков идеал человека.

Каким путем его можно достигнуть? Вечность и абсолютное содержатся в тебе, но бессознательно. Сознай их — и тогда они начнут существовать для тебя, тогда они проникнут все твое существо, все твое существование. Знание и любовь едины и нераздельны. Нельзя любить, не зная, нельзя знать, не любя. Действие есть дитя обоих этих совершенно тождественных начал.

Объединимся же, мой добрый друг. Пусть абсолют будет основою дружбы, сильной, непоколебимой и вечной, как мы сами. Воспитание твоего сына — вот твое священное призвание. Кто знает, не суждено ли ему открыть одну из тех великих истин, которые возрождают человечество? Пусть он прежде всего будет в твоих глазах человеком, и пусть он будет твоим сыном лишь потому, что он — человек. Человек, но понимаешь ли ты все величие, всю высоту этого слова? Нет ничего выше его, ибо совершенный человек — это бог. И ты призвана развить в своем сыне человека, человека, который, быть может, будет * одним из высочайших откровений абсолюта.

Насчет твоего мужа вот что я тебе скажу: я не верю в возможность перемены в нем. Проанализируй его, проделай всевозможные опыты, но помни, что ты стараешься обмануть себя на его счет в силу какого-то слепого эгоизма, для спокойствия своей совести [1]. Твое призвание — это быть матерью.

---

* Это слово в оригинале может читаться и как «sera» (будет), и как «fera» (сделает, явит).

Пиши же мне, мой дорогой друг, часто все, все. Я хочу все знать.

Посылаю письмо Ст[анкевича] для Л[юбаши]. Она должна ответить. Он так глубоко ее любит, и это * было бы непростительною черствостью. Отец его ** скоро приедет. Все будет хорошо [2].

Завтра я напишу сестрам и Наталии ***. Напишу также родителям.

(Приписка в начале письма:)

Не уговаривай Бееров уезжать [3]. Завтра я напишу Наталии. Сейчас мне некогда. [Остальное неразборчиво.]

(Подписи нет.)

Перевод с французского.

№ 172.—Письмо сестре Варваре.

16 декабря 1836 года. Москва.

Итак, милая Варинька, сын твой вне опасности. Нет, ты его не потеряешь. У меня есть на этот счет такое глубокое предчувствие, что я не могу ему не верить. Какой-то тайный голос говорит мне, что сын твой оправдает все твои надежды, все пожелания твоей пылкой души. Твоя будущность в этом мире не мрачна. Она развернется с блеском и силою в жизни твоего сына. Теперь, когда он еще не сознает самого себя, будь его провидением, развивай в нем все элементы истинно-человеческой жизни. Да проникнет в него абсолютная жизнь, да приучится он с детских лет любить только абсолютное добро. Всякая истина, как бы глубока она ни была, доступна всем возрастам. Пусть же с детских лет он делает добро в силу потребности, а не по приказу.

Остерегайся говорить ему о вещах, которые могут ему показаться нелепыми в более зрелом возрасте. Воспитание должно

---

* Повидимому пропущено «молчание».
** Владимир Иванович.
*** Беер.

иметь целью не обуздание преходящего баловства, а развитие любви к добру и чистой идеи добра. Нужно быть добросовестным во все моменты жизни. И разве не является жалким воспитание, сотканное из лжи и относительных мер? Кто недобросовестен, тот лишается доверия, а без доверия со стороны лица, которому желают добра, невозможно делать ему это добро. Пусть же воспитание твоего сына будет свободным развитием всех добрых элементов. Истина всегда одинакова, но формы ее откровения различны. В детстве мы наблюдаем царство привычки, еще не уравновешиваемой самосознанием. Потому в этом возрасте воспитание должно стремиться предохранить ребенка от всех дурных привычек и от всех дурных примеров. Никакая дисгармония не должна поражать его воображения и памяти. Пусть он будет окружен гармониею, пусть развивается в обстановке гармонии.

Затем наступает возраст, когда ребенок начинает понимать, его мысль в этот период есть скорее чувство, ибо это — период чувства. Здесь-то и начинается истинное воспитание. Его назначением является тогда развитие чувства. Но ради бога — никакой лжи, никаких условных чувств, никаких немощных чудищ, этих порождений безжизненного и неразумного общества! Пусть все будет истинным, пусть все будет естественным, пусть все будет полным выражением того абсолюта, того божества, которое должно быть основою, крепкою силою всего человеческого существования. Я даже думаю, что не следует говорить ребенку о боге раньше, чем в нем не разовьется потребность в ощущении божества. Это было бы даже бесполезно, ибо он будет знать только имя бога, не чувствуя его, не понимая его. Воспитывая его в такой абсолютной гармонии, ты заставишь его жить в боге, и первым актом его сознания будет ощущение бога в себе. И тогда он почувствует истинного бога, а не того бога-страшилище, того бога-тирана, который был причиною такой продолжительной внутренней борьбы в тебе самой. Ты должна использовать для своего сына свой собственный опыт. Это воспитание чувства является главным: в нем заключается призвание матери. Музыка, поэзия, гармония природы — вот самые могущественные средства, какими оно должно пользоваться. Период чувства есть тот, когда человек освобождается от своей индивидуальности для того, чтобы жить в абсолютной жизни. И именно ты, мой добрый друг, должна будешь руководить им во время этого перелома. Поэзия

возвышает человека. Она освобождает его от его индивидуальности для того, чтобы заставить его жить во всеобщей жизни, в боге. Гармония природы есть предчувствие абсолютной гармонии.

Наконец наступает возраст умственной жизни, самостоятельного развития. Здесь воспитанию нечего уже делать: человек развивается сам по себе. Но именно тогда ты сумеешь наслаждаться своим делом. Жизнь твоего сына будет неотделима от твоей, он будет твоим сыном в моральной области. Его нравственная жизнь будет продолжением твоей. Вы будете матерью и сыном в абсолюте, а что связано в абсолюте, то не разлучится никогда. Только относительные связи могут и должны порываться; абсолютное же никогда не умирает, а твоя связь с сыном, перенесенная в область абсолюта, будет вечною.

Да, Варинька, ты свято выполнишь прекрасное назначение матери. Ты дашь человечеству человека, и ты будешь еще счастлива, счастлива божественным счастьем.

Ты спрашиваешь меня, буду ли я тебе помогать. Но разве ты не знаешь, что одним из условий моего счастья является возможность сделать что-нибудь для тебя? Итак мы будем работать вместе для твоего сына. Мы сделаем все от нас зависящее. Надеюсь, что теперь ты вполне спокойна. Он поправился, весел и очарователен, как в прежнее время. Я увижу его только накануне моего отъезда. Мне нельзя будет оставить Москву до моего отъезда за границу. Здесь все идет хорошо. Мы ждем его отца *. Надеюсь, что вскоре все устроится. Он ** хочет снова написать. Если он сделает это завтра, то я перешлю его письмо вместе с этим моим письмом.

Мои родители посылают письма, приказы и контр-приказы. Что касается меня, то я не верю ни в возможность изменить моего отца, ни в любовь и прямоту матушки, ни в перемену Николая ***. Проанализируй его хорошенько, мой добрый друг, произведи все возможные опыты, но не обманывай себя, гляди в оба. Я с своей стороны уже сейчас думаю о твоей будущности и вижу ее ясно, при чем ничуть ее не пугаюсь. Я пишу Беерам. Ради бога, не позволяйте им уезжать. Если некоторые новые об-

---

* Отца Н. Станкевича.

** Н. Станкевич Любови Бакуниной.

*** Дьякова, мужа Вариньки.

стоятельства мешают им оставаться в Прямухине, возьми их с собою в Ивановское *, если ты еще собираешься туда съездить. Выжди, моя милая, и не торопись.

Прощай.

Твой друг и брат

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 173.—Письмо сестрам.

[Середина декабря 1836 года. Москва.]

Дорогие друзья!

Стряхнем же с себя эти обстоятельства, все те жалкие препоны, которые чуть было не унизили нашу дружбу, эту святую и возвышенную дружбу. Неужели же мы будем рабами обстоятельств, мы, призванные жить в абсолюте? Не будем поминать прошлого, не будем больше говорить о нем. Пусть наши отношения обновятся, пусть они считаются лишь с сегодняшнего дня, пусть они будут лишь выражением наших нынешних чувств. Но во имя нового убьем все прошлое: оно вредно, ибо в нем заключается больше зла, чем добра. Я убил его в своей душе вместе со своим эгоизмом. Я теперь уже не так требователен, как некогда. Я требую и беру только то, что мне дают. Дайте же мне все то, что вы захотите, все то, что вы сможете,—и даже при таком условии вы окажете мне благодеяние, ибо мне нужна ваша дружба — так давно уже я совершенно одинок.

Вот почему я не стану говорить вам о прошлом, и вы также мне о нем не говорите. Оно возбуждает слишком жгучие воспоминания. Тогда я жил еще для себя, я слишком много думал о своем личном я. Это меня ограничивало, это чуть меня не задушило. Так вот ныне я вполне освободился от этого.

---

* Это слово по-русски в оригинале. «Ивановское»—имение Дьяковых.

Вы говорите мне еще о моей холодности к нашим подругам *. Дорогие мои, вы не рассердитесь, если я вам скажу, что вы меня не понимаете и никогда не поймете. Одно время это меня мучило. Еще сегодня при чтении ваших писем я почувствовал в себе следы этой слабости **. Но я примирился с этим. Я не стану оправдываться. Вообще это для меня и невозможно, всякое оправдание нагоняет на меня апатию.

Вы советуете им поехать в Шашкино. До сих пор это для них невозможно. Если моя дружба что-нибудь значит для их счастья, то они будут счастливы, ибо верьте мне, мои дорогие друзья, я питаю теперь к ним дружбу более горячую и истинную, чем когда-либо.

Я вижу, что наговорил больше, чем хотел. Но я не в состоянии был бы написать другое письмо. Настоящее служит, по крайней мере, выражением той путаницы и противоречий, которые иногда овладевают мною.

Прощайте, мои дорогие друзья.

Ваш брат

М. Бакунин.

Завтра напишу Павлу.

Перевод с французского.

№ 174.—Письмо Александре Беер.

16 декабря 1836 года. Москва.

Получив мое первое письмо, Вы увидите, что Вы ошиблись, милая Александрина, Вы усмотрите в нем причину моего долгого молчания. С тех пор эта причина не повторялась и не повторится никогда, ручаюсь Вам в этом. Безотрадное настроение обрушилось на меня как болезнь, от которой я сам радикально излечился. Вы приняли мою дружбу так же чистосердечно и широко, как я Вам ее предлагал. Поэтому я пишу Вам без всякого опасе-

---

* Беер.

** Я усмотрел в этом заднюю мысль, которая... [дальше неразборчивая строка]... Прямухина. *(Примечание Бакунина).*

ния. Нет, Александрина, Вы не должны, Вы не вправе отделяться от нас всех. Любви Вы не найдете в этом мире, но Вы найдете ее в вечности: порукою в этом является Ваше страдание. Но дружба должна существовать для Вас. Она существует в нас всех, в моем сердце. На каком же основании Вы бы не захотели ее принять? Ни на каком. Вы не вправе это сделать, снова повторяю Вам.

Существуют две жизни, Александрина, или скорее две формы жизни, обе составляющие порождение абсолютной жизни, которые создают счастье человека. Первая развивается в человеке как потребность личной любви, она зависит от обстоятельств этого конечного мира, она необходима в вечности, но не в одной из ее частей. Существует другая жизнь, жизнь внутренняя, жизнь в абсолютном: это — бесконечное счастье в конечном страдании. Отрицать эту жизнь значит отрицать свои права на будущее, свое право на человеческость? И вот на этой второй жизни, милая Александрина, будет основана наша дружба. Она не кончится, ибо абсолютное не кончается никогда.

Не бойтесь за Наталию. Если в ней действительно имеется эта ревность, мы должны ее вырвать, как недостойную ее. Вы должны остаться в Прямухине. Константин * уезжает в Шашкино. Это — превосходный юноша. Не бойтесь за него. Я узнал здесь кое-что, касающееся присутствия вашей матушки и Алексея ** в Москве. Они составляли несколько планов вашего обращения и вашего удаления из Прямухина. И отъезд вашей матушки в Шашкино это — дело рук Алексея. Но я расстрою их планы. У меня самого есть превосходные планы на будущее. Поклянитесь мне только в слепой вере и повиновении.

Мои претензии велики, не правда ли? Но серьезно, милый друг, вы обе должны оказать мне полное доверие, ибо я чувствую, что я могу много для вас сделать.

Вы пишете мне обо мне и наверное рассердитесь, если я не скажу ничего о себе самом. Но что Вам сказать? Моя жизнь становится все более и более простою. Она отказалась от благ мира сего, как сказал бы правоверный. Отныне моя жизнь заключается только в науке. У меня своего рода отвращение ко

---

* Беер.
** Беер.

всякой внешней жизни. Моя внешняя жизнь должна быть выражением моей жизни в абсолюте, в науке.

Сегодня я переезжаю на новую квартиру и дня через два-три начинаю давать свои уроки: до 8 часов у меня, а с 8 до 10— у Станкевича: вот внешняя сторона. Наука — вот внутренняя сторона. Ее глубины, ее абстракции Вас не заинтересуют. На сегодня прощайте.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 175.—Письмо сестре Варваре.

[Середина декабря 1836 года. Москва.]

Дорогая Варинька, снова пишу тебе, чтобы поговорить о Беерах. Их мать посылает за ними. Ради бога не дайте им уехать. Константин расскажет тебе про все те махинации, которые я не называю адскими лишь потому, что они слишком глупы. Наши родители находятся сейчас в очень хорошем настроении, поговорите с ними напрямоту, нажмите особенно на Алексея *. Я думаю, что вы добьетесь успеха. Но если встретятся сильные препятствия, то ты, Варинька, возьми их с собою, мой дорогой друг, в Ивановское **. Если Николай *** действительно переменился, как ты говоришь, то он этому не воспротивится; если же этого не будет, то значит, никакой перемены в нем не произошло. Верь мне. Итак сделай все, чтобы удержать их. Я тороплюсь, Константин сейчас уезжает.

Посылаю для потехи стихи пр. Мих. Бакунина ****.

Твой друг

М. Бак[унин].

Завтра напишу родителям.

---

* Беер.

** Это слово по-русски в оригинале.

*** Дьяков.

**** Эта фраза по-русски в оригинале. Написана весьма неразборчиво. Слово, которое мы прочли как «стихи», может быть прочитано и как «стаж».

Перевод с французского.

№ 176.—Письмо сестре Варваре.

22 декабря 1836 года. Москва.

Дорогая Варинька!

Итак в Прямухине восстановлен мир. Вы вернулись к своим занятиям. Но прибытие Константина *, как я думаю, внесло расстройство. Как настроены родители? Я думаю, что при нынешних обстоятельствах Любаша могла бы иметь на них более влияния, чем когда бы то ни было. И я уверен, что она пустит в ход все свое умение, чтобы преуспеть. Ни за что на свете нельзя позволить им ** уехать. Все эти глупости, все эти мерзости со стороны мадам ***, все мелкие и крупные проявления мести со стороны Алексея, все эти пересуды пошлого общества, которое г-жа Беер поспешила посвятить во все эти обстоятельства, а затем эта слабость внутренней жизни и веры в самих барышнях,—все это ведь ужасно! Я понимаю, что рано или поздно это должно толкнуть их на все крайности. Вот почему я и решил посвятить все свои силы на то, чтобы удержать их от этого.

Как же этого добиться, скажете вы мне.—Первое средство заключается в том, чтобы они оставались в Прямухине. Думаю, что при нынешних обстоятельствах вы сумеете убедить наших родителей не допустить отъезда наших подруг. Особенно должна постараться Любинька, которая, по ее словам, теперь всемогуща. Второе средство заключается в том, чтобы взять их с собою в Ивановское, если ты решила туда поехать. Но если все это не удастся, тогда имеется третье и последнее средство: это — оставить их в Москве, где они могут жить вместе с Константином. На первый взгляд этот проект покажется тебе нелепым. Но это потому, что ты еще к нему не привыкла. Ты свыклась с мыслью о монастыре, и ты не была удивлена их фантастическим планом пострижения в монахини. Здесь все дело в привычке, и эту-то привычку и необходимо разрушить окончательно для того, чтобы новые ростки истинной религии могли свободно

* Беер.
** Сестрам Беер в Шашкино.
*** Мать Беров.

развиться в ваших сердцах. Ты хорошо знаешь, что привычка есть величайший враг истины, ибо с помощью повторения она заставляет нас признавать верными самые нелепые вещи. А что может быть нелепее монастыря? Что может быть нелепее ожидания внутреннего переворота в результате внешних перемен? Что может быть омерзительнее этого рабства, добровольного в первый момент и недобровольногоо во все остальные годы жизни? Человек есть человек лишь тогда, когда он свободен в своих личных действиях. Раз эта свобода утрачена, то вместе с нею утрачена и человечность. А между тем мысль о монастыре вас не задевает. Неужели же мысль о совместной жизни с Константином в Москве может вас задеть? Почему же? Вы скажете, что неприлично двум барышням жить в большом городе вместе с своим братом, более молодым, чем они сами. Но для кого это может быть неприлично? Вы скажете мне, быть может: «что скажет свет?» Но во-первых позвольте мне задать вам один вопрос: может ли мнение света сделать что-нибудь для вашего счастья? Нет, ответите вы мне. Но почему же оно может сделать что-либо для вашего несчастья? Нужно раз навсегда освободиться от этого гнусного общественного мнения. Как! мы признаем, что оно основано на низости, на мерзости, и, несмотря на это, мы будем стараться приспособляться к его законам? А мы еще жалуемся на нашу слабость, на наше бессилие в своей внутренней жизни! Но могут ли существовать сила и твердость, раз их подчиняют общественному мнению? Сознание собственного достоинства — вот их истинный источник. Раз последнее чисто и сильно, тогда, поверьте мне, нет ничего невозможного, тогда жизнь перестает быть жалкою, она становится всемогущею, вечною, бесконечною. Вдобавок разве это общественное мнение уже не обрушилось на наших подруг, и может ли оно прибавить сюда еще что-нибудь?

Ты станешь говорить мне о матери. Но прежде всего ты хорошо знаешь, при каких условиях я признаю святость материнского имени. Присущи ли эти условия мадам [Беер]? Вдобавок, если бы она была еще одна, тогда дочери могли бы еще поладить с нею. Но теперь, когда она объединилась с Алексеем *? Нет, мой дорогой друг, позволить им уехать было бы просто-напросто преступлением. Я сознаю, что ад, подоб-

* Старший брат Бееров.

ный тому, какой ждет их там, может толкнуть их на отчаянные поступки, и, снова повторяю тебе, я решился всеми силами воспротивиться их переезду в Шашкино. Переговори с Константином, милый друг, это — благородный юноша.

Что сказать тебе бы обо мне самом? Я печален, но покоен. Я считал себя более сильным, чем в действительности, более чистым от всех мелких слабостей, унижающих человека, а нашел в себе много таких слабостей — самолюбие, даже эгоизм. Этот анализ сильно меня опечалил, но вывел меня из состояния апатии, в которое повергли меня все эти дурные чувства. Нужно прежде всего очистить себя, чтобы получить возможность что-либо сделать. Я это глубоко чувствую. Однако я спокоен, ибо уверен в том, что смогу этого добиться, уверен в том, что этого добьюсь. Со времени моего переезда в Москву до настоящего времени я стал нечувствителен для внешних впечатлений. Во мне происходила какая-то внутренняя работа. Я анализировал себя, и этот анализ поверг меня в уныние. Это уныние прошло. Я снова чувствую в себе силы к труду. Я целиком переделаю себя. Для меня существует один только способ добиться этого, один только путь к спасению: это — совершенно убить свое личное я, убить все, что составляет его жизнь, его упования и его личные верования. Нужно жить и дышать только для абсолюта, посредством абсолюта; необходимо, чтобы всякий момент моей жизни был моментом абсолюта, а не моего личного я. Для меня существует счастье, но оно возможно лишь при полном забвении самого себя, при полном самоотречении. Основа всего это — чистота источника всякой деятельности; вот та цель, к которой я хочу и должен стремиться, и я ее достигну, в этом я не сомневаюсь.

Теперь я кончаю свое письмо. Я хочу осмотреть свою новую квартиру.

Завтра я напишу тебе еще и пришлю письмо Ст[анкевича] для Л[юбаши].

Прощай, мой добрый друг, целую тебя тысячу раз, поцелуй за меня маленького Александра * и сестер.

Твой брат и друг

М. Бакунин.

---

* Сын Варвары.

Перевод с французского.

№ 177. — Письмо сестрам Беер.

(26 декабря 1836 года. Москва.)

Дорогие друзья!

Нет, вы не уедете в Шашкино. Эта болезнь — дьявольская выдумка, и если вам нельзя будет остаться в Прямухине, тогда вы приедете в Москву, где останетесь до тех пор, пока Варинька не переедет в Ивановское *. Милые друзья, думать о Шашкине это значит оскорблять нас. Вы, наши действительные друзья, вы не вправе это сделать, а я вправе воспротивиться этому всеми силами, и я это сделаю. Пока я жив, вы не увидите больше Шашкина. Чтобы я позволил вам одним отправиться в это гнездо злобы и глупости, чтобы я предоставил вас в жертву сумасшедшей и злой матери и скоту-братцу! Ни за что на свете.

А вы говорите еще об оскорблениях и преследованиях, которым я могу подвергнуться! Милые друзья, но вы, значит, совершенно меня не знаете. Вы, значит, не понимаете, что я испытывал бы жгучую боль, если бы видел, что вы страдаете, что вы служите мишенью для всех этих гнусных преследований, и должен был стоять со скрещенными руками, ничего не делая. Во имя всего святого, этого не будет. Вы не захотите отплатить мне черною неблагодарностью. Я не дам связать себя по рукам и ногам. Мои милые друзья, никакого примирения с Алексеем **, я этого требую от вас. Это — единственное условие, при котором я согласен оставить его в покое; в противном случае он услышит обо мне. Я пишу своему отцу, ибо нужно употребить все мягкие средства для достижения нашей цели. Если они не удадутся, я пущу в ход все крайние средства и наплюю на всю эту рассудительную, патриархальную, эгоистическую мудрость. Я вовсе не стою за мир во что бы то ни стало. Если я могу сохранить его только ценою отступничества от моих верований, я его не хочу. Тогда лучше война. А затем жизнь

---

* Слово «Ивановское» в оригинале по-русски.

** Беером.

создается не внешним, а внутренним. Действовать же против своих убеждений для меня равносильно нарушению моей внутренней жизни. А вы сами знаете, пойду ли я на это когда-либо. Верьте вполне Константину. Он этого достоин, он сильно вас любит, он хорошо понимает ваше положение, он будет для вас мощною опорою. Пишите мне поскорее, говорите все, не пропускайте ничего и помните, что вы имеете во мне преданного друга.

М. Бакунин.

Москва, 26 декабря 1836 года.

Неверов * прибыл сюда и шлет вам поклон.

Завтра я напишу Константину, Вариньке и моим родителям. Спешу отослать это письмо на почту.

Николай Владимирович просит Наталию Андреевну нарисовать портрет Любаши **. Хватит ли у вас на это времени?

Перевод с французского.

№ 178.—Письмо сестрам.

31 декабря 1836 года. Москва.

Милые сестры!

Напрасно вы осуждаете Станкевича. Его любовь это — настоящая любовь, это — любовь святая, возвышенная! Она ныне заполняет все его существование, она согрела и осветила всю его нравственную и умственную жизнь. Нужно послушать его! В нем говорит нечто священное, нечто сверхчеловеческое. Во время одной из наших бесед он сказал мне, что тот, кто любит, гораздо лучше того, кто не любит. И я поверил ему, ибо он произнес эти слова с таким святым и возвышенным убеждением и с такою простотою! Эта любовь делает его совершенно счастливым. Он нашел в ней личное выражение своей внутренней жизни во-вне.

---

* Слово «Неверов» по-русски в оригинале.

** Эта фраза по-русски в оригинале. «Николай Владимирович» — это Станкевич, а «Наталия Андреевна» — это Н. А. Беер.

Истинная любовь возвышает личную жизнь человека до абсолютной жизни. Я знал это в теории, теперь я вижу это на практике. Но если он не писал, то совершенно по другой причине. Он ждал своего отца и занят был подведением счетов по значительной сумме, которую отец ему передал. Занятие, как видите, чрезвычайно прозаическое и отнимавшее все его время. Немудрено, что им овладела некоторая сухость, а писать в таком настроении было бы профанациею его любви. Это значило писать как бы из чувства долга. Но вот сейчас Станкевич прислал мне свое письмо к тебе, моя милая Любаша, и оно лучше будет говорить в его защиту, чем все мои слова.

Отец его приехал. Не говорите об этом нашим родителям, прежде чем я вам не напишу. Они не должны знать, что все уже решено. Николай ничего еще не сказал отцу и хочет дать ему несколько дней отдыха после поездки. Все разрешится полюбовно и скоро. Поэтому не волнуйтесь слишком и будьте спокойны [1].

Сообщите мне что-нибудь о братьях, особенно о брате Николае. Изменились ли действительно намерения относительно первых? А что поделывает Илья?

Александрина больна *. Успокойся, мой милый друг. Фатализм — абсурд, воля человека, воля нравственная и умственная это — все. Именно она своею мощною силою вырывает его из животного состояния и со ступеньки на ступеньку, из одного мира в другой ведет его к вечности и творит внешний мир, достойный ее. Все будет хорошо, Александрина. Работайте, старайтесь все больше сливаться с абсолютным, очищать себя вечною любовью, и Вы сами создадите свое счастье, и это будет счастьем вечным и возвышенным, ибо оно не будет куплено ценою Вашего женского достоинства. Напротив, последнее будет лежать в его основе. Александрина, если личная любовь для Вас еще не существует, то это потому, что для нее еще не наступило время. Провидение готовит Вас к более великой любви, чем та, какую можно испытать здесь и в Ваших обстоятельствах. Возьмите же на себя этот крест и смотрите на него как на залог ожидающего Вас счастья.

---

* Понимать нужно так, что здесь Бакунин повторяет сообщение, сделанное ему сестрами о болезни Александры Беер в Прямухине. Дальше следует уже обращение к Александрине и даже к обеим сестрам Беер.

Мои дорогие друзья, если невозможно совсем остаться в Прямухине на всю зиму, то приезжайте сюда. Я буду служить вам всеми силами. Вы в этом не сомневаетесь, не правда ли? А ваше присутствие будет для меня большим благодеянием. Вы говорите мне о моей грусти, мои дорогие друзья. Но разве она не естественна? Побывать с вами, хорошо понять вас, а затем быть вынужденным расстаться с вами, да еще на такое долгое время,— разве моя грусть не является естественною? Вы должны были бы скорее удивляться, если бы я мог не быть грустным. Но эта грусть для меня составляет счастье. Я счастлив, я — человек, когда я печален. Это уже — не упадок духа. Я спокоен и силен. Моя будущность прекрасна, и я не променяю ее ни на какую другую. Жить для себя только в абсолютном — вот ее условие, вот мой девиз, и я останусь ему верен и ничего другого не прошу.

Прощайте, мои дорогие друзья.

Целую вас.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 179.—Письмо сестрам.

4 января 1837 года. [Москва].

Дорогие сестры!

Друзья наши * прибыли сюда. Я узнал об этом только после обеда. Об этом сообщил мне пришедший ко мне Константин **. Их же я видел только в течение нескольких минут. Завтра я с ними поговорю и выскажу им все, что должен им сказать. Они немного бунтуют, говорят о своей поездке в Шашкино, но этого не будет, или же я не буду я, чтобы допустить их пойти бить челом их матушке и брату! О, ни за что на свете! Кстати, узнав, что Беер *** остановился в Москве у Ржевского, я отправился туда, но к сожалению его не застал: он уже уехал

* Сестры А. и Н. Беер.

** Беер.

*** Алексей.

в Шашкино. Но я увижу его по возвращении. Не бойтесь, я не стану с ним ссориться, но поговорю с ним очень мягко. Что касается наших подруг, то они нескоро поедут в Шашкино,— в этом я вам ручаюсь.

Станкевич получил письмо от Любаши. Он, как и полагается, был в восторге. Завтра он будет говорить со своим отцом. Не пугайся, дорогая Любаша, все идет хорошо и пойдет еще лучше. Думаю, что скоро вы в этом убедитесь. Он сказал мне, что доведет дело до конца по возможности скорее и отправится в Прямухино. Вы снова возьметесь за свое чтение, за Шиллера, Гёте и проч., и проч.,—разные супы будете кушать. В самом деле, Любаша, ты будешь истинно счастлива. Ты и теперь должна быть счастлива *. Связующая вас любовь священна. Она освятит всю твою жизнь, а твои прежние страдания послужат лишь к увеличению твоего счастья. Завтра он пошлет мне письмо для тебя, и я приложу его к этому моему письму.

А ты, милая Варинька, что поделываешь? У меня не было времени расспросить Беера **: я пошел смотреть «Фрейшюца» ***.

Что касается меня, то я здоров, работаю как тысяча чертей и настроен наилучшим образом.

Прощайте, мои добрые друзья! Не говорите ни слова нашим родителям раньше, чем дело не будет доведено до конца.

Ефремов **** поручил мне тысячу раз благодарить тебя, милая Любаша, но я сказал ему, что это займет слишком много места на бумаге.

Белинский вам кланяется.

Ваш брат

М. Бакунин.

* От слов «разные супы» до «быть счастлива» по-русски в оригинале.
** Константина.
*** «Вольный стрелок», опера Карла Вебера.
**** Слово «Ефремов» по-русски в оригинале.

Перевод с французского.

№ 180.—Письмо сестрам.

[Январь 1837 года. Москва.]

Мои дорогие друзья!

Я прочел ваши письма к нашим подругам и м-ль Аннет Ржевской *. Вы беспокоитесь относительно участи Станкевича и Любаши. Меня это удивляет. Разве я не писал родителям, что все идет хорошо, но что некоторые формальности и дальность проживания дяди **, находящегося в Воронежской губернии, требуют еще некоторого времени? Поверьте, мои дорогие друзья, все будет хорошо. Вы скоро увидите Николая в Прямухине, и ты будешь счастлива, моя Любаша. Вы созданы друг для друга, ему нужна подруга вроде тебя, он нуждается для отдохновения в душе чистой, пылкой и верующей. Теперь он живет только тобою, он никогда не расстается с твоим портретом, который является его ангелом-хранителем, удваивающим его силы и опоэтизирующим все его мгновенья. Его душа, Любаша, представляет сокровище, и это сокровище принадлежит тебе целиком. Вы будете вдохновлять друг друга, вам предстоит прекрасное будущее.

А я также буду счастлив. Мое счастье отлично от вашего. Большая доля его заключена во мне, у него нет внешнего выражения и внешней жизни, но я ни в чем не нуждаюсь, я довлею сам себе. Ты говоришь, моя дорогая Александрина, что ты боишься спрашивать у моих друзей *** обо мне. Откуда же эта боязнь, дорогой друг? Боишься ли ты узнать что-нибудь нехорошее на мой счет, боишься ли найти меня недостойным меня самого, того представления, которое вы себе составили обо мне? Если я недостоин этого представления, если я ему не отвечаю, то виноваты в этом вы, мои дорогие друзья. Зачем перескакивать от одной крайности к другой, от неверного, неблагоприятного мнения к слишком уже высокому мнению? Я полагаю, что если бы вам удалось наконец меня понять таким, каков я есть, со всеми недостатками и хорошими сторонами, то вы стали бы меня любить искренно и без иллюзий. С одной стороны, вы не стали бы меня обожествлять, а с другой — не стали бы меня так часто

* Анна Константиновна Ржевская, двоюродная сестра Беров.

** Николай Иванович Станкевич.

*** Сестер Беер.

обвинять. Я — вовсе не идеальный и безгрешный человек. Напротив, у меня много очень серьезных недостатков, но во мне есть и хорошие стороны. Поистине я не заслуживаю презрения, которое вы повидимому иногда ко мне питаете. Вы скажете, что вы его никогда мне открыто не выражали. Что поделаешь, мои дорогие друзья, у меня свои понятия о людях. Я сам стал бы презирать человека с такими недостатками, которые вы порою мне приписывали.

Итак я счастлив, говорю я вам, я спокоен, я ясно вижу мое будущее, я ощущаю в себе достаточно сил и мощи, чтобы не требовать от жизни того, чего она не может и не должна мне дать. Я отделался от многих иллюзий и призраков, которые связывали мое движение вперед. Отныне мой путь свободен, ничто не сможет меня остановить, и, верьте мне, у меня будут еще минуты величайшего счастья, которым позавидовали бы блаженные мира сего, если бы они в состоянии были их понять. У меня бывает много горьких, иногда печальных минут, но эти мгновения только напоминают мне о том, что я должен сделать и сколько я должен еще сделать. Я тогда не падаю духом, я прибегаю к своей религии, обладающей огромною силою утешения, любви и будущности. Я был одинок до приезда наших друзей, но теперь, когда они здесь, я уже одиноким не буду. Я им не говорю о себе, но разве нужно говорить о себе, чтобы быть понятым? Не знаю, что вы мне ответите на мои письма, но что бы ни случилось, будьте всегда уверены, что во мне, несмотря на все видимости, вы имеете преданного брата и друга.

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка, сделанная другой рукой.)

Люди, которым написано это письмо, его не стоят.

Совесть Алекс[ея?] должна быть теперь спокойна. Я взял на себя смелость отомстить Аннете тем же мучением, которое она не раз причиняла ему.

Перевод с французского.

№ 181.—Письмо сестрам.

[Начало января 1837 года. Москва.]

Милые друзья!

Итак вы снова успокоились. Александр чувствует себя хорошо. Провидение сохранит его для Вариньки, в этом я не

сомневаюсь: таково мое предчувствие. Я знаю, что предчувствие есть предрассудок, но мое предчувствие так сильно, что превратилось в глубокое убеждение. Александр должен осуществить в своей жизни все то, действительность чего сделает ее самоё счастливою. Вы понимаете, что можно быть счастливым чужим счастьем. Вы довольно часто говорили, что не требуете осуществления всего того, что имеется прекрасного и высокого в нравственном мире, но что вера в возможность любви и дружбы необходима для вашего счастья. Так вот, видеть все это в сыне, в части собственного существа, разве это не есть истинное счастье, даже личное счастье? Итак, она будет счастлива, в этом я не сомневаюсь. И чем более ее счастье будет человеческим в абсолютном смысле этого слова, тем более оно будет великим.

Я понимаю твои сомнения, твои опасения, моя добрая Таничка, но не могу удержаться от того, чтобы не сказать тебе, что они ложны и неосновательны. Иисус Христос велик и возможен только как истинный человек; как бог он нелеп и смешон. Он родился человеком, как мы; мы должны стать богом, как он. Он это так часто сам повторял. Ты говоришь, что человек, окруженный такими обстоятельствами, какими он был окружен, не мог бы сделать того, что он сделал. Но какую идею ты составила себе о человеке, считаешь ли ты идеалом только существо с двумя ногами и двумя руками? Разве слабый человек — человек? В нем есть всё для того, чтобы сделаться человеком, но он таковым еще не является. Есть только один истинный человек: это — бог, это — интеллект, дух, отделенный от материи. В Иисусе Христе говорил бог, это несомненно; но он говорил в пространстве и во времени; он должен был приспособляться к нравам страны, в которой родился, он говорил не на общечеловеческом, а на еврейском языке: в еврейском же языке не существовало терминов для выражения идей, еще не развившихся в еврейском народе. Христианство содержало в себе все элементы настоящего и будущего развития, но оно еще не было этим развитием. Если бы оно было таковым, зачем же нужно было бы это развитие? Жолудь содержит в себе все элементы дуба, но он еще не дуб. А затем, если тебя пугает идея человека, то это доказывает, что ты еще не освободилась от идеи относительного человека. Его нужно понять в абсолюте, и тогда ты увидишь, что сам бог есть совершенный человек, и что следовательно нет ничего выше человека. Иисус Христос начал с чело-

веко-животного и кончил человеко-богом, каким все мы должны быть. А иначе что означали бы его страдания и его молитвы? Если он был бог, то он, следовательно, имел в себе сознание абсолюта, а при сознании вечного абсолюта что означают эти страдания и эти молитвы? К кому он обращал их? К самому себе? Но тогда это — комедия. К другому богу? Но тогда их есть два, а это — абсурд. Чем более Иисус Христос был человеком, тем более он был велик. Бог говорил в нем по преимуществу.

Ну, пока остановимся на этом. Нужно отослать письмо на почту. Ты предлагаешь мне свою дружбу, милая Любаша, и боишься, чтобы я ее не отклонил. Но разве я безумен, чтобы сделать это? Разве я не знаю тебя достаточно для того, чтобы быть уверенным в том, что ты глубоко интересуешься всем, до меня касающимся? Будь же моею другинею *, мой милый друг. Жизнь прекрасна, ее нужно только понять. Ты будешь счастлива, я в этом не сомневаюсь. Стан[кевич] ждет твоего ответа.

Прощайте, мои милые друзья.

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 182.—Письмо сестре Варваре.

(10 января 1837 года).

Моя милая Варинька!

Я прочел твое письмо к нашим друзьям, и оно пробудило во мне угрызения совести. Как? я еще увеличиваю твои страдания, я, который так горячо, так глубоко тебя любит! Если так, то я отброшу ту сдержанность, соблюдать которую я до сих пор себя принуждал. Богу одному известно, что она стоила мне очень дорого, больше, чем вам самим. Вы, вы живете вчетвером, вы можете доставлять друг другу удовлетворение, я же один, совершенно один, ибо, отдалившись от вас, я удалился от всего света. У меня были чрезвычайно тяжелые минуты, мои милые

* Слово «другинею» в оригинале по-русски.

друзья. Я много перестрадал со времени моего отъезда из Прямухина. Сомнение отомстило за ту безграничную веру, которая владела мною в последнее время. Это не значит, чтобы я стал сомневаться в вечных истинах, нет, для меня это невозможно, и если иногда я их не чувствую так сильно, как хотел бы, то логическая очевидность всегда берет свое. Но это — сомнение во внешнем мире, это — сомнение во всех моих отношениях, в особенности в моих отношениях с вами. Они приняли характер, который я считал невозможным, форму слишком мелочную, слишком жалкую, слишком ограниченную. Бесконечное не живет в узком, а нужно признаться, что наша дружба приняла форму слишком узкую. В этом виноваты не вы, в этом виноват исключительно я. Я внес в нее слишком много эгоизма, я забыл, что всякое внешнее отношение должно быть лишь выражением внутренней жизни в абсолютном, а я положил его в основу моей личной жизни, моего личного счастья. Это было ложно, это было противно моей натуре, это меня умаляло,— и вот источник всего того апатичного страдания, которое овладело мною в Прямухине и которое мне было так трудно стряхнуть с себя здесь в Москве. И удалось мне этого добиться только с помощью сосредоточения, с помощью внутренней сдержки.

Варинька, я неоднократно тебе повторял, что я могу существовать только в двух различных положениях: или в условиях дружбы, как я ее понимаю, неограниченной, независимой от всех возможных обстоятельств, сильной собственною силою, или же в условиях полного одиночества, абсолютной, а не личной внешней жизни. Золотая середина меня давит, она мне претит, и воспоминание о последних месяцах, проведенных мною в Прямухине, ввергло меня в апатию. Вернуться в Прямухино для меня невозможно. Какой-то трепет, какой-то смутный ужас охватывают меня при одной этой мысли. Я был там так ничтожен, так недостоин самого себя. То, что я так глубоко чувствовал вначале, превратилось в пустую фразу к концу. И это было тягостное настроение, кошмар, душивший меня ежеминутно.

Теперь я пришел в себя, снова чувствую, снова глубоко люблю. В чем же причина этого? В том, что я стал самим собою, что я снова и лучше, чем когда-либо, понял, что я не должен ничего искать для себя вне самого себя, что я должен совершенно растворить свою личность в абсолютном. Дорогие мои друзья, у меня огненная натура, мои чувства кипучи. Это

значит, что только абсолютная жизнь может дать мне счастье и спасти мое достоинство, ибо, выйдя из нее, я способен на всякое преступление. Я страстен, эгоистичен, ревнив, во мне нет, наконец, всех тех качеств, которые делают других способными к общественной жизни. Я могу быть счастливым только в одиночестве. О, я способен на великие дела, я это чувствую, но для этого я должен забыть о себе самом, ибо в противном случае мой эгоизм убьет мою миссию.

Дорогие друзья, я высказал вам правду искренно и добросовестно. Подумайте об этом и отвечайте мне тем же.

Ваш брат

М. Бакунин.

Брат Николай здоров. Неверов * его видел.

10 января 1837 года. Москва.

Перевод с французского.

№ 183.—Письмо сестрам.

[Январь 1837 года. Москва.]

Я еще не получил ваших писем. Я прочитал те, которые вы написали Наталии и Александрине, и они требуют объяснений с моей стороны. Я не читал тех писем, которые они вам написали, я знаю только, что они были написаны сейчас же после получения письма Вариньки, раньше, чем я его прочитал. Таким образом я не имею никакого отношения к мыслям и выражениям, содержащимся в этих письмах. Говорю вам это потому, что из отдельных ваших слов я ясно усмотрел, что вы снова подозреваете меня в желании некоторым образом очернить вас в их глазах и поставить себя между ними и вами. Итак заявляю вам, положа руку на сердце, что никогда у меня не было этого намерения, что ни одно из моих слов не могло произвести такого действия, ибо я никогда не говорю, не сознавая того, что говорю. Вот все, что я могу вам сказать, так как если чистый и простой голос правды не может вас убедить, то я не могу прибегать к другим средствам, да у меня и нет других. Что касается

* Слово «Неверов» по-русски в оригинале.

того мнения, которое вы мне приписываете, на ваш счет, то вы странным образом ошибаетесь. Я всегда вас уважал и теперь еще уважаю вас больше всех женщин, каких я знаю. Если я считал вас в известном смысле способными вернуться к некоторым из ваших старых взглядов, то потому, что судил по собственному опыту. Я вспоминаю о борьбе, которую должен был выдержать с самим собою, перед тем как я окончательно стряхнул с себя все предрассудки, рабом которых я стал вследствие длительной привычки и традиции. Если этих доводов для вас недостаточно, то я прошу у вас прощения за то, что невольно вас оскорбил. Что же касается ваших отношений с Наталиею и Александриною, то я всегда остерегался, а теперь вдвойне буду остерегаться высказывать по этому поводу какие-либо суждения, чтобы не заслужить имеющейся у меня репутации отвратительного склочника.

Ваш брат

М. Бакунин.

Если я усомнился в вашей дружбе, не думайте, чтобы это было результатом плохого мнения о вас. Это не так. Никогда я не воображал себя недоступным вашему уму и вашему чувству. Напротив, вы хорошо знаете, что никогда я не сомневался в ваших душах, никогда не высказывал мнения о никчемности и невозможности нашей нравственной связи. Если я в чем-либо сомневался, так только в возможности такой дружбы, как я ее понимаю, в моей способности * к такой дружбе, какую вы хотели бы мне дать и которая, может быть, единственно осуществима. Варинька, я снова прошу у тебя прощения за все письма, которые я тебе писал. В твоих нынешних отношениях они могли тебя только оскорбить. И только несчастное увлечение могло мне помешать понять действительное положение.

(Дальше идет приписка, сделанная другою рукою.)

---

* В оригинале сказано «неспособности».

Перевод с французского.

№ 184.—Письмо сестрам.

[Первая половина января 1837 года. Москва.]

Дорогие сестры!

Мое последнее письмо должно было вас огорчить. Но ваши подозрения задели меня за живое. В тот момент я действительно думал, что вы считаете меня способным желать поссорить вас с нашими подругами. Но такой мысли вы не могли питать. Если она действительно пришла вам в голову, это тоже могло случиться лишь на короткое время. Вы написали мне свое письмо в такой именно момент, а я ответил вам в подобный же момент. Скажите же мне, неужели два момента нашей жизни смогут разлучить нас, если в течение всей остальной нашей жизни мы так сильно любим друг друга и иногда даже в достаточной мере понимаем друг друга? Нет, мои дорогие друзья, что касается меня, то я отказываю себе в удовольствии новой ссоры с вами. Такая ссора была хороша в прошлом году, когда мне приходилось завоевывать вашу дружбу, когда нужно было выяснить характер того чувства, которое мы друг к другу питали. Но теперь, когда все так хорошо понято, теперь, когда я больше не сомневаюсь в вашем расположении, а вы не можете больше сомневаться в моем, к чему приведут нас эти споры? К тому, чтобы помешать нам наслаждаться тем, что мы имеем, для того чтобы никогда не получить того, чем мы хотели бы обладать? Но ведь это — нелепость. Посему влагаю свой меч в ножны или, лучше сказать, не буду больше пользоваться своею эгидою даже для самозащиты против ваших нападок, ибо ваш меч работал довольно долго, я же никогда не обнажал своего.

Война хороша только как преддверие мира, как залог более гармонического и более высокого покоя, чем тот, который она нарушила. А та война, которую мы вздумали бы сейчас начать, сможет ли она когда-либо дать мне то высокое счастье, которое я испытал в начале моего пребывания в Прямухине? [1]. Нет, никогда, я это знаю, я это чувствую твердо. Такие эпохи являются единственными в жизни человека. Они не повторяются. Они

слишком чисты, слишком возвышенны, а человек слишком еще эгоистичен для того, чтоб они могли долго продолжаться. Эта эпоха составляет для меня оазис во всей моей прошлой жизни. Я был тогда так чист, так силен абсолютною любовью, я так верил в будущее нашей дружбы, которая, как я думал, должна стать еще более возвышенною и более святою. Но моя вера не оправдалась. Я был слишком эгоистичен. Поэтому вина ложится на меня. Я слишком полагался на эту дружбу, я сделал ее одним из краеугольных камней моего счастья, а вы отняли его у меня подозрениями, истерзавшими мою душу, и ваши подозрения ввергли ее в жестокую войну, в страшную бурю, ее, которая обрела покой, которая, казалось, сможет впредь дышать только в атмосфере абсолютной любви, в атмосфере священнейших отношений к людям. Ваши подозрения окорнали мою душу, которая стала было столь широкою. Но я вас за это не виню, мои дорогие друзья: вы не знали того, что делали, вы не знали, что вы у меня отнимали. Возможно, что все это было даже необходимо, чтобы окончательно оторвать меня от внешней личной жизни, чтобы разрушить последнюю связь, связывавшую меня с тем внешним миром, который я отрицаю и борьбу с которым считаю своим призванием.

Моя душа была в течение некоторого времени утомлена, принижена этою борьбою, она вышла из нее сплошь покрытая ранами, насквозь больная, ее выздоровление тянулось довольно долго, а ее раны все еще продолжают сочиться кровью. Они также затянутся, но рубцы останутся навсегда. Я снова стал сильнее, я снова обрел внутреннюю силу, веру и любовь к абсолюту, но во мне нет уже прежней могущественной и безграничной веры в мои внешние отношения. Я уже не в силах их создавать и делать их такими, как хочу. Я должен брать их такими, какими они мне представляются. И я должен признаться, что в своем действительном виде они меня не могут удовлетворить. Они уже не могут, как прежде, заменить для меня все внешнее счастье, в котором нуждается человек и которого он вправе требовать.

Дорогие мои друзья, я вас люблю. Вы в этом не сомневаетесь, вы не может в этом сомневаться. Я люблю вас больше всего, что я знаю в этом мире,— особенно тебя, Танюша, которую мое сердце избрало тогда как свое собственное эхо. Ты не сомневаешься в моем расположении. Нет, я питал к тебе не лю-

бовь, а именно ту дружбу, которую я считал возможною между нами, которую я и сейчас считаю единственно возможною, по крайней мере для меня, неспособного к какому-либо другому роду расположения кроме того, которое я питал к вам. Разве я не имел неограниченной веры в вас, разве это не было высшим блаженством, чистою, небесною радостью для меня, когда я мог целиком сливаться с вами душами, полностью отождествляться с вами? И вот вы лишили меня этой радости, вы сделали ее для меня невозможною. Говоря с вами сейчас, я держусь настороже, я боюсь плохо выразить свою мысль, боюсь, что вы неправильно истолкуете смысл моих слов. Для меня стало почти невозможным говорить с вами о себе самом. А раз такая опасность возникла, значит доверие исчезло. И вот почему я вас люблю, но не могу уже наслаждаться вашею дружбою. Однако, несмотря на все это, вы никогда не усомнитесь в моем расположении, не правда ли, мои дорогие друзья? Скажите мне это, такое заявление с вашей стороны для меня необходимо.

Напрасно, дорогие мои друзья, вы сомневаетесь в дружбе Наталии и Александрины. Они питают к вам горячее и искреннее чувство, а ваши сомнения породили в их душе сомнение относительно вашей дружбы. И это сомнение только усугубляет их страдания. Они теперь так одиноки, их внешняя жизнь настолько лишена поэзии, что им не остается ничего кроме внутренней жизни. Но что же может составить ее, если не ваша дружба, мои добрые сестры? Не будем же спорить о словах, эти споры не приведут ни к чему хорошему. Возьмем наши взаимоотношения такими, какие они есть, и будем наслаждаться ими в меру возможности.

Варинька, дорогой мой друг, ты должна серьезно подумать о здоровьи своего сына. Кажется, до сих пор он не может похвастать особенно здоровым сложением. Не было ли бы, пожалуй, полезнее, если бы ты переехала с ним в Москву? Не думаю, чтобы это стоило дорого. Да кроме того, что̀ значат расходы, когда дело идет о твоем сыне? Подумай об этом хорошенько и отвечай мне поскорее.

Итак прощайте, мои дорогие друзья. Дайте мне руку и помиримся. Ради бога, помиритесь с Наталиею и Александриною. Не говорите им больше, что они не питают к вам дружбы. Вы знаете, что это неправда. У них тоже есть сомнения, столь же

неосновательные. Но они так одиноки, и эти сомнения причиняют им столько страданий, поэтому помиритесь с ними и не ссорьтесь больше.

Прощайте.

Ваш брат
М. Бакунин *.

Друг Павел и вы, любезные братцы, все собираюсь вам писать, да как-то не удается. Но это вас не заставит сомневаться в моей дружбе. Вы знаете, что я всегда буду готов помочь во всем, от меня зависящем, — будьте только людьми, и тогда разойтиться нам сделается невозможным.

Друг и брат
М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 185.— Письмо сестрам.

[Середина января 1837 года. Москва.]

Мои дорогие друзья, по крайней мере вы не станете больше обвинять меня в лености, ибо со времени письма Вариньки не проходит дня, чтобы я вам не писал. Вчера еще я написал письмо у Беер, которые сегодня отошлют его на почту, и вот я снова берусь за перо, чтобы вам написать. Но сейчас дело идет не обо мне и не о жалких недоразумениях, которые возникли между вами и о которых я говорю без всякой охоты. Речь идет об истине, о вашем счастье, о ваших правах на абсолютную жизнь. Эта тема никогда мне не надоест. Я всегда буду живо реагировать на нее, всегда буду готов выступить против всякой вещи и всякого лица, которые смогут помешать осуществлению возвышенного царства истины.

Покидая Прямухино, я думал, что моя миссия по отношению к вам почти закончена, что отныне, живя истинною жизнью,

---

* Дальше идет приписка по-русски.

жизнью возвышенных наслаждений, объединенные вчетвером своею дружбою, вы больше во мне не нуждаетесь. Я не стану вам говорить обо всем том, что заставило меня усомниться — не в правдивости ваших слов, когда вы говорили, что сохраняете ко мне дружбу, давшую мне несколько мгновений столь великого счастья, но я думал, что вы сами еще не понимаете того чувства, какое ко мне питаете. У меня есть свои понятия о дружбе. Я был убежден и счастлив вашею дружбою, пока считал ее отвечавшею этим понятиям. Но последние дни, проведенные в Прямухине, показали мне ее в другом свете. Я уже не спрашивал ничего и ясно видел, что это — не то, что представлялось мне вначале. Я несколько страдал от этого, но в конце концов примирился. Единственая вещь, которая все больше и больше становилась для меня тяжкою и невозможною, это — переписка с вами. Мне нечего было вам сказать, а между тем я не должен был этого вам показать. Но теперь дело радикально изменилось. Я собираюсь говорить с вами не о себе, а о моей религии, о вас, о вашем счастьи.

Я убежден и высшими законами абсолютного разума, и пылкостью моего чувства, и силою и счастьем, которые мне дает моя религия, что она есть единственно истинная, единственно способная сочетать счастье человека с его достоинством, с его призванием, и я вижу, что вы мало-по-малу возвращаетесь к старым взглядам, этим чудовищным порождениям бессмысленной и почти животной традиции. Основу, центр моей религии составляет абсолютная любовь, эта творческая сила, объединяющая людей в одно существо, поднимающееся со ступени на ступень к своему абсолютному идеалу. Разве эта любовь, составляющая личную жизнь человека, не придает ему огромной силы, большого счастья, не ставит его выше всех обстоятельств, не связывает его неразрывною цепью симпатии со всем, что существует, страдает и наслаждается, не наполняет его душу высоким и мощным покоем, не дает ему мужество пренебрегать всеми опасностями, быть счастливым в несчастьи, довольным в страдании, не превращает ли оно страдание в рай? А что такое религия наших отцов? Набор предрассудков, угашающих последние остатки любви. Но зачем мне делать это сравнение? Разве вам не приходится делать его самим и во всякую минуту? Нет, мои дорогие друзья, не будьте слабы, не позволяйте запугивать себя фразами.

Прощайте. Мне нужно пойти устроить одно дело, а Ефремов, посылающий вам привет, ждет меня.

Ваш брат
М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 186.—Письмо сестрам Любови и Варваре.

(19 января 1837 года. Москва.)

(Без начала.)

... страдание. Я хотел мира в Прямухине, я очень живо желал его, но не такою ценою. Вот почему я решительно заявляю о своем непризнании нового порядка вещей, который начинает у вас устанавливаться. Правоверие берет верх. Дорогая Любинька, ты должна быть этим довольна, твое пророчество исполняется, а мое оказывается ложным. Но, верьте мне, не из чувства самолюбия я отказываюсь приобщиться к вашим новым стремлениям, нет, а из любви к истине, в силу убеждения. Вот почему я не сделаю никаких уступок новым обстоятельствам, я буду продолжать жить и действовать по своим прежним убеждениям. Вам они кажутся холодными, доставляющими слишком мало удовлетворения, мне же они дают блаженство и жизнь. И что осталось бы у меня, если бы я от них отрекся? Любовь родителей? Но я совершенно в нее не верю. Ваша дружба? Но я понимаю ее возможность и не чувствую ее реализации. У меня свои мысли насчет родительской любви и насчет дружбы, и то, что существует сейчас, ни в какой мере им не соответствует. И если бы я даже нашел их такими, как я хочу, такими, как я их понимаю, такими, как я их чувствую, я не захотел бы пользоваться ими ценою моих убеждений. Для меня не существует достоинства без убеждений, а без чувства собственного достоинства никакое счастье для меня не возможно. Если я когда-либо всерьез понадоблюсь родителям, я всегда поспешу к ним на помощь, чтобы дать им все, что будет в моей власти, все кроме моих убеждений и средств к их осуществлению во внешнем мире. Что же касается моей любви, то я не могу ее им дать. У меня свои понятия о любви, а они были слишком глубоко оскорблены их

недостойными приемами (простите мне это выражение), для того чтобы я мог им ее дать. Моя любовь не есть в е щ ь, которою я могу располагать по произволу: моя любовь это — моя жизнь, а жизнь моя принадлежит абсолюту.

Тебя, Варинька, я жалею. Я знаю, что ты никогда не захочешь расстаться с Николаем, я знаю, что ты всегда будешь считать своим величайшим долгом пожертвовать для него всею твоею жизнью. Когда я узнал, что твоему сыну угрожает опасность, я предвидел этот результат, я ждал этой реакции, и я страдал от нее. Я знаю, что ты снова веришь в возможность изменить своего мужа, и я знаю также, что ты ошибаешься и что воспитание твоего сына от этого пострадает. Но я больше ничего на эту тему не скажу. Быть может, природа одарила его достаточными силами для нормального развития, несмотря на все злополучные препоны, на все ожидающие его унижения и на бич родительского деспотизма. Одно только я скажу, Варинька, если твое решение твердо, если ты решила впредь не сходить с нового пути, на который ты вступила, будь по крайней мере последовательна, перестань себе противоречить. Окружи мужа всем уважением, на какое он имеет право, не позволяй себе говорить о нем с кем бы то ни было — ведь я не говорю с тобою о Танюше и о других сестрах; для тебя это было бы, пожалуй, невозможно,— внуши то же уважение к нему своему сыну: это послужит к его воспитанию, к его развитию. И если из него действительно что-нибудь выйдет, то он увидит, что ты его обманула, произойдет борьба между твоим сыном и твоим мужем, один захочет пустить в ход свои родительские права, а другой будет отстаивать свою свободу, и я не сомневаюсь в том, что победит последний, и ты не будешь пользоваться половиною его любви, на какую ты вправе претендовать, но твоя жертва будет по крайней мере полною, и к муке быть обманутою не присоединится другая — сознание, что ты не действовала последовательно и добросовестно. Во всяком случае у тебя будет то утешение, что ты действовала с самоотречением, ибо я знаю, Варинька, что ты сделаешь это не по эгоизму, ты будешь обманута вследствие ложного понимания долга.

Варинька, новизна ваших взглядов вас поразила, вас ошеломила на некоторое время. Но так как они оказывают животворящее действие лишь в непрерывном движении к цели и так как вы сделали на новом пути лишь немного шагов, то они внесли в вашу душу смерть, и вы возвращаетесь к старым взглядам, ко-

торые если не дают жизни, то дают по крайней мере призрак жизни во всех обстоятельствах и без всяких нравственных усилий. Наступит время, когда вы признаете правоту моих слов, но много времени будет потеряно, и пропущенный момент никогда уже не воротится. Что касается меня, мои дорогие друзья, то я верен своим убеждениям. Их логичность делает их для меня несомненными, и они поддерживают меня в минуты слабости. Я живо это чувствую, я иду вперед, и я счастлив.

Не сердитесь на мою откровенность. Отныне я решил или молчать, или говорить то, что думаю.

Ваш брат

М. Бакунин.

19 января 1837 года. Москва.

Перевод с французского.

№ 187.—Письмо сестре Варваре.

(23 января 1837 года. Москва.)

Варинька, Варинька, ты себя губишь. Мне сказали, что Николай * получил от тебя письмо, в котором ты клянешься ему жить только им и для него и удалиться для него от всего мира. Возможно ли это, неужели ты это сделала, и как ты сдержишь свое слово? Варинька, человек живет только для любви и любовью, вне нее нет жизни и человеческого достоинства, нет бога и нет добродетели. А чем ты будешь жить? Дьяковым? Скажи мне, как ты свяжешь эту новую жизнь с тою возвышенною жизнью, которую ты некогда так хорошо понимала? Покажи мне точки их соприкосновения. Ты говоришь, что будешь жить Дьяковым. Питаешь ли ты к нему любовь или хочешь воспитать ее в себе? Интересно было бы посмотреть, как ты в этом преуспеешь. Я не советую тебе делать такой плачевной попытки: она тебя убьет. Нет, ты не можешь питать такой нелепой мысли, здесь что-то другое. Хочешь ли ты жить с ним в абсолютной любви? Это тоже интересно. Скажи же мне, ты нашла, что

---

* Дьяков.

твой муж живет в абсолюте, но чем же он связан с ним — картошкою или изрекаемыми им глупостями? Нет, Варинька, он стоит вне абсолюта, он и абсолют это — две крайности, которые никогда не соприкоснутся. Никогда он тебя не поймет, никогда не будет разделять твоего чувства. Это — также нелепость. Значит вы объединились в любви к твоему сыну. Прекрасно, рассмотрим и эту мысль.

Что же, существует ли что-нибудь общее в ваших чувствах к вашему сыну? Ты любишь его как человека, как слугу бога и человечества. Он любит его как своего сына, как существо, которое он считает себе подчиненным душою и телом по воле деспотического бога. Ты будешь развивать в нем человека как существо, предназначенное понять бога, объять своею душою все творение, весь рай, и предназначенное для воспроизведения его во внешнем мире. А твой муж постарается внушить ему свои собственные идеи, идеи животные, недостойные принадлежать человеку. Он будет считать все средства дозволенными и законными для достижения своей цели. Цель твоего воспитания будет заключаться в том, чтобы сделать из сына человека, а цель твоего мужа — в том, чтобы сделать из него животное. Так что же общего может быть между вами?

Живя для Дьякова, ты не будешь жить для любви. Значит, ты хочешь жить для долга? Варинька, поверь мне, ты жестоко заблуждаешься, ты будешь лить жгучие слезы раскаяния, но будет слишком поздно, зло будет сделано. Поверь мне, твоя миссия есть миссия матери. Мало дать жизнь своему сыну, нужно дать ему нравственную жизнь, вечную жизнь, нужно связаться с ним нерастержимыми, вечными узами. Не все матери на земле будут матерями на небе. То, что связано с этим конечным миром, кончится для вечности, а вечна только любовь. Такова основа христианской религии, и горе тому, кто отступит перед опасностями, горе тому, кто побоится отделаться от всех проклятых предрассудков. Такой человек не живет, это — не человек.

Варинька, отказаться от любви это — преступление, и ты хочешь его совершить, ты хочешь отдалиться от всякой человеческой жизни, чтобы жить с животным. Прости мне это выражение. Если ты мне скажешь, что мои письма тебе неприятны, я подавлю все свои чувства и буду молчать. Варинька, скажи, что нужно сделать для того, чтобы доказать тебе правду моих слов. Скажи мне это, друг мой, нет ничего, чего бы я не сделал, я не отступлю

ни перед чем. Ты не знаешь, как я тебя люблю, ты не знаешь, на что я способен, если ты правильно меня поймешь. Ах, Варинька, Варинька, во имя неба, не губи себя.

Прощай.

Твой брат

М. Бакунин.

Ад[рес] Нев[ерова]:

В редакцию журнала, в Министерство народного просвещения. СПБ. [Неразборчивое слово]. Предшествует чин, имя и фам[илия], которые вы знаете.

23 января 1837 года. Москва.

Перевод с французского.

№ 188.— Письмо сестрам и братьям.

4 февраля 1837 года. Москва.

Да, мои милые, превосходные друзья, наша дружба истинна и не доступна никаким переменам. Я это знаю по опыту, я это чувствую собственным сердцем. Я с своей стороны пытался ее ограничить, переделать ее в приятельские отношения, но мне это не удалось. Мне нужна ваша дружба целиком и полностью, я снова питаю безграничную веру в ваше чувство ко мне, я уже не могу сомневаться в том, что они вечны, — они будут вечными, как и мы, и они будут расти вместе с нами.

Единственное препятствие, которое могло тут действовать, совершенно исчезло. Это был мой эгоизм, который требовал того, что не может быть дано, который думал о себе больше, чем о вас. Так вот этот эгоизм я совершенно убил. Впредь он не сможет примешиваться к нашим отношениям. Он причинил мне много страданий, борьба с ним была жестока, но эта ужасная борьба, происходившая во мне, дала мне вторую жизнь, жизнь еще более пылкую и плодотворную, чем первая. Думаю, что моё личное я убито навсегда, оно не ищет уже ничего для себя, его жизнь отныне будет жизнью в абсолютном, где мое личное я нашло больше, чем потеряло. Оно потеряло лишь надежды, основанные на изменчивых внешних обстоятельствах, и обрело абсолют, всегда неизменный, всегда полный вы-

сокой красоты, всегда богатый небесными радостями. Теперь моя жизнь есть истинная жизнь. Она утратила свою фантастическую сторону, она утратила, правда, все, что связано было с надеждами и желаниями, столь естественными для человека, но она обрела свой истинный удел, она в известном смысле отождествилась с абсолютною жизнью, и я доволен, я больше ничего для себя не прошу. Итак дадим друг другу руки и изгоним раз навсегда все недоразумения, все ссоры.

Ты не поняла меня, дорогая Варинька. Никогда я не намеревался резко и без всякого основания разлучать тебя с Николаем. Напротив, я всегда говорил тебе, что для твоего собственного счастья, для счастья твоего сына ты должна испробовать все средства обратить его к мыслям более мягким, более человечным. Но заметив, как мне казалось, в твоих письмах возврат к православию, я побоялся, чтобы ты не сочла своим долгом покориться своему мужу. Ты не собиралась этого сделать, значит — я ошибся и искренне прошу у тебя за это прощения. Чтобы доказать тебе мое полное единомыслие с тобою, я прилагаю письмо к Николаю и хочу завести с ним постоянную переписку. Помни только, что главною целью всей твоей жизни и всех твоих поступков является твой сын. Поэтому ты должна быть готова пойти на все, если убедишься в том, что настоящие обстоятельства могут помешать его развитию.

Ты жалуешься, дорогая Любаша, на то, что я тебе не ответил. Но я написал вам всем сразу для того, чтобы в противном случае не подумали, что я питаю к одной из вас больше чем братскую дружбу, и если бы тебе вдруг пришло в голову счесть меня влюбленным в тебя, ты поспешила бы поделиться этою мыслью со Станкевичем, а это вызвало бы между нами ссору, а может быть, и дуэль, и я, быть может, убил бы этого бедного малого, который, между нами будь сказано, имеет довольно жалкий вид. Он вздумал было сыграть со мною шутку, вставив в письмо, которое он поручает мне переслать тебе, пики против меня. Но ты, моя дорогая Любаша, твердо уверена в том, что я тебя люблю, ты в этом сомневаться не можешь, а затем, если бы ты даже в этом сомневалась, то разве ты не нашла бы сильнейшую компенсацию в любви этого глупца Николая? И притом, дорогая, есть ли у тебя теперь время думать обо мне, когда ты занята только своим Николенькой? Ну, будет болтать, мой дорогой друг, ты знаешь всю теплоту моей дружбы к вам всем,

и ты соблаговолишь бросить мне остатки сердца, целиком поглощенного образом человека, которого ты воображаешь гораздо лучшим и гораздо более великим, чем он есть на самом деле. Каковы пики, не правда ли, что навострился? *.

А ты, моя милая Сашенька **, так разогорчилась за Гердера [1]. Утешься, это — не его вина. Факт, о котором ты мне пишешь, лишний раз доказывает истину того, что я неоднократно вам говорил: слепая вера, чувство, лишенное опоры и света разума, слишком слабы. Это относится к Гердеру, это же относится и к нашему отцу. Оба они — дети XVIII века, века скептицизма и здравого смысла. Их души слишком широки, слишком пылки, чтобы примириться с жизнью в этой узкой сфере, ибо оба они стряхнули иго философии здравого смысла и искали убежища в области чувства. Гердер, подавляемый материальными мыслями, жалкою близорукостью своего века, искал жизни в своем, правда, мощном и пылком чувстве, но, не понимая еще, что это чувство едино и тождественно с рассудком, с разумом, он предчувствовал жизнь человечества, но не сумел ее определить. И он впал в противоречие с самим собою, иногда высказывался против умственного развития, потому что для него разум сводился к здравому смыслу, а здравый смысл это — центр эгоизма, эгоизм же — враг человечества и бога. С другой стороны, он внутренне чувствовал, что умственное и вместе с тем моральное развитие составляют миссию человека, и вот откуда вытекают его противоречия. Но виноват в этом был не он. Он не принадлежал к немецкой философии и не умел отделять разум от здравого смысла. Последний действительно составляет причину эгоизма, первый же является основою истинной жизни человека ***. При всем том Гердер был великим человеком, так как он не мог оставаться и жить в окружавшей его материальной среде и искал выхода из нее. Если это ему не вполне удалось, то произошло это потому, что он не был призван раскрыть то, что позже было раскрыто опередившими его гениями.

---

* Последняя фраза по-русски в оригинале.

** Сестра Александра Александровна Бакунина.

*** У Бакунина здесь очевидная описка и сказано: «первый действительно составляет причину эгоизма, второй же является основою истинной жизни человека».

Поэтому, милая Сашенька, примирись с ним, не верь всему, что он говорит, ибо иногда он говорит много глупостей, но люби его в те моменты, когда, освобождаясь от узких понятий своего века, он пускается в бесконечность, и, увлекаемый своим чувством, предвидит блестящее будущее человечества.

Твой малютка поправляется, моя милая Варинька, скоро он совсем выздоровеет, — в этом я не сомневаюсь. Он вознаградит тебя за все, что ты выстрадала, и у тебя еще будут минуты высочайшего счастья. Здесь для тебя подыскивают бонну. Подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал в моем последнем письме. Не следовало ли тебе приехать с ним в Москву? Но ты должна это знать лучше, чем я, ты видишь это вблизи, а затем мать лучше знает, что нужно ее ребенку.

А ты, моя бедная Таничка, ты также хвораешь. Не неглижируй своим здоровьем. Вспомни наши ссоры из-за твоей неосторожности. Припомни войну, которую мы с Юлией * вели против тебя за то, что ты так поздно сидела по ночам, а затем так мало спала. Человек обязан заботиться о своем здоровье, это — одно из его существенных средств, ибо человек больной и слабый никогда не сможет выполнить то, что он мог бы сделать, если бы обладал хорошим здоровьем. Но я надеюсь, что ты уже поправляешься и что ничего серьезного не было **.

Наконец добрался я и до вас, любезные братья. Вы теперь в Прямухине с сестрами, следовательно довольны и счастливы. Долго мы не увидимся, а если и увидимся, так на весьма короткое время. Но мы теперь друг друга узнали, мы связались истинным братством, братством людей, стремящихся к одной цели, людей, любящих добро и готовых принести все в жертву этому добру. Этого довольно, нас ничто не разделит, теперь разлука, как бы долга она ни была, не сделает нас чужими. Итак через несколько времени мы снова встретимся с тою же любовью, с тою же готовностью действовать для идеи, жить в идее — вот наш пароль, вот та точка, на которой мы всегда будем сходиться, которая связала нас неразрывными узами. Итак работайте, развивайтесь, не теряйте [ни] одной минуты, потому что всякая минута принадлежит не вам, а вашему святому назначению, и всякая потерянная минута есть преступление. Не стану говорить

---

* Ниндель, гувернантка.

** Дальше до конца письмо по-русски в оригинале.

вам, чтоб вы любили сестер. Вы их знаете и без того, вы их горячо любите, вы чувствуете всю цену их дружбы, друзья мои, эта дружба — ваше спасение, она спасет вас от гнилого прикосновения других так называемых людей. Сестры — ваши ангелы-хранители.

Теперь прощайте.

Пишите и не забывайте

брата и друга вашего

М. Бакунина.

№ 189.—Письмо родителям.

(4 февраля 1837 года. Москва.)

Любезные родители!

Вы вероятно не получили письма моего: я его адресовал в Торжок, а вы, кажется, были уж в Твери. Итак повторяю вам еще раз, что письмо ваше меня очень обрадовало. Я уверился, что я, хотя и часто огорчал вас, не потерял еще вашей дружбы: теперь моею святою обязанностью, главною потребностью сердца будет доказать вам, что я умею ценить ее, что моя привязанность к вам — не в одних только словах. Итак, любезные родители, я прошу вас еще раз позабыть все прошедшее, по возможности возвратить мне всю вашу доверенность и быть уверенными, что я не употреблю ее во зло. Если вы не получили моего ответа на ваше письмо, то вы также и не видели письма Станкевича к Любаше[1]. Отец его совершенно согласен, он уже уехал к себе в деревню, итак теперь все скоро кончится, и Любаша будет наконец счастлива.

Вы, может быть, не знаете, что брат Николай произведен в портупей-юнкера, это может иметь очень хорошие следствия для его будущей карьеры. Он вам долго не писал, потому что был болен; недавно он писал вам, но вероятно адресовал письмо свое в Торжок, и вы, может быть, потому его и не получили.

Я даю здесь уроки и готовлюсь к Берлину. Перевод мой[2] совсем окончен и переписывается.

Я достал для вас семян, между которыми есть очень редкие.

Прощайте, любезные родители, прошу вашего благословения и остаюсь

любящий вас сын ваш

М. Бак[унин].

4 февраля 1837 года. Москва.

Перевод с французского.

№ 190. — Письмо сестрам.

11 февраля 1837 года. Москва.

Вы счастливы, мои милые друзья, и должны быть счастливы, тем более что ваше счастье теперь зиждется уже не на неопределенном чувстве истинного и прекрасного, нет, а зиждется оно на истинных и незыблемых идеях. С другой стороны, ваше счастье не является продуктом обстоятельств, оно освободилось от них навсегда. Отныне оно будет создавать обстоятельства. Ваша гармония есть внутренняя гармония, божественная гармония. Итак ваше счастье неизменно, как сам бог.

Да, мои милые друзья, внешний мир сам по себе ничего не составляет, он является лишь отражением состояния нашей души, которая, будучи иногда в очень мрачном и апатичном настроении, бросает этот мрачный свет на свой внешний мир и сама пугается его, опасаясь быть им подавленною и будучи в действительности подавляема лишь самою собою. Таким образом именно она является источником всего во внешнем мире, как добра, так и зла; именно она является источником и своего счастья и своего несчастья. Если она утратила свою чистоту, свою гармонию, то для нее уже не существует чистоты и гармонии во-вне. Вот почему необходимо сохранить эту чистоту, создавать эту гармонию в себе, — и все будет хорошо, и счастье должно будет притти.

Но что нужно делать, чтобы достигнуть этой гармонии, этой силы, этой душевной непреклонности? Нужно устранить из нее все то, что связано с конечным, с внешним миром, с эгоизмом. И когда я говорю здесь о внешнем мире, вы должны хорошенько понять, что я хочу этим сказать, ибо для человека существует два внешние мира: один, продукт его души, еще не достигшей самосознания, давит на нее, мешает ей свободно двигаться; этот внешний мир, хотя и будучи продуктом души, независим от нее, подчиняется своим собственным законам, которые в действительности представляют то же самое, что и законы разума, но еще не достигшие сознания. Душа должна стряхнуть его иго, она должна свободно создать другой внешний мир по законам человеческого и вместе с тем божественного разума, и этот второй внешний мир уже не служит помехою ее развитию; напро-

тив, он является продуктом этого развития. Первый мир человек должен разрушить, а во втором должен жить, ибо второй есть жизнь самого бога, а человек является человеком лишь постольку, поскольку он связан с богом. Чем больше он растворяется в нем, тем больше он становится человеком, чем больше он отождествляет свою волю с волею бога, тем более он становится свободным. Таким образом человек свободен лишь в боге, ибо вне бога он есть животное, а животное не свободно, так как подчинено деспотическим законам природы.

Что же такое этот божественный внешний мир, чем он отличается от животного внешнего мира? Основою первого служит идея, любовь, абсолютно единая и нераздельная, абсолютное единство; основою второго является множественность до бесконечности, любовь к самому себе, к конечному существу, эгоизм, инстинкт. Человек отправляется от второго для того, чтобы достигнуть первого. Он начинает животным и стремится сделаться богом. Его цель недостижима, а потому его предназначение заключается в том, чтобы приближаться к ней в вечности. Абсолютная любовь, которая развилась в бесконечности внешнего мира, в природе, стремится вернуться к себе, к своему единству, стремится снова сосредоточиться в себе. Природа, до тех пор мертвая, начинает приходить к самосознанию. Человек есть орган этого самосознания природы. Она начинает жить в нем, она идеализируется. До тех пор она была бесконечною в пространстве; в человеке она становится бесконечною во времени, становится вечною. Первый шаг человека на пути самосознания делит его жизнь на две части. Первый элемент есть его неосознанное существование, природа, второй есть его сознание, бог, принцип единства. Бог также существует в природе, но он существует для себя, а не для нее, так как она не сознает его присутствия в ней. Любовь осуществляется только в человеке, а любовь есть основа жизни. Злом, несчастьем для человека являются инстинктивные законы природы; добром, счастьем являются законы высшего и божественного разума, делающие его свободным.

Любовь — это жизнь. Целью для человека является он сам, его собственное счастье. Но так как его счастье может заключаться только в любви, а его цель — только в абсолютной любви, то он выходит из самого себя, из своей животной индивидуальности для того, чтобы объединиться с другими людьми,

имеющими целью того же бога, ту же абсолютную любовь. Все, что относится к этому движению, прекрасно и возвышенно; все, что ему мешает, — дурно. Это движение человека, выходящего из самого себя для того, чтобы слиться с другими в боге, выражается в различных формах, столь же абсолютных, как и бог: таковы дружба, любовь, искусство, творчество, наука и наконец религия, которая объединяет и концентрирует в себе все эти разрозненные элементы, которая есть постоянное ощущение присутствия бога в человеке. Все эти перечисленные мною формы так же вечны, как и человек; они навсегда останутся формами его совершенствования, его приближения к богу. И это единение людей в боге во всех этих разнообразных формах — вот что составляет божественный внешний мир, святую общину, святую церковь, в которой человек должен жить, чтобы быть человеком. И все, что однажды вошло в эту общину, никогда из нее не выйдет, и все, что было объединено в ней, никогда не разъединится, ибо она имеет своим принципом абсолютную любовь, вечную жизнь.

Теперь поговорим об индивидуальной любви. Мы уже нашли, что она составляет естественную и вечную форму жизни человека в боге. Посмотрим теперь, каковы ее условия. Когда мы любим, то мы отождествляем себя с жизнью любимого существа, равно как оно участвует в нашей жизни. Две личности сливаются и составляют одну. Каковы же могут быть выражения этого чувства? Неограниченное доверие, потребность быть понятым и возможность быть понятым. Но нельзя быть понятым, не будучи любимым, равно как нельзя понять, не любя. Поэтому взаимность необходима для индивидуальной любви, и чувство, заставляющее желать ее, не есть эгоизм, а сознание упомянутого неизменного закона. Существуют эгоистические чувства, профанирующие чистоту любви, но эти дурные чувства проистекают не из любви: это невозможно, так как любовь есть источник всякой чистоты. Эти дурные чувства проистекают из эгоизма, который полностью никогда не разрушается в человеке. Убить нужно этот эгоизм, а не любовь. Любовь, какою бы она ни была и в какой бы форме она ни выражалась, всегда священна, ибо она есть жизнь бога в человеке. Это — священный огонь, который очищает душу и который никогда нельзя погасить, не угашая в то же время человеческого достоинства. Это— пламя, которое следует свято хранить в своем сердце и оберегать

от всякой профанации. И если оно не имело еще случая выразиться во-вне, то этот случай придет, ибо жизнь человека вечна, и все то, что содержится в этих абсолютных формах вечной жизни человека в боге, необходимо должно осуществиться для всякого человека: без этого его развитие было бы неполным. Из нее нельзя создать себе цель, ибо изолированная форма не может быть для человека целью. Его жизнь должна быть полною и законченною, но он не вправе и не может разрушить в себе этого чувства, так как оно связано не с его личностью, а с проявлением абсолютной любви.

Еще одно слово. Дорогая Танюша, я прочел твое письмо к Беерам, в котором ты спрашиваешь, не грешно ли быть так сильно привязанною к природе, как ты. Нет, моя дорогая, это ничуть не грешно. Ты любишь не мертвую природу, а божественную гармонию, которою твоя душа ее освещает. Любовь к прекрасному также представляет необходимую и вечную форму. Продолжай же любить природу и не бойся отдаваться этому чувству.

А ты, моя дорогая Любаша, ты меня забываешь. От тебя ни одного слова. Счастье заставляет тебя позабывать тех, кто тебя любит. Это нехорошо, мой друг. Забвение не есть божественный закон. Пиши же мне иногда. Пишите мне все, мои дорогие друзья, вы не знаете, какое наслаждение доставляют мне ваши письма.

Прощайте, целую вас.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

А вы, любезные братья, что же меня забыли? Стыдно! *

Перевод с французского.

№ 191.—Письмо сестрам.

[20 февраля 1837 года. Москва.]

Давно уже я не получаю от вас вестей, дорогие друзья. Не болезнь ли Павла является причиною вашего молчания? Неуже-

* Последняя приписка по-русски в оригинале.

ли ему стало хуже? Сообщите мне об этом ради бога. Если дело обстоит так, то я сам поеду в Прямухино. Может быть, будет полезным привезти его в Москву? Напишите же мне поскорее, не скрывайте от меня ничего. Сегодня я напишу Цирху *[1] и спрошу, что он думает о его болезни. Он мне скажет правду. Я сейчас нахожусь в приливе безграничной веры и убежден в его близком выздоровлении. Но все-таки нужно употребить все средства.

Вы говорите, что если бы я ближе познакомился со своими братьями, то я бы их любил больше, чем люблю теперь. Не подлежит сомнению, что более интимное знакомство сильнее связывает людей между собою. Но я знаю их достаточно для того, чтобы любить их всем сердцем. В настоящий момент я ничего не могу для них сделать, но когда они поступят в университет и когда я после своего трехлетнего путешествия вернусь из-за границы, я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы облегчить им первые шаги по пути, для них еще незнакомому. До того времени, мои дорогие друзья, вы должны придать им силы, придать им мужества для преодоления всех препятствий, вы должны согреть их сердца огнем, сжигающим ваши души, вы должны дать им гармонию, развить в них эстетическое чувство, любовь к прекрасному, высокому и истинному, любовь, которая должна быть основою человеческой жизни. Чтобы знать и понимать, нужно иметь, что знать и понимать. А человек не имеет другого объекта, кроме самого себя, и если этот объект не содержит всех необходимых элементов для развития, то никакое развитие и невозможно.

В жизни человека есть три периода: инстинктивная жизнь разума — привычка; жизнь интеллекта, еще не достигшего самосознания, — чувство; и жизнь интеллекта, достигшего самосознания, — мысль, абсолютная любовь. В течение первого периода интеллект еще лишен самопроизвольности, он не действует на самого себя, он получает все впечатления от внешнего мира, он не имеет еще ни силы, ни воли отбрасывать от себя все, что противоречит его природе. Это — детство. Воспитание должно восполнить недостаток его силы, оно должно окружить ребенка любовью и гармонией, оно должно отвращать от него всякий диссонанс и всякую дисгармонию. Это необходимо, ибо ввиду восприимчивости детской природы дисгармония и диссонансы

---

* Это имя по-русски в оригинале.

входят в его существо, преобразуются, так сказать, в его существо и препятствуют гармоническому развитию его во втором периоде, периоде чувства. Этот первый период воспитания принадлежит почти исключительно женщине, потому что она сама является по преимуществу гармоническим существом. Второй период, период чувства, также принадлежит женщине. Это — эпоха, когда человек, возвышаясь над ощущениями, над привычкою, над восприимчивостью, начинает проявлять чувства, волю, самостоятельность. Это — эпоха, когда он стряхивает с себя иго животного инстинкта для того, чтобы подчиниться инстинкту божественному. Ощущения, привычка и восприимчивость остаются, но они уже не одни, они уступают первенство новым элементам, вошедшим в жизнь человека. Для человека начинает существовать истина, но исключительно в форме чувства, и притом имеются две формы чувства: 1) чувство индивидуальное, относительное, как, например, любовь к родителям, братьям и сестрам, и 2) абсолютная истина в форме эстетического чувства. Воспитывать чувство должны красоты природы, поэзия, искусство вообще. Они должны создать в душе гармонию как предчувствие более прекрасной гармонии, создаваемой мыслью. Здесь кончается женское воспитание или, иначе сказать, внешнее воспитание. Человек должен пуститься в мир, он должен быть предоставлен самому себе. Эта гармония должна быть разрушена соприкосновением с миром, ибо, как говорит Гегель [2], гармония, выносимая из дома, еще не есть истинная гармония. Она должна подвергнуться противоречиям бурь, пережить страшную борьбу, дабы разрушиться, заставить человека страдать и принудить его к восстановлению ее при помощи мысли. Раз мысль вступила в свои права, раз она задумалась над крушением прежней гармонии и прежнего счастья, человек становится действительно человеком, он заново строит более прекрасный и более высокий божественный храм, чем тот, который был разрушен бурями. Отныне этот храм абсолютной любви не будет бояться бурь, ибо он прошел все ступени своего развития. Инстинктивная гармония, гармония чувства восстанавливаются в гармонии мысли, и тогда человеку нечего бояться, так как он живет мыслью, абсолютною любовью, которая всемогуща и вечна.

Вот, мои дорогие друзья, высокая цель, к которой мы должны все стремиться, цель, к которой мы все больше и больше

приближаемся и которая будет в вечности непоколебимым залогом незыблемого блаженства.

Посылаю тебе, милая Варинька, первый том Жан-Поля Рихтера [3]. Когда выйдет второй, я также тебе его пришлю, и мы будем перечитывать их вместе.

Посылаю отцу семена. Каждый пакет отмечен значком, и вот их значение:

1. ♃ растения многолетние.
2. ☉ » однолетние.
3. ♁ » двухлетние.

Среди этих растений есть очень красивые: поберегите их особо.

Между прочим здесь есть род кавказских кедровых орехов: ч и н а р а. Мы пробовали положить один орех в воду, и он получил росток. Вероятно, что и в земле пустит. Говорят, что дерево прекрасное *.

Я напишу родителям, когда буду в Прямухине.

Прощайте, мои милые сестры. Целую вас.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 192.—Письмо сестре Любови.

2 марта 1837 года. Москва.

Дорогие друзья, каждый раз, когда вы задавали мне вопрос относительно любви Станкевича, я молчал. Я полагал, что здесь сказываются сомнения других сестер, а не твои, дорогая Любаша. Я полагал, что в любви сомнения невозможны. Я ошибся. Ты не веришь в его любовь, ты думаешь, что он ошибся и что теперь он по чувству долга обманывает тебя. Любаша, ты знаешь, что я тебя люблю, ты знаешь, что моя дружба не основана на привычке, что это — не вульгарная дружба, ты знаешь, что я предпочитаю достоинство тех, кого люблю, всему другому, что я не побоюсь разрушить счастье дорогих мне людей, если оно иллюзорно, а следовательно противно их достоинству.

* Этот абзац по-русски в оригинале.

Итак, дорогая, ты мне поверишь, ибо правда составляет жизнь моего чувства к вам всем, а ложь — его смерть.

Да, Любаша, он любит тебя, любит глубоко. Он любит тебя больше, чем ты — его. И ты могла усомниться в нем, и ты еще считаешь свою любовь более сильною и более горячею, чем его любовь! Нет, любовь не сомневается никогда. Вера и любовь неразрывны, ибо они составляют одно целое. Кто сомневается, тот не любит. Он не сомневался, он был всегда счастлив, когда думал о тебе, никакое сомнение не примешивалось к его мысли о тебе. Это потому, что он любит действительно. А ты, моя дорогая, ты можешь сомневаться, ты можешь еще увеличивать чашу горестей и страдания, которые ему предстоит испить. Ты, которая должна была бы исцелить его от всех его страданий, ты умножаешь их. Нет, Любаша, истинная любовь не сомневается, ибо если любовь есть высшее счастье, сомнение не может найти в ней места, так как где есть сомнение, там не может уже быть счастья. Ты одно время думала, что ему удастся добиться согласия своего отца лишь после целого ряда неприятностей. И как же ты поступила? Ты просила его не только не итти против воли отца, но даже не стараться добиться согласия, если тот может дать его лишь против своей воли. Ты требовала этого от него во имя его любви к тебе.

Любинька, Любинька, разве это — не профанация, разве это — не полное отсутствие любви? Давай разберем, что побудило тебя обратиться к нему с таким требованием. Думала ли ты, что ему легче будет отказаться от тебя, чем не угодить своему отцу? Думала ли ты, что его любовь к тебе меньше, чем его привязанность к своему отцу? Из чего ты это могла заключить? Не судила ли ты по собственному опыту? А если ты судила по собственному опыту, то разве твоя любовь не является чем-то слишком несерьезным? Ибо любовь, как я ее понимаю, любовь, как он ее понимает, стоит превыше всех других привязанностей и вместе с тем является самою священною из всех привязанностей. И человек не вправе приносить ее им в жертву, так как, жертвуя ею, он жертвует лучшею частью, благороднейшею частью своей нравственной жизни. Если ты понимаешь любовь не так, то ты не любишь, ибо тот, кто любит, понимает любовь во всем ее высоком призвании. А если ты говорила не по собственному опыту, значит — ты тогда сомневалась в нем. Почему же было не сказать ему этого со всею откровенностью? Зна-

чит, ты тогда его уже не любила, твоя любовь была лишь воображаемою, ибо, снова повторяю, истинная любовь не сомневается, она владеет своим счастьем, она его чувствует, а нельзя сомневаться в том, что чувствуешь.

Но, быть может, ты хотела этим принести жертву долгу? Ах, этот несчастный долг, я наталкиваюсь на него повсюду. Но знаешь ли ты, что это предположение еще более жалко, чем первое? Любинька, ты всегда боялась мысли, но если ты действительно любишь, то разве чувство, которое ты избрала себе убежищем, не должно было заменить для тебя мысль, разве не должна была ты почувствовать, что культ любви составляет первейший и величайший долг? Разве сама религия не повелевает тебе оставить отца и мать, чтобы последовать за своим мужем? И разве только троекратный обход вокруг аналоя в церкви превращает мужчину в мужа, разве только это маленькое путешествие освящает брак? Неужели же это делает не любовь, не возвышенное и святое родство душ? Разве две любящие друг друга души не сочетались браком, не объединились навек? И разве этот брак душ не более священен, чем упомянутый ребяческий обряд? И неужели ты этого не понимаешь и не чувствуешь?

Нет, Любинька, это ты не любишь, ибо не понимаешь любви. И ты не знаешь, какое зло причинило ему твое письмо, ты не знаешь, какое зло причинили ему все мысли, осенившие его по прочтении твоего письма. Я начал совершенно в тебе сомневаться, я упрекал себя во всем, что сделал для вашего сближения. Он пришел к тому выводу, что для тебя будет невозможно расстаться с родителями и пойти за ним. Он полагал, что после свадьбы ты сделаешь это из чувства долга, но что это убьет тебя. Эта мысль больше его не оставляет. Он поделился ею со мною. Я старался убедить его в противном, но это очень мало мне удалось, ибо я сам был далеко не уверен в тебе. И после всего этого ты жалуешься на его письма, на господствующий в них натянутый тон! Любинька, Любинька, ты причинила ему много зла. С одной стороны, мучимый нерешительностью своего отца, с другой стороны — сомнениями, которые породили в нем твои письма, он впал в какое-то подавленное настроение. Вот что он часто мне говорил: «Я боюсь и удачи, и неудачи моих намерений. Иногда последнее мне кажется лучше первого, потому что тогда все падет на меня. Можно перенести все страдания,

если они касаются только до одного себя, но если мы с нею соединимся, если она увидит, что она ошиблась, и не найдет во мне того, чего она искала, это меня убьет, я не переживу этого» *.

Здоровье его ухудшилось, он сильно отощал, и это вполне естественно. Препятствия ничего не значат, когда человек любит и уверен в том, что его любят. В таком случае это — пустяки, и нет ничего легче, как их разрушить. Но когда человек сомневается, о, тогда это ужасно, тогда он теряет все свои силы, всю свою энергию. А ты вместо того, чтобы придать ему сил, ты только усугубила его страдания. Теперь дело вот в каком положении. Отец не писал, мы знаем только, что он говорил с дядею, и ждем решения в ближайшую пятницу. Он ** сказал мне, что напишет тебе откровенно. Любинька, сделай то же самое. Напиши ему всю правду, все, что ты чувствуешь и думаешь. Правда, какова бы она ни была, всегда предпочтительнее всякой иллюзии.

А вы, мои дорогие друзья, вы обращаетесь не ко мне, а к Беерам с запросами о правде, которая должна решить судьбу Любаши! Вы даже обещаете им не говорить мне об их ответе. Я за это на вас не сержусь, ибо это — логическое развитие наших отношений, это должно было притти. Придут еще многие другие вещи, но они не поразят меня, так как я их предвижу и ожидаю. Будьте счастливы, вот мое единственное пожелание.

Целую вас.

Ваш брат

М. Бакунин.

Станкевич не прислал мне своего письма. Я посылаю вам то письмо, которое он мне передал несколько дней тому назад, которое мне не удалось отправить из-за праздников. Письмо его я пошлю вам завтра [1].

№ 193.— Письмо родителям.

1837 год, 2 марта. Москва.

Любезные родители!

Давно я не писал вам; письмо ваше получил уже с неделю. Исправление моего перевода отняло все вре-

---

* Слова Н. Станкевича по-русски в оригинале.

** Н. В. Станкевич.

мя, на этой неделе подам его графу Строганову, который на будущей неделе едет в Петербург. Вы спрашиваете, принесет ли он мне что-нибудь; в этом нет никакого сомнения: граф непременно введет его в училища и гимназии своего округа, и в год, два он мне непременно доставит тысяч около двенадцати, а может быть, и четырнадцать. Кроме этого, очень легко может случиться, что он будет принят и в другие округи, потому что граф, член Комитета училищ, может и, кажется, хочет подать его ему на рассмотрение, тогда он мне принесет много денег и обеспечит мою будущность. Но это — только предположение, осуществление которого зависит от многих других посторонних обстоятельств. Во всяком случае он мне принесет довольно для поездки за границу, а это — главное [1].

Латинскому языку я учиться начал; теперь, как только отделаюсь от Шмидта, он пойдет успешнее; английскому языку также учусь, уроков у меня шесть в неделю, каждый по 10 р. ассигнациями — четыре у князя Владимира Голицына и два у Бурцева, — и потому я в деньгах нисколько не нуждаюсь [2]. Вот вам, любезные родители, подробный отчет о состоянии моих дел.

Теперь скажу вам о Станкевиче, что мы ожидаем на будущей пятнице письма и решительного ответа от его отца. Слухи, которые везде ходят, меня удивляют, — откуда им взяться? Мы их здесь не распускаем [3], впрочем, бог с ними, они меня нисколько не тревожат. Если общественное мнение не может сделать нашего счастья, то зачем давать ему право делать наше несчастье? Все будет хорошо, Любаша будет счастлива, мы покойны и счастливы ее счастьем, а это — главное.

Получили ли Вы семена, папенька, есть ли между ними такие, каких у Вас прежде не было?

Белинский в Петербург не едет; несмотря на то, что он здесь лишен почти всех внешних удобств, он отвергнул выгодные предложения петербургских журналистов; он не смотрит на литературу как на игрушку и скорее бы согласился умереть с голоду, чем торговать своими мнениями и своею совестью.

Прощайте, любезные родители, прошу вашего благословения и остаюсь

преданный вам сын ваш

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 194.—Письмо сестрам.

15 марта 1837 [года]. [Москва.]

(Приписка Мишеля на письме Н. Станкевича к Любови Бакуниной.)

Николаю не совсем здоровится. Дорогой друг, пиши ему почаще. Твои письма вернут гармонию и покой его душе, а он так в них нуждается. Завтра я тебе напишу.

Прощай.

Твой друг и брат
М. Бакунин.

(На обороте того же листка начинается новое письмо Мишеля. Посредине неизвестным почерком написано по-французски: «Дорогая Варвара, прочти это письмо раньше, чем передать его Любиньке».)

Дорогие друзья, слава богу, Николай чувствует себя лучше. Вчера и сегодня он хорошо провел ночь. Он почти перестал кашлять и чувствует себя крепче. В его душе больше гармонии и меньше страха, меньше сомнений. Это главное, ибо душа его была потрясена сомнениями. Бог милостив, и все пойдет хорошо.

Варинька, я завтра напишу тебе большое письмо, сейчас я тороплюсь к Николаю *. Твоя мысль составить сборник детских сказок очень удачна. Ты сумеешь выразить в простой и легкой форме, отвечающей мало развитому сознанию детей, все абсолютные истины, которые составляют жизнь. Любовь должна быть осью всех твоих сочинений. Любовь в ее абсолютном понимании выше всего другого. Мы еще поговорим об этом, но ради бога воздержись от общих мест, от тривиальных идей мудрости, покорности, внешних приличий. Нравственное и умственное развитие должно быть целью всякого воспитания. А целью, равно как источником этого развития, должна быть только абсолютная любовь, всегда единственная, всегда неделимая, но при разных обстоятельствах выражающаяся в бесконечно различных

---

* Станкевичу.

формах. Ты разовьешь все эти идеи в маленьких забавных сказочках. Но пойми правильное значение слова «забавный». Все, что забавляет человека, не обращаясь к его душе, недостойно его. Ребенок с самого нежного детства должен постепенно приучаться находить все наслаждения в своей внутренней жизни, в чувстве самого себя, в прекрасном и высоком. Бог должен невидимо присутствовать во всех словах, во всех обстоятельствах. Вместо тех нелепых сказок, которые родители обыкновенно рассказывают детям, возьми сочинения, написанные для детей, переведи некоторые места из Шиллера, из Жана-Поля Рихтера в особенности, места, доступные детям. Развивай любовь к искусству, любовь к поэзии, к музыке. Знаешь ли ты, что этим ты сделаешь доброе [дело]? Ты сделаешь возможным воспитание детей в России. До сих пор не только в России, но и во Франции и, пожалуй, даже в Германии не существует таких сочинений для детей, которые должны были бы существовать. Ты разовьешь присущие тебе идеи об истинном воспитании, и это облегчит тебе воспитание собственного сына. А затем это даст тебе больше денег, чем могло бы дать всякое другое предприятие. Белинский * берет на себя внешнюю отделку работы. Передай Любаше, чтобы она писала почаще **.

Твой друг

М. Б[акунин].

Перевод с французского.

№ 195.—Письмо сестре Любови.

[Середина марта 1837 года. Москва.]

Посылаю тебе письмо Станкевича, мой дорогой друг. Оно доставит тебе удовольствие, так как оно искренне. Он высказывает тебе все, что у него на душе. Я получил твое письмо и сейчас же отправлю его. Дорогой друг, я тебя обидел, прости меня. Я был в отчаянии, видя, что недоразумение увеличивает страдания двух существ, которых я люблю всем сердцем. Я обязан и

---

* Это слово по-русски в оригинале.

** Кусок письма вырван.

вправе говорить тебе все, что мне приходит в голову. Но моя прямота, а, может быть, и моя несправедливость тебя оскорбили, и вот, мой дорогой друг, я прошу у тебя прощения. Впрочем, цели своей я достиг, так как между вами больше недоразумнений не будет. Значит, я доволен. Целую тебя и остальных сестер.

М. Бак[унин].

Перевод с французского.

№ 196.—Письмо сестре Варваре.

18 марта 1837 года. [Москва.]

Милая Варинька, я тебе написал, но не знаю куда засунул письмо. Там я говорил о себе, а теперь хочу поговорить о Станкевиче.

Здоровье его весьма плохо, и он очень меня беспокоит. Все эти треволнения, все эти опасения сильно подействовали на него. Он впал в какое-то состояние моральной слабости и уныния. Мы посылаем эстафету его отцу. Эти пререкания должны сейчас же прекратиться, иначе они Николая убьют. Не говори ни слова об этом Любаше, она от этого сама захворает. Вы не поняли души моего друга. Он чувствует более глубоко, чем всякий другой, он замыкается в себе, и он дорого заплатил за свое молчание. Мои дорогие друзья, не судите же впредь по внешности: ведь так легко ошибиться. Я снова поселился у него, чтобы быть с ним, пока не пройдет его болезненное состояние. Покажи это письмо папеньке, милая Варинька. Если бы вы могли приехать в Москву, это было бы для него сущим благодеянием и наверно спасло бы его. Его врач *, ничего не зная о настоящих обстоятельствах, сказал мне, что причина его болезни чисто нравственная. Само собою разумеется, я все ему рассказал, ибо в таких случаях дипломатничать не приходится; скрыть что-либо было бы преступлением. Он сказал, что когда этот моральный упадок пройдет, он уверен в полном выздоровлении больного. Завтра я снова тебе напишу. Посылаю тебе письмо, которое он написал Любаше несколько дней тому назад. Прочти его и реши сама, можешь ли ты его ей передать.

---

* И. Е. Дядьковский.

Пусть Любаша пишет ему почаще, каждый день, если возможно. Это окажет на него хорошее действие. Мы стремимся окружить его гармониею, насколько это зависит от нас. Я верю в бога и уверен в его выздоровлении.

Прощай.

Твой друг и брат

М. Бакунин.

(Дальше идет приписка, сделанная другой рукой.)

Перевод с французского.

№ 197.—Письмо сестре Варваре.

26 марта 1837 года. Москва.

Давно я тебе не писал, дорогой друг. Что поделаешь, душа моя была слишком переполнена все эти дни, слишком много разнообразных чувств обуревали ее; болезнь Станкевича, его угнетенное состояние — все это произвело на меня очень тяжелое впечатление. Дорогой друг, внешние обстоятельства иногда бывают очень дурны, и горе тому, кто не видит дальше их, горе тому, кто забывает, что мгновение — ничто перед вечностью, и что не мгновение, а вечность должна составлять нашу жизнь. Блажен тот, кто никогда не теряет из виду абсолюта: такой человек никогда не поддастся апатии, какую временами навевают окружающие нас обстоятельства. Дорогой друг, все будет хорошо и все уже хорошо для того, кто верит, ибо рай, царство любви уже началось для него. Дорогой друг, это царство уже началось для нас. Подчас у нас бывают минуты тяжких страданий, минуты апатии, но эти минуты не могут долго тянуться. Овладеем истиной, построим для нее храм в наших душах, и мы будем счастливы, ибо мы будем в боге и бог будет в нас, а тот, кто чувствует себя в боге, не может быть несчастен.

Дорогой друг, твое призвание прекрасно, перед тобою открывается счастливая будущность. Перенеси всю свою индивидуальность, все свои упования, все свое счастье на индивидуальность своего сына, и, верь мне, ты будешь счастлива. И ты еще

можешь опасаться за его будущее, за будущее ребенка, у которого такая мать, как ты? И если бы он даже тебя потерял, мог ли бы он остаться одиноким, пока я живу, пока живут те, кто так нежно тебя любит? Но нет, мой дорогой друг, ты будешь жить для него, он нуждается в тебе, и ты будешь жить так долго, как долго он будет в тебе нуждаться, а он всегда будет в тебе нуждаться.

А тебе, милая Танюша, спасибо за твое письмо. Дорогой друг, что же вам рассказать? То, что занимало меня за истекшие несколько дней, так незначительно. Я написал небольшую брошюрку против глупостей г. Шевырева *. Вот и все [1].

А ты, Любаша, будь покойна, все устроится. Счастье покупается дорогою ценою, но чем труднее его завоевать, тем оно более велико. Николай сейчас поправляется.

Прощайте, мои дорогие друзья.

Ваш брат и друг
М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 198. — Письмо сестре Варваре.

27 марта 1837 года. Москва.

Варинька, милый друг, ты страдаешь, ты сообщила мне о своих страданиях, а я ответил тебе только несколькими строками — и несколькими строками, довольно холодными. О, Варинька, не суди о моем сердце по этим строкам. Ты знаешь, что оно горячо, что оно пламенно, ты знаешь, что оно нуждается в любви, в твоей любви. Мой дорогой друг, я люблю тебя глубоко, ты в этом не сомневаешься, и если порою я не отвечаю тебе или отвечаю не с тою теплотою, с какою я тебя люблю, не объясняй этого никогда моей холодностью к тебе. Часто я бываю в таком настроении, в каком я чувствую много, сильно, но не хочу или, скорее, не могу выразить того, что чувствую. Моя личность играет при этом слишком большую роль, а я не должен говорить о своей личности. Я не должен говорить о предмете, который я хочу разрушить, слив его с абсолютною жизнью. Дорогой друг,

---

* Это слово по-русски в оригинале.

я понял счастье, доставшееся на мою долю: оно заключается в том, чтобы никогда не жить для своей личности, а жить в абсолюте, в других для себя. О, Варинька, я много выстрадал, в моей душе совершалась страшная борьба, у меня были минуты отчаяния, но в конце концов истина взяла верх. Я спокоен, я тверд. Чувство грусти, результат всей этой борьбы, разлилось по всему моему существу. Я могу сказать, что теперь я счастлив.

Но во имя неба, Варинька, не лишай меня твоей любви, твоего доверия, я очень в них нуждаюсь. Это — мое добро, мое сокровище, моя собственная индивидуальность. Дорогой друг, наступит время, когда мы снова объединимся, когда мы вместе будем работать над воспитанием твоего сына. Тогда я буду вознагражден за все, что я перенес во время моего кратковременного одиночества. Но теперь я должен быть одинок, я должен развить свои силы в уединении, я должен сформироваться для жизни, которая должна быть моею жизнью. Я должен извлечь силы из самого себя, я не должен искать внешней опоры, ибо в один прекрасный день она могла бы мне изменить, а бремя, которое мне предстоит нести, велико.

Дорогой друг, наступит время, когда у меня не будет больше тайн от тебя, когда я смогу рассказать тебе все, что я перечувствовал, всю борьбу, которую мне пришлось выдержать. Придет время, дорогой друг, когда мы полностью сольемся, но оно еще не пришло. Станешь ли ты поэтому любить меня меньше? Нет, дорогой друг. Ты всегда сохранишь для меня ту глубокую привязанность, которая составляет мое счастье и отнять которую у меня было бы несправедливо. А ты, дорогая Танюша, и вы, мои милые сестры, вы также отдалились от меня, вы уже не верите в чувства, которые я к вам питаю. Наступит время, дорогие друзья, когда мы поймем друг друга полностью. Это будет время блаженства, но я должен его заслужить, я должен вырвать из моего существа все остатки эгоизма, а до того времени я должен быть одиноким. Это решение я принял, уезжая из Прямухина. Оно дорого мне стоило, но оно составляет залог моего счастья, оно было краеугольным камнем моего достоинства.

Прощайте же, дорогие друзья. Не забывайте меня, не забывайте никогда, что во мне вы имеете самого горячего друга и самого нежного брата.

М. Бакунин.

Николай * поправляется, дела также уладятся через недельку.

Завтра я напишу папеньке.

№ 199.—Письмо родителям.

[Конец марта 1837 года. Москва.]

Любезные родители!

Вчера получил ваши письма, они меня очень обрадовали. Не стану уверять вас, что я вполне согласен со всеми вашими мнениями — я бы солгал; но оставим мнения в стороне. Я знаю, я чувствую, что я вас люблю, что я готов вам принесть в жертву все кроме своих убеждений, и я убедился также, что и я для вас еще не сделался посторонним. Итак не буду вам говорить больше о моих личных понятиях; ведь в нас есть же общие стороны, в которых мы совершенно согласны. Эти стороны будут нас больше и больше соединять, они уничтожат все несчастные недоразумения, которые с некоторого времени между нами вкрались, они покажут вам, что я в самом деле люблю добро и всеми силами стараюсь делать его, что убеждения мои не тождественны с эгоизмом, что они составляют лучшую, нравственнейшую часть моей жизни.

Итак, любезные родители, благословите меня еще раз. Благословение ваше облегчит труды, мне предстоящие. Простите мне все мои вины перед вами и будьте уверены, что не эгоизм, не холодность души были их причиной, а слишком большая горячность, помешавшая мне, может быть, поступать осторожнее и благоразумнее. Я знаю, что путь, мною предпринятый, труден, труден и по потерянному времени, и по новости своей. Совершенно уважаю гражданскую службу, знаю, что в ней также можно быть полезным отечеству; но что ж мне делать, если я не чувствую себя к ней способным, если я не люблю ее? А я знаю и по собственному опыту, и по законам разума, что нельзя хорошо делать такого дела, которого не любишь. Следовательно и

---

* Н. В. Станкевич.

по совести моей я не мог, я не имел права за него браться. У меня была потребность знания, в удовлетворении этой потребности я видел и все свое счастье, и всю свою будущность. Если б потребность эта была эгоистическая, то я не должен бы был поддаваться ей. Но я знал, но я чувствовал, что она не только что не выходит из эгоизма, но есть благороднейшая потребность человека, и я всею душою без разделения предался ей.

Вы скажете, может быть, любезные родители, что я мог соединить ее с службою. Не знаю, может быть, это для других возможно, но для меня решительно нет. Я себя знаю, помню, что всякий раз, как я брался за два дела вдруг, то всегда ни в том, ни в другом не успевал. Вы засмеетесь при этом последнем выражении, скажете, может быть, что я слишком много потерял времени для того, чтоб достигнуть этой цели. Да, я много потерял времени, и не совсем по моей вине. Любовь к знанию во мне всегда была, но не к знанию военных наук, к которым я был всегда совершенно равнодушен, но во мне не было довольно благоразумия, чтоб предвидеть, что, пренебрегая ими, я еще более запутаюсь в обстоятельствах, из которых мне так хотелось выпутаться. Теперь я выбрал свою дорогу по воле, по убеждению — моя будет вина, если я и на ней ни в чем не успею и ничего не сделаю. Пусть решит будущее.

Теперь поговорим о Станкевиче. Вы увидите из его письма к сестре, что отец с радостью и с любовью принял его предложение. Прежде он не противоречил ему, но не хотел показать своего мнения; но он не мог выдержать, и в вчерашнем разговоре показал ему свое совершенное согласие. Итак это — дело совершенно решенное, остаются еще некоторые формальности, которые не могут взять много времени и кончатся в весьма скором времени.

Прощайте, любезные родители, прошу вашего благословения и остаюсь

сын ваш

Михаил Бакунин.

Посылаю вам, папенька, 140 сортов различных семян, между которыми есть цветы очень редкие, вновь открытые *.

Милая матушка, я не мог раздобыть денег. Мне еще обещают их достать, но я нисколько не верю в эти обещания.

---

* Дальше до конца по-французски в оригинале.

Перевод с французского.

№ 200.—Письмо сестрам Беер.

[Весна 1837 года. Москва.]

Мои дорогие друзья!

Вы меня поняли, вы не усомнились в правдивости слов, вылившихся из-под моего пера. Да благословит вас бог, мои обожаемые друзья! Итак я снова пользуюсь вашим доверием и вашею верою. Какое счастье дает мне эта мысль! Каким сильным я себя чувствую в этот момент! Да, я вижу это небо, отныне нам принадлежащее. Я прочел на нем ваше будущее, и я снова, с еще большею силою и с еще большею верою, чем когда бы то ни было, повторяю: я — не от мира сего; ничто земное больше меня не интересует; я от него освободился; моя отчизна более прекрасна; я ношу ее в своей душе, и я нахожусь здесь для того, чтобы принести ее в эту юдоль печали и несчастья.

Вы говорите мне о любви, мои дорогие друзья. Вы опасаетесь возврата моей болезни. Нет, он невозможен. Испытание прошло, оно сделало свое дело. Какое другое испытание могло бы еще быть после этого? Какая другая буря была бы более страшною, чем та, которую я пережил?

Вы спрашиваете меня, действительно ли я нуждаюсь в вас. Но что же побудило бы меня говорить с вами о себе, высказывать вам самые заветные тайны моей души, если бы я не испытывал этой потребности? Да, я беру ваши руки, я целиком отдаю вам мою душу со всем ее огнем и со всею ее любовью. Я пролью ее в ваши души, и отныне все они составят одно целое.

Вы спрашиваете меня, Наталия, хватит ли у меня сил, чтобы рассказать Танюше все, что я вам говорил. Если бы это требовалось, я сделал бы это усилие. Возможно, что оно стоило бы мне дорого, но я бы его сделал. Но этого вовсе не требуется. Расставаясь с нею, я оставил ее навсегда, дал такую клятву в моем сердце, и эта клятва была моим спасением. Она никогда ничего не узнает, да и зачем ей об этом знать? Мы расстались надолго. Мой путь прекрасен, небесен, возвышен. Но он был бы пустынен, если бы вы не захотели вступить на него. Человечеству принадлежит моя жизнь в абсолютном, мои дела, мои надежды; вам — моя личная жизнь, мои радости, мое горе.

Мои добрые друзья, вы меня любите, я это знаю и не только этого не пугаюсь, но, напротив, я этим счастлив. Когда я пал и не имел достаточно сил, чтобы подняться, ваша любовь пугала меня. Но это потому, что я снова погрузился в жалкую сферу здравого смысла. Я пал, я утратил ту божественную сферу, где все диссонансы исчезают, чтобы уступить место высшей гармонии. Мы снова встретились здесь, дорогие друзья, и вот почему мы снова понимаем друг друга, и вот почему все сомнения исчезли.

Спасибо, мои добрые, мои обожаемые сестры, за все, что вы мне дали. У меня хватило бы сил итти одному. Но сколько бы мне пришлось затаить в себе черных минут и страданий, ибо лучше тысяча смертей, чем сожаление безразличных. Новая земля и новое небо открываются нам отныне.

Александрина, завтра Вы причащаетесь — да снизойдет на Вас божественный покой, да почиет на Вас божественный дух спасителя. Мои дорогие друзья, не сказал ли он, что где трое собралось во имя его, там и он с ними? Ныне душа его парит над нами и благословляет нас, ибо мы достойны его. Мы продолжаем его дело.

Ваш друг
М. Б[акунин].

Перевод с французского.

№ 201. — Письмо сестрам.

[24 апреля 1837 года. Москва.]

Мои дорогие, милые друзья!

Вот уже неделя, как я здесь [1], а до сих пор я вам еще не написал. Не думайте, что это объясняется возобновлением старых счетов, мелочных, жалких приемов обманутой дружбы или влиянием низменной стороны человеческой жизни. Нет, друзья мои, этому больше не бывать. Теперь я вас знаю, я убедился, что чувства ваши ко мне именно таковы, как я того хочу, именно таковы, какие мне нужны. Я признаю, что вы вполне вступили в новую жизнь, созданную для вас, и что ничто не в силах будет вас от нее оторвать. Я вижу, что вы сильны, непоколебимы в ваших убеждениях, единственно правильных. Да, вы сильнее

меня, ваша жизнь истиннее моей. Не закрывайте же от меня ваших сердец, мои дорогие друзья, позвольте мне иногда почерпать в них силу и веру, которые я сумел вам дать, но которые я подчас не могу сохранить. Мое пребывание в Прямухине оказало на меня благотворное действие *.

Я было утратил ту святость, тот душевный покой, которые для меня необходимы, которые составляют необходимое условие моего человеческого достоинства, — о, во мне много гадкого, много низкого; страсти во мне очень сильны, и одна только истина ** может спасти меня. Но есть такие минуты, где душа, униженная, огаженная недостойными ее мелочами, теряет веру и любовь к истине; и тогда она делается жертвою мучений ужасных, невыразимых. А когда к этому присоединяется безотрадное положение внешнего мира, не того пустого внешнего мира, который я презираю и в котором я ничего не ищу, нет, а того, в котором я ищу выражения тех чувств, тех идей, которые составляют мою религию, все мои верования, — о, это ужасно, более чем ужасно! Снаружи все так гадко, внутри все так мелочно, — и одно спасение тогда — найти где-нибудь ту гармонию вне себя, которой не находишь в себе. И вы мне возвратили эту гармонию, вы усилили мою колеблющуюся веру в мои силы, в мое достоинство, вы согрели душу мою, охладевшую от моих внутренних мелочей и от мелочей окружающего меня мира. Итак будьте же всегда моею путеводною звездою, на которую обратить глаза свои уже довольно для того, чтобы уничтожить все внутренние мучения и сомнения; не закрывайте же от меня душ своих, дайте мне согреться в вашей любви, дайте мне очиститься в чистоте ваших чувств, будемте взаимною подпорою друг другу ***.

Дорогая Любаша! Сейчас получил письмо Станкевича к тебе и к нашему отцу. По его словам, все идет к лучшему, и он прав. «Да будет воля твоя!» — вот верх мудрости. Тот, кто чувствует это и чувствует от глубины души, есть истинный и свободный человек. Ибо так как воля божия должна совершиться, то высочайшая степень свободы и есть не что иное, как отождествление человеческой воли с божией.

---

* Весь следующий абзац по-русски в оригинале.

** Бакунин пишет «истинна».

*** Дальше снова по-французски в оригинале.

Сейчас Станкевичу гораздо лучше. Он пишет тебе, что надеется приехать в Прямухино до своего отъезда в Карлсбад [2]. Я в этом уверен. Итак летом в Прямухине мы проведем еще чудные минуты. Одно только сжимает мое сердце: это — Беры. Они не смогут приехать. Они исключены из нашего общества презренным и низким светом, достойной истолкователь-ницей которого является наша мать. Но они сидят прочно в наших сердцах. Вы не знаете, насколько они поднялись, насколько они стали святыми. Напишите же им, мои добрые друзья. Они нуждаются в вашей дружбе и начинают всерьез в ней сомневаться.

Я еще столько хотел вам сказать, но должен кончать письмо, так как слуга Николая [Станкевича], который отнесет его на почту, дожидается его. Итак до завтра. Я еще не был у Дядьковского *.

Прощайте, мои дорогие друзья. Целую вас крепко и от всей души.

Ваш друг и брат
М. Бакунин.

Дорогая Варинька, я передал твое письмо Лангеру **. Он так был им растроган, что прослезился. Он хочет вместе со мною поехать в Прямухино. Боткин ***, а может быть и Лангер ответят тебе.

Прощай, прощай.

Целую Павла.

Перевод с французского.

№ 202. — Письмо сестрам Беер.

[Конец апреля 1837 года. Москва.]

Новая эпоха открывается для нас, дорогие друзья. Страдания и бури прошли. Грядущее сулит нам лишь гармонию и радости. Да, дайте мне во второй раз ваши руки, обопритесь снова на меня — я никогда больше не оставлю вас, я поведу вас, я введу вас в ту новую жизнь, которую я так часто вам возвещал и в которую вы до сих пор знали только вход. Вы еще дей-

---

* Это слово по-русски в оригинале.

** Федор Федорович [3].

*** Василий Петрович [4].

ствительно в нее не вошли. О, сколько радостей сулит вам эта новая жизнь! Дорогие друзья, вы должны окончательно освободиться от последних следов земного существования. Нашею истинною жизнью будет небо, рай нравственного и умственного мира, где нет уже бурь и страданий, где все есть покой и гармония, все есть любовь. Дорогие друзья, отбросим наконец в сторону все сомнения, все недоразумения: они причинили нам уже столько зла. Пусть нас объединят вера и взаимное доверие. Мы войдем в царство истинной любви. А когда любишь — веришь, и когда веришь — не сомневаешься.

Да, дорогие друзья, я возвещаю вам последнюю и прекраснейшую эпоху нашей дружбы. Эта эпоха будет вечною, никаких переворотов больше не будет: разве мы не прошли уже через все? Подадим же снова друг другу руки как залог вечного союза и никогда не отнимем их. Дорогие друзья, все вокруг нас пустынно и мертво, — объединимся же теснее, чтобы не заблудиться в этой ужасной пустыне. Наш союз священен, и ничто не сможет его разрушить, кроме недостойного поведения некоторых из его членов. Будем же вместе работать над тем, чтобы становиться все более достойными друг друга, все прочнее закрепляя связующие нас узы.

Дорогие друзья, вы не уедете так скоро из Москвы, вы не откажете в этом другу, который вас об этом просит. Не правда ли, дорогие друзья, вы не покинете меня так скоро? У вас нехватит мужества мне отказать, мужества причинить мне страдание. Итак вы согласны? Да, вы согласны. Разве можете вы мне отказать в чем-либо?

До свидания, дорогие друзья; в обед я на минутку зайду к вам, а вечером мы пойдем вместе гулять.

Ваш друг

М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 203.—Письмо сестрам.

[Конец апреля 1837 года. Москва.]

Дорогие друзья, вот я и снова с вами. Все это время было для меня порою неизреченного блаженства и восторга. Мы ведем жизнь столь тихую, столь истинную, столь полную бога, абсолютной любви, которая составляет источник истинного блаженства. Мы наконец вошли в это царство божие, основанное Христом, мы вкусили все счастье быть достойными его членами. Да, мы почувствовали, что живем, мы неоднократно повторяли: «Жизнь прекрасна, она составляет высшее благо, все — благо, нет зла» *. Мы были действительно блаженны, мы изведали истинную жизнь, истинное счастье. Да, источник всякого счастья, всякого истинного, вечного и нетленного блаженства заключается в глубине нашего собственного существования. Лишь тот живет, лишь тот заслуживает названия человека, кто говорит, что жизнь — блаженство. Блаженство само есть жизнь. Кто не блажен, тот не живет и не любит, а кто не любит, тот недостоин имени человека. Жить значит постоянно пребывать в присутствии бога; кто на это неспособен, тот еще не живет, тот еще не есть настоящий человек, тот является человеком лишь в возможности. Будем же действительно блаженствовать, будем жить в истине и любви и скажем вместе: жизнь — блаженство, все, что существует, — хорошо, ибо все ведет к очищению, к истинному и вечному блаженству.

Наши подруги покидают нас 20-го июня, а я, Лангер и Поль выедем 23-го или 24-го. Вы насладитесь хорошею музыкою **.

Дорогая Любаша, посылаю тебе письмо Николая ***. Судя по твоему и его письмам, между вами снова создалась какая-то натянутость. Но в скором времени он приедет в Прямухино, и все диссонансы разрешатся в полную гармонию ****.

---

* Дальше по-немецки в оригинале.

** Отсюда до конца снова по-французски в оригинале.

*** Станкевич.

**** Слова «и все диссонансы разрешатся в полную гармонию» по-немецки в оригинале.

Дорогая Варинька, я привезу тебе твои деньги и не выеду раньше, чем раздобуду их.

Засим прощайте.

Ваш брат и друг
М. Бакунин.

Перевод с французского.

№ 204. — Письмо сестрам.

[Начало мая 1837 года. Москва.]

Давно уже я вам не писал, дорогие друзья. После писем, которые мы друг другу написали, писем, в которых мы обнажили наши души, после этих писем всякие сомнения стали невозможны. За последнее время я так много перечувствовал, так сильно любил. Полная и ненарушимая гармония заняла в моей душе место тех страшных бурь, от которых она так долго страдала. Наконец-то мы с нашими подругами * полностью поняли друг друга. Мы вступили вместе в то святилище абсолютной истины, где все вечно, все возвышенно, все блаженно. Мне удалось наконец внушить им ощущение этой божественной религии, это возвышенное ощущение постоянного присутствия божества. Это ощущение нас объединило. Мы лучше, чем когда-либо, поняли внутреннее родство наших душ. Да, истина всемогуща, для нее не существует непроходимых преград, не существует препятствий, которые бы она раньше или позже не перешагнула, чтобы добиться признания.

Гегель дает мне совершенно новую жизнь. Я целиком поглощен им [1]. Я все больше и больше сознаю, что наука есть истинная стихия моей жизни, что она должна быть основным принципом всех моих поступков. Я счастлив и спокоен, несмотря на всевозможные обстоятельства, а нужно сознаться, что мои настоящие обстоятельства не из лучших. Дело Николая, письмо папеньки, которое должно прибыть с минуту на минуту, неустановленность дня моего отъезда не позволили мне приняться вплотную за уроки, так что в данный момент у меня нет ни гро-

---

* Сестры А. и Н. Беер.

ша [2]. Вдобавок ко всему я не совсем здоров. Но как это ни неприятно, я все это переношу мужественно. Я не жалуюсь на жизнь и всегда заявляю, что она прекрасна, что человек счастлив, когда он чувствует, что живет.

Дорогая Варинька, не обвиняй меня в легкомыслии за то, что я распорядился твоими деньгами [3]. Делая это, я предчувствовал все неприятности, которые тебе придется перенести со стороны твоего супруга. Поэтому клянусь тебе, что если бы дело шло обо мне, то как бы плохи ни были мои дела, я бы никогда этого не сделал. Но это было для Белинского. Он страдал болезнью, которая подточила бы совершенно его существование, если бы он не выехал на Кавказ. Вот что заставило меня решиться на это дело. Поэтому, дорогой друг, ты меня извинишь. В настоящее время я ищу этих денег, а через несколько дней после того, как я их раздобуду, я приеду к вам. Но как до сих пор мои поиски были безрезультатны, то я не могу точно указать день своего приезда. Не вини меня также в легкомыслии в делах, касающихся Станкевича. Его упадочное настроение с внутренней стороны вовсе не закончилось. Он сильно страдает, не верит в свою долговечность. Скоро вы увидите его сами. Я надеюсь, Любаша, что ты вернешь ему ту веру, которая составляет единственное условие всякого существования. Дорогие друзья, вы еще слишком мало нас понимаете, вы умеете понять только наши радости, но не наши горести. Когда мы страдаем, когда наши сердца обливаются кровью, вы обвиняете нас в легкомыслии. Что же я могу вам ответить, как не то, что я уверен в ваших сердцах, но что тем не менее я по временам очень живо чувствую, что существует дружба более проницательная, чем ваша?

Целую вас.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Наши подруги выезжают через несколько дней [4], и я остаюсь здесь совершенно один. Теперь они тверды и способны на многое. Прощайте.

Перевод с французского.

№ 205.—Письмо сестрам.

[6 мая 1837 года. Москва.]

Еще одно письмо от вас, мои восхитительные друзья, и еще целый день несказанной радости. Но знаете ли вы, что вы первые дали мне возможность вкусить столь полное счастье? Вы вернули меня к той душевной гармонии, которую я на некоторое время утратил. Да, только теперь я чувствую, как сильно действует на меня ваша дружба. Она делает меня лучше, она делает меня счастливым. Чего же мне теперь еще желать? Мой внутренний мир настолько богат будущим, а ваши сердца, ваша любовь образуют мой внешний мир.

Да, дорогие друзья, наконец мы друг друга поняли, мы не расстанемся никогда. Наши родители заслуживают сожаления, если пытаются добиться столь невозможной цели. У меня нет к ним злобного чувства. Когда человек счастлив, когда он чувствует себя достойным самого себя, он бывает терпим. Правда, у меня осталось не много настоящей любви к ним. После их возмутительных подозрений, после их жалких поступков родство душ невозможно, они становятся для меня все более и более чуждыми. Да, и папенька тоже. Не возмущайтесь, дорогие друзья, это неизбежно и необходимо. Чем большими достоинствами обладает папенька, тем большего он заслуживает осуждения. Существо, в котором человеческою является только наружность и больше ничего, не в состоянии действовать и чувствовать по-человечески. Но существо, которое обладает всеми человеческими свойствами и поступает наперекор законам нравственности, не заслуживает извинения. Мне жаль отца, так как он не создан для холодного скептицизма. Опытность, которую при всяком удобном случае он выставляет на вид, убила его. Ибо опыт, когда он не направляется истинным разумом, когда он шествует под знаменем здравого смысла, этот опыт не только не открывает человеку глаза, но, напротив, делает его слепым для всего действительно истинного, для всего действительно прекрасного и высокого. Папенька несчастен, и я рад за него, потому что, если бы он мог быть счастлив в той сфере, которую он себе создал, в той среде, которую он себе избрал, и вопреки

безнравственности своих поступков, если бы он мог быть счастлив при всех этих обстоятельствах, то это свидетельствовало бы об ограниченности его природы.

Но предоставим родителям делать, что им угодно, — я думаю и буду думать только о вас. Ваши образы являются для меня точками, на которых я фиксирую свои взоры, чтобы придать себе больше сил, чтобы укрепить свою веру, чтобы очиститься от всего мелочного и грязного. Через месяц я всех вас прижму к своему сердцу. О, это будет рай!

Целую вас тысячу раз.

Ваш брат и друг

М. Бакунин.

Я собираюсь произвести полный переворот в сестрах Беер. Они снова впали в сферу апатии, из которой, как мне казалось, я их извлек.

Николай * уезжает завтра. Нас останется совсем мало. Все идет хорошо и пойдет еще лучше.

[А. П.] Ефремов с [В. Г.] Белинским уехали на Кавказ, а потому адресуйте письма ваши на имя швейцара—к М. А. Бакунину **.

Перевод с французского.

№ 206. — Письмо сестрам.

(13 мая 1837 года.)

Давно я уже вам не писал, дорогие друзья, но ведь вы не приписали моего молчания новому охлаждению или чему-либо подобному, не правда ли? Нет, такие недоразумения между нами исчезли навсегда и больше повториться не могут. Да и было ли бы простительно отвергать счастье, которое провидение нам даровало, счастье столь редкое, столь возвышенное, счастье такого прочного и горячего союза, как существующий между на-

---

* Станкевич.

** Последний абзац по-русски в оригинале.

ми? И разве нам не приходится уже много страдать от холодного прикосновения окружающих нас замороженных существ? Разве не пытаются они слишком часто разрушить гармонию наших душ, ту гармонию, которая составляет наше единственное достояние? Дорогие друзья, пусть однако это окружение вас не пугает. Разве мы не всегда вместе, разве мы не полны симпатий друг к другу, разве наша жизнь не возвышенна? Жить в боге, стремиться к богу и все больше объединяться в нем, — разве у нас нет верного места, где наши взоры, устремленные к созерцанию окружающих нас апатичных фигур, могут любовно отдохнуть, разве наша горячая и святая дружба не будет всегда утешать нас во всех возможных страданиях и доставлять нам всегда высшее блаженство?

Да, дорогие друзья, я считаю себя достойным того призвания, которое вы мне предназначили подле вас. Быть вашею поддержкою, оживлять силы ваших душ, все больше приближать их к той истине, к тому богу, которому мы все поклоняемся, — я буду работать над тем, чтобы становиться все более достойным этого прекрасного призвания. Дорогие друзья, и когда у меня самого нехватит сил, когда я готов буду ослабеть, я стану искать силы в вашей любви, в ваших столь чистых, столь прекрасных душах. Христос, этот столь человечественный бог, это столь сильное любовью сердце, всегда останется идеалом, путеводною звездою, указующею нам путь. А этот путь, дорогие друзья, прекрасен, полон божественного наслаждения. Это — путь жизни, путь любви, присутствие которой мы так живо сейчас ощущаем.

Мои милые сестры, наши подруги * хотели нас оставить, мы чуть было их не потеряли. Наши отношения становились все более жалкими. Недоразумения, сомнения и масса других мелочей незаметно прокрались в наши взаимные чувства. Апатия все больше овладевала всеми нами. Я писал вам, что собирался произвести во всем этом резкий переворот, — мне это удалось. Я раздавил все эти жалкие мелочи, и мы вернулись к святости наших первых отношений. Разве они тоже не наши сестры, разве вы шестеро не составляете одно существо в моем сердце, в моей любви? Они остаются наконец здесь, а осенью они поедут к тебе в Ивановское **, дорогая Варинька, как ты предлагала.

---

* Сестры Беер.

** Слово «Ивановское» по-русски в оригинале.

Дней через двадцать мы поедем в Прямухино, Поль, Лангер и, может быть, также Боткин. Последний пока еще не вполне уверен в том, что сумеет приехать. Что касается родителей, то я уверен в их согласии: должны же они почувствовать неправильность своего поведения по отношению ко мне. Я ожидаю вскоре письма от папеньки, которое Николай обещал мне послать немедленно после своего приезда в деревню. Как только я получу это письмо, я им напишу в самой почтительной, даже нежной форме и постараюсь внушить им хотя бы частичное сознание несправедливостей, учиненных ими по отношению ко мне. Признаюсь вам, дорогие друзья, что если бы не вы, я бы долго не возвращался в Прямухино. Там мало что есть для меня привлекательного. Вы хорошо понимаете, что я не могу рассчитывать на слишком большую дружбу со стороны родителей. Прежде всего они хотели, чтобы я заслужил ее, как зарабатывают деньги, а затем, когда я не сумел ее заслужить таким путем, они поспешили выказать мне все пылкие чувства, которые они способны питать к тем, кто желает быть любимым не как кукла, а как человек. Но как бы то ни было, я приеду в Прямухино, я приеду почерпнуть там силы для всего того, что мне предстоит еще сделать.

Но как я рассеян! Я вам еще не сказал, что остаюсь здесь еще на два года, что мой отъезд за границу осуществится лишь по истечении двух лет[1]. Здоровье Николая* требует, чтобы он после карлсбадских вод провел зиму в Италии, так как русская зима может оказаться для него опасной. Очень возможно, что ему придется пользоваться карлсбадскими водами и следующее лето, так как в этом году он запоздал. Таким образом он вернется только осенью, и все это время я останусь с вами, дорогие друзья. Не думайте, чтобы это было с моей стороны жертвою для вас: мне нужно многое еще сделать, чтобы моя поездка принесла мне пользу. Я буду работать и много работаю, и мы проведем еще немало прекрасных минут вместе.

Дорогая Варинька, ты меня извинишь за то, что я взял 300 руб. ассигнациями из твоих денег. Мне они были очень

---

* Станкевича.

нужны. Белинский должен был ехать на Кавказ, но не мог этого сделать из-за недостатка денег. Я сам привезу их тебе.

Прощайте, дорогие друзья. Целую вас много раз.

Ваш брат и друг.

М. Бакунин.

13 мая 1837 года. Москва.

Вот мой новый адрес: его благородию М. А. Бакунину, в Москву, отдать швейцару *.

Я получил письмо от Ильи **. Завтра я ему отвечу.

№ 207 — Письмо брату Илье.

13 мая 1837 г[ода], Москва.

Благодарю тебя, любезный друг Илья, за письмо. Ты у меня просишь извинения в том, что ты мне пишешь. Глупенький, да разве я не сам просил тебя об этом? Пиши же чаще, говори обо всем, до тебя касающемся, все это меня интересует.

Жаль, что ты обманулся в Луджере; истинно хороший товарищ и человек — редкая находка в военной службе [1]; но теперь ты — вместе с Федором Константиновичем ***; его общество будет тебе утешением. Я всегда говорил тебе, что он — малый славный, с душой. Ты мне не хотел верить, но теперь сам уверился. Кланяйся ему от меня и скажи ему, что мы очень часто говорим о нем с Бееровыми.

Вчера ездили мы вместе за город, в Петровское-Разумовское, ездили на лодке, гуляли, пили чай. Ты не можешь себе вообразить, как после долгого житья в душном городе чувствуешь всю цену природы и чистого, благовонного полевого воздуха. Но я думаю, что ты сам уже успел испытать это. В Прямухине теперь — рай. Что-то делает твое рисованье, успешно ли?

Ты жалеешь, что вступил в военную службу. Я сам прежде отговаривал тебя, но теперь советую служить как можно рев-

---

* Адрес по-русски в оригинале.

** Брат Бакунина.

*** Ржевский.

постнее и дослужиться офицерского чина, а там у тебя руки будут развязаны, ты будешь вправе выбрать себе занятие, сообразное с твоими потребностями. Ты помни, что мы все должны быть покровителями сестер; они, бедненькие, нас так любят, им необходима наша любовь, вокруг них много собралось туч. Кому же разгонять их, как не нам? Поставь же себя в возможность быть им полезным, и твоя жизнь получит значение, и ты не будешь бесполезным кольцом в общей цепи жизни.

Ружье привезу тебе сам, дней через двадцать.

Покамест прощай, пиши чаще; я буду к тебе также писать.

Брат и друг твой

М. Бакунин.

Костя Беер и все почтенное московское общество тебе кланяется. Ваничка Станкевич *, хотя и не имеет чести знать тебя, целует тебя в переносицу.

№ 208.— Письмо сестрам.

(Дата не определена.)

Любезные друзья!

Сходите с ума от радости (если только для вас это возможное дело?), прыгайте, беситесь!.. Я вам пишу: понимаете ли вы всю важность этого дела? Я! Михаил Бакунин, посланный провидением для всемирных переворотов, для того, чтобы, свергнув презренные формы старины и предрассудков, вырвав отечество мое из невежественных объятий д—ма **, вкинуть его в мир новый, святой, в гармонию беспредельную, — я вам пишу! Но таковы законы природы: великое с смешным нераздельно! И я проговорил вчера целый вечер с Иваненковой, а сегодня взял перо для того, чтоб сказать вам, что я вас очень, очень люблю.

Брат ваш

М. Бакунин.

Нянюшке, кормилице etc. поклон.

---

* Иван Владимирович, брат Н. В. Станкевича.

** Деспотизм или догматизм?

КОМЕНТАРИЙ

№ 1.—Отрывок мемуаров под заглавием «История моей жизни» написан Бакуниным не позже 1871 года, судя по тому, что в тексте он говорит о двух живых сестрах, а с 1872 года у него оставалась в живых одна только сестра Александра, Татьяна же умерла в 1871 году. Таким образом М. Неттлау, допускающий, что рукопись может относиться к 1871 или 1872 году, ошибается. Но возможно, что отрывок относится к еще более раннему времени. Дело в том, что в середине отрывка Бакунин ссылается на свою речь о России в Берне, т. е. на Бернском конгрессе Лиги мира в сентябре 1868 года. Для Бакунина эта речь представляется еще чем-то свежим, недавним, злободневным; повидимому незадолго до того он передал несколько оттисков ее своему адресату. А если это так, то отрывок может относиться к 1869 году—быть может, даже к его началу. Вместе с тем указанное место наводит на предположение, что лицом, для которого Бакунин писал этот отрывок (незаконченный и вероятно неотосланный), был не кто иной как лионский анархист Альбер Ришар, с которым Бакунин в то время сблизился и которого он ввел в свой тайный Альянс (об их взаимоотношениях см. мое предисловие к письмам Бакунина к А. Ришару в № 3 «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса»).

Мы печатаем его первым номером потому, что он служит прекрасным введением к собранию его сочинений и вместе с тем непосредственно примыкает к той переписке, какая следует за ним. Отрывок этот написан на 12 страницах in 4° и опубликован Максом Неттлау в анархистском журнале «La Société Nouvelle» («Новое общество», Париж — Брюссель), в сентябрьской книжке за 1896 год. Перевод с французского сделан М. А. Брагинским.

Совершенно очевидно, что печатаемая рукопись не является отрывком тех мемуаров, которые Бакунин, по некоторым свидетельствам и по собственным своим заявлениям, начал писать в Лугано (см. Ю. Стеклов — «М. А. Бакунин», т. IV, стр. 405 — 406). Судя по личным обращениям, это скорее—письмо к другу, повидимому оставшееся незаконченным, как многие другие произведения Бакунина.

В этом отрывке, писавшемся, видимо, на память, попадается немало фактических ошибок и неточностей. Важнейшие из них следует отметить.

Во-первых, родился Бакунин не в 1815 году, как он пишет, а в 1814 году.

Петр Васильевич Бакунин был при Екатерине не министром иностранных дел, а членом Коллегии иностранных дел, как и его одноименный брат.

Вернулся отец Бакунина в Россию в возрасте не 35, а 25 лет. Либералом или противником крепостного права он, вопреки тому, что пишет его сын, а также активным деятелем декабристского общества не был. Напротив, известно, что он держался консервативных воззрений, был монархистом, сторонником крепостного права, противником революций и т. п. Судя по имеющимся материалам, он членом декабристского общества не был, а, стоя в стороне от него, участвовал в обсуждении устава Союза Благоденствия, которому старался придать антиреволюционный характер, и поддерживал правое крыло Союза Спасения и его главу М. Н. Муравьева в борьбе с революционными тенденциями Пестеля (см. А. Корнилов — «Семейство Бакуниных», т. I, стр. 18—28). Но просвещенным человеком А. Бакунин несомненно был, и он сумел создать в своей семье атмосферу, которая сделала ее центром притяжения для тогдашней передовой интеллигенции.

[1] Михаил Александрович Бакунин родился 8/20 мая 1814 г. в имении своего отца Прямухино (пишется также Премухино), расположенном в Новоторжском уезде, Тверской губернии.

[2] Верховный уголовный суд приговорил по делу декабристов 5 человек к смертной казни четвертованием, 31 к отсечению головы, 17 к политической смерти, 16 к бессрочной каторге, 5 к 10-летней каторге, 15 к 6-летней каторге, 15 к ссылке на поселение, 3 к ссылке на житье в Сибирь, 9 к отдаче в солдаты. Затем приговор был смягчен: 5 человек повешено, 31 сослан в каторгу без срока, остальным назначена была срочная каторга, заключение в крепости, поселение, отдача в солдаты и пр.

[3] Варвара Александровна Муравьева (1792—1864), дочь Александра Федоровича Муравьева (отчимом ее был Павел Маркович Полторацкий), была аристократической светской барышней, когда на ней женился уже сорокалетний А. М. Бакунин. Через нее Бакунин породнился с тремя знатными семьями: Муравьевых, Мордвиновых и Полторацких (мать Варвары Александровны, Варвара Михайловна, происходила из семьи Мордвиновых). Руководители тайных обществ первой четверти XIX века Никита Михайлович Муравьев, Артамон Захарович Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы были ее троюродными братьями по отцу, а сыновья известного основателя заведения для колонновожатых, Николая Николаевича Муравьева, Александр (основатель Союза Спасения), Николай (Карский), Михаил (основатель Союза Благоденствия, затем министр гос. имуществ и ген.-губ. виленский, получивший прозвище Вешателя), Андрей (автор путешествия ко святым местам) и Сергей, приходились ей дальними родственниками по отцу, но двоюродными братьями по матери. Дальним родственником по отцу приходился Варваре Александровне и Николай Назарович Муравьев, отец Николая Николаевича Муравьева-Амурского, родство с которым сыграло впоследствии значительную роль в жизни М. А. Бакунина (в Сибири).

[4] Вот эти 11 детей, родившиеся за первые 14 лет брака Бакуниных: 1) дочь Любовь (1811—1838); 2) дочь Варвара (1812—1866); 3) сын Михаил (1814—1876); 4) дочь Татьяна (1815—1871); 5) дочь Александра (1816—1882), впоследствии замужем за Г. П. Вульфом; 6) сын Николай (1818—1900), впоследствии женился в первый раз на А. П. Ушаковой, а

во второй на С. Ф. Соколовой; 7) сын Илья (1819—1901), был женат на бар. Е. А. Шлипенбах; 8) сын Павел (1820—1900), женился на Н. С. Корсаковой; 9) сын Александр (1821—1908), был женат на Е. В. Виноградской, затем на Е. А. Львовой; 10) сын Алексей (1823—1882), был женат на М. Н. Мордвиновой; 11) дочь Софья (1824—1826), прожившая всего два года.

[5] Отправка Мишеля, а затем других его братьев в корпус объясняется и иными причинами: в то время все дворяне, как господствующий класс, должны были служить своему самодержавному государству на статской или лучше военной службе. С другой стороны, семья Бакуниных вследствие своей многолюдности чувствовала некоторую стесненность в средствах, и служба была для ее мужского состава необходимой также с материальной стороны.

Вслед за Михаилом, выехавшим из дому в ноябре 1828 г., по достижении им 14-летнего возраста, в таком же возрасте был отправлен в Артиллерийское училище второй сын Николай в 1833 г. Остальные четыре сына в 1835 г. были вместе отданы в Тверскую гимназию, при чем Илья через год поступил юнкером в кавалерийский полк, а Павел, Александр и Алексей окончили гимназию и в 1839 г. поступили в Московский университет.

Все это необходимо знать для понимания дальнейшего.

[6] Боссюэ (т), Жак Бенинь (1627—1704) — французский проповедник и писатель, автор «Рассуждения о всемирной истории», написанного в чисто церковном духе. Об этой книге и говорит здесь Бакунин.

[7] Ливий, Тит (59 до Р. Х. — 17 по Р. Х.) — римский историк, автор «Книг деяний римских от основания города».

[8] Плутарх (50—135) — греческий писатель, автор «Биографий», параллельных жизнеописаний греческих и римских знаменитых деятелей.

[9] Амио, Жак (1513—1593) — французский писатель, прославившийся красотою своих переводов древних авторов.

[10] См. выше прим. 3.

[11] Муравьев-Апостол, Сергей Иванович (1796—1826) — декабрист, один из основателей Союза Спасения, затем участник Союза Благоденствия, позже деятельный член Южного общества, державшийся республиканских убеждений, в каковом духе и составил вместе с М. П. Бестужевым-Рюминым революционный катехизис. Возглавил восстание Черниговского полка, был ранен в бою, схвачен и приговорен к смертной казни. Повешен на верках Петропавловской крепости 13 июля 1826 г. вместе с Пестелем, Рылеевым, Бестужевым и Каховским.

Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович (1803—1826) — подпоручик, член Южного общества, принял активное участие в восстании Черниговского полка. Казнен.

Пестель, Павел Иванович (1793—1826) — один из виднейших декабристов, сын сибирского генерал-губернатора, полковник, командир Вятского пехотного полка, в тайных обществах с конца 1816 г., глава Южного общества, автор республиканской и радикальной «Русской Правды», легшей в основу программы общества; арестован по доносу Майбороды 13 декабря, накануне восстания. Казнен.

[12] Рылеев, Кондратий Федорович (1795 — 1826) — поэт и политический деятель, руководитель Северного общества, республиканец, играл большую роль в подготовке восстания 14 декабря 1825 г. и в разработке планов цареубийства и истребления семьи Романовых. Казнен.

Каховский, Петр Григорьевич (1797 — 1826) — отставной поручик, происходил из небогатых дворян Смоленской губ. (возможно, что на этом основании Бакунин называет его поляком), член Северного общества, «русский Брут», решительный революционер, брал на себя убийство сначала царя Александра I, а затем его преемника, Николая Павловича, во время восстания смертельно ранил гр. Милорадовича и полковника Стюрлера из правительственных войск. Казнен.

[13] Лелевель, Иоахим (1786 — 1861) — польский историк и общественный деятель, демократ-романтик, принимал энергичное участие в революции 1831 г., после неудачи которой эмигрировал. Бакунин познакомился с Лелевелем в Брюсселе в 1844 г., а затем снова встретился с ним в том же Брюсселе в 1847 г., после высылки своей из Парижа. Лелевель оказал Бакунину горячий прием и устроил ему выступление на польском собрании.

[14] Новиков, Николай Иванович (1744 — 1818) — писатель и общественный деятель екатерининской эпохи, просветитель, издатель сатирических журналов, масон, издатель многих книг. С началом реакции, вызванной страхом перед французской революцией, был арестован в 1792 г. и посажен на 15 лет в Шлиссельбург, откуда, впрочем, выпущен Павлом через 4 года, после чего уже не играл общественной роли.

[15] Карамзин, Николай Михайлович (1765 — 1826) — русский историк и писатель, автор 12-томной «Истории государства российского», написанной в духе возвеличения самодержавной власти и российских монархов, сторонник крепостного права и помещичьей диктатуры. Свои реакционные политические взгляды выразил также в «Записке о древней и новой России», составленной для борьбы с либеральными веяниями в дворянских и бюрократических сферах.

№ 2.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 42). Написано вероятно в Торжке или Твери.

Адрес на письме гласит: «Милым тетенькам в Казицино». В соседнем с Прямухиным сельце Казицино (Козицыно тож) жили: тети Бакунина Анна, Варвара и Пелагея Михайловны (сестры его отца), жена покойного дяди Бакунина Ивана с дочерьми и пр. В «борьбе за освобождение Варинъки» (см. ниже) Бакунин прибегал к помощи тетушки Анны Михайловны и ездил для этой цели в конце 1837 г. в Казицино.

[1] Константин Маркович Полторацкий (1782 — 1858), генерал-майор, некогда в чине поручика командовавший караулом в Михайловском дворце в ночь убийства императора Павла (11 марта 1801 г.), был дядей матери Бакунина; был ярославским военным губернатором; а затем ярославским гражданским губернатором. Его брат, Павел Маркович Полторацкий, был ее отчимом. Другой его брат, Александр Маркович, был женат на тете Бакунина, Татьяне Михайловне, сестре отца Бакунина. Их сестра Елизавета Марковна была замужем за Алексеем Николаевичем Олениным.

статс-секретарем Государственного Совета и директором Публичной библиотеки в Петербурге.

Софья Борисовна Полторацкая — жена Константина Марковича. С ними Бакунин и был отправлен в Петербург.

[2] Как известно, кампания 1828 года на Балканах во время русско-турецкой войны кончилась для царской армии неблагополучно: она должна была в октябре—ноябре отступить в большом беспорядке и, между прочим, снять осаду турецкой крепости Силистрии. То обстоятельство, что мальчик Бакунин приводит в прощальном письме слух о возобновлении осады этой крепости, свидетельствует о том, как больно было задето дворянство поражением русской армии.

№ 3.—[1] Асута или Осуга—речка, впадающая в Тверцу и протекавшая через имение Бакуниных Прямухино. Этим именем озаглавлена поэма, написанная в начале 30-х годов отцом Бакунина, Александром Михайловичем, и посвященная воспеванию прелестей мирного помещичьего житья. Значительные выдержки из этой поэмы приводятся у Корнилова в первых трех главах тома I его семейной хроники Бакуниных («Молодые годы Михаила Бакунина»).

№ 4.—[1] Дочь Федора Петровича Львова, директора придворной певческой капеллы. Сын его, Алексей Федорович Львов (1798—1870), жандармский офицер и впоследствии тоже директор придворной капеллы, был известным музыкантом и композитором, автором гимна «Боже, царя храни». Семья Львовых была родственна семье Бакуниных. Мишель посещал дом Львовых в Петербурге, бывший одним из музыкальных центров столицы.

№ 6.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 45, прим.).

Это письмо представляет приписку, сделанную Бакуниным на письме Петра Андреевича Нилова, у которого он проживал в Петербурге, к старику Бакунину. Нилов, богатый тамбовский помещик, бывший тамбовский губернатор, был женат на тете Бакунина, Прасковье Михайловне, сестре его отца. Человек старых правил, он заставлял 14-летнего мальчика читать Четьи-Минеи и верить всему, что там написано, чем подорвал в нем религиозную веру (см. письмо Бакунина к отцу от 15/XII 1837 г.).

[1] Княжевич, Дмитрий Максимович (1788—1844)—русский писатель, служил по ведомству народного просвещения, в 1837—44 гг. был попечителем Одесского учебного округа.

[2] Упоминаемое письмо в Прямухинском архиве не сохранилось.

[3] Артиллерийское училище, в котором учился Бакунин, открыто было в 1820 г. по инициативе в. кн. Михаила Павловича, по смерти которого в 1849 г. оно было названо Михайловским.

[4] Опперман, Карл Иванович, граф (1765 — 1831) — германский выходец, сделавший карьеру на службе царям, преподавал военные науки в. кн. Николаю Павловичу (впоследствии император Николай I); кроме своих многочисленных должностей был с 1827 г. заведующим главными училищами, Артиллерийским и Инженерным.

№ 7.—[1] «Швейцарский Робинзон»—роман, написанный в подражание знаменитому произведению Д. Дефо «Робинзон Крузо» швейцарским писателем Рудольфом Виссом (1781 — 1830); вышел в 1812 г. и был пере-

веден на многие языки, в том числе на русский. Был одно время популярен в буржуазных семьях. Отличается бесталанностью, вымученностью, особенно же поповским, ханжеским духом, вполне в жанре лицемерных протестантских пасторов.

[2] Речь идет о романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году», вышедшем в 1829 г. и положившем начало русскому историческому роману.

Загоскин, Михаил Николаевич (1789—1852) — русский писатель, основатель нашего исторического романа, написал много комедий и несколько романов, как упомянутый выше «Юрий Милославский», «Рославлев, или русские в 1812 году» (о котором Бакунин упоминает в рассматриваемом письме), «Аскольдова могила», «Брынский лес» и пр., все проникнутые духом квасного патриотизма и заскорузлой мещанской пошлости.

[3] Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель и журналист охранительного направления, связанный с III Отделением, издававший вместе с Н. И. Гречем официозную газету «Северная Пчела»; автор нескольких романов, из которых наиболее известны «Иван Выжигин» (1829) и «Петр Иванович Выжигин» (1831). О них и упоминает письмо Бакунина «Дмитрий Самозванец» вышел в 1830 г.

Греч, Николай Иванович (1787—1867) — писатель и публицист, одно время державшийся либерального направления; с 30-х годов окончательно становится публицистом охранительно-полицейского лагеря, тесно сблизившись с Ф. В. Булгариным.

[4] Ротчев, Александр Гаврилович (1813—1873) — писатель, стихотворец, переводчик; особенно много переводил Шекспира, Шиллера, Гюго и т. п., в том числе и названное Бакуниным произведение Шиллера, который действительно пытался переделывать некоторые трагедии Шекспира.

№ 9.—[1] Державина, Дарья Алексеевна, которой мать была родная сестра Любови Петровны Бакуниной, бабушки М. А. Бакунина, вторая жена поэта Г. Р. Державина; ханжа, поклонница известного представителя реакции при Александре I, архимандрита Фотия.

[2] Оленина, Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая, вместе с мужем своим, директором Петербургской Публичной библиотеки, устроила у себя в доме литературный салон.

[3] Мордвинов, Николай Михайлович, дядя матери Бакунина, дед Н. Н. Муравьева-Амурского.

№ 12.—На адресе написано: «Любови и Варваре Бакуниным».

[1] Львовы, к семье которых принадлежала Марья Сергеевна и которые были родственны петербургским Львовым, были родственниками Бакуниных и соседями их по Тверской губернии.

[2] Семья Беер, состоявшая из матери, двух братьев и двух сестер, была хорошо знакома с семьей Бакуниных. Одно из имений Беер, Попово, было расположено в трех километрах от Прямухина, и когда Беры приезжали туда на лето, то молодежь встречалась почти ежедневно. Другое имение Беер, Шашкино, находилось в Орловской губернии. По зимам они жили в Москве, иногда приезжали в Тверь или в гости в Прямухино. Старшего брата Беер звали Алексей Андреевич, младшего — Константин, сестер — Натальей и Александрой Андреевнами. Бакунин сблизился с этой

семьей, особенно с сестрами Беер, с 1835 г. Впоследствии Александра Беер вышла в 1846 г. за А. Д. Кудрявцева и умерла в 1847 г. от преждевременных родов, а Наталья Беер вышла за барона фон-Вейсенфельда; Константин Беер тоже умер в 1847 г. от туберкулеза.

№ 15.—[1] Лафайет, Мари Жозеф, маркиз (1757—1834)—известный представитель французского буржуазного либерализма, участвовал в восстании Северо-Американских Штатов против английского владычества, а затем принимал участие во французской революции, пока она носила умеренный характер; позже стал контр-революционером, эмигрировал из страны и вернулся только после установления власти Наполеона Бонапарта. В 1830 г. сделал все, чтобы помешать установлению республики. Во время польской и бельгийской революций 1830—31 гг. Лафайет принадлежал к тому течению среди буржуазии, которое признавало поддержку восставших народов выгодным для национальных интересов Франции. Но король Луи-Филипп предпочитал политику невмешательства, считая её более соответствующей интересам буржуазии.

№ 20.—Это письмо важно в том отношении, что показывает первые проявления отрицательного отношения Бакунина к военной службе, к которой он не чувствовал никакого призвания. Как бы он ни оправдывался перед родителями, ясно, что именно в таком духе он вел разговоры с С. Н. Муравьевым. Близкое будущее показало, что это были не пустые разговоры.

[1] Сухозанет, Иван Онуфриевич (1788—1861) — русский генерал, участвовал в войнах против Наполеона, в походе на Польшу в 1831 г., активно помогал подавлению восстания декабристов. В 1831 г. назначен главноуправляющим Артиллерийским училищем, а через два года стоял уже во главе почти всех военных училищ, причем военной академией управлял вплоть до 1854 г. Типичный представитель николаевской палочной дисциплины.

[2] Лагарп, Жан Франсуа (1739—1803) — французский писатель, сначала держался передовых воззрений, но после заключения в тюрьму в эпоху красного террора сделался контр-революционером, врагом материализма и революции. В таком духе и составлен им курс литературы, известный под заглавием «Лицей или Курс древней и новой литературы» в 16 томах (на французском языке).

№ 21.—[1] Александр Николаевич Мордвинов был сенатором и начальником канцелярии III Отделения. Его отец, Николай Михайлович, и Варвара Михайловна Мордвинова, мать В. А. Бакуниной (матери Михаила Бакунина), были братом и сестрой. Бакунин в «борьбе за освобождение Вариньки» пытался позже использовать и эту родственную связь (в те времена высший орган политической полиции, каким было «III Отделение собственной е. и. в. канцелярии», вмешивался в такие дела, как разводы и т. п.). А. И. Герцен в «Былом и думах» называет Мордвинова представителем редкой в России породы инквизиторов.

№ 22.—[1] Вульфы — родственники Бакуниных по матери. Их было два брата: Иван Петрович и Гавриил Петрович, бывший кавалерийский офицер. За последнего позже (в 1844 г.) вышла сестра Бакунина — Александра.

[2] Купер, Джемс Фенимор (1789—1851) — американский писатель, автор многочисленных романов исторических и авантюрных, в частно-

сти из жизни индейцев, истребляемых напором буржуазной цивилизации. Из них кроме названных Бакуниным известны: «Шпион», «Зверобой», «Следопыт», «Последний из могикан» и пр. Полные героического романтизма, эти романы были некогда чрезвычайно популярны и оказывали облагораживающее влияние на читателей.

№ 25.—[1] Мас(с)альский, Константин Петрович (1802—1861) — стихотворец, переводчик и автор трех исторических повестей: «Стрельцы», «Черный ящик» и «Регентство Бирона», вышедших между 1832 и 1834 гг. и очень популярных в 30-е годы XIX века.

[2] Калашников, Иван Тимофеевич (умер в 1855 г.)—писатель, стихотворец, автор романов из жизни русской провинции, в том числе упомянутого Бакуниным романа «Дочь купца Жолобова», вышедшего в 1832 г.

№ 29.—[1] Мария Афанасьевна Дохтурова — наставница в семье Беер. О ней часто упоминается и в «Переписке» Н. Станкевича.

№ 30.—[1] «Дмитрий Донской» — трагедия В. А. Озерова, вышедшая в 1807 г. и имевшая, несмотря на свои недостатки, большой успех благодаря проникающему ее «патриотическому» духу (это было во время войны с Наполеоном I).

[2] Речь идет, повидимому, об Александре Марковиче Полторацком (1766 — 1837), женатом на тетке Бакунина, Татьяне Михайловне; в 1787 г. был председателем Архангельского губернского магистрата. Он писал под псевдонимом «Дормидонт Прутиков». В 1836 г. выпустил в 2-х частях книгу «Провинциальные бредни и записки Д. В. Прутикова», которую Белинский разделал в одноименной заметке («Молва», 1836, № 4) До того Белинский по рекомендации И. Лажечникова поступил к Полторацкому в качестве литературного правщика (в 1834 г.), некоторое время жил у него в доме, но не сошелся с ним и ушел от него (об этом рассказал Лажечников в своих «Воспоминаниях»).

[3] Вяземский, Петр Андреевич, князь (1792 — 1878) — поэт и критик, литературный соратник А. С. Пушкина.

№ 31.—[1] Такой проект переезда семьи Бакуниных на жительство в столицу существовал несколько лет, но в конце концов не осуществился.

[2] В Марию Воейкову Бакунин скоро влюбился.

№ 32.—[1] Бестужев, Александр Александрович (1797—1837)—писатель и политический деятель; участвовал в заговоре декабристов, был сослан на Кавказ, где и погиб. Выступал под псевдонимом Марлинского; особенной популярностью пользовались его повести из кавказского быта, написанные в духе романтической героики.

№ 34.—[1] Анна Павловна Полторацкая вышла замуж за бессарабца Ралли, дядю известного впоследствии анархиста и сподвижника М. Бакунина—Замфира Ралли.

№ 36.—В небольших выдержках приводится у Корнилова (I, стр. 50—53).

[1] Лафатер, Иоанн Каспар (1741 — 1801) — швейцарский священник и писатель; особенную популярность доставили ему его «Физиономистические отрывки», в которых не совсем научными приемами устанавливалась связь между внешностью человека и его характером.

[2] Массильон, Жан Батист (1663 — 1742) — французский церковный проповедник; особенно известен сборник его проповедей малолетнему Людовику XV в течение поста 1718 года («Petit Carême»). Об этой книге видимо и говорит Бакунин.

[3] Муравьев, Андрей Николаевич (1805 — 1876) — духовный писатель, дважды побывал в Палестине, написал, между прочим, «Путешествие по святым местам» и «Путешествие в Иерусалим в 1831 г.».

№ 41.—[1] Книга основателя классической школы политической экономии Адама Смита (1723—1790) «Исследование о природе и причинах богатства народов» вышла в 1766 г. Русского перевода ее во времена Бакунина не существовало. На каком языке он читал ее, неясно. Неизвестно также, каким образом она попала в его руки. По «Евгению Онегину» Пушкина мы знаем, что передовые круги тогдашнего русского дворянства интересовались этим произведением А. Смита.

№ 45.—[1] Речь идет о сватовстве кавалерийского офицера и курляндского барона Ренне к сестре Бакунина, Любови Александровне. Родители хотели принудить свою дочь выйти за человека, которого она не любила, но в конце концов, благодаря сопротивлению Мишеля и других сестер, им не удалось этого добиться, и сватовство расстроилось. Это было первым серьезным конфликтом в семье Бакуниных, и с этого времени Мишель перестал питать к отцу прежнее чувство благоговейного преклонения.

№ 47.—[1] Ласковский, Иван Федорович (1799—1855)—русский композитор легкого жанра, автор множества мазурок, вальсов и т. п.

№ 48.—Корнилов (I, стр. 55) упоминает об этом письме и излагает небольшую его часть. Это покаянное письмо вызвано было духовным кризисом, совершившимся в Бакунине одною летнею ночью в Красносельских лагерях (об этом он сам рассказывает в письме к отцу от 15 декабря 1837 г., которое будет напечатано во втором томе настоящего издания). В нем Бакунин кается в своих юнкерских проступках, столь обычных и характерных для дворянчика тогдашней поры.

[1] А. Н. Мордвинов был в то время управляющим канцелярии III Отделения. Повидимому, вопрос разрешился патриархальными методами, и вексель у маркитанта-разносчика был просто отобран мерами полиции.

[2] И по этому векселю уплата не была произведена. В 1843 г., когда М. А. Бакунин находился за границею, этот вексель был предъявлен для оплаты отцу Бакунина через земский суд, но тот от уплаты по нему отказался, хотя другие долги сына, например сделанные за границей, оплачивал.

[3] Ссора с П. М. Ниловой произошла у Бакунина по той причине, что та относилась к нему как к младенцу: узнав от Д. А. Державиной об ухаживании Мишеля за М. Воейковой, она нашла это неприличным и запретила ему выходить из дому без ее разрешения. Тогда Мишель решил выехать из ее дома.

№ 50.—В промежутке между написанием писем № 48 и № 49 Бакунин побывал в Прямухине, где провел часть августа и сентября 1833 г. Тяжелые семейные сцены, о которых говорится в письме, связаны с недоразумениями вокруг сватовства барона Ренне к Любови Бакуниной, которая его не любила, но соглашалась выйти за него замуж из угождения родителям.

Бакунин, несомненно, сыграл роль в разрыве между Любовью и ее

нареченным женихом. Побывав в Прямухине, он постарался раскрыть сестре глаза на ее истинные чувства, поддерживал ее в столкновениях с отцом, который упрямо настаивал на выходе ее замуж за нелюбимого человека, а затем привлек на свою сторону и тетушку Прасковью Михайловну Нилову. Письма Любови Бакунин в подлинниках направил отцу и сам написал ему письмо, в котором высказывался против задуманного брака. Старику Бакунину пришлось в конце концов уступить, и это подорвало его до тех пор безграничный авторитет в семье, а сам Бакунин с той поры перестал верить в «святость» отца.

№ 52.—[1] Муравьев, Николай Назарович (1775—1845), был некогда моряком, затем работал по ведомству народного просвещения, был сотрудником Аракчеева, управляющим собственной е. в. канцелярии и пр. В 1832 г. вышел в отставку и занялся хозяйством в имении Покровском, на Шлиссельбургском тракте, под Петербургом. Из 17 его детей у него осталось от первого брака 3 сына и 3 дочери и от второго брака 3 дочери Старшим его сыном был Николай, впоследствии прославившийся под именем Муравьева-Амурского и сыгравший большую роль в жизни Бакунина (сибирского периода).

Старик Муравьев был большим другом отца Бакунина, который, отправляя сына в Петербург, советовал ему поближе сойтись с ним. Но в первое время Бакунин редко бывал у старика, которому в то время исполнилось 54 года. Только с осени 1833 г. Бакунин, очевидно под влиянием пережитых им душевных потрясений (неприятности с долгами в училище, конфликты в семье из-за неудачного сватовства Ренне к Любови Бакуниной), сблизился с семейством Муравьевых и зачастил в Покровское, заинтересовавшись оригинальной личностью старика Муравьева и тремя его старшими дочерьми. На ряду с житейскими неприятностями и семейными конфликтами влияние семьи Муравьевых вероятно сыграло свою роль в той интеллектуальной революции, о которой говорится в письме № 53 и которою характеризовался духовный перелом в молодом Бакунине.

[2] Предыдущее письмо Бакунина, на которое он ссылается в настоящем письме, до нас не дошло. Из данного письма ясно, что юношеская любовь Бакунина к Марии Боейковой прошла к концу 1833 года, уступив место новой привязанности.

№ 53.—Это письмо частично напечатано у Корнилова (I, стр. 58—61). Оно важно в том отношении, что свидетельствует о первом пробуждении в душе молодого Бакунина смутных порывов к новой жизни и первых проблесков сознания своей высокой миссии.

[1] Муравьев, Сергей Николаевич, двоюродный дядя Бакунина по матери, сын Николая Николаевича Муравьева, основателя школы колонновожатых, младший брат Александра, основателя Союза Спасения, Николая (Муравьева-Карского), Михаила, основателя Союза Благоденствия и впоследствии виленского генерал-губернатора (Муравьева-Вешателя). Не преуспев по службе, он был склонен к кабинетным занятиям, преимущественно философией. Был старше Бакунина всего на 5 лет.

№ 54.—Это письмо взято из той части б. Прямухинского архива, которая ныне хранится в переменном фонде Архива Октябрьской революции,

ф. XXIII, оп. 1, папка № 80. — Упоминаемый в письме магнит был послан с описанием.

№ 55 — Эта заметка взята нами из тетради, озаглавленной «Мое чтение. Записки касательные всеобщей истории, извлеченные из моего чтения и дополненные моими примечаниями. № 1. 1834-го года». В этой тетради содержится конспект второго тома книги Коха «Описание переворотов» (Tableau des Révolutions par Koch), посвященного изложению событий XIV и первой половины XV века. Заметка характерна в том отношении, что свидетельствует о довольно глубоких умственных запросах и о характере умственных интересов юного Бакунина. 19-летний прапорщик ставил перед собою вопросы о сущности исторического процесса, о движущих причинах и силах исторического развития, о внутренних процессах народной жизни, о борьбе общественных элементов и т. д. Это показывает, что уже в тот момент ему присущи были интересы, выходившие за пределы обычного мышления тогдашней дворянской молодежи. А ведь это имело место за год до знакомства с Н. В. Станкевичем и почти за два года до их сближения.

№ 57.—В начале 1834 года у Бакунина произошли какие-то неприятности в училище, в результате которых его, не дожидаясь окончания им офицерских классов, приказано было перевести в одну из армейских артиллерийских бригад, расположенных в Западном крае, с тем, чтобы в продолжение трех лет его обходили чином и до получения им чина подпоручика ни в отставку, ни в отпуск не отпускали. Корнилов в томе I «Семейной хроники Бакуниных», стр. 83, рассказывает — вероятно на основании сообщенной ему семейной легенды — целую драматическую историю столкновения юного Бакунина с главноначальствующим Артиллерийского училища, генералом И. О. Сухозанетом, которому Мишель на грубое замечание якобы ответил недостаточно почтительно. Но мы нигде не нашли указаний на такое столкновение и сомневаемся, чтобы оно имело место в действительности (по тем временам за такую провинность юный офицерик не отделался бы так легко). Сам Бакунин нигде, даже в автобиографии, писанной за границею (см. № 1), об этом столкновении не говорит. В письме к Неверову (см. выше, стр. 195) от 15 февраля 1836 г. Бакунин глухо говорит о каких-то «неприятностях», послуживших причиною отправки его в Литву, а в «Исповеди» он объясняет постигшую его участь своим безалаберным отношением к занятиям вследствие влюбленности.

В мае 1834 года ему удалось получить месячный отпуск, который он провел в родном Прямухине. Данное письмо написано в дороге после отъезда из Прямухина.

[1] Дьяков, Николай Николаевич — уланский офицер, тверской помещик, в 1835 г. женился на сестре Бакунина Варваре, которая разошлась с ним в 1837 г., но затем снова сошлась к неудовольствию брата Михаила.

№ 61.—Частично напечатано у Корнилова (I, стр. 84—85).

[1] Паскевич, Иван Федорович (1782 — 1856) — генерал-фельдмаршал, усмиритель польского восстания 1831 г., в рассматриваемое время был наместником Царства Польского.

[2] Бедан, Франсуа Сюльпис (1787 — 1850) — французский физик и минералог.

[3] Востоков, Александр Христофорович (1781 — 1864) — извест-

ный славист, академик, филолог; автор многочисленных филологических сочинений, в том числе двух приспособленных к школьному преподаванию учебников русской грамматики, вышедших в 1831 г.: «Сокращенная русская грамматика» и «Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная».

[4] Капфиг, Батист Оноре Ремон (1802 — 1872) — французский писатель реакционного направления, автор множества легковесных исторических работ, в том числе и названной Бакуниным «Истории Реставрации».

№ 62.—Это письмо характерно в том отношении, что оно знаменует начало «борьбы за освобождение Варинъки» (см. ниже).

№ 63.—Приведено частично у Корнилова (I, стр. 86—87).

№ 65.—Письмо это адресовано, судя по содержанию, Сергею Муравьеву, с которым Бакунин сошелся в Петербурге с зимы 1833 г. Это письмо интересно в том отношении, что показывает, насколько сильно было тогда влияние на Бакунина дворянских традиций и в частности тогдашнего гродненского губернатора, а впоследствии виленского палача, родственника Бакунина, Михаила Николаевича Муравьева, брата адресата данного письма. В письме Бакунин отрекается от своего петербургского либерализма в польском вопросе и одобряет те истинно-русские меры М. Н. Муравьева, которые недавно еще осуждал. Таким образом это письмо подрывает легенду, будто Бакунин уже во время своей военной службы сочувствовал польской борьбе за свободу и высказывался против политики царизма в польском вопросе (эту легенду отчасти повторил и я на стр. 23—24 второго издания тома I моей книги «Бакунин»).

Сохранившаяся часть письма занимает два листа почтовой бумаги большого формата, всего 8 страниц, из коих последняя дописана лишь до середины. На листах вверху в левом углу поставлены цифры 2 и 3. Таким образом ясно, что первый лист, т. е. 4 страницы письма, пропал.

Как рассказывает Корнилов (I, стр. 88), в Прямухинском архиве сохранилась небольшая рукопись, писанная рукою М. А. Бакунина, под заглавием «Материалы, до Литвы и до губерний, от Польши возвращенных, касающиеся. Из документов М. Н. Муравьева. 1835 года 30 января, г. Гродно». Рукопись эта представляет переведенный с польского проект какого-то иезуита «об уничтожении Руси в областях, присоединенных к Польше», направленный к стеснению православия в этих районах. Документ этот, видимо, был сообщен Бакунину его дядюшкою, будущим Вешателем. Возможно, что он был Бакуниным приложен к письму Сергею Муравьеву, если только это письмо было закончено и отослано. Во всяком случае странно, что Корнилов не обратил внимания на это письмо, хотя оно было в его руках.

[1] Велланский, Даниил Михайлович (1774—1847) — русский натуралист и философ-шеллингианец.

[2] Окен, Лоренц (1779—1851) — немецкий натуралист и философ.

[3] Галич, Александр Иванович (1783—1848) — русский шеллингианец; по доносу Рунича был лишен кафедры в Петербургском университете.

[4] Речь идет о мерах, принимавшихся М. Н. Муравьевым (впоследствии Виленским и Вешателем) в качестве губернатора Могилевской, Гродненской и Минской губерний с 1831 г.

№ 66.—Напечатано без последних трех абзацев у Корнилова (I, стр. 190—193). Между этим письмом и предыдущим замечается большой перерыв. Отчасти он объясняется тем, что в начале 1835 г. Бакунину удалось получить командировку в Тверь для ремонта лошадей бригады. Он воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы избавиться от военной службы, что в те времена было для дворянина не так-то легко. В это время он бывал и в Прямухине и в Твери. После долгих хлопот ему удалось добиться отставки «по собственному желанию» (18 декабря 1835 г.).

Это — первое из многочисленных писем Бакунина к сестрам Беер, писем, в которых молодой пропагандист брал на себя задачу не только просвещать своих корреспонденток в философских вопросах, но и давать им практические указания житейского характера. Сближение Бакунина с сестрами Беер произошло во время одного из первых наездов его в Москву, в первой половине марта 1835 г. В это время сестры переживали драму вследствие столкновений с матерью, желавшей целиком подчинить их своей воле. Наталья Беер вдобавок в это время разошлась с Н. Станкевичем. Двадцатилетний Бакунин быстро подчинил сестер своей воле и стал для них надолго учителем жизни.

[1] Клюшников, Иван Петрович (1811—1895) — член кружка Станкевича, поэт грустного раздумья и колебаний, писавший под псевдонимом Θ. (Θεος — по-гречески — бог); в начале 40-х годов отошел от друзей и литературы. Брат его, Петр Петрович — врач, лечивший Станкевича, Любовь Бакунину и пр.

[2] Речь идет об историко-литературном журнале «Московский Наблюдатель», выходившем в Москве в 1835—1840 гг. по две книжки в месяц. Сначала руководителем литературной части журнала был реакционер и бездарный литератор С. П. Шевырев (см. коментарий [1] к № 197), придавший журналу реакционно-славянофильский характер. С мая 1838 г. журнал перешел в руки В. Г. Белинского, который привлек в него несколько товарищей по кружку Станкевича, в том числе и Бакунина, и сделал журнал лучшим из тогдашних журналов. Вследствие того, что денежные дела журнала запутались, он прекратился в 1840 г., при чем последние книжки его вышли без участия Белинского.

[3] Ржевские — племянники Анастасии Владимировны Беер, а значит, двоюродные братья сестер Беер.

Ржевский, Владимир Константинович (1811—1885) — русский писатель и общественный деятель; в рассматриваемое время служил при попечителе Московского учебного округа гр. Строганове, позже был директором университетского пансиона, впоследствии сделался публицистом, печатал много статей в «Русском Вестнике» 50-х и 60-х годов, был общественным деятелем, членом орловского дворянского комитета по крестьянскому делу в 1859 г. Сделавшись отъявленным реакционером, был членом совета министерства внутренних дел, а затем сенатором.

Ржевский, Федор Константинович — младший брат предыдущего,

в рассматриваемое время был очень близок с Александрой Беер, чем возбуждал подозрительное отношение со стороны ее матери.

Ржевская, Анна Константиновна — сестра предыдущих, молодая девушка, жившая в то время в доме Беров.

Ржевская, Софья Константиновна — то же; позже также жила в доме Беров.

[4] Станкевич, Николай Владимирович (1813—1840) — глава философского идеалистического кружка в Москве, существовавшего с 1831 г., но особенно развившегося с 1835 г. В разное время в кружке участвовали В. Г. Белинский, К. С. Аксаков, Я. М. Неверов, А. П. Ефремов, И. П. Клюшников, В. И. Красов, М. А. Бакунин, В. П. Боткин, М. Н. Катков, Т. Н. Грановский и др. О кружке Станкевича существует обширная литература, из которой укажем только: «Н. В. Станкевич, переписка его и биография, составленная П. В. Анненковым». М. 1857; «Переписка Н. В. Станкевича», ред. и изд. Алексея Станкевича. М. 1914; «П. В. Анненков и его друзья». Спб. 1892; П. Анненков — «Воспоминания и критические очерки» (1877—1881), отд. III «Замечательное десятилетие»; М. Гершензон — «История молодой России». М. 1908. Кроме того, воспоминания о Станкевиче И. С. Тургенева («Соч.», т. X), Герцена (в «Былом и думах») и пр.

М. А. Бакунин познакомился с Н. Станкевичем в доме Беров, где Станкевич тогда часто бывал, вероятно весною 1835 г. Сестры Бакунина познакомились с Станкевичем еще раньше там же.

№ 67.—Частью (около полутора страниц) опубликовано у Корнилова (I, стр. 131 — 132 и 158). Письмо интересно тем, что в нем молодой Бакунин впервые намечает программу своей жизни: «он не будет жить для себя», хотя в тот момент вряд ли придавал этому лозунгу какое-либо политическое, а тем более революционное значение.

[1] Неизвестно, о ком говорит здесь Бакунин. Повидимому, о Марии Боейковой. Но так как к рассматриваемому времени он вряд ли особенно страдал при мысли о ней, то надо полагать, что он просто интересничал перед юными девицами.

[2] Для понимания этого места нужно знать следующее. Беры были вообще истеричные и экзальтированные девицы, дурнушки, не находившие женихов. Разрыв с Н. Станкевичем поверг Наталью Беер в особенно нервное состояние. Она начала вдруг мечтать о том, чтобы сосватать Станкевичу свою подругу Любовь Бакунину. В марте 1835 г. сестры Беер гостили в Твери, где провели вместе с Бакуниными около трех недель. Возвращаясь из Твери в Москву, Наталья по дороге записывала свои мысли в дневник, а затем вырвала эти листки из дневника и отослала их Бакуниным. В этих листках она выражала сомнение в искренности дружбы Бакуниных к ней, нападала на Станкевича за его «измену» и т. п. Ответом на эти истерические выходки Натальи и служат нижеследующие строки М. А. Бакунина.

[3] Красов, Василий Иванович (1810—1854) — член кружка Станкевича, поэт, выпустил сборник стихотворений; в 1847 г. был адъюнктом по кафедре русской словесности в Киевском университете, затем преподавал русскую литературу в Чернигове и Москве.

Самборский — знакомый Бакуниных, видимо по Твери. О нем упоминается и в письме Бакунина из Швейцарии от мая 1843 г., в котором говорится о его неспособности наслаждаться природой, и в «Переписке» Станкевича (2 изд., стр. 609).

№ 68.—Судя по указанию на поездку сестер Беер в Шашкино, записка относится к лету 1835 г. В этом году Беры уехали в Шашкино в середине мая и находились там до середины ноября. Судя по тому, что Бакунин еще ждет от них сообщения о приезде их в Шашкино, надо полагать, что его записка написана не позже конца мая.

№ 69.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Ефремов, Александр Павлович (1815—1876) — близкий друг Н. Станкевича; был членом кружка Станкевича, был близок также к Бакунину и В. Белинскому, с последним ездил в 1837 г. на Кавказ; был другом дома Бакуниных, часто бывал в Прямухине, ввел туда Н. Станкевича; присутствовал при смерти Любови Бакуниной в Прямухине в 1838 году; в 1839 г. выехал за границу, где присутствовал при смерти Н. Станкевича. Бакунин встретился с ним в Берлине в 1840 г. Позже был преподавателем всеобщей географии в Московском университете, но стоял в стороне от общественных дел.

Установить точно, когда Бакунин познакомился с Ефремовым, мы не можем. Так как Ефремов в Москве бывал у Бееров, где с ним, равно как с Н. Станкевичем, познакомились сестры Бакунина, то и Мишель мог познакомиться с ним там же и тогда же, когда познакомился у них с Станкевичем, т. е. весною 1835 г. Однако, судя по данному письму, знакомство или, точнее, более близкое знакомство состоялось позже, а именно летом 1835 г. Повидимому перед нами первое письмо Бакунина к Ефремову, написанное в ответ на первое же письмо последнего. Дело в том, что незадолго до того Ефремов на правах друга дома гостил у Бакуниных в Прямухине и близко сошелся с приехавшим туда из Западного края Мишелем (это происходило в июне—июле 1835). Уехав из деревни, он написал Мишелю письмо, на которое тот и отвечает в печатаемом нами документе.

Как известно, из членов кружка Станкевича, если не считать самого Бакунина и В. Г. Белинского, ни один не оправдал возлагавшихся на них Бакуниным в общественном смысле надежд. В частности это применимо к Ефремову и Неверову, вместе с другими употреблявшим общепринятые в кружке фразы, которые можно было при желании истолковать в смысле готовности их авторов к широкой активной общественной деятельности. Поэтому письма Бакунина к этим людям интересны не со стороны того, что молодой пылкий Мишель приписывал своим собеседникам, а с точки зрения того, что он сам вкладывал в ходячие между ними фразы. В этом отношении представляет значительный интерес и данное письмо, в котором выражены туманные порывы прогрессивной дворянской молодежи последекабристской эпохи и в частности метко указано отсутствие «воли» у этой слабой социальной группировки, переходное состояние, в котором она тогда находилась.

№ 70.—Частично (около трети) опубликовано у Корнилова (I, стр. 141, прим.), при чем допущены ошибки: 1) приписка сделана к письму Татьяны, а не Любови и 2) дивизионный генерал назывался Перш, а не Перенн.

№ 71.—Это письмо, любезно предоставленное мне из коллекции Николая Александровича Крашенинникова в Москве, публикуется впервые.

№ 72.—Это письмо заимствовано из собрания Исторического музея в Москве, инвент. № 48235, местохранение Б2 $^{5}/_{9}$ 3. Публикуется впервые.

[1] Неверов, Януарий Михайлович (1810—1893) — один из ближайших друзей Н. Станкевича, в «Переписке» которого (2 изд.) письма к Неверову занимают целую четверть (180 страниц из 740). Известен главным образом своею близостью к Н. Станкевичу и Т. Грановскому. Впоследствии писал по историко-литературным и преимущественно педагогическим вопросам. Служил по ведомству народного просвещения, был директором гимназий, Лазаревского института, попечителем Кавказского учебного округа и наконец членом совета министерства народного просвещения.

Он откликнулся на письмо Бакунина. В Прямухинском архиве имеется 3 письма его к М. А. Бакунину от 1835 и 1836 гг. Но особой дружбы между ними никогда не было.

№ 73.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Письмо написано после получения Бакуниным письма Н. Станкевича от 7 ноября 1835 года. В этом письме Станкевич сообщал Бакунину о том, что Погодин передавал ему свой разговор с архимандритом Иннокентием о книге Юстина Кернера, посвященной ясновидящей из Префорста (а не Явордта, как передавал не знавший немецкого языка Погодин, вообще переврапший весь рассказ). Иннокентий много хвалил книгу Кернера. Ясновидящая рассказывала о чудесах духовного мира, об отношении умерших к живым и т. п. И скептически относившийся к болтовне ненормальной женщины и эксплоатировавших ее болезнь изуверов Станкевич продолжает: «Философ Эшенмайер вследствие ее откровений сделал изменения в своей системе. Каков! Хочет верить. Иннокентий, человек чрезвычайно умный и совершенно знакомый с немецкою философиею, считает это откровение ниспосланным нашему веку. Боюсь, не иезуитничает ли он или не забавляется над православием Погодина. Впрочем он, кажется, вовсе не иезуит, судя по тем проповедям, о которых я говорил тебе. Друг, и мы об этом не знали! Dahin, dahin!» («Переписка» Н. Станкевича, стр. 581).

[1] Это место подтверждает, что приятели вели между собою разговоры о предстоявшей им общественной деятельности и притом явно прогрессивного характера, как видно из замечания Ефремова о «безотрадности» выбранного ими пути. Но поскольку эта прогрессистская российская дворянская группа 30—40-х годов была слишком слаба для какой-либо серьезной борьбы с царившим режимом, ей ничего другого не оставалось, как отгораживаться от внешнего, материального мира и сосредоточиваться в себе самих, в мире внутреннем, где они могли распоряжаться по произволу, тогда как в мире внешнем распоряжались не они.

В промежутке между первым письмом Бакунина к Ефремову от 25 июля и настоящим письмом в жизни приятелей произошло следующее событие. Во второй половине октября Н. Станкевич вместе с тянувшим его туда Ефремовым съездил на неделю в Прямухино, где они пробыли до 26 октября (Станкевич был тогда влюблен в Любовь Бакунину). Здесь Станкевич, как он писал Неверову, «подружился с Мишелем—чистая и благородная душа».

Из Твери Станкевич уехал в Москву, а Ефремов некоторое время еще оставался у Бакуниных в Твери.

[2] Бакунин в это время действительно энергично хлопотал об отставке, которой скоро и добился.

[3] Префорст — хутор в Марбахской волости Неккарского округа в Вюртемберге; стал известен благодаря родившейся там нервной больной, получившей прозвище «ясновидящей из Префорста».

Гауффе, Фридерика (1801—1829) — дочь лесничего, с юных лет высказывала повышенную нервную чувствительность и тяготение к чудесному; выйдя в 1819 г. замуж, переехала на баденскую границу в Кюрнбах, где пережила тяжелую горячку, сопровождавшуюся галлюцинациями. После того нервная система ее окончательно расшаталась. В 1826 г. Юстин Кернер подверг ее магнетическим опытам и погружал ее в состояние сомнамбулизма (о своих опытах с нею он выпустил двухтомную работу под заглавием «Die Seherin von Prevorst»). Вскоре она умерла.

Кернер, Юстин (1786—1862)—немецкий поэт, мистик, автор баллад и других стихотворений; верил в видения и в мир духов и написал на эту тему несколько книг (в том числе и о ясновидящей из Префорста), вызвавших насмешки Г. Гейне и др.

[4] Эшенмайер, Карл Адольф (1768—1852) — немецкий натурфилософ, врач по профессии; с 1812 г. экстраординарный профессор философии и медицины, а в 1818 г. ординарный профессор практической философии в Тюбингене. Под конец впал в мистицизм. Станкевич имеет повидимому в виду его сочинение «Тайны внутренней жизни, разъясненные историею ясновидящей из Префорста». Тюбинген 1830 г.

Иннокентий, в миру Иван Алексеевич Борисов (1800—1857)—русский богослов и проповедник; с 1823 г. профессор, затем инспектор Петербургской духовной академии, а с 1830 г. ректор Киевской духовной академии; с 1836 г. епископ чигиринский, а с 1848 г. архиепископ херсонский и таврический. Известен главным образом как проповедник. Собрание его сочинений издано в Спб. в 1871—1874 гг.

№ 74.—Это—ответ на вопрос, поставленный Бакунину его сестрою Татьяною на обороте того же листка. Она спрашивала его, для чего он разрушил их прежнее понимание счастья и взаимной любви.

№ 75.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

[1] О В. А. Сологубе см. коментарий к № 89.

[2] Алексей Андреевич Беер, старший брат сестер Беер, был офицером; позже служил в Твери.

№ 76.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

[1] Об Арнольде Людвиге Геерене см. том II.

[2] Об Иоганне Готфриде Гердере см. коментарий [1] к № 188.

[3] О Викторе Кузене см. том II.

[4] Вильмен, Абель Франсуа (1790—1870)—французский ученый, писатель и политический деятель; с 1816 г. профессор истории в Сорбонне; был членом государственного совета, но за либерализм и оппозицию Карлу X удален оттуда. В 1829 г. был избран в палату депутатов, с 1832 г. получил звание пэра Франции; был министром народного просвещения в министерстве Сульта с 1840 по 1844 г., после чего отошел от политики и отдался

исключительно литературе, сохранив звание постоянного секретаря академии. Его лекции по истории французской литературы, построенные на чисто эстетических оценках, утратили теперь всякое значение, но в свое время пользовались большой популярностью. Автор ряда исторических и критических сочинений, среди которых особенно известен «Курс французской литературы», который повидимому и имеет здесь в виду Бакунин.

[5] О Франсуа Гизо см. том III.

[6] Сисмонд де-Сисмонди, Жан Шарль Леонард (1773—1842)—швейцарский историк и экономист, типичный представитель мелкобуржуазного социализма. В молодости жил во Франции (в начале Великой революции), затем побывал в Англии, где тяжелое зрелище страданий пролетариата произвело на него неизгладимое впечатление и заставило усомниться в правильности теорий классической экономии, партизаном которой он до того был. Проживал главным образом в Женеве; с 1813 г., особенно же с 1815 г., снова жил во Франции. Среди множества написанных им исторических работ наиболее известна 16-томная «История итальянских республик в средние века» (1809—1818). Но главную славу он приобрел своими экономическими работами, первая из коих появилась в 1801 г. Особенно известны его «Новые принципы политической экономии или о богатстве в его отношении к населению» (1819) и «Этюды о политической экономии» (1837—1838). В этих работах Сисмонди подвергает критике капитализм и предлагает реформировать общество, для чего рекомендует ряд мер в пользу рабочих (законодательство по охране труда, страхование от болезней, увечий, старости и безработицы, участие в прибылях производства и т. п.), а также восстановление мелкого производства (ремесла и крестьянского хозяйства, признаваемого им экономическим идеалом). В ряде основных положений Сисмонди является теоретическим предшественником современного международного меньшевизма; однако в свое время его критика капиталистического строя была использована и коммунистами.

[7] «Благородный театр»—комедия М. Н. Загоскина (1827 г.), имевшая в свое время большой успех благодаря живости сюжета и веселому изложению.

№ 77.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

[1] Решительно непонятно, о какой женщине говорит здесь Бакунин. Надо полагать, что он просто интересничал перед приятелем, придавая себе романтический ореол влюбленного, рвущего свои цепи.

[2] После посещения Н. Станкевичем Прямухина в октябре 1835 г. Бакунин уже начинает заговаривать о поездке в Берлин (видимо, влияние бесед со Станкевичем). А в настоящем письме он даже говорит об этой поездке, как о чем-то решенном. На самом деле ему пришлось прождать около пяти лет, прежде чем он добился осуществления своей мечты.

№ 78.—Эта записка напечатана у Корнилова (I, стр. 195—196). Корнилов высказывает довольно правдоподобное предположение, что она относится к декабрю 1835 г., когда Бакунин и сестра его Татьяна временно находились в Москве, куда они прибыли из Твери, где с осени находилась семья Бакуниных. Это предположение подтверждается припиской Татьяны к сестрам Беер, которых она просит прислать за нею человека, чтобы вместе пойти гулять. А Беры приехали в Москву из Шашкина только в конце ноября 1835 г., в Поново же они собрались весною 1836 г.

Записка эта интересна тем, что в ней Бакунин впервые определенно заговаривает об образовании тесного кружка, в который должны войти сестры Беер, а также сестры и братья Бакунины. Отчасти эта мысль начала осуществляться с 1836 г.

№ 79.—Это письмо написано на двух листках in 24°, на трех страницах. Даты на письме нет, но она может быть с достаточной степенью вероятности установлена по содержанию письма. Оно относится повидимому к периоду неожиданного отъезда Бакунина из Твери в Москву, так наз. «бегства в Медину». В то время Бакунин готов был порвать со всей семьей, не одобрявшей его поведения и его отказа от обычной дворянской карьеры. На деле до такого полного разрыва, о котором говорится в письме, дело не дошло. Бакунин сначала помирился с сестрами, а затем и с родителями. Возможно, что это—незаконченный проект письма, которое никогда не было отослано. Подпись под письмом зачеркнута; но насколько можно разобрать отдельные буквы, видно, что М. Бакунин подписался под этим письмом не своим именем, а каким-то псевдонимом. Довольно ясно видны последние буквы: бухов. А. вся подпись в целом похожа на Скарбухов, Старбухов или нечто в роде того.

№ 80.—Это важное для биографии Бакунина письмо относится к периоду его водворения в Москве после его внезапного отъезда из родительского дома, так наз. среди его знакомых «бегства из Мекки в Медину». Под влиянием неоформившихся смутных порывов молодой Бакунин, чувствуя, что его засасывает обывательская тина, и мечтая о каком-то высоком призвании, решил круто порвать с прежней средою и стать самостоятельно на ноги. Его неожиданный отъезд в Москву вызвал отрицательное отношение не только со стороны родителей, но и со стороны сестер, не понимавших, какие мотивы толкнули их брата на такой непонятный для них шаг. Сестра Татьяна написала ему письмо, в котором осуждала его поступок. Ответом на ее письмо и явилось письмо его от 27 января (явно: 1836 года). Не удовлетворенная его ответом, Татьяна снова написала ему. Корнилов приводит выдержки из обоих писем Татьяны (I, стр. 165—167), но о письме Мишеля только упоминает.

№ 81.—Это письмо, равно как и № 83, относится повидимому к масленице 1836 г. Во втором письме (№ 83) речь идет вероятно о билетах на концерт.

№ 82.—Настоящая записка, оригинал которой находится в архиве Общества политкаторжан, относится нами к февралю 1836 г. вместе с идущей под следующим номером 83 запискою к сестрам Беер, с каковою она повидимому связана и по содержанию. Нашему предположению противоречит как будто одно обстоятельство. По приезде в Москву Бакунин поселился вместе с Ефремовым и Красовым: как же бы он стал писать Ефремову, жившему с ним на одной квартире? Но судя по письму к Неверову от 15 февраля 1836 г., напечатанному ниже под № 85, Бакунин уже с середины января переехал к Станкевичу. Между тем из письма к сестрам, Татьяне и Варваре, печатаемого ниже под № 90, видно, что в этот день он снова ночевал у Ефремова и Красова. Отсюда приходится сделать тот вывод, что по свойствам своей богемной натуры Бакунин не имел прочного местожительства и кочевал от одного приятеля к другому.

Однако не исключена возможность и того, что записка относится к другому времени—впрочем вряд ли далекому от масленицы рассматриваемого года.

На обороте записки написано: «От Аннибала (зачеркнуто «Александра») к Александру Македонскому послание».

№ 84.—Это письмо является ответом на второе письмо Татьяны (см. комментарий к № 80). И об этом письме Бакунина Корнилов только упоминает (I, стр. 168).

№ 85.—Это важное письмо, в котором Бакунин сам объясняет причины своего переселения в Москву и говорит о своем плане поездки за границу, до сих пор оставалось неизвестным. Мы заимствуем его из собрания Исторического музея (инвент. № 48235, местохранение Б2 $^{3}/_{9}$ 4). Из этого же письма явствует, что с Т. Грановским Бакунин познакомился уже в начале 1836 г.

[1] Грановский, Тимофей Николаевич (1813—1855) — русский историк либерального направления, член кружка Станкевича, западник, но умеренного правого крыла, идеалист, противник материализма, революций, социализма; на этой почве впоследствии разошелся с своими друзьями вроде Герцена. Лично был весьма обаятельным человеком.

№ 86.—Ироническое письмо Бакунина от 10 февраля так сильно подействовало на Татьяну, что Любовь просила брата не писать больше таких писем, если он хочет пощадить здоровье сестры. Ответом на это письмо и является письмо за № 86.

Приписка Бакунина к этому письму вызвана третьим письмом Татьяны, хотя решительно непонятно, чем оно могло возбудить гнев Мишеля. Письма сестер в извлечениях приводятся у Корнилова (I, стр. 168—169), но о письме Бакунина он опять-таки только упоминает.

№ 87.—Это повидимому первое письмо, написанное Мишелем сестре Варваре после поспешного отъезда его из Твери в Москву. Возможно, что Бакунин воспользовался ссорою с Ржевским как предлогом для возобновления сношений с сестрою, которую он привык уважать с детства и разрыв с которою был ему особенно тяжел. Если это так, то цели своей Бакунин добился: с этого приблизительно времени отношения между ним и Варварой восстанавливаются и вскоре переходят в большую дружбу (особенно в связи с попыткою Александры Беер уйти в монастырь, о чем см. ниже).

№ 89.—Дуэль, о которой сообщает здесь Бакунин, не носила серьезного характера и не состоялась. Причиною вызова была болтовня Ржевского об отношениях Н. Станкевича и Любови Бакуниной и хвастовство его тем, что ее сердце будто бы принадлежит ему самому. Вскоре после вызова Бакунин об всей этой истории забыл и встречался с Ржевским попрежнему дружески.

Корнилов об этом письме Бакунина только упоминает (I, стр. 235, прим.).

[1] В. А. Со(л)логуб, граф (1814—1882) — впоследствии известный писатель, автор «Тарантаса». В рассматриваемое время состоял чиновником особых поручений при тверском губернаторе и в качестве такового был знаком с семейством Бакуниных как местных помещиков, на зиму приезжавших в Тверь. Бакунин ревновал к нему сестру Татьяну и потому

его не любил. Позже Н. Станкевич, как видно из его писем, ревновал к нему Любовь Бакунину.

[2] Граф С. Г. Строганов с 1835 по 1837 г. был попечителем Московского учебного округа. В. К. Ржевский служил тогда при нем. Строганов хорошо отнесся к Бакунину по переезде последнего в Москву и с целью притти ему на помощь заказал ему перевод на русский язык немецкого учебника всеобщей истории Шмидта, какового заказа Бакунин, как мы увидим ниже, не выполнил.

№ 90.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 171—174) без последних двух абзацев.

Это письмо свидетельствует о том духовном перевороте, который произошел в Бакунине под влиянием философии Фихте, с которою он в то время усиленно знакомился. Отъезд из родительского дома и переход на положение богемы (на котором Бакунин с этого момента в сущности уже оставался до конца дней своих) усилили то повышенное настроение, в котором он тогда находился, когда ему показалось, что он открыл наконец задачу жизни и наметил себе путь деятельности, впрочем тогда неясный для него самого. Это письмо важно в том отношении, что показывает назревающее решение Бакунина порвать с старыми преданиями и сойти с обычного пути тогдашней дворянской карьеры — государственной службы и хозяйничанья в крепостном поместьи.

[1] Как видно из письма Белинского от 12—24 октября 1838 г. («Письма», т. I, стр. 284), Бакунин, перебравшись в Москву, заказал себе визитные карточки с надписью (по-французски) «учитель математики» и разослал их своим знатным родственникам и знакомым, что тогда Белинскому понравилось.

[2] Фихте, Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ, создатель системы субъективного идеализма, выводившего весь мир из сознания познающего субъекта. Среди других его произведений необходимо упомянуть вышедшие в 1806 г. две книги: «О назначении ученого» и «Наставление к блаженной жизни или учение о религии». Последняя оказала особенно сильное влияние на кружок Бакунина.

[3] Бакунин имеет в виду письмо отца от февраля 1836 г., в котором старик выражал осуждение поступку сына, покинувшего отчий дом, его планам и поведению. В этом письме, частично напечатанном у Корнилова (I, стр. 161—163), старик утверждал, что Бакунин оставил родительский дом не вследствие притеснений, а вследствие отпора, данного его желанию «господствовать в семействе». Выразив далее сомнение в том, чтобы Бакунину удалось просуществовать уроками математики, старик указывал на легкомысленное отношение Бакунина к деньгам, сказавшееся уже в то время, и, отметив принадлежность их семьи к небогатому дворянству (главным образом вследствие ее многочисленности), заключал: «Богатые могут философствовать, а небогатые должны быть деятельными по службе людьми, а по закоренелым во мне предрассудкам всякий из нас должен по званию своему служить верою и правдою государю и отечеству. Дорога эта если не блистательная, то безопасная, а на той, которую ты избираешь, много кочек и ухабов». Эти строки оказались пророческими.

[4] Гофман, Эрнст Теодор Амедей (1776—1822) — германский писа-

тель, романтик, автор множества фантастических с примесью реализма романов и повестей; пользовался большою популярностью в России в 30-х и 40-х годах среди передовой интеллигенции, как Станкевич, Белинский, Герцен, усматривавшие в его писаниях некую философскую глубину.

№ 91.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 175—176).

[1] После отъезда Мишеля в Москву отец написал ему несколько осуждающих писем; одно из них мы изложили в комментарии к № 90.

[2] С Алексеем Беером Бакунин был тогда в дружеских отношениях. Но вскоре после того они совершенно разошлись.

[3] Вероятно деньги дал ему Н. Станкевич.

[4] На самом деле первый урок Бакунин дал только 7 апреля.

[5] Толстой, Александр Петрович, граф (1801—1874), генерал-лейтенант, в 30-х и 40-х годах XIX века был тверским губернатором (впоследствии был одесским градоначальником, обер-прокурором Синода и членом Гос. Совета). Он предлагал М. Бакунину быть у него чиновником особых поручений, от чего Бакунин отказался.

№ 93.—Корнилов, приводящий из этого письма только несколько первых строк (I, стр. 160), склонен отнести его к 1835 г. Мы думаем, что оно более позднего происхождения, быть может, даже более позднего, чем указанная нами дата. Во всяком случае оно не может быть отнесено ко времени более раннему, чем февраль 1836 г.

[1] Эти слова во всяком случае опровергают предположение, будто это письмо относится к 1835 г. Бакунин не мог тогда часто встречаться с сестрами Беер, так как они с середины мая до середины ноября 1835 г. проживали в Шашкине Орловской губернии, а с конца ноября в Москве, тогда как Бакунин находился в то время в Прямухине и Твери (до конца января), а с января в Москве. Следовательно, начать часто встречаться они могли лишь с конца января 1836 г. По этим основаниям письмо может быть отнесено и к лету—осени 1836 г., когда сестры Беер проживали в Попове, в трех верстах от Прямухина, и часто встречались с Бакунинным.

№№ 94 и 95.—Эти две записки относятся к концу февраля или началу марта 1836 г., когда в семье Бееров обострились столкновения дочерей с матерью. Последняя хотела увезти их на лето в Шашкино. Бакунин же настаивал на их отъезде в Попово, находившееся рядом с Прямухиным, где он имел бы возможность держать сестер Беер под своим влиянием и не допускать их порабощения матерью.

№ 96.—Этим письмом начинается примирение Бакунина с сестрами, постепенно перешедшее в тесную дружбу. У Корнилова (I, стр. 70) напечатан только небольшой отрывок этого письма, от слов «я начал вести трудовую жизнь» до «успех обеспечен».

[1] Бакунин, который, как узнаем ниже, питал к Татьяне чувство, близкое к влюбленности, ревновал ее то к Белинскому, то к Сологубу и пр.

[2] Из пяти лекций «О назначении ученых» Бакунин перевел четыре, которые и были напечатаны в т. XXIX «Телескопа» за 1836 г.

[3] Дворовый человек, которого родители предлагали прислать Бакунину для услуг.

[4] На самом деле он неожиданно приехал в Прямухино в середине мая.

№ 97.—Это письмо полностью напечатано у Корнилова (I, стр. 185—187).

[1] Жанлис, Стефания, графиня (1746—1830) —французская писательница, в педагогических и беллетристических сочинениях которой содержится много прописной морали.

[2] Буле, Иоганн Готлиб (1763—1821) — немецкий философ-кантианец, преподавал в Геттингене, Москве, Брауншвейге; написал «Учебник по истории философии», 1796—1804, 8 тт.; «Историю новой философии с эпохи возрождения наук», Геттинген 1816, 2 тт. (есть французский перевод, о котором и говорит Бакунин).

№ 98.—Это письмо, относимое Корниловым к второй половине февраля 1836 г., напечатано у него на стр. 180—182 первого тома. Гневный тон письма объясняется двумя причинами: 1) Когда у Варвары родился в ноябре 1835 г. сын, Бакунин вскоре после того начал пресловутую «борьбу за освобождение Вариньки», решив и пытаясь убедить сестру в том, что ее муж Н. Дьяков—человек мало идейный и потому недостойный быть супругом столь возвышенного существа, как Варинька. Моментами ему удавалось убедить в этом сестру, но временами она сопротивлялась его настойчивым попыткам разлучить ее с мужем, человеком весьма добрым и по существу серьезно отличавшимся от Варвары лишь в воображении Бакунина. Это сопротивление раздражало молодого агитатора, не знавшего, куда применить свою энергию, и как раз в такой момент написано данное письмо. 2) Вмешательство Варвары в отношения Бакунина с сестрами Беер, волю которых он стремился полностью подчинить своей, угрожало пошатнуть его авторитет в маленьком кружке и потому также раздражало его. Впрочем, он сейчас же почувствовал, что зашел слишком далеко, и в тот же день поспешил написать следующее письмо (№ 99), носящее примирительный характер.

№ 99.—Это письмо почти целиком напечатано у Корнилова (I, стр. 182—184).

[1] Эти слова вероятно относятся к настойчивому требованию Бакунина, чтобы сестры Беер поехали не в Шашкино, а в Попово (см. №№ 94 и 95). В конце концов Бакунин своего добился.

№ 104.—Это письмо, равно как и №№ 100 и 103, относится к периоду, когда А. Беер, раздраженная преследованиями деспотической матери, начала задумываться над мыслью об уходе в монастырь. Бакунин противодействовал этому проекту всеми силами. С одной стороны, он старался отговорить Александру от выполнения ее замысла, а с другой — он привлек на помощь Варвару, которая пошла ему навстречу и пригласила Александру к себе. На несколько лет нервная девица оставила проекты ухода в обитель.

Из письма от 11 марта Корнилов (I, стр. 177 и 199—200) напечатал только небольшие отрывки.

[1] По содержанию этого письма ясно видно, что оно относится не к 1835 г., как ошибочно помечено у разволновавшегося автора его, а к 1836 г. Во-первых, именно в этом году А. Беер задумала уйти в монастырь, во-вторых, Варвара родила сына в ноябре 1835 г., значит кормить его она могла в марте не 1835, а 1836 г.; в-третьих, у Н. Станкевича Бакунин поселился в марте 1836 г., а не 1835 г., когда не жил еще в Москве, и т. д.

№ 107.—[1] См. коментарий к №№ 89 и 96 (о Сологубе).

[2] Лерминье, Жан Луи Эжень (1803—1857) — французский публицист либерального направления, потерявший всю свою популярность после принятия им в 1838 г. поста от правительства Луи-Филиппа; автор «Общего введения в изучение права» (1830); «Философии права» (1831); «За Рейном, или о Германии со времен г-жи Сталь» (1835). Речь идет вероятно о последней книге.

[3] Лажечников, Иван Иванович (1792—1869) — писатель, автор исторических романов «Последний новик», «Ледяной дом», «Басурман»; был директором Тверской гимназии, вице-губернатором в Твери и Витебске; в рассматриваемое время жил в Твери и был знаком с семьей Бакуниных.

№ 108.—Дата письма устанавливается его содержанием с достаточною степенью точности. Оно относится ко времени конфликта в семье Беер, вследствие которого Александра Беер решила пойти в монастырь, т. е. к марту 1836 г. А так как в нем говорится о скорой встрече Александры Беер с Варварой Бакуниной, которая произошла в начале апреля, то ясно, что письмо написано во второй половине марта 1836 г.

№ 110.—Оригинал хранится в архиве Общества политкаторжан.

Мы относим это письмо к апрелю 1836 г. по следующим соображениям. В это время, судя по письму Бакунина к Александре Беер от 2 апреля 1836 г. (см. ниже № 111), Бакунин временно проживал повидимому у В. К. Ржевского, отношения к которому после нелепой истории с дуэлью теперь у него значительно улучшились. В указанном письме к А. Беер после даты идут слова: «Комната Влад[имира] Конст[антиновича]». Возможно, что Бакунин перебрался к Ржевскому ввиду отъезда Станкевича на Кавказ. Последний выехал из Москвы 19 апреля, но Бакунин мог съехать с его квартиры и раньше в связи с начавшимися сборами в дорогу (впрочем в начале мая, как видно из письма № 133, он снова перебрался на квартиру Станкевича). На это же время указывает и резкий отзыв Бакунина об Алексее Беере.

[1] Алексей Беер в конфликте сестер с матерью принял сторону последней, а этим самым он становился во враждебное отношение к Бакунину, горячо вмешавшемуся в эту семейную историю. С этого времени отношения между Бакуниным и А. А. Беером резко изменяются к худшему. В письмах Бакунина начинают встречаться самые резкие отзывы об А. Беере: в данном письме он называет его «скотиною», в письме к сестрам Татьяне и Варваре от 23 апреля 1836 г. (см. ниже № 123) он говорит о его «скотстве» и т. п. Эти отзывы, как мы указывали выше, заставляют нас приурочить данное письмо примерно к рассматриваемому периоду апогея семейного конфликта у Бееров, т. е. к апрелю 1836 г.

[2] Не установлен (может быть, у Ржевского был и брат Алексей). Равным образом неясно, о каких деньгах идет речь. Возможно, что о тех 600 рублях, которые Бакунин старался достать для Бееров. Об успешном исходе этих поисков говорится в письме Бакунина к сестре Татьяне от 20 апреля того же года (см. ниже № 120). Таким образом все соображения говорят как будто в пользу установленной нами даты настоящего письма.

№ 111.—Это письмо—повидимому первое, написанное Александре Беер после отъезда ее в Прямухино к Варваре.

[1] Левашовы, Николай Васильевич и Екатерина Гавриловна (скончалась в 1839 г.)—семья московских богатых помещиков, либеральных обывателей, приятелей П. Чаадаева. Е. Г. Левашова была родственницею Бакуниных (со стороны Муравьевых). Бакунин, который знал их вероятно с детства, начал бывать у них сразу по переезде в Москву. У них был либеральный салон, который посещался такими людьми, как поэты Баратынский и И. И. Дмитриев, А. Н. Раевский, «демон» Пушкина, декабрист М. Ф. Орлов, Н. Х. Кетчер, П. Я. Чаадаев; к ним же заезжал постить и М. Н. Муравьев-Вешатель со своей семьей. Душою салона была его хозяйка, Е. Г. Левашова, образованная и просвещенная женщина. Ее либеральный образ мыслей, как сообщает М. Лемке в «Николаевских жандармах» (стр. 423 сл.), был известен III Отделению, которое косо посматривало на ее салон. Впрочем этот дворянский либерализм мирно уживался с дружбою с М. Н. Муравьевым-Вешателем. Благодаря этой дружбе брат последнего, известный нам Сергей Николаевич Муравьев, проживал во флигеле во дворе у Левашовых, а у него в течение короткого времени проживал в этом же флигеле М. А. Бакунин (с 1 по 7 декабря 1837 г.) до своего переезда к Белинскому. Бакунин должен был давать уроки мальчику Левашовых. А. И. Дельвиг, позже женившийся на дочери Левашовых Эмилии, рассказывает в своих записках («Полвека русской жизни», Москва 1930, т. I, стр. 211 сл.) об этом в следующих выражениях: «С. Н. Муравьев жил во флигеле дома Левашовых вследствие их дружбы с братом Муравьева Михаилом Николаевичем. Не знаю—почему, у них же во флигеле жил М. А. Бакунин, человек неприятный в обращении и которого многие называли «косматая порода». Он носил очень длинные волосы, которые были весьма густы, вились от природы, редко расчесывались. Во время его жительства у Левашовых он был предан изучению Гегеля». Это все, что обыватель Дельвиг мог сказать о Бакунине, переживавшем в этот момент процесс духовной революции. По словам Белинского («Письма», т. I, стр. 150), Бакунин перебрал у Левашовых, которые, по словам Дельвига, временами сами нуждались в средствах, столько денег, что они под конец стали ему отказывать.

[2] Чаадаев, Петр Яковлевич (1794—1856) — русский мыслитель, скептик, автор «Философического письма», в котором едко осмеивал и отвергал всю российскую цивилизацию, за что по приказу Николая I напечатавший его «Телескоп» (в октябре 1836 г.) был закрыт, а автор объявлен сумасшедшим. В доме Левашовых с Чаадаевым познакомился и Белинский.

[3] Аксаков, Сергей Тимофеевич (1791—1859) — русский писатель, крепостник, отец Константина и Ивана Аксаковых, известных славянофилов. К. Аксаков был близок к кружку Станкевича и одно время был в хороших отношениях с Бакуниным.

[4] Келлеры — семья московских обывателей, с которою были знакомы Станкевич, Бакунин и пр. (один из них стоял близко к кружку Станкевича). Их имена упоминаются в «Переписке» Станкевича, а также в письмах Бакуниных от 50-х гг., когда они жили вместе в Крыму.

№ 113.—[1] Бульвер, Эдуард Джордж, граф Литтон (1805—1873) — английский писатель, автор многих романов исторических и бытовых; в последних изображается приспособление дворянства к условиям капитализма.

О каком романе его говорит здесь Бакунин, неясно: возможно, что о «Пелгеме» (1828).

[2] Франсуа де-Саль или Франциск Сальский (1567—1622) — католический святой, родился в замке Саль около Аннеси, был женевским епископом; иезуит, мистик; его сочинение «Филофей или трактат о любви к богу» (1616) Фенелон хвалил как «ангельское произведение»; имел много читательниц среди женщин.

№ 114.—[1] Это указание определяет дату письма: первый урок Бакунин дал 7 апреля 1836 г.

№ 116.—Это и следующее письма относятся к недоразумениям, которые разразились между сестрами Бакунина и проживавшею вместе с ними в Прямухине А. Беер. Последняя позволила себе слишком резко критиковать Варвару за ее жизнь с мужем без любви, да еще при посторонних (при гувернантке Бакуниных, Ниндель), а так как вся эта компания привыкла выворачивать наизнанку свою душу и рыться в ее мелочах, то бабьи пересуды скоро привели к ухудшению отношений и почти к их разрыву. Обе стороны апеллировали к Бакунину, при чем временно это повело к отдалению его от сестер, так как в тот момент он стоял к Беерам ближе.

№ 117.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 203—205).

№ 118.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 211).

[1] Кроме Сологуба Бакунин ревновал Татьяну к князю К. П. Козловскому, тоже проживавшему тогда в Твери. Впоследствии Белинский подружился с Козловским, который был инспектором в Константиновском межевом институте, когда Белинский был там учителем. Козловский бывал затем у Белинского в Петербурге, как видно из переписки последнего («Письма», тт. I и II).

№ 120.—Напечатано без приписки у Корнилова (I, стр. 217—219).

Это письмо вызвано письмом Татьяны (вероятно от 17—18 апреля), которое было ответом на страстное послание Бакунина от 15 апреля. Татьяна сообщала, что показала письмо Мишеля сестрам (хотя он просил ее этого не делать), что дружба между ними и Мишелем остается непоколебленною, что она никого из тверских кавалеров не любит, а к Беерам относится по-дружески.

[1] Н. Станкевич выехал на Кавказ 19 апреля и пробыл в Пятигорске до конца июля.

№ 123.—Напечатано в выдержках у Корнилова (I, стр. 205—208) без указания даты. Но последняя легко устанавливается концом предыдущего письма (№ 122).

Оскорбленные письмом от середины апреля, напечатанным у нас под № 117, сестры Варвара и Татьяна решили, что Беры окончательно вытеснили их из сердца брата, и написали ему, что прекращают с ним все сношения и просят больше им не писать. Ответом на это письмо сестер и является данное письмо Бакунина, в котором он пытается смягчить свое предыдущее письмо и оправдать сестер Беер ссылкой на их тяжелое прошлое.

№ 126.—Напечатано у Корнилова (I, стр. 219—221).

№ 127.—Этим письмом открывается серия писем, посвященных объяснениям между Бакуниным и сестрами Беер. Точно установить их дату чрезвы-

чайно трудно. Они одинаково легко могут быть отнесены и к 1835, и к 1836, и к 1837 гг., так как преисполнены отвлеченных рассуждений на тему о дружбе, вере, любви, царствии небесном и т. п. и не содержат конкретных указаний, которые дали бы возможность приурочить их к определенным фактам и событиям. Корнилов, написавший семейную хронику Бакуниных, обошел эту трудность тем, что почти целиком умолчал об этих письмах, а там, где в общих чертах упоминал о некоторых из них, он готов был относить их к 1835 году, что нам представляется ошибочным. Мы все же думаем, что письма эти относятся к весне, лету и осени 1836 г. Толчок к ним дали: неудачная любовь Наталии к Бакунину в апреле 1836 г., недоразумения между Беерами и сестрами Бакунина, в которых ему трудно было занять прочную позицию, нервность сестер Беер, особенно обострившаяся в это время вследствие столкновений их с матерью, и т. п. Об этом же свидетельствуют и некоторые датированные письма, среди которых рассматриваемая нами серия довольно естественно находит свое место.

№ 131.—Выдержка из этого письма, говорящая о ревности Бакунина, напечатана у Корнилова (I, стр. 209). Корнилов относит это письмо к 1837 г., но это ошибка: первые же строки письма явно указывают, что оно написано не позже весны 1836 г., ибо там говорится о том, что со времени их сближения прошел год, а сблизились они впервые в марте 1835 г.

№ 134.—Корнилов, не приводя точной даты этого письма, только упоминает о нем в прим. на стр. 219 тома I.

[1] Пономарев, сын московского купца, которого Бакунин готовил в университет по математике и физике.

№ 145.—Это письмо могло быть адресовано сестрам Варваре и Александре (все другие, о которых в письме упоминается, т. е. Любаша, Танюша и сестры Беер, этим самым как адресаты исключаются). Но в письме говорится в третьем лице и о Вариньке. Это может значить: или 1) что письмо адресовано только сестре Александре; или 2) что оно адресовано и сестре Александре и сестре Варваре, но преимущественно первой; или 3) что оно адресовано одной Варваре, но в таком случае в том месте, где упоминается о Вариньке, приходится предположить, что речь идет о воспитаннице Бакуниных Варваньке Имберг.

№ 147.—Напечатано в выдержках и со многими ошибками у Корнилова (I, стр. 225—231). Оборвав письмо на фразе «Теперь я еще хочу поговорить с вами о братьях», Корнилов прибавляет: «Но конец этого письма, к сожалению, утрачен». Это неверно. Конец письма находится в той же папке, которая была в распоряжении Корнилова и которою затем пользовался я, но почему-то помещен там не на своем месте, хотя по знаку, поставленному самим Бакуниным, совершенно ясно, куда относится последний листок этого письма, мною поставленный на надлежащее место. Как увидим дальше, такие ошибки случались с Корниловым неоднократно.

Содержание и характер этого письма объясняются характером тех отношений, которые установились у Бакунина с его сестрами в течение лета 1836 г. За это время они сильно сблизились, при чем Бакунину удалось пропитать своих сестер фихтеанскими взглядами, которые он тогда разделял и которые еще раньше старался внушить сестрам Беер. В указанное время

Бакунин успел также подчинить своему влиянию младших братьев. В своей семье он начал, таким образом, становиться чем-то вроде признанного пророка, а так как к данному моменту у него стали поправляться отношения и с сестрами Беер, то его старая мечта о создании кружка верных или, как он позже стал выражаться, «святой общины божией», благоговейно внимающей красноречивому проповеднику и послушно выполняющей его веления, изрекаемые от имени абсолютной истины, начала как будто воплощаться в действительности. В этом его утверждали письма сестер и в частности письмо Татьяны от 9 августа, которым непосредственно и вызвано было данное письмо Бакунина (письмо Татьяны напечатано у Корнилова на стр. 222—224 первого тома). Она писала, что брат дал им новую жизнь и что отныне ничто не в силах будет разрушить установившегося между ними мира. Около того же времени сестра Любовь писала Бакунину, что он помог сестрам увидеть цель их существования, а Варвара, выражая надежду на скорое возвращение Мишеля к «своему малому стаду», писала, что он за короткое время сумел стать для своих последовательниц незаменимым, и призывала на него благословение неба.

Это письмо написано на трех с половиной почтовых листках обыкновенного формата, т. е. на 14 страничках. На 12-й странице этого письма с обратной стороны мы находим начало другого письма:

1836 г. 3 августа,
Торжок.

Мои добрые друзья!

Прошел только один день с того момента, как я с вами расстался, и я уже спешу написать вам. Тысячу раз благодарю вас за вашу дружбу. В первый [раз] я так полно наслаждался ею.

(Дальше зачеркнута строка, и на этом письмо обрывается).

Над этим началом письма из Торжка имеется еще надпись, но трудно сказать, относится ли она к неоконченному большому письму от 10 августа или к начатому и брошенному письму от 3 августа. Вот, что оно гласит:

«Вот письмо, которое я начал после того, как написал письмо Беерам. Но я испытал то же чувство, что и Варинька, и у меня не хватило сил кончить его».

№ 148.—Небольшая выдержка из этого письма напечатана у Корнилова (I, стр. 237).

Уезжая в мае 1836 г. в Прямухино, Бакунин пригласил Белинского погостить у них в деревне. Хотя приглашение сильно подействовало на Белинского, много наслышавшегося о выдающихся качествах бакунинского семейства, но он не решился сразу принять его, чувствуя себя недостойным такого высокого общества. Из Прямухина Бакунин повторил приглашение письменно и, не получив на него ответа, начал данное письмо, которое видимо осталось незаконченным и неотосланным. Белинский приехал в Прямухино в сентябре 1836 г.

[1] Теплякова, Виктор Григорьевич (1804—1842) — поэт пушкинской эпохи, прикосновенный к делу декабристов, много путешествовал на Востоке, долго жил в Европе, где завел много литературных знакомств.

В 1832 г. вышел первый том его стихотворений, а «Фракийские элегии», о которых упоминает Бакунин, вышли незадолго до этого письма, в 1836 г. (написаны в 1829 г.). По своему мировоззрению и таланту совершенно не заслуживает насмешливого отношения, какое проявляется в письме Бакунина.

№ 152.—В Прямухинском архиве, переданном А. Корниловым и П. Е. Щеголевым после использования в Пушкинский Дом, письма находятся не в полном порядке. В частности два листка, составляющие данное письмо, расположены в разных местах в качестве двух отрывков, у одного из которых нет начала, а у другого — конца. Нам удалось составить из этих двух отрывков одно целое только по счастливой случайности и после долгих поисков.

№ 155.—На адресе этого письма написано: «Его благородию Павлу Александровичу Бакунину. В Тверь». Братья Бакунина учились тогда в Тверской гимназии.

№ 162.—Эта шуточная записка повидимому относится к летнему пребыванию М. Бакунина в Прямухине в 1836 г. Кто такой Федор Иванович, не удалось установить: возможно, что это—или служащий отца Бакунина, или кто-либо из соседей Бакуниных. Токарев Алексей—москвич, знакомый Бееров, Бакунина и Станкевича, который в своей переписке называет его глупцом в философии, но коммерческим гением. См. письмо Станкевича Я. Неверову от 25 марта 1837 г. («Переписка», стр. 374).

№ 164.—Это и следующее письма вызваны попыткою побега младших братьев Бакунина из Твери. Не желая оставаться в Тверской гимназии и мечтая о переводе в Москву поближе к брату, юные Бакунины решили поставить родителей перед совершившимся фактом и наняли возницу для выезда из Твери, чего, впрочем, им не удалось осуществить. Приведенные к бабушке В. М. Полторацкой, под надзором которой гимназисты находились, они не пожелали выслушивать ее упреков и нагрубили ей. Поссорившись, обе стороны написали письма в Прямухино с изложением инцидента, вызвавшего величайший гнев старика Бакунина. Мишелю эта история была тем более неприятна, что родители приписывали ее развращающему влиянию его проповеди. Поэтому в его упреках братьям несомненно много деланного, написанного для удовлетворения родителей.

№ 165.—Так как братья Бакунина не скоро начали ходить в гимназию, несмотря на его советы, то ему пришлось написать второе, более решительное письмо.

Это письмо напечатано у Корнилова (I, стр. 265), откуда мы его и заимствовали, но в Прямухинском архиве мы его не нашли.

№ 166.—Это письмо заимствовано нами из собрания Исторического Музея, под № 48235, местохранение Б2 3/9 5.

Слева в верхнем углу письма неизвестно чьей рукою надписано:

Доминикино.

Рени — нет.

[1] Повидимому, Бакунин благодарит Неверова за его заботы о брате Мишеля Николае, который в 1833 г. отправлен был в Петербург в Артиллерийское училище.

[2] В. Г. Белинский гостил тогда в Прямухине.

[3] «Телескоп» был тогда закрыт за статью Чаадаева.

№ 168.—[1] Н. В. Станкевич с ноября 1836 г. снова завел роман с Л. Бакуниной. Бакунин, тесно с ним сблизившийся в это время, был его усердным представителем перед Любашей и другими сестрами. Уже тогда у Станкевича сказывались признаки туберкулеза, который через 4 года свел его в могилу.

[2] Вследствие закрытия «Телескопа» Белинский очутился в крайне тяжелом материальном положении. Попытки найти хорошо оплачиваемую литературную работу долго не удавались. В начале 1837 г. Белинский представил составленную им русскую грамматику попечителю Московского учебного округа гр. Строганову в надежде, что она будет признана учебником и напечатана на казенный счет, но эта надежда не оправдалась, и Белинскому пришлось напечатать книгу на свой счет. Грамматика успеха не имела и шла плохо.

№ 170.—Приблизительно установить дату письма можно по указаниям первых его строк на возобновление романа между Н. Станкевичем и Любовью Бакуниной. Это случилось в конце 1836 г.

[1] Станкевич встретился с Любовью Бакуниной 23 ноября (неизвестно, в Прямухине или в Москве, куда Л. Бакунина в то время приезжала). С этого момента возобновился старый роман между ними, давший много пищи бакунинскому кружку и в конце концов ни к чему реальному не приведший.

[2] Эти слова намекают на то состояние «падения», которое в это время переживал Бакунин (равно как и Белинский). К январю—февралю 1837 г. это состояние упадка начало проходить, и наступило так наз. «восстание» Мишеля.

№ 171.—Выдержка из этого письма напечатана у Корнилова (I, стр. 330—331).

[1] Настоящим письмом Бакунин продолжает свою «борьбу за освобождение Вариньки», убеждая ее разойтись с мужем и предаться исключительно воспитанию сына. Но Варвара не решалась на такой шаг. Она пыталась убедить брата в том, что муж ее в состоянии исправиться и стать более духовным человеком. Бакунин этому не верил.

[2] Любовь Станкевича и Л. Бакуниной носила какой-то головной характер. Обе стороны больше рассуждали и философствовали об этой любви, чем действительно чувствовали ее. Поведение Станкевича, все откладывавшего решительный шаг до предстоявшего приезда его отца и объяснения с ним, возбуждало справедливые сомнения Любаши и ее сестер насчет истинности чувств Станкевича. Бакунин в ряде писем защищал Станкевича и невольно вводил в заблуждение сестер.

[3] Сестры Беер гостили в то время в Прямухине.

№ 172.—Это письмо вызвано известием о болезни Саши Дьякова, сына Варвары. Оно характерно советами о воспитании ребенка, которые дает сестре молодой Бакунин, больше всего опасавшийся, чтобы его племяннику не вздумали прививать с детства идей религиозного правоверия.

№ 177.—Это письмо, как и предыдущие, говорит о попытке матери Беер увезти своих дочерей в Шашкино, Орловской губернии, подальше от влияния

Бакуниных, и там с помощью старшего сына Алексея подчинить их своей воле. Этот план не осуществился, и в начале января 1837 г. Бееры вернулись из Прямухина в Москву.

№ 178.—Выдержки из этого письма приводятся у Корнилова (I, стр. 294—296).

[1] На самом деле Станкевич вовсе не спешил посвятить отца в свои сердечные дела, что вызывало тревогу в семье Бакуниных.

№ 182.—Напечатано без первой части у Корнилова (I, стр. 374—376).

№ 184.—[1] Речь идет о пребывании Бакунина в Прямухине летом 1836 г., когда он близко сошелся с сестрами.

№ 186.—Начало этого письма отсутствует. Остальная часть его (после слова «peine») также состоит из двух отрывков, которые в пачке прямухинских писем, хранящихся в Пушкинском Доме, разъединены и находятся в различных местах. Нам удалось подобрать их с большим трудом.

№ 187.—Напечатано без приписки у Корнилова (I, стр. 336—337).

Это письмо вызвано дошедшим до Бакунина слухом о письме, написанном Варварою своему мужу 18 января 1837 г. В этом письме она пыталась убедить здравомыслящего Дьякова, что фихтеанские взгляды, навеянные ей братом и притом в его изложении, представляют не продукт экзальтации, а последнее слово истины, обязательной для всех людей (письмо это напечатано у Корнилова, I, стр. 331—335). Ни о каком покаянии, отречении от прежних взглядов и капитуляции перед мужем в этом письме не было, как вообразил Бакунин, и речи.

Глубоко задетая письмом брата, Варвара ответила ему письмом, в котором заявляла, что муж перед нею ни в чем не виноват и что она считает своим долгом сделать попытку обратить его к тем взглядам, которые она разделяет и которыми она обязана брату. В письме от 4 февраля 1837 г. (см. № 188) Бакунин старается смягчить резкость своего первого письма.

№ 188.—Напечатано частично у Корнилова (I, стр. 338 и 376—377).

[1] Гердер, Иоганн Готфрид (1744 — 1803) — немецкий писатель, философ и критик, автор «Мыслей о философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit»), вышедших в 1784—91 в 4 томах. Книга читалась в кружке Станкевича, от которого, между прочим, впервые получил ее и сам Бакунин («Переписка» Станкевича, стр. 580). От Мишеля книга попала к его сестрам и к Беерам. Гердер не был сторонником просветительной философии, но находился под ее влиянием. Этого было достаточно для того, чтобы Бакунин, стоявший тогда всецело на идеалистически-мистической точке зрения, осудил в Гердере как раз то, что составляло его достоинство (в частности, повидимому, то, что Гердер, в отличие от поповской философии истории, отвергал наличие цели в развитии человечества и склонен был рассматривать его как естественный процесс).

№ 189.—Дата на этом письме написана Бакуниным так, что ее можно прочесть и как 4 и как 11 (две соединенные черточкой косые палочки, из которых правая ниже левой). Указание на факт отъезда отца Станкевича из Москвы не помогает делу, так как он уехал 2 февраля.

[1] О том, что Станкевич имел объяснение с отцом, что последний согласился на брак сына с Л. Бакуниной, но отложил окончательное решение до разговора с дядюшкой в провинции, говорится в письмах Станкевича к Любаше от 17 января и 24 января 1837 г. («Переписка» Станкевича, стр. 504 и 508).

[2] Непонятно, о каком переводе здесь говорится; если о переводе учебника Шмидта, заказанном Строгановым, то Бакунин писал здесь неправду, ибо к переводу он и не приступал, а роздал его знакомым и сестрам, которые тоже ничего не сделали. Вся эта затея кончилась только скандалом.

№ 190.—Первая половина письма напечатана у Корнилова (I, стр. 377—379).

№ 191.—Напечатано без начала и без конца у Корнилова (I, стр. 380—381).

[1] Цирх или Цирг (у Станкевича в «Переписке», стр. 509, он назван Цирк) — врач, постоянно лечивший Любовь Бакунину.

[2] Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, создатель системы монистического идеализма; пользовался огромным влиянием на современников, в том числе и в России, в частности на членов кружка Станкевича и особенно на Бакунина. Ссылка на Гегеля в этом письме показывает, что Бакунин уже в то время начал знакомиться с некоторыми сочинениями Гегеля. Но серьезно Бакунин приступил к изучению Гегеля только с лета 1837 г.

[3] Рихтер, Жан-Поль (1763—1825) — немецкий писатель-юморист, занимавший промежуточное положение между классиками и романтиками; автор нескольких почти реалистических романов из жизни мелкой буржуазии. Был популярен в кружке Станкевича.

№ 192.—[1] Речь, повидимому, идет о письмах Станкевича к Л. Бакуниной от 27 февраля и 1 марта 1837 г., напечатанных на стр. 515—519 «Переписки» Н. Станкевича.

№ 193.—[1] Речь идет о переводе немецкого учебника всеобщей истории Шмидта, заказанном Бакунину попечителем Московского учебного округа гр. Строгановым. Если верить этому письму, то выходит, что Бакунин все-таки приступил к работе; но что она в конце концов выполнена не была, это известно. Сомнительно, впрочем, чтобы Бакунин вообще принимался когда-нибудь за эту работу, несмотря на то, что возлагал на нее столь преувеличенные надежды, которые в его опытном отце могли возбуждать только улыбку.

[2] Это указание также неверно в том смысле, что если бы при некоторой скромности и бережливости Бакунин мог просуществовать на свой заработок (весьма, впрочем, ненадежный), на деле он в это время занимал направо и налево, входя в невылазные долги, о чем между прочим говорит и Белинский в своей полемической переписке с Бакуниным («Письма», I, стр. 116, 117, 150—151, 172 и пр.). В частности Бакунин много занимал под перевод Шмидта, к которому и не приступал.

[3] Распускали эти слухи и сам Бакунин и его друзья, в частности Беер. В этом кругу в ходу был обычай сообщать друг другу получаемые с разных сторон письма, в том числе самые интимные, и подробно обсуждать их содержание с философской и моральной точки зрения (это, кстати, спо-

собствовало убиению истинного чувства). Когда Татьяна Бакунина пишет письмо Аннете Ржевской, в котором высказывает свои подозрения по поводу любви Станкевича к Любаше, та спешит показать его Александре Беер, а последняя пересылает его самому Станкевичу. Или Станкевич пишет письмо своей невесте Л. Бакуниной, сомневающейся в его любви, передает его для пересылки Мишелю, при чем просит не показывать этого письма никому, а Мишель спешит познакомить с этим сугубо интимным письмом своих подруг, сестер Беер, которые, разумеется, начинают рассуждать по сему поводу вкривь и вкось (Станкевич с неудовольствием сообщает об этом Любаше в письме от 20 января 1837 г.). Таковы были нравы среди «идеалистов» 30-х годов.

№ 194.—Письмо Бакунина и приписка его написаны на письме Станкевича к Любаше от 15 марта 1837 г., напечатанном на стр. 521 «Переписки» Н. Станкевича и перепечатанном у Корнилова (I, стр. 304). О письме Бакунина Корнилов (стр. 305) только упоминает. Старая болезнь Станкевича в рассматриваемое время обострилась (это был, повидимому, туберкулез). Отчасти под влиянием этого обострения болезни, отчасти по причине охлаждения к Л. Бакуниной Станкевич в это время задумал ехать за границу. Бакунин рассчитывал поехать туда вместе с ним, так как Станкевич обнадежил его, пообещав ссудить ему нужные деньги (чего, однако, впоследствии не выполнил).

№ 197.—[1] Шевырев, Степан Петрович (1806—1864)—профессор русской словесности при Московском университете, литературный критик, правый славянофил и реакционер, в значительной мере управший в литературе роль шута. Никаких сведений о том, чтобы Бакунин когда-либо писал брошюру против Шевырева, кроме этого указания не имеется.

№ 199.—Дата этого письма может быть установлена по следующим соображениям. В конце письма говорится о согласии отца Станкевича на брак его сына с Л. Бакуниной как о вопросе решенном. А так как окончательное решение принято было отцом Станкевича лишь в конце марта (ибо, уезжая 2 февраля из Москвы, он сыну определенного ответа не дал), то следовательно письмо Бакунина должно было относиться к концу марта 1837 г. В пользу этого предположения говорит и письмо Н. Станкевича к старику Бакунину от 30 марта 1837 г., где он прямо пишет, что до тех пор не имел согласия отца, а теперь получил его и потому просит у него руки его дочери («Переписка» Н. Станкевича, стр. 498). Но против этого допущения говорит указание Бакунина на то, что отец Станкевича дал свое согласие в разговоре с сыном и что об этом разговоре Н. Станкевич написал Любаше. Между тем в мартовских письмах Станкевича к Любаше об этом ничего не говорится; даже в письме от 30 марта, написанном одновременно с вышеизложенным письмом к ее отцу, о согласии отца Станкевича на женитьбу сына не упоминается, а имеется лишь глухой намек на него. Таким образом указание Бакунина (если понимать его слова о «разговоре» буквально) могло бы относиться к письмам Станкевича к Любаше от 17 и 24 января 1837 г. (стр. 504 и 508 «Переписки»). Но в них говорится не о решительном согласии отца Станкевича на брак сына, а как раз о его уклончивых ответах и об обещании дать окончательный ответ лишь после совета с дядей, проживавшим в провинции. И даже в письме от

6 февраля, уже после отъезда своего отца из Москвы, Станкевич сообщает Любаше, что «еще не так скоро ожидает от него решительного ответа» (стр. 511). Вот почему мы склонны понимать слова Бакунина о разговоре Станкевича с отцом в смысле фигуральном, т. е. как о письменном разговоре, и относить данное письмо к концу марта 1837 г.

№ 201. — [1] В первой половине апреля 1837 г. Бакунин неожиданно съездил на короткое время в Прямухино. Здесь он снова сблизился с сестрами.

[2] Речь идет, повидимому, о письме Станкевича к Л. Бакуниной от 23 апреля 1837 г. («Переписка», стр. 524 — 526). Здесь он действительно выражает слабую надежду на возможность заезда в Прямухино перед отъездом за границу. А в таком случае легко устанавливается дата бакунинского письма: относясь к следующему дню, оно было написано 24 апреля 1837 г.

[3] Л а н г е р, Федор Федорович — немец, пианист и композитор, представитель того типа немца-идеалиста, какой выведен в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева под именем Лемма (возможно, что Тургенев имел в виду именно его). Был близок к Станкевичу. В 1837 г. летом вместе с другим немцем-музыкантом, П о л е м, ездил в гости к Бакуниным в Прямухино.

[4] Б о т к и н, Василий Петрович (1810 — 1869) — сын московского купца, представитель торгового капитала, в моменты подъема поддерживавший прогрессивные стремления, а в моменты реакции становившийся на крайне правое крыло; член кружка Станкевича, эстет, литературный критик, мнением которого весьма дорожили друзья; в 60-е годы стал одним из столпов идейной реакции, примкнув к мракобесам Каткову, Фету, Л. Н. Толстому и пр.

№ 202.—Дата этого письма устанавливается на основании обращенной к адресаткам просьбы Бакунина не уезжать так скоро из Москвы. Сестры Беер уехали в Шашкино 20 июня 1837 г. Это указывает, что письмо было написано приблизительно в конце апреля, когда они могли начать собираться в орловскую деревню, тем более что в письме Бакунина к сестрам от конца апреля (№ 203) говорится об установившемся единомыслии с Беерами как о факте.

№ 203.—Дата этого письма устанавливается приблизительно на основании двух указаний: 1) оно написано после предыдущего письма к сестрам Беер, о полном единомыслии с которыми говорится в данном письме; 2) в письме выражается еще надежда на приезд Н. Станкевича в Прямухино, так что оно не может относиться ко времени более позднему, чем конец апреля или в крайнем случае первые дни мая.

№ 204.—Дата письма устанавливается на основании следующих соображений. В нем говорится о предстоящей поездке Н. Станкевича, а Станкевич выехал из Москвы 7 мая. Итак Бакунин писал это письмо до 7 мая и, возможно, после 5-го, ибо его указание на употребление Вариных денег можно понять в том смысле, что Белинский, которому он эти деньги отдал, уже выехал на место назначения, произошло же это 5 мая. Поэтому весьма вероятно, что письмо относится к 6 мая, во всяком случае к первой неделе мая 1837 г.

[1] Это указание Бакунина, если оно точно, весьма важно и показывает, что за Гегеля он принялся вплотную задолго до поездки на лето в Прямухино. Впрочем, как мы выше видели, следы знакомства с Гегелем обнаруживаются уже в его февральских письмах 1837 г.

[2] Это признание больше отвечает действительности, чем отмеченные нами выше (см. № 193) утверждения Бакунина в письме к родителям от 2 марта 1837 г. Там он указывал, что не нуждается в деньгах, ибо имеет в неделю 6 уроков по 10 руб. асс. за урок. Но, во-первых, это сумма вовсе уж не такая крупная, ибо составляет 60 руб. асс., т.-е. 17 руб. серебром в неделю, а во-вторых, при образе жизни Бакунина, не знавшего цены деньгам и не славившегося аккуратностью, нехватило бы и большей суммы. Вот почему он всегда был в долгу, как в шелку (ведь даже на отъезд из Москвы он занял деньги, занимал их на свои поездки в Прямухино и т. д.), при чем брал деньги, у кого попало, у друзей и у едва знакомых людей, так что, по свидетельству Белинского, скоро заслужил славу попрошайки, живущего на чужой счет. Так как он много занимал под ожидаемый гонорар от перевода учебника Шмидта, который должен был сдать весною 1837 г., то к этому времени у него наступил денежный кризис, от которого Бакунин временно спасся быстрым отъездом в Прямухино (в июне). Кстати, слова Бакунина о том, что многочисленные заботы вроде болезни Станкевича, ожидания письма от отца и т. п. мешали ему вплотную приняться за уроки (хотя непонятно, какая здесь связь), показывают, что он и к урокам своим относился не совсем аккуратно.

[3] Бакунин из денег сестры отдал без ее ведома 300 рублей В. Белинскому, который 5 мая уехал лечиться на Кавказ. О дне отъезда Белинского см. «Летопись жизни Белинского», под ред. Н. К. Пиксанова, Москва 1924, стр. 55.

[4] На самом деле сестры Беер уехали из Москвы только 20 июня.

№ 205.—Дата письма определяется по словам Бакунина: «Николай [Станкевич] уезжает завтра». Станкевич уехал 7 мая; следовательно это письмо относится к 6 мая.

№ 206.—[1] О поездке за границу, от которой он ждал рождения к новой жизни, Бакунин мечтал с 1835 г. После того как он сблизился с Н. Станкевичем, последний обещал ему взять его с собою за границу и дать ему денег на поездку. Но когда дошло до осуществления, Станкевич заявил своему приятелю, что он не в состоянии обеспечить ему путешествие за границу, а может оказать ему только частичную помощь («Переписка» Н. Станкевича, стр. 633—4, 636—7, 640, 643, 655, 661, 663, 665). Таким образом, от мысли о поездке вместе с Станкевичем Бакунину пришлось отказаться. Выполнить свой заветный план ему удалось не через два года, как он пишет в данном письме, а только в 1840 году.

№ 207.—[1] Илья Александрович Бакунин, отданный в 1835 г. вместе с тремя другими братьями—Павлом, Александром и Алексеем—в Тверскую гимназию, последней не окончил, а вышел из нее в 1836 г. и поступил юнкером в кавалерийский полк, стоявший в Твери. В рассматриваемый момент Илье было 18 лет.

№ 208.—Эта записка написана на клочке бумаги размером in 32° и занимает две странички. Нам не удалось установить, кто была та Иваненкова,

о которой говорится в этой записочке и которая, быть может, помогла бы нам хотя бы приблизительно установить дату и место написания этого письма. Конечно, оно составлено в обычных абстрактных выражениях, присущих Бакунину 30-х и 40-х годов («святой мир», «гармония», «предрассудки»), но в нем звучат какие-то новые нотки, каких мы обычно не встречаем в его переписке вплоть до отъезда его за границу. Чувствуется какой-то политический привкус, как бы ни читать то слово, которое он не решился почему-то написать полностью,— «деспотизм» или «догматизм» (хотя непонятно, почему бы он не решился доверить бумаге последнее слово). А между тем мы знаем, что политические интересы в чистом смысле начали сказываться у Бакунина довольно поздно. Такие выражения, как «посланный провидением для всемирных переворотов» или «вырвать отечество мое из невежественных объятий д—ма» (повидимому деспотизма), да и весь открытый, незавуалированный тон записки, несмотря на в общем шуточный ее тон, как-то не вяжутся с письмами Бакунина не только рассматриваемого периода, но и более поздней поры. Все это не дает нам возможности отнести это письмецо к какой-либо определенной эпохе и заставляет поместить его в отделе недатированных писем, хотя по стилю, содержанию и внешнему виду его можно отнести к 1836—38 гг. — не позже. А между тем точное установление даты этой записки представляло бы для биографии М. А. Бакунина величайший интерес. Почему Корнилов, у которого эта записка была в руках, не обратил на нее никакого внимания и нигде даже не упоминает о ней, мы не понимаем.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры, набранные черным, указывают страницу, на которой сообщаются биографические сведения о данном лице.

А

Агафья Ивановна, крестная слуги Константина — 130.

Аксаков, Иван Сергеевич — 463.

Аксаков, Константин Сергеевич—301, 452, 463.

Аксаков, Сергей Тимофеевич — 250, 301, **463.**

Аксакова, жена С. Т.— 301.

Александр Алексеевич — 344.

Александр I Павлович—38, 442, 444.

Александра Ивановна, тетя — 42, 145, 155.

Александра Михайловна — 361.

Александра Федоровна, тетя — 56.

Александров, Г.— 20.

Алексей Константинович — 248, 462.

Алопеус, m-elle — 119.

Амио, Жак — 27, **441.**

Анна Михайловна, тетя см. Бакунина, А. М.

Анненков, Павел Васильевич—11, 452.

Аннушка, дворовая, сестра Константина — 130.

Апостол Павел — 143.

Ариан, Ася Абрамовна — 20.

Б

Бавар, польская семья — 136.

Байрон, поэт — 332, 333.

Бакунин, Александр Александрович, брат — 65, 441, 473.

Бакунин, А. И.— 7.

Бакунин, Александр Михайлович, отец — 25—28, 38, 41, 48, 49, 56, 58, 65, 68, 71, 89, 112, 160, 189, 190, 210, 212, 235, 236, 243, 274, 356, 369, 421, 424, 428, 430, 433, 440, 443, 447, 448, 459, 460, 467, 471, 473.

Бакунин, Алексей Александрович брат — 441, 473.

Бакунин, Василий Михайлович — 58, 66.

Бакунин, Иван Михайлович—136, 442.

Бакунин, Илья Александрович, брат — 61, 331, 379, 434, 441, 473.

Бакунин, кузен — 37, 44, 51, 53.

Бакунин, Михаил Александрович — 5—21, 51, 57, 91, 122, 144, 151, 176, 179, 356, 362, 371, 373, 400, 414, 431, 434, 435, 439 — 474.

Бакунин, Михаил Михайлович — 38, 58.

Бакунин, Николай Александрович, брат — 41, 53, 56, 61, 65, 72, 73, 74, 75, 76, 82, 91, 92, 94, 95, 100, 114, 152, 189, 356, 364, 379, 387, 402, 433, 440, 441, 467.

Бакунин, Павел Александрович, брат— 41, 61, 332, 361, 371, 392, 406, 425, 440, 441, 467, 473.

Бакунин, Петр Васильевич — 25, 439.

Бакунина, Авдотья (Евдокия) Михайловна — 58.

Бакунина, Александра Александровна, сестра — 39, 48, 56, 94, 97, 105, 142, 382, 400, 401, 439, 440, 445, 465.

Бакунина, Анна Михайловна, тетя — 71, 152, 442.

Бакунина, Варвара Александровна, старшая, мать, урожд. Муравьева — 26, 27, 41, 48, 59, 68, 119, 236, 246, 356, 369, 421, 425, 439, **440,** 442, 445.

Бакунина, Варвара Александровна, младшая, сестра — 19, 39, 47, 69, 78, 86, 88—94, 96, 99, 101—103, 108, 114, 118, 121, 122, 143, 148, 149, 151, 189, 198, 199, 201—203, 205, 207, 208, 220—222, 225, 232, 234, 236, 242, 246, 247, 262, 264, 266, 270, 274, 276, 280, 283, 308, 311, 325, 328, 362, 364, 365, 367, 369, 373, 374, 377, 378, 381, 383, 385, 387, 388, 392, 394, 395, 397, 398, 399, 401, 409, 410, 414, 416—419, 425, 428, 429, 432, 433, 440, 442, 444, 445, 449, 450, 457, 458, 461, 462, 464—466, 468, 469, 472, 473.

Бакунина, Варвара Михайловна, тетя — 155, 442.

Бакунина, Евдокия см. Бакунина Авдотья.

Бакунина, Любовь Александровна, сестра—39, 41, 47, 61, 66, 69, 73, 75, 91, 102, 104, 105, 107, 108, 114—119, 171, 188, 198, 200—203, 206, 321, 360, 364, 367, 374, 376, 378, 382, 385, 394, 399, 402, 406, 409, 411—418, 424, 427, 429, 440, 444, 447, 448, 451—454, 458, 459, 465, 466, 468, 470, 471.

Бакунина, Любовь Петровна — 444.

Бакунина, Пелагея Михайловна, тетя — 442.

Бакунина, Софья Александровна, сестра — 441.

Бакунина, Татьяна Александровна, сестра—19, 39, 48, 56, 68, 69, 92, 97, 105, 121, 171, 188, 190—193, 197, 208, 217, 236, 241, 245, 246, 268—272, 274, 276, 278, 279, 280, 283, 287, 295, 311, 325, 384, 401, 406, 418, 422, 439, 440, 453, 455—458, 460, 462, 465, 466, 471.

Бакунины, братья — 47, 48, 344, 351, 354, 355, 356, 361, 392, 398, 401—406, 441, 457, 465, 467.

Бакунины, семья—17, 219, 440, 441, 443, 446, 447, 448, 453, 455, 456, 458, 462, 465, 467, 469.

Бакунины, родственники — 59.

Бакунины, сестры — 38, 40, 44, 45, 46, 294, 297, 302, 315, 334, 337, 353, 360, 363, 370, 376, 380, 382, 383, 387, 389, 392, 398, 402, 403, 406, 414, 423, 427, 430, 435, 452, 457, 465, 468, 469, 472.

Бакунины, тетки — 37, 40, 54, 442.

Балашев И., издатель — 7.

Баньковский, офицер — 222, 247.

Баратынский, поэт — 463.

Бедан, Франсуа Сюльпис — 142, **449.**

Беер, Александра Андреевна — 121, 126, 129, 136, 137, 150, 172, 173, 176, 188, 204, 215, 226—253, 259, 262, 268—270, 273, 274, 276—278, 280, 281, 283—286, 291—295, 298, 304, 308—310, 312, 318, 319, 322, 324, 340—342, 353, 358, 359, 362, 371, 372, 379, 387, 388, 391, 423, 444, 445, 452, 458, 461, 462, 464, 471.

Беер, Алексей Андреевич — 55, 66, 139, 168, 183, 198, 211, 212, 213, 219, 222, 223, 242, 243, 248, 259, 281, 287, 299, 313, 314, 340, 372, 373, 374, 375, 377, 380, 444, 455, 460, 462, 469.

Беер, Константин Андреевич — 168, 192, 233, 249, 282, 284, 299, 302, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 380, 381, 435, 444, 445.

Беер, Настасья Владимировна, мать — 139, 173, 223, 233, 239, 240, 241, 249, 250, 275, 282, 283, 287, 299, 308, 313, 319, 321, 373, 374, 375, 377, 451, 460, 468.

Беер, Наталья Андреевна — 66, 67, 129, 136, 137, 152, 171, 172, 188, 207, 215, 216, 226, 232, 234, 236, 237, 240, 244—247, 249, 251, 253, 258, 259, 261, 268, 269, 273, 276, 278, 281—285, 289—295, 299, 302,

306—309, 314, 318, 319, 332, 336, 340, 341, 344, 345, 349, 350, 351, 353, 362, 367, 372, 378, 387, 388, 391, 422, 444, 445, 451, 452, 465.
Бееры (Бееровы),— 19, 48, 55, 65, 66, 137, 152, 165, 168, 173, 176, 188, 192, 193, 204, 207, 208, 211, 213, 215, 222, 223, 232, 235, 239, 240, 241, 245, 248, 279, 280, 281, 283, 284, 294, 298, 302, 304, 311, 313, 315, 319, 321, 333, 335, 336, 338, 340, 345, 347, 353, 364, 367, 369, 371, 373—375, 377, 382, 412, 422, 425, 428, 429, 432, 434, **444, 445,** 446, 451—453, 456, 457, 460—462, 464, 465—470, 472, 473.
Безобразова, Мария Николаевна — 43, 91.
Безобразова, Фиона (Хиона) Николаевна — 43, 91.
Безобразова, мать предыдущих — 43.
Белинский, Виссарион Григорьевич — 9, 301, 332, 333, 357, 361, 413, 415, 429, 431, 434, 446, 451, 452, 453, 459, 460, 463, 464, 466, 467, 468, 470, 472, 473.
Беллерио, Эмилио — 13.
Белявень — 74.
Бем, музыкант — 85, 86, 90.
Бестужев, Александр Александрович — 73, **446.**
Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович — 30, 31, **441.**
Бетховен — 84.
Бисмарк, Отто, граф — 28.
Борис Годунов — 164.
Борхерт, гувернер в доме Полторацких — 48, 53.
Бороздин — 81.
Бороздина, Прасковья Николаевна. урожд. Воейкова, жена пред. — 79, 81, 84, 86, 87, 88.
Боссюэ(т), Жак Бенинь — 27, **441.**
Боткин, Василий Петрович — 9, 425, 433, 452, **472.**
Бояркина, Марья Федоровна — 136, 143, 151, 177.
Брагинский, Марк Абрамович — 439.
Булгарин, Фаддей Венедиктович — 42, 131, **444.**
Буле, Иоганн Готлиб — 222, 247, 344, **461.**
Бульвер-Литтон, Эдуард Джорж — 258, **463.**
Бурбоны — 28.
Бурка, помещик — 130.
Бурцев — 413.
Быховцина, Мавра Егоровна — 127.

В

Варвара Андреевна — 46, 94.
Вебер, Карл, композитор — 381.
Вейсенфельд, фон, барон, муж Натальи Андреевны Беер — 445.
Велланский, Даниил Михайлович — 162, 450.
Вертэй (Вертель) — 129, 136, 143, 144, 155, 175, 304.
Вильмен, Абель Франсуа — 185, **455.**
Виноградская, Елизавета Васильевна — 441.
Висс, Рудольф — **443.**
Витте, д-р — 160.
Вихляев — 219.
Воейкова, Вера Николаевна — 71, 79, 82, 84, 86, 92, 110.
Воейкова, Марья Алексеевна, дочь пред.— 71, 73, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 92, 93, 96, 97, 103, 107, 121, 122, 126, 446, 447, 448, 452.
Вознесенский — 74.
Вольтер — 34, 69.
Востоков, Александр Христофорович — 142, **449.**
Вульф, Гавриил Петрович — 440, 445.
Вульф, Иван Петрович — 445.
Вульф, Мария Петровна, кузина — 121.
Вульф, кузина — 95.
Вульф Николай — 120.
Вульфы, кузены — 59, **445.**
Вяземский, Петр Андреевич, князь — 69, **446.**

Г

Гайдн — 85.
Галич, Александр Иванович — 162, **450.**

Гауффе, Фридерика — **455.**
Гамбуцци, Карл — 12, 13.
Геерен, Арнольд Людвиг — 185, 455.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — 19, 260, 408, 428, **470**, 473.
Гейне, Генрих — 455.
Гервег, Георг, поэт — 11.
Гервель, Марсель, сын пред. — 11.
Гердер, Иоганн Готфрид — 185, 219, 344, 400, 455, **469.**
Герман, гомеопат — 63.
Геродот — 344.
Герцен, Александр Иванович — 7, 11, 445, 452, 458, 460.
Герцен, Наталья Александровна, дочь пред. — 11.
Гершензон, Михаил Осипович — 452.
Гете, Вольфганг — 235, 322, 381.
Гизо, Франсуа — 185, 456.
Гильом, Джемс — 7, 9, 14.
Глинка, т. и т-жа — 58.
Голицын, Владимир, князь — 413.
Гончаревский, офицер — 161.
Гофман, Эрнст Теодор Амедей — 183, 211, 212, 235, 236, **459.**
Грановский, Тимофей Николаевич — 9, 197, 452, 454, **458.**
Греч, Николай Иванович — 42, 74, **444.**
Григоровский — 239.
Гродецкий — 30.
Гюго, Виктор — 444.

Д

Дарья Алексеевна, см. Державина, Д. А.
Делагарди, графиня — 50, 62, 65, 72, 74, 95.
Державин, Гавриил Романович — 444.
Дельвиг, Андрей Иванович — 463.
Державина, Дарья Алексеевна — 44, 75, 76, 79, 82, 83, 85, **444**, 447.
Де-Саж, офицер — 161.
Дефо, Даниель — 443.
Дидро, Дени — 34.
Диодор Сицилийский — 344.
Дмитрий Самозванец — 164.
Дмитриев, И. И. — 463.
Долгорукий, князь — 140.
Дохтуров, флотский капитан — 67, 69.
Дохтуров, нач. Тверск. военн. округа — 222, 243.
Дохтурова, Марья Афанасьевна — 66, 67, **448.**
Драгоманов, Михаил Петрович — 11, 15.
Дьяков, Александр Николаевич (Саша), сын Варвары — 222, 223, 235, 362, 366, 367, 368, 369, 376, 383, 384, 395, 397, 399, 401, **417**, 461, 468.
Дьяков, Валериан Николаевич — 143.
Дьяков, Николай Николаевич — 129, 143, 148, 149, 150, 155, 223, 267, 369, 373, 395, 396, 397, 428, **449**, 461, 468, 469.
Дьякова, Варвара Александровна см. Бакунина, В. А., младшая.
Дьяковы — 312, 370.
Дядьковский, Иустин Евдокимович — 361, 416, 425.
Дюнуа, Амедей — 20.

Е

Егор, камердинер — 193.
Екатерина II — 25, 34, 35.
Ефремов, Александр Павлович — 9, 10, 174, 177, 178, 179, 181, 183, 185, 187, 193, 204, 207, 208, 248, 250, 289, 301, 361, 362, 381, 394, 431, 452, **453**, 454, 455, 457.

Ж

Жанлис, Стефания, де — 221, **461.**
Жуковский, Василий Андреевич — 11, 12.
Жуковский, Николай Иванович — 13.
Жюли см. Ниндель Юлия.

З

Загоскин, Михаил Николаевич — 42, 185, **444**, 456.
Зильберштейн, Илья Самойлович — 20.
Зотов, Даниил Павлович — 135.

И

Иван, крепостной камердинер — 108.
Иван Алексеевич, священник — 38, 45.
Иваненкова — 435, 473.
Игнатьев, дядя — 44.
Изабелла II — 28.

Иисус Христос—211, 231, 257, 260, 328, 329, 330, 384, 385, 427, 432.
Имберг, Варвара Константиновна—43, 362.
Имберг, Варенька, дочь пред. — 43, 321, 362, 465.
Иннокентий, архимандрит — 180, 181, 454, **455.**
Иоанн Грозный — 164.

К

Калашников, Иван Тимофеевич — 61, **446.**
Каменев, Лев Борисович — 6.
Кант, Иммануил — 260.
Капфиг, Батист Оноре Ремон — 142, **450.**
Карамзин, Николай Михайлович — 35, 61, 216, **442.**
Карл X, франц. король — 455.
Катенька, кузина — 56.
Катков, Михаил Никифорович — 452, 472.
Каховский, Петр Григорьевич — 31, 441, **442.**
Келлер — 301.
Келлеры — 207, 250, **463.**
Кернер, Юстин — 454, **455.**
Киньдерев — 74.
Кетчер, Николай Христофорович — 463.
Клеопатра Алексеевна — 38.
Клюшников, Иван Петрович — 168, 301, **451,** 452.
Клюшников, Петр Петрович, врач — **451.**
Княжевич, Антонина Францевна — 89.
Княжевич, Дмитрий Максимович — 40, 42, 44, 76, 89, 95, 110, **443.**
Кованько, Михаил Михайлович, полковник — 40, 43, 57, 62.
Кожевникова, m-lle — 69.
Козловский, К. П., князь — 272, 464.
Константин Федорович, крепостной слуга Бакунина — 128, 130, 144, 145, 155, 344.
Константин см. Беер, К. А.
Константин см. Ренне, барон.
Корнилов, Александр Алексеевич—10, 16, 17, 18, 19, 331, 440, 442, 443, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 474.
Корнилова, Е., жена пред.— 18.
Корсакова, Наталья Семеновна — 441.
Кох, Кристоф-Гильом, историк — 449.
Краснопольский, д-р — 162.
Красов, Василий Иванович — 172, 173, 208, **452,** 457.
Крашенинников, Николай Александрович — 454.
Кржижановский, Северин — 30.
Крылов, Иван Андреевич — 154.
Кудрявцев, А. Д.— 445.
Кузен Виктор — 455.
Купер, Фенимор — 59, **445.**
Кушакевич — 74.

Л

Лабрюйер, Жан — 137.
Лаганский, Е.— 20.
Лагарп, Жан Франсуа — 57, **445.**
Лажечников, Иван Иванович — 212, 247, 332, 446, **462.**
Лангер, Федор Федорович—425, 427, 433, **472.**
Ласковский, Иван Федорович — 108, **447.**
Лафайет, Мари Жозеф, маркиз — 52, **445.**
Лафатер, Иоанн Каспар, 79, **446.**
Левашов, чиновник — 165.
Левашов, Николай Васильевич — **463.**
Левашова, Екатерина Григорьевна — 249, 301, **463.**
Левашова, Эмилия Николаевна, позже Дельвиг — 463.
Левашовы — 249, 463.
Лелевель, Иоахим — 30, 33, **442.**
Лемке, Михаил Константинович — 11, 463.
Ленин, Владимир Ильич — 9, 20.
Леонид Львович, музыкант — 86.
Лерминье, Жак, Луи Эжень — 247, 462.
Ливий, Тит — см. Тит Ливий.
Лихардов — 86.

Лихардова, Марья Павловна — 95.
Лопатин, Герман Александрович — 11.
Луар, учитель — 91.
Луджер, юнкер — 434.
Луи Филипп — 445, 462.
Львов, Алексей Федорович — 84, 85, 86, 90, 103, **443.**
Львов, Василий Федорович — 86.
Львов, Дмитрий Сергеевич — 48.
Львов, Леонид Николаевич — 69.
Львов, Федор Петрович — 39, 84, 90, 103, 107, 443.
Львова, Е. А.— 441.
Львова, Елизавета Николаевна — 103, 106.
Львова, Мария Сергеевна — см. Олешина, М. С.
Львова, Мария Федоровна — 39, 45, 46, 48, 75, 76, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 92, 97, **443.**
Львова, Надежда Федоровна —39, 84, 108.
Львова, Прасковья Федоровна — 84, 106.
Львовы петербургские — 44, 45, 46, 47, 71, 72, 73, 75, 79, 80, 82, 83. 84, 86, 102, 103, 106, 443.
Львовы тверские, соседи Бакуниных — 69, 444.
Людовик XIV — 249.
Людовик XV — 249, 447.

М

Мавра Феклистовна — 38.
Майборода, предатель — 441.
Маклакова, Прасковья Александровна — 77, 90, 96.
Мария см. Бояркина, Мария Федоровна.
Маркс, Карл — 9, 15, 20, 439.
Марлинский, см. Бестужев, Александр Александрович.
Массальский, Константин Петрович — 42, 61, **446.**
Массильон, Жан Батист — 82, **447.**
Мегера — 173.
Медем, барон — 54.
Мейдель — 219, 247.
Мендоза, граф — 142, 152.
Милиус, муз. — 86.
Милорадович, Михаил Андреевич, граф — 442.
Михаил Павлович, в. кн.— 40, 43, 54, 62, 65, 70, 196, 443.
Мицкевич, Сергей Иванович — 20.
Монтень — 108.
Мордвинов, Александр Николаевич — 59, 111, **445,** 447.
Мордвинов, Николай Михайлович — 45, 444, 445.
Мордвинов, Николай Семенович—119.
Мордвинова, Варвара Михайловна — 440, 445.
Мордвинова, Мария Николаевна—441.
Мордвиновы — 59, 440.
Моцарт — 85.
«Московский Наблюдатель», журнал— 168, **451.**
Муравьев, Александр Николаевич — 440, 448.
Муравьев, Александр Федорович — 440, 448.
Муравьев, Андрей Николаевич — 82. 440, **447.**
Муравьев, Артамон Захарович — 440.
Муравьев, Михаил Николаевич, граф, Виленский, Вешатель — 27, 29, 164, 165, 440, 448, 450, 451, 463.
Муравьев, Никита Михайлович — 440.
Муравьев, Николай Назарович — 120, 125, 126, 132, 440, **448.**
Муравьев, Николай Николаевич—440. 448.
Муравьев, Николай Николаевич, Амурский — 440, 444, 448.
Муравьев, Николай Николаевич, Карский — 440, 441.
Муравьев, Сергей Николаевич — 43, 45. 57. 155. 159, 440, 445, **448,** 450, 463.
Муравьев-Апостол, Матвей Иванович — 440.
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович — 27, 30, 31, 440, **441.**
Муравьева, Александра Николаевна — 120, 125.

Муравьева, Варвара Александровна см. Бакунина В. А., старшая.
Муравьева, Варвара Михайловна, урожд. Мордвинова — 440.
Муравьева, Вера Николаевна — 120, 125.
Муравьева, Екатерина Николаевна — 120, 125.
Муравьевы — 29, 440, 463.

Н

Наполеон I, Бонапарт — 29, 32, 35, 445, 446.
Наполеон III, Луи Бонапарт — 28.
Нарваэц, Рамон Мария — 28.
Настасья Ивановна — 38.
Неверов, Январий Михайлович — 10, 178, 195, 197, 356, 357, 358, 378, 387, 398, 449, 452, 453, **454,** 457, 467.
Нетгельгорст, барон — 163.
Нетглау, Макс — 6, 8, 12, 13, 14, 15, 439.
Николай Федорович, брат слуги Константина — 130, 145.
Николай I Павлович — 28, 36, 37, 442, 443, 463.
Нилов, Петр Андреевич — 95, **443.**
Нилова, Прасковья Михайловна — 48, 54, 56, 58, 60, 62, 70, 71 74, 75, 76, 94, 95, 97, 106, 109, 110, 111, 112, 443, 447, 448.
Ниндель, Юлия — 32, 50, 69, 72, 91, 115, 122, 126, 130, 151, 245, 276, 280, 401, 464.
Новиков, Николай Иванович — 12, 35, **442.**

О

Оберман — 156.
Огарев, Николай Платонович — 7, 11.
Озеров, Владислав Александрович — 446.
Океан, Лоренц — 162, **450.**
Окунев, Борис Маркович — 20.
Оленин, Алексей Николаевич — 48, 422, 444.
Оленин, Петр Алексеевич, сын пред. — 47, 48.
Оленина, Елизавета Марковна — 44, 47, 48, 442, **444.**
Оленина, Мария Сергеевна, урожд. Львова — 47, 48, 444.
Онегин, Отто — 11, 12.
Опперман, Карл Иванович, граф — 40, **443.**
Орлов, Михаил Федорович — 463.

П

Павел I — 442.
Паскевич, Иван Федорович, фельдмаршал — 140, 144, 161, **449.**
Перш, генерал — 40, 43, 176, 453.
Пестель, Иван Борисович — 31.
Пестель, Павел Иванович, сын пред. — 31, 440, **441.**
Петерсон, офицер — 72, 73, 74, 76, 91, 95.
Петр I Великий — 34.
Пиксанов, Николай Кириакович — 473.
Плутарх — 27, **441.**
Погодин, Михаил Петрович — 180, 454.
Поликарпов, Евгений — 44.
Полина Васильевна — 160.
Полторацкая, кузина — 64, 65.
Полторацкая, Анна Павловна — 76, 155, 446.
Полторацкая, Варвара Александровна — 55.
Полторацкая, Варвара Михайловна — 54, 355, 356, 361, 440, 467.
Полторацкая, Екатерина Ивановна — 129.
Полторацкая, Елизавета Марковна см. Оленина, Е. М.
Полторацкая, Мария, кузина — 129.
Полторацкая, Надежда Алексеевна, кузина — 129.
Полторацкая, Надежда Павловна — 356.
Полторацкая, Наталья, кузина — 129.
Полторацкая, Софья Борисовна — 38, 44, 53, 443.
Полторацкая, Татьяна Александровна — 55, 68, 71, 83, 85, 87, 92, 105, 106, 107.
Полторацкая, Татьяна Михайловна,

урожд. Бакунина — 68, 71, 442, 446.
Полторацкая, Таничка, см. Полторацкая, Татьяна Александровна.
Полторацкие — 440.
Полторацкий, Александр Александрович — 55.
Полторацкий, Александр Маркович — 68, 69, 71, 442, **446.**
Полторацкий, Александр Павлович — 55.
Полторацкий, Алексей Павлович — 65, 72, 75, 118, 129.
Полторацкий, Константин Маркович — 38, 40, 53, **442,** 443.
Полторацкий, Михаил Павлович — 38.
Полторацкий, Павел Маркович — 356, 440, 442.
Полторацкий, Петр Алексеевич, кузен — 45, 122, 129, 136, 143, 150, 151, 155, 177, 219.
Поль, московский музыкант — 427, 433, 472.
Пономарев — ученик Бакунина — 228, 301, **465.**
Пушкин, Александр Сергеевич — 13, 36, 42, 51, 52, 61, 133, 446, 447.

Р

Раевский, Александр Николаевич — 463.
Ралли Замфир — 446.
Ралли, дядя предыдущего — 446.
Рапопорт, Хонон — 20.
Рейхели — 12.
Ренне, Константин, барон — 105, 108, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 447, 448.
Ржевская, Анна Константиновна (Аннет) — 168, 271, 382, 383, 452, 471.
Ржевская, Софья Константиновна — 452.
Ржевские — 451.
Ржевский, Владимир Константинович — 168, 188, 197, 199, 200, 201, 205, 206, 207, 208, 211, 239, 240, 241, 248, 282, 380, **451,** 459, 462.
Ржевский, Федор Константинович — 173, 176, 214, 239, 240, 241, 243, 244, 259, 304, 308, 309, 310, 314, 319, 324, 325, 361, 434, 451.
Ривуар, гувернер — 51, 58.
Рихтер, Жан-Поль — 235, 409, 415, **470.**
Ришар, Альбер — 439.
Романовы, династия — 165, 442.
Ростопчин, Федор Васильевич — 29.
Ротчев, Александр Гаврилович — 42, **444.**
Рунич, Дмитрий Павлович — 450.
Руссо, Жан-Жак — 141.
Рылеев, Кондратий Федорович — 31, 130, 136, 441, **442.**

С

Самборский — 173, **453.**
Сашенька, кузина — 56.
Сисмонди, Сисмонд де, Жан Шарль Леонард — 185, **456.**
Смит Адам — 96, **447.**
Соколова, С. Ф. — 441.
Сологуб, Владимир Александрович, граф — 181, 183, 185, 200, 207, 218, 246, 272, 455, **458,** 460, 462.
Сталь, г-жа — 462.
Станкевич, Алексей Иванович — 452.
Станкевич, Владимир Иванович, отец — 367, 369, 381, 402, 410, 412, 413, 421, 469, 470, 471, 472.
Станкевич, Иван Владимирович — 435.
Станкевич, Николай Владимирович — 9, 168, 171, 172, 173, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 185, 196, 206, 207, 212, 218, 235, 236, 249, 275, 289, 299, 360, 361, 364, 367, 369, 373, 376, 378, 381, 382, 385, 399, 402, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 420, 421, 424 425, 427, 429, 431, 433, 446, 449, 451; **452,** 453, 454, 455, 456, 457, 459. 460, 461, 462, 463, 464, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473.
Станкевич, Николай Иванович, дядя — 382, 470.
Стеклов, Юрий Михайлович — 439, 450.
Сток, В., издатель — 7.
Строганов, Сергей Григорьевич, граф — 208, 361, 413, 451, 459, 468, 470.

Стюрлер, полковник — 442.
Суворова, Елизавета Ефграфовна — 40, 42.
Сульт, франц. маршал — 455.
Сухарева — 44.
Сухозанет, Иван Онуфриевич — 57, 70, 73, 100, **445,** 449.

Т

Татьяна Михайловна, тетя, см. Полторацкая Т. М.
Таничка, кузина, см. Полторацкая, Татьяна Александровна.
Таничка, Танюша, см. Бакунина, Татьяна Александровна.
Тацит — 344.
Тепляков, Виктор Григорьевич — 212, 332, 333, **466.**
Тереза, m-lle — 278.
Тит Ливий — 27, 344, **441.**
Тишинские — 161.
Токарев, Алексей — 353, 467.
Толстой, граф, юнкер — 46, 65.
Толстой, Александр Петрович, граф — 196, 213, **460.**
Толстой, Лев Николаевич — 472.
Тургенев, Иван Сергеевич — 9, 452, 472.

У

Ульянины — 107.
Ульянинова, музыкантша — 90.
Урика — 362.
Ушакова, Анна Петровна (позже Бакунина) — 440.

Ф

Федор Иванович — 353, 467.
Фейгерль — 50, 69, 72.
Фекла Ивановна, мать слуги Константина — 130.
Фенелон — 464.
Фет (Шеншин), Афанасий Афанасьевич — 472.
Фихте, Иоганн Готлиб — 204, 209, 218, 236, 248, 260, 301, 334, **459.**
Фотий, архимандрит — 444.
Фохты — 12.
Франсуа де-Саль — 258, **464.**
Франциск Сальский см. Франсуа де Саль.
Фрейман, подполковник — 40.

Х

Христос, см. Иисус Христос.

Ц

Цирг см. Цирх.
Цирх, доктор — 406, 470.
Цобель, Э. — 20.
Цылов, юнкер — 43, 44.

Ч

Ча(а)даев, Петр Яковлевич — 249, **463,** 468.
Черкезов, Варлаам Александрович — 7.
Черницкий, Николай Павлович, капитан — 40.

Ш

Шевырев, Степан Петрович — 418, 451, **471.**
Шекспир, Вильям — 42, 444.
Шеллинг, Фридрих Вильгельм Иосиф — 260.
Шереметева — 249.
Шиллер, Иоганн Фридрих — 42, 235, 381, 415, 444.
Шлипенбах, Елизавета Альбертовна — 441.
Шмидт, автор учебника — 413, 459, 470, 473.
Штейн, сосед Бакуниных — 219, 247.

Щ

Щеголев, Павел Елисеевич — 9, 10, 18, 467.
Щеголев, П. П. — 9, 10.

Э

Эврина — 46.
Эзебаву — 156.
Энгельс, Фридрих — 9, 16, 20, 439.
Эшенмайер, Карл Адольф — 454, **455.**

Я

Яблоновский, Антон — 30.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5
К читателям 21
№ 1. — История моей жизни 25
№ 2. — Письмо тетушкам от 27 ноября 1828 г. 37
№ 3. — Письмо сестрам от весны 1829 г. 38
№ 4. — Письмо сестрам от 16 сентября 1829 г. 39
№ 5. — Письмо сестрам от осени 1829 г. 39
№ 6. — Письмо родителям от 22 января 1830 г. 40
№ 7. — Письмо сестрам от 2 марта 1830 г. 40
№ 8. — Письмо родителям от 16 марта 1830 г. 43
№ 9. — Письмо сестрам от 17 марта 1830 г. 44
№ 10. — Письмо сестрам от лета 1830 г. 45
№ 11. — Письмо сестрам от весны 1831 г. 46
№ 12. — Письмо сестрам Любови и Варваре от 5 мая 1831 г. 47
№ 13. — Письмо родителям от 30 августа 1831 г. 48
№ 14. — Письмо родителям от 18 сентября 1831 г. 49
№ 15. — Письмо родителям от 20 сентября 1831 г. 50
№ 16. — Письмо родителям от 6 декабря 1831 г. 53
№ 17. — Письмо родителям от 29 декабря 1831 г. 54
№ 18. — Письмо сестрам от 6 января 1832 г. 55
№ 19. — Письмо родителям от 6 февраля 1832 г. 56
№ 20. — Письмо родителям от начала апреля 1832 г. 57
№ 21. — Письмо родителям от 16 апреля 1832 г. 58
№ 22. — Письмо сестрам от 16 апреля 1832 г. 59
№ 23. — Письмо родителям от 13 мая 1832 г. 59
№ 24. — Письмо сестрам от мая 1832 г. 60
№ 25. — Письмо сестрам от мая 1832 г. 61
№ 26. — Письмо родителям от 27 мая 1832 г. 62
№ 27. — Письмо родителям от 17 июня 1832 г. 63
№ 28. — Письмо родителям и сестрам от 28 августа 1832 г. 64
№ 29. — Письмо сестрам от 17 сентября 1832 г. 66
№ 30. — Письмо сестрам от 5 ноября 1832 г. 68
№ 31. — Письмо родителям и сестрам от 17 января 1833 г. 70
№ 32. — Письмо родителям и сестрам от 2 февраля 1833 г. 72
№ 33. — Письмо родителям и сестрам от 10 февраля 1833 г. 74
№ 34. — Письмо родителям и сестрам от 11 февраля 1833 г. 75
№ 35. — Письмо родителям от 7 апреля 1833 г. 77

№ 36. — Письмо сестре Варваре от 5 марта 1833 г. 78
№ 37. — Письмо родителям и сестрам от 8 марта 1833 г. 89
№ 38. — Письмо родителям и сестрам от 13 марта 1833 г. 91
№ 39. — Письмо сестре Варваре от 13 марта 1833 г. 93
№ 40. — Письмо родителям от 28 марта 1833 г. 94
№ 41. — Письмо сестрам от 28 марта 1833 г. 95
№ 42. — Письмо сестре Варваре от 7 апреля 1833 г. 98
№ 43. — Письмо родителям и сестрам от 9 апреля 1833 г. 100
№ 44. — Письмо сестре Варваре от 21 апреля 1833 г. 101
№ 45. — Письмо сестрам от 20 мая 1833 г. 102
№ 46. — Письмо сестрам от 10 июня 1833 г. 106
№ 47. — Письмо родителям и сестре Варваре от 11 июня 1833 г. . . . 108
№ 48. — Письмо родителям от 12 мая 1833 г. 109
№ 49. — Письмо сестрам от сентября 1833 г. 112
№ 50. — Письмо сестрам от 28 сентября 1833 г. 113
№ 51. — Письмо сестре Любови от осени 1833 г. 115
№ 52. — Письмо сестрам от 4 января 1834 г. 120
№ 53. — Письмо сестрам от 25 января 1834 г. 122
№ 54. — Письмо Мавре Егоровне Быховциной от 13 февраля 1834 г. . . 127
№ 55. — Заметка из конспекта по истории 127
№ 56. — Письмо родным от 20 июня 1834 г. 127
№ 57. — Письмо сестрам от 20 июня 1834 г. 127
№ 58. — Письмо родным от 22 июня 1834 г. 130
№ 59. — Письмо родным от 28 июня 1834 г. 133
№ 60. — Письмо сестрам Беер от 11 июля 1834 г. 137
№ 61. — Письмо родителям от 4 октября 1834 г. 139
№ 62. — Письмо сестрам от 5 октября 1834 г. 145
№ 63. — Письмо родителям от 19 декабря 1834 г. 152
№ 64. — Письмо сестрам от 19 декабря 1834 г. 156
№ 65. — Письмо Сергею Николаевичу Муравьеву от января 1835 г. . 159
№ 66. — Письмо сестрам Беер от 22 апреля 1835 г. 165
№ 67. — Письмо сестрам Беер от 7 мая 1835 г. 168
№ 68. — Письмо сестрам Беер от конца мая 1835 г. 173
№ 69. — Письмо А. П. Ефремову от 29 июля 1835 г. 174
№ 70. — Письмо сестрам Беер от августа 1835 г. 176
№ 71. — Письмо А. П. Ефремову от 20 сентября 1835 г. 177
№ 72. — Письмо Я. М. Неверову от 26 октября 1835 г. 178
№ 73. — Письмо А. П. Ефремову от 14 ноября 1835 г. 179
№ 74. — Ответ сестрам от ноября 1835 г. 181
№ 75. — Письмо А. П. Ефремову от 27 ноября 1835 г. 181
№ 76. — Письмо А. П. Ефремову от 10 декабря 1835 г. 183
№ 77. — Письмо А. П. Ефремову от 19 декабря 1835 г. 185
№ 78. — Письмо сестре Татьяне от декабря 1835 г. 186
№ 79. — Письмо отцу от января 1836 г. 189
№ 80. — Письмо сестре Татьяне от 27 января 1836 г. 190
№ 81. — Письмо сестрам Беер от февраля 1836 г. 192
№ 82. — Письмо А. П. Ефремову от февраля 1836 г. 193
№ 83. — Письмо сестрам Беер от февраля 1836 г. 193

№ 84. — Письмо сестре Татьяне от 10 февраля 1836 г. 193
№ 85. — Письмо Я. М. Неверову от 15 февраля 1836 г. 195
№ 86. — Письмо сестре Татьяне от 17 февраля 1836 г. 197
№ 87. — Письмо сестре Варваре от 17 февраля 1836 г. 198
№ 88. — Письмо сестрам Беер от февраля 1836 г. 204
№ 89. — Письмо сестре Варваре от 24 февраля 1836 г. 205
№ 90. — Письмо сестрам Татьяне и Варваре от 28 февраля 1836 г. . . 208
№ 91. — Письмо отцу от 29 февраля 1836 г. 212
№ 92. — Письмо сестрам Беер от февраля 1836 г. 213
№ 93. — Письмо сестрам Беер от февраля 1836 г. 215
№ 94. — Письмо Наталье Беер от конца февраля или начала марта 1836 г. 216
№ 95. — Письмо Наталье Беер от конца февраля или начала марта 1836 г. 216
№ 96. — Письмо сестре Татьяне от 8 марта 1836 г. 217
№ 97. — Письмо сестре Варваре от 9 марта 1836 г. 220
№ 98. — Письмо сестре Варваре от первой половины марта 1836 г. . . 222
№ 99. — Письмо сестре Варваре от первой половины марта 1836 г. . . 225
№ 100. — Письмо Александре Беер от первой половины марта 1836 г. 226
№ 101. — Письмо Александре Беер от первой половины марта 1836 г. 227
№ 102. — Письмо Александре Беер от первой половины марта 1836 г. 228
№ 103. — Письмо Александре Беер от первой половины марта 1836 г. 229
№ 104. — Письмо сестре Варваре от 11 марта 1836 г. 232
№ 105. — Письмо сестре Варваре от 16 марта 1836 г. 236
№ 106. — Письмо сестре Варваре от 17 марта 1836 г. 242
№ 107. — Письмо сестре Татьяне от 17 марта 1836 г. 245
№ 108. — Письмо Александре Беер от второй половины марта 1836 г. 247
№ 109. — Письмо сестрам Беер от весны 1836 г. 248
№ 110. — Письмо А. П. Ефремову от начала апреля 1836 г. 248
№ 111. — Письмо Александре Беер от 2 апреля 1836 г. 248
№ 112. — Письмо Александре Беер от 4 апреля 1836 г. 251
№ 113. — Письмо Александре Беер от 6 апреля 1836 г. 253
№ 114. — Письмо Александре Беер от первых чисел апреля 1836 г. . . 259
№ 115. — Письмо сестре Варваре от 12 апреля 1836 г. 262
№ 116. — Письмо Александре Беер от апреля 1836 г. 268
№ 117. — Письмо сестрам Татьяне и Варваре от середины апреля 1836 г. 269
№ 118. — Письмо сестре Татьяне от 15 апреля 1836 г. 271
№ 119. — Письмо Александре Беер от середины апреля 1836 г. . . . 273
№ 120. — Письмо сестре Татьяне от 20 апреля 1836 г. 274
№ 121. — Письмо Александре Беер от второй половины апреля 1836 г. 276
№ 122. — Письмо Александре Беер от 23 апреля 1836 г. 277
№ 123. — Письмо сестрам Татьяне и Варваре от 23 апреля 1836 г. . . 278
№ 124. — Письмо сестрам Беер от конца апреля 1836 г. 284
№ 125. — Письмо Александре Беер от 26 апреля 1836 г. 285
№ 126. — Письмо сестре Татьяне от 28 апреля 1836 г. 287
№ 127. — Письмо Наталье Беер от апреля 1836 г. 289
№ 128. — Письмо Наталье Беер от апреля 1836 г. 290
№ 129. — Письмо Наталье Беер от апреля 1836 г. 292
№ 130. — Письмо Александре Беер от 30 апреля 1836 г. 293
№ 131. — Письмо сестрам Беер от апреля 1836 г. 294

№ 132. — Письмо сестрам от конца апреля или начала мая 1836 г. . . 297
№ 133. — Письмо сестрам Беер от начала мая 1836 г. 298
№ 134. — Письмо сестрам Беер от 7 мая 1836 г. 299
№ 135. — Письмо сестрам Беер от 9 мая 1836 г. 302
№ 136. — Письмо сестрам Беер от 24 мая 1836 г. 304
№ 137. — Письмо Наталье Беер от 26 мая 1836 г. 306
№ 138. — Письмо Александре Беер от 15 июля 1836 г. 308
№ 139. — Письмо сестрам Беер от лета 1836 г. 311
№ 140. — Письмо сестрам Беер от июля 1836 г. 311
№ 141. — Письмо сестрам Беер от лета 1836 г. 313
№ 142. — Письмо Наталье Беер от лета 1836 г. 314
№ 143. — Письмо сестрам Беер от июля 1836 г. 315
№ 144. — Письмо сестрам Беер от 3 августа 1836 г. 319
№ 145. — Письмо сестре от начала августа 1836 г. 321
№ 146. — Письмо Александре Беер от августа 1836 г. 322
№ 147. — Письмо сестрам Татьяне и Варваре от 10 августа 1836 г. . 325
№ 148. — Проект письма В. Г. Белинскому от 2 августа 1836 г. 332
№ 149. — Письмо сестрам Беер от августа 1836 г. 333
№ 150. — Письмо сестрам Беер от августа 1836 г. 335
№ 151. — Письмо сестрам Беер от конца августа 1836 г. 336
№ 152. — Письмо сестрам Беер от конца августа 1836 г. 338
№ 153. — Письмо сестрам Беер от конца августа 1836 г. 340
№ 154. — Письмо Наталье Беер от конца августа 1836 г. 341
№ 155. — Письмо братьям от 1 сентября 1836 г. 344
№ 156. — Письмо Наталье Беер от начала сентября 1836 г. 344
№ 157. — Письмо сестрам Беер от начала сентября 1836 г. 345
№ 158. — Письмо сестрам Беер от 3 сентября 1836 г. 347
№ 159. — Письмо Наталье Беер от 4 сентября 1836 г. 350
№ 160. — Письмо братьям от 11 сентября 1836 г. 351
№ 161. — Письмо Александре Беер от сентября 1836 г. 353
№ 162. — Письмо сестрам от сентября 1836 г. 353
№ 163. — Письмо сестрам Беер от сентября 1836 г. 353
№ 164. — Письмо братьям от начала ноября 1836 г. 354
№ 165. — Письмо братьям от начала ноября 1836 г. 355
№ 166. — Письмо Я. М. Неверову от 4 ноября 1836 г. 356
№ 167. — Письмо Александре Беер от 11 ноября 1836 г. 358
№ 168. — Письмо сестрам от 8 декабря 1836 г. 360
№ 169. — Письмо сестрам от декабря 1836 г. 363
№ 170. — Письмо сестрам Беер от декабря 1836 г. 364
№ 171. — Письмо сестре Варваре от 15 декабря 1836 г. 365
№ 172. — Письмо сестре Варваре от 16 декабря 1836 г. 367
№ 173. — Письмо сестрам от середины декабря 1836 г. 370
№ 174. — Письмо Александре Беер от 16 декабря 1836 г. 371
№ 175. — Письмо сестре Варваре от середины декабря 1836 г. 373
№ 176. — Письмо сестре Варваре от 22 декабря 1836 г. 374
№ 177. — Письмо сестрам Беер от 26 декабря 1836 г. 377
№ 178. — Письмо сестрам от 31 декабря 1836 г. 378
№ 179. — Письмо сестрам от 4 января 1837 г. 380

№ 180. — Письмо сестрам от января 1837 г. 382
№ 181. — Письмо сестрам от начала января 1837 г. 383
№ 182. — Письмо сестре Варваре от 10 января 1837 г. 385
№ 183. — Письмо сестрам от января 1837 г. 387
№ 184. — Письмо сестрам от первой половины января 1837 г. 389
№ 185. — Письмо сестрам от середины января 1837 г. 392
№ 186. — Письмо сестрам Любови и Варваре от 19 января 1837 г. . . 394
№ 187. — Письмо сестре Варваре от 23 января 1837 г. 396
№ 188. — Письмо сестрам и братьям от 4 февраля 1837 г. 398
№ 189. — Письмо родителям от 4 февраля 1837 г. 402
№ 190. — Письмо сестрам от 11 февраля 1837 г. 403
№ 191. — Письмо сестрам от 20 февраля 1837 г. 406
№ 192. — Письмо сестре Любови от 2 марта 1837 г. 409
№ 193. — Письмо родителям от 2 марта 1837 г. 412
№ 194. — Письмо сестрам от 15 марта 1837 г. 414
№ 195. — Письмо сестре Любови от середины марта 1837 г. 415
№ 196. — Письмо сестре Варваре от 18 марта 1837 г. 416
№ 197. — Письмо сестре Варваре от 26 марта 1837 г. 417
№ 198. — Письмо сестре Варваре от 27 марта 1837 г. 418
№ 199. — Письмо родителям от конца марта 1837 г. 420
№ 200. — Письмо сестрам Беер от весны 1837 г. 422
№ 201. — Письмо сестрам от 24 апреля 1837 г. 423
№ 202. — Письмо сестрам Беер от конца апреля 1837 г. 425
№ 203. — Письмо сестрам от конца апреля 1837 г. 427
№ 204. — Письмо сестрам от начала мая 1837 г. 428
№ 205. — Письмо сестрам от 6 мая 1837 г. 430
№ 206. — Письмо сестрам от 13 мая 1837 г. 431
№ 207. — Письмо брату Илье от 13 мая 1837 г. 434
№ 208. — Письмо сестрам (дата не определена) 435
Комментарий 439
Именной указатель 475

ОПЕЧАТКИ I ТОМА

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
10	10 св.	Неверову	Ефремову
74	13 сн.	Киндеева	Киндерева
478	8 св.	Гервель	Гервег
479	2 столбец 14 сн.	Григорьевна	Гавриловна

№ 180. — Письмо сестрам от января 1837 г. 382
№ 181. — Письмо сестрам от начала января 1837 г. 383
№ 182. — Письмо сестре Варваре от 10 января 1837 г. 385
№ 183. — Письмо сестрам от января 1837 г. 387
№ 184. — Письмо сестрам от первой половины января 1837 г. 389
№ 185. — Письмо сестрам от середины января 1837 г. 392
№ 186. — Письмо сестрам Любови и Варваре от 19 января 1837 г. . . . 394
№ 187. — Письмо сестре Варваре от 23 января 1837 г. 396
№ 188. — Письмо сестрам и братьям от 4 февраля 1837 г. 398
№ 189. — Письмо родителям от 4 февраля 1837 г. 402
№ 190. — Письмо сестрам от 11 февраля 1837 г. 403
№ 191. — Письмо сестрам от 20 февраля 1837 г. 406
№ 192. — Письмо сестре Любови от 2 марта 1837 г. 409
№ 193. — Письмо родителям от 2 марта 1837 г. 412